АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

شاهنامهٔ فردوسی

ФИРДОУСИ

ШАХНАМЕ

ТОМ ШЕСТОЙ

ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ ЙЕЗДГЕРДА, СЫНА БАХРАМА ГУРА, ДО КОНЦА КНИГИ

ПЕРЕВОД

Ц. Б. БАНУ-ЛАХУТИ и В. Г. БЕРЗНЕВА

МОСКВА
«НАУКА»
1989

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

В. Е. Багно, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, А. В. Лавров, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин, И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Н. БОЛДЫРЕВ

Ф $\frac{4603000000-086}{042(02)-89}$ без объявления

ISBN 5–02–012689–6

© Издательство «Наука», 1989 г.
Составление, перевод, статья, примечания

САСАНИДЫ

[ЦАРСТВОВАНИЕ ЙЕЗДГЕРДА, СЫНА БАХРАМА ГУРА, ДЛИЛОСЬ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ]

[77991] Йездгерд, воцарившись в державе своей *,
К себе призывает иранских вождей.
Мобедов, мужей родовитых призвал *
И радов, и всех именитых собрал.
Взошел на блистающий золотом трон —
Злодейству, страданиям путь прегражден.
Сказал: «Кто избавил себя от грехов *,—
Тот душу свою оградил от врагов.
В ком сердце от зависти черной болит *,
Див разве что этот недуг исцелит.
Ведь зависть приносит нам Алчность, Нужду *,
Всех див тот жестокий ввергает в беду.
Ничем, что немило тебе самому,
Не должен и ты досаждать никому.
Поверь, Миролюбие — Мудрости брат,
А Мудрость — всех знаний венец, говорят.
Побойся, коль доброе сделал кому,
Попреками сердце изранить ему.
Коль благотворишь, и терпенье с тобой,
Пребудет благих одобренье с тобой.
Коль судьбы победные счастье пошлют,
Мне в этой стране полновластье пошлют,
Останется книга о правде моей *,
Изъяна и кривды не узрите в ней».
Шло время. Он праведно, мудро царил,
Подвластного радуя, радостен был.
Ко всем рубежам рассылал он бойцов *,
Державу свою охранял от врагов.
Так десять и восемь годов протекло,
Померкла звезда, время плача пришло *.
Великие, мудрые созваны им —
Вся знать на коленях пред троном златым.

Так молвил: «Не знает различья сей свод —
Пестун иль питомец пред ним предстает.
И царский венец не спасет никого,
Добычу приметит, добыча — его.
И я на последнем стою рубеже,
Последние силы уходят уже,
Хормозу вручаю кулах и печать *,
Иранской державы богатства и рать.
Внемлите ж и мой исполняйте приказ,
Да радует повиновение вас!
Пируз и могучий, и доблестный муж,
И старше Хормоза годами к тому ж,
Но вижу терпение в муже младом,
Есть мудрость, достоинство царское в нем».
Так молвив, семь дней после этого жил,
Ушел, и оплакан престолом он был.
До ста доживи, двадцати ли пяти,
Из бренной обители должно уйти.
Что может исчисленно быть, сочтено,
Поверь, ненадежно, непрочно оно.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ХОРМОЗА, СЫНА ЙЕЗДГЕРДА, ДЛИЛОСЬ ОДИН ГОД И ОДИН МЕСЯЦ]

[*Восшествие на престол Хормоза и лишение его престола Пирузом*]

Когда же Хормоз на отцовский престол
В венце золотом шаханшахском взошел,
Пируз не от скорби, от гнева скорей,
От зависти слезы пролил из очей.
С казной и дружиной внезапно в Хайтал *,
Вождей ему преданных взяв, ускакал.
Был царь Фаганиш чаганийцев глава *,
Казну его, мощь прославляла молва.
Сказал Фаганишу: «О друг, у отца
Нас было два сына, достойных венца.
Царь младшему сыну престол свой вручил,
Забыв справедливость; вручив, опочил.
Бойцов только дай мне. Оружья, казны
В достатке, и крепкие руки даны».
Сказал чаганиец: «Что ж, быть по сему.
Царь вправду и ты по отцу своему.
Бойцов при условьи одном отряжу,—
Тебе справедливости путь укажу,—
Да станут моими Термез, Висегерд *,

На них даже грамоту дал мне Йездгерд *».
Ответил: «Согласен, твое это впредь,
Ты царством и большим достоин владеть».
И тот тридцать тысяч воителей дал
Из тех, что мечом прославляли Хайтал.
Дружину такую повел Пируз-шах —
За пылью сокрылась луна в небесах *.
Схватился с Хормозом. Затратить пришлось
Усилий немного владыке. Хормоз
Был вскоре захвачен — и битве конец.
Что ныне ему и престол и венец!
Лик брата как только увидел Пируз *,
Припомнил он родственный добрый союз.
Вперед поспешил, брата за руку взял,
Воссесть на седло скакуна приказал.
В чертог родовой вслед за тем водворил
И волю Хормозу свою объявил.
И слышит он: «Благодаренье Творцу —
Нет речи разумней хваленья Творцу —
За то, что владыкой стал брат мой. Всегда
Пируза да будет победной звезда *!»

[ЦАРСТВОВАНИЕ ПИРУЗА, СЫНА ЙЕЗДГЕРДА, ДЛИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ] *

[*Восшествие Пируза на престол и засуха в Иране*]

Довольный смиреньем Хормоза, Пируз
Отбросил тревоги, сомнения груз
И без промедленья на царский престол *
Владыкою, чтущим Йездана, взошел.
Сказал, обращаясь к собранью вождей:
«О цвет родовитых достойных мужей!
Творца, что не ведает нужд искони,
Молю, да продлит на земле мои дни,
Чтоб малых как малых и знатных как знать
Хранить мне разумно и счастье стяжать.
Достоинствам мужа терпенье — глава,
А вздорного строго осудит молва.
Столп мудрости — милость; щедроты при ней —
Подобье дивящих красою дверей.
Речь добрая фарром служить бы могла *,
А честь и отвага — два мощных крыла.
Коль мудрости вождь именитый лишен,
Пожнет ли плоды от владычества он?

Не вечен и мудрый, покинет он свет.
Ведь фарру Джамшида подобного нет *,
Но умер, вознесши венец до Луны,
Другого оставил владыкой страны.
Бессмертья никто из людей не обрел,
Ищи у Йездана спасенья от зол!»
Год мудро и праведно царствовал он,
От бед и опасностей всех огражден.
Год новый приходит — шлет засуху рок,
Что мускус, ценился любой ручеек *.
Год третий, четвертый — нет края беде,
Безводьем погашена радость везде.
Небес и земли пересохли уста,
А капля водицы — бальзаму чета.
Во множестве гибнут и люди, и скот,
Уж места нога, чтоб ступить, не найдет.
Невиданным бедствием царь удручен,
В стране отменяет все подати он *.
Хранилища тайные всюду открыл,
И знать и незнатных зерном оделил.
Велит у дворцовых ворот возглашать:
«Внемлите, могуществом славная знать!
Своим поделитесь зерном со страной,
Пирузовой обогатитесь казной.
Пусть каждый, хранящий в запасе зерно,
Отарой владеющий, стадом равно,
За цену любую продать поспешит,
Душа ведь живая без пищи скорбит».
Гонцов по державе своей разослал,
Вождям и сановникам всем написал *:
Хранилищ, мол, двери откройте везде
Для всех, кто без хлеба, для всех, кто в нужде.
А если кто голодом будет сражен
Из старых иль малых, мужей или жен,
Владельца хранилищ не минет мой меч —
Он волей Йездана посмел пренебречь...
Велел из домов устремиться в поля,
Там руки воздеть, о спасенье моля.
И вот отовсюду стекается люд,
Стенанья, моленья до неба встают.
В долинах, степях и средь горных высот
Йездана о милости молит народ.
Семь лет миновало — зеленой листвой
Ни знатный не тешит очей, ни простой.
Но вот на восьмой, в Фарвардин *, наконец,
Послал благодатную тучу Творец.
И жемчуг пролился на жаждущий прах,

И мускусом сладко запахло в садах.
Роз чаши наполнились влагой благой,
И радуга в небе одна за другой.
Земля отдохнула от вражьего зла *,
От лука, чья вечно готова стрела.

[*Битва Пируза с туранцами*]

Пируз, от невзгоды избавившись той,
Покоен, воссел на престол золотой.
Он город построил и новым стенам *
Название дать повелел: Пируз-Рам.
Царь молвит: «Сказал бы я, стольный здесь Рей —
Пристанище благословенных царей»!
Град Бадан-Пируз — так второй нарекли,
Его для веселья и нег возвели.
Теперь Ардабиль величают его,
Кейсеры * не зря отличают его.
Довольство Пируз тем местам даровал,
И радость разумным мужам даровал.
Дирхемы * он щедро бойцам раздает,
Задумав начать против тюрков поход.
Хормоз-предводитель ряды храбрецов
Ведет — небывалой отваги бойцов.
Вослед Пируз-шаху помчится Кобад,
За коим воители вихрем летят,
Пируза разумный и доблестный сын,
В ком ветвь плодоносную зрел властелин.
Балаш на престоле пребудет — другой
Властителя сын, справедливый, благой.
Был перс именитый, достоинств являл
Немало, владыка Суфрай * его звал.
Царь молвил Суфраю: «Ты должен служить
Балашу, советником преданным быть».
Дружины построив, на тюрков пошел,
Венец властелинов повез и престол,
Оружья запас, снаряженье, казну
Везет — с Хушнавазом идет на войну *.
Бахрам при великом правленье своем *
Рубеж обозначил высоким столбом.
Оставил и грамоту царскую он:
Иранцам и тюркам, мол, с этих времен
Запретно границу сию преступать
И реку заказано переплывать.
Пируз, повергающий львов, доскакав
До этого знака владыки держав,
Сказал именитым своим храбрецам:
«Пред тюрками равную башню и сам

Мечом и казной в высоту подниму,
Хайтал чтобы впредь не грозил никому.
Коль знак у Барака увидев *, их знать
Мне царский указ поспешит показать,
Скажу: «Бахрам-Гур эту башню воздвиг,
Недаром был доблестен, мудр и велик...
В Хайтале, в Туране — везде без следа
С земли Хушнаваза сотру навсегда»!

[*Послание Хушнаваза Пирузу*]

Дошло до властителя Чинской земли *,
Что воины шаха Джейхун перешли,
Нарушив Бахрама былой договор.
Предвидя войны неизбежный разор,
Дабира * призвать повелел Хушнаваз:
Посланье составить, мол, должно от нас.
В начале посланья просил благодать
Творца на владыку земли ниспослать.
Писал: «Преступившего клятву владык
Я царским потомком считать не привык.
У славных и праведных предков твоих
Обычаев не было, знаю, таких.
Коль ты, договор благородных поправ,
Разрушишь тот знак властелина держав,
И я поневоле нарушу его
И меч занесу на врага моего».
В посланье о многом еще говорил
И щедро владыку дарами почтил.
Из знатных премудрого мужа послом
Немедля в дорогу отправил с письмом.
Лишь только посланье Пируз прочитал,
Он яростью против врага воспылал.
Посланнику так повелел: «Поднимись,
Пред тем недостойным немедля явись.
Скажи: до Барака великий Бахрам
Оставил владенья иранским царям.
Теперь — до Джейхуна просторы твои?
И степь, и долины, и горы твои?!
Я выведу ныне дружину свою,
Отважных мужей, закаленных в бою.
Исчезнет и след Хушнаваза тогда,
И тень его сгинет с земли навсегда!»
Посланец как вихрь ускакал. Хушнаваз,
Посланье услышав, услышав рассказ,
Для битвы коней повелел оседлать.
Собрав отовсюду немалую рать,
На поле сраженья приводит ее,

А свиток указа воздел на копье.
Тот свиток, хранимый с минувших времен,
Был деду его Бахрам-шахом вручен.
«Джейхун — так писал венценосный Бахрам —
Да служит отныне посредником нам».
Из войска достойного мужа призвал,
Что дар красноречья и мудрость являл,
Так молвил посланцу: «К Пирузу скачи,
Речь тонко веди и ответ получи.
Скажи: договор, что оставил твой дед,
Муж славной судьбы, путеводный твой свет,
Увидит на острой вершине копья
Горящим как солнце дружина твоя.
Пусть каждому, в ком справедливость жива,
Предстанут владыки благого слова.
Меня все восхвалят, тебя — проклянут,
Царем нечестивым тебя назовут.
Ни сам Вседержитель, ни чтущий Его,
Ни подданный твой не одобрит сего.
Подобно злодею заслужит укор
Нарушивший славных царей договор.
А кто на земле из венчанных владык,
Как славный Бахрам, справедлив и велик!
Йездан — мой свидетель, тебе ж не под стать
Йездана себе во свидетели звать,
Затем, что к недолжной стремишься войне,
Неправо грозишь нападением мне.
Победы плодов от сраженья не жди,
От неба ты благоволенья не жди!
С последним гонцом я взываю к тебе.
Йездан — мой защитник, опора в борьбе!»
Стремительней вихря посол прискакал,
Пред шахом Пирузом с той речью предстал.
Когда Хушнаваза посланье прочел,
Владыка прославленный в ярость пришел.
Посланцу сказал: «Столько тратит ли слов
Муж зрелый, проживший немало годов!
Ступи лишь от Чача к реке — и мое
Приветствие встретишь — копья острие!»
Вернулся к вождю Хушнавазу посол
И долго беседу с ним тайную вел.
«В Пирузе,— сказал,—страха божия нет,
Не хочет услышать он добрый совет *.
Йездана заветы отринул, войной
Все бредит, влекомый враждою одной».
Услышав такие слова, Хушнаваз
Воззвал, до земли пред Йезданом склонясь.

«О праведный, о всеблагой Судия!
И ветер — творенье твое, и земля.
Пируз — сам ты ведаешь — движим лишь злом,
Ему ли сравниться с Бахрамом-царем!
Недобрые только слова говорит,
Булатом достигнуть величия мнит.
Смети его с лика земли, сокруши,
Отваги и знанья, и силы лиши!»
Ров длинный пред войском прорыть повелел
И сверху искусно прикрыть повелел.
Не меньше аркана его глубина
И двадцать, не меньше, локтей — ширина.
С мольбой призывает владыку миров,
От стен Самарканда* уводит бойцов.

[*Гибель Пируза во рву*] *

Все ближе дружина к сокрытому рву,
Страх тайный терзает дружины главу.
Навстречу Пируз безрассудный, как вихрь,
Примчался, бойцов возглавляя своих.
Литавры, кимвалы гремят с двух сторон
И воздух от пыли в эбен* обращен.
Вот стрелы с одной стороны и с другой
Посыпались, кровь заструилась рекой.
Пируз к Хушнавазу помчался, и вспять
Пустился ведущий туранскую рать.
Коня повернул, спину кажет, и прочь
Несется, и следом бойцы. Во всю мочь
Пируз поскакал с малой горсткой мужей
Вдогон, скакуна его бег все быстрей.
В ров рухнул с вождями иранскими шах.
Являвшие львиную доблесть в боях,
Все царского рода: властителя брат,
Хормоз благородный и славный Кобад;
Всех доблестных, златовенечных число
Немалое: семеро там полегло.
Тогда, торжествуя душой, Хушнаваз
Ко рву прискакал и наружу тотчас
Всех, жизнь уберегших, извлечь повелел.
Престолом оплакан злосчастный удел
Пируза-царя, венценосцев других —
Раздроблены кости и головы их.
Дано лишь Кобаду конца избежать.
По ветру развеяны царство и рать!
Вперед Хушнаваз, осчастливлен судьбой,
Несется, дружину ведя за собой.
Дал войско с обозом разграбить до тла,

Нет правого, левого нет уж крыла!
Иранцев немало в полон увели,
И многие в битве от стрел полегли.
Царить недостоин жестокий и злой,
Дух злобный ведь низостью равен с землей.
Всем сферы неверные жребий один
Готовят — будь подданный, будь властелин.
Взлелеют и сами погубят потом,
Будь разумом беден, будь знанья столпом.
Не вечен никто на земле, для пути
Одну только правду стремись припасти...
Когда Хушнаваз перешел через ров —
Порадовал щедрой добычей бойцов.
В железо был тут же закован Кобад,
На трон его царский и род не глядят.
Известья до войска Иранской земли
О гибели шаха Пируза дошли.
И вопль по державе разносится всей,
Стенают об участи славных царей.
Услышав о смерти безвременной той,
Балаш покидает престол золотой,
Прах сыплет на трон и пеняет судьбе,
И волосы царские рвет на себе.
Бойцов, горожан несмолкающий стон,
И отроков плач, и рыдания жен.
Все лица терзают и волосы рвут,
Все ищут владыку, владыку зовут.
В Иране и знатный и простолюдин
В печали. У каждого помысл один:
Какой ныне путь для Ирана избрать,
Коль с поля сраженья к нам ринется рать?

[ЦАРСТВОВАНИЕ БАЛАША,
СЫНА ПИРУЗА, ДЛИЛОСЬ
ПЯТЬ ЛЕТ, ОДИН МЕСЯЦ И ШЕСТЬ ДНЕЙ] *

[*Наставление Балаша иранцам*]

Уж месяц Балаш, изнывая, скорбя*,
Прах сыплет на голову, ранит себя.
Вот входит мобедов глава, мудрецы
Вослед, именитые также бойцы.
Немало твердят утешительных слов,
Полезных ему, наставительных слов.
Затем на державный престол возведен,
Осыпан алмазами, золотом он.
«Мужи благородные! — Начал со слов
Таких.—Доверяйте сердцам мудрецов!

Почетом, величием вас наделю,
Когда омраченный мой дух исцелю *.
Кто в мире добро помышляет творить,
Все нашу лишь волю стремитесь вершить.
А тех, кто чуждается мыслей благих,
Равняться дерзает с владыкой — таких
Сперва наставленьями обогатим,
Отринут — кровавым венцом наградим.
Коль подданный жалобу нам принесет
Хотя б на единого из воевод,
Обидчику тяжкий удар нанесем,
С земли его род и потомство сотрем.
Коль праведен в помыслах ты и делах,
Не будь с повелителем дерзок в речах,
То противоядье, то грозный он яд,
Ты в яде бальзам отыскал бы навряд.
Как шаха порадовать — думай о том,
С веселым пред ним появляйся лицом.
Прогневаешь чем — о прощенье моли,
Владыку — он прав ли, неправ ли — хвали.
Лишь скажешь ты: разумом я одарен
И всяческим знанием, мол, умудрен —
Невеждой окажешься истинным, знай,
Гордыне себя обмануть не давай.
Когда соблюдете заветы мои,
Несущие благо советы мои,
Дождетесь награды от мудрых владык.
От знанья ущерб никого не постиг!»
Царя именитые славят в ответ,
Дивит их той царственной мудрости свет.
Властителя вверив заботе Творца,
Покинули радостно сени дворца.
В сердцах восхищенье, хвала на устах.
Вовек да пребудет такой падишах!

[*Суфрай пишет послание Хушнавазу*]

Пируз венценосный, в поход уходя,
Искал умудренного жизнью вождя,
Кто зорко хранил бы венец и престол,
Чтоб юный Балаш в нем опору обрел.
Был признан достойным той чести большой
Суфрай добродетельный, чистый душой.
Рожденный в Ширазе, душой сипехбед *,
Муж славный, дививший отвагою свет,
Марзбан, в чьем владенье Кабула земля,
И Бост, и Газна, и Забула земля.
Узнав, что Пируз, безрассудный тот муж,

Наставников мудрых лишенный к тому ж *,
Убит, удрученный Суфрай зарыдал,
Одежды вождя на себе изодрал.
С ним витязи, сбросив кулахи, сидят,
Уж месяц в печали о шахе сидят.
Вождь мыслит: «Столь молод погибшего сын —
Ужели им будет отмщен властелин?»
Поняв, что надежды на мщение нет,
Что меркнет венца благодатного свет,
Дружину он скликнул, ударил в кимвал,
И прах над степною равниною встал.
Сто тысяч к нему собралось удальцов,
Воинственных, жаждущих мести бойцов.
Дал шедро дирхемы дружине своей,
Порадовал рвущихся в битву мужей.
Избрал он посланца, что красноречив
И светел душой, и умом прозорлив.
Послание скорбное пишет потом
В кровавых слезах, с пожелтевшим лицом.
Немало в письме назидательных слов,
Помянут Джамшид, Кей-Кобад, Кей-Хосров *.
Так пишет владыке Балашу: «О шах!
Не будь из-за смерти у горя в тисках!
Не всем ли вкусить эту боль суждено.
В терпенье, о славный, спасенье одно.
Приносит нас вихрь и опять унесет.
Кто смерть справедливой, кто злобной зовет...
Когда изволенье властителя есть,
Я ныне подвигнусь на битву и месть.
И солнце с небес вопиет, и луна:
Да будет Пирузова кровь отмщена!»
Едва очутился гонец на коне,
Вождь гневный к другой поспешил стороне;
Со строем, что ярче фазана сверкнул,
Направился к Мерву *, покинув Забул.
Посланца избрал, что разумно вел речь,
Умел хладнокровье при этом сберечь.
Дабира призвав, говорит: «Для пера
Дня судного ныне настала пора.
Письмо Хушнавазу ты так начинай:
Лис мерзостный, дива исчадие *, знай:
Творца прогневил ты великим грехом,
Заплачет рубаха о теле твоем.
Кто больше тебя вероломство являл!
Но бойся! Возмездия меч заблистал.
Владыка, Бахрама венчанного внук
Безвинно погиб не от этих ли рук?

Успел ты вражду на земле распалить
Такую, что пламень ее не залить.
Почто, как покорный, смирившийся пес,
Ты к шаху, заслышав кимвал, не приполз?
Бахрам был владыкой отца твоего
И дед твой жил милостью рода сего.
Я ныне для мщения в Мерв прискакал,
Отныне величье утратит Хайтал *.
И пленных, и все, что добычей своей
Ты мнишь в ослепленье, о гнусный злодей,
Мечом отвоюю, свой дух веселя *.
Вся в Мерве Туранская будет земля!
Отныне на свете ни чадам твоим
Не жить, ни питомцам, ни кровным родным.
Я голову волей Йездана твою
Снесу, вашу землю я кровью залью.
Не я нападаю, короче сказать,—
Пирузову кровь с Хушнаваза взыскать
Иду я, принесши отмщенья обет.
Убитого дух ко Творцу вопиет!»
Лишь только посланье окончил писец,
Стремительней тигра помчался гонец.
Вошел к Хушнавазу во гневе посол,
Поклоном земным не почтил он престол.
Вручил от Суфрая посланье тотчас,
И, витязей всех отослав, Хушнаваз
Писца призывает, велит: «Обо всем,
Что в этом письме,— о благом и худом
Мне втайне поведай». И слышит: «Оно
Стрел, палиц, булатных мечей лишь полно».
Все выслушав, был омрачен Хушнаваз
Посланьем суровым Суфрая. Тотчас
Он строки ответные пишет и в них
Слов сказано много — и добрых и злых.
Так начал: «Должны мы страшиться Творца,
Да в мире избегнем худого конца!
Кто чтить всеблагого Йездана привык,
Вовек не преступит обета владык.
Гонца посылал с увещаньями я,
С былым договором благого царя.
Но все он презрел назиданья мои,
Про старое напоминанья мои.
В бой рвался. Враждебную двинувши рать,
Нас вынудил в битве спасенья искать.
Пируза разгневанный рок покарал,
Я смерти царя твоего не желал.
Нарушил великих обет, оттого

Прервалась безвременно юность его.
Творил не Создателя волю — свою,—
И, скажешь, к земле был прикован в бою!
И всякий другой, кто дерзнет разорвать
Отцов договор, справедливость попрать,
Пирузовой, знай, не избегнет судьбы
Во прахе, во рву, средь кровавой борьбы.
Придешь — та же доля тебе суждена:
Ни рать не беднеет моя, ни казна!»
Неделю с посланием этим скакал,
И вот пред Суфраем посланец предстал.
Воитель письмо, что прислал Хушнаваз,
Прочел, и хула с языка сорвалась.
На площади трубный призыв прозвучал,
Взгремел оглушающий медный кимвал.
Такую он рать к Кашмихану * привел —
Диск солнца дороги своей не нашел.
Вот реку стремительно пересекли,
Дорогу родным своим домом сочли.

[*Битва Суфрая с Хушнавазом*]

Известье о том Хушнаваз услыхал,
В степь вышел и к битве готовиться стал.
Рать вывел в Пайканде * на поле войны —
И небу просторы степей не видны.
Навстречу Суфрай, жаждой мщенья палим,
Как вихрь, перед войском помчался своим.
Вождем еще с ночи расставлен заслон —
То был не один, свежий силами, слон.
Дозорные мчатся с обеих сторон
И кликами ратников мир оглашен.
То окрики стражей, то колоколов
Призывы доносятся с разных концов.
Вот солнца клинком озаряется даль,
И степь обращается в белый хрусталь.
Два войска на поле сраженья сошлись,
И стяги над каждым из них вознеслись.
Равнину наполнила кликами рать —
Драконово сердце могли б разорвать.
Стал воздух, скажи, ястребиным крылом
От стрел оперенных, носившихся в нем,
Степь озером стала от крови мужей.
И многих воинственных богатырей
В той битве постиг злополучный удел.
Куда ни взгляни — груда высится тел.
Суфрай в наступленье дружину повел,
Стремительно войск середину повел.

К нему Хушнаваз с занесенным клинком
Навстречу. Вплотную столкнулся с врагом.
Но видит: час грозный, суровый настал,
Коня повернул и назад поскакал.
Стремительней вихря Суфрай вслед за ним
Несется с копьем смертоносным своим.
Беда удальцам — кто захвачен в полон,
Кто рухнул, мечом иль стрелою сражен.
Бойцов к Кохандежу * решившись вести,
Все мертвых и раненых видел в пути.
Домчался, глядит Хушнаваз с вышины —
Одни лишь полегшие взору видны.
Холмы и равнины — добыча все сплошь,
Украшенным садом ты степь назовешь.
Суфраю венцов с кушаками вождей*
Доспехов, оружья, бойцов и коней
Столь много доставили — не сосчитать!
Гора вознеслась там Альборзу* под стать.
Меж воинов все разделить повелел,
На вражьи богатства глядеть не хотел.
«Сегодня,— так витязям доблестный рек,—
Удачу послал нам в сражении рок.
Лишь с неба к нам солнца протянется длань,
Степь эту покинем, помчимся на брань.
Отмстить за владыку Ирана пойдем,
На крепость по-львиному вдруг нападем!»
Воители руки к груди поднесли,
И долго потом толки разные шли.
Когда ж ослепительный солнца венец
С небесных высот заблистал наконец,
Кимвал перед ставкою загрохотал,
Коня боевого Суфрай оседлал.
Гонец Хушнаваза предстал той порой
Пред гордым воителем, войска главой:
Мол, будет нам битвою принесено
Лишь горе да кровопролитье одно.
Разумные оба, младые мужи
В ад ввергнем бессмысленно обе души.
Свою разуменьем стезю озари,
Десницу Изедову* здесь усмотри.
Убит Пируз-шах не случайно — то рок
Ему уготовил погибели срок.
Обет преступил он, грех на душу взял,
Мед чистый на гибельный яд променял.
Свершилось, таков предрешенный удел.
Блажен, кто в злопамятстве не закоснел!..
И пленных, и всякое ваше добро —

Алмазы и золото, и серебро,
Коней, снаряженье, престолы, венцы,—
Все то, что на поле Пируз и бойцы
Оставили,— ныне салару* верну:
И войска богатства, и шаха казну.
С победой покинувши стан, воротись,
К властителю храбрых в Иран воротись.
На ваш нападать не подумаю край,
Лишь воли Бахрамовой не преступай.
Царь мир поделил справедливо: Иран —
Тебе во владенье, мне Чин и Туран...
Когда эти речи Суфрай услыхал,
Мужей именитых в шатер свой призвал
И молвил посланцу: «Для войска всего
Посланье вождя изложи своего».
И вестник все то, что сказал Хушнаваз
О явном и тайном, поведал тотчас*.
Суфрай вслед за тем вопрошает бойцов:
«Что скажете ныне? Совет ваш каков?»
Ответили витязи: «Воля твоя,
Ты лучший сему примиренью судья.
В Иране достойней тебя не найдем,
Ты стал нам главой и царем, и вождем».
Отважным ответ предводитель дает:
«Один только вижу разумный исход —
Сражения нового не начинать,
В Иран увести, не промедливши, рать.
В руках ведь у них Кей-Кобад*, юный сын
Пируза-царя, и не он лишь один:
С ним главный мобед Ардашир и вождей
Немало, и юных, и старых мужей.
Затянется коль с Хушнавазом война,
Бесплодные муки умножит она.
Воителей всех полоненных убьют,
Отважный Кобад с Ардаширом падут.
Могла бы мобедом душа пренебречь,
Когда бы не шла о Кобаде тут речь.
Но может над ним разразиться беда,
И смута в Иране начнется тогда.
До судного часа подобный позор
Всё будет мужей подвигать на раздор.
Дадим же посланцу незлобный ответ,
Даруем сердцам примирения свет!
Быть может, увидим Кобада опять,
Да царству вовек без него не бывать! —
И с ним Ардашира, главу мудрецов,
И старых и юных иранских бойцов».

Хваленье Суфраю мужи воздают:
Мол, вот человечный и праведный суд!
Посланца призвал предводитель потом
И ласковым с ним говорил языком:
«Да, все от Изеда постигшее нас!
Рок бедствия шлет, никого не спросясь.
Кобад, Ардашир, именитый мобед,
И прочие — знатных воителей цвет —
В оковах поныне томятся у вас,
С почетом их нам возвратите сейчас!
Сокровища те, что хранились в ларцах —
Здесь речь о динарах,* о царских венцах
И прочем добре — все верните вы нам,
Доставьте иранской дружины вождям.
Дорогу резне, грабежу преградим —
Не знаем нужды и Йездана мы чтим.
Дней десять спустя за Джейхун отойдем,
И войска мы более не приведем.
Слова мои слушая, запоминай,
Вождю своему все как есть передай».
Стремительней вихря помчался гонец
И пред Хушнавазом предстал наконец.
Что слышал — поведал, и тот взликовал,
И тут же с Кобада оковы он снял,
Затем с Ардашира-мобеда, с других,
И старых воителей, и молодых.
Сокровища все, что успела собрать
На поле войны победившая рать,
Владыки Пируза венец и престол
И то, что у витязей павших нашел,
Немедленно все погрузить приказал
И с мужем надежным Суфраю послал.

[*Возвращение Кобада в Иран*]

Воителей стан ликованьем объят —
Пред ними спасенный из плена Кобад
И главный мобед Ардашир меж других
Старейших мужей и мужей молодых.
Навстречу выходят мужи из шатров,
Хвалу воздают властелину миров
За то, что стране возвращен, невредим
Сын царский и прочие знатные с ним.
Снимаются с места шатры. На седло
Воссел победитель, на сердце светло.
С дружиной Джейхун пересек сипехбед,
С ним рядом Кобад и верховный мобед.
Известья в Иран донеслись обо всем

Содеянном доблестным славным вождем —
Как тот Хушнаваза в бою одолел,
Виновника черных злокозненных дел,
Как в яром сраженьи врага победил,
Кобада с цепями его разлучил,
Мобедов главу Ардашира, вождей
И всех полоненных иранских мужей;
Про то, что Джейхун переплыли челны,
Что степи и горы иранцев полны...
Воспрянул весь край, клики грянули там
Такие, что впору оглохнуть ушам.
Спешит отовсюду верховная знать,
Готовясь прибывших с почетом встречать.
Престол золотой у Балаша готов,
Кобаду воссесть и главе храбрецов.
Вот в город вступает Суфрай, и тотчас
Дружина высокая с места снялась.
Прибывших встречает торжественно шах,
И ратные следом мужи на конях.
Спасенный, с победой вернулся Кобад,
Балаш венценосный обнять его рад.
О дерзостных Чина, Хайтала делах
Услышав, схватился за голову шах.
Печалью, отмщения жаждой полны,
Вступают в чертог властелина страны.
Для пира столы повелел накрывать,
Вино подавать, музыкантов призвать.
За пиршество нехотя сели, оно
Пируза утратою омрачено.
Суфраю хваленья певец воздает,
При звуках бербета * о славе поет,
О битве с Тураном. Лицом просиял
Там каждый, все взоры Суфрай привлекал.
Ему весь Иран почитателем стал,
И всем, кто отмстить Хушнавазу желал,
По сердцу Суфрай, предводитель благой,
Избавил он всех от тревоги былой!
Четыре так года минуло. Ему
Нет равных, пройди хоть по краю всему.
Свершается все, что желает Суфрай,
Ему одному подчиняется край.
Увидев себя полновластным вождем,
Престол разлучил он с Балашем-царем *,
Промолвив: «Не царствуешь вовсе, от злых
В стране отличить не умеешь благих,
Как будто себе на забаву царишь,
Откинув заботы; неправо царишь!

Кобад в управленье сильнее. Под стать
Державу ему, не тебе возглавлять».
Словами «Прочь выйди!» ответить не смог
Балаш молодой; в свой уходит чертог,
Промолвив: «Престола желаннее нет
Чем сей, не навлекший проклятий и бед».

[ЦАРСТВОВАНИЕ КОБАДА, СЫНА ПИРУЗА, ДЛИЛОСЬ СОРОК ЛЕТ] *

[*Восшествие Кобада на престол и его наставление знати*]

В венце властелинов великих взошел
Кобад благородный на царский престол.
Идет к Тайсафуну, оставив Истахр *,
Град, коему всюду хвала на устах.
С престола * промолвил он: «Вы ничего
Таить не должны от царя своего.
В ночь темную, в светлый ли утренний час
Входите, ворота открыты для вас.
Тот славен, кто ложь презирает, всегда
Для правды одной отверзает уста.
Того, кто смиряет гнев яростный свой,
Мудрец назовет справедливых главой.
Довольство при нем воцарится. Почет
У знатных владыка такой обретет.
Коль сердце твое не палимо враждой,
Возлюбит и знатный тебя и простой.
Коль речь венценосца неправды полна,
Сама разжигает в нем ярость она.
Суть речи услышанной прежде усвой,
Тогда справедлив и ответ будет твой.
Коль алчность в исполненном знанья живет,
Навряд ему знанье плоды принесет.
Коль знающий вспыльчив, что знанье тогда!
Текущая солончаками вода!
Старайся воителя сердце привлечь,
Смиреньем смягчить обличения речь.
Когда богача скуповата рука,
Стократ недостойнее он бедняка.
А будучи бедным невеждой, искать
Над всеми главенства — безумству под стать.
Кому разуменье пороков своих
Дано — осуждать не помыслит других.
Терпение — мудрости верный оплот,
Горячность мученья одни принесет.
Довольный ниспосланной Богом судьбой

Богат и покоен, и светел душой.
Беда, коль заботам все дни отданы!
Неалчное сердце дороже казны.
Кто щедрость в последний свой путь припасет —
Угаснет, но имя его не умрет.
Одни лишь благие творите дела,
В сем мире неверном бегите от зла!»
Мужи славословят царя своего,
Несут изумруды к престолу его.
Но мало от власти вкушал он плодов,
Был молод — шестнадцати только годов.
Страной управлял неизменно Суфрай,
Не шаху Кобаду подвластен был край,
Дела за него пахлаван * совершал,
Близ шаха воссесть никому не давал.
Без голоса шах, и мобедов лишен,
Суфрая веленьями край полонен.

[*О том, как Суфрая оклеветали иранцы перед Кобадом*]

Уж год двадцать первый владыке идет,
Тюльпаном вино в этой чаше цветет.
Предстал пред лицом венценосца Суфрай:
Дозволь, мол, в родной воротиться мне край!
Дружину как должно построив, тотчас
Ударил в кимвал и помчался в Шираз.
Довольный, в свой город вступил сипехбед,
Питомец удачи, любимец побед.
Весь Парс ему служит, покорность несет,
Венца только царского недостает.
Он мыслит: «Не сам ли царя на престол
Я, чествуя, благословляя, возвел?
К царю коль завистник с наветом придет —
Презренье, изгнанье в ответ обретет».
Брал подать Суфрай у князей и вождей,
У многих богатых и славных мужей.
И вот уже весть до Кобада дошла
Про те, что в Ширазе творятся, дела.
О нем же твердили: «Владыкой страны
Зовется, но войска лишен и казны.
Ни власти, ни права решать, властелин
Над всею державой Суфрай лишь один!»
И те, с кем делил свои помыслы шах,
Ему доносили об этих речах:
Почто называть, мол, своим ты привык
Лишь званье царя, о владыка владык!
Казна его много богаче твоей,

Не время ль покончить с угрозою сей.
Все в Парсе любовь даровали ему,
Знатнейшие слугами стали ему...
Кобад омрачился от сказанных слов,
Не вспомнил его неустанных трудов.
Сказал: «Коли войско мы двинем, тотчас
Он дерзко войною пойдет против нас.
Богатый казной, не жалея щедрот,
Немало доставит он мук и невзгод.
Твердят о делах знаменитых его,
Не ведают замыслов скрытых его.
В Иране во всем не сыщу никого,
Кто с войском бы выступил против него».
Ответил советник: «Не думай о сем,
Не станет он благословенным царем.
И вождь у тебя, и воители с ним
Такие, что схватятся с небом самим.
Из Рея Шапур коли в битву пойдет,
Злодея Суфрая на смерть обречет».
Царь, выслушав это, окреп, осмелел,
Порок возлюбил, добродетель презрел.
Бывалого выбрал посла Кей-Кобад,
Велел полететь, словно вихрь ему брат,
Иль будто он сокол, почуявший дичь,
Чертога Шапурова в Рее достичь
С наказом Шапуру — коня оседлать,
Немедля пред царским престолом предстать.
Помчался посол, взяв второго коня,
По воле царя пуще вихря гоня.
Навстречу к нему саларбар * уж идет,
Приветствуя. Отдал посланье, и тот
Вручил его тотчас Шапуру. Вошел
Потом с саларбаром высокий посол.
Когда Кей-Кобада письмо прочитал,
Потомок Мехрака Шапур просиял
Затем, что Суфраю один был во всем *
Иране и явным, и тайным врагом.
Лишь выслушал все, что поведал посол,
Подвластных созвал, к Тайсафуну повел.
С дружиною прибыл, и тотчас ему
Дорога открыта к царю самому.
Кобад оказал ему ласку и честь,
И рядом с престолом дозволил воссесть...
Сказал он: «Венцом не владею. Молву
Услышишь худую — ничтожным слыву.
Я только зовусь шаханшахом, но знай —
Величья плоды пожинает Суфрай.

Неправое ль, правое ль дело в стране
Содеет — в ответе быть, ведаю, мне.
Чем править злодею Суфраю страной,
Уж лучше бы правил здесь брат мой родной!»
Шапур отвечает: «О мой властелин,
Избавь свое сердце от этих кручин,
Послание грозное шли. Твой оплот —
И царственный сан, и владетельный род.
Пиши: мол, венец шаханшахов одну
Мне муку принес да пустую казну.
Дань платят тебе, мне ответчиком быть,
Зря царское званье устал я носить.
Теперь пахлавана послал в твой удел,
Стенать мне доколе от злых твоих дел!..
Коль будет такое посланье со мной,
Притом меченосцев воинственный строй,
Речь гневную стану держать я и сам,
В ответ я моргнуть ему глазом не дам!»
Дабира владыка зовет своего
И рядом с Шапуром сажает его.
И слово Шапура опять раздалось,
И вихря быстрее перо понеслось.
Владыка печать на посланье кладет,
И войско Шапур уж готовит в поход.
Прославленных силой своей храбрецов
Избрал из служивших Кобаду бойцов.
В ряды именитых построив, тотчас
Уводит их из Тайсафуна в Шираз.
Лишь слух до Суфрая об этом дошел,
Дружину построив, навстречу повел.
Несется пред строем рядов боевых,
Одетых в кольчуги мужей верховых.
И вот уже съехались двое вождей,
И, встретясь, покинули оба коней.
Вступили в чертог и воссели вдвоем,
Беседа пошла о благом и худом.
Речь слышится резкая. Гневен и хмур,
Посланье Суфраю вручает Шапур.
Поник именитый, посланье прочтя,
Стеснилось от горечи сердце вождя.
Тут слово к цареву посланью тому
Шапур добавляет: «Таить ни к чему:
Владыка тебя повелел заковать.
Он все твои вины, собрав свою рать,
Поведал, о том и в посланье сказав.
Сам знаешь крутой повелителя нрав».
На то предводитель ответил, стеня:

«Но знает владыка владык и меня,—
Каких за него натерпелся я зол,
Когда из Забула дружину повел *.
С владыки отвага моя сорвала
Оковы, его сохранила от зла.
Почет и доверие после сего
Снискал я у шаха, у войска его.
Коль цепи — мое воздаянье теперь,—
Зр[illegible] войско ты вел за собою. Поверь,
Противиться, мешкать не стану. Готов *
Смириться, не стыдно мне царских оков.
Пред ликом Йездана и царских дружин
Я чист. Видел кровь мою бой не один.
Как шаху в оковах томиться пришлось,
Я крепкую клятву Йездану принес —
С мечом разлучаться руке не давать,
Лик солнца в сражениях мглой закрывать
Доколе иль сам не сложу головы,
Иль меч не сразит Хушнаваза. Увы,
Награда мне — цепи. Достоин я их,
Достоин речей унизительных сих!
Веления царского не преступай,
Оковы — мужей украшение, знай!»
Он смолк, и Шапур ему ноги связал,
Трубить повелел и коня оседлал.
К Кобаду из Парса доставил потом.
С Суфраем не стал говорить о былом
Владыка. В темницу велит заключить,
С безумцами вместе велит заточить.
А то, что в Ширазе трудом накопил,
И то, что посеял и сжал, и скосил,
Все царь для Тисфуна собрать повелел,
Царевой казне передать повелел.
Минула неделя. Явился мобед
К царю. О Суфрае держали совет.
И вот что наставник владыке сказал:
«Ему весь Тисфун почитателем стал —
Дихкан * и воитель, чей славится род,
Вельможа и весь нам подвластный народ.
В Иране коль будет он жив, невредим —
Прощайся заране с престолом своим.
Царева противника должно сразить,
Звезды его свет навсегда погасить».
Мобеда речами владыка смущен,
Забыто минувшее, новым прельщен.
Он смерти Суфрая обречь повелел,
На дом его горе навлечь повелел.

[*Иранцы заточают Кобада*
и возводят на престол
брата его Джамаспа]

Лишь скорбная весть до иранцев дошла
О смерти, что витязя дни пресекла,
Стон встал над землею Иранскою всей,
Все плачут — от жен и мужей до детей.
Злодейство, что втайне свершил шаханшах,
Раскрылось. Проклятья у всех на устах,
И смутою поднята буря в стране,
И каждый доспехи готовит к войне.
И каждый твердит: «Коль повержен Суфрай *,
Не хочет престола Кобадова край!»
Люд ратный и люд городской — заодно;
Отринули имя Кобада. Оно
Всем стало постыло. Идут ко дворцу,
И помыслы все о возмездье лжецу.
Того, кто чернить перед шахом привык
Безвинных, чей горе накликал язык,
Убили и вынесли прочь, и тотчас
Разыскан был юный царевич Джамасп.
То младший — родной венценосного брат,
С любовью Джамаспа растил Кей-Кобад.
Владыкой Ирана его нарекли,
И, благословив, на престол возвели.
В железо Кобада спешат заковать *,
Не вспомнили род и царей благодать.
Суфраем оставлен был сын молодой,
Разумный и чистый, воспетый молвой.
Отцовской был радостью; звался Размехр
Сей кроткий, достоинств исполненный всех.
Был предан в оковах ему Кей-Кобад,
Столь злобный обидчик его, супостат,
Дабы отомстил сын возлюбленный сей
За гибель Суфрая владыке царей.
Но юноша богобоязненным был,
Вреда венценосному не причинил.
Кобаду-царю почитанье воздал,
Ему поминать злодеянье не стал.
Дивится владыка благому тому,
Высокой хвалой отвечает ему.
Винится пред ним: это недруг мой злой
Покрыл, мол, звезду и луну мою мглой.
Когда б от оков я спасенье обрел,
Любую беду от тебя бы отвел.
Тебе наносить не помыслю обид,

Твое лицезренье мой взор озарит...
Размехр отвечает: «О мой властелин,
Смятенное сердце избавь от кручин!
Недолжное коли содеял отец,
Сын горько оплакал отцовский конец.
Рабом твоим преданным быть я готов,
Тебе неустанно служить я готов.
Прикажешь — я клятвой обет подкреплю,
Веления верности не преступлю».

[*Кобад спасается бегством и находит убежище у хайталов*]

Решению великодушному рад,
Уверился в честном Размехре Кобад
И тайну открыл ему речью такой:
«Тебе я поведаю замысел свой.
Лишь пятеро знают о тайне моей
И больше никто не услышит о ней,
И втайне мы тех пятерых призовем,
Как только нужда обнаружится в том.
Избавь мои ноги от этих оков —
В задуманном, знай, не лишишься плодов».
И верный Размехр после слова сего
Снял тотчас тяжелые цепи с него *.
Покинули город порою ночной;
Спасаясь от недруга, ширью степной
Несутся, Хайтала достигнуть спеша.
От дум неспокойных изныла душа.
Стремительней вихря, без отдыха мчась,
Так семеро те прискакали в Ахваз *.
И вот очутились в селенье большом,
Жил муж родовитый в селении том.
Мужи у дихкана * приют обрели,
В дому отдохнуть от дороги смогли.
Дочь холил дихкан. Хороша, как луна,
Увенчана мускусом черным она *.
Искатель престола, красавицы лик
Увидев, лишается разума вмиг.
К Размехру идет, сердце в юном горит.
«Поведаю тайну тебе,— говорит,—
Ее ты немедля дихкану открой:
Пусть мне луноликая станет женой!»
Немедля к дихкану Размехр поспешил;
Коль деву доселе ты не обручил,
Такой для нее, мол, нашелся супруг,
Что станешь Ахваза главою ты вдруг...
Почтенный дихкан отвечает на то:

«Супругом прекрасной не избран никто.
Коль честен влюбленный, я волю твою
Исполню. Вручи ему деву сию».
Кобада порадовать мудрый спешит:
«Тебе луноликая принадлежит!
Ты сразу любовь ей свою подарил,
Такой, как увидел, ее полюбил».
Подобную нежной пери подозвал
Кобад-богатырь, на колени сажал.
Один при себе лишь он перстень имел *,
Чью цену назвать бы никто не сумел.
«Храни его! — деве наказ он дает,—
Спрошу о нем снова, как время придет».
Семь дней пребывал с луноликою той,
И далее путь продолжает он свой.
И вот пред владыкой хайталов предстал,
Ему о невзгодах своих рассказал,
О том, что иранцы содеяли с ним,
Каким обрекли его бедствиям злым.
И царь отвечает: «Виной Хушнаваз
Всему, что терпеть обречен ты сейчас.
Дам войско тебе, украшают его
Сильнейшие витязи, но для сего
Клянись, коли вновь обретешь ты страну,
Отдать мне Чагана венец и казну.
Ту землю мне дай и в Иране во всем
Владычествуй; верь, не раскаешься в том».
С улыбкой ответил владыке Кобад:
«Что в крае мне этом! Отдать его рад.
Захочешь — несметное войско в твой стан
Отправлю, ужель пожалею Чаган!»
Скреплен договор меж царями, и вот
Хайтал и оружье, и войско дает.
Мужей тридцать тысяч дает верховых,
Разящих мечами бойцов удалых.
Их царь из Хайтала ведет на Ахваз,
Об этом повсюду молва разнеслась.

[*Возвращение Кобада из Хайтала, рождение Кесры Нушинравана и восшествие Кобада на престол*]

Дихканова дома достигнул дверей
И множество видит пред домом людей.
Все радуют вестью Кобада: «Твой сын
Да благословится, о наш властелин!
В ночи у твоей народился жены
Младенец, обличьем — подобье луны».

И радостно переступает порог
Властитель. Он сына Кесрою * нарек.
К дихкану вопрос обращает потом:
«Поведай, почтенный, о роде своем».
«Герой Фаридун,— так ответствовал он *,—
Кем отнят у рода Зохакова трон,—
Мой предок. Ему и отец мой, и дед *
Хвалы возносили, и я им вослед».
И радостней царь от известья того,
Чем в день, как на царство венчали его.
К пути паланкин приготовить велит,
Владыки супруга в нем путь совершит.
Дружину повел, к Тайсафуну спеша,
Болит от страданий иранцев душа.
В Иране старейшие рады сошлись,
Прославленные мудрецы собрались.
Сказали: «Упорствовать стали бы зря *.
Противники наши — два грозных царя.
Воителей Рума и Чина пришлют
И крови немало в Иране прольют.
Нам должно к Кобаду идти на поклон,
Быть может, дарует прощение он.
Увидят Джамаспа — он столь еще мал!
Что росы, что жемчуг, еще не познал —
Удастся, быть может, избегнуть войны,
Резни, грабежа, разоренья страны».
К царю Кей-Кобаду явились они.
«Владыка великий! — взмолились они.—
Пусть люди, во власти сердечных обид,
Явив дерзновенье, отринули стыд —
Сегодня тебе свою волю творить.
Царь мира, ты властен над миром царить».
Все пешие, скорбью согбены, в пыли,
Припали к престолу владыки земли.
И милость владыка мужам даровал,
Не кровопролитье — прощенье избрал.
Помиловал также Джамаспа *, и знать
Хваленья царю принялась воздавать.
Воссел на престоле кеянском, ему
Джамасп как владыке служил своему.
Размехра он рядом с собой усадил,
Правленье державой ему поручил.
В Кобадовы дни возродилась страна,
Украсилась, обогатилась она.
Царевич Кесра между тем возрастал,
Могучим и доблестным отроком стал.
В учение мудрым был отдан потом

Сей отпрыск достойный, богатый умом.
Лад придал Ирана, Турана делам
Владыка, венец вознеся к небесам.
На Рум устремился с громадою войск *,
Рум длани его покорился, что воск *,
В пустырь победителем был обращен;
Два града к Кобаду пришли на поклон *:
Один Хандия, а другой Фаригин.
Им Зенд возвестил, веру дал властелин *.
И храмы Огня возводил он везде,
Там праздновать стали Новруз и Саде.
Град стольный кеянский воздвиг — Мадаин,
Дал купле-продаже расцвесть властелин.
Он град меж Ахвазом и Парсом возвел *,
Дома, где пристанище хворых, возвел.
Араном назвал этот город, Хульван
Зовут его ныне средь аравитян.
Каналы прорыли повсюду; земля
Почила в покое, сердца веселя.

[*Кобад принимает учение Маздака*]

Муж некий — Маздак было имя ему *—
Блистательный по красноречью, уму,
Явился. Был знанием всяким богат,
Внимал его слову отважный Кобад.
Дастуром нарек при особе своей *,
Он также хранитель казны, казначей.
Нагрянула засуха тою порой,
От голода знатный страдал и простой.
Ни облачка в небе. Ирану давно
Ни снега, ни вешних дождей не дано.
Мужи * у дверей Кей-Кобада, в беде,
О хлебе взывают , твердят о воде.
Тут слово Маздака услышал народ:
«Ваш царь к избавлению вас поведет».
И сам вслед за тем к властелину спешит:
«О царь добродетельный! — так говорит *,—
Вопрос обращу я, что в мыслях ношу,
Мне словом хоть кратким ответить прошу».
Кобад благосклонно ответствует: «Что ж,
Спроси, мою славу словами умножь».
И слышит: «Коль некто укушен змеей,
Да так, что прощается тело с душой,
Другому же противоядье дано,
А тело страдальца его лишено,
Как должен бы кару понесть по делам
Скопивший на двадцать дирхемов бальзам?» *

И царь отвечает: убийца, мол, тот,
Кто, зельем владея, больным не дает!
За кровь эту будет казнен, коль истец
На суд приведет его в царский дворец...
Речь выслушав эту, покинул царя,
К дверям возвращается, так говоря
Просящим спасения: «К шаху взывал,
Вопросы по-разному я задавал.
Еще потерпите. Лишь утренний час
Настанет, путь правды открою для вас».
И с мукой в груди, изнывая душой,
Мужи разошлись, чтоб вернуться с зарей.
Как только Маздак их завидел вдали,
Бегом устремился к владыке земли,
Сказал: «О венчанный, любимец побед,
В ком доблесть и сила, и мудрости свет!
Спросил я, ответ твои дали уста,
Ответом открыли мне знанья врата.
Дозволь, о ведущий стезею благой,
Мне слово промолвить еще пред тобой».
«Реки,— отвечает,— и уст не смыкай,
Мне речью полезною слух услаждай!»
Сказал: «О преславный владыка царей!
Когда б отягченного грузом цепей
Тюремщик безжалостный хлеба лишил,
И тот бы от голода дух испустил,—
Какой покарал бы ты карой того,
Кто, хлебом владея, но пряча его,
Замучил несчастного, если к тому ж
То был умудренный и праведный муж?»
Ответил: «Казнил бы. Кровь мужа на нем,
Хоть мужа он смерти не предал мечом».
Маздак, это выслушав, низко склонясь,
К мужам дожидавшимся вышел тотчас.
Промолвил: «К хранилищам тайным зерна
Спешите! Всем будет в нем доля дана.
Зерном запаситесь, а коль захотят
Взять цену, платите, притом десять крат».
Все в граде запасы разгрому обрек,
Чтоб долю в них каждый заимствовать мог.
Томимые голодом ринулись тут
К амбарам,— стремглав за пшеницей бегут.
В амбарах Кобадовых и городских
Нигде ни зерна не видать после них.
Весть эту услышал властитель земли,
Ему соглядатаи вмиг донесли *:
Амбар, о владыка, разграбили твой,

Маздак, мол, тому расхищенью виной...
Кобад проповедника тут же зовет,
О взломе хранилищ вопрос задает.
И слышит: «Да будет бессмертье с тобой!
Век радуй реченьями разум людской!
Слова, что из царских я уст услыхал,—
Иранцам доподлинно пересказал.
Спросил я царя про змею и про яд,
Еще про скупца, что бальзамом богат,
И царь мне, рабу, о хранящем бальзам
Изрек, а еще о просящем бальзам:
Коль в противоядье откажет, а тот
От яда змеиного в муках умрет,
И некто отмстит за страдальца того,—
Не взыщется кровь лиходея с него.
А хлеб для голодного тот же бальзам,
Где сытость — бальзама не надобно там.
Коль мыслишь ты быть справедливым царем *,
Что проку в амбаре, набитом зерном!
Погибла ведь люда голодного тьма,
Чтоб целы остались твои закрома!»
Кобад омрачился от слова того,
О правде забыл острый разум его.
О многом Маздака еще вопрошал
И доводам неистощимым внимал.
Отринул ученья пророков, пути,
Которых держались мобеды, вожди;
Кривую стезю вслед Маздаковых слов
Избрал, вышли речи из всех берегов.
Немалое войско на зов собралось,
Сбить многих Маздаку с пути удалось *.
Твердил он: «Тому, кто живет богачом,
Бедняк обездоленный равен во всем.
Не должно, чтоб некто господствовать мог;
Богатый — основа, а бедный — уток.
Да будет у всех достоянье равно,
А если в избытке, запретно оно!
Всем надобны блага и дом, и жена,
Природа богатых и бедных одна.
Я грань меж высоким и низким провел,
Свидетельство веры священной обрел *.
Кто веру иную моей предпочтет,
Проклятью Изеда себя обречет».
Пошли за Маздаком тогда бедняки —
И дети, и юноши, и старики.
Отняв у одних, оделял он других,
В отчаянье вверг умудренных, благих.

Примкнул и Кобад в этой вере к нему *,
Внимал с восхищеньем ему одному.
Сажал его рядом в покое своем *,
Не видел уж витязь мобеда при нем.
Люд нищий Маздака вождем называл
И все, кто трудами свой хлеб добывал.
И веру везде утвердил он свою,
Никто уж не спорил с ним в целом краю.
И даже богатый Маздака словам
Внимал, расставался с богатствами сам.

[*Кесра казнит Маздака*]

Однажды Маздак, лишь рассвет заблистал,
Покинул жилище, пред шахом предстал.
Сказал он: «Немало вождей из твоих
Подвластных, приверженцев веры благих
У двери собралось — владыку почтить.
Дозволить им снешиться, иль отпустить?»
Принять их, услышав Маздака слова,
Велит саларбару державы глава.
Маздак повелителю молвил потом:
«Здесь тесно, а войско огромно числом *.
Пред взором твоим не вместиться ему,
Не лучше ль проследовать в степь посему?»
И царь повелел: «Унесите престол,
В приволье степном водрузите престол».
И тысячи в степь маздакитов пришли,
Все рады узреть властелина земли.
«О царь,— так Маздак миродержцу сказал,—
Ты знанья превыше, превыше похвал.
Не верует с нами, сдается, Кесра.
От веры ужель отречется Кесра!
Пусть клятву подпишет своею рукой —
Расстаться отныне с неправой тропой.
Есть пять уводящих от правды дурных *
Обычаев — мудрый не видит иных:
Гнев, зависть и мщенье лелеять, нуждой
Томиться, дать алчности власть над собой.
Коль тех пятерых одолеешь врагов,
Увидишь ты путь властелина миров.
Вреда человеку пять демонов сих *
Немало чинят: не по злобе ли их
Причиною стали жена и казна,
Что вера чистейшая умалена.
Жена и казна да пребудут у всех *,
Тогда не отнимется веры успех.
И зависть, и алчность от них, и нужда,

Что с гневом и мщением в дружбе всегда.
Смущать добродетельных рад сатана.
Пусть каждому будет жена и казна!»
Так молвив, взял руку Кесры, и Кобад
Глядит на него, изумленьем объят.
Но руку отнял достославный тотчас
И взор от Маздака отвел осердясь.
«Тебе,— вопрошает с улыбкой Кобад,—
Что помыслы против Кесры говорят?»
Ответил Маздак: «Заблужденье таит
И нашей он вере противостоит».
«Путь где же,— Кобад вопрошает Кесру,—
Коль веры не примешь, ведущей к добру?»
Ответил: «Дай срок, и скажу я. Ведь ложь
И кривда все это учение сплошь.
Пусть явственным станет путь кривды, вреда,
И правда тебе воссияет тогда».
Маздак вопросил: «Ты на сколько же дней
Отсрочку берешь у владыки царей?»
«Пять месяцев,— молвит Кесра,— на шестой
Ответ возвещу повелителю свой».
На том порешили. Мужей отослав,
К себе возвратился владыка держав.
Ища на подмогу себе мудрецов,
Кесра во все грады отправил гонцов.
В Хорре-Ардашир * отрядил одного —
Хормозда призвать, прозорливца того.
Спешит Мехр-Азер из Истахра на зов,—
Парсиец,— с ним тридцать других мудрецов.
Воссело собрание мудрых мужей,
Немало там разных звучало речей.
Вот старцы премудрые смолкли. Пора
Услышать, что скажет царевич Кесра.
Тот, с места поднявшись, к Кобаду идет,
Пред мудрыми речь о Маздаке ведет:
«Приспело мне время к решенью придти
О вере чистейшей, о лучшем пути.
Коль сможет в своей правоте убедить,
Зардошта учение * в споре разбить,
Его провозвестье приму и своим
От сердца сочту я путь, избранный им.
Коль путь Фаридуна неправ, не свята
И миру не надобна Зенд-Авеста,
Мы веру Маздака признаем благой,
Не надобен вероучитель другой.
Но если к нечестию мыслит вести,
Когда не Йезданова ищет пути,—

Ты зов его, ложью внушенный, отринь,
Сей путь, благодати лишенный, покинь.
Его и других, с ним погрязших во зле,
Мне выдай, да сгинет их след на земле!» *
В свидетели взяты Размехр и Хоррад,
Еще Фарахин, и Биндуй, и Бехзад.
В чертоги свои возвратился потом,
Все думал о правом решеньи своем.
Лишь солнца венец ослепительный встал,
Весь мир будто костью слоновою стал *.
Сын царский направился в царский дворец,
В пути с ним беседуют вождь и мудрец,
Беседуют, к истине ищут пути.
Вот двери пред ними, и время войти.
Приблизясь к царю, открывает совет
Сердца просвещающий мудрый мобед.
К Маздаку он речь обратил, и мужи
Услышали: «Ищущий знанья, скажи:
Коль новой стране возвещаешь закон,
Коль общими видишь богатства и жен,—
Как сын распознает отца своего
И как же отец распознает его?
Коль равенства принят повсюду завет,
На высших и низших деления нет,—
Кто низшим захочет остаться тогда?
Кто б, властвуя, мог возвышаться тогда?
Кто станет работать на нас, не ленясь,
Коль высших и низших нарушится связь?
Умерший наследство оставит кому,
Коль царь и работник равны по всему?
От новшеств таких разориться б могла
Страна. Да избегнет подобного зла!
Все — баре, а труд станет долею чьей?
Казна у любого, а кто казначей?
Сему не учил ни единый пророк,
В себе, знать, таишь ты безумья залог.
Людей в преисподнюю прямо ведешь,
Порочным порочное не признаешь».
Вняв слову мобедову, гневом объят
И правую речь произносит Кобад.
Кесра благородный его поддержал,
И муж нечестивый в отчаянье впал.
Совет возопил, возмущеньем горя:
«Да будет Маздак удален от царя!
Йезданову веру презрел, посему
В стенах этих славных не место ему!»
От веры Маздака душой отвращен

Владыка, в содеянном кается он.
Кесре провозвестника выдал того *,
А также приверженцев многих его.
Три тысячи знатных меж ними, и сын
Услышал слова, что изрек властелин:
«В твоей ныне власти все эти вожди,
И впредь о Маздаке ты речь не веди!»
Был сад у Кесры вкруг дворца; обнесен
Стеной, что горою высокою, он.
Ров велено вырыть вдоль этой стены,
Взяв тех, что на волю ему отданы,
Во рву посадить их деревьям под стать
И в землю всех вниз головою вкопать.
И после сказал он Маздаку: «Приди,
На сад мой прекрасный теперь погляди!
Что сам ты, безумец, посеял, взошло,
Плоды роковые тебе принесло.
Увидишь деревья — не видел таких
Никто, и не слышал от мудрых о них».
Вошел он и вместо плодовых дерев
Иные, от ужаса оцепенев,
Увидел, и с горестным воплем тотчас
Повергся на землю, сознанья лишась.
Тут виселицу водрузить повелел
Царевич, аркан укрепить повелел.
Несчастный уж петлею схвачен, живой *,
Отступника вешают вниз головой,
И сыплются стрелы смертельным дождем.
Не следуй, разумный, Маздака путем! *
Вздохнула спокойно, не стала уж знать
За жен и детей, за казну трепетать.
И долго Кобад от стыда изнывал,
И клясть он Маздака не переставал.
Щедротами стал осыпать бедняков
И храму Огня не жалеет даров.
И тешит и радует сердце Кесрой:
Алмазы, мол, отпрыск принес молодой!
С ним только и держит совет с той поры
И все совершает по слову Кесры.

[*Кобад объявляет Кесру*
*своим наследником **
и знатные нарекают его Нушираваном]

Процарствовал сорок годов, и потом
О смертном задумался часе своем.
И вот уже грамота нанесена
На шелке — прекрасные те письмена.

Вначале хвалу Судие воздавал:
«Он веру и доблесть, и ум даровал.
Все явное ль, тайное ль мира сего
Бывает лишь только по слову его.
Исток его царства чья мысль обняла?
Им избранных не опорочит хула.
Вы все, что прочтете Кобада завет!
Лишь мудрых, благих принимайте совет.
Кесре оставляю трон славных царей,
Да будет счастливым по смерти моей.
Йездану да будет угоден мой сын,
Да жжет его недруга пламя кручин!
Я сим заслужил похвалу мудрецов,
Подвластного люда и знатных бойцов.
Лишь волю его исполняйте одну,
И радостны будьте, и множьте казну».
Печать золотую к письму властелин *
Подносит. Хранитель — мобед Рамборзин.
Хоть минуло восемь десятков годов
Кобаду, все не был он к смерти готов.
Охотою кто ж умирал на земле? *
Ведь жатва деяний сокрыта во мгле.
Не стало Кобада, стал шахом другой.
Где блеск и величие, труд и покой!
Что проку богатства копить! Все равно
С пустыми руками уйти суждено.
Вот розы и мускус, вино с камфарой
Несут. Умастили, одели парчой.
Дахму шаханшаху воздвигли потом *,
Престол золотой с достославным венцом.
Венчанный, в дахме опочил, и туда
Дорога закрыта для всех, навсегда.
Не видели больше Кобада мужи,
Как ветер пронесся по свету, скажи.
От рока укрыться надеждой не льстись!
Настигнет тебя, от него не спастись...
Лишь плача по шаху окончился срок,
Мобед завещанье владыки извлек.
Воссело собранье мужей-храбрецов *,
Ирана мобедов, благих мудрецов.
Указ прочитали, и вот уж на трон
Наследник царей с торжеством возведен.
На новом престоле венчают Кесру,
И новым царем величают Кесру.
И благословляют на царство его,
Держава и время под властью его.
Страна обновилась короною той,

Волк с ланью на мирный пришли водопой.
И слышится всюду: «Пусть вечно царит,
Величием царским Джамшида затмит!»
За веру властителя, ум, доброту,
Речей справедливость и дел красоту
С тех пор нарекли его Нушинраван *;
Был молод и счастьем младым осиян.
Окончена книга Кобада. Рассказ
О шахе Кесре поведу на сей раз.

[*Жалоба поэта на старость*] *

О статный, пленявший сердца кипарис!
Что грустен, какие невзгоды стряслись?
Как ты красовался, как весел ты был,
Поведай, чем ясный свой дух омрачил?
Увы! — кипарис отвечает,— светла
Была моя радость, но старость пришла.
Меня одолели мои шестьдесят,
И ты берегись, их осилишь навряд!
То львиные когти, драконова пасть,—
Сжует, коль в нее доведется попасть.
Нагрянут грозой, носорогом сомнут,
В десснице — недуги, смерть в шуйце несут.
Чарующий тополь в дугу обратят,
Жасмин цвету амбры под стать зажелтят.
Шафран из цветка аргавана взойдет,
Шафран лишь увидел — жди горьких невзгод.
Прекрасное тело унизят, согнут,
Коня бегового стреножат без пут.
Стал жемчуг мой ровный бессилен и плох,
И сей кипарис горделивый усох.
Померкла и пара нарциссов больших,
Слабеют, и слезы все чаще на них.
В беспечное сердце забота вошла,—
Так жизнь вероломно меня предала!
Еще молоко не обсохло, и вот
Уж смерть наседает и старцем зовет.
Царил Нушинрван сорок лет с восемью,
Тебе — шестьдесят; ты ли юность свою
Удержишь? Пожни своих дел урожай
И жаждой стяжания дух не терзай.

[ЦАРСТВОВАНИЕ КЕСРЫ НУШИНРАВАНА ДЛИЛОСЬ СОРОК ВОСЕМЬ ЛЕТ]

[*Наставление Нушинравана иранским вождям*]

На царский, из кости слоновой, престол *
Кесра в светозарной короне взошел.
Мобедов и радов к себе он призвал,
Мужей родовитых, великих собрал.
Глава именитых речь начал свою.
Создателя благ помянул, Судию,
Так молвил: «Восславим вселенной Творца,
Любовью к нему преисполним сердца!
Все в воле его — и паденье, и взлет;
Он счастье дарует и горести шлет.
По воле его в небе солнцу сиять,
В нем силы исток, от него благодать,
Покорствовать должно веленьям его,
Мы дышим одним изволеньем его.
Кто правду на царском престоле творит,
Тот радостью долю свою озарит.
В душе затаивший злых замыслов тьму
Ущерб не себе ли несет самому?
Кто думы, сокрытые в сердце, постиг?
В глубины такие мой взор не проник.
Ко мне прибегайте с нуждою любой,
На все вам ответ уготован благой.
Коль правда — царя нерушимый закон,
От правды той каждый душой просветлен.
На завтра своих не откладывай дел,
Свой завтрашний кто угадает удел?
Рви розы, сегодня их видя в цвету,
Назавтра утратят они красоту.
В день здравия бди, прозорливость являй,
О боли, недуге, скорбях помышляй.
Воспомни о смерти, всех ждущей живых,
Мы — листья, а смерть — налетающий вихрь.
В деяньях являющий слабость и лень
Готовит себе злополучия день.
В чьем сердце затмился от зависти свет —
Недужный, которому лекаря нет.
Кто страсть господином поставил уму —
Безумец, свидетель не нужен сему.
Кто празден всегда, многословен притом —
Почтенья к себе не снискает ни в ком.
Путь кривды лишь тьмой тебя встретит густой,
Путь правды твой дух озарит красотой.
Не должно, коль дело решился начать,

Медлительным быть, или слабость являть.
Знай, милостью не озарит тебя лик
Небесный, коль с ложью твой дружен язык.
Уста произносят от немощи ложь,
О немощных разве что слезы прольешь.
Пусть утром, от сна пробудившись едва,
Врага обезвредит державы глава.
Мудрец насыщается в меру нужды,
Излишество — двери для хвори, беды.
Коль милостив царь и коль праведен суд,
Страна процветает и радостен люд;
Но коль беззаконье возлюбит — вкусит
Отраву *, питье свое в кровь обратит.
Вы все, именитых собранье мужей,
Здесь ныне внимавшие речи моей,
Намеренья верно поймите мои
И радостью дни озарите свои.
Немало я в жизни властителей знал —
Путь разума, правды дорогу избрал.
Мне должно внимать и дастуру притом,
Совет с ним держать о благом и худом.
Но если, нуждой неотложной гоним,
Кто-либо к дверям устремится моим
И впущен не будет,— не буду в ладу
С дастуром, сокрывшим чужую беду.
Сановникам всем приближенным моим,
Воителям всем закаленным моим
Не стану задерживать щедрую мзду,
От них же служения честного жду.
Являть человечность и правду всегда
Должны, правосудию кривда чужда.
Любого иранца, престолу сему *
Явившего верность, я с честью приму.
Коль скромен и предан, то будет он мной
Обласкан и щедрой осыпан казной.
А если подвластным закон позабыт,
Коль мудрость отверг и Йездана не чтит,
За все злодеянья воздастся ему,
Нам пестовать низких и злых ни к чему.
Живите, Творца почитанье храня —
Не станете вовсе страшиться меня.
Не он ли, властителей всех властелин,
Победно царит над землею один.
Он — месяц в ночи, солнца луч поутру,
Он каждому путь указует к добру.
Благой Вседержитель, судей Судия,
Уму непостижный исток бытия,

Времен и вселенной предвечный творец,
Любовь заронивший в глубины сердец,
Хранит он престол и венец от невзгод,
Тебя благочестья стезею ведет;
Ко мне, венценосному, души привлек,
Врагов моих повиновенью обрек.
Здоровье людское во власти его,
Все в мире благое во власти его.
От малой былинки до сферы седьмой,
Огнь, воздух, вода ль, прах ли, скованный тьмой *—
Все сущее нам о творце говорит,
Душе твоей высшее знанье дарит.
Ему воздаются хваления все,
К нему лишь несутся моления все».
Пришло Нушинрваново слово к концу,
Дивится собранье царю-мудрецу.
Все с места мужи как один поднялись,
К нему славословия вновь понеслись.

[*Кесра делит царство на четыре части и устанавливает закон о податях*]

Мужей умудренных призвал шаханшах,
Беседу повел о державных делах.
Страну разделил на четыре тогда *
И главные тут же назвал города.
Сперва Хорасан помянул он и тем
Сердца именитым порадовал всем.
Вторая же часть — город Кум, Исфаган, —
Великих оплот и владетельных стан.
К ней также Азерабадган * был причтен,
Что встарь благородными был заложен,
От стен Ардабиля к Армянской земле
Туда же Гилянской примкнуть стороне.
С Хазаром, Ахвазом Парс — третий удел,
С Восхода к Закату всем царством владел.
Четвертым Ирак он и Рум объявил,
Державу цветущую, полную сил.
И в каждой из этих земель — бедняков,
Живущих плодами своих лишь трудов,
Казной в изобилии всех одарил,
Ему весь народ славословья творил.
Владыки, царившие прежде того, —
Могуществом больше ли, меньше ль его, —
Все с сеющих хлеб собирали оброк,
Никто от сего уклониться не мог.
Треть, четверть ли долею царской была,
К десятой она при Кобаде сошла.

Хотел и от той десятины отнять,
Чтоб низшего с высшим во всем уравнять,
Да жизни на то не хватило ему, —
Кто в море, злой пасти не минуть тому *!
Кесра, унаследовав славный престол,
Отверг десятину и подати ввел *.
Вот знатные все и мобеды сошлись,
И рады, и мудрые все собрались,
И все венценосцы, кто краем владел.
Вот каждый измерен земельный надел.
Дирхем — вот подушная подать, когда
Дихкана в тот год не постигла беда.
А пахарям тем, что весной лишены
Семян и скотины, — из царской казны
Подмога: да вспаханы будут поля,
Бесплодною да не пребудет земля.
О тех, кто надела засеять не смог,
Нет речи. Весь старый устав за порог!
А там, где лоза плодоносная есть,
Иль финики зреют — дирхемов по шесть.
С маслин и орехов, и всяких плодов,
Что спеют к Мехргану * на ветках садов,
Могли, по дирхему с десятка корней
Дав подать, весь год уж не думать о ней.
О прочих плодах, что снимают в Хордад *,
Решили: те подати не подлежат.
А тем, кто казною в достатке владел,
Трудов же не ведал, что нес земледел,
Четыре иль более — до десяти
В году надлежало дирхемов внести.
Никто не ввергал земледельца в беду,
Шла подать не разом, а трижды в году.
В четыре лишь месяца срок истечет,
В державный диван ее сборщик несет.
Служители шаха и те, что несли *
Дабиров служенье, в счет вовсе не шли.
А тех, кого податью он обложил,
Велел записать и мобеду вручил
В трех списках. Один казначеем храним,
И властен дастур только царский над ним;
Второй разослали по всем областям —
Правителям, ведавшим сбором мужам.
А третий был вверен мобеду,— кому
Подушной * дано было ведать, тому,
Кто пошлины, дань ли, оброк ли с полей
Держал под единою властью своей.
Все знал, что творится в подвластных краях,

Везде водворил надзирателей шах.
Страну справедливостью всю возродил,
Везде разоренное восстановил.
Сон мирный под небом вкусил стар и млад,
Лань с волком вдвоем к водопою спешат.

[*Кесра пишет своим сановникам*]

Велит он послание на пехлеви *
Составить; красоты его улови *.
Так начал: «Посланье сие от лица
Кесры-шаханшаха, что славит Творца,
Кто древа Кобадова отпрыск живой,
Чей блещет величьем венец родовой,
Всем сборщикам пошлин и податей, вам,
Сень царскую чтущим сановным мужам.
Приветствую вас. Каждый дорог мне муж
Высокого рода, достойный к тому ж.
Но прежде, чем речь о делах повести,
Творцу подобает хвалу вознести.
Считай прозорливым и мудрым того,
Кто чтит, благодарный, Творца своего,
Постиг, что Творец не нуждается в нас
И все сокровенное видит тотчас.
Кого пожелает возвысить, тот нужд
И всяких желаний становится чужд.
Творить правосудие мне повелел *.
Он сам — Судия помышлений и дел.
Всего, какова б ни была вышина,
Он, вышний, превыше во все времена.
Владыка и раб пред Йезданом равны,
Мы все для служения лишь рождены.
От свода небес до подземных глубин,
От солнца до праха, с высот до низин
Свидетельство — всё, даже след мураша;
Мы — слуги, он царствует, волю верша.
Лишь правду в заветах его обретешь,
Исходят от дива нечестие, ложь.
Будь долей моей в этом мире большом
Лишь сад да жилище при нем со двором —
И то бы лишь правды, добра я искал
И видом приветливым всех привлекал.
А ныне простор мирозданья сего
Пройди хоть с Восхода к Закату его, —
От темного праха до ярких светил
Мне весь во владенье Создатель вручил.
Я каждого ласково, щедро приму,
И хмурым не видеть меня никому.

Пастух коль беспечен, а степь широка,
Сколь волчья угроза стадам велика!
Всем подданным нашим, кто пашет и жнет,
И тем, кто придворную службу несет,
На суше ль, в челнах ли средь шири речной,
Сияющим днем, иль порою ночной,
Торговым мужам, в чьем владенье дирхем,
И мускус, и жемчуг блистающий, — всем
Высокое солнце да светит равно,
Да шлет только правду и милость оно!
Так было в сем роде: встречая конец,
Венчанный отец дарит сыну венец.
Добру лишь и правде господство дано
В державе. Здесь тайное с явным — одно.
О сборах и податях мной введены
Законы для этой великой страны.
Со дня, как сей будет доставлен наказ —
Да будет Хормозд благодатен для вас! —
Хотя б на дирхем кто нарушит сие,
На миг беззаконье дозволит себе, —
Йезданом клянусь, даровавшим венец,
Под грозной пилой обретет свой конец!
Сверх этого кару Творца понесет
За то, что недобрый им выращен плод.
Посланья сего повеленья приняв,
Мой благословенный блюдите устав.
В четыре лишь месяца срок истечет —
Треть податей требовать сборщик пойдет.
Где вдруг саранча налетит на поля *,
Иль зноем иссушена будет земля,
Иль снежная буря, нагрянув с высот,
Засеянным нивам беду принесет,
Иль минет Новруз, не принесши дождей,
И высохнет юная зелень полей,
Весенних живительных струй лишена, —
Там податей вовсе не взыщет казна.
Динары за труд, семена для полей
Тогда из казны раздавайте моей.
А если владельца лишился надел
И если покойный родных не имел, —
Тем нивам у шаха под сенью цвести,
Земля не должна в запустенье придти.
Ведь недруг казну опорочить бы мог,
Такой попадись ему в руки предлог:
Стране, мол, не светит моя благодать,
Ей в сени моей не дано процветать.
Все в меру дарите, не пряча казны,

Создателем мы от нужды спасены.
И если случится хотя б одному
Из тех, что приставлены к делу сему,
Презреть и нарушить высокий закон,—
Казню, будь слугой иль владыкою он.
От вас не сокрыто, что был не таков
Обычай властителей прежних веков.
Вершили сановники всюду дела,
Земля в подчиненье у ратных была.
От сердца зов разума гнали они,
Стяжанью предела не знали они.
Богатство мое — правосудье, мне рать —
Дихканы. Динары привык презирать.
В правленье благого держаться пути,
Достоинство высокородных блюсти
В долг больше вменяю, чем войны с врагом,
Что рвется воссесть на престоле моем.
Торгует коль жизнью людей сипехбед,
Ко мне во дворец ему доступа нет.
Почетом здесь будет лишь тот облечен,
Кто чтит милосердие, правду, закон.
Моих неусыпных сановников цвет
Сойдется, диван их возглавит мобед.
И если услышу я ложь от кого,—
Отрину и впредь не приемлю его.
Злодею возвыситься здесь не дано,
Насильник ведь с яростным тигром — одно.
Кто праведен, правдою душу омыл,
На путь всеблагого Йездана вступил,
При этом дворе изволеньем моим
Возвысится, будет мобедами чтим,
И будет душа его в рай введена
За то, что посеял добра семена.
Нет нужды неправдою блага стяжать,
Людскими проклятьями дух отягчать.
Кто пищей плоть бедного хочет иметь,
Того вразумит, без сомнения, плеть!
Опаснее тигра властитель, коль он
Стыда, справедливости, веры лишен.
Дверь праведной жизни открыта для всех,
Почто же влечет нас нечестие, грех!
Благим притворяться, зло втайне творя,
Чтоб слух о нем лестный дошел до царя,
Постыдно, сего не одобрит Йездан,
И царь распознает, отвергнет обман.
Мы вслед за Йезданом возлюбим того,
Чье правдой проникнуто все существо».

О царь, избери справедливости путь,
Немеркнущей памятью славы пребудь!
Вовеки не смолкнет людская хвала
Царю, при котором земля расцвела.

[*Сказ о Бабаке, мобеде Кесры*]

Меж всех, кто на троне был славен, велик
Казною и войском богатых владык,
Кто был справедливее, чем Нушинрван?
Дух юный да будет навек ему дан!
В величии царском и в доблести он,
И в мудрости не был никем превзойден.
Был имя Бабака носивший мобед *
У шаха; в нем благости, мудрости свет.
Вот призван Бабак войску смотр учинить *.
Помост ему велено соорудить
Пред царским дворцом. Тот широким его
Построил, и выше дворца самого.
По-царски помост устилают ковром;
Кому подобает, воссели на нем.
Бабак от диванових кликнуть ворот
Велит, и повсюду клич слышится тот:
«О витязи храбрые! Каждый из вас,
Клич выслушав, в стремя пусть ногу тотчас
Заносит; надвинув шелом боевой,
В броне, с быкоглавой своей булавой
Примчится по зову царя своего,
Коль хочет дирхемы принять от него».
К дивану Бабакову ратников строй
Собрался, и воздух окутался мглой.
Бабак с возвышенья на войско смотрел,
Но стяга Кесры и венца не узрел.
Разъехаться дал дозволенье бойцам,
Диван вслед за этим покинул и сам.
Урочный свой круг совершил небосвод,
И вновь лучезарное солнце встает.
Вновь кличут глашатаи: «Каждый внемли
Из палиценосцев Иранской земли!
Все в бранных доспехах, взяв лук и аркан*,
Явитесь достойно в Бабаков диван».
Примчались воители, каждый с копьем,
В кольчуге, в шеломе. Пыль встала столбом.
Бабак обозрел под знаменами рать,
Вновь царского стяга, венца не видать.
Так молвил: «Все радостны, ясны душой
Пребудьте, и с миром вернитесь домой».
Зов слышится снова с восходом зари:

«О мудрые, славные богатыри!
Бойца не останется пусть в эти дни
Без ратного шлема, без ратной брони.
К чертогу Бабака пусть каждый придет,
Да в книге ариз * его имя найдет.
И каждый, кто славным гордится венцом,
Престолом и царственным фарром притом,
Да знает: ему унижения нет
В сем смотре — гордиться, стыдиться не след».
Дивана Бабакова зов услыхав,
Кесра, венценосный владыка держав,
С улыбкой спросил свой доспех боевой.
Стяг славный вознесши затем над главой,
К дивану Бабака помчался. Шелом
Железный темнеет над царским челом.
Кольчуга румийская с ним скреплена,
Узлами завязана крепко она.
Взял палицу с медным навершьем-быком,
Четыре стрелы за его кушаком.
Лук взял за плечо; приторочен аркан,
Охвачен сверкающим поясом стан,
Тяжелая палица вознесена,
Коленями сжав, гонит царь скакуна,
То вправо, то влево ведет, горячит,
Осанкою, вооруженьем дивит
Бабака. Глядит и любуется тот,
Искусству владыки хвалу воздает.
«О царь!— возглашает,— будь счастьем любим,
Дух радуй нам знаньем, искусством своим.
От правды твоей расцветает страна,
Тобой справедливость и нам внушена.
Ты дерзостью просьбу мою не сочти,
Лик царский от милости не отврати.
Направо еще соизволь поскакать,
Как мужеству, мудрости царской под стать».
Царь вправо и влево ведет скакуна,
Мельканию молний та скачка равна.
Бабак на езду властелина глядит,
Дивится, Йезданово имя твердит.
Кто тысячей там, кто двумя награжден,
Но не был предел четырех превзойден.
Мзду шаху прибавил Бабак на дирхем,
Доносится крик от дивана меж тем:
Коня, мол, главе именитых бойцов
И первому средь верховых удальцов!
И всласть Нуширван посмеялся тогда —
Царь молод, держава его молода!

Бабак, шаханшахский покинув диван,
Предстал перед славным властителем стран.
«Владыка великий!— так молвит ему,—
Яви снисхожденье рабу твоему!
Исполнен мой дух только правдой, добром,
А злобы, о царь, не отыщешь ты в нем.
Правдивый чуждается дерзости злой,
Блажен, кто привержен лишь правде одной!»
Царь молвил: «О мудрый, благой человек!
Стезей справедливости шествуй весь век.
Кто станет страстям покоряться, без слов —
Враг правды и сердце разбить ей готов.
Себя предо мной ты возвысил, поверь.
Но к делу вернемся, помыслим теперь,
Как в битвах победы стяжать мы должны,
Пыль войска вздымая на поле войны».
«Владыки такого,— Бабак отвечал,—
Не видывал перстень, венец не знавал.
Искусства подобного в конной езде
Не зрел живописец в Иране нигде.
С тобою да будет в согласии путь
Вращения сфер. Вечно радостен будь!»
Царь молвит: «Да будет и старцу под стать
От правды моей снова юношей стать.
В державе моей справедливость одна
Сберечь о властителе память должна.
Предавшись непрочному миру сему,
Весь век за богатствами гнаться к чему!
Коль скоро не вечно нам здесь пребывать,
Не лучше ль отрады, услады искать..
О судьбах державы я все размышлял,
До времени замыслы втайне держал.
Врагов мне доставил венец. Окружен*
Я нечистью, с разных грозят мне сторон.
Себе говорил я: коль храбрую рать
Из разных земель пожелаю собрать —
Казна, чтоб собрать это войско, нужна,
Забот причинит нам немало казна.
Ведь если обиду потерпит бедняк,
Моим пожеланьям не сбыться никак...
Так мыслил я в сердце. Когда ж повелел
Мне ум положить размышленьям предел,
Посланье составил я. Всем храбрецам,
Прославленным силою, всем мудрецам,
Земель самовластным правителям всем
Я это послание отправил затем.
Мол, каждым, кто ясным умом наделен,

Сын ради служенья да будет взращен.
Да явится юноша, вооружась,
На поле — и славу стяжает у нас.
В горах и степях верховою ездой
Владеть ему должно, сродниться с уздой.
Пусть луком, стрелой, булавою, клинком
Являет умение в битве с врагом.
Юнец неискусный — в сражении он
Ничтожен, хоть будь от Араша рожден *.
Избрал я аризов для каждой земли,
Дирхемы они для вождей повезли.
И сорок в пути провели они дней,
И множество в ратных доспехах мужей
Ко мне собралось; их диван оделил
Динарами, радостью всех окрылил.
Так войско собрал я. Вооружено,
И край защитит от набегов оно.
Оружьем и войском я прежних царей
Богаче рассудком и знаньем сильней».
Властителя выслушав слово, мудрец
Хвалой возвеличил престол и венец.

[*О справедливости и мудрости Нушинравана*]

Лик ясного солнца над миром сверкнул,
Дверь сада, скажи, небосвод распахнул.
Охапка цветов золотых вознеслась,
Ночь темная кудри сокрыла. В тот час
Воссел на престоле своем Нуширван,
Весельем и счастьем младым осиян.
Цвет видит великой державы своей,
Собранье взыскующих правды мужей,
И так возглашает: «Спасенье в одном
Йездане, всегда помышляйте о нем!
То он, Вседержитель, ко благу ведет,
Нам помощь в обоих мирах подает.
Власть наша подвластного да не страшит,
Вход каждому в эти палаты открыт *.
Войдете ли в полдень, порой ли ночной —
Смелей открывайте уста предо мной!
За чашей ли полной с бойцами сижу,
Совет ли в тиши с мудрецами держу,
Скачу ль на охоту иль в мяч на коне
Играю — вам доступ свободный ко мне.
Труда или отдыха время, уснуть
Иль бодрствовать — вам не закроется путь.
Отказа в прошенье никто не найдет,

Ко сну опечаленным не отойдет.
Свет радости в сердце тогда обрету,
Когда угнетенным на помощь приду.
Тому не бывать, чтоб слугою моим,
Воителем или вельможей любым
Обижен, кто-либо в печали уснул —
Тем счастья бы двери себе я замкнул.
За грех самый малый, свершенный тайком,
К ответу потребован буду Творцом.
Недоданных сборов и податей счет,
Который в диване мобед наш ведет,
Велю зачеркнуть, злата с вас не возьму,
Чтоб страха мне впредь не внушать никому».
До ясного солнца от темной земли
Мобеды владыке хвалу вознесли:
«Да знает лишь радости Нушинраван,
Венцом шаханшахов всегда осиян.
Великого да не лишится дворец
И славный престол, и державный венец!»
Ушли, озаренные счастьем, и край
На диво расцвел, засиял, словно рай *.
Печаль не видна на лице ни одном,
В свой срок орошаются нивы дождем.
Мир раем цветущим ты мог бы назвать,
Где тучкам тюльпаны дано рассыпать.
Сад,— скажешь ты,— солнце, луг — месяца лик,
И блещет, как светоч, весенний цветник.
Услышали в Руме и Хинде: Иран,
Красою, что Рума шелка, осиян.
Как месяц, ту землю владыка царей
И войском украсил, и правдой своей.
Неведом воителей счет никому,
Открыто число лишь царю одному.
Воители радостны, снаряжены
На диво, молвою превознесены.
И каждый властитель душой сокрушен,
Величием Нушинравана сражен *.
Бессильные в противоборство вступить,
Готовы, смирясь, дань и подать платить.
Покорствуя, свозят рабынь молодых,
Сумы с изобильем монет золотых.
В венце золотом, с булавой золотой
Посол за послом поспешает. Чредой
Безмерно богатую дань повезли
В державный дворец властелина земли.
Красавицы, злато, уборы вельмож...
Сияющим раем дворец назовешь!

А сферы все вновь обращались и вновь,
К владыке Ирана являя любовь.

[*Нушинраван объезжает свою державу*]

Подумал однажды премудрый Кесра,
Что двинуться в путь наступила пора,
Весь край мой цветущий объеду, мол, сам,
Да станет сокрытое явным очам.
Ударил в литавры и выступил строй,
Померкли, сказал бы ты, солнце с луной.
Столь много серебряных и золотых
Щитов, кушаков и знамен боевых,
Что золота, скажешь, лишился весь свет *,
Нет в копях алмазов и жемчуга нет...
Покойно и бодро вступил в Хорасан,
Вел рать по уставу, что создал Сасан.
С зарею, лишь голос трубы прозвучит,
Пред ставкою царской глашатай кричит:
Любой из подвластных владыке земли,
Обиду на нас затаивший, внемли:
На милость благого царя уповай,
Средь ночи заботою дух не терзай!»
Так войско привел, так привез он в Горган *
Престол и венец повелителя стран.
Вреда не изведаешь, правду творя!
Ум, доблесть, род славный — приметы царя...
Рать вел из Горгана в Сари и Амол,
Порой соловьиного пенья вел.
Холмы зеленеют, равнины — что сад
Цветущий. Раздумьем глубоким объят,
Поднялся на гору владыка царей
На добром коне аравийских кровей.
Сень видя лесную, сверкание рек,
Красу цветников, ланей радостный бег,
Воскликнул: «Победный родник бытия,
Пестун, Вседержитель, благой Судия!
Тебя славословлю, создатель светил,
Ты путь указал и на путь обратил.
Цветущим таким сотворил этот край,
Что взору небесный в нем видится рай.
А если иного кто чтит, не тебя —
То в ад устремляется, душу губя.
Не зря Фаридун, почитавший Творца *,
Здесь место избрал для царева дворца».
«О царь справедливый! — тут некто сказал,—
Когда бы набегов туранских не знал,
Сей край пребывал бы отрадой очам,

Дарил бы покой и усладу сердцам.
Но мы головы не дерзаем поднять,
Повадился недруг наш край разорять.
Набег за набегом — здесь скоро людей
Глаза не увидят, ни птиц, ни зверей.
Враг нашему войску отсюда грозит,
Здесь путь от Турана к Ирану лежит.
Гремели и раньше бои, но тогда
Шла степью Хорезма туранцев орда *.
А ныне здесь путник свой встретит конец,
Будь он земледелец иль будь он купец.
Ты войско привел — нам на помощь приди,
Нашествиям гибельным путь заради.
Казны оттого не лишишься своей,
Умножишь ее. Защити, пожалей!»
Лишь эта мольба до царя донеслась,
Горячие брызнули слезы из глаз.
Советнику так своему говорит:
«Нелегкое дело нам здесь предстоит.
Пирам предаваться не время теперь,
Венцом ублажаться не время теперь.
Того не одобрит пречистый Йездан,
Чтоб мы веселились, но плакал дихкан.
Такое приволье холмов и степей,
Достойное градов, дворцов, площадей,
С водой изобильной для дичи и стад,
Край столь благодатный, ласкающий взгляд,
Ужели набегам врага предадим,
Державу иранскую не отстоим!
Противно сие благородству, уму,
Величью и доблести царской к тому.
Никто нас хвалой не почтит с этих пор,
Коль землю Ирана дадим на разор».
Сказал он дастуру: «Из каждой земли,
Цветущей как Хинд или Рум, повели
Мужей отрядить с изощренным умом,
Искусных, испытанных в деле таком —
Здесь мощную стену из глуби речной *
На десять арканов вознесть, вышиной
До звезд, с основаньем широким под ней,
Для стройки взяв известь, громады камней.
Коль стену подобную соорудим,
К Ирану дорогу врагу преградим.
Не должно при сем обижать никого,
Будь щедрым, богатства не жаль моего.
Дихканы ли, пахари, высшая знать,—
Их ветру и то не дадим задевать!»

Мобед во главе им поставлен седой,
И вот уже степь за надежной стеной.
Железные здесь же врата возвели,
Отару от волчьих набегов спасли.
Расставивши стражей в спасенном краю,
Увел, успокоен, дружину свою.

[*Кесра воздает должное аланам, белуджам и гилянцам*]

До края аланов* домчавшись, узрел
Забытый пустырь, разоренный предел.
Царь молвил мужам: «Заслужу я позор,
Коль дольше пребудет в Иране разор.
Нас недруги могут за то поносить,
Бесчестье же нам не пристало сносить».
Посланца избрал среди знати своей
Из мудрых и красноречивых мужей.
Так молвил: «Скачи с наступлением дня,
Правителям, войску скажи от меня:
Открыто и тайно известья дошли,
Блюстители верные мне донесли,
Что вы похвалялись: мол, нам не указ
Кесра! Горстка праха Иран, мол, для нас...
Дождались вы ныне прихода Кесры;
Разбили мы ставку, палатку, шатры.
Здесь ширь да высоты, воинственный строй
Владеет арканом, копьем и стрелой.
В ущельях, в пещерах — засады у вас,
И горы родные — ограды у вас,
И все же сюда мы войною пришли,
Хоть войско и вождь не из этой земли».
Посланец, до места домчась, передал
Слова, что владыка Ирана сказал.
Сошлись именитые тут же бойцы,
Аланов советники и мудрецы.
Их жизнь протекала в набегах одних,
И в мыслях добра не бывало у них.
В страх ввергли Иран; отнимали добро,
Одежды и золото, и серебро;
Влекли, угоняли, не зная стыда,
И жен, и мужей, и детей, и стада...
Слова, что владыка земли говорил
Открыто и тайно, посол повторил.
Внимают ему — нет на знатных лица,
Смутились от слов Нуширвана сердца.
И знать, и воители тут же пришли
С повинной, богатую дань принесли.

Рабыни, одежды, со златом мошны,
Горячие, лучших кровей скакуны
Доставлены шаху. И кто постарей
Из красноречивых и мудрых мужей,
Все в горести к Нушинравану пришли,
Былого стыдясь несказанно, пришли.
Коль разумом светлым воитель ведом —
Ему не придется терзаться стыдом...
Со щедрыми теми дарами пришли
Аланы к шатру властелина земли.
Ниц падают, землю целуют пред ним,
Льют слезы, раскаяньем каждый томим.
И царь благосклонно помиловал их,
Не стал вспоминать о злодействах былых.
На месте разрушенных сплошь городов,
Убежищем ставших для тигров и львов,
Град новый велит Нуширван заложить,
Полями, садами его окружить,
Высокой стеною потом обнести,
Чтоб недругам в град не осталось пути.
Внимает владыка ответным словам:
«Служить мы готовы подобно рабам.
Град новый построим, как ты повелел,
То будет стеной укрепленный предел».
Оттуда он войско привел в Хиндустан, *
Там некое время провел Нуширван.
Властители края к нему на поклон
Являются — каждый за жизнь устрашен.
От моря два миля* загромождены
Дарами: дирхемы, слоны, скакуны...
Владыки земли процветающей той
Пришли доброхотами, с чистой душой.
Приветствовал их властелин, обласкал
И почести всем по заслугам воздал.
Довольный, Кесра удалился, страна
Конями, слонами, бойцами полна.
Известье в походе до шаха дошло:
Творят, мол, белуджи немалое зло *.
Смерть сеют, селения грабя, паля,
Плотины крушат, затопляют поля.
Гилянцы не меньше свирепы и злы,
Проклятья везде, не услышать хвалы».
И вместо веселья объяла печаль
Владыку. Ему обездоленных жаль.
Сказал он иранцам: «Алану вослед
И Хинд озарил я сияньем побед.
Печемся не только о граде своем,

На львов, сострадая газелям, идем!»
Тут вымолвил некто: «О доблестный шах!
Коль розой влеком, не забудь о шипах.
От алчности вражеской эта страна
Страдает, как прежде, во все времена.
Благой Ардашир от белуджей не знал
Покоя, с мудрейшими средства искал.
Но не дали проку ни хитрая речь,
Ни цепи, ни кары, ни воинский меч.
И царь уклонился от дела того,
Хоть это был долг непреложный его».
И тем возмущен, что поведал дихкан,
К белуджам с дороги свернул Нуширван.
До горного края дружину довел,
Высокие горы кругом обошел.
Их так обступила иранская рать,
Что доступа ветру и то не сыскать.
Уж занял вершины бесчисленный строй,
Сравни с муравьями его, с саранчой.
Раздался глашатаев громкий призыв,
Долины и горы, и степь огласив:
«Косите кочевников всех — от детей
До вооруженных могучих мужей.
Столкнетесь ли с горстью иль множеством их —
Единого не оставляйте в живых!»
О гневе владыки узнали бойцы —
И пеший, и конный все встали бойцы
На каждой дороге. И не было там
Пощады ни женам с детьми, ни мужам.
Булат никого не оставил в живых,
Покончил с разбоем племен кочевых.
Белуджа, кем был целый край устрашен,
Нет больше — не скрылся от гибели он.
Лишь бродит присмотра лишившийся скот
По склонам в краю поднебесных высот.
В долинах, на кручах — повсюду видны
Отары, покинули их чабаны,
Лишась нажитого. Приютом с тех пор
Им стали ущелья да выступы гор.
Владыка в Гилян устремился затем,
Узнав, что бесчинствуют Гиль и Дейлем *.
От самого моря до горных вершин
Несчетные стяги над строем дружин.
Сказал: «От велика до мала мой гнев
Всех скосит. И волк здесь исчезнет, и лев!»
Всю землю Гиляна воинственный строй
Заполнил, померкли уж солнце с луной.

Всю залил равнину кровавый поток —
Столь многих сразил там возмездья клинок.
Жгут, грабят, мужей убивают и жен,
Стоит над землею немолкнущий стон.
Связав себе руки, смиренно пришли,
Детей пред собою и жен привели
Воители, кем украшался Гилян,
Которым был разум недремлющий дан;
Пришли поклониться владыке, в слезах,
Разорваны вороты, прах на главах.
К порогу цареву беда привела,
И руки в оковах, и в ранах тела.
Взывают: «От дел мы дурных отреклись,
И ты от жестокости, царь, откажись,
Коль сердце Гилян тебе мог уязвить,
Мы сами себя уж готовы казнить.
Быть может смягчишься, утешен душой,
Здесь груды голов увидав пред собой».
Услышав у входа тот горестный крик,
Внял жарким моленьям владыка владык.
Пришедшим с повинною милость явил
И память о прошлом в душе схоронил.
По двести заложников взял он за то,
Чтоб впредь не творил злодеяний никто.
Затем подобавшего краю избрал
Вождя и с бойцами поход продолжал.

[*Монзер Аравийский просит помощи против кейсера Румийского*] *

Покинув Гиляна предел, в Мадаин
Несчетное войско ведет властелин.
Встречает в пути копьеносную рать,
И также ей края-конца не видать.
Воитель оттуда примчался верхом,
Той рати бесчисленной был он гонцом.
И, спешившись, речь он такую ведет:
«Монзер это, вождь аравийский, идет».
Приблизилось войско, Монзер впереди,
К владыке его пропустили вожди.
Монзера приветствовал царь, обласкал,
Лик царственный благоволеньем сиял.
Монзер искушенный уста отворил.
О Руме, о кесаре заговорил.
Сказал он: «Ирана не ты ль властелин,
Надежда отважных, опора дружин?
Зачем же румийцам над нами царить,
Наездников степи верхом бороздить! *

Достойная здесь не одна голова
Падет, коль царить будет Рума глава.
Коль будет на то изволенье твое —
Надежное мы подкрепленье твое.
Что проку румийцу в кольчуге стальной,
Коль в битву вступает наездник степной!»
Царь гневно Монзерову слушает весть:
Кейсер свой венец замышляет вознесть!
Знакомого с чуждым наречьем призвал,
Чтоб царское слово поняв, передал.
«Мчись в Рум! — повелел,— остановок не знай *,
И мешкать в том городе не помышляй.
Кейсеру скажи: коли мозг обделен
Рассудком — за это поплатится он.
Когда на онагра набросится лев,—
Вмиг в пищу его обратит, одолев.
Попробуй схватиться с таким, как Монзер,
Которому в натиске коршун — пример!
Десницы от шуйцы отличье познай,
На земли чужие тогда притязай.
Не я ли уделы и царства дарю,
Не я ль над державой всевластно царю?
Знай, действовать стану, как должно царям,
Дохнуть и ветрам на Монзера не дам!
Не вздумай с тазийцами впрямь воевать,
Тебе свои силы не худо бы знать.
Владею и вашей землею притом,
Всем правлю меж Рыбьей спиной и Быком *.
При виде моих наступающих войск
Клинок твой булатный вмиг станет как воск!»
Слова отзвучали, посланью конец.
Как вихрь, полетел Нушир ван а гонец
И вскоре посланье кейсеру вручил.
Ничтожный от истины лик отвратил,
Ложь молвил в ответ. Возвышеньем кичась,
Не думал, что близок падения час.
«В Монзеровых россказнях верь не всему, —
Сказал,— не хватает рассудка ему.
Когда принести тебе жалобу мог —
Сам гибель свою неразумно навлек.
Из тех Копьеносных бойцов кто-нибудь *
Рубеж коль отважится перешагнуть,
Расплющу их землю, врагу не спущу *,
Я в море безводную степь обращу!»
Речь выслушав, вихрем помчался посол,
Что слышал, до слуха владыки довел.
Во гневе дастуру сказал Нушир ван:

«Не разум кейсеру в наставники дан!
Кто выше — явлю я безумцу тому,
Кому побеждать и владычить кому.
Раскается в замыслах дерзких своих,
Деяньях разбойных, нашествиях злых,
Раскается больше, чем тот, кто хмельной
В огонь сунет руки порою ночной».
И трубам взреветь повелел властелин,
И двинулись с места громады дружин.
Кимвалы гремят перед ставкой. Черней
Смолы стала степь, высь — эбена темней.
Избравши в прославленном войске своем
Мужей тридцать тысяч, разящих мечом,
Монзеру он вверил могучую рать,
Велит от Земли Копьеносцев скакать
С дружинами всеми к румийской стране,
Напасть, разорить, чтоб пылала в огне:
Мол, пусть я властитель твой — с этого дня
В войне предстоящей заменишь меня.
Пред Румом, румийцами страх отмети,
Как я, ты их горсткою праха сочти.
Мной будет к кейсеру с письмом отряжен
Посланец такой, что в речах искушен.
Да будешь от бед огражденным в войне,
Быть Рума кейсером начертано мне!»

[*Послание Нушинравана к кейсеру Рума*]

Слагателя писем владыка призвал,
Посланье кейсеру писать приказал.
«От Нушинравана, что славой богат,
Владыки, в котором воскрес Кей-Кобад,
Царю, кем возглавлены Рума мужи,
Хранящие края того рубежи».
Вначале Творца мирозданья всего
Прославил величие, благость его.
«Вращает он Солнце, Луну и с высот
Победу и силу властителям шлет.
Кто мог бы от власти судеб ускользнуть,
Будь миру он друг иль воинственен будь!
Кейсер ты, в твоем подчинении край
Румийский, с тазийцами* в бой не вступай!
Коль серну ты вырвать из волчьих когтей
Замыслишь — судьбе ужаснешься своей.
Лишь против Монзера откроешь войну —
Мне войско отдашь и престол, и казну.
Коль вспыхнет в душе у слуги моего
Гордыня — клинок мой проучит его.

Границу не переступи ни на пядь,
Коль наш не желаешь союз разорвать *.
А коль переступишь — с лихвой заплачу,
Престол твой и голову я растопчу.
Создатель, что царство и силы дарит,
Приверженца мира да благословит».
Царева печать на посланье легла.
Среди царедворцев избрали посла
Достойного — витязя с речью благой,
Богатого опытом, с чистой душой.

[*Ответ кейсера на послание Нушинравана*] *

Посланье владыки привезший посол
К царю именитому Рума вошел.
Хваленье воздал и посланье вручил
Кейсеру и волю Кесры изложил.
Внял речи кейсер, и послание он
Прочел вслед за тем. Изумлен, возмущен
Письмом шаханшаха, прославленный сей
Бледнеет, и складка легла меж бровей.
Писца призывает, и вот уж готов
Ответ. Много добрых и гневных там слов.
В начале письма, где легли письмена,
Чернея, — Творцу похвала воздана,
Тому, кто высокий воздвиг небосвод,
То мир нам дарует, то войны несет,
Чьей волей увенчан один, а другой,
Достойнейший, стать предназначен слугой.
«Пусть небо покорно тебе, Моштари *
Подвластен мечу твоему — просмотри
Державную запись — иль дань хоть один
Кеянам платил Рума гордого сын?
Ты царь, но не подданный также и я,
Владыка венчанный, и рать у меня.
Ужель, при нашествии затрепетав,
Слонов убоюсь я и грома литавр?
Сам ныне от вас я потребую дань.
Кто в силах с румийцами выйти на брань!
Азадами — слышал? — владел Искендер *.
Из нас был тот царь, достославных пример.
Не сгинул еще Искендеров булат!
Меня, знай, угрозы твои не страшат.
Тазийцы немало умчали добра
Из Рума, давно проучить их пора!
Мы Степь Копьеносцев в пустырь обратим,
От края до края грозой пролетим!

Не солнце же впрямь сотворил Нуширван,
Не ключ от высоких небес ему дан —
Что ж в мире других он не терпит владык:
Мол, буду один лишь могуч и велик!»
В сердцах не ответил послу, не взглянул,
Кесры даже имени не вспомянул.
К посланью печать приложив, произнес:
«Крестом осенен я, со мною Христос!»
Ни слова посланец не проговорил,
Суровость в ответ на суровость явил.
Как вихрь, устремился к царю своему,
Решенье кейсера поведал ему.

[*Поход Нушинравана против кейсера*]

Прочел миродержец послание. Он
Таким поворотом судьбы омрачен.
Всех радов и всех он мобедов созвал,
Про это послание им рассказал.
Три дня с ним наставники держат совет,
Воители, гордые славой побед.
В четвертый к решенью пришел властелин:
Идти против Рума пред строем дружин.
Глас трубный у царских ворот зазвучал,
Литавры гремят, медный грянул кимвал.
Не медлил Кесра, не хотел выжидать,
Стремился за правду сражение дать.
К Йездану, подателю блага, вознес
Мольбу. Поднял войско и двинул обоз.
Пыль встала такая — скажи, залила
Лик неба, разлившись, как море, смола.
Копытами конскими землю одел,
И воздух от стягов, что лал заалел,
И негде уже муравью проползти,
И ветер в том поле не сыщет пути.
Пыль вздыбили ратные кони, слоны,
И Нилу просторы степные равны.
Слоны выступают пред войском, кругом
Кимвалов на мили разносится гром.
Несется владыка под стягом Каве *,
Он в злато обут и венец на главе.
Иранская знать вкруг властителя стран,
И вот уж домчались в Азерабадган.
Лишь только завидел обитель Огня *,
Царь, спешась, поодаль оставил коня.
Спросил у дастура священный барсам *,
И волю дав хлынувшим жарким слезам,
В святилище входит он с бажем *, с мольбой.

Воздвигли престол с золотою резьбой,
Где книга возложена, Зенд-Авеста.
Для чтенья мобед отверзает уста.
Хирбеды * и рады — все пали пред ней.
Разодраны полы одежд у мужей.
Знать сыплет жемчужины, славу поет,
Земзем * сотворяя, хвалу воздает.
К престолу приблизясь, моленья вознес,
Создателю мира хваленья вознес.
Победу и силу просил ниспослать
И дух его к правде одной направлять.
Он щедрой рукой одаряет жрецов
И всюду, где только найдет, бедняков.
Близ храма державный шатер водрузил,
Рядами стан воинский расположил.
Дабира достойного после призвал,
Наказ подобающий мудрому дал:
«Благое посланье составив, пошли
Марзбанам удельным Иранской земли:
Мол, бодрствуйте, зорко глядите всегда!
Страну от врагов берегите всегда!
Правитель и витязь * — творите равно
Подвластному лишь правосудье одно.
Войск должно вам столько на страже держать,
Чтоб чуждая к нам не нагрянула рать.
Пока не завидите снова мой стяг,
Никто не дремли — да не вторгнется враг!»
От храма путь к Руму Ирана глава
Держал, разлетелась об этом молва.
Несметны числом, шли вожди на поклон,
Шли все, кем покорности путь предпочтен.
Владыки — воители каждой земли
С дарами богатыми к шаху пришли.
С дружиною где ни вставал на привал,
Великий почет миродержца встречал.
Куда бы своих ни привел храбрецов,
Утехи одни, пирования, лов.
Мужей десять сотен сходилось на пир
В ночь каждую — шаха так чествовал мир.
Приблизившись к Руму, к сраженью стал рать
Готовить, динары бойцам раздавать.
Шируй, сын Бахрама *, войска предводил,
Спокоен в бою, рассудителен был.
Фархаду царь левое вверил крыло,
Немалое дав наставлений число.
Истад — сын Пируза — на правом. Обоз
Возглавить Гошаспу-бойцу довелось,

А войск серединой Мехран управлял,
На поле сраженья он твердость являл.
Созвал многоопытных ратных вождей,
Немало благих преподал им речей.
Хормоз, сын Хоррада,— тому вручены
Бахрамом дозоры, наказы даны.
Лазутчиков всюду послал он своих *,
Ничто да не будет сокрыто от них.
Сказал: «Среди рати несметной моей *
Из знатных, отвагою славных мужей
Коль некто нарушил бы царский устав,
На путь непокорности дерзостной став,
Обидел кого — будь он бедный, простой,
Иль муж родовитый, богатый казной —
Иль всход потравил, иль стоянки предел
Назначенный кто преступить бы посмел,
Иль древо чужое дерзнул бы лишить
Плодов, иль злодейство иное свершить,—
Йезданом клянусь я, дарителем сил,
Всевышним Создателем сонма светил *,
Того рассеку я ударом клинка,
Хотя б он звездою взошел в облака.
У войск впереди я неспящий дозор
И сердцу дружин я опора опор.
На левом крыле и на правом бойцам
Я страж, и обозу, и ратным слонам.
Будь степь предо мной иль морская волна,
Не ведаю в битвах покоя и сна!»
Глашатай — Ширзад было имя его —
Запомнил те речи царя своего.
Помчался, все войско объехал верхом.
Пред ставкою каждой, пред каждым шатром
Он так возглашал: «Эй несчетная рать!
Царь бдительный наш повелел возвещать:
Кто даже на горстку земли посягнет,
Кто против закона и правды пойдет,
Преступит Йездана веленье — любовь.
На эту же землю прольют его кровь!»
Но царь не в глашатае видел одном
Оплот. Темной ночью и солнечным днем
Без устали войско свое объезжал,
Худое все видел, все доброе знал,
И малым не пренебрегал, обо всем
Доподлинно ведал он в царстве своем.
Услышит о смерти воителя весть —
Велит незамедля гробницу возвесть.
А ежели найдено злато при нем,

Аркан и кушак, самострел и шелом,—
С умершим добро его погребено;
Ужель человека дороже оно!
Весь мир удивлялся ему, осиян
Величьем невиданным был Нушинрван.
Как только заметит угрозу войны —
Терпение, сдержанность предпочтены.
Избравши с правдивою речью посла,
Шлет к недругу во избежание зла.
Коль мирный враги находили исход,
Не шел в наступленье царь праведный тот;
Коль в битву стремились — на них нападал,
С отвагою чудищ морских пападал.
Весь край обрекал разоренью потом,—
Так правдою мир покорял и мечом.
Как солнце, что светит, над миром горя,
И суше, и водам, был разум царя:
Коль тучи рассеются в небе, ему
Тепла дать и света не жаль никому.
Что мускус, едино ему, что песок,
Что перл дорогой, что простой ручеек.
Свет вышний, живительный ни от кого
Не прячет, нет краше, добрее его.
У солнца заимствовал шах благодать,
Дал миру под сенью своей процветать.
Щедроты и брань ему легче игры,
Недаром прославлено имя Кесры.
Львы, тигры когда бы сразиться пришли,
Сраженья бы долее дня не снесли.
Любой облаченный доспехами строй,
Вступивший с царем-победителем в бой,
Разбит — эти пали на поле войны,
А те заточению обречены.

[*Нушинраван завоевывает крепость в Руме*] *

В походе достиг он Шураба ворот *,
Царило в том граде кипенье работ.
Увидел он крепость высокую; в ней
Немало оружья, богатств и людей.
В пучину ушел основанья гранит,
Верх крепости в тучи небесные врыт.
Твердыню иранская рать обошла,
Но входа нигде отыскать не смогла,
Он с каждой тогда стороны камнемет *
Нацелил — и рухнул румийский оплот.
В том городе, скажешь, день судный настал.

Кто бегства дорогу бы там отыскал!
Покуда померк яркий светоч дневной,
Твердыня сравнялась с равниной степной.
Воителей крик, пыль над полем войны,
Уж пламень и дым поднялись до луны.
Здесь — головы грудой несчетной, а там
Нет счета безглавым, кровавым телам.
Мольбы о пощаде, рыдания жен,
Их воплями грохот литавр заглушен.
А знатных, кто рода величьем гремел,
Был мужеством славен, казною владел,
В полон увезли, погрузив на слонов *.
Не молк покорившихся горестный зов.
Но царь, победив, не помиловал их,
Щедрот на пирах не явил им своих.
И далее мчится он с войском своим,
И вот уже крепость иная пред ним.
Хранились кейсера сокровища в ней,
Защитник ее — из богатых мужей;
Той крепости, звавшейся «Рума красой» *,
Был горький конец уготован Кесрой.
Владыка, едва на твердыню взглянув,
К ней даже и войск еще всех не стянув,
Ее обстрелять повелел. Словно град
Весенний, каменья и стрелы летят.
Напали, воителей в плен увели,
Твердыню и град разорили, сожгли.
Из войска в живых ни души не найдешь,
Травинки в полях не ищи, не найдешь.
Разграблена разом кейсера казна,
Рать златом, коронами оделена.
Весь град разоренью владыка обрек,
В отчаянье бегством спасался кто мог.
Жен вопль и мужей, и детей не смолкал.
Рыдая, стеная, бегут стар и мал.
К могучему шаху, владыке земли
Молить о пощаде смиренно пришли:
Дастура, казны повелитель, мол, ты,
Все в Руме твое — и труды, и плоды.
Нам жизни лишь благоволи сохранить,
Венец твой сияющий станем мы чтить...
И царь истребленье прервать приказал,
Даров им великое множество дал.

[*Битва Нушинравана с румийцем Форфуриусом*]

От стен «Украшения Рума» ушел
Владыка, и дальше дружину повел.
Но вот повелителю донесено:
Шлет войско кейсер и уж близко оно,—
Ряды за рядами разящих копьем,
Закованных в латы. Услышав о том,
Владыка воителям весть объявил,
Да будут готовыми, полными сил.
Вот двинулись с места железной горой,
Клич грянул, и трубный послышался вой.
Гонец от лазутчиков тут прискакал
И вот что властителю мира сказал:
Кейсер, мол, вперед выслал войско — мужей
Прославленных, витязей храбрых, вождей.
В бой рвутся, что лютые волки, притом
Великим возглавлены богатырем,
При громе кимвала несущимся в бой;
Форфуриус — имя, что носит герой...
Весть выслушал зоркий владыка земли,
Пыль войска меж тем показалась вдали.
Гонцу отвечает владыка смеясь:
«Знай, не было это сокрыто от нас.
Готовы мы также к сраженью сему,
Дремать не давали уму своему».
Дав пеною гнева покрыться устам,
Построиться ратным велит он рядам.
Столкнулись две рати таких на скаку,
Что путь не найти в тесноте ветерку.
Дружина отборных сошлась храбрецов,
Разящих мечом горделивых бойцов.
Все рвутся разить, нападать, сокрушать,
Все царского рода, высокая знать.
У каждого кровью булат закален,
Рассек бы и тучу небесную он.
Их натиск не меньше был грозен и скор,
Чем тигра, на лань налетевшего с гор.
Сплошь груды румийцев нагромождены
Увечных иль павших на поле войны.
Форфуриус раненный с поля бежал,
Изодрано знамя, повержен кимвал.
Иранские всадники — каждый, что лев,
Когда за добычею, рассвирепев,
Он гонится — мчатся румийцам вослед,
И тех ни в степи, ни на склонах уж нет.

Все дальше летят в снаряженье своем,
Те с палицей, эти с копьем и мечом...
Владыка с бойцами равнины достиг.
Там град вознесенный пред ними возник,
Твердыня, где войско, литавры, кимвал;
Калиниус * — Рум ее так называл;
Полета орлиного выше; водой
Ров полон глубокий вкруг крепости той.
Вкруг крепости город просторный, дворцов
Там стройных немало, цветущих садов.
Большое румийское войско стоит
В том граде, и каждый боец знаменит.
Уж за два фарсанга * от крепости шах,
Весь мир обволок войском поднятый прах.
Клич грянул над Калиниусом такой *,
Что грохот литавр заглушил он собой.
Решается шах перед градом стоять,
Тем временем все умножается рать.
Ворота крушить он бойцам повелел,
Нефть мечут в сосудах, град сыплется стрел.
Когда побледнел солнца пламенный лик
И наполовину свод в сумраке сник,
Следа не осталось от крепости той,
Весь город обширный сравнялся с землей.
У ставки царевой послышался зов:
«Внемлите, мужи, цвет иранских бойцов!
Теперь удалитесь из града сего,
Еще до рассвета покиньте его.
Коль старца иль женщины стон прозвучит,
Иль шум грабежа до меня долетит
В ночной темноте, если кто воззовет
О помощи, вами обиженный, вот
Решенье мое, в этом клятву даю:
Обидчика кожу соломой набью!»
Меч Солнце в созвездии Рак занесло,
Усталость изгнало и сон отмело.
И грянул у ставки царевой кимвал,
Воителей тронуться с места призвал.
Меж тем обитатели града сошлись,
Толпою пред ставкой Кесры собрались:
Мол, здесь из отважных уж нет никого,
Нет более витязя ни одного.
Немало их здесь без вины полегло.
О, царь, милосердия время пришло!
Неправое дело свершишь, коль в полон
Угонишь ты старцев, с младенцами жен.
На месте твердыни и города тут

Пребудет пустырь, где колючки растут.
Пускай пред тобою кейсер виноват,
В чем люд виноват, населяющий град!..
Виновных и правых — помиловал всех,
Румийцев владыка помиловал тех,
Немало богатств им оставил *, и вот
Он вновь продолжает с бойцами поход.
Румийцев нестарых, способных разить,
Связав, на слонов повелел посадить.
До Антакие * донесенья дошли,
Что движется с войском владыка земли.
Стояла в том граде румийская рать,
Отважных в ней витязей не сосчитать.
Владыка три дня перед ней выжидал,
В неправую битву вступать не желал.
С четвертой зарей, строй за строем, с горы
Спустились воители шаха Кесры.
В бой ринулось войско румийских мужей
За край и богатства, и жен, и детей.
В два дня отгремели три битвы больших.
В день третий, лишь в блеске лучей золотых
Светило взошло, завоеван был град,
Там всадник единый остался навряд.
Вот в город вступает иранская рать,
Такая, что пяди земли не видать.
И каждый, имевший под властью страну,
А также хранивший кейсера казну,
Богатую дань властелину вручил —
Труды приложивший богатства добыл!
Здесь также пригодных для дела бойцов
Избрать повелел, посадить на слонов.
Добычу и пленников — все властелин
Послал из Румийской земли в Мадаин.

[*Нушинраван строит город, подобный Антакие, и поселяет в нем румийских пленников*]

Объехал потом повелитель страну
И видит: красою затмила луну.
Дворцы и сады, и ручьи без числа —
Знать, в мир постаревший вновь юность пришла!
Мобедам сказал Нушинван-шахрияр *:
«То ль Антакие, то ли храм Навбахар *?
Кому не дано было рая достичь,
Где почва из мускуса, злато — кирпич,
Из яшмы деревья, сок розы — ручей,
Где сферы — земля, небо — сплошь из лучей,

Да узрит воочью цветущий сей край,
Вовеки, о Рум, увяданья не знай!»
И город воздвигнуть велит Нуширван,
Богат он ручьями, красой осиян,
Подобно чарующей Антакие;
Чертоги, майданы *, сады там везде.
И назван собраньем благих мудрецов
Тот град ослепительный «Зиби-Хосров» *.
Лишь кончили Зиби-Хосров украшать,
Подобный весне, райским кущам под стать —
Всех пленников, раненых или в цепях
Стенавших, собрать повелел шаханшах
Из всех городов, всем оковы разбить,
Всех радостно в город тот новый вселить.
Сказал: «Для того я град новый воздвиг,
Где всюду — дворец или сад, иль цветник,
Чтоб каждый из витязей был водворен
В жилище, достойном великих имен».
И щедро он каждого обогатил,
Ту землю в сияющий рай обратил.
Сплошь торжища, людные улицы сплошь,
Будь ветром, проходу и то не найдешь!
Вот некий башмачник болтливый предстал
Пред шахом. «О царь-угнетатель! — сказал,—
Калиниус как позабыть мне, там дом
Имел я, пред домом тутовник притом.
Не жил бы я в Зиби-Хосрове ни дня —
Жилье без тутовника здесь у меня!»
И царь злополучного смог ублажить,
Деревьями дом повелел окружить.
Достойного христианина избрал *,
И войско, и власть, и казну ему дал.
Сказал ему: «Зиби-Хосровом владей,
Пришельцами, домом их новым владей.
Будь щедрый, что древо в плодах, властелин,
Для переселенцев отец будь и сын!
Дарителем добрым, не скаредным будь,
И меру во всем соблюдать не забудь».
И войско увел он из Антакие,
Вождя-мудреца той оставив земле.

[*Кейсер просит Нушинравана о примирении*]

Доставил известие Форфуриус
О судьбах, постигнувших Калиниус.
Сказал он кейсеру: «Бойцы и слоны
Кесрой многоопытным приведены.

Их столько, пыль ратная вздыбилась там
Такая, что рекам невмочь и горам!»
Кейсер об ответе своем пожалел,
Со знатью своей для совета воссел.
Он страхом пред Нушинраваном объят,
И днем, и средь ночи в нем думы бурлят.
«Сей путь неразумен,— промолвил мобед,—
Сил должных для брани с Кесрой у нас нет.
Разгрому цветущий наш край предадут,
Кейсеров творенье беде обрекут.
Где речь невоздержна, рассудок же слаб,
Держава спастись от вреда не могла б».

[*Посольство кейсера*
к Нушинравану с данью]

Кейсер, это выслушав, сердцем смущен,
В нем дух Нуширваном-царем омрачен.
Философов славного Рума призвал,
Премудрых и красноречивых избрал,
Числом шестьдесят, и душа в них светла,
Очищено сердце от мрака и зла.
Им к шаху отправиться, дань отвезти,
И вот уж посланцы благие в пути.
Посольство достойный Мехрас возглавлял,
Не старый, он старца рассудок являл.
Доступное разуму всё превзошли —
Столь много даров они шаху везли.
Мольба о прощенье у них на устах:
Кейсер, мол, раскаялся в прежних речах;
Послал он с богатою данью своей
Заложников — родичей, знатных мужей...
Лишь только предстал пред Кесрою Мехрас,
Привета румийская речь полилась.
Сказал бы, дождь звездный он из рукава
Просыпал — столь остры, правдивы слова.
«Владыка! — так начал муж чистый, святой,—
Не столь дорожи ты земной суетой.
Ты в Руме, и ныне Иран опустел,
Величье утратил тот славный предел.
Когда бы кейсер наш покинул свой край —
Рум мошки не более весил бы, знай!
Источник любого добра — человек,
Исчезнет он — блага не будет вовек.
Коль ради сокровищ сей подняли шум,
Подвергши ущербу и совесть, и ум —
Вот Рума сокровища привезены,
Дороже ведь жизнь и земли и казны!»

Лишь эти слова от посла услыхал,
Владыка, что сад по весне, просиял.
Все принял даянья румийской земли —
Рабынь и тугие монет кошели.
Посланцев радушно владыка встречал,
Немало приветствовал их, величал.
Мехрасу сказал: «Муж со светлым умом!
В том доблесть, кто словом разумным влеком.
Из золота будь весь прославленный Рум,
Его перевесит один лишь твой ум».
Наложена подать на Рум *: десять кож
Бычачьих, набитых динарами сплошь,
Пусть, мол, посылает кейсер что ни год
И с тем подношения прочие шлет.
К Йемену пусть войска не шлет своего,
Не требует впредь от него ничего...
И щедрый уж дар для посланцев готов,
Немало тут перстней, венцов, кушаков.
Вот слышится трубного грома раскат,
И медного гонга призывы звучат.
Владыка недремлющий войско довел
До Шама *, там некое время провел.
Вел столько он войска с оружьем при нем,
Вез столько рабов и сокровищ при том,
Что, скажешь, земли прогибался хребет
Под тяжестью многих слонов и монет.
Когда ж уходил он из края того —
Ширую Бахрамову вверил его.
Ему наказал: «Дань с кейсера взимай,
На дни и на месяцы не отлагай»!
Склонился пред шахом Шируй до земли,
Хваленье уста его произнесли:
«Немеркнущим светом побед озарись,
Не блекни, о царственный наш кипарис!»
И вновь у царева шатра грохотать
Литаврам. В Армен двинул стяги и рать *.

[СКАЗ О НУШЗАДЕ – СЫНЕ НУШИНРАВАНА И О МАТЕРИ НУШЗАДА – ХРИСТИАНКЕ] *

Страшил и надеждой сердца оживлял
Кесра-миродержец, державе сиял
Как солнце, что в тверди плывет голубой,
Меч в длани держа и лаская другой.
В час гнева не ведал пощады, зато
В час милости не прогневит уж ничто.
Таков был владыка потомственный сей,
Он мир озарил светом правды своей.

Знай, каждый — будь царь или подданный будь,
Йездану ль служения выбрал он путь —
Как ищет одежду и дом, и еду,
Так в верной подруге имеет нужду.
Сокровище, клад несравненный жена,
Коль нравом добра и разумна она,
К тому ж высока и стройна, и до пят
Аркана душистого кольца скользят;
И скромностью наделена, и стыдом,
Глас нежен и сладостны речи притом.
Такою женой шаханшах обладал;
Стан — тополь, а лик словно месяц блистал.
Красу ее вся восхваляла страна,
А веры была христианской она.
Младенца красавица та родила,
Нахид * затмевал он сияньем чела.
Нушзад *— нарекла его славная мать,
Не смел на младенца и ветер дышать.
И вот он возрос кипариса стройней,
Исполнен достоинств великих царей.
Когда о Масихе, Зардоште Нушзад *
Услышал, постиг, что есть рай и что ад,
Душой не сроднился он с Зенд-Авестой,
Купель христианства признал он святой
И веру избрал материнскую он,
Весь край был решеньем таким изумлен,
И царь безутешен был в горе своем:
Мол, роза его обернулась шипом!
Замкнули царевича светлый чертог,
Его Нушрван заточенью обрек.
С тех пор его дни в Джунд-Шапуре * текли
Вдали от отца, от Ирана вдали.
С ним узников много томилось других,
Стеная в оковах тяжелых своих.
Меж тем воротился из Рума отец,
Походом далеким измучен вконец.
Весь телом истаял Кесра, ослабел,
Для царских приемов уж сил не имел.
Весть некто Нушзаду доставил тогда:
Затмился, мол, царственный фарр навсегда!
Прославленный, мудрый Кесра опочил,
Венец и державу другому вручил...
Обрадован вестью такою Нушзад,
Вовек ничему да не будет он рад!
Царя справедливого смерть торжество
Кому принесет — тёмен род у того *.
Коль смерти моей — старец некий изрек —

Ты рад, смерти сам обойди-ка порог!
Коль всем на земле умереть суждено —
Днем раньше, днем позже, не все ли равно!
Лишь тех неизбежная смерть не страшит,
Чей дух для свиданья с Йезданом омыт.
Коль сын покидает дорогу отца,
Злодея в нем должно признать иль глупца.
Анчар, как ни холи его, ни расти,
Не может дух мускуса миру нести.
Как мог бы от корня уйти своего —
Садовник предвечный сажал ведь его!
Ствол если потянется книзу, к земле,—
Без солнца, без влаги пребудет во мгле —
Не мысли о листьях его и плодах,
При жизни он прах, после смерти он прах.
Тебе о Нушзаде поведал я сказ,
Живи добродетельно, зла сторонясь!
Когда бы отец небосводу был дан,
Он, верно, отца бы нарек — Нуширван.
Пристойно ли сыну отца предавать,
Неправдою царство его добывать!
Ты новому сказу теперь моему,
О сын мой, внемли, приступаю к нему.
Сказ древний дихкана мной заново спет,
Благой на земле да оставлю я след.
Хваленье тому, кто почтит похвалой
Сей памятник, миру дарованный мной,
Меня, что творение это сложил,
Тем славу благую в веках заслужил.
Так молвил когда-то персидский поэт *—
Четырежды тридцать, знай, прожил он лет:
К царю-правдолюбцу кто явит вражду,
Того я не к людям, а к бесам причту...

[*Недуг Нушинравана и смута, учиненная Нушзадом*]

Сей сказ, что из глуби столетий несет *
Нам мудрый дихкан, о Нушзаде пойдет.
Лишь слух к Нушинрванову сыну дошел,
Что с древом державным расстался престол,
Он двери дворца растворил и тотчас
К царевичу рать отовсюду сошлась.
Рассудок утративших, тех, что в цепях*
Держал Нуширван, рассудительный шах,
Велел неразумный царевич от пут
Избавить — впал город в смятение тут.
И вот христиане всей той стороны,

Духовным ли званием облечены *,
Иль званием воинским, к месту спешат,
Куда их скликает царевич Нушзад.
И тридцать уж тысяч с оружием их *
Собралось, пригодных для дел боевых.
Мать злато дала — у нее ведь казна
От царских щедрот пребывала полна.
Все грады окрестные взял, и прошла
Молва про Нушзада, про эти дела.
Кейсеру — недаром ведь родичем был! —
В посланье свой замысел черный открыл.
Быть вправе, мол, ты Джунд-Шапура главой,
Единой мы веры, едины душой...
Смутьянами земли наполнил вокруг *,
Поникшее счастье воспрянуло вдруг.
И вскоре известье дошло в Мадаин
Про все, что содеял властителя сын.
Тогда Мадаина правитель гонца
Послал, чтобы осведомить шаха-отца,
Все это, что втайне ему донесли,
Поведать владыке Иранской земли.
Потока стремительней мчится гонец,
И вот перед ним Нуширвана дворец.
Что слышал, властителю все повторил,
Письмо о поступках Нушзада вручил.
Царь выслушал вести, письмо прочитал,
В печаль и тревогу невольную впал.
Вот призван владыкой верховный мобед.
Воссели и тайный держали совет.
Когда укрепился в решенье своем,
Послать повелел за верховным писцом.

[*Послание Нушинравана Рамборзину, правителю области Мадаин*]

Вздыхая и морща от горести лик,
Дышавшее болью владыка владык
Посланье сложил. Славил ранее он
Создателя неба, пространства, времен,
Того, кто светилам дозволил сиять *,
Венцы даровал и царей благодать.
С былинки начни до слоновой спины,
С пылинки, чуть видной, до Нильской волны,
Всё — пусть воздымается до облаков —
Во власти Йездана, владыки миров.
Кто в силах Создателя волю сломить
И с царством кто мог бы его разлучить!..
Недоброе ныне известье дошло

Про сына и мне причиненное зло,
Еще про тюремных, сорвавшихся с пут
Злодеев, что вслед за Нушзадом идут.
Кто жаждал дождаться подобного дня,
Такого сей мир да отринет, кляня!
От смерти спастись никому не дано;
Будь это Кесра иль Нушзад, все равно,
Комар или тигр, или единорог
От смерти когтей ускользнуть бы не смог.
Разверзни земля бездну тайн роковых *,
Конец и начало деяний своих —
Узрели б: владык ее полы полны,
Грудь залита кровью героев войны.
В объятьях — немало ученых мужей,
За пазухой — толпы красавиц у ней.
Венец на главе твоей будь иль шелом —
Настигнет стрела смертоносным концом.
Короче, здесь вечно не жить никому
И сыну не век ликовать моему
По смерти моей. Те, что с давней поры,
Служа ему, ждали кончины Кесры,
Коль могут свой день отогнать роковой,
Себя да порадуют смертью чужой!
К тому же, кто смерть правосудных царей
Торопит? Лишь рода худого злодей.
Нушзад коль душой отвратился от нас,
С нечистыми дивами соединясь,—
Сим замыслам стойкости не обрести;
Сгорят, как захочет к концу привести.
Не след, чтоб о сыне подобная весть
Его предо мной уронила бы честь.
Как только с Кесрою расстался бы трон,
Не сыну ль по праву достался бы он?
Но ждать я иного не мог ничего
От веры его и злонравья его.
Нечестью предался коль сын без стыда —
Душа и моя угрызений чужда.
И тем, что успел он казну расточить,
Не мыслю я сердце свое омрачить.
Все те, что пошли за изменником вслед
И верности мне преступили обет,—
Злодеи, лишенные чести мужей,
И быть недостойны под властью моей.
Мне это, поверь, не тревожит души,
И ты их деяньями дух не круши.
Страшусь лишь вселенной Создателя, он
Над всеми премудрыми превознесен.

Того да не будет, чтоб дух мой забыл
Питать благодарность Подателю сил!
Не Он ли помог мне в боях побеждать,
Венец даровал и царей благодать.
Была б благодарность щедротам под стать,
Даяний нам было бы не сосчитать.
Ужель моя плоть, сын мой кровный, родной
Мог в месте ином сон обресть и покой,
От сна пробудившись, моим стать врагом?
Сам, видно, повинен я в горе своем!
Творца не прогневать бы мне моего,
Иного же я не страшусь ничего.
Нушзаду идущие вслед в эти дни —
В глазах моих столь же ничтожны они.
Посланье пришло от кейсера к нему,
Вода замутилась, должно, потому.
Одной они веры и мыслей одних —
Уж мнится: родство не связует ли их?
Чти прадедов веру. Тому лишь могла б
Она опостылеть, кто разумом слаб.
Тот истинный сын, кто не мыслит враждой
К отцу пламенеть, кто с ним веры одной.
Но пусть безрассудный себя совратить
Дозволил, не должно его поносить.
То было б хулой на владыку царей:
От крови он кровь, плоть от плоти моей.
Готовься к сражениям, рать созови,
Но медли, приверженность шаху яви.
А в битву коль ринется рассвирепев,—
Удерживай жажду отмщенья и гнев.
Не смерти предать — взять разумней в полон,
Быть может, в злодействе раскается он.
В нем древа достойного отпрыск признай
И мудрости влагой его орошай.
Но если достоинства презрит свои —
Главу кипариса пригнет до земли,
Отринет любовь — меч бестрепетно свой
Над ним занеси, рассеки булавой!
Коль рвется унизиться тот, кто высок,
Кто б вырвать его у злонравия мог?
Восстал он, свое благородство поправ,
Задумал напасть на владыку держав —
Не должно страшиться его умертвить,
Сам кровь свою наземь он жаждет пролить!
К кейсеровой вере стремится душой,
Венец отвергает наследственный мой —
Такого утратившим честь признаю,

Сам выбрал он жалкую долю свою!
Изрек власяницей одетый Мехрнуш,
Святой, благочестья исполненный муж:
«Коль смерти родителя рад человек —
Не знать ему радости жизни вовек».
Без мрака не зрели бы светлого дня,
Вода не пришла бы в ручей без огня.
И счастья достигнуть нельзя без трудов,
Так было и будет во веки веков.
На рок не надейся — неверный он друг:
Ядром побывав, скорлупой станешь вдруг.
Не жди, что порадует сердце добром,—
Любовь подарив, отнимает потом.
Будь в страхе, когда круговратный сей свод
Тебя обласкает и ввысь вознесет.
Воители, что за Нушзадом идут,
Безумствуют, правый отринувши суд.
Гордыней исполнено их естество,
Недобры их помыслы, речь — хвастовство.
Из войска того христиане вождя
Смущают, о вере их общей твердя.
Их вера какая? Чуть словом кого
Обидел, задел ненароком его —
Христовы веления все растоптал,
И вот уже крест ему недругом стал.
Смутьянов там всяких немало, что рать
Готовы к раздорам и злу подстрекать.
Но тщетно, нет страха пред ними в сердцах.
Их мысли, что ветер летучий в степях.
Коль сына в бою полонишь моего,
Не должен он этого слышать всего.
Не должно задеть его тело мечом,
Ни даже рубаху прорвать острием.
Не то, удрученные вестью такой,
Затворницы сына покончат с собой.
Пусть будет в чертоге своем заточен,
С ним вместе и те, кто к нему приближен.
Казну для него не закроем к тому ж,
Хоть стал недостойным сей доблестный муж.
Пусть вдоволь имеет одежд и ковров
И яств изобильных для щедрых пиров.
Нимало не должен нуждаться ни в чем,
И слов расточать не хочу я о том.
А что до марзбанов иранских, что с ним *
Шли вместе, влекомы стремленьем одним,
Обязан ты, время не тратя на речь,
Когда победишь, пополам их рассечь!

Знай, место в драконовой пасти тому,
Кто недругом станет царю своему.
И прочих карай ты, кто к нам обуян
Враждою, чей праотец — сам Ахриман.
Не вспомнить им наше добро, не понять,
Ты через Нушзада их можешь узнать
Являвших приверженность нам на словах,
Но в сердце таивших возмездия страх.
Кто, видя Нушзада, свой долг позабыть
Решился, дерзает его поносить,—
Тот ложь и хуленье возводит на нас,
Сыскав для злословия повод и час.
Внимать берегись вероломным речам!
Хулители — тайные недруги нам.
Пускай недостойный, но отпрыск он мой,
Мне сердце вещает об истине той.
Ты каждый язык, что дерзнул осудить
Нушзада, царевича имя чернить —
Вели заклеймить пред собранием всем,
Да будет весь век свой безгласен и нем!
Кто злобствуя ждет не дождется того,
Чтоб видеть паденье царя своего,
Кто к козням прибегнет и происка злым,
И путь Ахримана признает своим,
Тому в этом царстве вовек не бывать
Затем, что с владыкой дерзнул враждовать» *.

[*Битва Рамборзина с Нушзадом и наставление Пируза Нушзаду*]

К письму приложили цареву печать *,
Назад повелели посланцу скакать.
И тот пред лицом Рамборзина предстал,
Что слышал от шаха Кесры, передал.
Вручил и посланье царево потом,
В бой вывести войско — так велено в нем.
С Нушзадом велит воевать властелин
И тем не смущаться, что царский он сын.
И вождь умудренный посланье прочел,
И долго с посланцем беседу он вел.
Наутро, как только петух прокричал,
Взгремел у дворцового входа кимвал.
Покинув с дружиной своей Мадаин,
Войной на Нушзада пошел Рамборзин.
Услышал об этом Нушзад молодой
И, войско собрав, оделил его мздой:
Пришли джаселики, батрики пришли *—
Все главы богатой Румийской земли.

Шаммас, христиан предводитель, вперед
Искусных в кровавой борьбе поведет.
Клич грянул у двери Нушзада, и рать
Вдруг двинулась, бурному морю под стать;
Отравлена злобой, пылая враждой,
Из града в простор устремилась степной.
Пыль войска завидев, трубить Рамборзин
Велел и помчался пред строем дружин.
От кликов воинственных богатырей,
От грохота палиц, от скачки коней,
Сказал бы ты, сердце гранита рвалось
И солнце палящее тьмой облеклось.
В средине Нушзад в снаряженье своем,
Надвинув блестящий румийский шелом,
Выводит на бой христианскую рать *,
Земли из-за конских копыт не видать.
И в воздухе вопль исступленный разлит.
Сказал бы ты, прах закипает, бурлит.
Выходит в кольчуге почтенный боец,
Он звался Пирузом, тот старый храбрец.
«Нушзад благородный! — Пируз возгласил,—
Кто с правой стезею тебя разлучил?
С войсками властителя в бой не вступай,
В сражении этом раскаешься, знай!
Ты веру царя Каюмарса отверг *,
Хушанга завет, Тахмураса отверг.
Исой был отвергнут пречистый Йездан *,
Зато и повержен вводивший в обман.
Тот может ли вере людей научить *,
Кто сам был не в силах себя защитить!
Когда б осеняла его благодать,
Какой бы с ним мог иудей совладать!
Про славного слышал царя своего —
Что с Румом содеял, с кейсером его?
С ним ныне вступаешь ты дерзостно в бой,
Надменно возносишься к небу главой!
Лицо твое — месяц, твой стан — кипарис,
Рука — булава исполина. Стыдись,
Ужели ты разума вовсе лишен?
Каким заблужденьем твой дух омрачен!
При жизни родителя трона искать —
Закону и вере сие не под стать.
Покинет он царство, и станет оно
Твоим. С венценосным сражаться грешно.
Жаль славы и жизни твоей, и венца,
Зачем рокового ты ищешь конца!
Не лев ты свирепый, не тигр, и тебе

С владыкой Кесрою не сладить в борьбе.
О славный, на росписях даже стенных
Не видел я всадников столь огневых,
Узду столь искусно держащих, как ты,
Удар булавой наносящих, как ты.
Нет, глаз живописца таких не видал,
Подобных царевичей мир не рождал.
Столь юный, почто огорчаешь отца!
Не дай омрачиться сиянью венца!
Спускайся с седла да пади пред царем,
И палицу брось, и румийский шелом.
Когда бы хоть раз — да не будет того! —
Пыль с ветром коснулись лица твоего,
Отец бы охвачен был горя огнем,
Заплакало б солнце о лике твоем!
Вражды семена ты не сей на земле,
Владыкам коснеть не пристало во зле.
Коль добрый совет мой теперь отметешь,
Строптивость являя, войну предпочтешь,
Ты речи Пируза припомнишь, казнясь,
И тяжкие вздохи испустишь не раз *».
Нушзада слова раздаются в ответ:
«О полный гордыни на старости лет!
Я ль сдамся трусливо, властителя сын,
Прославленный вождь закаленных дружин!
Знай, дух мой не верой Кесры привлечен,
Нет, мил материнской мне веры закон.
Ее, христианки, завет берегу,
Я с ним разлучиться вовек не могу.
Хоть пал преисполненный веры Иса,
Его не отринули, знай, небеса.
К Йездану пречистому чистый восшел,
От мрака земли вознестись предпочел.
Коль здесь не уйду от конца своего,
Что ж, нет ведь бальзама от яда сего!»

[*Битва Рамборзина с Нушзадом*]

Пирузу Нушзада ответ прогремел,
И воздух померк от Нушзадовых стрел.
Вперед устремились для ярой борьбы
Бойцы под раскаты литавр и трубы.
В бой ринулся вождь. Что небесный огонь *,
Навстречу противнику мчал его конь.
Иранское левое смял он крыло *,
Немало воителей там полегло.
Уж витязей нет перед строем дружин,
И это увидя, вскипел Рамборзин.

Слать стрелы велит чаще града весной,
Чтоб хлынули будто бы дождь проливной.
В той битве жестокой был ранен Нушзад,
В ушах наставленья Пируза звучат.
До сердца дружин, изнемогши от стрел,
Домчался, от муки лицом пожелтел
И молвил румийцам: «Злосчастьем, стыдом
Сражен будет тот, кто враждует с отцом!»
Призвал он епископа, болью томим,
И душу, рыдая, излил перед ним.
Сказал: «Видно сам я виною, что рок
Меня столь мучительной смерти обрек!
Лишь только я стану добычей земли,
Гонца к моей матери тотчас пошли:
Нушзад, мол, покинул сень мира сего,
Ни зла, ни добра здесь уж нет для него.
Сей вестью твой дух да не будет сражен —
Таков он, обители бренной закон.
Назначен был жребий мне горький такой —
Как мог я быть радостен, светел душой!
Для смерти живущее все рождено.
Не плачь, и тебе ведь уйти суждено.
О том, что убит, не горюет Нушзад,
Отцу тяжелее, он жизни не рад!
Труд долог, не ставь усыпальницу, трон *,
Сверши христианский обряд похорон.
Что мускус, к чему камфара и алой
Тому, кто погиб, пораженный стрелой».
Сказал и сомкнул молодые уста.
Где доблесть Нушзадова, где красота!..
Лишь войско узнало о смерти вождя,
Рассеялось тут же, в смятенье придя.
Услышал, что пал молодой властелин,
И к телу его поспешил Рамборзин.
Не стали преследовать уж никого,
Добычи не вывезли с поля того.
На юношу в горе взирают: мертва,
В объятьях монаха его голова *.
И плач безутешный над полем встает,
И сам Рамборзин слезы горькие льет.
Епископа после расспрашивать стал:
Нушзад, умирая, мол, что завещал?
Ответил: «Главу пусть увидит лишь мать
Открытой, другим же не должно взирать.
Как чин христианский велит, облачить *
Должна, и в земле ему дать опочить.
Гробницы и мускуса не пожелал

Затем, что израненный стрелами пал.
Парча не нужна, ни корона, ни трон,
Ведь смерть свою принял от подданных он.
Покоится ныне душа во Христе,
Хоть не был врагами распят на кресте».
Там не было меж христиан одного,
Кто в горе б лица не терзал своего.
Утратою тяжкою каждый сражен,
Стон в городе встал средь мужей, среди жен.
Не стало отважного, полного сил,
Кого Нуширван словно душу любил!
В табут * положив и подняв от земли,
Его на руках три фарсанга несли.
Царевича мать услыхала о том
И пала, венчанная, наземь лицом.
Покинув дворец, с непокрытой главой
Бредет, окруженная скорбной толпой.
Завесой сокрытую, в горе, в слезах
Ведут ее, сыплют на головы прах.
И вот уже юный схоронен Нушзад,
Примчал его ветер и ветром он взят!..
Народ Джунд-Шапура, душою горя,
Оплакивал раннюю гибель царя.
Что алчностью душу томишь, человек,
Коль знаешь — земной быстротечен твой век!
Учись размышлять о конце, и тщеты
Чуждайся — отравлены эти цветы!
Лишь правдой и верой влеком будь всегда,
Кто бога гневит — не избегнет вреда.
Уверившись в милости божьей, беги
От скорби, заботою сердце не жги!
Вина золотого спроси, коли есть *,
Не должен ты радость греховною счесть.
К веселью, не к буйному хмелю ты рвись,
Недолжного я не сказал, не дивись!
Коль сердце любовью к Али зажжено *,
В день судный тебе заступленье дано.
В душе у царя — мой да помнит завет —
Пусть вечно не гаснет веселия свет!
Махмуда-владыки *, чьи славны дела,
Кому в каждом сердце не молкнет хвала,
Венцу его — неба опорою стать,
От фарра его — солнцу вечно сиять.

[*Сон Нушинравана*
и появление во дворце Бузурджмехра] *

А ныне, лучом новизны озарясь,
Пойдет о благом Бузурджмехре рассказ.
Сон вещий ты вещью пустой не считай,
В нем доля пророчества сыщется, знай,—
Тогда особливо, коль узрит его
Дух светлый владыки владык самого.
То вечные держат светила совет,
В пути их речений теряется свет
Не весь: духом светлые видят во сне
Грядущего тайну, что пламя в волне.
Однажды в ночи почивал Нуширван *,
Кто счастьем недремлющим был осиян.
Во сне увидал он, воссев на престол,—
Росток, что стволом величавым взошел.
И стало в нем сердце тогда ликовать,
С вином и певцами воссел пировать.
Но вторгся на пир, что весельем гремел,
Вдруг вепрь острозубый и рядом воссел;
Безудержно стал упиваться вином,
Хлебнул у владыки из чаши притом.
Лишь солнце в созвездье Тельца поднялось
И пение утренних птиц разнеслось,
Воссел Нуширван удрученный на трон,
Терзал его сердце приснившийся сон.
Зовут во дворец толкователей снов
И радов сажают, благих мудрецов.
И тем, что как светоч сияли стране,
Поведал владыка, что видел во сне.
Безмолвствует главный мобед * оттого,
Что в памяти не отыскал он сего.
В незнанье своем кто сознаться готов,
Всегда избежит укоризненных слов...
Увидя, что сон мудрецам разгадать
Невмочь, венценосный стал средства искать.
Мобедов испытанных, мудрых призвал,
Им в разные мчаться края приказал.
И каждому полную дал он суму,
Суля к возвращенью награду ему,—
Дирхемов же каждый из тех кошелей
Вмещал десять тысяч,— и после мужей
Послал во все стороны — мудрых искать,
Обученных темные сны толковать,
Владеющих знаньем таким, чтоб могли
Постичь сновиденье владыки земли;
Нашедши, кошель полновесный вручить,

Признательность царскую с тем посулить.
И вот уже в разные мчатся концы
Разумные, зоркие шаха гонцы.
Один из посланцев его — Азад-Серв,
С Кесрою расставшись, направился в Мерв.
Весь град обошел он, усердьем гоним.
Вот старец и Зенд-Авеста перед ним*;
Сердито, не переставая, кричал *
Тот старец — он Зенду детей обучал,
И отрок с ним рядом, постарше других,
Не в силах от строк оторваться святых.
Всех больше влеком он писанием тем,
Его Бузурджмехром прозвали затем.
Тут всадник с дороги свернуть поспешил,
В чем смысл сновиденья царева — спросил.
Ответил старик: «Не знаток я сего,
Чужд прочего, Зенда лишь друг одного.
Мной детям внушаются Зенд, Авеста,
Раскрыть об ином не дерзаю уста».
Задумался отрок, посланца вопрос
Услышав; лицо что огнем занялось.
Промолвил он: «Это добыча моя,
Могу сновиденья разгадывать я».
Но гневный раздался учителя крик:
«Свою ты тетрадь исписал, ученик?
Сны вздумал теперь толковать, вкривь и вкось,
Уснуть бы голодным тебе не пришлось!»
«Что, если дано ему знанье? — гонец
Промолвил.— Дитя не брани, о мудрец!
Как знать, он, быть может, не только тобой
Обучен — счастливой своею звездой».
«Поведай теперь же, коль нечто постиг»,—
Угрюмо сказал Бузурджмехру старик.
Тот молвил: «Скажу лишь царю одному,
К престолу допустит когда своему».
Коня и дирхемы гонец ему дал,
Ни в чем, ему надобном, не отказал.
Вдвоем, веселы, что средь сада фазан,
Из Мерва помчались к властителю стран,
Толкуя в дороге о славном царе,
О блеске, величии, царском дворе.
До места, где речки плескалась волна,
Добрались; уж время трапезы и сна.
Тенистое дерево выбрав, сошли
С коней, и насытясь, в тени прилегли.
Умолк Бузурджмехр, на лицо натянул
Платок и тотчас безмятежно уснул.

А муж благородный, деливший с ним путь,
Еще не успел той порою уснуть.
Вдруг видит — большая змея приползла *,
Стянула платок с молодого чела,
Обнюхав всего от макушки до пят,
На дерево тихо вползает назад.
Проснулся меж тем Бузурджмехр, над собой
Увидел змею меж густою листвой,
И отрока тут же заметив испуг,
Змея среди зарослей сгинула вдруг.
Тут шахский гонец в изумленье пришел,
Молитву Творцу многократно прочел,
Над отроком в сердце своем говоря:
«Высокая ждет его честь у царя!»

[*Бузурджмехр истолковывает сон Кесры*]

Покинули рощицу, мчатся вперед,
И вот им открыт к повелителю вход.
Ребенка оставив, к престолу спешит
Посланец и шаху Кесре говорит:
«О царь Нуширван, ты вкушаешь покой,
А счастье не дремлет над царской главой.
Отсюда помчался я в Мерв налегке,
По Мерву бродил, что фазан в цветнике.
На школу набрел. Одного из детей
Я к милости ныне доставил твоей.
Поведал он, что от ребенка слыхал,
Какое деянье змеи наблюдал.
Ребенка тотчас подозвал шаханшах,
О сне повествует в подробных словах.
Лишь выслушал отрок владыки рассказ,
Ум мыслей исполнился, речь полилась.
«О царь,— отвечал он,— в покоях твоих,
Средь жен и невольниц твоих молодых,
Знай, некий скрывается юноша, он,
Как жены, одет и фатой облачен.
Чужих из дворца своего удали,
Чтоб замыслы наши до жен не дошли.
Все мимо тебя, до единой жены,
Прошествовать медленным шагом должны.
Как смел к изголовью могучего льва
Раб дерзкий прорваться — спроси, и слова
Ответа услышишь». Чужих отпустил
Кесра, все дворцовые входы закрыл.
И вот уж одна за другой, не спеша,
Разубраны, благоуханьем дыша,
Чаруя стыдливой и нежной красой,

Затворницы шаха идут чередой.
Средь женщин обманщика не разглядев,
Уже разъярился Кесра, словно лев.
Но сна толкователь «Не верь! — говорит.—
Пробравшийся раб между женами скрыт.
Прикажешь нагими прошествовать им —
Вмиг истина взорам предстанет твоим».
Прислужникам велено снова идти,
Стремительней дыма всех жен привести.
«Шагайте! — приказ властелина суров,—
Отбросьте стыдливости женской покров!»
И снова проводят их мимо него,
Уж мыслит: «Не кроется в сне ничего» *.
Но тут обнаружился раб среди жен,
Стан — тополь, лик царской красой озарен.
Дрожал, словно ива, утративши речь,
Не чаял уж милую жизнь уберечь.
Затворниц тех семьдесят было — стройней
Возросших в саду молодых тополей.
Меж юных красавиц — из Чача княжна,
Вся словно из кости слоновой она.
Был в доме отцовском невольник ей люб,
Он телом — жасмин, амброй веет от губ.
Под видом раба неразлучен был с ней,
Берег ее — родичей кровных нежней.
«Сей раб,— вопрошает невольницу шах,—
Откуда, и вырос на чьих он руках?
Как вторгся, отвагою дерзкой горя,
В заветный покой Нуширвана-царя?»
Сказала в ответ: «Это брат мой родной,
Он младше, от матери с ним мы одной
Родились, отец же другой у него,
Меж нами греховного нет ничего.
Оделся он так от стыда, пред царем
Предстать не дерзнувши в обличье своем».
Был надобен той луноликой предлог —
Пред царскою ревностью страх ее жег.
Царь понял: неверная ложь говорит.
От скорби и гнева в нем сердце горит.
Разгладиться не дал суровым бровям.
Дивится он двум молодым существам
И, гнев не сдержав, говорит палачу:
«Обоих во прахе сокрыть я хочу!»
И тот, кто убийство избрал ремеслом,
Раба поволок беспощадно бегом,
В покоях повесил и милую с ним,
Чтоб было грешить неповадно другим.

Одежда и конь разгадавшему сон
Достались, и золотом он награжден *.
Дивится познаниям отрока шах,
О вещих его размышляя речах.
Велит его имя в диван занести *
Средь мудрых, чьим взорам открыты пути.
Так счастье юнцу улыбнулось светло *,
И слава ему озарила чело.
Шло время, все новые блага даря
Рожденному радовать душу царя.
Рассудком и сердцем пытливым Кесра
Владел, был царем справедливым Кесра.
Имел при дворе умудренных мужей *,
В науке любой искушенных мужей.
Их семьдесят красноречивых, благих,
И пища, и ложе — все было у них.
Когда оставался досуг от забот,
От шумных пиров и охот, и щедрот,—
Все новому он мудрецу задавал
Вопросы, познаньями ум насыщал.
Был новым тогда Бузурджмехр молодой —
Умен, сладкоуст и хорош был собой.
Успел, хоть и был он и молод, и нов,
У мудрых учась, превзойти мудрецов,
Стать первым, стяжав за успехом успех,
Меж тех звездочетов, философов тех.
Всех тоньше постиг он законы светил,
Врачам бы искуснейшим не уступил.
Умом, глубиною суждений своих
Прославился меж умудренных, благих.

[*Пир Нушинравана с мобедами и наставления Бузурджмехра*]

Однажды, столы повелев накрывать,
Мобедов своих пожелал он призвать,
Исполненных знанья, влекомых к нему,
Которым по сладостной речи, уму
Нет равных. Сошелся мыслителей круг,
Познавших глубины различных наук.
Насытившись пищей, спросили вина,
Свет радости черпали в силе вина.
Пытливый владыка сказал мудрецам:
«Сокрытое знанье поведайте нам.
Пусть каждый, чтоб сердце порадовать мне,
Откроет, что разум таит в глубине».
И каждый, кто в знании долей владел,
Кто был в изложенье искусен и смел,

Речь новую вел пред великим царем,
Что жаждал беседы с благим мудрецом.
Те речи когда Бузурджмехр услыхал,
К наукам влеченье царя увидал,
Поднялся, почтил венценосца хвалой
И молвил: «О царь справедливый, благой!
Да славит земля твой блистающий трон,
Венцом твоим будь небосвод озарен!
Когда б с твоего дозволения смог
Твой раб с языка снять молчанья замок —
Речь стал бы держать, хоть не стою сего,
Хоть знанья ничтожнее нет моего.
Но знанье на суд Ноширвана-царя
Несу — укорять меня стали бы зря!»
На мудрого глянув, ответил ему
Кесра: «Прятать знанье, ты прав, ни к чему».
Над речью тут юноша власть показал;
Вдруг свету прибавилось — ты бы сказал.
Он столько изрек наставлений благих,
Что радость объяла мобедов других.
Сперва, лишь уста разомкнуть он успел,
Создателю мира хваленье воспел.
Потом поучал он: «Чьи мысли ясны,
Тех коротки речи, но смысла полны.
А тот, в чьем уме торопливость царит,
Туп мыслью, хоть множество слов говорит.
Кто волю дает бесполезным речам,
Людским не бывает любезен очам.
О доблести, не о богатстве земном
Заботься! Мир бренен, лишь гости мы в нем.
Будь каждому дан нескончаемый век,
Наполнил бы мир через край человек.
На свете всего человечность нужней,
Ни в чем не расходится знание с ней.
От правды во всем существе твоем свет.
Наплачешься с кривдой от мрака и бед!
Желанию сердца покорен любой,
И нрав оттого у любого — другой.
Коль нрав у другого на твой не похож,
С ним жить тебе должно в согласии все ж.
Тот ближнего силится опередить,
Кто блага земные стремится нажить.
А знающий, мудрый,— дух радости в нем,
В сем мире он телом, душою — в ином.
Того не ищи, что найти не дано,—
Боль сыщешь, томление духа одно.
Правдивость у сильного духом найдешь,

Родятся от слабости кривда и ложь.
Коль знания не достает твоего,
Молчаньем украсишься лучше всего.
Коль знаньем своим обольстишься — беда!
Гордыня твой разум похитит тогда.
Свободный от алчности — вот кто богат,
Блажен, кто душою не алчности брат!
Мир с разумом — братья, друг миру — мудрец,
А мудрость — души драгоценный венец.
Врагом беспощадным иметь мудреца
Отраднее, нежели другом — глупца.
Богат, кто доволен, кто, мудрым под стать,
Корысть и заботу сумел обуздать.
Коль учишься — скромности зову внимай,
Познавшего, мудрого слову внимай.
Коль разум затмился и слово темно —
Победы в делах не стяжать все равно.
Тому, кто познанья успел позабыть,
Не лучше ль язык от речей отучить.
Когда в изобилье владеешь добром,
Конями и золотом, и серебром —
Разумный предел бережливости знай,
Не жмись и бессмысленно не расточай.
Врага своего сторонится мудрец,
И враг ему станет слугой под конец.
Победы в борьбе добивается тот,
Кто дел справедливых стезю изберет.
Когда бесполезную речь изречешь,
Лишь дым из сего ты огня извлечешь.
Что мысль о несбыточном в сердце растить!
Кто смог бы железо водой просверлить!
Коль скромен властитель — он мудрости брат,
От знанья велик и могуч, и богат.
Признавший твореньем Создателя свет,
Судьбы не страшится, избавлен от бед,
Когда поклоненье Творцу принесет,
От происков дива он душу спасет;
Деяний недолжных не станет свершать,
Не станет безвинных, благих удручать.
Деяньями каждый да славит Творца,
Кормильца людей, пестуна и отца!»
От мудрых речей Бузурджмехра чело
У каждого знатного стало светло.
Дивятся, внимая, Совета мужи —
В сем юноше сколько величья души!
Любуется им в изумленье Кесра,
Зовет старшину казначеев двора

И первым велит, начиная тетрадь,
В нее Бузурджмехрово имя вписать.
Меж знатных мужей Бузурджмехра звезда,
Что солнце с небес, засияла тогда.
От царского трона едва разошлись,
С почтеньем вкруг юноши вновь собрались;
Ума в нем узрев воплощенье, продлить
Просили речей назидательных нить.
И юноша вновь отверзает уста,
Светло его сердце, душа в нем чиста.
Сказал он: «Благого царя почитать
Нам должно, сомненьем души не смущать.
Он пастырь, мы овцы; иль впору любя
Сравнить его с небом, с землею себя.
Греховно владыки завет преступать,
Ему принесенный обет преступать.
Нам радостью быть его радость должна;
Должны, да прославим его времена,
О доблестях царских молву разносить
И тайны его нерушимо хранить.
Пусть лаской он дерзость тебе не внушит,
Ведь пламень и лютого льва устрашит!
Коль шаха веленье отринет гора *,
То горе и ей, не видать ей добра!
Добро от царя и нашествие зол,
Темница и цепи, венец и престол.
Глава венценосца под фарром Творца *,
Здесь черпает радость душа мудреца.
От дива все те, что не рады ему,
Высокое знанье — их чуждо уму».
Вновь юноша радость речами вдохнул
В мужей, скажешь, дряхлому юность вернул.
Расходятся в думах о мудрых словах,
Хвала Бузурджмехру у всех на устах.

[*Второй пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами*]

В неделю вторую дух светлый царя *
Вновь с мудрыми встречи возжаждал, горя
Стремлением к знанию, сбросивши гнет
Мирских помышлений, державных забот.
Явились достойные трон окружать,
В ком чистого знанья жила благодать,—
Собранье испытанных жизнью, седых
И, словом владевших, мужей молодых.
Среди мудрецов благомысленных тех
Воссел и мудрец молодой Бузурджмехр.

Когда пред высоким престолом сошлись
Разумные, чья проницательна мысль,
Все взоры привлек Бузурджмехр оттого,
Что царь благосклонно взирал на него.
Речь начал один из прославленных тех;
О роке услышал вопрос Бузурджмехр *:
Дай, мол, толкованье названью сему,
Кто, мол, положил основанье сему...
Ответил: посмотришь, иной человек
В трудах уже с детства проводит свой век.
Но хлеб его в муках тяжелых добыт,
Удача навстречу ему не спешит.
Другой, хоть достоинств * лишенным возрос,
В блаженстве живет, возлежит среди роз.
К Йездану прибегни, подателю сил,
Премудрый пестун, так он мир сотворил.
Бесплодно с решеньем судеб не борись *,
Его не изменишь ты, сколько ни тщись...
Спросил: обладатель достоинств каких
Всех выше, во всем превосходит других?
Владеющий знаньем,— сказал,— чьи труды
Для мира приносят благие плоды...
Спросил: что достоинством высшим сочтешь,
Премудрости мудрых венцом назовешь?
Ответил: смиренье, во всем простота,
К другим снисхожденье, души доброта.
Смиренный с главою склоненной идет,
Даруя, даяний ответных не ждет.
Своим лишь трудом добивается благ,
Усердно равняет со спутником шаг...
Спросил: из достигнувших званья мужей
Кто действует всех справедливей, мудрей?
Сказал: кто, пороки свои распознав,
Исправил обычай, улучшил свой нрав...
Спросил: что поможет нам — как разгадать —
Жить радуясь, меньше от жизни страдать?
Сказал: коли сердце мудрец обучил
Терпенью — он в сердце веселье вселил.
Берет ли, вручает ли — в деле любом
Лукавству он чужд, только правдой влеком;
Противников милует, их одолев,
Прочь гонит и жажду отмщенья, и гнев...
Еще вопрошает он: кто из людей
Всех больше печется о жизни своей?
Сказал: кто призывом страстей не влеком,
Нрав добрый и великодушие в ком,
А также и тот, кому слабость чужда,

Кто стоек, когда подступает беда...
О даре спросил: для достойных, мол, он
Когда благодатней с обеих сторон?
Ответил: когда, милосердьем ведом,
Дарящий дарит без моленья о том,
Всех раньше он жатву с посева сберет,
Весна его дважды порадует в год.
А кто благодарности ищет, под стать
Того торгашом, не дарителем звать...
Спросил: отдавать предпочтенье чему ж?
Чем в благодеяньях украсится муж?
Ответил: коль щедрость привыкший являть
Достойному помощь сумел оказать —
Как тополь садовый, он выпрямит стан,
Печалью не будет вовек обуян,
А низкий, хоть амброю будь он омыт,
Все тот же. Колючка цветка не взрастит...
Сказал: в этой бренной юдоли мирской
Скорбей не избегнет и мудрый, благой.
Что делать, чтоб доброе имя спасти,
К благому концу от начала идти?
Ответил: мужайся, в грехе не косней,
Люби, как себя, всех на свете людей.
Душой от чего отвращаешься сам,
Того не чини ни врагам, ни друзьям...
Спросил: быть у мудрых должно каково
Старание? В меру иль больше того?
Ответил: свой разум всегда вопрошать
Нам должно, обдуманно все совершать.
Коль хочешь плоды обрести от трудов —
Как дело приспело, к трудам будь готов...
Удел порицаемых стоит лишь слез,
Кто ж стоит хвалы? — раздается вопрос.
Сказал: кто сильней на Творца своего
Надеется, также боится Его...
Спросил: ты, в ком светлая мудрость живет,
Превысивший взлетом ума небосвод,
Ответь: лучший жребий какой бы мне мог
Послать самовластный изменчивый рок?
Ответил: кто сердцем смятению чужд,
Свободен от всяких желаний и нужд,
Тот щедро дарами небес наделен,
Исполнится пусть благодарностью он...
Спросил: есть ли знанье, что может дарить
Нам счастье и радостью дух озарить?
Ответил: уменье собой овладеть,
Нападки бесстыдного молча презреть,

А также уменье свой гнев угасить,
Того, чьей виною разгневан, простить...
О муж прозорливый! — другой вопросил.—
Хвалу умудренного кто заслужил?
Ответил: кто мудростью только ведом
И что невозможно, не тужит о том.
Кто даже коль близких земле предает —
Отчаянью сердце крушить не дает.
И вихрям, корчующим ивы, под стать
Умеет с надеждой несбыточной рвать...
Еще вопросил: что негоже царям
И праведным боль причиняет сердцам?
Ответил: владыки — так мудрый изрек —
Пороков должны избегать четырех:
Вот первый — со страхом на бой выходить,
Второй — это с сердцем стесненным дарить,
А третий — совет мудреца отвергать,
Где действовать должно и славу стяжать.
Четвертый — являть торопливость во всем,
Трудясь, распрощаться с покоем и сном...
Спросил: беспорочным кого назовешь,
В вину благородным вменяется что-ж?
Промолвил: ответ откровенный я дам,
Сам разум ведь этим свидетель словам.
Позорно для знатных притворствовать, лгать,
Злодейством, неправдой величья искать,
Себя над владыками превозносить,
Безвинным и праведным сердце крушить;
Хулителя также осудит молва,
Чья смут и раздоров полна голова...
Спросил: кто не ищет вреда никому,
Какое полезнее свойство тому?
Ответил: стремлений достигнет своих,
Кто слов, кроме правды, не молвит иных.
С глазами бесстыжими речь расточать,
Крик мягкому говору предпочитать
Негоже тому, кто слывет мудрецом,
Верх страсти давать над рассудком притом...
Другой из собрания мудрых мужей
Спросил: кто во благо для жизни своей
Свершает все действия так, что труды
Приносят и близким благие плоды?
Ответил: кто в каждом деянье готов
Прибегнуть к Йездану, владыке миров,
Творцу дня и ночи, и солнца с луной,
Оплоту, источнику жизни земной;
Деянья и сердце, и думы свои

Отдавший на волю владыки земли;
Кто тело и душу свою бережет
От алчности, от непрестанных забот;
Заботится также о слугах своих,
И бедных питает, печется о них.
Несет своим детям учения свет —
Не должно невеждам наследовать свет!
Коль сын исполняет веленья отца,
Достоин он благоволенья отца...
Еще вопрошает о сыне благом,—
Как должен он быть ублажаем отцом?
И слышит спросивший ответ мудреца:
Сын добрый дороже души для отца.
По смерти он имя отца сбережет *,
За то его сыном мудрец и зовет...
Спросил: о богатстве, что сладко сердцам,
Какое сужденье поведаешь нам?
Богатство — сказал — возвышенье сулит,
Нехватка его униженье сулит.
Возвысит, коль нуждам послужит твоим
И добрый твой нрав обнаружится им.
Но если не пущено в дело оно —
Алмаз иль булыжник — не все ли равно!...
Спросил: из увенчанных славных владык
Кто людям любезен, душою велик?
Ответил: венчанный властитель такой,
При ком огражден от насилья благой,
Чей голос заслышав, трепещет злодей,
Земля под державой блаженствует чьей...
Чем люди богаты — спросили потом —
Злосчастным кого назовешь бедняком?
Ответил: богат, кто уделом своим
Доволен, ниспосланным роком самим.
Кто в мире несчастлив судьбой, для того
Зловреднее алчности нет ничего...
Дивятся мужи, прославляют его,
Все чествуют, все величают его.

[*Третий пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами*]

Срок после того семидневный прошел,
Вновь царь-победитель воссел на престол.
Всех скликнул, что мудростью одарены
И знанием, и красноречьем сильны.
О разном держали по-разному речь,
Но сердце его не сумели привлечь.
И молвил тогда Бузурджмехру Кесра:

«Ты скромен, но скромность отбросить пора!»
Владеющий знаньем уста отворил,
О всякой премудрости он говорил.
Вначале владыке хваленье воздал,
Побед венценосной главе пожелал
И так продолжал: «Возвышенье людей
В одном — от худых удаляться путей.
Свое всеми силами знание множь,
Испытывай знание разумом все ж.
Чтоб славы добиться, отвага нужна,
К трусливым земля отвращенья полна.
И доблесть нужна, коли ищешь престол,
Чтоб плод, не одну только зелень обрел.
О доблести если беседа зайдет,
Не должно ссылаться на царский свой род.
Без доблести знатность никто не почтит,
Царь некий недаром о сем говорит:
Что цвет, коли нет аромата в цветке!
Искать у огня ли воды, что в реке!
Царь только щедротами славен, богат,
Не кладами, что в подземелье лежат.
Добро прославляя в прекрасных речах,
Явить не забудь добродетель в делах.
Муж разума полон смирения, он
Разумным по милости неба взращен.
И муж простодушный заслужит того ж,
Коль сердцем отринет коварство и ложь.
Ствол верности — разум средь мира сего,
И царскому сердцу — плод первый его.
Не древо ли верности — разум? Его
Плод первый дай сердцу царя своего.
Коль благодеяньем своим попрекнешь,
Награду высокую не обретешь.
С тем счастье, чье сердце надежды полно,
Блажен, кому быть терпеливым дано.
Кто в мире владычество хочет добыть,
Достоинства должен сперва накопить.
Ум, знание надобны прежде всего,
Сокровища опыта после того.
Помощника, в-третьих, умей избирать,
В деяниях — благо от зла отличать.
В-четвертых, свет правды да будет с тобой,
Ты с сердца порок и нечестие смой.
А в-пятых, для дела себя не жалей,
Трудись, сколько силы достанет твоей.
Коль сильный жалеет старанья свои,
Ему не исполнить желанья свои.

Но если усердье предел перейдет,
В беду неудачник усердный впадет.
Пять качеств еще у разумного есть,
Что вред никому не могли бы принесть,
И семь у невежды их должно считать,
Мешающих действий плоды пожинать.
Во-первых, коль разумом муж одарен,—
О том, что прошло, не печалится он.
Душой не ликует, вдруг ставши богат,
Душой не тоскует от тяжких утрат.
От ложных надежд отказаться готов,
Искать не помыслит на иве плодов.
Избегнув страданий и бед, каждый миг
Грядущего все ж опасаться привык.
Коль беды нагрянут, несметным числом,
Не дрогнув, к лицу их встречает лицом.
А вот и невежды свойств сказанных семь:
Яриться, хоть гнев не оправдан ничем.
Делить с недостойным богатства казны,—
Не будут щедроты вознаграждены!
Творцу благодарности не воздавать,
Сердечных глубин своих не познавать
Еще — об ушах забывая чужих,
Кричать во весь голос о тайнах своих,
Еще, не сдержав неуместную речь,
Себя униженью и мукам обречь.
Еще — в ненадежном опору искать,
И нежности шелка от терниев ждать.
А также упорствовать в сказанной лжи,—
Бесстыдством успех не стяжают мужи!
Владыка высокий, добавлю к сему —
Вреда в назидании нет никому! —
В собраньи мужей кто молчанье хранит,—
Тот радостью сердце свое озарит.
Внимай умудренному — в теле ты мощь,
В душе разуменье тогда обретешь.
Запомни все то, что промолвил мудрец,
Престол коли знание, слово — венец.
Чтоб знанье плоды принесло, от оков
Реченьем избави жемчужины слов.
Чтоб славой греметь — извлекай свою речь,
Как будто из ножен отточенный меч.
С невеждою дни проводить не стремись,
Тем головы низких вознес бы ты ввысь.
Лишь знанием душу и ум просвещай,
Дух ложью презренной, смотри, не прельщай.
Коль знающий речь начинает,— в тиши

Ему ты внимай, перебить не спеши.
Ты силу в речах мудреца почерпнешь,
Сам после подобные произнесешь.
От нужд избавление в знанье найти
Сумей, сколько б тягот не встретил в пути.
Правдивый язык коли с сердцем в ладу,
Любую, поверь, отвращает беду.
Душа Нуширвана-владыки всегда
В познанье бессилью да будет чужда...
Спросил еще разумом острый мобед:
Что знаешь ты, людям несущее свет,
Благое, такое, в чем скрыта для них
Свобода от всяких страданий людских?
Сказал: умудренный не знает беды,
В обоих мирах пожинает плоды...
Спросил: если ж мудрость уму не дана?
Ведь луч благодати, дар божий она.
Сказал: также знанье источник благой;
Кто знаньем владеет — всех выше главой...
Спросил: если ж знанья путем человек
Не шел, не пригубил той влаги вовек?
Ответил: с противником грозным в бою
За жизнь трепетать да не мыслит свою.
Коль силой владеет, на ратных полях
Пусть ярых врагов повергает во прах,—
Довольство и власть обретет, озаря
Немалою радостью душу царя...
Спросил: если ж это ему не дано,
Ни знание, ни благочестье равно?
Ответил: тогда да покроет его
Смерть черным шеломом — так лучше всего!..
Спросил: от желанной смоковницы той,
Что мудрым посажена вешней порой,
Как сможем плодами уста усладить,
Под сень ее листьев с отрадой ступить?
Ответил: от зла кто язык удержал,
Речами души никому не терзал
До содранной кожи,— любезен сердцам,
Покой и отраду вкушает и сам;
Все трудное легким бывает ему,
И недруг и друг помогает ему...
Так молвил: злодейства отвергнувший путь,
К достойным, великим не вправе ль примкнуть?
Сказал: злодеяния древу равны,
Плоды на котором отравы полны...
Добавил о речи: твоя коль мягка,
Ответная также не будет жестка.

Поистине ранит язык словно меч!
Коль ранить не хочешь, обдумывай речь.
Кто скуп на слова и царю своему
Кто предан — стоять у престола тому.
Те мудры, что бед непришедших не ждут,
От них, словно зверь от капкана, бегут;
А также, кто знаньем порок отмести
Способен, души чистоту соблюсти,
Деянья недолжного не совершит
И сердце безвинному не сокрушит,
И черпает благо из каждого дня,
О днях ненаставших заботу гоня,
Как дичь, от врага ускользает хитро,
А с другом — одно, что стрела и перо.
Есть радость, несущая горький конец,
За нею не гонится истый мудрец.
Гони от себя нерадивость и лень,
Трудись, и блеснет тебе праздничный день.
На свете ценой лишь усилий даны
Все блага, ленивый не скопит казны.
Цвети же во дни Нуширвана, страна!
Да будет звезда его вечно юна!...
Слов много еще было сказано там,
Благих, пробужденье дарящих сердцам.
Сказавшему честь мудрецы воздают,
Мобеды и витязи славу поют.
Владыку державы почтили хвалой,
И каждый ушел, просветленный душой.

[*Четвертый пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами*]

Прошло две недели, и царь в некий час,
От войска и дел его освободясь,
Собраться велит во дворце мудрецам,
Мобедам и радам, достойным мужам.
Вопрос за вопросом Кесра задает —
Что тело, мол, для человека, что род?
Про медленность и торопливость вопрос,
Про знание, про справедливость вопрос,
Про царство и доблесть, и царский венец,
Где счастью начало, где счастью конец,—
О сем и о прочем, что надобным счел,
С мобедами мудрыми речь он завел.
Те, в меру познаний своих говоря,
Порадовать все ж не сумели царя.
Тогда обратил к Бузурджмехру он речь:
«Сияющий жемчуг не время ль извлечь?»

Ему Бузурджмехр отвечает хвалой:
«О царь милосердный и чистый душой!
Вовеки венца не носил ни один,
Достоинством равный тебе властелин,
Правленьем благим, благодатью святой,
Величьем, удачей, умом, красотой.
Когда благочестьем владыка влеком,
Друг мира он, в битву не рвется с врагом,
В возникнувшем споре страх божий блюдет,
От войн возвышенья, господства не ждет.
Велик повелитель, что вспыхнувший гнев
Рассудком смиряет, собой овладев.
Всё, кроме угодных создателю дум,
Прочь гонит высокий властителя ум,
В благом и худом волю божию зрит
И, рая взыскуя, добро лишь творит.
Смиренный душою, правдивый в речах,
Царь добрую славу стяжает в веках.
Всего справедливость владыке нужней,
Не сыщешь в короне алмаза ценней.
Приветлив он, чистосердечен; при нем
И мал и велик — всяк на месте своем.
Подвластный, живя при владыке таком,
Терпеть пораженья не должен ни в чем.
Высок лишь тогда властелина венец,
Коль им высоко почитаем мудрец.
Коль всякими знаньями сам просвещен,
Прославленный, радостно царствует он,
Умеет величье дворца сберегать,
В отчаянье недруга сердце ввергать.
Коль подданный в горе ко сну отойдет,
На царскую голову кара падет.
Но если на путь преступленья вступил
Кто-либо,— природе дурной уступил,—
Такого от общества да устранит
Владыка,— безвинного оборонит.
А ежели издавна заточены —
Пускай за провинность, пускай без вины,—
Все с богом да будут отпущены те
На волю, как писано в Зенд-Авесте.
Но если опасны для жизней людских,
То надобно землю избавить от них,
Иначе они до конца своих дней
В несчастье ввергать не устанут людей.
Шах счастье — доколе в державе он шах —
Да черпает в вере и добрых делах.
И въяве и втайне будь занят одним:

Гнать недруга-дива булатом своим.
Коль войско владыка содержит в ладу —
От ждущих защиты отгонит беду.
Коль бдительной мыслью врага стережет —
Отчаяньем злобное сердце прожжет.
Все должное в срок совершай, пред войной
Все щели державы бойцами закрой.
Коль царь заслужил справедливый упрек,
Упреку венец и престол он обрек.
Любовь безграничную сыну являть —
Не то же ль, что лик свой в воде созерцать?
Учением коль просвещается он,
Коль знанием юноши дух озарен,
Тогда отвори для родного казну,
Нужды да не ведает, радость одну!
Случится ль наследнику зло совершить —
Ты сердце его не спеши сокрушить.
Вредить помешай, ко благому пути
Его увещаньями вновь обрати.
Но если найдешь в его сердце вражду —
Исторгни, как плевел в цветущем саду.
Ведь если оставишь, он в силу войдет
И порчу на царственный сад наведет.
Коль шаху дан разум, дана благодать —
Не должно ему злоречивым внимать.
Злонравный везир и недобрый совет —
Для царства источник губительных бед.
Тупого невежды слова отвергай
И веры наветам его не давай.
Себя добродетелью, правдой возвысь
И сердце от кривды очистить стремись.
Царю-миродержцу лишь правда одна
Пристала, внушающий ложь — сатана.
Вняв этим речениям, чистый душой
Лишь разуму вверит дух праведный свой —
Тогда властелина упрочится трон,
Короною будет он превознесен.
Гордиться им станут престол и венец,
А недруга горький постигнет конец.
Царь добрый коль в мире исчезнет земном,
Останется добрая память о нем.
За доблесть да будет на все времена
Душе Нушировановой юность дана!»
Собранье дивит красноречьем мудрец,
Мыслителей прочих затмил он вконец.
Речь выслушав, ликом Кесра просветлел,
Удвоить мыслителю мзду повелел

И жемчугом светлым набил ему рот,
И слезы от слов назидательных льет.
Но вот отпускает собрание шах,
И каждый уходит с хвалой на устах.

[*Пятый пир Нушинравана*
с Бузурджмехром и мобедами]

Еще вслед за тем миновало семь дней.
В восьмой, лишь поток животворных лучей
Мир черной чадры бархатистой лишил,
Парчой золотистой его облачил,
Воссел повелитель с собраньем бойцов,
Испытанных жизнью благих мудрецов.
Меж ними глава мудрецов Ардашир,
Шапур и Йездгерд, искушенный дабир.
А также пришел в Нушинрванов дворец
Младой Бузурджмехр, просветленный мудрец.
Сказал повелитель премудрым, благим:
«Кто знанием втайне владеет таким,
Чтоб веру в Йездана усилить могло,
Престолу владык безупречность несло?»
Верховный мобед лишь услышал вопрос,
В ответ меж других мудрецов произнес:
Венца и престола растет благодать,
Коль царь справедливость умеет являть,
Казну для щедрот отворяет — жива
Навек о таком властелине молва.
От лжи свой очистил язык, во-вторых,
Путей к возвышенью не ищет кривых.
А в-третьих, коль милостив и справедлив,
Владычит, державу венцом озарив.
В-четвертых, вину за подвластным узрев,
Смиряет в груди загоревшийся гнев.
А в-пятых, такую лишь держит он речь,
Что добрую славу поможет сберечь.
Сопутствует всюду правдивость ему,
Обычаю верен всегда своему.
В-шестых, чтущих трон и всевластье царя
Он любит и холит, как счастье царя.
В-седьмых, хоть владеть ему знаньем дано
И мудростью, и красноречьем равно —
Учением не насыщается ум,
В мозгу все не гаснет горение дум.
Свободу ведь каждому разум дарит,
Рок щедро тогда ему благотворит.
Лишь разум удачу и славу несет,
О царь, не отвергни сей верный оплот!

В познаньях никто не сравнится со мной! —
Кто скажет — невежествен, низок душой...
Умолк он, и слово Йездгерда звучит:
«Владыка, чей разум для знанья открыт!
Позор для властителя кровь проливать
И гневом от малости всякой пылать.
Беда, легкомысленна коль голова,
И действует царь, не подумав сперва,
Вступает с благими и мудрыми в спор,
Невежествен сам, а на отповедь скор.
Коль в сердце свое ненасытность впустил,
То с дивом в союз повелитель вступил.
А также, коль судит во гневе — плодов
Благих от его не последует слов.
Плох воин, которого в грохоте битв
Лишь гибель пугает, а стыд не страшит.
Богатому, если скупой он и злой,
Всего бы уместней лежать под землей.
Воинственный пыл бедняку не под стать,
Негоже другими ему управлять.
Седому во лжи не пристало коснеть,
В аду после смерти лжецу пламенеть!
Коль праздностью тешится муж молодой —
Разгневанной будет наказан судьбой;
И юность и здравье покинут его,
Такому и жить на земле для чего!»
И после речей рассудительных тех,
Украсив познаньями ум, Бузурджмехр
Так молвит: «О царь солнцеликий, да льет
Удачи лучи на тебя небосвод!
Хвалу мудрецу я тому воздаю,
Кто знанием душу питает свою!
Вопят о невеждах и камни в горах,
Почета в ничьих не сыскать им глазах.
Деянья, не видя последствий, вершат,
От славы бесчестие не отличат.
Что больше всего осужденья людей
Достойно, тем паче премудрых мужей?
Судью, что привержен коварству и лжи,
Познавшие свет презирают мужи;
Вождя, что свою бережет лишь казну;
Бойца, что ведет без усердья войну;
Того мудреца, что, греха не страшась,
Стремится вкусить вожделенную сласть;
Врача, что от хвори стенает всегда,—
Как может больных исцелять он тогда!
Того бедняка, что кичиться готов

Ничтожною вещью, не стоящей слов.
Скупца, что покоя и сна для людей
Жалеет, воды, что дарует ручей;
За то, что пахнет на тебя ветерок,
И то благодарности б требовать мог.
Еще мудреца, что горяч и сердит,
Иль жадно на блага чужие глядит.
Невежду, чья воля других бы вела,
Того, кто вверяет ленивцу дела.
Коль не вразумится муж бедный умом,
Раскается в каждом деянье своем.
Я сердце безумца того, что своим
Охвачен желанием страстным одним,
Сравню с пожирающим серу огнем,
Иль с тем, что сухим окружен тростником.
Дух вечно хвалой, Нуширван, весели
И всех покоряй властелинов земли!»

[*Шестой пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами*]

Вот срок семидневный еще пролетел.
Украсить чертог властелин повелел,
Пришел, на престоле воссел золотом,
Слепя ожерельем, венцом, кушаком.
Мобед у властителя справа — везир.
А слева Йездгерд, Нуширвана дабир.
Мобеды и рады вокруг, и меж тех
Премудрых — искусный в речах Бузурджмехр.
Сказал Бузурджмехру владыка царей:
Алмазы на свет извлеки поскорей —
Реченья, способные благо принесть
Душе, наименьших высоко вознесть.
Не станешь бедней, расточая сей клад,
А те, что внимают, сердца веселят.
Вопрос к Бузурджмехру мобед обратил:
Затмивший сиянье небесных светил!
Что в мире приносит обилием вред,
А скудостью дарит продление лет?
Ответил: Ешь меньше и плоть укрепишь,
И дух для парений высоких взрастишь.
Одни лишь деяния добрые множь —
Над каждым врагом перевес обретешь...
Дабира Йездгерда вопрос прозвучал:
Муж слова и знанья, достойный похвал!
Каких три порока имеют, ответь,
Немало людей, хоть могли б не иметь?
Ответил: Вот первый, от коего, знай,

Избавиться надобно — не осуждай!
Безгрешных не сыщешь на свете людей,
Души глубину ты исследуй своей.
Ища превосходства, лишь зависть родишь,
Себя умалив, доброту пробудишь.
А в-третьих, не должно доносчиком быть,
Двуликим, стремящимся воду мутить.
Доверья лишится, утратит почет,
Коль речь неуместную муж поведет,
А также и тот, кто разумную речь
Отринул, не смог поученье сберечь.
Мудрец не привязан к тому, что с собой
Унесть не дано, незлобив он душой...
Верховный мобед вслед за тем вопросил:
О ты, что мудрейших из мудрых затмил!
На свете таких я людей не встречал,
Кто б явно иль тайно желаний не знал.
Желанье должно не к тому ли вести,
Чтоб мужу достаток и мощь обрести?
Где путь благодатный, дарующий свет?
И где — приносящий страданья и вред?..
Ответствовал: два пред тобою пути,
Решай, по которому хочешь идти.
Есть дерзости, злоумышленья стезя,
Есть разума, благотворенья стезя.
Нам должно, земной совершая свой путь,
Немало опасностей перешагнуть.
Лишь разуму вверься в пути одному,
Почто вопрошаешь: зачем, почему?
Но разум — Создателя дар самого,
Как стать, поразмысли, достойным его.
Могучий коль разумом не одарен,—
Кому на земле приглянулся бы он?
Не надо и жизни, коль разума нет,
Свет жизни лишь разум, свидетель Изед.
Основами знанья коль муж овладел,
Тогда лишь достоин свершения дел.
Йездана, что был и вовеки веков
Пребудет, признай ты основой основ.
Ему ты предайся, и к цели придешь,
Что видел в мечтаниях, все обретешь.
Что дальше: доволен будь долей своей,
Насытиться тем, что имеешь, умей.
Коль чисты одежда твоя и еда —
Заветам Йездана ты верен тогда.
Справляйся с нуждой подступившею сам,
За помощью не обращайся к скупцам.

Занятье такое старайся избрать.
Чтоб имя твое не могло запятнать.
Подыскивай друга, что духом высок,
Что в горе твоей быть опорой бы мог.
В собранье молчанье умей предпочесть,
Тогда и снискаешь у каждого честь.
А коль говоришь — говори лишь о том,
Что пламенным рвеньем постиг и трудом.
Не золото — цену ты взвешивай слов,
Ведь злато ничтожно в глазах мудрецов.
Пусть речь твоя каждая будет благой,
Пусть ум будет луком, язык твой — стрелой.
Коль бой предстоит — осмотрителен будь,
Нет нужды врагу подставлять свою грудь.
Когда пред тобою противника рать,—
Спокойствие должно и разум призвать.
И если идешь в поединок с бойцом,
Без страха иди, не бледнея лицом.
Осилишь, коль натиск решителен твой,
А слабость коль явишь — поникнешь главой.
Пред тем как пустить скакуна, собери
Все мысли, оружье врага рассмотри.
Коль ринется яростно, не отступай;
Соратников зорких в боях избирай.
Увидев, что недруг намного сильней,
Спастись отступленьем разумным сумей.
Себя и в еде не забудь остеречь,
От пищи излишней нутро уберечь.
Обильные яства тебе повредят,
Умеренность силу умножит стократ.
На многоядение не уповай,
Еще не познав насыщенья, вставай.
А также вино лишь для радости пей,
Буян не услышит хвалы от людей.
Коль чтишь ты Йездана — достоин похвал,
Я оком державы тебя бы назвал.
Почаще Создателя воспоминай
И устали ты в поклоненье не знай.
Правь временем также: и ночью, и днем
Ты отдыхом в срок подкрепляйся и сном.
Во всем середины держись, призови
Воздержность в боях и в трудах, и в любви.
Ты — воздух и прах, и вода, человек,
Йездана пречистого помни весь век!
Чин древний молитвенный не сокращай,
Пусть ветхи слова — ты свой дух обновляй.
С душою веселою благотвори,

За это Создателя благодари.
Стремленьем к пороку не будь обуян,
Ищи лишь добра, если ум тебе дан.
Всех больше тому подобает хвала,
Чьи мысли добры, не одни лишь дела.
Желанью взять верх над рассудком не дай,
Иль помощь от разума не ожидай.
Ты грамоте сына учи своего,
Коль хватит достатка у близких его.
С наставником если не споришь, труды
Тогда лишь приносят благие плоды.
Ведь юношу знанье на трон возведет,
С ним малый и тот достигает высот.
Дабира почетнее всех ремесло,
Любого оно б до небес вознесло.
Дабир коль разумен и в знанье силен,
Воссядет бок о бок с владыкою он.
Когда не жалеет он сил и трудов,
Воздать ему щедро владыка готов.
Пусть рвется в письме совершенство снискать,
И мудростью после слова напитать.
В посланьях кратчайшие выбрать слова,
При этом сладчайшие выбрать слова.
Дабир совершенный умом прозорлив,
Внимателен, памятен он, терпелив,
С владыкою ладит, речей не ведет
Недобрых и плоть от порока блюдет.
Правдив, терпелив и богат он умом,
И сердцем он чист, и приветлив лицом.
Коль этих достоинств исполнен — придет
И место пред троном царя обретет...
Царь, вняв назидательной речи такой,
Доволен, расцвел, словно роза весной.
И слышит мобед повеленье: «Ступай,
Почет умудренному новый воздай —
Побольше и злата, и прочих даров,
Ведь сердце он радует мудростью слов».

[*Седьмой пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами*]

Неделя минула, диск солнца взошел,
И царь на блестящий восходит престол.
Он радов созвал и вождей-храбрецов,
Мобедов мобеда, мужей-мудрецов
С дабиром Йездгердом, с почтенным Саве,
Бахман быстроумный у них во главе.
Сказал Бузурджмехру Кесра: «Просвети

Нам знанием разум, ко благу веди!
Всю правду открой обо мне ты сейчас,
Душой не криви, к возвышенью стремясь,—
Как должно мои повеленпя чтпть,
Мой путь и устав нерушимо хранить.
Речь прямо и ясно старайся держать
И слово простое не тщись украшать».
На это ответ умудренный дает:
«О ты, превзошедший лазоревый свод!
Разумный признает — царя почптать
Храненпю веры священной под стать.
И медлить, властителя волю творя,
Не должно, да не опечалим царя.
У тех, кто враждою к царю обуян,
В душе обретает приют Ахриман.
Дышать недостоин — я так говорю —
Любви не питающий в сердце к царю!
Жива, знай, держава владыкой своим,
Возвысит, почтит, коль добро мы творим.
Не мстит и вреда не чинит никому,
И в счастье и в горе прибегнем к нему.
И сына венчанному не предпочти,
Что милую душу, лик царственный чти.
В стране, где владыка любим, никогда,
Знай, доступа к людям не сыщет нужда.
От зла ограждает его благодать,
Под сенью его лишь добру процветать.
Сияньем Йездановым царь озарен,
Сердца оживляет и радует он.
Все блага твои — от него: потрудись
В служении, к повиновенью стремись.
Захочешь строптивость явить, осердясь —
Покинет удача тебя в тот же час.
Приблизит владыка тебя — не гордись,
Изгонит — не злобствуй, к отмщенью не рвпсь.
В служенье коль тяжкий достанется труд —
Богатство, блаженство труды принесут.
Негоже в служенье царю уставать,
Медлительность в битве негоже являть.
Йездан благодарность внушает всегда,
Муж праведный благословляет всегда.
И тайны властителя не предавай,
Ни солнцу, ни месяцу не открывай.
Кто рьяно не служит царю своему,
Вопстину недруг себе самому.
И древо свой цвет обесславит, коль плод
Престолу не дарит, венцу не несет.

Почет не надейся снискать у царя,
Дурное о близких его говоря.
И если привычна устам твоим ложь,
Доверья властителей не обретешь.
Не должно и речь при владыке держать,
Коль мудрости светлой она не под стать.
Коль спросит — ответствуй, что в памяти есть,
Свою не роняй многословием честь.
Нет знанью предела, обширней оно,
Чем слышать о явном и тайном дано.
Презренье царя на себя кто навлек,
На вечную боль свою душу обрек.
Кому улыбнется владыка,—лишь тот
Заслуженный в мире снискает почет.
Коль шахом обласкан, кичиться не след,
Хотя бы служил ему множество лет.
Как долго ни служишь властителю ты,
В тебе не имеет он вовсе нужды,
Другого приблизит к себе, возлюбя,
Тот будет в служенье не хуже тебя.
А если прогневал его чем-нибудь,
Моли о прощенье, строптивым не будь.
Вины за собой коль не знаешь, к царю
Прибегни, открой ему душу свою.
Но если упорство в душе затаил,
Ты лучше лицо от него бы сокрыл.
Прочтет озареньем — таи не таи —
Коварные, черные мысли твои.
Тогда уж надежды на милости нет,
Из уст его впредь не услышишь привет.
Двор царский — морских, знай, подобие волн,
Слуга — мореход, а достоинства — челн,
Речь — якорь, а мудрость — ветрило его.
Мудрец, коль плывет среди моря сего,
Ветрилом стяжает успех и почет,
Под ним и отрадную сень обретет.
Кто мудрости чужд и достоинств лишен,
Да будет от царских дверей удален!
Владыка пусть будет горою огня,
Слуга не изведает горького дня.
Во гневе хоть жечь и умеет огонь,
В час милости светит и греет огонь.
Суровость властителя — гибельный яд,
Но млеко и мед его ласки сулят.
Владыки душа океану равна,
По воле его светит с неба луна.
Один в океане находит песок,

Ум ясен и здравы сужденья его,
О благе одном помышленья его.
И сердцем он добр, и о добром рекут
Уста; прозорливому имя — Махбуд.
Подобных весне двух сынов он имел,
Служить властелину дано им в удел.
Как только свершал он священный земзем *,
Приняв от мобеда барсам перед тем,
Из рук лишь Махбудовых пищу вкушал,
И столь же его сыновьям доверял.
Трапе́за его у везира всегда,
Готовилась там для владыки еда,
Вносили же яства два сына его,
Как верные слуги царя своего.
И видя, как шахом возвышен Махбуд,
От зависти слезы придворные льют.
Меж знатных, из коих свой двор Нушинрван
Составил, знатнейшим был некий Зарван.
Царевым хаджибом * был дряхлый тот муж,
Пирами, приемами ведал к тому ж.
Махбуда, сынов его так ревновал
К владыке, что плакать не переставал.
Уловку выискивал, злобой горя,
В немилость чтоб праведный впал у царя.
Но тщетно властителя гнев возбудить
Он рвется, везира пред ним очернить.
Давно уж постиг искушенный в добре,
Что злого имеет врага при дворе.
От слов кознодея того и от дел
Махбуд не крушился, лицом не желтел.
Случилось, что некий богач-иудей
За златом пришел для торговли своей
К Зарвану, и после нередко ходил,
С той черной душою союз заключил.
С хаджибом царевым так сблизился он,—
В служители был при дворе возведен.
Вот речь между ними однажды пошла
Про богопротивные, злые дела,
Про козни сокрытые, про колдовство,
Про шаха да про царедворцев его.
Наслушавшись тех непотребных речей
О чарах, которые знал иудей,
Открылся ему и Зарван. «При другом,—
Велит,— не обмолвись ни словом о том.
Ты средство волшебное должен найти —
Махбуда, везиров главу, извести.
Достиг при владыке он власти такой,

Другой, поглядишь, светлый жемчуг извлек.
Гордится страна Нушинраваном-царем,
Ведь счастьем он молод, и старец умом!
Ему все властители подчинены,
Достоинством каждым он — слава страны».
Царь сказанной речи глубины постиг,
Живит ему сердце изрекшего лик.
«Зех!» — скажет владыка, и явится тут *
Дар царский — четыре сумы принесут.
«Зех!» — скажет, затем — «зехазех!» — кошелей
Уж сорок доставит тогда казначей.
И в каждом, с владыкой когда перечтет,
Дирхемов по десять он тысяч найдет.
Сказал «зехазех!» после «зех» шаханшах,
Звон слышен серебряный в царских словах.
Сияя, как солнце, улыбкой своей,
Сумы Бузурджмехру вручил казначей.

[СКАЗ О МАХБУДЕ, ВЕЗИРЕ НУШИНРАВАНА] *

Сказ прежний окончен. Пойдет на сей раз
О царском везире Махбуде рассказ.
Без отдыха знания приобретай,
Сомнений в полезности их не питай.
Лишь скажешь: я истине долг заплатил,
Мой разум все нужное мне охватил,—
Рок шутку сыграет с тобою, и что ж?
В ученье к наставнику снова пойдешь!
Внемли же дихкану, кем сказ сохранен —
Наследье давно миновавших времен.
Так молвил: на троне слоновой кости
Четы венценосцу Кесре не найти.
Был первым в боях и пирах. Справедлив,
Каких не бывало, и благочестив.
У мудрых и знающих знанья искал *,
Без устали знанием ум просвещал.
С мобедами ночью глубокой и днем
Копил он познания в сердце своем.
Коль столько он знание превозносил,
Учись, не жалея усердья и сил!
Невежда лишь скажет: постичь я успел
Все в мире, премудростью всей овладел.
Сей сказ, что поведал мне старый дихкан,
Да будет тебе в поучение дан,
Расспрашивал я о седой старине,
О днях Нушинрвана он сказывал мне:
Везир, мол, рачительный, чистый душой,
Служил ему, ведал и царской казной.

Как будто весь мир у него под пятой.
Другие не люди, мол! Так обуян
Гордынею, словно он сам Нуширван.
Из рук сыновей лишь Махбуда одних
Царь пищу берет, не возьмет из других.
Царем вознесен до таких он высот,
Что скажешь — у ног его сам небосвод».
Зарвану в ответ говорит иудей:
«Не должно душе омрачаться твоей.
Лишь в руки барсам властелину дадут,
В те яства вглядись, что ему поднесут.
Меж яствами теми найди молоко,
Прикинься, что нюхаешь. Недалеко
Я буду. Взгляну на него только раз,
Погибнет Махбуд с сыновьями тотчас.
С доверьем простятся, утратят почет.
Едва молока повелитель хлебнет».
Такие слова нашептав, иудей
Зарвану еще стал угодней, милей,
С собою привык во дворец его брать,
С ним бражничать, тайны ему поверять.
Еще миновало так несколько дней,
На страже злонравный у царских дверей.
Два сына Махбуда, встречая зарю,
С отрадой спешат каждодневно к царю.
Была в шабистане * везира жена,
Разумна и чистосердечна она.
Лишь время властителю пищу вкушать,
Готова уж стол золотой накрывать.
Три чаши в камнях драгоценных на нем,
Покрыты они златотканным платком.
Душистые яства в тех чашах златых,
Подносят два сына везирова их,
Чтоб, ими насытясь, владыка возлег;
В них мед, молоко, роз живительный сок.
Однажды по должному чину пришли
Два брата — служить властелину земли.
Прислужник доверенный на голове
Нес яства готовые царства главе.
Вот юноши в царский вступили айван,
Увидев их, тотчас коварный Зарван
С улыбкой приблизился, так говоря:
«Доверенный Нушинравана-царя!
Хотя б на мгновение глянуть бы все ж
На яства, что нынче владыке несешь.
Сколь сладостно благоухают они!
Край легкого плата на миг отверни!»

И юноша кушанья тут же раскрыл.
Зарван на них издали взгляд устремил,
За ним — иудей; постоял он, воззрясь
На то, что искал; отошедши тотчас,
Сказал саларбару *: «Созрели плоды
На древе, которое вырастил ты!»
И вносят уж стол к Нуширвану в покой
Те юноши добрые, с чистой душой.
Туда же мгновенно за ними Зарван
Проник, и услышал тут царь Нушинрван:
«Пусть яства отведают! Прежде того,
О праведный царь, не вкушай ничего!
Твоим торжеством осиян небосклон,
Мир светом дворца твоего озарен.
Коль яду добавили к пище твоей,
От яда сего да погибнет злодей!»
Лишь эти слова Нушинрван услыхал,
На юношей взор его тотчас упал.
Поварня доверена матери их,
Разумной и любящей тех дорогих.
А юноши, в честности и простоте,
Слова без раздумья исполнили те.
И пали, чуть млеко вкусили и мед,
Как будто стрелы их настигнул полет!
Лежат недвижимы один и другой,
При Нушинраване расстались с душой.
Во гневе владыка на мертвых глядит,
Став ликом желтее цветка шанбалид *.
На месте Махбудова дома лишь прах
Велит он оставить, откинувши страх.
Велит обезглавить средь праха того
Везира и с ним повариху его.
В том доме все начисто истреблены,
И родичи в целом краю сметены.
Ни жен не оставил, ни малых детей,
Разграбить богатства дал рати своей.
Зарван же обласкан им с этой поры,
Достались хаджибу почет и дары.
А тем иудей в свой черед ублажен,
Главой до небесных высот вознесен.
Дни мчатся, свод вечный вращение длит,
Лик правды от взора владыки сокрыт.

[*Изобличение колдовства Зарвана и иудея и гибель обоих*]

Однажды владыка державы на лов
Собрался, травить захотелось волков.

Коней отбирает для лова; пред ним
Ведут скакунов одного за другим.
На двух поглядел венценосный Кесра
И знаки Махбудова видит тавра *.
Тут шаха лицо, что огнем, залилось.
На месте застыл, жаль Махбуда до слез.
Скорбел, вспоминая слугу своего,
Оплакивал горестный жребий его.
Сказал, сокрушенное сердце излив:
«Как мог соблазнить столь достойного див?
Душа, что любовью и правдой жила,
Как сбиться на путь злодеянья могла!
Вселенной творец да рассудит, ему
Лишь ведома тайна сия одному».
В печальную думу свою погружен,
С мужами на ловлю отправился он.
Дорогой от каждого речи он ждал,
Беседою сердце свое услаждал.
Немало сказителей взял он с собой
И сказкою путь коротал не одной.
День целый в беседе прошел. То дабир
Заводит рассказ, то Зарван, то везир.
Вот речь у них о чародействе зашла,
Про те ахримановы злые дела.
Мобеду владыка сказал: «Ни к чему
Разгадкою чар утруждаться уму.
В Йездана лишь веруй, отринь колдунов,
Чудес не бывает от мерзостных ков».
Зарван тут промолвил: «Лишь радости знай
И разум премудростью слов насыщай!
Немало о силе волшебников злых
Поведать могли б почитатели их.
Лишь глянут на снедь, коли в ней молоко, —
В отраву ее обращают легко».
Владыка словам подивился таким,
Минувшее живо предстало пред ним.
Везира Махбуда он вдруг вспомянул,
Сынов его юных — и тяжко вздохнул.
Глядит на Зарвана, молчанье храня,
Все шибче ретивого гонит коня.
Преследуем думой одной Нуширван:
Махбуду-везиру врагом был Зарван!
«Не ведаю, — в сердце своем он твердил, —
Как сей недостойный меня побудил
Махбуда, везира благого, убить,
Весь род его, столь именитый, сгубить.
Быть может, глаза мне раскроет Творец,

И мир в мою душу сойдет наконец.
Здесь дело нечисто, — душа говорит,
Как вспомню минувшее, сердце горит».
Царь мчался, раскаянье грудь ему жгло,
И влага в очах, и в морщинах чело.
Достигнув стоянки, он стал на привал,
Шатер свой разбить у ручья приказал.
Зарвана призвать повелел он потом,
Других отпустил, с ним остался вдвоем.
Про чары спросил он, про млеко и мед,
И вновь подтверждает речь прежнюю тот.
Тогда о Махбуде спросил, отчего
Погибли два отрока — сына его?
И тот задрожал, отвечая. Вина
Зарвана тут явственно стала видна.
Сурово Кесра повелел: «Говори
Одну только правду, не лги, не хитри.
Ведет лишь к худому деянию ложь,
Идя за порочным, к пороку придешь».
И тут ему правду Зарван рассказал,
Признался во всем, что дотоле скрывал.
Страдальцем безвинным он изобразил
Себя, иудея во всем обвинил.
Лишь выслушать это владыка успел,
Зарвана тотчас заковать повелел.
Потом за бессовестным тем колдуном
Помчался гонец с запасным скакуном.
И тот пред владыкой высоким предстал.
И мягко владыка расспрашивать стал
Злодея: как было, мол, это? Скажи
Лишь правду, не вздумай прибегнуть ко лжи...
Тот чар своих тайну решился открыть,
За это молил ему жизнь подарить.
Поведал о том, что Зарван говорил,
Как в заговор с ним недостойный вступил.
Речь выслушав эту, Кесра удручен,
Сзывает мобедов, правителей он.
И снова при тех справедливых мужах
К ответу злодеев потребовал шах.
Два длинных аркана покрепче сплести,
Две виселицы повелел возвести,
Вкопавши у самых дворцовых дверей,
Пред взорами всех именитых мужей.
Повешены лютого ката рукой
Зарван на одной, иудей на другой.
Посыпались стрелы и камни дождем,
Погибли за то колдовство с молоком!

Деяния злые не должно свершать,
Возмездья преступнику не избежать.
Из рода Махбудова кто уцелел,
Всех царь Нуширван разыскать повелел.
Девица с сокрытым стыдливо лицом
Сыскалась, достойных три мужа при том.
Зарвана богатства меж них разделил
И те, что колдун-иудей накопил.
Меж тем о Махбуде все дни горевал,
Раскаяньем горьким томясь, проливал
Кровавые слезы в ночи до утра,
Просил у Творца снисхожденья Кесра.
Творил подаяния щедрые шах,
Хваленья, моленья всегда на устах
В надежде прощенье Творца заслужить,
Злодеем у добрых людей не прослыть.
Йездану приверженный, чистый душой
Стези устрашится преступной, худой.
Злодей без труда злодеянье свершит,
Но душу оно под конец устрашит,
Трус будь хоть скалою гранитною, все ж
Не скроется правда, откроется ложь.
Пусть голос твой вкрадчив, срок минет, и вот,
Покров с твоей тайны судьбина сорвет.
Рок тайны людей не приучен хранить,
Не лучше ли втайне добро нам творить!
Обид не чини, чист и в помыслах будь,—
В обоих мирах будет светел твой путь!

[*Нушинраван строит город Сурсан* *]

О кознях Зарвановых повесть свою
Окончил я. Разум теперь воспою.
Ты доброе имя, век долгий прожив,
Оставишь, о царь, коли был справедлив,
Но раннюю смерть и проклятья людей
Себе уготовит венчанный злодей.
Коль правде душою привержен ты,— знай,
Гордится тобой, украшается край.
Будь разума крепкой бронею одет,
Да будешь и ты после смерти воспет.
Так Нушинраванова слава всегда
Пребудет в творенье моем молода.
С тех пор как державы владыкою стал,
Лишь благословений великий искал.
У знатных и малых познали сердца
Покой. Рядом с волком пьет воду овца.
Покорность великих снискал шаханшах,

Начертано имя его на венцах.
От тяжести битв отдохнули мужи,
Застежки кольчуг расстегнули мужи.
Копье боевое спустили с плеча,
Шум пира везде, не бряцанье меча.
Никто миродержцу противостоять
Не в силах, приходится дань посылать.
Нет тяжких забот у властителя стран,
Он знает охоту одну да майдан.
В алмазноузорном чертоге своем
Лишь с бражником держит совет да с вином.
Град к Руму возвел на пути, взнесена
Двух выше фарсангов вкруг града стена.
От брега речного до горной гряды
Повсюду майданы, дворцы и сады.
И несколько в Руме он градов таких
Возвел, услаждаясь красотами их.
Высокий воздвигнув дворец не один,
У всех одобренье снискал властелин.
Дворец небывалый построил: айван
Лучами алмазными сплошь осиян.
Все арки из золота и серебра,
На них дорогих самоцветов игра,
А свод — весь эбен и сандал, и самшит,
Резьбою по кости слоновой дивит.
Умельцы из Рума и Хиндской земли,
Что тайны седых мастеров сберегли,
И те, что Нимруз * и прекрасный Иран
Искусством меж прочих прославили стран,
Стекались в тот город из разных концов,
Ты мог бы назвать его «Град мастеров».
Из Рума, Берберии, каждой страны,
Царем побежденной на поле войны,
Рабов поселил в новом граде, его
Красой сделал, гордостью края всего.
Вот градов строительство завершено,
Селенье раскинулось тут не одно.
И вот уж вокруг зеленеют поля,
Сады зацвели, плодоносит земля.
Заложникам всем из племен кочевых
Гиляна, земель покоренных других,
Дозволил дома в том краю возвести,
Там дал чужестранцам приют обрести.
Дал каждому тут же работу. Кому
Нет помощи, дан и помощник тому.
Ремесленник — этот, другой — земледел,
А третий избрал землемера удел.

Сей — вышел в купцы, Богу тот посвящен,
Господствует этот, другой подчинен.
Град вырос, небесному раю под стать,
Нет места, что взоры могло б отвращать.
Сурсан * — город пира, так звал его шах,
Ведь черпает радость воитель в пирах.
Творить правосудье — заботы не знал
Иной; все устраивал край, украшал.
Постиг и Кесру неизбежный конец,
Другому судьба даровала венец.
Все тленно, все рано иль поздно пройдет —
И рабская доля, и царский почет.
В день битвы мечом опояшься! Начну
Сказ новый — хакана с Хайталом войну.

[*Война хакана чинского с хайталами*] *

Так сказано было дихканом седым,
Услышь и запомни реченное им:
Нигде, коль не сравнивать с шахом Кесрой,
Царя не сыскалось бы тою порой,
Что был бы величьем таким осиян,
Столь праведен, славен, как Чина хакан *.
От Чина до брега Джейхуна хвала
Летела к нему за благие дела.
С казною и войском, исполненный сил *,
Он в Гользариюне, за Чачем царил.
Давно уж при каждом царевом дворе
Гремела молва о великом Кесре,
О мужестве, мудрости, славе его,
О том шаханшахском уставе его.
Искать его дружбы задумал хакан,—
Был разум ему проницательный дан.
И стал он совет с мудрецами держать,
Призвал на совет приближенную знать.
Он дружбы желанье в сердце впустил,
Мобедов, воителей мненье спросил.
Несчетные после собрал он дары
На память — достойные шаха Кесры.
С конями немало блестящей парчи,
Престолы и перстни, венцы и мечи.
Диковины, коими славится Чин,
На сотню верблюдов собрал властелин.
И чинских сто тысяч динаров принесть
Велит он — в Иран для нисара * отвезть.
Еще, в довершение царских щедрот,
Десяток верблюдов дирхемы везет.
Вот избран хаканом премудрый мобед,

Владеющий речью, объездивший свет.
Призвали дабира, и тот на атлас
Посланье хакана наносит тотчас.
Написано Чина Аржангу * под стать
Посланье. Приветствий там не сосчитать.
Лежит на Хайтал перед царским послом
Дорога. Стрел тучи там, палицы гром.
Меж Согда землей и Джейхуном-рекой
Владыки Хайтала раскинулся строй.
Той рати Гатфар предводителем был *,
В сражениях славы дарителем был.
Узнав о посольстве, о щедрых дарах
Хаканових, что обретет шаханшах,
Созвал он испытанных жизнью вождей,
Известье поведал собранью мужей.
Затем именитым Гатфар говорил:
«Невзгоды нам свод круговратный судил!
Коль дружбу сердечную Чина хакан
Завяжет с владыкой, в чьей власти Иран,
Нас дружба их сгубит. С обеих сторон
Ворвутся, и будет наш край разорен.
Нам должно набег учинить, окружить
Посланца хаканова жизни лишить».
Муж избран был тут же из войска его,
Воинственный, годный для дела сего.
И тот на посольство с дружиной своей
Напал и верблюдов угнал, и коней.
Посланцев же всех обезглавил, один
Лишь спасся, вернулся с известием в Чин.
Услышал и болью охвачен хакан,
И жаждою мщения он обуян.
Все войско он вывел из Качкар-баши,
В Хотане и Чине бойцов ни души.
Покоя не ведают, сна лишены
Арджаспа и Афрасияба сыны *.
До Гользариюна, пылая враждой,
Домчались, кровавый им грезится бой.
Возглавлены Фанджем, вождем боевым,
Из моря до неба вздымающим дым.
Так войском наполнился Чача предел *,
Что Гользариюн, как цветник, заалел.
Лишь вести о том, что хакан совершил,
Дошли до Гатфара, собрать поспешил
В Хайтале он войско такое, что прах
Лик солнца от мира сокрыл в небесах.
Казну и оружье, и рати ему
Балх выслал и Зем, и Шугнан, и Аму.

Прислали Хатлан, Висегерд и Термез
Войска, поднимавшие пыль до небес.
Равнина и склоны — все будто кипит,
Вся степь саранчой, муравьями кишит.
Вот реку большую хакан миновал,
С ним войско, литавры, огромный кимвал.
Шлют ратников также Май, Мург *. В этот час
Диск солнечный в небе, ты скажешь, погас.
Крылу уподобился ворона он
От множества копий, мечей и знамен.
Нет счета мечам в Бухаре, булавам,—
Владыки Хайтала стан воинский там.
Выводит Гатфар многочисленный строй
Хайтальских отважных воителей. В бой
Войска устремились с обеих сторон.
Схватились, и путь уж ветрам преграждеи!
Поднялся тут вихрь, и небесных светил
Сиянье за тучею черной сокрыл.
Клинков закаленных блистанье везде,
Тяжелых булав грохотанье везде.
Сказал бы ты, слышится говор меча,
Из палицы воздух творит толмача.
Столпились кушаны и согды. Грустя,
Льют слезы и муж, и жена, и дитя:
Мол, жребий кому пораженье судил?
Кого осчастливит вращенье светил?
Семь дней против рати сражается рать,
Воинственной схватке конца не видать.
Уж выросли груды поверженных тел,
Песок обагрился, гранит заалел.
Стук палицы тяжкой, копья и клинка —
Дождь каменный, скажешь ты, льют облака.
Пыль солнечный лик одевает во мглу,
Глаза на лету застилает орлу.
В Гатфарову сторону на день восьмой
Вдруг ветер подул. Мир окутался тьмой.
Такое понес пораженье Хайтал,
От коего долгие годы не встал.
Кто выжил,— спасению верил с трудом,
Все славил Создателя в сердце своем.
Кровавые, мертвые всюду тела,
Стенающим, раненым нет уж числа.
Толкуют мужи меж собою: «Вовек
Сражений столь долгих не знал человек!
Людского, сказал бы ты, нет ничего
В том войске: нет мочи глядеть на него.
То ль дивы, то ль дикие звери с лица,

С добром незнакомы, что камень, сердца.
Их палицы, копья, мечи не страшат,—
Сказал бы, дороги не знают назад.
Обличье драконье у всех, а стрела
Пробить и гранитную гору б могла.
Когтями же тиграм подобны лесным.
В войне насыщенье неведомо им.
Сраженья кровавые им нипочем,
Их мощные кони всегда под седлом,
И всадники, скажешь ты, сна лишены,
Колючкою сыты у них скакуны.
Ночами им только б скакать, нападать,
Себя в устрашающий пламень ввергать,
О пище, покое и сне позабыв.
Сразиться с такими решится лишь див!
Противник для нас непосильный — хакан,
Взмолимся, нам станет защитой Иран.
Увидим, Гатфар, возглавляющий строй,
Готов ли склониться пред шахом Кесрой,
Ему над Хайталом господство вручить,
Копье с булавою отныне забыть.
Когда не согласен, найдется тотчас
Прославленный витязь, чей дед — Хушнаваз.
Признает он Нушинравана царем,
И все возликуют в сем царстве и в том.
О битве с хаканом пусть ведает шах;
Ему славословья у всех на устах
За мудрость, величье, обилье щедрот,
За правду, что в сердце владыки живет;
Дань платят властители Рума ему,
С могучим сражаться невмочь никому».
В Хайтале с решеньем таким стар и млад
Согласны, повсюду хваленья звучат.
Муж доблестный избран. В Чагане рожден,
Отвагой и щедростью славится он.
Блистает умом Фаганиш молодой,
К тому же он войском богат, и казной,
И мужа того на престол возвели
Вожди и вельможи Хайтальской земли.

[*Нушинраван узнает о событиях в Хайтале и ведет против него войско*]

Известье дошло до властителя стран
О том, что прославленный мощью хакан
Напал на Хайтал и в бою победил
И тамошних витязей многих сразил,
О том, что владыка чаганский взошел

Под новой звездою на новый престол.
Из слов соглядатаев зорких узнав
Все это, в раздумье владыка держав
К совету готовить чертог приказал,
Воителей, чтущих владыку, призвал.
Пришел и верховный мобед Ардашир.
Шапур и Йездгерд, искушенный дабир,
Немало других умудренных мужей
Воссели у трона владыки царей.
«Внемлите,— так начал Кесра,— мудрецы,
Богатые опытом битв храбрецы!
Известье худое до слуха дошло,—
Не благо, не радость оно принесло,—
О крае Хайтальском, туранских вождях,
Властителе Чина, несчетных бойцах,
Пришедших туда из воинственных стран;
Чин, Чач их прислали, Хотан и Туран.
Семь дней, не снимая шелома, брони,
С коней не спускаясь, сражались они,
И вспять был Хайтал, наконец, обращен,
Оставил две трети, не менее, он
Убитых и раненых. Диво! Хайтал,
Что бранною славой доселе блистал,
Оружию счета не знавший, разбит.
Вождя безрассудство несчастье сулит!
Когда бы рассудок Гатфару светил,
Бойцов не сгубила бы воля светил.
Был смутой Хайтал весь охвачен, и вот
Ведущего от Бахрам-Гура свой род
Сыскали, на царский престол возвели,
Назвали владыкой Хайтальской земли.
За Чачем же мощный, богатый хакан;
Венчанный, величием он осиян.
Царя Афрасьяба, Арджаспа в родне
Он числит. Иран лишь и видит во сне.
Победу снискав над Гатфаром в бою,
Над солнцем главу он возносит свою.
А я бы — законно сие — не хотел,
Чтоб мысли такие хакан возымел.
Не я ли по праву земли властелин
Кушанской, которою чванится Чин?
Подвластные стонут от гнета сего.
Жизнь, зе́мли, казна — все во власти его.
Как должно, по-вашему, дело решить?
С Тураном как быть и с хаканом как быть?»
Вожди умудренные с мест поднялись,
И вот уж ответа слова полились.

Сказали, хвалу вознося: «Государь,
Мудрец дальновидный, счастливейший царь!
Хайтальцам не верь, Ахримана сынам,—
Двулики, извечные недруги нам.
Всех бед заслужили и кары любой,
Но лучшее слово, о царь, за тобой.
Сверх прочих обид не довольно ли зла,
Что длань вероломная их занесла,
Пируза, столь славного шаха, сразив,
Державы светильник такой погасив?
Вовек да не ведают радостных дней
Затем, что добра не достоин злодей.
Плоды злодеянья пожнет своего
Преступник — возмездье Творца таково.
А что до хакана,— он в сердце таит
Вражду застарелую, горечь обид.
Из плачущей Афрасиаба родни,
Владыки, сраженного в оные дни,
Знать, злого имеет советника он,
К тому же победой теперь упоен,
Ты вправе его опасаться. Итак,
Гатфара, хайтальцев забудь, пусть и враг
Хайтала — заречный хакан, что ведет
От Афрасиаба, Арджаспа свой род,
Тебя не страшит. Ум твой ясен, один
Обоих сразишь, о земной властелин!
Свет разума вечно в душе твоей нов,
Блажен, кто лишь разум лелеять готов.
Ты знаньем богаче собранья всего,
В советники можешь не брать никого.
Венец и престол подобают тебе,
Твоей светозарной, счастливой судьбе.
Коль войско свое в Хорасан поведешь,
Унынью державу свою обречешь.
Узнав, что покинул страну властелин,
Рум мстительный тотчас громады дружин
Построит, войной на иранцев пойдет,
На гибель державу твою обречет.
Ворваться ли кто в твое царство дерзнул?
Недобрым ли словом его помянул?
Но если ты все же сражаться решишь,—
Ты чудище моря и то усмиришь».
Про мир и войну от иранцев слова
Такие услышав, державы глава
Постиг затаенные мысли мужей,—
Премудрых советников, знати своей.
Привыкшие к роскоши, неге, пирам,

Душой не влеклись они вовсе к боям.
Ответил: «Йездану хваление — страх
Лишь он мне внушает в обоих мирах!
Пыль ратную львы позабыли; им, знать,
Одно по душе — почивать, пировать!
Уже не влекут их дороги боев,
Все б нежиться только в чертоге пиров!
Тот телом здоров, благоденствует тот,
Кто пир начинает, окончив поход.
Коль силу Йездан пожелает вдохнуть,
Я в первый день месяца выступлю в путь.
Дружину свою поведу в Хорасан,
Воителей скликну из множества стран.
Имея прославленных столько бойцов,
С литаврами выведу буйных слонов.
Не дам никому посягнуть на Иран,
Будь это Хайтал или Чина хакан.
Злых с корнем исторгну, в огне я спалю
Все плевелы, щедростью край обновлю».
Смутились бойцы именитые тут,
Винятся, владыке хвалы воздают:
«О царь справедливый, любимец побед!
Своей да порадуешь властью весь свет!
Мы, витязи, слуги твои, пред тобой
Готовы склониться покорной главой.
Веди же! Настанет сражения час,—
Не узришь тогда нерадивых средь нас».
Вождей умудренных владыка призвал
И долго совет с храбрецами держал.
Тогда лишь закончил, как новый взошел
Сияющий месяц на новый престол.
Тут месяц явился царева лица,
И клич загремел из царева дворца.
Когда же встал светоч над горным хребтом,
Явилась земля в чепраке золотом.
Сказал бы, на небо взглянув на заре:
Топазовый кубок на синем шатре!
Трубы завываньем простор оглашен,
На спину слоновью кимвал водружен.
Примчались воители в стан боевой,
Под гром барабана в путь двинулся строй.
К престолу Йездгерд, искушенный дабир
И мудрый советник, мобед Ардашир
Явились, и с письмами вот уж гонцы
К правителям в разные мчатся концы:
Мол, с войском, с оружьем в путь выступил шах,
Служите усердно, забыв о пирах!

Письма не увидели шахского лишь
Хакан и Хайтала глава — Фаганиш.

[*Поход Нушинравана против владыки Чина*]

Такую от стен Мадаина он рать
Повел, что земля стала морю под стать.
От гор неоглядное войско до гор,
Владыка в средине свой стяг распростер.
Когда на Горган двинул воинский строй,
Лик солнца окутался тьмою густой.
Дошел и остался для отдыха там,
Охотясь, скакал по лугам и горам,
И после мужей на совет он созвал,
Тем временем в Согде хакан пребывал.
И Согда просторы уж морю равны —
Там сплошь Афрасьяба, Арджаспа сыны.
«Земле не снести,— возглашает хакан,—
Престол мой прославленный, воинский стан!
Отсюда я рать на Иран поведу,
В Степь всадников копьеносящих пойду.
Всю землю Ирана я вывезу в Чин,
Мой примут тазийцы обычай и чин.
Нигде никому я всевластья не дам,
Венца и престола, и счастья не дам!»
Твердил то и дело такие слова
Царь сильный, бесчисленных ратей глава.
Нежданно тревожные вести пришли:
Идет, мол, владыка Иранской земли,
Весь — мощь и величие, весь — торжество,
Во всем Междуречье, мол, войско его...
Известием этим хакан омрачен,
Не мыслит уже о сражениях он.
Раздумьем объятый, воссел, на совет
Созвал родовитых, воителей цвет.
Везиру хакан говорит своему:
«Известья худые смягчать ни к чему.
Я слышал, Кесра до Горгана дошел,
Весь край наводнившее войско привел.
О нашей, знать, силе не ведает он
И разумом, видно, к тому ж обделен.
От Чинской земли до Джейхуна мой строй,
Весь мир озарил мой венец золотой.
Мне должно в сражении встретиться с ним,
Не медлит, кто чести призывом палим!
К нему лишь,— он мыслит,— путь в мире один,
На свете единственный он властелин.
Очнется, как только пойду я войной,

И грозные всадники Чина со мной!»
Тут слышит хакан, в чьем владении Чин,
Речь мудрого мужа: «Земли властелин!
Не мысли с иранским царем воевать,
Смотри, не губи свое царство и рать!
Коль в мире дерзнувший соперничать с ним
Найдется,— безумием, знать, одержим.
Царей, кого славит весь свет, он затмил,
Небесного месяца свет он затмил.
Рум гордый и Хинд ему в данники дан,
Любая из славных богатствами стран.
Венец им украшен, престол озарен,
Властитель удачливый, бдительный он».
Слова умудренного в сердце впустил
Владыка и думу благую взрастил.
Сказал прозорливому, знавшему свет:
«Так мыслю, о мудрый,— что скажешь в ответ? —
Два ныне лежат перед нами пути,
Немедля к решению должно придти.
Коль скоро лишь беды сулит нам война,
Да будет рассыпана щедро казна!
Динар ведь не станет одеждой для нас,
Ни пищей, ни ложем в сражения час.
Истратим его для свершенья надежд,
Для пищи, для ложа, для добрых одежд».
Знай: каждый, кому угрожает беда —
Коль презрит динары — спасется тогда.

[*Послание хакана Чина Нушинравану*]

Он десять избрал среди рати своей
Искуснейших в переговорах мужей.
По Чинскому чину посланье знаток
Слагает из тонких почтительных строк.
Помчались со множеством слов на устах
Богатые знаньем и опытом. Шах
Узнал о прибытии чинских послов,
И вот уж чертог шаханшахский готов
К приему. Завеса раскрылась, и тут
Посланников радостных к трону ведут.
Послание с ними и царственный дар,
И золото — Чина богатый нисар.
Им царь оказал подобавшую честь,
Спросил о хакане, дозволил воссесть.
И те, до земли пред владыкой склонясь,
Ему возвестили хаканов наказ.
Посланье кладут пред дабиром. Оно
На чинском наречии, нанесено

На шелке. Йездгерд его тут же прочел,
Собрание все в изумленье привел.
Владыку Ирана хакан величал,
Создателя именем благословлял,
Речь далее вел о державе своей,
О войске, богатстве, о славе своей,
О том, что ему высочайший почет
Царящий над Чином фагфур* воздает:
Сам в жены, мол, дочь предложил мне свою,
Чтит войско фагфурово волю мою.
Тебе я недавно дары посылал,
Но перехватил их напавший Хайтал.
В отмщенье из Чача я войско повел —
Отнять у Гатфара казну и престол.
Так шел я, оставивши Гользариюн,
Что, скажешь ты, кровь обагрила Джейхун.
Давно о победах твоих боевых,
О мудрости светлой, деяньях благих
Молва до Мачина* и Чина дошла,
Рассказчикам мной воздавалась хвала.
Я в сердце желанье с тех пор затаил,
Чтоб дружбой своею меня ты почтил...
Шах, слову властителя чинского вняв,
Величие, доблесть его распознав,
Ласкает послов, осыпает хвалой,
Для каждого светлый отводят покой.
Столы накрывать и вино разливать
Велит и посланцев зовет пировать.
И месяц у шаха гостили они,
На лове, в пирах коротали все дни.
Однажды в степи учинен был прием,
Наездники мчатся, пыль встала столбом.
Златой на правителе каждом кушак,
Белудж со щитом золотым и гиляк —
Все разом по зову явиться спешат,
Владыке владык поклониться спешат.
Три сотни коней златоуздых ведут,
Мечи с золотыми ножнами несут.
Блистание дротиков, копий, клинков,—
Скажи, золотой на железе покров.
Везет весь парчою разубранный слон
Что Нил бирюзою сияющий трон *.
Уж грохот до неба взлетел самого,
Владеющий слухом лишался его.
Властителю Степь Копьеносных Бойцов
Прислала своих верховых удальцов.
Рум, Хинд и Барда* — на подмогу пришли

Из каждой страны населенной земли.
Увидел тут Чин, во владении чьем
Весь мир между солнцем и рыбой-китом *!
Степь полем сражения стала. Сошлись
Два строя, воители вскачь понеслись,
Пыль тучей вздымая; их клики гремят,
Повсюду оружье, бряцает булат;
Немалое время искусство свое
Являют, в ход стрелы пустив и копье.
Все поле — сплошь дротики, копья. Бойцам
Нет счета: здесь — пешие, конные — там.
Посланники разных земель, областей,
Князей именитых и ратных вождей,
Все шаху дивятся, державе его
И войску, и лику, и славе его.
О том, что послы меж собой говорят,
К царю с донесением тайным спешат.
На поле, по воле владыки царей,
Доставил доспехи его казначей —
Шелом и кольчугу, и панцирь, и щит.
Доспехов узлы развязать он велит,
Но стронуть броню, что носил властелин,
Не смог и сильнейший боец-исполин.
Владыки широким плечам лишь под стать
Шлем, палицу, панцирь его удержать.
Нет лучника равного в войске большом,
Нет мужа воинственней,— первый во всем!
Вот на поле, грозен, что яростный слон,
Летит с быкоглавою палицей он,
Дав резвому волю. И каждый царем
Пленился — невиданным богатырем.
Клич грянул, и трубный разносится рев,
Бьют в медные гонги на спинах слонов.
Гуденьем литавр огласилась земля,
От конских копыт истомилась земля.
Царь в шлеме, в доспехах, конь царский в броне,
То вправо, то влево летит на коне.
Хваленья придворные все вознесли
Владыке, склонились главой до земли.
Потом во дворец повелитель царей
Вернулся со множеством знатных мужей.
Посланники, тихо беседы ведя,
Дивятся, венчанного славят вождя:
Искусство владенья уздою явил,
Испытанных витязей копья затмил!
Останется запечатленным в сердцах
Искусство, что ныне явил шаханшах...

И каждый, к царю своему воротясь,
Восторженный тотчас заводит рассказ.
Подобного Нушинравану — твердят —
Не видывал в мире ни стар и ни млад.

[*Ответ Нушинравана*
на послание хакана Чина]

Пришел по его повеленью дабир,
С дабиром верховный мобед Ардашир.
И вот пехлевийским письмом на листах
Написано, что повелел шаханшах.
Калямом*, омывшимся амброй, была
Тому воздана для начала хвала,
Кто праведно судит и мир подает,
Светила создавшему и небосвод.
«Мы слуги владыки благого того,
Сам Разум свидетель величья его,
Дыханию он дозволяет войти,
Без воли его муравью не ползти.
Слух к нашим молениям да преклонит,
Властителя Чина да благословит!
Сперва о хайтальцах ты пишешь, о том,
Что те совершили, связавшись со злом,
В губительный вражий капкан угодив,
Неправедно кровь неповинных пролив.
Не должен, хоть львиной он силой владей,
Идти против воли Йездана злодей.
Коль тигра дорогу избрали они,
Ты выиграл бой, проиграли они.
О мощи фагфура, престоле, венце,
Бойцах и богатствах ты пишешь в конце.
Коль станет владыка себя возносить,
Хваления мудрых ему не вкусить.
Тебе, знать, в новинку корона и трон,
Коль так своим войском и Чачем пленен.
Хвались перед тем, кто войны не видал,
Оружия, рати, казны не видал.
Видали меня властелины земли,
До тех, кто не видывал, слухи дошли:
Чин-море я даже водой не сочту,
Там дрогнет гора, где покой обрету.
Казною осыпал державу, труды
Мои — все вокруг, от земли до воды.
Еще написал, что союза со мной
Желаешь ты, к дружбе стремишься душой.
Коль мир предлагаешь, войны не начну,
Кто б волею пир променял на войну!

К тому же не станет богатый умом
Сражений искать с именитым вождем,
С таким особливо, кто биться привык,
Не медлит, и грозного натиска миг
В бою не упустит, кому не нужны
Ничьи наставленья на поле войны,
Такое спокойствие в битве хранит,
Как будто в венце на престоле сидит.
Да будет опорой твоею Творец,
Да блещет твой перстень, да блещет венец!»
Владыки печать на посланье легла,
Украсился царский чертог. Для посла,
Для прочих дары по уставу царей
Готовы. Их принял в палате своей,
Вручая посланье при сем, шаханшах
Добавил, что в сердце имел, на словах.
С дворцом по добру разлучившись, послы
Умчались, Творцу воздавая хвалы.
Примчались к хакану. Восторженных слов
Не счесть на устах. О прибытьи послов
Услышав, придворных хакан отослал,
Советников лишь приближенных собрал.
Призвав, расспросил он послов о Кесре,
Немало звучало тут слов о Кесре,
О разуме, знанье, величье царя,
О речи, осанке, обличье царя,
И витязей сколько в дружине своей
Имеет, и сколько венчанных вождей,
И праведно ль судит. Спросил о казне,
О войске спросил, о венце, о стране.
И красноречивый посол развязал
Язык: об увиденном все рассказал.
«О царь, пренебречь им не должно! — слова
Такие услышал тут Чина глава,—
В те дни, что с весельем в сердцах провели
Гостями владыки иранской земли,
Узнали: на лове, в бою, на пиру
Никто на земле не затмил бы Кесру.
В нем стать кипариса и сила слона,
А длань его щедростью Нилу равна*.
Небесную милость на троне дарит,
Что лютое чудище, в битве страшит.
Во гневе он тучей гремящей под стать,
Льву впору от гласа его трепетать.
За чашею — каждое сердце привлечь
Способны тот голос и мягкая речь.
На троне он благословенный Соруш *,

Что ветвь плодоносного древа сей муж.
Все люди Ирана — дружина его,
Чтут всюду венец властелина сего.
Когда созывает на поле гостей,
Весь мир наводняет он ратью своей.
Все палиценосцы — в златых кушаках,
Величья печать на достойных вождях.
Слонов вереница, слепящие взор
Одежды владыки, весь царский убор,
Трон кости слоновой. Богатству тому
Знать цену возможно Творцу одному.
Будь шаха противник железной горой,
От гнева его станет малой иглой.
Кто жизнью пресытился — разве лишь тот
С ним в бой, обезумев от злобы, пойдет».

[*Послание хакана Чина Нушинравану с предложением отдать ему в жены свою дочь*]

Поник от дошедших до слуха речей
Хакан, став лицом шанбалида желтей.
Страх сердце стеснил, от мучительных дум
Расколот, сказал бы ты, надвое ум.
В тревоге совету собраться велит,
Собранию знатному так говорит:
«О мудрые, путь изберете какой?
Доколе терзаться тревогой, тоской!
Ужели, стяжав одоленье в бою,
В позор обратим ныне славу свою!»
Раздумывал долго совет мудрецов,
То вправо, то влево склониться готов.
«Путь вижу один.— Говорит наконец
Хакан.— Именитый помчится гонец
К царю. Рассудив, обретем торжество,
Поладим, вступив с венценосцем в родство.
Немало за нашей завесой девиц,
Достойных украсить собранье цариц.
Из них с шаханшахом одну обручу,
Отныне, с тревогою дух разлучу.
Коль связаны кровным пребудем родством,
Кто сделает родича нашим врагом!
С ним гордость и слава: ведь если война
Не с ним — лишь игрою нам будет она».
Решенье царя одобряют мужи,
«Всех лучше сей путь!» — подтверждают мужи.
Избрал он троих умудренных вождей,
Искуснейших в переговорах мужей.
Открыть кладовые со златом велит.

«Алмазы к чему и копить,— говорит,—
Коль их ради чести не тратить, даров
Не черпать из них и щедрот, и пиров!»
Дар собран. Не видывал в мире таких
Из знатных никто и никто из простых.
Дабира искусного после призвал.
Что в сердце таилось, перу передал.
Вначале хваленья Творцу возносил,
Носителю знанья, подателю сил,
Создателю Солнца, Кайвана, Луны:
«Им послана власть и победы даны;
От верных рабов только правды он ждет,
Ущерб справедливости не нанесет.
Иранского да прославляет царя,
Владыку шелома, клинка и копья,
Кто знаньем владеет, престолом, венцом,
Чьи посланы слава и счастье Творцом!
Ты знаешь, о доблестный отпрыск царей,
Прославленный мудростью, правдой своей,—
Будь славным, великим, кого ни возьми,
Силен человек — человеком, людьми!
Увидев послов умудренных моих,
Доверенных и приближенных моих,
Вернувшихся в мой из царева дворца,
Услышав о блеске царева венца,
О мощной, великой державе такой,
Уме, справедливости, славе такой,
Я жажду, в сиянии фарра сего,
Приют обрести под крылом у него.
Кровь сердца — ничто ей ценой не равно,
А доброе чадо ведь с сердцем одно.
Захочешь — из чистых моих дочерей
Я ту, что прекрасней, умней и добрей
Всех прочих, готов тебе в жены отдать,
В том, верю, и ты обретешь благодать.
Кто Чин от Ирана тогда оторвет!
Умножится наш средь народов почет».
Шелк чинский тончайший свернули, и тут
К везиру с печатью царевой несут.
Трех красноречивых из знатной родни
Хакан избирает, и мчатся они,
Покинув высокий хакана дворец,
Туда, где владыки Ирана дворец.
Богатый нисар — три чалмы дорогих
Везут, тридцать тысяч динаров одних,
Сосуды из золота и серебра *,
И Чина парчу, и другого добра

Столь много, что скажешь, земная краса
Затмила сияньем своим небеса.
И вот усадили послов пред царем
И чинским приветствуют их языком.
Везиром чертог приготовлен для них,
Достойный высоких посланцев таких.
Вновь сферы свой путь совершили ночной.
Лишь ясное солнце взошло над горой.
Владыка на свой бирюзовый престол
В венце, из рубинов бесценных, взошел.
Воссесть повелел именитым вождям,
Мобедам, премудростью славным мужам.
«Исписанный шелк принесите»,— велит,
И вот уж письмо пред дабиром лежит.
Сидят именитые кругом, Совет
Открыт. К шаханшаху подходит Йездгерд.
Хакана послание оглашено.
Собранье мужей изумило оно
Словами почтения, дружбы, притом
Смиреньем, изъявленным Чина царем.
Мужи благородные, чуждые злу,
Владыке Ирана воздали хвалу:
«Йездана прославим, Йездана почтим!
Властителем нас одарил Он таким,
Кто истинный царь благодатью, красой,
Величием, знаньем, умом, добротой.
Ты в битве грозней боевого слона,
Пирующим светишь ты, словно луна.
Под силу врагов тебе в слуг обратить,
Коль званье такое достойны носить.
Из Чача грозил нам всех более стран
Богатый казною и войском хакан.
И что ж? Привлечен благодатью твоей,
К союзу и дружбе он ищет путей.
Когда наделен именитый умом,
Спокойствия ищет он, правдой влеком.
Поняв, что не в силах сразиться с тобой,
Задумал хакан породниться с тобой.
О царь, не откладывай дела сего.
Кому же такое зазорно родство!
От Чина до стен Бухары его рать,
Дано ему многих царей защищать».
И внял он словам именитых бойцов,
Мобедов, прославленных тех мудрецов.
Отосланы лишние. Вот уж послы
Бегут, воздавая владыке хвалы.
Царь долгим приветствием знатных почтил,

Пред самым престолом своим усадил.
И те повторили владыке тогда
Наказ властелина, ласкавший уста.
Лишь речи послов прозвучали пред ним,
Шах голосом мягким ответствовал им.
Так молвил: «Владыка великий — хакан,
И славой и мудростью он осиян.
Коль чадом со мной породниться своим
Желает — лик дружбы омоется им.
Душа, что от разума свет обрела,
Пусть разума оком все видит дела.
На все, что желаешь, согласье даем
Охотно, благую стезю изберем.
На то уповаю, что также она
Хаканом одобрена будет сполна.
Пошлю умудренного мужа, хакан
Дозволит ему осмотреть шабистан,
Ту выбрать царевну, чья слава светлей
Меж прочих, кто сердцу хакана милей,
Чья мать происходит, не только отец,
От предков великих, носивших венец.
Как только слова предложенья сего
Исполнятся, свяжет нас тотчас родство».
Послы отвечают горячей хвалой:
«Порадован Чина владыка тобой!
Будь тучка, таящая дождь жемчугов,
В его шабистане — отдать он готов
Кесре. Но избрать подобает — внемли —
Такого к властителю Чинской земли
Посла, чтоб затворницам было под стать*
Сияющих лиц от него не скрывать».
Царь выслушал слово ответа сего,
Мир новой красой засиял для него.

[*Нушинраван посылает Мехран-Ситада на смотрины дочери хакана*]

Слагателя писем владыка зовет,
С ним долгую речь о хакане ведет,
И вот уж властителю Чина готов
Ответ из благих, поучительных слов.
В начале посланья прославлен Изед,
Благой вседержитель, даритель побед.
Его изволеньем сей мир сотворен.
Наставник, добру поучающий — он.
Кому пожелает — дарует почет,
Возвысит, до неба главой вознесет.
Другой изнывает от бед и обид

Затем, что удачи Творец не дарит.
И в счастье, и в горе пред Ним преклонюсь,
Худое содеяв, Его устрашусь.
Надежда и страх не покинут меня
Вовек — не дожить бы до этого дня!
Посол твой, хвалений достойный, примчась,
О Чина властитель, твой добрый наказ
Доставил. О браке моем говоришь
С одною из тех, что от взоров таишь.
Мне сердце порадует наше родство,
Супругом быть чада хочу твоего.
Итак, посылаю к тебе мудреца
Из тех, чьи светлы разуменьем сердца.
Что втайне я мыслю, открыть поручу —
Чем дело начать и окончить хочу.
По-прежнему скромностью дух украшай,
Будь весел, на верность мою уповай...
Писавший посланье дал отдых перу.
Лишь высохли слезы пера на ветру —
Бумагу украсив, свернул. Прилагать
Уж время впитавшую мускус печать.
Дар собран владыкой Иранской земли.
Такой, что бойцы в изумленье пришли.
Муж избран, что доблестью, честью богат,—
То старец по имени Мехран-Ситад.
Сто тысяч с ним знатных иранских мужей
Достойных, прославленных даром речей.
Вот выслушан Мехран-Ситадом наказ
От шаха Кесры: «В добрый, радостный час
В путь выступи, правдой, любовью влеком,
И ласковым там говори языком.
Внимая лишь разуму, скромность храня,
Ты весь шабистан обозри, для меня
Ищи наилучшую. Блеском румян,
Убором введен да не будешь в обман!
Девицу скрывает завесой отец:
Стройна, высока, носит дева венец.
Рабыней рожденная — пусть рождена
Она от хакана — для нас не годна.
Ищи от царицы ведущую род
Красу, что стыдливой, правдивой слывет.
Когда добронравная родом знатна,
Всех радуя, счастье внушает она».
Услышав наказ властелина держав,
Хваленья венцу и престолу воздав,
Дворец светоносного Мехран-Ситад
Покинул в день благословенный — Хордад.

Узнав о посольстве властителя стран,
Бойцов высылает навстречу хакан.
Дорога к престолу открыта послу.
Он прах лобызает, возносит хвалу.
Царева посланца хакан обласкал,
В богатый чертог отвести приказал.
В раздумье глубоком приходит хакан
К венчанной супруге своей, в шабистан.
Поведав ей Нушинравана слова,
Промолвил: «Знай, молод Ирана глава,
Казною и войском богат, и звезда
Державного счастья его молода.
Пусть в жены из рук моих деву возьмет,
Тем наш приумножится только почет.
В сокрытых покоях одна из девиц
Назваться достойна царицей цариц.
Нет в мире подобной красы. Не один
Доселе уж сватал ее властелин.
Но слишком люблю несравненную дочь,
Мне взор отвести от прекрасной невмочь.
Невольниц еще я взрастил четверых
Разумных, заботливых дев молодых.
Одну шаханшаху вручу и беду
Избуду, угрозу войны отведу».
Сказала царица*: «Ты выход нашел,
Кто б мудростью в мире тебя превзошел!»
На том порешил и уснул, а с зарей,
Лишь ясное солнце взошло над горой,
К престолу явиться посол поспешил,
Властителю Чина посланье вручил.
Посланье прочел и решился хакан
Благого опутать, пошел на обман.
Ключи шабистана вручив, говорит:
Заветный покой для тебя, мол, открыт...
Прислужниц доверенных с ним четверых
Направил, во всем положился на них.
Ключ принял и следом за ними вошел
В покой потаенный Ирана посол.
Прислужницы, что провожают его,
Рассказом таким ублажают его:
Там дева, мол,— краше ее ни одной
Не видели звезды и солнце с луной...
Вот входят. Сияет, что рай, шабистан,
Весь лунами, солнцами он осиян.
Пять юных красавиц на тронах сидят,
Венцами, нарядами взоры слепят
Все, кроме царевны. Не блещет она

Убором, подвесками, не убрана
В алмазы, одежда ее не нова
И в мускусном божьем венце голова *.
Изделия рук не касались лица,
Блистала одними дарами Творца,
Меж тем, словно тополь, венчанный луной,
Престол озаряла красой неземной,
Всех прочих затмив. Бросил первый лишь взгляд
Исполненный мудрости Мехран-Ситад
И понял: от истины удалены
Царя помышленья и царской жены.
Чалмою уловки опутать хотят,
И муж многоопытный гневом объят.
«Шах дарит рабыням,— так мудрый изрек,—
Немало престолов, венцов и серег.
Я выбрал сию, без венца и прикрас,
Настал для нее возвышения час.
Я издали гнал не за чинской парчой,
Сюда за избранницей послан благой».
«О старец!— царица сказала ему.—
Ты слов не сказал сообразных уму.
Царевнам пленительным, мудрым, благим,
Чьи станы под стать кипарисам младым,
Чьи нежные лики свежее весны,
Сердца к шаханшаху почтенья полны,
Дитя несмышленое ты предпочел —
Никто бы разумным твой выбор не счел».
На то возражает ей Мехран-Ситад:
«Хакан справедливостью если богат,
Известно ему, что владыка владык
Меня не зовет — неразумный старик.
Избрал я сию, что на троне простом *,
Не в ярких камнях, не в венце золотом.
Коль нет на сие изволенья царей,
Дозвольте вернуться послу поскорей».
Той речи внимая, дивится хакан
Решенью посланца властителя стран.
Уверился — движим лишь целью благой
Сей старец почтенный, с великой душой.
С советником мудрым владыка воссел,
Всем прочим покинуть чертог повелел.
Когда царедворцы его разошлись,
С таблицами Рума * в руках собрались
Мудрейшие все звездочеты страны,
Что знаньями высшими наделены.
Являющим добрых желаний пример
Велит он прочесть начертания сфер.

И долго мобед вопрошал у светил:
Что с шахом союз, мол, хакану судил?..
«О царь,— наконец возглашает мобед,—
Души не тревожь предвкушением бед.
Знай, добрый исход предназначен сему,
И радость врагу не вкусить твоему.
Гласят об одном указанья светил —
Так жребий тебе благосклонный судил:
Царевною будет от шаха рожден
Властитель, которым украсится трон.
Хваленья иранцы ему вознесут
И Чина старейшины честь воздадут».

[*Хакан посылает свою дочь с Мехран-Ситадом к Нушинравану*]

Услышал и возвеселился хакан,
И счастьем лик царской жены осиян.
Уловки отбросив, с собою посла
Сажают, беседа иная пошла.
Все должное сказано было о той,
Сокрытой от взоров царевне младой.
И дочь от отца принимает мобед
Во имя владыки, любимца побед.
Царь Чина вручает, посредник берет
От чинской царицы ведущую род.
К владыке спешат с подношеньями тут
Придворные, радостью лики цветут.
Готовится дар в Нуширванову честь.
Сокровищ, ему подносимых, не счесть.
Динары, алмазы, уборы, престол,
К тому паланкин — бирюзою он цвел —
Из хиндского также алоя другой,
Что златом слепил, самоцветов игрой;
Венцы в озаренье бесценных камней;
Сто вьючных верблюдов, сто резвых коней —
Под лучшими седлами те скакуны;
Верблюды же чинской парчой гружены,—
Там сорок тюков драгоценной парчи,
Сплошь золота блеск, изумрудов лучи;
Сто крепких верблюдов с коврами притом.
Три сотни рабов — каждый едет верхом,
Сверкающий стяг пред собою подняв,
Как требовал Чина старинный устав.
Сияет весельем владыка, и трон
По воле его на слона водружен.
На злато-серебряном поле узор
Из цельных жемчужин, ласкающих взор.

А знамя, слепящее чинской парчой,
Где прячет основу узор золотой,
Сто сильных мужей поднимали; оно
До свода небесного вознесено.
Блестит паланкин златотканой парчи,
Горят драгоценных каменьев лучи.
Три сотни прислужниц, веселья полны,
Сопутствуют той, что прекрасней луны,—
Так деву хакан к шаханшаху послал,
Царевну строй воинов сопровождал.
И сорок владычице верных своей
Наперсниц — все следовать рады за ней.
Дабир вслед за этим явился, принес
Шелк, мускус и сок распустившихся роз.
И пишет он шаху,— послания вид
Прекрасен, оно благовонье струит.
В начале письма Вседержитель воспет,
Всезрящий, неспящий зиждитель воспет.
Везде и во всем, что призвал к бытию,
Рабам он стезю указует свою.
Владыка, что правит Иранской страной,—
Венец мой не дочери ради одной.
С тех пор как услышал от знатных вождей,
От чистых душой, умудренных мужей
О благости, блеске, величье царя,—
Повлекся к нему, жаждой дружбы горя.
Он царствует, блага ища одного,
Не знаю царей, справедливей его.
Дарит ему щедро пречистый Творец —
Победную мощь и престол, и венец,
И мудрость, и веру. Йезданом благим
Да будет и впредь благосклонно храним!
Дочь, око мое, чином веры моей
Шлю ныне к Кесре, властелину царей
С наказом — вступая к нему в шабистан,
Стать верной рабою властителя стран,
Его поученьям с почтением внять,
Устав и обычай его исполнять.
Будь счастлив, иных да не ведаешь дней,
И разум да будет опорой твоей!..
Над мускусом чинским печать приложил,
Посланцу, хвалу воздавая, вручил.
Дарами немалыми Мехран-Ситад
Почтен был — припомнить могли бы навряд,
Открыто иль тайно чтоб в мире во всем
Столь щедро посол одарен был царем.
Богато и спутники награждены,

Динарами, мускусом наделены.
В путь вышел с дарами, с девицею той,
Слоны с ним в убранстве и всадников строй.
Он дочь до Джейхуна-реки проводил,
Кровь сердца — не слезы прощальные лил.
Дотоле он берега не покидал,
Пока на другом берегу увидал
Дочь милую. Болью разлуки палим,
Хакан от реки удалился засим.
Лишь вести о Мехран-Ситаде пришли,
С весельем навстречу дары понесли.
Хваленья во славу хакана звучат,
Во славу владыки Ирана звучат.
Несут подношенья, нисар без числа,
Все в гости зовут, привечают посла.
И град, и дорога убранством блеснуть
Стремятся; усыпан динарами путь
Царевны. Подобьем фазанья крыла
До Мерва вся степь от Аму расцвела.
И вот до Бистама, Горгана дошли.
Уж неба не видело око земли —
Столь много воздвигли в степи, в городах
Торжественных арок в убранстве, в цветах.
Покинув жилища, сбегается люд.
Красавице чинской хвалу воздают,
Дождь сыплют на плечи, из золота весь,
И льется из чаш благовонная смесь.
Навстречу им клики приветствий звучат,
Грохочут литавры, кимвалы гремят.
Вино, благовонья на гривах коней
И сахар с дирхемами ливня щедрей
Им под ноги сыплют. Похитивший сон,
Свирелей и чангов * разносится стон.
К дверям шабистана царевну несут.
Глядит в паланкин венценосец, и тут
Увидел он тополь и месяц на нем,
Украшенный темным, душистым венцом,
Над коим венец возвышался второй.
Кольчугу припомнишь, любуясь косой,
Иль цепь, где за звеньями вьется звено,
С другими искусной рукой сплетено,
Иль мускусный перстень, где роза внутри,
Из перстня сияет, смотри, Моштари!
Царевной любуется Нушинраван,
Твердит в изумленье: «Великий Йездан!»
В чертог подобающий водворена,
На троне украшенном блещет луна.

[*Возвращение хакана*
и поход Нушинравана на Тайсафун]

Услышал, сияя от счастья, хакан
О встрече, какую устроил Иран
Его ненаглядному чаду, о том,
Как шах этим новым доволен родством.
Он Чач с Самаркандом оставил и Согд
И в Качгар-баши свой венец уж несет.
Весь мир Нушировановой милости рад,
Сон мирный повсюду вкусил стар и млад.
Повсюду из уст у народа текли
Хваленья владыке Иранской земли.
Все молятся, руки воздев к небесам:
«Создатель пространства и времени! Сам
Кесру, властелина державы, храни,
Все беды от жизни его отстрани!»
К концу от его благодати пришло
И явное зло, и сокрытое зло.
С тех пор как примчался владыка в Горган —
С улыбкою вовсе расстался хакан.
Наездники Чина, в седле день-деньской,
Не спят, не пируют, утратив покой.
И вся, в триста тысяч, рассеяна рать,
Умолкли сражения, лук оснащать
Запретно, и чинским там быть удальцам
Не должно — ни славным, ни малым бойцам —
Столь царственно-грозно исполненный сил,
Лев ярый туда для охоты вступил.
Над ним да не меркнет благая звезда,
Венчанному счастье да светит всегда!
Аму берега, Чач с Хотаном, всю знать
Собрали — совет неотложный держать.
Сказали: «Немало больших городов,
Где столько дворцов, площадей и садов —
И Чач, и Барак с Самаркандом, и Согд
В пустырь обратились, в убежище сов.
Балх древний, Хатлан, Бамиян *, Чагани —
Сколь много невзгод испытали они!
Хорезм и Аму с Бухарою, и Зем —
На долю им бедствия выпали всем.
Ведь царь Афрасьяб злодеянья творил *
Такие, что каждый о сне позабыл.
Но длань Кей-Хосрова на помощь пришла,
Избавила край от насилья и зла.
Шло время, и силы набрался Арджасп *,
И снова несчастья пора началась.

Тогда из Ирана Гоштаспова рать
Примчалась — не смог тут Арджасп устоять,
И след его черных деяний исчез.
Вовек да не ведает ласки небес!
И после Нарси воцарился, и вот *
Изведали земли немало невзгод.
Шапур, сын Хормозда, Нарси превозмог,
Его пораженью и бегству обрек.
Страна безопасность и мир обрела,
Обуздана власть Ахримана была.
Державу отняв у Йездгерда, хакан *
Вновь гнетом изгнал благоденствие стран.
Но вот Бахрам-Гур миродержец пришел,
Хакана в беду и злосчастие ввел.
Конец наступил злодеяниям, край
Под властью Бахрама расцвел, словно рай.
Пируз воцарился, явил Хушнаваз
Нечестье, и смута опять началась.
На сына его Фаганиша падет
Пусть кара, на весь нечестивый сей род!
А ныне под власть миродержец Кесра
Нас принял, пришла возвышенья пора.
Он телу державы да будет главой,
Держава его да пребудет живой!
Сулит справедливость нам шахский венец,
Страданию, кровопролитью конец!»
Вот тюрки, хайталы, хотанцы сошлись,
Знатнейшие в Гользариюн собрались.
Где б ни был мобед умудренный иль рад,
В ком чистое сердце, кто знаньем богат,
Мужи из Турана, в ком разума свет,—
Все шли. Многочисленный собран совет.
К решенью властители дружно пришли
С дарами идти к властелину земли.
Увидел их Нушинраван пред собой,
Единых в речах и единых душой.
А было их столько, что мошке пути
Меж них не сыскать, муравью не вползти.
Поклон до земли перед шахом кладут,
Хваленья владыке владык воздают.
Сказали: «Владыка, тебе мы служить
Готовы, твоим изволением жить.
Отважны, оружьем богаты притом,
Мы шкуру у тигра в бою изорвем!»
Дары Нуширвану вручают они,
В палаты царевы вступают они.
Был первым вождем Фаганиш среди них,

Он витязей вел за собой молодых.
И рад именитым вождям Нушинрван.
Зовут саларбара к властителю стран,
И тот обласкал их, немало почтил,
В домах подобающих всех разместил.
Покинул престол вслед за тем и во прах
Повергся пред вышним Творцом шаханшах.
Так славил Йездана владыка царей:
«О ты, кто превыше вращения дней,
Ты фарр и рассудок, и волю мне дал,
Путь зла и дорогу добра указал.
Узнав обо мне, уж не ищут венцов
Властители, каждый склониться готов.
Усилья направив к служению мне,
Помыслить не смеет никто о войне.
Почию — и птица в горах ни одна,
И рыба речная не ведает сна,
И хищные звери хранят мой покой,
Главы всех народов признали главой.
Избранник твой не посрамится. Один
Лишь ты — Вседержитель, миров властелин.
Не дай в моем царстве, смиренно прошу,
Обиде подвергнуться и мурашу».
Лил слезы, Создателя благодаря.
Подобного знаешь ли в мире царя?...

[*Возвращение Нушинравана в Иран с победой*]

Моленье закончив, воссел на престол,
Дружины в готовность к походу привел.
Зов трубный звучит перед царским дворцом
И медных кимвалов разносится гром.
Подателю блага хваленья вознес,
Построено войско, устроен обоз —
Динары, парча, пояса и венцы,
Дирхемов казна и жемчужин ларцы.
Здесь кони, здесь свита царевны младой,
Навес бирюзовый, трон белый резной.
Блистают злаченые седла коней
Служителей, слуг, отъезжающих с ней.
В своем паланкине двора бут-ара *,—
Их всех в Тайсафун отправляет Кесра.
Царевна средь верных, душою светла,
При знаменьях добрых свой путь начала.
Главою мобедов был Мехран-Ситад,
Он шел с шабистаном в прославленный град.
Сокровища препоручив, Нушинрван

С дружиной уходит в Азерабадган.
Туда все правители, витязи, знать
Съезжались, пред шахом спешили предстать.
Воители разных пределов земли:
Гиляна, Дейлема, дружины пришли
С предгорий Белуджа и степи Сарудж *,
Прислал меченосцев воинственный Кудж *.
Нисар, подношения каждый несет,
К шатру властелина счастливый идет.
Великий доволен: мол, вот, наконец,
От волчьих клыков оградили овец.
Не сыщешь ведь града, что не был спален,
Набегом кочевников не разорен.
Кесры благодатью явил небосвод
Иные обычаи — милости шлет.
Где б войско владыки владык ни прошло *,
Убытка и колосу не принесло.
Ни пищи не требовал он, ни питья,
Свой стан разбивал в стороне от жилья.
Все дальше по царству идет властелин
Путями степными, путями долин.
Он видел посевы и пашни кругом,
Что́ степи, что́ горы богаты скотом.
Где было давно неустройство одно,
Где сева и жатвы не знали давно,
Там ныне цветник или сад повстречал,
В жилищах по нескольку чад примечал.
И крепкие ветви сгибали плоды
От щедрости царской счастливой звезды...
Срок некий свершала вращенье луна,
Посла от кейсера встречает страна
С дарами, серебряным грузом, златым,
С парчою румийскою, перлом младым.
Весь город, скажи, их нисар покрывал.
Рум дани такой никогда не давал.
Десяток с динарами бычьих мешков:
Трехлетняя дань из румийских краев.
Кейсер при нисаре послание слал,
К владыке высокому речь обращал.
Посла впереди усадил властелин,
К посланию слух обратил властелин.
Там были приветствия в добрых словах,
О присланных сказано было дарах:
Мол, будем мы бо́льшую дань посылать,
Что дань! Мы венец наш готовы отдать.
Коня оседлать благородный велит,
К святилищу Азергошаспа спешит.

Вот стены святыни очам предстают,
По лику венчанного слезы текут.
Седло покидает, взял в руки барсам,
Земзем сотворил и направился в храм.
Главу пред священным огнем преклонил,
Молитвою долгой Творца восхвалил.
И золота, и драгоценных камней
В том храме сполна получил казначей.
Немало мобедам раздал золотых
И жемчугом шитых одежд дорогих.
Тогда в богачей превратились они,
С молитвой огню поклонились они.
Мобеды земземом хвалу вознесли
Хранителю правды, владыке земли.
Оттуда он войско повел в Тайсафун,
Не войско в пути — а гора Бисотун *.
Для бедных, в какой ни вступал бы предел,
Ни золота, ни серебра не жалел.
Столь щедрую роздал венчанный казну —
Дирхемами, златом усыпал страну.
Пришел к Мадаину счастливым путем,
Был край Мадаинский к богатству ключом.
Вот Мехран-Ситад пред владыкой страны
И сорок прислужниц вкруг чинской луны.

[*Благоденствие народа в правление Нушинравана*]

На троне владык благородный Кесра —
Величия, щедрости, славы пора.
Мир раю подобен цветущему стал
От милости, правды богатством блистал.
Владыки от войн отдыхают, народ
Не ведает страха, не знает невзгод.
Изед благодатью весь мир обновил *,
Злу, скажешь ты, накрепко руки скрутил.
Не знали разбоя, набегов ничьих,
Бесчинств не случалось в стране никаких.
Властителю повиновались везде,
От лживых путей отказались везде.
Случалось, что путник дирхемы терял,
Но вор от чужого добра убегал.
Богатства из золота или парчи —
На суше, на море, что днем, что в ночи —
Страшась правосудья, коснуться не смел.
Злодей даже в сторону их не глядел.
Цветущему раю подобна страна,
От края до края довольства полна.

Правителей, знати к владыке земли
Из каждой страны донесения шли.
Шли письма от чинских торговых мужей,
Турана, Саклаба *, иных рубежей.
От множества писанных мускусом слов *
На чинском блестящем шелку, от цветов
Румийских посланий, что радуют взгляд,
От писем, что хиндский несли аромат,—
Иран стал, скажи, вертоградом сплошным,
Земля его — амброй, кирпич — золотым.
Взор мира всего на Иран устремлен,
От смут и страданий избавился он.
Сказал бы, что тучи сок розовый льют *,
Забыл о недугах и лекарях люд.
Цвет — вовремя, вовремя влага идет,
Печаль о дожде никого не гнетет.
Все стало — и степь, и дворы — цветником,
И трав, и скота изобилье кругом.
Не реки бежали державой — моря,
В садах расцвели не цветы — Сорайя *.
В стране обучались чужим языкам,
Ведь знанье дарует величье сердцам.
Туранский торговец и хиндский купец,
Торговец из Рума и чинский купец
Хваленья возносят владыке держав —
Стада умножаются щедростью трав.
Владеющий знаньем служил при дворе,
Поэт почитаемым был при дворе,
И рад, и мобед, и мудрец процветал,
От страха возмездья злодей трепетал.
Держава сияла, что солнечный лик.
Народ созывает глашатая крик:
«О подданный шаха, владыки царей,
Нужды не скрывай и печали своей.
Кто силы, уменье на дело кладет,
Тот в меру заслуг своих мзду обретет.
Лишь скажет о том, к саларбару явясь,
Положат ему содержанье от нас.
А ежели заимодавцу к тому ж
Уже задолжал обездоленный муж,
Пусть муки и страх бедняка не томят,
Дирхемы из царской казны возвратят.
Посмевший взглянуть на чужую жену *—
И муж сообщит нам про эту вину —
Петлю или яму получит в ответ,
Да стрелы иль цепи позорные вслед.
Коня без призора на поле найдут,

И жалобу нам во дворец принесут —
Кровь в поле тот конь за потраву прольет,
А мясо понесший ущерб заберет.
А всадник, пустивший беспечно коня,
Да ищет прощения в храме огня.
В тетради аризовой имя сотрут
Владельца коня и айван разметут.
Подобный проступок — внимающий, знай,—
Кто б ни был — последним на свете считай.
Венчанного неодобренье пожнет —
Он праведных, честных служения ждет.
Кому не по сердцу дорога царя —
Не смей приближаться к порогу царя.

[*Наставления Бузурджмехра Нушинравану*] *

Однажды, воссев на престоле своем,
Вождям и мобедам устроил прием.
Царь ласково встретил, приветствовал всех,
Приблизился к трону его Бузурджмехр.
Вначале царю прозвучала хвала —
Весну в его сердце, скажи, привела.
Сказал: «О судья милосердный, о тот,
В котором и лживый греха не найдет,
О благословенный, владыка владык,
О благорожденный, что знанья достиг!
В тетради на царской бумаге свои
Раздумья оставил я на пехлеви,
Вручил казначею: коль сроки придут,
Быть может, владыке те строки прочтут.
Я видел, что тайны свои бережет,
Открыть не спешит сей медлительный свод.
Пусть некто отверг наслаждения путь,
Решительно выбрав сражения путь *,
Пусть землю очистит от недругов он;
От козней бесовских и зла защищен,
Властителем станет он мира всего;
Не будет в познаниях тайн для него;
Создаст, обнаружив всю щедрость руки,
Дворцы и майданы, сады, цветники,
Богатства сберет, воспитает детей,
Ведомый счастливой звездою своей;
Умножится войско его и казна,
Как сад, как дворец, засияет страна;
А некто, пришедший в сей мир бедняком,
Величья и славы достигнет с трудом,
Богатства несметные сможет скопить —
Сто лет все ж, не более, каждому жить *.

Сам станет он прахом, бесплодным — весь труд,
К другому деяний плоды перейдут.
Ни чад не останется с ним, ни дворца,
Ни войск, ни казны, ни златого венца.
Как только свой суетный путь завершит,
Так всеми на свете он будет забыт.
Над миром промчится годов долгих ряд,
Лишь доброе имя века сохранят.
Две вещи, скажу, настоящие здесь,
Иное же все преходящее здесь:
Вовек не прейдут, сколько жизнь будет течь,
Благое деянье и добрая речь.
Ни солнцу, ни ветру, ни тлену — равно
Что славу, что слово сгубить не дано.
Средь сонма людского блажен будет тот,
Кто скромностью и благочестьем живет.
Венчанный посильно греха избежит *,
Греха, что для духа заведомый стыд.
Хранит доброту и полезности путь,
В них веры и долга высокая суть.
Слова эти в память мою сохрани,
Ввек, мыслится, не устареют они».
Той речью он царское сердце согрел,
Владыка беседу продлить захотел.
«Кто тот благородный,— вопрос задает,—
В ком радость без вздохов холодных живет?»
«Лишь тот, кто безгрешен,— ответ ему дан,—
Кого не сумел соблазнить Ахриман».
О кривде спросил, мол, как действует бес,
Спросил о владыке земли и небес.
«Добро — это воля Творца самого,
В обоих мирах благодать от него,
Зло — путь Ахримана,— ответствовал так,—
Он всем, почитающим истину — враг.
Блажен здравомыслящий — меры залог *,
В нем истинной скромности видим урок.
Ведь тело его защищает душа,
А значит, всю жизнь освящает душа.
С ним правда и доблесть пребудут, ему
К неправде и злу прибегать ни к чему.
Живет он, земные деянья верша,
И чистой его остается душа.
И тело не станет душе поперек —
Так ножны в себе сберегают клинок.
А слово не знающих меры гони *—
Для светлой души, что ловушка, они.
Не верящий жизни в чертоге ином

Вкушающим боль пребывает в земном.
Считай же презренным любого удел,
Кто божьего страха в душе не имел:
Для тела он доли благой не искал,
Бежал от желаний, уста замыкал,
И знанием — пищей души — пренебрег,
Ведь был от наставников мудрых далек».
«Из подданных,— молвил владыка владык,—
Кто доблестей высших, достоинств достиг?»
«Кто более мудр,— услыхал властелин,—
И всяким желаньям своим господин».
«А кто этот мудрый?— спросил шаханшах,—
Ведь мудрость присутствует скрыто в мужах».
«Кто сердцем своим, как ни мудрствует бес,
Навек прилепился к владыке небес.
Не станет внимать безрассудно тому,
Кто недруг для духа, ловушка уму.
Знай, бесов тех десять, льву силой сродни,
И разум, и дух сокрушают они».
«А кто эти дивы,— царь просит назвать,—
Пред коими разуму впору стенать?»
Так мудрый ответствовал: «Алчность, Нужда *—
Два дива, природа их зла и горда.
Гнев, Зависть, Тщеславие, Месть, Клевета,
Двуличность, Нечестье — безбожью чета,
За этими — неблагодарности дух,
Не чтущий Йездана, он к доброму глух».
«Из всех этих мерзких губителей душ
Который сильней?» — слышит праведный муж.
«То Алчность,— услышал владыка ответ,—
И дива жесточе, упорнее нет.
Стяжания страстью одной одержим,
Всегда в недовольстве поверженный им.
В бредущем уныло Нужду узнаем,
Со взором невидящим, с желтым лицом.
Див зависти следом,— продолжил мобед,—
От немощи этой целителя нет.
Увидев, что ты благоденствуешь, он,
Сказал бы ты, в сердце само уязвлен.
За ними тщеславья воинственный див,
Не дремлет он, когти для зла отточив.
Див мщения после, в нем ярость кипит,
За всеми он, глаз не спуская, следит.
Ни милости в нем, ни любви не найдешь,
Лик злобный исчерчен морщинами сплошь.
И див клеветы — там, где лживая речь,
Не в силах он светлого слова изречь.

За этим — двуличных, наушников бес.
Утративший страх пред владыкой небес.
Стремлением дружбу разрушить ведом,
Он сеет вражду и раздоры кругом.
Кто неблагодарности бесом пленен,
Тот мудрости, доброго сердца лишен.
И совесть, и честь — все пустое для них,
Едино — что зло, что благое для них».
Царь новый вопрос мудрецу задает:
«Как с сердцем, скажи мне, див схватку ведет? *
Что дал повелитель вселенной рабу *,
Чтоб див не довел до победы борьбу?»
«Длань Разума,— так отвечает,— сильней,
Чем козни бесовские с хитростью всей.
Нам Разум в сражениях с дивами — щит *,
Он светлыми сердце и дух сохранит.
Ведь Разум слова наставлений сбирал,
Накопленным знанием дух укреплял.
Пусть Разум душой твоей руководит,
Не близкий ведь путь впереди предстоит.
Пусть будет и то, что мы нравом зовем *,
С ним сердце не дрогнет, хоть дивы кругом.
Мир мил для души добронравных людей,
Не кружатся возле желанья дверей.
Речь дальше моя о надежде пойдет *,
Которая к радости сердце ведет.
Знай, мудрый, с надеждой связав бытие,
Лишь радости ждет и встречает ее.
Дурного в душе не таит ничего,
Стрелы, а не лука дорога его *.
И тот, кто своим достоянием сыт,
Стяжаньем иного себя не томит.
Спокоен, дирхемами не соблазнен —
Довольством разумного день озарен.
И тот, кто Йездана единого чтит,
Обид никому никогда не чинит,
От воли Творца не отступит ни в чем,
Природы дурной не имеется в нем.
Под стать воздержанье, с Йездана пути
Ничто не смогло бы его увести».
«Из этих кто — царь? — Венценосец спросил,—
Кто путь добродетелям всем проложил?»
«Путь Разума это,— услышал ответ,—
Ему, без сомнения, равного нет.
Тот нрав благородный, с каким человек
Живет, почитаемый всеми весь век.
Из многих натур совершенную в том

Я видел, кто жизнью доволен во всем.
Надежда, к тому же, смиренней средь них,
Достойней, не ведает тягот земных.
И алчности видел натуру — она
Стяжанья, желаний и горя полна».
«Из качеств, что служат величию душ,
Каким возвышается ищущий муж?»
«Знай, высшее — знанье,— ответил мобед,—
Достойней, чем мудрый, меж славными нет.
И мудрый, страданий спеша избежать,
Иного добра не стремится стяжать».
«Скажи о враге нашем,— слышит мобед.—
Какими путями он ищет побед?»
«Деянья дурные,— ответил он так,—
Вот разума недруг, души нашей враг».
«Скажи, просвещенности выше цена
Иль свойствам врожденным она отдана?»
Учитель ответил владыке царей:
«Всегда просвещенность природы ценней.
Ума — украшенье, души — благодать!
О свойствах природных так можно сказать:
Природа слаба без познаний, жалка,
Душа воспитанием должным крепка».
«Чем душу очистить? — спросил шаханшах,—
И что одобренья достойно в мужах?»
«Одно,— отвечал,— назову за другим,
Коль даришь вниманье реченьям моим.
Наш разум — дар славный Изеда — далек
От помыслов ложных, от зла и тревог.
Искусный, что знаньем своим восхищен,
Наставником ввек да не будет сочтен.
Меж тем, добронравных, что скромность хранят *.
Свой долг исполняющих, мудрые чтят.
Пусть знанье умноживший знатным рожден
И щедрости, правды усвоил закон —
Достоинства эти, величье в любом
Слабеют, преходят при нраве дурном».
«О муж благородный и нравом благой! —
Владыкой вопрос задается другой.—
Скажи, от судьбы или доблестных дел *
Зависит владыки высокий удел?»
«Судьба и достоинства,— слышит такой
Ответ,— выступают единой четой.
Так тело с душою нам вместе даны:
Плоть видишь — движенья души не видны.
Усердье — то плоть, одеянье надежд,
Деянья судьбы нашей, скрытой для вежд.

Величья не сыщешь упорством одним,
Ведом разве будешь ты счастьем своим...
Все ж мир этот — сказка и ветер для нас *,
Как сон, что наутро припомнишь подчас.
Узреть наяву не сумеет наш взор,—
Благое ли снилось, победа, позор».
Вот новый вопрос венценосца звучит:
«Кого многоопытный более чтит?»
«Царя, что державу прославил,— сказал,—
Чей жребий победный ущерба не знал.
Коль шах справедлив — и в речах и делах
Желаемое обретет падишах».
«Кто жалок,— спросил,— в этом мире забот,
Злосчастье, бесплодье кого стережет?»
«Бедняк нечестивый,— ответил,— и здесь
Несчастлив, и рая ему не обресть».
«Кому из несчастных,— царь молвил опять,—
В мученьях всечасных вздыхать и стенать?»
«Муж знающий сей обретает удел,
Чей лик от деяний дурных пожелтел».
«Кто радостен здесь,— вопрошает он так,—
Не жаждущий преумножения благ?»
«Кто в сердце пристрастья,— мудрец отвечал,—
К делам круговратного неба не знал».
Царь молвит: «Кого нам достойнейшим счесть?»
Ответил: «В ком должная сдержанность есть».
«Кто сдержанный? — Так вопросил шаханшах.—
Ведь впору скорбеть о гневливых мужах».
«Кто,— слышит,— далек от хулителей злых,
Заметь, и речей не поддерживал их.
И сдержанность есть у такого, и стыд,
И мудрость, и полный достоинства вид».
Так славный владыка спросил мудреца:
«В надежде кто тверд из людей до конца?»
«Усердный,— ответствовал.— Тот из мужей,
Чьи уши открыты для мудрых речей».
Потом говорил этот мудрый Кесре
О зле сокровенном, о знанье, добре.
Из осведомленных, мол, много мужей,
Что лживы, ничтожны по сути своей.
И здесь его место во прахе, а там
Не знаю, что будет подобным мужам...
О благоустроенном крае спросил,
Мол, наша в том доля какая? — спросил.
Ответствовал: «Благоустроенный край
Царя справедливого делом считай».
«Какие мужи прозорливы, умны,

Всегда почитанием окружены?
Кого к наиболее славным причесть?
Ведь знающий — наше богатство и честь!»
«То старец, что опытом лет умудрен,
К познаниям новым меж тем устремлен.
«С кем,— молвит он,— радость? Кто этот благой
Средь смертных заметен прямою спиной?»
«Свободный от страха,— ответствовал муж,—
Дирхемы и злато имеет к тому ж».
«Кого и за что одобряют всегда?
Кто наши сердца привлекает всегда?»
Ответствовал: «Тот, кто накинет узду
На зависть, тщеславие, алчность, нужду,
Всегда отвергает и зависть и месть,
У нас одобренье находит и честь».
Спросил он о муже смиренном потом,
Который блистает терпенья венцом.
«Надежду утративший,— слышит ответ,—
На счастье, а ликом — что солнечный свет.
Таков же — чья жизнь исчисляется в днях,
Кто движим великим в последних делах».
Владыка спросил: «Кто под гнетом скорбей,
Сказал бы, пресытился жизнью своей?»
«Кто свергнут с престола,— мудрец отвечал,—
Отчаялся в счастье и духом упал».
Великий владыка потом говорит:
«Чье сердце обида всечасно томит?»
«Кто мудростью,— так отвечал,— обделен;
Богатый, что роком потомства лишен».
О сердце спросил удрученном, о том,
В печаль погруженном и ночью и днем.
«То знающий, благочестивый,— сказал,—
Который глупцу в подчиненье попал».
«Кто впал в безнадежность,— кесра вопросил,—
Хотя не лишился желанья и сил?»
«Кто власти лишился и дел не вершит,
И мрачен и гневен»,— мудрец говорит.
Владыка продолжил беседу с благим:
«Сей муж прозорливый со счастьем живым
Бесславным, убогим кого назовет?
Чей дух милосердья, прощения ждет?»
Сказал: «Человек многогрешный таков,
Бедняк, я скажу, безутешный таков».
«А кто, о правдивый,—спросил шаханшах,—
Жалеет о прошлом, ушедших годах?»
«Венчанный, когда он тот темный шелом *,—
Ответил,— над собственным узрит челом.

Раскаялся, на́ сердце страх без конца,
Не чтил ведь душой благодарной Творца.
И тот, кто благие деянья вершит
И неблагодарных во множестве зрит».
«О мудрость обретший, достоинства чьи
Утком и основой друг в друга вошли!
«Что́ знаешь, что телу здорово, скажи?
Что́ дорого сердцу любого, скажи?»
«Когда человек,— отвечает,— здоров,
Он радостных ищет для сердца даров.
Когда же от немощи в слабость впадет,
Желанье одно в нем — здоровия ждет».
«Какое,— спросил,— из желаний, что есть,
К сильнейшему, о добронравный, причесть?»
«Живущим в довольстве,— ответил мудрец,—
Незнанье нужды — всех желаний венец.
Когда ж нам здоровье, достаток даны,
Мы лучшего ждать от судьбы не должны».
«Какие тревоги,— спросил мудреца,—
Сильнее смущают людские сердца?»
«Их натрое,— так отвечает мудрец,—
В ответах своих разделяет мудрец:
Заране страшиться недоброго дня,
Мол, как бы беда не постигла меня;
Затем опасенье коварных друзей,
Грозящих и чести и жизни твоей;
И страх пред тираном, кому недосуг
Знать — праведник ты иль неправедных друг.
Коль дни твои доброй хранимы судьбой,
И друг и наставник надежный с тобой,
Мир, царь справедливый — от свода сего
Ты лучшего не обретешь ничего».
О вере и правде спросил его тут,
От коих порок и нечестье бегут.
«О царь! — Раздается ответ мудреца,—
Держись памятующих имя Творца,
Далеких от лжи, от бесовских путей,
Тех, страх пред всевышним хранящих, мужей.
Веленьям Йездана внимают они
И веры своей не меняют они».
Спросил о царе после этого он,
Что властью над праведными вознесен,
Царе, кто судьбою и счастьем своим,
Достойный престола державы, храним.
«То царь,— отвечает он,— что справедлив,
Умен, многоопытен, благочестив».
Спросил венценосный о старых друзьях,

Во всем меж собою живущих в ладах.
«От друга,— ответил,— ждешь прежде всего
Его благородства и правды его.
В угоду кому-либо не покривит
Душою, он другу — помощник и щит».
«С кем больше друзей, из которых один
И телом и духом с ним, скажешь, един?»
«У добросердечных,— ответил,—благих,
Злой сердцем уйдет разве только от них.
У тех, кто, свершая благие дела,
Приветлив и ласков — друзей без числа».
«Скажи мне, кто больше имеет врагов,
Из коих вредить ему каждый готов?»
Ответил: «Надменный имеет таких,
Всегда порицающий ближних своих.
И тот, чьи слова и грубы и резки,
Взор хмурый и сжаты всегда кулаки».
«Друг, вечно с тобой пребывающий — кто?
От муки разлуки стенающий — кто?»
«Деянья благие,— ответствовал тот.—
В них верного друга душа обретет».
«Какая здесь вещь пребывает вовек,
К тому же не оскудевает вовек?»
«Амбар добрых дел,— так ответствовал он,—
От времени и от огня защищен».
«Что самое светлое? — слышит мудрец.—
Что разуму каждого славный венец?»
«Душа это мудрая,— слышит ответ,—
Что может желанью ответствовать: нет».
«О щедрый, как солнце,— речь шаха звучит,—
Что небо само широтою затмит?»
«Царь щедрый,— ответил,— и сердце того *,
Создателя чтущего, волю его».
«Что значит,— спросил,— проницательным быть
И этим хвалу мудрецов заслужить?»
«О царь, да не будет вовеки казна
Неправедным людям тобой вручена.
Ведь неблагодарному благотворить —
Что в воду сырцовый кирпич опустить»*.
Царь молвит: «Скажи мне, в мученье каком
К богатствам уже человек не влеком?»
«О царь,— отвечает,— да будет душа
Вовеки твоя, как весна, хороша!
При шахе злонравном подвластный народ
Не только богатство — и жизнь не влечет».
«Что видел ты дивного,— слышит вопрос,—
Чему удивляться тебе довелось?»

Царю Бузурджмехр отвечает: «Небес
Дела удивительней всяких чудес.
Муж встретится, видишь: удачлив, могуч,
Кулахом до черных касается туч —
Где щуйцы, меж тем, где десницы дела,
Не ведает, меры не знает, числа;
Другому и свод круговратный сей прост,
Все знает, сказал бы о знаменьях звезд,
Но рок его тяжкой дорогой ведет,
Одним лишь злосчастьем ему воздает.
«А что тяжелейшее?» — слышит мобед.
«То бремя греха»,— раздается ответ.
«Из худших деяний,— спросил,— из речей.
Поступков ли, что вызывает своей
Постыдностью гнев и презренье, и суд?
Злодеем за что совершивших зовут?»
«Жестокость владыки,— мудрец отвечал,—
Который безвинных людей притеснял;
Богач, что во всем утесниться готов,
Скупится на пищу и платье, и кров;
И женщина та, что утратила стыд,
Несдержанно, грубо с людьми говорит;
Гордец, что в тщеславье безмерном своем
Пред каждым кичиться готов бедняком.
Ложь — все, что ничтожно, в чем низость видна,
В слуге и владыке презренна она».
«Что́, явного или сокрытого, есть,
Такого, что можно к благому причесть?
Что́ знающий ценит, как панцирь и щит,
Че́м радует душу и светлой хранит?»
«Муж, ревностный в вере,— мудрец отвечал,—
Одно одобрение в мире стяжал;
И тот, кто Йездану хвалу воздает,
Он знает, он помнит, кто благо несет».
«На что не жалеть ни усердья, ни сил,
Не делать чего? — Так владыка спросил.
Что лучше, скажи мне — наставить, сдержать
Подвластного, или его покарать?
В чем лучше сдержаться и где поспешить,
Что лучше умножить в себе, укрепить?»
«Гнев сдерживай,— молвит,— глаза закрывай
На многие вины и чаще прощай.
Следи, чтоб душа твоя зоркой была,
Дабы не втянули в дурные дела.
Кто мщенье оставил, с надеждою слит,
Душа в нем сияет, как солнце, горит.
Доколе в грехах удовольствий искать,

Доколь наслажденья, грехи умножать!»
Хвала Всеблагому, настал наконец
Речей Бузурджмехра и шаха конец.
От дела труднейшего освободясь,
Теперь поведу о шатрандже* рассказ.

[*Раджа хиндский*
присылает шатрандж Нушинравану] *

Однажды,— поведал мобед,— Нуширван
Румийской парчою украсил айван.
Трон тиковый костью узорной сиял,
Венец вознесенный царя осенял *.
Луне и созвездьям подобен был трон,
Чертог его доблестных воинов полн.
Двор полон мобедов, марзбанов, вождей *
Из Балха, Бами и других рубежей.
В ту пору владыке Иранской земли
От верных служителей вести пришли:
Мол, прибыл посланец из Хиндской страны,
С ним синдские всадники, чатр и слоны *.
Верблюдов нагруженных тысяча с ним,
Желает предстать пред владыкой самим.
Владыкою бдящим, как новость пришла *,
Отправлено воинство встретить посла.
Вот славного трона владыки владык
Посланец могущественного достиг.
Приветствие, как подобало, явил,
Создателя жизни, светил восхвалил.
Рассыпан из жемчуга щедрый нисар,
Слон с чатром и серьги вручаются в дар.
Чатр хиндский отделкой блистал золотой.
Сверкал драгоценных камней красотой.
Верблюды развьючены, вьюк за вьюком
Пред ликом владыки открыты послом.
Здесь множество золота и серебра,
Здесь мускус и свежий алой и амбра,
Здесь яхонт, алмазы, клинков хинских ряд
Закалки узором приковывал взгляд.
Из Мая, Каннуджа* все лучшее тут —
Немалый, должно быть, положен был труд.
Одно за другим положили чредой
К престолу владыки с победной звездой.
На то, что трудами раджи обретал,
Взгляд кинул Кесра — и в казну отослал.
Посланье, начертанное на шелку,
Являет посол и шатранджа доску.
Работой искусной дивила она,

Знать, много казны поглотила она.
О деле так начал посол говорить:
«Сколь свод сей пребудет — владыке пребыть!
Пред теми, кто, век потрудясь, обрели
Познанья, шатрандж положить повели.
Дай время подумать мужам, обсудить
И сущность игры превосходной раскрыть.
Фигур имена и значенья найти,
Дом каждой, дороги движенья найти.
Узнают, что — пешка, где воин и слон,
И Рух, и скакун, и каким наделен
Ферзь ходом и царь,— разгадают они
Игру эту — славу стяжают они.
Пошлем во дворец твой добром, не за страх,
Все выплаты, дань, как потребует шах.
Случится собранию мудрых невмочь,
Премудрости этой игры превозмочь,
Отступят в бессилье, пред знаньем смирясь —
Ни подать, ни дань да не требуешь с нас,
Но следом ответствуешь данью своей.
Нет выше, чем знанье, на свете вещей!»
Сказал бы,— то слуха и сердца пора:
Так слушал послания слово Кесра.
Доходит черед и до шахмат самих,
Шах некое время рассматривал их.
Часть войска из кости слоновой была,
Другая — из тика резного была.
Когда же со счастьем недремлющим шах
Спросил о прекрасной доске, о бойцах,
Посол отвечал: «О владыка! Какой
Обычай, порядок и строй боевой —
Увидишь, раздвинув препоны игры,
Уловки узнаешь, законы игры».
«Семь дней дайте сроку,— сказал,— на восьмой
Приступим к игре со спокойной душой».
Убрали наполненный светом чертог,
Послу предоставили этот чертог.
Являются рады, мобеды пришли,
Воссели близ трона владыки земли.
Фигуры шатранджа пред взором благих,
Ни мысли, ни взор не отводят от них.
В ход разум, уловки пускают они
И всяко друг с другом играют они.
То этот вниманье, то тот привлечет...
Неясным остался игры этой ход.
Расходятся, хмурые лица у всех.
В чертоги владыки пришел Бузурджмехр.

Царя недовольным мудрец увидал,
У дела недобрый конец — увидал.
Кесре говорит: «О владыка царей!
О правящий мудро державой своей!
Я справлюсь, как должно, с прекрасной игрой,
Да будет мне спутником Разум благой!»
«Да будет! — Так молвил владыка держав.—
И духом, и телом да будешь ты здрав!
Каннуджа раджа, знать, надеялся, что
Решения путь не увидит никто,
Позор поражения выпадет нам,
Дворцу и престолу и всем мудрецам».
Когда воротился, в покое воссел,
В шатрандж погружаясь, лицом посветлел.
То слева, то справа игру начинал,
Дороги и место фигурам искал.
День минул и ночь миновала, мудрец
К владыке Ирана спешит во дворец.
Сказал он: «О шах! Твой победен удел!
Я хиндов, как должно, игру рассмотрел.
Все стало на место с чудесной игрой
По счастью владыки с высокой звездой.
Посланца раджи призови ко двору,
И тех, что уже рассмотрели игру.
Но прежде ты сам, о владыка, взгляни:
Воистину, полю сраженья сродни!»
От слов его шах Нуширван просиял,
Благим обладателем счастья назвал.
Велит и мобедов, и радов, и знать
И всех мудрецов именитых созвать.
Затем призывают посланца раджи,
Близ трона сажают посланца раджи.
Словам Бузурджмехра внимает Совет:
«Слуга солнцеликого! Славный мобед!
Не должно ль условье раджи повторить?
Да будет твой разум со словом дружить!»
Ответствовал: «Благословенный о том,
Пред тем, как пустился я этим путем,
Сказал мне: Фигуры и доску возьмешь,
Венца обладателю их отвезешь.
Советников знатных, мобедов своих
Сберет и расставит собранье резных.
Премудрость фигур одолеют они
И славной игрой овладеют они —
И дань, и налоги, рабов, кошелей,
Сколь сможем, пошлем от державы моей.
Чтут знанья правителя прежде всего —

Не трон и богатства и войско его.
Коль царь и мобеды шатрандж не поймут,
Коль разуму их не по силам сей труд,
Богатства от нас не должны ожидать —
Ведь мудрых не след суетой утруждать!
И должное славным воздавши умам,
Он большей казною ответствует нам».
Мудрейший приблизился с хиндской игрой
К престолу владыки с победной судьбой.
Открыты фигуры, доски рубежи.
«О мудрые, чистые сердцем мужи!
Вы слышали речи посланца сего,
И слово, и мудрость владыки его».
На поле за рядом построился ряд *,
Воители пешие в первом стоят.
Дружины на левом и правом крылах,
А в сердце, средь воинства славного — шах.
С владыкой страны — умудренный дастур *,
В науке войны искушенный дастур.
А с ними и с той, и с другой стороны
Сражения ждут боевые слоны *.
А дальше — фигуры коней боевых
И двое мужей благородных на них.
И слева и справа дружин этих двух
Ряды замыкает стремительный рух *.
Когда ж до конца построенье довел.
Собранье мужей в изумленье привел.
Посланец раджи поражен, огорчен,
Недремлющим счастьем его потрясен.
Пред чудом увиденным молча застыл,
Так в мыслях, так в сердце себе говорил:
Мол, шахматы он никогда не видал,
От хиндов, что знают игру, не слыхал.
Откуда ж разгадка явилась ему?
Нет равного в мире такому уму!
Кесра на дела Бузурджмехра глядит —
Лик счастья, сказал бы ты, явленный зрит.
Служителем чаша тотчас внесена,
Наполнилась жемчугом царским она;
Дарует кошель и коня под седлом,
Обласкан мудрейший, прославлен царем.

[*Бузурджмехр изобретает нарды и Нушинраван отправляет его в Хинд*]

Муж мудрый в чертог отправляется свой,
И доску и циркуль кладет пред собой.
В покое покойном воссел в тишине —

Ведь мысль заостряется наедине.
На шахматы — хиндскую мудрость — взглянул,
Усилием духа свой ум подстегнул.
В нем разум и светлое сердце слились,
Так создали нарды * и чудо, и мысль.
Он сделать велел два мохре из кости *,
И метки из тика на них нанести.
Устроил он схожие с хиндской игрой
И поле сраженья, и воинов строй *.
Разбил оба войска на восемь частей,—
Воителей быстрых, грозы крепостей.
Вот темное поле, отряды бойцов
Врагу с четырех угрожают углов.
Там бьются два равновеликих царя,
В движении вольном на поле царя.
Бросая вперед за отрядом отряд *,
За ходом сражения зорко следят.
То тот побеждал, то другой падишах,
То бой на равнине, то схватка в горах.
Случится, захватят вдвоем одного,
Лишается войско бойца своего.
Доколь не понес пораженье в бою
Кто-либо, они оставались в строю.
Такие, как я рассказал, изобрел
Он нарды, к владыке с той вестью пришел.
Расставил игру, рассказал обо всем,
О силе царей, о сраженье самом.
Владыка Ирана был ошеломлен
И долго пребыл в размышлении он.
Из действий царей благородных извлек
Успеха урок, пораженья урок.
Так молвил: «И духом и счастьем своим,
О чистый душою, пребудь молодым».
Такой был владыки Ирана приказ:
«Собрать двадцать сотен верблюдов для нас.
Ту дань, что давал и Мекран, и Хайтал,
И Чин, и румиец, и то, что сбирал
Как подать в казну шаханшаха Иран,
Возьмет из казны тот большой караван.
И вот караван шаханшаха готов,
Избавлено сердце от этих трудов.
Посланца раджи повелитель призвал,
Немало о знании с ним толковал.
Радже составляются строки письма
Исполнены знаний счастливых, ума.
Вначале восславлен владыка миров.

Защитник от дивов, извечных врагов.
Писал возглавлявшему Хиндский удел,
Простертый с Каннуджа по Синдский предел:
Посол умудренный, мол, прибыл ко мне,
Шатрандж нам доставил и чатр на слоне.
Властителя Хинда слыхали наказ,
Исполнили все, чего ждали от нас.
О сроках условясь с твоим мудрецом,
Мы дух наш украсили знанья венцом.
Немало мобед, разуменьем благой,
Изыскивал, справился с вашей игрой.
И ныне в Каннудж отправляется он
К высокому Хинда радже снаряжен.
Везет он верблюжьих две тысячи нош,
В них дружеский памятный дар обретешь.
Мы нарды кладем вместо шахмат твоих,
Желали бы силой помериться в них.
Найдешь, знать, брахманов, чей разум благой,
Чье знанье управится с нашей игрой.
Добро, что прибудет с посланцем моим,
Как должно, вручи казначеям своим.
Но если раджа и советников мысль
Постичь не сумеют игры этой смысл,
Во столько же нош караван снарядит
Раджа Каннауджа, притом возвратит
И тот, что доставили мы в Хиндустан —
Такой договор предлагает Иран».
Вот солнце взошло, небосвод озаря,
Посол Бузурджмехр покидает царя.
Ушел с караваном, с посланьем, игрой,
Ведомый дорогой, игрою, судьбой.
И вот позади оставляет Иран.
К радже с ним сам-друг прибывает брахман.
Узрев пред собою владыку того,
Престол и венец над главою его,
Великого на пехлеви восхвалил,
Затем Нуширвана посланье вручил.
Приветствие шаха ему передал,
Раджа, скажешь, вешнею розою стал.
Потом разговор о шатрандже повел.
Поведал радже, что уместным почел:
О хиндских фигурах, доске, о царе,
Советниках мудрых при царском дворе;
Как с хиндской игрою поладил, в черед
Пред взором раджи свои нарды кладет
И молвит: «Послание время прочесть,

Да будем хранить справедливость и честь».
Раджа пожелтел, словно жаркая желчь,
Услышав о нардах и шахматах речь.

[*Мудрецы хиндского раджи*
не могут разгадать игру «нарды»]

Сановный явился, посла проводил,
В покоях, достойных его, поселил.
К веселью айван украшается тут,
Вино, музыканты являются, руд *.
Просил именитый дать сроку семь дней.
Собрал во дворце знаменитых мужей,
Достигших познания трудных высот,
Пред ними иранские нарды кладет.
Мужи эти славные быстрым умом
Семь дней пребывали в стремленье одном:
Разгадку игры отыскавши, в борьбе
Добыть и победу, и славу себе.
Радже на восьмой сообщает мобед:
«Игру до конца уяснившего нет.
И разве что разум сроднивший с душой
Сумеет управиться с этой игрой».
Радже сообщение сердце прожгло,
В печали душа и в морщинах чело.
К нему в день девятый пришел Бузурджмехр,
Нахмурен, решителен, молвил при всех:
Мол, срок пребыванья не велено длить,
Не следует царское сердце томить.
В молчанье от нард отстранились мужи,
С бессильем своим примирились мужи,
Воссел за доскою в собрании он,
Взор мудрых и знатных к нему устремлен.
Расставил фигуры, их сущность раскрыл,
И цель и теченье игры объяснил.
Вождя показал, построенье бойцов,
Как царь направляет в сраженье бойцов,
Раджа и собрание знатных страны
Увиденным зрелищем изумлены.
Несчетно мужи восхваляли его,
«Мобед боговерный» назвали его.
Немало услышал вопросов мобед,
Один за другим раздавался ответ.
Он гул одобренья ученых исторг,
В познаниях истинных знающих толк.
Мол, вот он, собравший познаний дары!
Что шахматы! Нарды! Что тайны игры!
Верблюдов две тысячи приведены,

Навьючили данью Каннуджской страны:
Вьюки благовоний и золота в ней,
Одежд, жемчугов, драгоценных камней.
Годичную дань отправляет к тому ж
К престолу владыки Ирана Каннудж.
Венец из казны извлекает раджа,
А с ним облаченье вручает раджа
Мобеду, хваленье при сем вознося,
И свита дарами осыпана вся.
Две тысячи счетом верблюдов Кесры
Он принял, а с ними и дань, и дары,
Такой караван не видали вовек,
Подобных богатств не сбирали вовек,
К владыке владык возвращается он,
Главой до небес возвышается он.
В душе его радость, посланье в руках,
Начертано хиндским письмом на шелках.
Раджи и всей знати свидетельство в нем —
Не слабостей рати свидетельство в нем:
Мол, равного шаху иранскому нет,
Не видел дихкан и не ведал мобед.
Нет равных дастуру державы твоей,
Знать, небо в познаньях его казначей,
Годичная послана подать вперед,
Захочешь — и новая следом придет.
А тот договор, что прислал нам Ирап,
Исполнит идущий к тебе караван.
Известья дошли до владыки о том,
Что радость, удача грядут с мудрецом.
Обрадован славой державы своей,
Вождей благородных и знатных мужей
Велел известить про победу его,
Все вышли навстречу мобеду его.
Вот в город вступает, державой почтен
Во славу владыки великого он.
Предстал перед троном, пред оком царя,
Был встречен хвалою высокой царя.
В объятья его шаханшах заключил,
О Хинде, радже, о трудах расспросил.
Поведал ему Бузурджмехр о делах,
Удаче, о милостивых небесах.
Посланье раджи, что к победам привык,
Кладет перед тропом владыки владык.
Дабира Йездгерда призвали ту весть
Пред шахом, хранителем знаний, прочесть.
Вот строки послания оглашены,
Мужи благородные восхищены

Умом Бузурджмехра, искусством его,
Счастливой звездою царя своего.
Кесра восклицает: «Йездану хвала!
Сей муж совершает Йездана дела.
Великие служат венцу моему,
И сердце и душу вручили ему.
Хвала властелину обоих светил,
Подателю всякой победы и сил.
Для нас Бузурджмехр совершил чудеса —
Сколь щедры дарами к нему небеса!»
Сочтем завершенным сказанье, засим
К Талханду и шахматам взор обратим.

[*Сказ о Гове и Талханде и появлении шахмат*]

От мудрого старца Шагуя до нас *
Дошел поучительный этот рассказ.
Один именитый был в хиндской стране
При войске немалом, богатой казне.
Джамхур было славное имя его,
Могуществом Фура затмил самого *.
Он хиндами правил счастливо свой срок,
Умен, дальновиден и духом высок.
До чинских границ по Кашмиру всему
Хвалу возносили владыке сему.
Десницe весь мир подчинялся его,
Престол в Сандали украшался его.
Венец и казна были в этих стенах,
И войско и перстень его, и кулах.
Сам сведущ, он мудрых мужей отличал,
Добром, справедливостью трон увенчал.
Что люд городской, что придворный его —
Все чтили, все воле покорны его.
Была у властителя Хинда жена,
Умом, благородством блистала она.
Вот первенцем, с повою схожим луной,
Она разродилась порою ночной.
Отец миродержца младого узрел *,
Наследника Говом наречь повелел.
Недолгий минует с рождения срок,
Нежданно владыка страны занемог.
Наставил, как должно, пред смертью жену.
Цветущей для Гова оставил страну.
Но младость мешала владыкою стать —
Ни трон, ни венец, ни кушак не под стать.
Осыпана прахом скорбящих глава,
Повсюду звучали печали слова,

Никто не забыл об ушедшем царе,
О щедрости царской, о правде, добре.
Вожди, горожане держали совет,
Жена и дитя рассуждали вослед:
Младенцу и войско не время водить,
Венца справедливости бремя носить.
Мол, царство всегда наполняется злом,
Коль нету владыки достойного в нем.
Был брат у царя — благороден, умен,
Достойный украсить правителя трон.
Май звали его. Именитый имел *
В Данбаре буддийском державный удел.
Мужи родовитые из Сандали
В Данбар к властелину посольством пришли.
До чинских границ по Кашмиру всему
Вся знать как царю поклонилась ему.
И вот из Данбара Май прибыл. Взошел
Тот муж благородный на царский престол.
Джамхура венец вознеся над челом,
Стал правду и милость творящим царем.
Взял в жены мать Гова, как царствовать стал,
Ее, словно душу свою, опекал.
От Мая прекрасная в срок понесла.
И сына тому кетходе * родила.
Талхандом отец нарекает его,
Любовью своей окружает его.
Младенец — два года, Гов — семь миновал,
Он рослым и крепким, отважным взрастал.
Чрез некое время царь Май занемог,
Царица и скорби полна, и тревог.
Неделя, вторая — в мученьях ушел,
Другому оставил венец и престол.
Стенания, плач в Сандали без конца,
От скорби по Маю страдают сердца.
Вот траура должный кончается срок,
Собранья мужей назначается срок —
Вождей и воителей, знатных страны,
Что словом и мудростью наделены.
Немало суждений услышал Совет.
Так молвит сановным и знатным мобед:
«Жена, что супругой Джамхура была,
Себя от деяний дурных берегла.
Супругов к добру призывала всегда,
Одну справедливость искала всегда.
Высокому предназначенью верна,
И правду, и верность, хранила она.
Пусть царствует эта жена, ибо в ней

Мы видим наследье ушедших царей».
Собранье в согласье приходит, и вот
К жене благородной посланец идет.
Оставь, мол, престол сыновей за собой,
Ко благу не видим дороги иной.
Как станет достойным престола твой сын,
Да будет владыкой казны и дружин.
А ты ему другом-учителем будь,
Душе молодой покровителем будь.
По слову Совета правителей трон
Женою со счастьем благим озарен.
Добро, благочестие множа кругом,
Всем радость несла она в царстве своем.
Двух чистых душой мудрецов избрала *,
В их руки державы судьбу предала,
Мобедам тем вверив своих сыновей —
Потомков, наследников славных царей.
Ученье, их путь наблюдала она
И радость, и счастье вкушала сполна.
По мере того, как мужали они,
В познаниях преуспевали они,
Тот время от времени или другой
Являлся в покои царицы благой.
Достойней, мол, кто?— вопрошали не раз,
Кому отдаешь предпочтенье из нас?
Ответ свой однажды обоим дает:
Кто бóльших, увижу, достигнет высот:
В познаниях всяческих, веры делах,
В приветливых благоразумных речах.
Поскольку царями на свет рождены,
Вам мудрость, воздержанность, правда нужны.
Когда же, случалось, один приходил
И матери наедине говорил:
Из двух сыновей, мол, страна эта — чья?
Венец и престол и казна эта — чья?
Так мать отвечала: Престол этот — твой.
Да будут и мудрость и счастье с тобой.
И так же другому — не раз и не два —
Пока не состарились эти слова,
Вселяла надежду, сердца веселя,
И славу, и счастье обоим суля.
Когда же и тот, и другой возмужал,
Для них искуситель наставником стал.
Им зависть и ревность снедает сердца,
Сжигает желанье казны и венца.
Расколоты надвое войско, страна.
Душа добронравных тревоги полна.

[*Речи Гова и Талханда о праве на престол*]

От слов подстрекателя разгорячась,
И с шумом и криком однажды явясь,
«Достойнее кто? — Обращаются к ней.—
В недобром ли, добром надежней, верней?»
Жена благородная молвила им:
«С мобедом разумным и сердцем прямым
Вам должно спокойно воссесть и пути
К решенью счастливому вместе найти.
Великих, достигших почетных высот
Мужей многоопытных в должный черед
Спросить подобает о деле таком.
Горячность вовек не считалась добром!
Тому, кто стремится возглавить страну,
Иметь должно мудрость, бойцов и казну.
Престол захвативший недобрым путем
Волненьями царство наполнит и злом».
Тут первенца, Г'ова, слова раздались:
«Средины в вопросе таком не держись.
Не мне сей страны охранять рубежи,—
Скажи и лукавых речей не держи!
Талханду вручи и венец, и печать,
Я подданным стану себя величать.
Но если я старше, не плоше умом,
Джамхура по праву считаю отцом,
Скажи ему, чтоб за венец и престол
Борьбы с безрассудным упорством не вел».
Так сыну ответила: «Не горячись!
И должной в речах своих меры держись!
Воссевший на трон должен знать и уметь
И руки свободными обе иметь,
И душу от зла в чистоте охранять,
Как знающий мудро свой путь пролагать.
С врагом должен бдителен быть и умел,
И в чести, и славе хранить свой удел.
За правду, неправду владыка страны
Ответит создателю солнца, луны.
Хоть мошку обидит себе на беду —
Дух царский намучится в грозном аду.
Мир темен, так не были ночи темны,
Мы волоса тоньше быть сердцем должны.
Чтоб душу и тело избавить от зла,
Чтоб кривда тебя совратить не могла.
На трон справедливости коли воссел,
Да радуешь мир справедливостью дел,

Пока не обрящешь тот прах с кирпичом *
В конце, или яму с прощальным костром.
Владыка Джамхур был из рода сего *,
От зла далеки были мысли его.
Нежданно, до срока из жизни ушел,
И младшему брату достался престол.
И Май благородный, хранивший Данбар,
Был славен, был щедр в нем премудрости дар.
К нему обратился скорбящий Сандал,
Царем на престол опустевший призвал.
Пришел, препоясан, в величье воссел
И руки свободными обе имел.
Взял в жены тот благорожденный меня
Мы жили, и верность, и тайны храня.
Ну что же, коль первый и возрастом ты,
И разумом славной достиг высоты,
Сумей же как мудрый души не терзать *,
Взирая на трон, на венец и печать.
Кого бы избрать не решилась, другой
От ревности, боли, зажжется враждой.
Зачем ради трона вам кровь проливать?
Ведь в мире не вновь-и-не вновь пребывать».
Талханд наставлениям этим внимал,
Но пользы не видел в них, не извлекал.
Так матери молвит: «Одно старшинство
Тебя подвигает стоять за него.
Да, брат меня старше. Но в летах ли прок,
Величья и прочих достоинств залог!»
В стране этой, в войске немало других
Не млаже — и каждый, что сокол. Но в них
И помысла не было царства искать,
Дружиной, казною, венцом обладать.
Так сталось — отец молодым опочил,
Величия трон никому не вручил.
Я вижу, что первенец ближе тебе,
Желаешь ты первенства Гова судьбе!
Из глины, коль надо, народ свой создам,
Но имя отцово утратить не дам».
Талханда заверила клятвенно мать:
Мол, сводом лазурным отринутой стать,
Коль только Йездана просила о том,
Иль помысел в сердце носила своем.
Лишь доброе в слове и деле ищи,
На нрав круговратных небес не ропщи.
Кого пожелают — одарят они,
В Йездане одном упованье храни.
Таков моего разуменья совет.

Но если душе утешения нет,
Быть может, разумней решенье найдешь
Согласие в душу свою приведешь».
Советников и мудрецов призвала,
Открыла, в каком положенье дела.
Ключи от казны опочивших царей,
Тех знающих, правду хранивших, царей
В Совет принесла — отчиталась во всем
Царица в высоком собрании том.
Казну разделив, призывала мужей
Исполнить желанье ее сыновей.
Гов молвил Талханду: «О сердцем благой,
О жаждущий действия муж молодой!
Кто скажет, что Май был Джамхуру чета!
Во всем за Джамхуром была высота.
Отец твой был родом и нравом высок.
От мысли взять трон у Джамхура далек.
Свое подчиненье позором не счел
И с первым за первенство спора не вел.
Подумай, одобрит ли то Судия —
Пред младшим решись препоясаться я?
Слова справедливые молвила мать,
К неправде зачем тебе взор обращать?
Сберем из воителей знатных совет,
Тех, опыт обретших в превратностях лет.
И внемля решению старцев благих,
Совету и воле последуем их.
Не их ли премудростью мы взращены,
Сердца наши знанием озарены!
Два мудрых наставника вскоре пришли,
Дорогу немалую в споре прошли.
Мудрец, что для Гова учителем был,
Хотел, чтобы Гов предводителем был.
Учитель Талханда не меньше желал,
Чтоб только Талханд повелителем стал.
То тот наступление вел, то другой,
А дело закончилось это враждой.
На царском айване два трона стоят,
На них два наследника счастья сидят.
У каждого справа советник воссел,
У каждого в помыслах царский удел.
На царском айване встречают вождей.
Тех слева, тех справа сажают вождей.
«О витязи, доблестные, исполать!—
Мобеды приветствуют высшую знать.—
Вы видите благорожденных двоих,
Известны отцы венценосные их.

Кого пожелаете видеть царем?
Который, считаете, богом ведом?»
В сердцах именитых и мудрых мужей
Смятение вызвали речью своей.
Пред ними два трона, два шаха младых
По слову злосчастных советников сих.
Любой понимал из собравшихся тут,
Что это — предвестники бедствий и смут.
Расколются надвое царство, народ,
Мученья да страх добродетельных ждет.
Вот голову поднял муж некий, восстал,
Решительный голос в тиши прозвучал:
«Пред взорами славных властителей двух,
Что можем осмелиться высказать вслух?
Назавтра сюда в одночасье придем,
Обсудим, как должно, в согласье придем,
О мненье собрания их известим,
Быть может, обоим царям угодим».
Расходятся хмуро, унынье в сердцах,
Печали и горечи вздох на устах.
«Сколь тягостно — сетуют — стало вокруг,
Как выпало дело из опытных рук.
Кто видел двух шахов в чертоге одном,
А также дастура при том и другом?»
Морщины всю ночь покрывали чело.
Когда за вершинами солнце взошло,
Все к делу причастные — воинства цвет,
И знать городская — сошлись на совет.
Наполнился говором град Сандали,
Но малосогласные речи вели.
Тот витязь за Гова горою стоял,
Другой за Талханда стоять призывал.
Устали уже языки от речей,
К согласию не отыскали ключей.
Один возглашает Талханду хвалу,
На Гова меж тем извергает хулу,
За Гова другие — с мечом, с булавой —
За шаха, мол, жизни не жалко самой!
Пошли, умножаясь, бесчинства в стране
От жаждущих мира, единства в стране.
Так мудрые учат: коль в доме одном
Главенствуют двое — не выстоит дом.

[*Война между Говом и Талхандом*]

К Талханду и Гову известья пришли *:
В волненье весь град и предместья пришли.
Нашлись вожаки — будоражат народ,

На улицах стычка за стычкой идет.
Грабеж, разрушенье, кипенье страстей,
В безумствах и вовсе забудут царей.
Тревогой объятые люди кругом
В готовности были и ночью и днем...
Однажды младые цари, сговорясь,
Ни войска, ни свиты не взяв на сей раз,
Для переговоров сошлись в стороне.
А мысли обоих меж тем — о войне.
Не выдержал, вспыхнул воинственный Гов
От множества желчи исполненных слов.
«О брат мой,— к Талханду воззвал он,— уймись!
В раздоре и так далеко занеслись.
Что сыщет неправый в стремленье слепом,
В пути, несогласном со здравым умом.
Ты слышал, покуда Джамхур был живым,
Май разве с рабом только мог быть сравним.
Я был малолетним, когда он ушел.
Младенцу ка́к вверишь державный престол!
Оставил устроенным царства предел,
Никто б на престол посягнуть не посмел.
Был преданный брат у владыки. Народ
В нем видел державе достойный оплот,
И будь мне по летам, то в царстве моем
Май не был бы принят и назван царем.
Обычаям следуя древних царей,
Послушаем сведущих мудрых мужей.
Я — первый и летами, и по отцу,
Сам знаешь, достоин, угоден венцу.
Не следуй неправому, мир не тревожь,
Раздора, разора в державе́ не множь».
«Довольно! — Талханд в нетерпенье вскричал,—
Величья лукавством никто не стяжал.
Мои от отца этот трон и венец,
То — семени плод, что посеял отец.
Державу с казною и царским венцом
Отныне отстаивать стану мечом.
О Мае, Джамхуре достаточно слов!
Коль жаждешь престола — будь к битве готов».
Расстались, исполнены мысли одной,
Весь град возбужден неизбежной войной:
Воитель, торговец, воинственный люд
К дворцовым воротам идут и идут.
Одни за Талханда готовы стоять,
Другие — за Гова оружье поднять.
Гул, крики, волненье у царских дверей,
И негде ступить от скопленья людей.

И первым Талханда увидел народ,
Воинственность медлить ему не дает.
Распахнуты двери отцовой казны,
Шеломы и панцири извлечены.
Мир полон тревогою, страхом объят,
Разумных сердца разрывались стократ:
Мол, будет вращенье небес каково,
Кому из великих вкушать торжество?
Два шаха в борьбу всю страну вовлекли,
Дружины к ним шли отовсюду и шли.
Талханд своим панцирем мир ослепил,
Для кровопролития руки омыл.
Приветствуя душу отца пред Творцом,
И Гов надевает свой ратный шелом.
Владыки решительны оба. Для них
Украшены спины слонов боевых —
Снимаются разо́м, вперед и вперед!
Сказал бы, весь мир устремился в поход.
Взор полон блистания гонгов златых,
А слух — завываний карная * густых.
На поле сраженья два шаха пришли,
В стремленье к победе без страха пришли.
И небо дивилось, темнело в глазах
От рати бессчетной, вздымающей прах.
Взыванье гавдомов с обеих сторон *,
И грохотом хомов весь мир сотрясен.
Построена эта дружина и та,
На поле, сказал бы, два горных хребта.
Два миля размахом два строя бойцов,
Цари возвышались на спинах слонов.
Знамена возносятся — Тигр на одном *,
Крылатый Хомай засверкал на другом.
Ряды впереди копьеносцев-бойцов,
Закрытых глухою стеною щитов.

[*Гов увещевает Талханда*]

Вся степь перед Говом — что взору объять —
Спине разъяренного барса под стать.
И пылью, и кровью дымилось кругом,
И копья служили там проводником.
Он жалость к Талханду в душе ощутил,
И разум в нем страсти уста затворил.
Избрал среди славных вождя одного,
Ценя красноречье и мудрость его;
К Талханду, мол, выехать должно тебе.
Скажи: не упорствуй в неправой борьбе.
Знай, помни, вся кровь, что прольется в бою,

Падет справедливо на душу твою.
Открой свои уши и Гову внемли,
И всех подстрекателей прочь отошли.
Не должно, о брат, за сраженье одно
Навек обрести поношенье одно!
Надолго ведь будет весь Хинд разорен,
Для барсов да львов станет вотчиной он.
Вражде не способствуй и злобу не множь —
Невинную кровь в ослепленье прольешь!
Порадуй меня примиреньем своим,
А Разум — разумным решеньем своим.
Отсюда — вот слово! — по Чинский предел
Любой по желанью получишь удел.
Не меньше души моей будешь любим,
Ты станешь венцом для меня золотым.
Поступим с землей, как с казной, наконец,
Не стоят мучений престол и венец.
Упорствовать станешь в неправой войне,
Нести разоренье, раздоры стране —
И в мире земном поношения ждут,
И в мире ином будешь призван на суд.
К неправде, о брат, не ходи на порог,
У правды с неправдою разный чертог...
Когда же Талханду посланье принес,
Посланье царя, увещанье принес
Муж славный, услышал: «Так Гову сказать:
Слова, объясненья к чему умножать!
Не брат и не друг мне — от наших корней
Не вижу в тебе ни ствола, ни ветвей.
Страну привести в разоренье решил,
Коль дать благородным сраженье решил.
Твое окруженье — коварству сродни,
Ужель в день Бахрама — Ормузды они! *
Во всем пред Создателем ты виноват,
Бесславный, безродный, бесчестный стократ.
За кровь, что прольется за эту войну,
Проклятье пожнешь ты — я славу пожну...
Так что же, державы бесценной предел
И славный престол поделить захотел?
Знай, власть и казна, и держава —мои,
От Солнца до Рыбы по праву — мои.
Коль будешь ты царствовать в этой стране,
Даруешь удел, покровительство мне —
Себе не прощу, лучше дух испущу,
Коль троном дарованным взоры прельщу!
Дружина в готовности к бою стоит,
Сам воздух парчой золотою прошит *

От дротиков, стрел наших, копий сплошных —
Узды и стремян не увидит ничьих.
Как степь головами почну усыпать —
Заставлю все войско его застенать.
И будет в сраженье наш натиск таким,
Что барс ненасытный пресытится им.
Увидят и Гова влекомым в цепях,
И воинство Гова повергнутым в прах.
Никто — от царя до подвластных — потом
Надеть не посмеет свой бранный шелом».
Все выслушал славный, вернулся назад,
Талхандовы речи для Гова звучат.
Ответом всем сердцем был Гов огорчен —
Не встретил в Талханде разумного он.
Встревожен, призвать мудреца приказал,
С ним долго Талханда ответ обсуждал.
«О знаньем ведóмый! — Так начал он речь.—
Найдется ли средство несчастье пресечь?
Мне видится кровь, обезглавленных прах,
Терзание духа и мука в сердцах...
И если не сможем избегнуть борьбы —
Никто не минует злосчастной судьбы».
«О шах! — Мудреца раздается ответ.—
Нужды тебе, знаю, в наставнике нет.
Но если о мненье моем вопросил —
Удерживай ожесточения пыл.
Послание вверь из достойных тому,
Чья добрая речь равноценна уму.
Направь именитого к брату, глядишь,
Ты сердце враждующее усмиришь.
Казну, не жалея, Талханду отдай,
Жизнь брата сокровищам предпочитай.
Когда обретешь и венец и печать,
К чему за динары с ним в тяжбу вступать!
Вращенье небес я на днях рассмотрел,
Знай, близок Талхандовой жизни предел.
Из звезд — тех семи, путь свершающих свой *,
К нему благосклонной сейчас — ни одной.
Погибнет на поле сраженья. Тебе *,
Сам видишь, не след горячиться в борьбе.
Казны и коней — не жалей ничего,
Отдай, чтоб за жизнь не ответить его.
Оставь только трон и кулах, и печать —
Не станут жестоким тебя величать.
Ты сам — и владыка, и счастьем высок,
Деяний и знамений неба знаток».
Царь выслушал мудрого, слово его

Дорогой направило новой его.
До слез огорченный, вождя отрядил,
Чей дух благородный и речи ценил.
«К Талханду ступай,— молвил славному он.—
Скажи ему: Гов огорчен, удручен
Судьбы поворотом и этой войной.
Творца призывает мольбою одной:
В тебе рассужденье, любовь укрепить,
Тебя от вражды, от войны отвратить.
Хочу, чтоб советника ты вопросил,
Что душу слепую твою обольстил,
Как дальше пойдет это дело, при сем
О звездах скажи: про двенадцать и семь *.
Насколько б горяч ты бы ни был и смел,
Назначенный все ж не изменишь удел.
Враги отовсюду лишь случая ждут.
Страну наполняет озлобленный люд.
Кашмирский владыка и Чина сейчас —
Земля для которых тесна из-за нас —
За нашей враждою, борьбою следят,
И знатных пожнем осужденье стократ.
Все скажут одно: ради трона, венца
Враждуют и Гов, и Талханд без конца!
Мол, происхождением оба равны,
Быть может, не чистым отцом рождены.
Смотри, подстрекателей хитрая речь
Понудила родичей меч свой извлечь!
Коль внемлешь призыву и с миром придешь,
Душе моей радость и свет принесешь.
Казною, конями, парчой — всем добром
Готов поделиться с тобою добром.
Получишь от нас и венец, и печать,
И царский престол и владенья под стать.
Я — старший, и нет униженья тебе,
И я не ищу пораженья тебе.
Советам моим не последуешь ты,—
Раскаянье вскоре изведаешь ты».
Посланец примчался, что быстрый ручей,
К Талханду, глядящему тучи мрачней.
Он Гова слова повторил, под конец
Сказал про владенья, казну и венец.
Услышал Талханд о решенье благом,
О мудрости полном стремленье благом.
Но свод круговратный иное судил,—
Условия брата Талханд отклонил.
Посланцу ответствовал: «Гову скажи,
Что он порожденье коварства и лжи.

Да будет язык твой отрезан мечом!
Да будешь сожжен ты хирбеда Огнем!
Я выслушал речи сырые твои,
Знакомы дорожки кривые твои.
Как можешь дать царство, казну разделить,
Тебе ли деянья великих вершить!
Последний, должно быть, увидел порог,
Что ищешь ты долгих, обхóдных дорог.
В два миля бойцов наших строй ширины,
И всадники, и боевые слоны —
Пора уж сходиться, веди свою рать!
Коль биться — так биться, что степь попирать!
Увидев, как дело Талханд поведет,
И днем будешь звезды считать, звездочет!
Хитришь и лукавишь, мудришь пред судьбой,
Поскольку почуял исход роковой.
Далек ты от мудрых, от трона, венца,
Несчастный — вот кто ты в глазах мудреца».
Ответ падишаха, вздохнувши стократ,
Посол повторил, воротившись назад.
Весь день по степи до сгустившейся мглы
Туда и обратно скакали послы.
А после руками несчетных бойцов
Вкруг стана воинственных выкопан ров.
Всю ночь можно было у тех и других
Недремлющий видеть дозор верховых.

[*Битва Гова с Талхандом*]

Вот солнце из горнего Льва поднялось,
Земля — словно море воды разлилось.
А светоч извлек свой покров золотой,
Раскинул по всей высоте голубой.
Карная призывные звуки взнеслись,
И грохот кимвалов возносится ввысь.
Блеснули знамена обоих царей,
И слева и справа строй богатырей.
Цари в самом сердце рядов боевых,
И мудрые оба дастура при них.
Советнику славному Гов повелел
К дружине воззвать пред началом всех дел:
Знамена как в битве держите свои,
И дружно клинки обнажите свои.
Ни витязь не двигайся шага вперед,
Ни пеший — покуда наш срок не придет.
В сраженье мужам горячиться не след.
Мы знаем, в поспешности мудрости нет.
Посмотрим, как дело Талханд поведет,

Какие для битвы пути изберет.
Все в мире, все в воле Творца одного
От солнца до темного праха сего.
Надежду на божию волю храню,
Что светлой созиждет он долю мою.
Пытались мы словом, добром убедить,
Талханд не желает лица прояснить.
Не ради добычи сражаемся тут,
Иные богатства, о воины, ждут!
О, славные, если коня своего
Направите в сердце дружины его,
Талханда узрев на дороге войны,
В него и пылинки метнуть не должны.
Со словом хвалы стань при грозном слоне,
И будь наготове — как воин — вдвойне».
Ответ прогремел: «Служим воле благой!
Души не украсили б службой другой!»
«Эй, трона хранители! — с той стороны
Талхандовы к войску призывы слышны.—
В бою предстоящем победа нас ждет,
Нам звезды даруют величия плод.
Час пробил, воители, грозных клинков.
Йездану предавшись, разите врагов!
Настигнете Гова — должны пощадить,
И грубого слова не след говорить.
Снимите с седла, коли он на слоне,
И руки связав, приведите ко мне».
И тотчас оттуда, где царский шатер,
Вой трубный понесся в небесный простор.
И конское ржанье, и вздыбленный прах,
Верчение палиц в могучих руках,
И горы и реку наполнивший гул,
Свод, скажешь, вращение вспять повернул.
Рык, вопли, мечей, топоров перестук,
Ни ног, ни голов различать недосуг.
От брызжущих стрел с опереньем орла
Светилом, скажи, подбиралась пола.
Степь морю кровавому стала сродни,
Зарубленных с каменной грудой сравни.
Два юных царя, два потомка царей
Рванулись слонов разъяренных грозней.
Талханда и Гова призывы неслись:
«С дороги! С дороги копья удались!
Не вздумай на брата оружье поднять,
Грехом этим душу свою запятнать!»
Один призывал и другой призывал,
А землю кровавый поток заливал:

На поле сраженья бессчетно верхом
Носились разящие острым мечом.
От рук тех царей, что растопленный воск,
Потоками кровь разливалась и мозг.
Уж солнце в ночной свой удел перешло,
Сражение всякий предел перешло.
Зов трубный, вслед Гова послышался глас:
«Эй, воины славные, слушайте нас!
Пощады просящих должны пощадить,
На поле сраженья не следует мстить.
Мой брат, может статься, взглянувши окрест,
Не станет сражаться, оставшись, как перст».
Немало пощады искало бойцов
И пало в той битве немало бойцов.
Рассеяно войско, бегут — кто куда,
Без стада пастух, без защиты стада.
Талханд, одиноко сидящий в седле,
Внимает призывам, звучащим во мгле:
«Не медли, о брат, во дворец воротись,
В собранье на царском айване вглядись.
Немного увидишь в живых из друзей,
Мужей именитых, отважных вождей.
Все доброе — в господе, не забывай
И ввек благодарность ему сохраняй,
Что ты уцелел в беспощадной борьбе.
Не время раздумывать, медлить тебе».
Когда это слово Талханд услыхал,
От боли, позора, стыда зарыдал.
Направился к Мургу и в городе том
Он был уже вскоре при войске большом.
Казну распахнул, содержанье раздал,
Никто и ни в чем недостатка не знал.
Достойных халата * встречал средь вождей,
Дарил, по обычаю, властью своей.
Когда он динарами войско снабдил,
Свой дух от забот этих освободил.
Шлет Гову гонца. Обращается так:
«Ты — трону, что саду — колючий сорняк!
Знай, скоро в нежданный огонь попадешь,
С душой опаленною вежды сомкнешь.
Ты думал, обманешь грядущий удел?
Напрасно зуннар хитроумья надел! *»
Услышав слова эти злобные, Гов
Любовь к нему с корнем был вырвать готов.
Безмерно посланием был возмущен,
«Неслыханно...»,— молвит советнику он.
«О царь! — Отвечает советник ему. —

Ты — память отцова престолу сему.
Средь ищущих знанья ты знаньем велик
И выше могуществом прочих владык.
Я видел и это царю говорил:
Согласно вращенью высоких светил,
Тот муж именитый, покуда с высот
На темный сей прах, как змея, не падет,
Не станет смиряться, борьбы прекращать.
Тебе остается одно — выжидать.
Посланьями гневными не отвечай,
Речами как родича увещевай.
Усердствует — но для дурного конца.
Ну что ж! Такова, видно, воля Творца.
Он жаждет сраженья, а нам — ни к чему,
Терпение — нам, нетерпенье — ему».
За этим посланца призвал сипехбед *,
Слов добрых немало сказал сипехбед:
Сейчас отправляйся, так брату скажи:
Горячности, злобе чужой не служи!
И грубость не делает чести вождям,
Ведь род твой восходит к великим мужам!
Тебе, вижу, чужды старанья мои,
И дружбы, родства увещанья мои.
Хочу, чтоб к великим причислен был ты,
Являл благородного нрава черты,
Я выскажу все, что на сердце моем,
В согласье с душою своей и умом.
Советник дурной тебя смог увести
С дороги разумных, прямого пути.
Пусть речь твоя с правдою будет слита,
Ведь мир этот — ветер, одна суета!
Немедля, о брат, коли мир изберешь,
Казну и любящих царя обретешь.
Да видит пути примиренья твой дух,
Да узрит, изгнав подозренья, твой дух,
Что в сердце моем справедливость одна,
Ужель не порадует душу она!
Вот слово, что мне надлежало сказать.
Захочет ли, нет своенравный внимать...
Но ежели ищет войны и побед,
К добру и согласью в нем склонности нет,
Я войско в поход приготовлю — страна
От бойни грядущей страдать не должна.
Оставим сей благоустроенный дом,
Дружины на берег морской отведем.
Ров выроем возле глубоким, крутым,
Пути отступления загородим.

Водою морскою наполним тот ров.
Сраженья исход будет ясен без слов:
Кому поражение выпадет, тот,
Спасенья ища, через ров не уйдет.
Кому суждено в том бою победить,
Тот кровь да не будет в жестокости лить,
Плененных, как должно, в свой стан уведет,
Меч — в ножны, а стрелы в колчан уберет».
Посланец, как вихрь, по дороге промчал,
От слова до слова ответ передал.
Когда же Талханд эту выслушал весть,
Всех, призванных войско в сражение весть,
Велел собирать, наказав поспешить,
По чину достойному знать усадить.
Для них повторяет он Гова ответ,
Все тайное помыслов внес в совет.
Так воинам молвил: «О битве такой,
Что Гов предлагает, про берег морской,
Что скажете — стоит ли нам принимать
Его предложенье, ту яму копать?
Коль вы предпочтете остаться со мной,
Не вижу препятствий заняться войной.
Стремимся к победе, и все заодно —
Река или горы — не все ли равно,
Коль будете рядом со мной, сплочены —
Для барса угрозы лисы не слышны.
Кто ищет великого, жаждет, того
Великое не обойдет торжество.
Нет! Лучше во прахе нам трупом лежать,
Чем связанным недруга пир созерцать.
Отважным, решительным явишь себя,
Успехом, победой прославишь себя —
Получит с наградою царской моей
Рабов и украшенных щедро коней.
От края Кашмира до Чина бойцам
Хвала вознесется по всем городам.
Владенья раздам победителям я,
Как стану единым правителем я».
Слова эти отклик тех знатных нашли,
Вожди поклонились ему до земли:
Мы ищем, мол, славу, ты — царский венец,
Да узрим дороги победный конец!

[*Вторая битва Гова и Талханда и смерть Талханда на спине слона*]

С порога Талхандова слышен призыв.
Весь край тот бурленьем движенья покрыв,

Воителей к морю уводит. И Гов
Является к сроку с дружиной бойцов.
Седло покидают, на землю сошли
Те двое, что в сердце вражду разожгли.
И вот уже в ров, что широк и глубок,
Воды устремился бурлящий поток.
Воители стали на должных местах,
От ярости пена кипит на устах.
И слева, и справа — воинственных строй,
Обозы отводят на берег морской.
Два гневом объятых царя молодых
Воссели на спины слонов боевых
И в центре дружин своих стали они,
Дружин сипехдарами * стали они.
Равнина — что деготь, лилов небосклон
От множества копий, парчовых знамен,
А воздух от пыли эбеновым стал.
Гудящие роги и гулкий кимвал —
Сказал бы, взбурлившее море шумит,
Там — стонущий, кровью рыдающий кит.
От встречи мечей, булавы с булавой
Над морем поднялся туман огневой.
Свет солнца сокрылся за толщей его,
В округе не видел никто никого.
На землю, сказал бы, струятся клинки,
Тюльпаны роняют свои лепестки.
Так поле покрыла, наполнила смерть,
Что гриф не решался над ним пролететь:
Мозг, печень, сердца рассеченных мужей,
И в глине кровавой копыта коней,
Весь ров окровавленных воинов полн,
Весь мир обезглавленных воинов полн.
На море от ветра волна поднялась,
И волнами двинулось войско тотчас.
Округу Талханд со слона оглядел —
Индиговым морем был поля предел.
Стремительный ветер Талханда достиг *,
И хлеба с водой захотел он в тот миг.
Меч недруга, ветер, слепящая высь —
Ему ни укрыться, ни бегством спастись.
В седле золотом этом дух испустил,
Владения Хиндские Гову вручил.
Именье, что взоры людские влечет,
Уменьшившись, гневом и болью печет.
Все минет, о знающий старец, как есть,
Не лучше ли радость тебе предпочесть?
Пусть труд умножает богатство твое,

Все золото мира не стоит ее.
Гов смотрит на войско врага своего:
Нет стяга властителя в центре его.
Шлет всадника: «Поле кругом обойди,
Владыку слона боевого найди.
Ищи этот пламенный знамени лал,
Что радостью лица бойцов озарял.
Что сталось — пропал в нем воинственный пыл,
А может — помехой слепящая пыль?»
Проехал по центру, проехал везде,
Но главного стяга не встретил нигде.
Увидел смятенье в рядах боевых,
И пеших отчаянье, и верховых.
Вот посланный вихрем примчался назад,
О виденном, слышанном речи звучат.
Вождь наземь, слона покидая, сошел,
Так пешим два миля, рыдая, прошел.
Брат мертвым Талханда увидел, кругом
Бойцы с помертвевшим от горя лицом.
Недвижного с ног до чела осмотрел,
И малой царапины не углядел.
Стеная, себя истязая всего,
И скорбен, и мрачен, воссел близ него.
Твердил сокрушенно: «О витязь младой,
Ушел ты, изранен, страдая душой.
Судьбой тебе послан сей горький удел,
Не то бы и ветер коснуться не смел.
Главу твою злой подстрекатель вскружил,
Ушел ты и матери сердце пронзил.
Ты слышал не раз увещанья мои —
Благими не счел ты старанья мои».
Вот Гова советник туда подоспел,
Талханда отважного мертвым узрел.
Он около Гова с рыданьями пал,
«О горе, о юный владыка! — вскричал.
Потом увещания речь раздалась.
Сказал: «О владыка высокий! Сейчас
От плача, стенаний какой уже прок! —
Что делать, настал предначертанный срок.
Пребудь благодарным Творцу и за то,
Что в смерти его не повинен никто.
Царю обо всем сообщалося мной:
Кайване, Бахраме * и Солнце с Луной,
Что юный, борьбою измучен вконец,
Он сам своей жизни ускорит конец.
Ну что же, все по ветру дело его,
Незнанье, горячность — причина всего.

Но воины скорби и гнева полны,
На Гова, знай, взоры их устремлены.
И сам успокойся, и нас успокой,
И разум порадует сердца покой.
Ведь ежели узрят владыку в слезах,
В стенаниях, пешим взметающим прах,
Ущерб понесет предводителя честь,
А низшие голову могут вознесть.
Как чаша с голябом — царя бытие,
Что ветер, что пыль, оскверняют ее».
Речь знания мудрый услышал тотчас,
Над полем понесся глашатая глас:
«Эй, знатные, витязи царские, днесь
Из вас да никто не задержится здесь.
Ничто вас теперь не должно разделять,
Путь мира должны, единенья избрать.
Вам всем под моею защитою быть,
О славном мне памятью долгой служить.
За этим он знающих дело призвал.
И кровь, скажешь, сердца с ресниц проливал.
Табут доставляют — тик костью резной
Светился и золотом, и бирюзой.
И дибк *, и смолу с камфарою берут,
И мускусом скорбный пропитан табут.
Вот синдской парчою покрыли его,
Нет знатного, славного хинда того.
Оттуда бойцов поспешил увести,
И долгих привалов не делал в пути.

[*Мать узнает о смерти Талханда и оплакивает его*]

Как поле сраженья то выбрали, мать
И пищу и сон перестала вкушать.
Дозорных держала и ночью и днем,
В тоске пребывала и ночью и днем.
Вот пыль поднялась над простором земли,
Дозорный дружины увидел вдали.
Воителей Гова и стяг разглядел,
Спускались по склону в долины предел.
Хоть взор за два миля копье различал —
Талхандова стяга, слона не видал,
Не видел, увы, и царя самого.
Тотчас верхового послал одного:
Мол, войско спустилось в долину уже,
И видел, мол, Гова дружину уже,
Ни стяг, ни Талханда не вижу средь них,
Ни знатных воителей в кафшах * златых.

У матери слезы кровавой рекой,
Стенает и бьется о стену главой.
Когда ж подтвержденье услышала мать:
Затмилась, мол, царская та благодать,
Час смертный Талханду младому пришел,
Он Гову оставил державный престол,
В Талхандов дворец устремилась она,
Вся залита кровью, вся скорби полна.
Ланиты терзала, одежды рвала,
Огню и дворец и казну предала.
Сожгла и величья престол и венец,
Высокий костер разожгла под конец —
Да будет, мол, тело огню предано,
Обрядами веры сопровождено.
О действиях матери Гов извещен,
Торопит коня быстроногого он.
Примчался, сердечно и крепко обнял,
Со взорами, полными крови, воззвал:
«О мать, о любимая! Выслушай нас!
Никто не виновен за гибельный час!
Не мной, не моим приближенным сражен,
Не витязем благорожденным сражен,
Никто бы коснуться его не посмел,
От звезд ему послан недобрый удел».
И слышит в ответ: «О злодей, знай, придет
Возмездие должное с горних высот...
Ты брата за трон, за державу убил,
Ты чистое счастье свое погубил!»
Такой дал ответ ей: «О милая мать!
Не должно в недобром меня обвинять,
Прошу, успокойся, и я покажу
Всю битву, о шахе и войске скажу.
Никто не стоял у него на пути,
И мысли такой не могло бы прийти.
Свидетелем Правый, что мир сотворил,
Создатель и дней, и ночей, и светил —
Ни перстня, ни трона, кулаха, копья
Дотоле не тронет десница моя,
Покуда всей правды на свет не извлек,
Покуда смягчить твое сердце не смог.
Доколь не уверишься, духом светла,
Что смерть не земная рука принесла.
Кто в мире спасется от смерти! Каким
Мы панцирем душу свою защитим!
Угасших светильников этих и свеч
Ни храбрым, ни мудрым уже не возжечь.
Коль, выслушав, ты не поверишь — судьей

Да будет мне сам Вседержитель благой,
Что я свое тело немедля сожгу,
Порадую сердце и душу врагу».
Речь выслушать эту сумела она,
Столь юную жизнь пожалела она:
Ужели огню эту силу и стать,
Отвагу и доблесть до срока предать!
Так сыну сказала: «Поведай же мне
О смерти владыки на царском слоне.
Быть может, рассказ этот все разъяснит,
И пламя души моей мир утишит».
Исполненный горя, к себе удалясь,
Советника Гов призывает тотчас.
О встрече, о матери все рассказал,
Он будто в огне после встречи пылал.
Вдвоем пребывая, держали совет
Наследник престола и верный мобед.
Сказал добронравный: «С задачей такой
Едва ли управимся быстро с тобой.
Сюда призовем поначалу благих,
Подвигнутых в летах, мужей молодых —
Чьи знания, ум, рассуждения дар
Прославили Май и Кашмир и Данбар.

[*Устроение игры в шахматы для матери Талханда*]

Вот Гов рассылает гонцов верховых,
К себе призывает мобедов благих.
Те́ малой дорогой, те́ длинной прошли,
Достигли дворца властелина земли.
Воссел миродержец, с ним хинды, все те,
Что мудрости следуют и чистоте.
То поле сраженья мудрец описал:
Как строилось войско, как бой протекал.
Немного разумному надобно слов:
Тут берег морской, тут наполненный ров.
Никто из собранья не спал до утра,
Ни слова меж тем не сказал до утра.
Разносит кимвал утра первую весть.
Мобеды эбен повелели принесть.
Вот сделали доску в четыре угла
Два мужа умелых, похожа была
На поле войны, окруженное рвом,
Два войска на поле сражения том.
Сто клеток начертано было на ней —
Дороги дружин и обоих царей.
Из кости и тика создали бойцов

И двух обладателей царских венцов.
Там всадники, пешие были бойцы,
Воинственным строем застыли бойцы.
Там кони, слоны, властелина дастур,
Как в подлинной битве порядок фигур.
Как в битве, узрел бы достоинства их,
Неспешность — у тех, быстрота — у других.
Царь в центре возглавил воинственный строй,
С владыкою рядом советник благой.
Слоны боевые с обеих сторон,
Под ними индиговый прах возмущен.
Стоит по верблюду при каждом слоне
С бойцом на высокой двугорбой спине.
При каждом верблюде на каждом крыле
Готовый к сраженью всадник в седле.
Рух справа и слева на должных местах,
Кровавая пена на хищных устах.
Пред ними из пеших воителей строй,
Их помощь бесценна военной порой.
Достигший последнего поля потом
Советником станет при шахе благом,
А мудрый советник всегда при царе,
На клетку, не боле, отходит в игре.
Слон грозный в три клетки прокладывал путь,
В бою на два миля оглядывал путь.
И так же верблюд на три клетки вперед,
Стремительный и разъяренный, идет.
Конь также три клетки за ход покрывал,
На третью он вбок на одну заступал.
Быстрей, чем воинственный Рух, никому
Пройти не давалось по полю всему.
Так двигались, должный порядок блюдя.
Ни больше, ни меньше за раз проходя.
Царя на пути своем воин встречал,—
«О шах, берегись!» — непременно кричал.
И тот уступал, отступал, если мог,
Теснимый, искал незакрытых дорог.
Но вот властелин обнаруживал вдруг:
Рух, конь и фарзин, слон и войско вокруг.
Отрезан, глядит, угрожающим рвом,
Стеною воителей с грозным лицом.
Со всех четырех окруженный сторон,
Лишался дороги спасительной он.
В страданьях от жажды шах мат * обретал.
Так свод круговратный ему начертал.
Талханд был игры этой целью, а Гов —
Тот царь, угодивший владыке миров.

Мать смотрит на шахматы, боли полна.
Талхандову смерть созерцает она.
И ночью и днем перед черной доской,
Терзаема гневом, палима тоской.
Заполнили шахматы все бытие,
Душа о Талханде скорбела ее.
Кровавые слезы бежали ручьем,
В том горе ей шахматы были врачом.
Недвижно, в молчанье, без пищи и сна
Жила до последней минуты она.
На этом,— дошедший из дальних времен,
Как слышал от сведущих — сказ завершен.

[*Барзуй доставляет «Калилу и Димну» из Хиндустана*] *

Послушай, что Шадан-Борзин рассказал *,
Что славный о днях Нуширвановых знал,
О мудрых деяньях владыки того,
Вовеки да славится имя его!
К себе приглашал он ученых мужей
Для славы державы, для славы своей:
Врачей, искушенных в речах мудрецов —
Астрологов и толкователей снов.
Мудрец жил в те дни, именитый во всем,
Он был мудрецов знаменитых венцом.
То был сладкогласный мыслитель Барзуй,
Подвигнутый в летах целитель Барзуй.
Познаньями многими был наделен
И в каждой науке прославился он.
Однажды явился к приему сей муж.
Так молвил владыке благому сей муж:
«О царь, почитающий знания путь,
Взыскующий и постигающий суть!
За хиндскую ныне воссевши тетрадь,
Я записи стал со вниманьем читать.
Есть в хиндских горах — так написано там —
Растенье, подобно румийским клинкам
Блистает оно. Буде собрано в срок,
Растерто в делах этих знающим толк,
На мертвого буде насыпано, тот
Мертвец, утверждается, речь обретет.
Коль будет на то изволенье царя *,
Поход многотрудный проделаю я.
Науку призвав как помощника, с ней,
Быть может, достигну я цели своей.
Меня воскрешение не удивит,
Ведь сам Нуширван в этом мире царит.

Царь молвит: «Такое возможно едва ль,
Оставить меж тем без внимания жаль.
Посланье радже от меня отвезешь,
А может, и сердце жреца привлечешь.
Его в этом деле участья проси
И помощи светлого счастья проси.
Та хиндская запись загадку таит,
Знать, новое чудо сей мир озарит.
Что должно, возьмешь из сокровищ моих,
Тебе проводник будет нужен от них».
Распахнуты двери державной казны,
Выносят поклажи из славной казны —
Динаров, парчи и мехов, и шелков,
И амбры, и мускуса, перстней, венцов —
На триста верблюжьих уложены спин.
Посла снарядив, отпустил властелин.
Представ пред раджою, посланье вручил,
Дары пред владыкою Хинда открыл.
Послание шаха раджа прочитал,—
«О чистый душой, благонравный! — сказал.—
Здесь все от Кесры — войско, царство мое,
Казна для даров и само бытие.
Его справедливостью, славой его,
Все держится счастьем царя твоего.
Не диво, что помощь Творца поспешит,
И мертвого чистый душой оживит.
Брахманы, что в горных пределах живут,
К тебе в этом деле на помощь придут,
А также мой жрец с благодатью своей
И наша казна и ее казначей.
Весь Хинд пред тобой, только слово скажи,
В твоей, знай, удаче величье раджи».
Богатый чертог для Барзуя отвел,
С достойным почетом устроен посол.
Красивой одеждой, коврами снабдил,
Убранством и яствами — всем угодил.
Всю ночь восседал с мудрецами раджа,
Совет с Каннауджа мужами держа.
Сияющий день за горою возник,
И светом открыл ослепительный лик.
Раджа призывает великих врачей,
Целительства, знахарства учителей.
Им рядом со знающим велено быть.
И словом и делом Барзую служить.
Явились те полные знанья мужи,
Постигшие суть врачеванья мужи
К Барзую. Умелые до одного,

Отправились в горы по делу его.
Немало дорог исходили пешком,
Ведомые опытным проводником.
Готовил из свежих, увядших, сухих
Растений, цветущих и качеств иных
Он разные снадобья, в дело пускал,
На мертвых готовую смесь насыпал.
Но не было пользы, увы, мертвецам,
Как видно, негоден был к делу бальзам.
Все горы одну за другой обошел,
Плодов от усердных трудов не обрел.
Он понял — сие у Владыки в руках,
Что вечен, всевластен в обоих мирах.
Барзуево сердце кипит от стыда
Пред шахом, пред знатными — сколько труда,
Богатств привезенных и слов без числа
Вся эта затея во прах погребла.
Писавший не сердце, а камень имел,—
Чего тот невежда от мира хотел?
Зачем легкомысленно мир соблазнял,
Страданье, бесчестие подготовлял?
Так молвил затем, обратясь к мудрецам:
«О много познавшие, славные, вам
Известен ли более знающ, чем вы,
Чьи знанья достойны хвалебной молвы?»
Услышал он единодушный ответ:
«Есть тот, подающий разумный совет.
Он старец и летами, и по уму,
В познаниях равного нету ему».
Барзуй обратился к ним с речью такой:
«О мудрые, чистые сердцем, душой!
Прибавьте к трудам, совершенным для нас,
Меня к мудрецу проводите сейчас.
Почтенный, исполненный знания тот,
Быть может, Барзую на помощь придет».
К премудрому старцу Барзуй отведен,
И мыслями полн, и вопросами он.
Цель поиска старцу тому изложил,
Свои затрудненья ему изложил.
О том, что из записей хиндских узнал,
О том, что от знающих он услыхал.
Ответив Барзую на каждый вопрос,
Решенье такое мудрец произнес:
Как только, мол, дивная запись нашлась,
К желанному мы поспешили тотчас.
Поскольку усилья не дали плодов,
Займемся иным толкованием слов.

Растенья суть слово, а знанье — гора
От многих вдали оно днесь и вчера.
А мертвое тело — незнающий муж,
Безрадостным ввек пребывающий муж.
Любой, без сомнения, знанием жив,
Блажен, кто в познании трудолюбив.
Коль мысль от неведения изнемогла,
Ей знанье — что горы, трава — «Калила».
Кто путь указует? Кто дал бы совет? —
В хранилище царском отыщешь ответ».
Словами его воскрешенный Барзуй,
Забыл о трудах понесенных Барзуй.
Хваленье воздавши, к радже поспешил,
Подобно огню этот путь совершил.
К радже обращает он взоры свои:
Доколе есть Хинд,— восклицает,— живи!
О царь, о властитель, есть книга одна,
На хиндском она «Калила» названа.
В казне под печатью хранится твоей,
Дорога к познанью указана в ней *.
Лишь книгу скрывала та чудо-трава.
И, может быть, великодушный глава
Державы ту книгу на свет извлечет
И мне передаст, коль возможным сочтет.
Раджа удручен этой просьбою был,
Лицом потемневший, на троне застыл.
«Доныне,— услышал Барзуй от него,—
Ни разу еще не просили сего.
Но шах Нуширван,— так раджа продолжал,—
И душу хотя бы мою пожелал,
Отказа не встретил бы, в Хинде любой
Готов ему жертвовать жизнью самой.
Но, может быть, лучше при нас прочитать,
Чтоб духа недоброго не пробуждать.
Чтоб даже подумать никто не посмел,
Что кто-то списать эту книгу сумел».
Барзуй отвечал: «О владыка, ни в чем
Я воли твоей не нарушу». Потом
Ему казначей «Калилу» передал.
Советник раджи с нее глаз не спускал.
Но слово за словом, что в книге прочел,
Все в памяти складывал мудрый посол.
Не боле, чем память вмещала, читал,
И книгу затем до утра отлагал.
Когда отправлял он Ирана главе
Послание, тайно вставлял по главе
Из книги. Стараньем его «Калила»

До слова к царю Нуширвану пришла.
Так, радостен, бодр, «Калилой» увлечен,
Дух светлый питая познанием, он
Труда завершения вскоре достиг.
И весть получив от владыки владык,—
Мол, знания море до капли у нас! —
О дне возвращенья помыслил. Явясь
К радже, дозволенья на это просил.
Раджа, отпуская, его одарил.
Вручил ожерелье и пару серег,
И поручей пару, а также клинок
Узорною сталью блистающий дан,
Дары увенчал эти хиндский тюрбан.
С дарами Барзуй покидал Каннаудж,
С ним тайну свою провожал Каннаудж.
К владыке является он наконец,
Хвалой огласился державный дворец.
Поведал владыке, как дело повел,
Как знание вместо травы приобрел.
«О, да,— отвечал Нуширван,— «Калила»
На душу и сердце бальзам пролила.
С ключами в казну отправляйся и там
Награду достойную выбери сам».
Недолго он дар для себя выбирал,
Хранителя царской казны утруждал.
Дирхемами, жемчугом не соблазнен,
Берет одеяние царское он.
В почетную ткань облачился Барзуй,
В чертоги Кесры воротился Барзуй.
Предстал пред высоким владыкой своим,
Хваленье вознес и склонился пред ним.
«А где кошели? — вопрошают его.—
И царских жемчужин не взял отчего,
О муж потрудившийся? Платой должна
Ответить трудам понесенным казна».
Ответствовал мудрый владыке страны:
«Да внемлет вознесший венец до луны!
Кто царское в дар одеянье обрел,
Тот счастья и трона сиянье обрел.
К тому ж зложелатель, увидев, узнав
На мне одеянье владыки держав,
Узнает, как темное сердце болит,
Лик друга сиянье души отразит.
О царь, обращусь к тебе с просьбой одной,
Чтоб мир не забыл совершенного мной,
Пусть сам Бузурджмехр эту книгу создаст,
Барзуя трудам благосклонно воздаст

Рассказом доподлинным в первой из глав,
О победоносный владыка держав.
Когда от Барзуя останется прах,
Разумный узнает о наших трудах».
«Желание это,— царь молвит ему *,—
Стремленью великих сродни одному.
Однако заслуга свершенных трудов
Достойна, скажу я, подобных даров».
Затем к Бузурджмехру направлена речь:
«Не должно стремленьем таким пренебречь».
Тростник заостренный он в дело пустил,
Барзую зачало труда посвятил.
И в царской тетради, и в свитке любом
В те дни пехлевийским писали письмом.
Ее поместили в особый чертог,
И взор недостойных увидеть не мог.
Хоть речь на арабском в дальнейшем вели *,
Читали дастан этот на пехлеви.
Над миром Мамуна раскинулась сень *,
И новыми стали и солнце и день.
Был сердцем — мобед, рассужденьем — царь,
Познаньям не видел конца государь.
При нем на арабском напишут ее *,
Такой и поныне услышат ее.
И так на арабском звучала потом.
Когда же стал Наср над вселенной царем *,
Бу-ль-Фазль благородный — владыки везир
И слов казначей озарившего мир —
Велел на фарси-и-дари изложить *,
Дабы понимания путь облегчить.
Когда преложения слово прочли,
В нем мысли дорогою новой пошли.
Желанье душой завладело его:
Да помнят, мол, время и дело его!
Принесть «Калилу» повелел знатоку,
Прочесть Рудаки за строкою строку.
Рассыпанный жемчуг певец нанизал
И жизнь ожерелья жемчужинам дал.
Ценителю слов — украшеньем оно,
Незнающему — утешеньем оно.
Он перлы преданий пред ними явил,
И душу, и разум, и взор восхитил!
Пребыть миродержцу! Да будут в рабах
И время, и мир ему в долгих годах!
Какую бы радость Махмуд подарил,
Когда бы злонравью пути заградил.
Но полно тревогами сердце смущать,

Что мир сей двухцветный тебе поминать!
То вверх, на подъеме, то под гору, вниз,
То радости полон, то страхом томись.
И то, и другое не вечно из них,
Дорог и надежд у тебя никаких.

[*Нушинраван гневается на Бузурджмехра и приказывает его заточить*]

Послушай, какой совершил этот свод
В судьбе Бузурджмехра крутой поворот.
Кто прежде его к облакам возносил,
Однажды до темного праха спустил.
Случилось все это, когда властелин
Для лова покинул свой град Мадаин.
Баранов, газелей преследовал вскачь,
Но день оказался тот днем неудач.
Весь лов Бузурджмехр его не оставлял,
Любовь и служенье собою являл.
Увидели зелень средь желтых степей —
Под сенью деревьев лужайка, ручей.
Владыка неспешно спустился с коня
Прохлады вдохнуть после знойного дня.
Из слуг не увидел Кесра никого,
Один ясноликий был возле него.
Заснул повелитель, как веки смежил,
И любящий тоже главу преклонил.
Всегда на раменнице * шаха браслет
Был, скрытый одеждой, жемчужный надет.
Рука у царя обнажилась в тот час *.
Какая-то птица, внезапно явясь,
Спустилась из светлого неба, черна,
И села в его изголовье она.
Увидела перлы браслета его,
Каменьев сиянье, кругом — никого.
Воители кружат в просторах степных,
Охотою заняты помыслы их.
А царь пребывает один среди снов,
И нету с ним знающих проводников.
И черная птица, лишь кинула взгляд
На жемчуг, разбила сияющий ряд.
Браслет раздробив, проглотила тотчас
Перл чистый, а следом и желтый топаз.
Склевала и прочь устремилась она,
И мигом от взоров сокрылась она.
Застыл Бузурджмехр и не верит глазам,
Дивится он сфер круговратных делам.
Паденья пора, понимает, грядет,

Крушенье надежд, испытанья черед.
Проснулся владыка, мобеда узрел —
Он, губы кусая, в сторонке сидел.
Кесра заподозрил неладное — грех
Какой-то, должно-быть, скрывал Бузурджмехр.
«Эй, пес! Отвечай мне, где слышал о том,
Что тайное явным не станет потом!
Да, я не Ормозд, не Бахман, у меня
Из праха и воздуха плоть, и огня!»
И долго тот голос хулы не стихал,
В ответ Бузурджмехр только тяжко вздыхал.
Мертвел Бузурджмехр, шелохнуться не мог!
Вот царский, вот сфер круговратных урок!
Столь скорым он знаменья видит конец.
Безмолвствовал в страхе великом мудрец.
Вкруг луга воители, в центре Кесра.
Не долго ли, долго ль та длилась пора,
Разгневанный царь скакуна оседлал,
В пути никого замечать не желал.
Он думал о мудром: то хмурил чело,
То губы сжимал. И покинув седло,
Вконец разъяренный, велел из дворца
Убрать, заковать, заточить мудреца.
Исполнили волю владыки владык.
Узрел Бузурджмехр свода хмурого лик.
Был родич младой, из доверенных слуг
Царя Нуширвана — опальному друг.
Служил при владыке и ночью и днем,
Был смел и находчив в беседе с царем.
Слуге солнцеликого шаха вопрос
Услышать от друга такой довелось:
«Как служишь ему? Совершенствуй труды,
Труды совершенствуя, множишь плоды».
Слуга отвечал: «О мобедов мобед,
Сегодня, уже завершился обед,
Так грозно взглянул Нуширван на меня,
Не видеть, подумалось, нового дня.
Владыка поднялся, я воду поднес.
Немного ее мимо рук пролилось.
Столь явно венчанный свой гнев показал —
Добро, что кувшин я в руках удержал».
И слышит: «Теперь за водою пойдешь,
Мне также, как на руки шаха, польешь».
Вот с теплой водой возвращается тот,
И на руки мудрого бережно льет.
Наставник сказал: «Умывания час
Настанет,— с водой не спеши на сей раз.

Уста благовоньем украсит когда,
Пусть чутко течет из кувшина вода».
Тревожное время прислужник провел,
Пока умывания миг не пришел.
Лил воду, как мудрый его научил,
Ни скор, ни медлителен в действиях был.
«Кто,— слышит,— учил поливать без помех?»
Слуга отвечает царю: «Бузурджмехр.
Его наставленьем уменья достиг,
Да будет доволен владыка владык».
Владыка велит мудрецу передать:
Сумевший, мол, славу, величье стяжать,
Зачем же себя низвергал с высоты,
Послушался нрава строптивого ты!
Слуга в подземелье помчался бегом,
Предстал перед мудрым в волненье большом.
Владыки слова повторяет слуга,
Такому ответу внимает слуга:
«Нет хуже, скажи, моего бытия,
И все ж не завидую доле царя».
На родича в мыслях немало ропща,
Вернулся к владыке; ответ сообща,
Увидел, как гнев венценосца терзал.
Царь в яму спустить мудреца приказал.
Срок некий спустя, вопрошает о нем:
Мол, как пребывает тот скудный умом?
Прислужник пришел к Бузурджмехру в слезах,
Поведал ему о царевых словах.
А тот доброхоту ответил: «Моя
Жизнь легче, по-прежнему, жизни царя».
Посланец, как вихрь, прибегает к царю,
Ответа слова повторяет царю.
Что тигр, разъярился тот, выслушав речь.
Велит изготовить железную печь
С торчащими внутрь остриями шипов,
Закрыть в ней упрямца, не снявши оков.
Не ведал покоя ни днем, ни во сне,
Истерзано тело и сердце в огне.
Вновь царь посылает слугу своего:
«Что нового скажет? Спроси у него:
Как ныне приходится плоти твоей,
И впору ль рубаха из наших гвоздей?»
Отправился посланный, все передал,
Что царь самовластный ему приказал.
Муж юный услышал: «Мой день для меня
Все ж лучше, скажу, Нушинрванова дня».
Когда передал он владыке владык

Ответ, пожелтел венценосного лик.
Умевшего прямо спросить и сказать
И знающих выслушать и понимать,
А следом того, что служил палачом,
Призвал и в темницу отправил вдвоем.
Сказал: «Несчастливцу тому предложи:
Иль слово разумное шаху скажи,
Иль будешь мечом палача просвещен,
Узнаешь, что значит кончина времен.
Твердил, заточенье светлей, чем престол,
Оковы, мученья вкушать предпочел».
И тот с палачом к мудрецу поспешил,
Слова Нуширвана ему повторил.
Сказал Бузурджмехр правдолюбцу тому:
«Грядущего знать не дано никому.
Ни в чем постоянства,— продолжил мудрец,—
Что зло, что добро — все имеет конец.
С казной на престоле иль в муках живем,
Но так иль не так, поневоле уйдем.
Кто в муках здесь жил, тому легче стократ,
Царей пред кончиною страхи томят».
Когда возвратились палач и мудрец
К царю горделивому в славный дворец,
Ответ донесли ему в точных словах.
Возмездья судьбы убоясь, шаханшах
Велит добронравному освободить
И в прежние стены его поместить.
Свод неба свершает вращения чин,
Не счесть на лице Бузурджмехра морщин.
Слабело в нем сердце — всему есть предел! —
От горестных помыслов взор потускнел.
Какою казной за труды наделен!
Ужели такого заслуживал он?

[*Прибытие к Нушинравану посла от кейсера с ларцом*]

Так было, в те дни с караваном пришел
Румийский к владыке Ирана посол.
Дары и нисар был доставлен послом,
Посланье, а также ларец под замком:
«О царь благородных, отважных! В твоей
Державе немало, знать, мудрых мужей.
Ларца и замка не коснувшись рукой,
Его содержимого тайну открой.
Ответите верно — дань будем платить
И данников прочий обычай хранить.
А станется, дух быстроумных мужей

Не справится, сникнет пред тайною сей —
С нас дани, о царь, да не требуешь впредь
И жаждой отмстить да не станешь гореть.
Такой получил я кейсера наказ,
Каким же ответом порадуешь нас?»
И слышит посол миродержца ответ:
«Для взоров Йездана сокрытого нет.
Когда благомысленных здесь соберем,
Его благодатью разгадку найдем.
Семь дней с нами радости вместе вкушай,
Свой дух весели и заботы не знай».
Затем озадаченный шах повелел
Звать тех, кто в познаниях долю имел.
Ларец мудрецы осмотрели кругом:
Как взяться, мол, справиться с хитрым узлом?
И долго они от ларца без ключей,
Забыв обо всем, не отводят очей.
Ответить, увы, не смогли на вопрос,
Сознаться в неведенье мудрым пришлось.
Бессилье мобедов своих увидав,
В печаль погрузился владыка держав.
Так думает: «Тайну сию, как на грех,
Один только мог бы понять — Бузурджмехр».
От дум изведясь и не видя пути,
В казну повелел казначею пойти.
Доставлены тем одеянье, потом
Скакун благородный под царским седлом.
Сей дар мудрецу отправляя, сказал:
Забудь, мол, мученья, что ты испытал.
Знать, был круговратным сей послан удел,
Что ты от меня это зло претерпел.
Язык твой в ту пору мой мозг распалял,
Ты сам, знать, в то время с собой враждовал.
Мне дело одно предстоит из таких,
Что ставит в тупик даже старцев благих.
Ларец золотой предо мною стоит,
Замком и печатью кейсера закрыт.
Одним именитым мобедом ларец
Доставлен из Рума в наш славный дворец.
Условья свои предлагают они,
О тайне ларца вопрошают они.
Должны-де мобеды Ирана с царем
Раскрыть содержащееся под замком.
Сию сокровенность,— подумалось мне,—
Лишь дух Бузурджмехра постигнет вполне».
Когда Бузурджмехру ту весть принесли,
Все муки былые на память пришли.

Омылся, покинув затвора покой,
В молитве предстал пред благим Судией.
Страшился он гнева владыки страны,
Ведь был заточен им без всякой вины.
И бодрствуя темною ночью и днем,
Наказ исполнял, размышлял об одном.
И только светило явило свой свет,
Мудрец, рассмотревший движенье планет,
И разума влагой взор сердца омыв,
Помощника знающего пригласив,
«Печально,— сказал,— положенье мое,
Ослабло в мучениях зренье мое.
Как только прохожий появится тут,
Окликни, не бойся, узнай, как зовут».
Выходят. Как раз, поспешая, одна
Прекрасная шла по дороге жена.
И знающий тотчас о том услыхал,
Что зрячий помощник и друг увидал.
Немедля тому наставленья даны:
«Муж есть ли, дознайся, у этой луны».
Жена эта чистая молвила им:
«И муж есть, и плод есть под сердцем моим».
Внимает тому сообщенью мудрец,
Коня горячит от волненья мудрец.
А вот и другая дорогой идет,
Окликнул ее вопрошающий тот:
«Ответствуй, имеешь ли мужа, детей,
Иль ветер ласкаешь ладонью своей?»
«Есть муж, только чада,— ответствует,— нет.
Теперь отойди, получивший ответ».
А вскоре и третья явилась в черед,
Приблизившись к ней, вопросил доброхот:
«Скажи, кто супруг, о красавица, твой?
За поступью, знать, удивишь красотой».
«Нет мужа и не было вовсе его,
Ввек мужу лица не узреть моего».
Когда к Бузурджмехру та речь донеслась,
Смотри же, какая в нем мысль родилась!
Той мыслью влеком, устремляется вмиг,
Ведом провожатым, к владыке владык.
Тот к трону приблизиться старцу велит.
С печалью Кесра на мобеда глядит.
Незрячие очи его увидав,
Вздыхает от сердца владыка держав.
Раскаялся в прошлом деянье своем,
Ведь был невиновен мудрец пред царем.
О Руме, кейсере потом говорил

Кесра, о ларце золотом говорил.
Так начал ему Бузурджмехр отвечать:
«Да будешь блистать — сколько небу сиять!
Мобедов и знатных собрать прикажи,
Посланца кейсера призвать прикажи.
Поставим ларец перед троном твоим,
Пусть будет он ищущим истины зрим.
Я силой того, кто мышленье создал,
Душе моей к правде стремленье послал,
Не тронув замка и ларца самого,
Поведаю о содержимом его.
Да, тьма в моем взоре, но сердце светло,
Ведь знанье, что панцирь, мой дух берегло».
Тем словом он радость в венчанном зажег,
Душа расцвела в нем, что вешний цветок.
Он с плеч его гору, сказал бы ты, снял.
Румийца с ларцом повелитель призвал.
Мобедов и радов призвали, вождей,
Пред троном весь цвет именитых мужей.
Затем миродержец послу предложил,
Чтоб тот свое дело при всех изложил.
Ларец перед всеми являет посол,
Кейсера слова повторяет посол:
«Царю, чьим победным сражениям несть
Числа, подобает и слава и честь.
Ты — фарром весь мир озаряющий царь
И крепкой рукой обладающий царь.
Имеешь достойных владыки царей,
Мобедов и преданных богатырей.
Из подданных все — доброхоты твои,
Весь мир разделяет заботы твои.
Когда сей ларец и замок и печать,
Как должно, рассмотрят и смогут сказать
Твои мудрецы о сокрытом — притом
Словами, согласными с ясным умом,—
По-прежнему подать и дань назначай,
Любые расходы наш вынесет край.
Но если ответ не получим от вас,
Не требуйте более дани от нас».
Мудрец говорящего выслушав, встал,
Хвалебное слово вначале сказал:
«Да будет вовеки владыка владык
И в слове, и в счастье высок и велик.
Хвала Господину обоих светил,
Он духу к познаньям дорогу открыл.
Он видит и тайную мысль и труды,
Мы ищем, а Он не имеет нужды.

Три перла в ларце этом скрыты, покров
Их ярче, в различье, чем видно из слов.
Просверлен один, вполовину — другой,
А третий и вовсе не тронут иглой».
Услышав ответы, ключи достает
Румиец, являет пред шахом в черед —
Ларец, в нем шкатулка, в ней шелковый плат,
На плате три перла, сияя, лежат.
И счетом и видом был жемчуг таким,
Как сказано было иранцем благим.
Просверлен один, вполовину — второй,
Нетронутой третий сиял красотой.
На мудрого жемчуг посыпался тут,
И знать, и мобеды хвалу воздают.
Смеется владыка исходу сему,
Рот жемчугом царским наполнил ему.
Но прошлое на сердце камнем легло,
Морщины покрыли владыки чело:
Зачем, мол, обидел он мужа сего!
Встречал ведь любовь только, верность его.
А знающий, видя, что шах удручен,
Что дух его муками отягощен,
Открылся, о той злополучной поре
Со всем красноречьем поведал Кесре:
О птице той черной, браслете; как страх
Слугу охватил, когда спал шаханшах.
И так продолжает: «Здесь видится рок,
В раскаянье, в муках какой теперь прок.
Где свод своей воли являет пример,—
Что царь, что мобед ему, что Бузурджмехр!
Да радостен будет душой властелин,
Да будет свободен от всяких кручин!
Посеял Йездан наших звезд семена,
На лбу нашем носим судьбы письмена.
Хотя шаханшах высоко вознесен —
Но счастлив дастуром владыка и трон.
Охота, сраженье — вот дело царя,
И радости множить, пируя, даря.
Смотреть на деяния прежних царей *,
Чтоб мысль становилась прямей и острей.
А что до казны, до трудов войсковых,
До жалоб, прошений подвластных любых,
Казны умноженья, расходов казны —
Дастуру заботы сии отданы».

[*О решениях Нушинравана*]

В ту пору, когда пребывал Нуширван,
Он был — и владыка, и сам — пахлаван.
При этом — воитель, а также мобед,
А также — хирбед и дружин сипехбед.
Своих наблюдателей всюду держал,
Дастуру державу свою не вверял.
О малых в державе, больших ли делах,
О добром и злом извещен шаханшах.
Из верных один устремленный к добру
Мобед как-то раз вопрошает Кесру:
«Когда, о владыка, прощаешь вину,
И грешнику не поминаешь вину,
А тот ко греху обращается вновь —
Осудишь ли, если покается вновь?»
Владыка ответствовал словом таким:
«Признавший проступок свой новый дурным
Подобен больному, мы — схожи с врачом:
Бежит от лекарства, льет слезы ручьем.
Одним осужденьем его не спасти,
Путем врачевания должно идти».
«Пребудь в благоденствии,— молвил другой,—
От зла огражденный в дороге благой!
Один сипехбед, из Горгана уйдя,
Для отдыха место средь леса найдя,
Срок некий проспал. А проснулся — пришлось
Ему нагишом догонять свой обоз».
Решение царское слышит мобед:
«Не нужен державе такой сипехбед,
Дружиною призванный руководить,
Себя не сумевший от зла оградить».
«Да здравствует царь! — Обратился другой.—
Пируй и вкушай с мудрецами покой.
Купец есть в подвластном владыке краю —
Казна его, знай, превышает твою».
Царь молвил: «Достойное дело вдвойне.
Богатый купец — украшение мне.
Мы — стражи и жизни его и казны —
Для их процветанья трудиться должны».
«О царь, благоденствуй, не ведая бед! —
К владыке другой обратился мобед.—
Румийские пленники здесь, среди них
Немало мы видим младенцев грудных».
«Младенцев,— венчанный изволил сказать,—
За пленников нам не пристало считать.
Теперь к матерям возвратите добром,

В дорогу, как должно, снабдите добром».
«Из Рума нам пишут до сотни родных:
За пленных-де выкуп даем в золотых».
«Их страх понуждает, что ж, плата одна
За каждого знатного — чаша вина.
Поскольку,— закончил владыка наказ,—
В подобных доходах нет нужды у нас.
Мечами, коль надо, и жемчуг у них
Добудем, рабынь и монет золотых».
Доносят: «Есть два богатея-купца,
Идут у них в доме пиры без конца.
Две трети от ночи округа не спит,
То чанг, то рубаб*, то хмельной зашумит».
Ответил: «Большой тут не вижу беды.
Пусть каждый, не знающий в деньгах нужды,
В веселии, в радости светлой живет,
На доброе щедрым, далек от забот».
Так было написано: «В счастье пребудь,
Не зная ни зла, ни напасти пребудь!
Царь Йемена так во дворце говорил:
Когда бы уста Нуширван ни открыл,
Мужам всякий раз про умерших вещал
И душу живого печалью смущал».
«Разумный и высокородный любой
Умерших не пренебрегает судьбой.
Ушедших изгнавший из памяти вон
И дружбы хранить не умеет закон».
«Сын младший,— другой доброхот говорит,—
Ни правды, ни воли отцовой не чтит.
Дирхемы швыряет отца своего,
Завет отвергает отца своего».
Ответил: «Не должно сего допускать,
Ведь цену верней отдающему знать».
«О царь,— некто молвил,— твой жребий высок,
Бегут от тебя и хула и упрек.
Ты мягче был сердцем, смиреннее был,
Откуда в нем ныне горячности пыл?»
Ответствовал: «Зубы пока на растут,
В тот срок молоко у кормилиц сосут.
Прорезались зубы, стал крепок спиной,
Потребуешь мяса для силы такой».
Сказал некто: «Нас превосходишь во всем,
О царь,— родовитостью, знаньем, умом.
Но чем превзошел шаханшахов, что взор
Земли всей прикован к тебе с давних пор?»
«Наш разум,— ответил владыка владык,—
Всех глубже в познание мира проник.

Дастур — здравый смысл наш в познанье вещей,
Казна — вся вселенная, мысль — казначей».
«Твой сокол, о шах, на охоте большой
Орла захватил»,— сообщает другой.
«Сломать ему спину,— так царь повелел,—
Как выпустить когти на высшего смел!
Повесьте злосчастного после того.
То зло, что свершил, да падет на него!
Ведь низший помыслить не должен о том,
Что может померяться силой с царем».
Другой доносящий ему о делах,
Сказал венценосному: «О шаханшах!
Дружину повел на рассвете Борзин,
Ему звездочет повстречался один.
О славный, немалое войско ведешь,
Но где снаряженье,— сказал,— обретешь?
Коль скоро к царю обратился спиной,
Ужели не видел дороги иной?»
«Вертящийся свод,— Нушинрван возгласил,—
Разумному лик откровенья явил.
Есть власть у Борзина, дружина, казна,
А Солнцем с Луною судьба решена».
Так некто сказал: «О владыка, давно
Сие повеление было дано:
Избрать, мол, достойного мужа должны,
И пусть, мол, объедет пределы страны,
Сюда, во дворец сообщит обо всем —
О малом, великом, о добром, худом.
Был избран Гошасп, что дабиром служил,
Он верным слугой справедливости был».
Сказал: «От корысти, завистливых дел
Он туго затянутым пояс имел.
И впредь избирайте подобных мужей,
Усердных, богатых казною своей,
Умелых мужей, сильных мира сего,
О бедных пекущихся прежде всего».
О поваре старшем был царь извещен:
На шаха, придворных, мол, сетует он:
Чего б, говорит, ни желала душа,
Готовлю, и пища для всех хороша.
Но царь, не вкусив, отправляет назад.
Служитель-де царский тревогой объят.
«От многоядения,— слышит ответ,—
Не голод, а боль появилась на свет».
«Все,— молвит другой,— порицают тебя,
О царь наш, когда вопрошают себя:
Как мог без дружин выходить из дворца?

У нас обливаются кровью сердца!
Ведь недруг, удобный используя миг,
Мог зло причинить властелину владык».
«И правда и мудрость, величье даря,
И плоть укрепляют,— ответил,— царя.
И пусть одинок справедливый, но он,
Что стражею, правдой своей защищен».
«О мудрости друг! — Молвит шаху другой.—
Объявлено войск Хорасанских главой:
Считать отстраненным Зараспа от дел.
Не знаем, что в витязе шах усмотрел».
«Веления нашего не исполнял,
Обычаи наши,— сказал,— нарушал.
Казну я велел для достойных открыть.
Великих убыток не должен страшить.
Не щедрость, не дар уменьшает такой,
На царственный фарр посягает скупой.
«Со всеми,— так подданный молвил один,—
И великодушен, и щедр властелин.
В чем грешен — был верным слугою — Мехрак?
За что обделен царской мздою Мехрак?»
«Он дерзким,— владыка ответствовал,— стал,
Он службою нашею пренебрегал.
Идет во дворец в непотребстве хмельном,
И вечно в руках его чаша с вином».
«Владыка,— так молвил другой доброхот,—
Когда на кейсера дружины ведет,
С собою берет лишь иранцев одних,
Знать, мир из-за Рума стал тесен для них».
«В крови,— отвечает,— вражда эта к ним,
Война зачалась Ахриманом самим».
«Царь каждый,— сказали,— хотел бы создать
Могучую, равных не знавшую рать.
Владыка иметь предпочел бы каких —
Из львов быстроруких, из львов верховых?»
Ответил владыка: «Мы видим бойца,
Что бьется в сраженье любом до конца.
Что пир, что сраженье — что ночью, что днем
Боец остается, как должно, бойцом.
Не ведает устали, выйдя в поход,
Любые лишенья без жалоб снесет».
«О царь Нуширван! — Некто молвил.— Пребудь
Счастливым, свершая свой царственный путь!
Сановник, в Нисе* пребывающий муж,
Твой верный слуга, дело знающий муж,
В казну триста тысяч дирхемов не сдал —
Такой недоплату диван насчитал.

Подобным дирхемам ни царский гахбед*
Пропасть не позволит, ни рад, ни мобед».
Едва сообщающий это умолк,
Владыка промолвил: «Не требуйте долг.
За съеденное уедать не должны,
Пожалуйте лучше из нашей казны».
«Из всадников некто был ранен, хворал,
Поправился после,— другой сообщал.—
Отправился воин в румийский поход,
В сраженье погиб и оставил сирот».
Четыре приказано тысячи дать
Дирхемов сиротам и впредь опекать.
Всем семьям погибших в сраженьях мужей,
Как память оставившим миру детей,
А в царских тетрадях свои имена,—
Дирхемы обязана выдать казна.
И после четырежды каждому в год
По тысяче царских дирхемов пойдет.
«Век долгий да будет венчанному дан!
Из Мерва писали, мол, войск пахлаван
Для собственной нас обирает нужды,
И люди бегут кто куда от беды».
«Дирхемы,— владыка владык отвечал,--
Которые он у подвластных сбирал,
Вернуть до последней полушки вели,
Глашатаев с вестью о том разослли.
Петлю на вратах его дома устрой,
Да узрят злодея возмездья порой
И воины войска, и край этот весь —
Живьем его вниз головою повесь.
Да будет другим пахлаванам урок —
Честь царская — собственной чести залог.
Не должно последний кусок отымать,
Страданья людские в казну обращать!»
«О чтущий Йездана! — Так некто речет.—
Немало, как прежде, у царских ворот,
Вселенной Создателя благодаря,
Народ справедливого славит царя».
«Йездану хвала,— отвечал шаханшах,—
Что подданный славит царя не за страх.
А мы умножать попеченья должны,
Безгрешными будь они или грешны».
«О царь благодатный! — Другой говорит.—
Повсюду в державе довольство царит.
У высших ли, низших — как ночь настает,
Застолью и чангу приходит черед».
«Что ж, подданный каждый державы моей

Пусть радость вкушает от славы моей».
Так некто сказал: «О владыка благой!
В державе тебя порицают порой.
Так много, мол, царской казны раздарил,
Знать, мало трудов на нее положил».
«Богатства,— ответил владыка земли,—
В казне несомненно остаться могли.
Но все ж, обдели я достойных мужей,
Убыток понес бы от прибыли сей».
«О царь горделивый! — Другой говорит.—
Душе твоей зло да ничто не чинит!
Враги — иудей, христиане — твои,
Двуличьем своим Ахриману сродни».
Ответил: «Не станет никто из владык
Без милости, без подзащитных велик».
«О славный владыка! — Донес доброхот.—
Мардуй из казны твоей боле трехсот
Взял тысяч, пока раздавал голытьбе,
Немало дирхемов присвоил себе».
«Достойные, должную долю беря,—
Ответил,— исполнили волю царя».
«О царь, не изведавший тяжких трудов!
Пустеет казна от бесчетных даров».
«Длань щедрая,— внемлют владыки словам,—
И ветвь и листву обновляет мужам.
Когда мародержец Создателя чтит,
Весь мир пред владыкою этим открыт.
Он тесным и был и пребудет скупцу —
Нам алчность вовеки не будет к лицу».
Мобед сообщает: «О царь Нуширван!
Так знай, триста тысяч салар Карахан
Бамийскому Балху * принудил собрать,
В казну поспешает твою отослать».
«Не нужно дирхемов,— ответствует,— нам,
Принесших мученье и горе сердцам.
Из нашей казны те дирхемы верни,
Прибавь сверх того, коли скажут они.
Ведь чтущим Йездана царям не под стать
Страданий, злосчастья подвластным желать.
Чертогов его основанье подрой,
Камнями и глиною крышу покрой —
Да рухнет дворец, да обрящется им
Как прибыль от горя — проклятья и дым.
Пусть имя в диване сотрется его,
Гоните таких из дворца моего».
«О благорожденный! — Другой говорит.—
Тобою не раз Кей-Кавус и Джамшид

Помянут был». «Так подобает,— сказал,—
О предках сам трон возвещает,— сказал.—
Так делаю, дабы в сем мире потом
И мой не забыт был венец и шелом».
Спросил некто: «Славный Бахман отчего
Лишился доверья царя своего?»
«Он разумом пренебрегает самим,
Страстям,— отвечал,— потакает своим».
«Наш царь стал теперь не в пример терпелив,
Лишь в милостях царь, как всегда, тороплив».
«С разумными,— слышит ответ,— таковы,
И если пред нами мобед — таковы.
Ведь стоит нам внять Ахриману, в ответ
И волю утратишь, и разума свет».
Однажды в собрании речь повели
О вере, о власти с владыкой земли:
Едва ли, мол, лучше без веры стране,
Чем быть без царя, это ясно вполне.
Ответил: «Да, так говорили не раз,
И чистые в вере слыхали от нас:
Без веры нет царств и законных царей,
Хоть движимы верою каждый своей:
Тот — чистую веру, тот идола чтит,
Проклятие лучше — другой говорит —
Чем благословенье. Ну что ж, от речей
Не будет ущерба державе ничьей.
Но если владыка невером слывет,
Нигде одобренья себе не найдет.
Ведь вера и власть — словно тело с душой,
Две силы, опоры державы любой».
Так некто сказал: «О благой шаханшах!
Ты высказал как-то при знатных мужах:
Эпохи,— сказал,— воплощение — я,
Добра, не добра проявления — я.
Мол, те, что державе хвалу воздают,
Моей как бы славе хвалу воздают».
«Да, истинно.— Слышит ответа слова,—
Вершина эпохи — владыки глава.
Держава — что тело, глава ее — шах,
Они и венчают владыку в веках».
«О шах, облегчающий слабых удел!
Творец да продлит твоей славы удел!
Пять дней, о светильник души, на совет
Уже не являлся мобедов мобед».
Ответил: «В том нет оскорбленья для нас,
Он занят моими делами сейчас».
«О царь, благодатью ты солнцу под стать,

Такого, как ты, и векам не создать.—
Так молвил другой.— Каждым утром нужда
Приводит почтенного мужа сюда.
Всегда на одном, видим, месте стоит.
Скажи, в ожидании вести стоит».
«Сей муж — из Хиджаза.— Ответствовал он.—
Большого богатства был вором лишен.
Убытки ему из казны возместил,
Дабы о потере своей не тужил.
Держу при дворцовых воротах его —
Быть может, здесь встретит злодея того».
«О благорожденный, источник щедрот,
Муж правды! — Так молвил другой доброхот.—
С времен Кеюмарса до нынешних дней
Подобных тебе не рождалось царей».
Ответствовал: «Славлю Творца одного!
Все в мире свершается волей Его».
Деянья Кесры поглотили года...
Мир — старец, а мысль, как всегда, молода.
И нет ничего необычного в том,
Что дар мой и в старости молод стихом.
Был труд многолетний, свершаемый мной,
Сокрыт от Кайвана и Солнца с Луной.
Венцом наших слов стало имя Махмуд,
Хваленье повсюду ему воздают.
Пусть время украсится славой его.
И радует небо держава его.
Хатиб на минбаре «Махмуд!» вознесет*,
И крест к Мухаммадовой вере пойдет.
Взял царство у хиндов, что идолов чтят *,
Клинок в его длани — румийский булат.
Посланье теперь Нушйрвана читай,
И разумом, светлой душою вникай.

[*Наставления Нушинравана сыну его Хормозду*]

По воле Кесры пишет слово дабир,
Несущее сердцу отраду и мир.
«От шаха, от славного, что солнцелик,
Угодного небу владыки владык,
Царя справедливости, с чистой душой,
Творящего милости с чистой душой.
Кобадову славу умноживший шах,
Венчанный, с мечом справедливых в руках.
И фарр его царский, и знанья его
Величьем венчают деянья его.
Хормозду, надежде стремлений моих,

Принявшему свет наставлений моих.
Да будешь Йезданом, судьбою храним,
В могуществе, в доблестях недостижим.
В наш месяц святой, в день Хордада, когда
Сияла над миром благая звезда,
Тебя золотым увенчал я венцом,
Как сам благородным увенчан отцом.
И благословение то же вознес,
Что славный Кобад надо мной произнес.
Будь мудр, дальновиден и бдителен будь,
И великодушным властителем будь.
Множь знанья, Йездану будь верен во всем,
Да будет душе твоей проводником.
Я как-то у мужа, что правде служил,
Что в летах и знанье продвинутым был,
Спросил: Кто отрадней Творцу? Почему
Дороги тесны для другого к Нему?
Ответ был таков: «Знанье должно избрать,
Творца дабы благословенье снискать.
Незнающий темному праху сродни,
Людей совершенствуют знанья одни.
Познаньями наш украшается трон,
Будь знающ, победной звездой озарен!
Не будь вероломным, обеты храни,
Ведь саван коварного — прах искони.
Дабы невиновного не покарать,
Злословящим ближних не должен внимать.
Решай справедливо любые дела,
Душа справедливого будет светла.
От лживого слова язык удержи,
Величием, славой венца дорожи.
Пусть подданный станет богатым стократ —
Царя да не станет завистливым взгляд.
Чужое богатство — казны твоей враг,
Довольствуйся радостью собственных благ.
Да будет любой под защитой твоей —
От низших до знатного свиты твоей.
За доброе дружбой, добром воздавай,
А недругу друга — копьем воздавай.
Во дни благоденствия вспомни порой
О тяготах, бренности плоти людской.
Поскольку не вечен сей временный дом,
Не след предаваться беспечности в нем.
Учись, совершенствуйся, мудрого чти,
Дабы благосклонность судьбы обрести.
В стремленье к познанью ищи высоты,
Пребудешь от зла в безопасности ты.

И теми по-царски умей дорожить,
Кто душу готов за тебя положить,
Когда же украсишь ты царский чертог,
Ищи наилучшей из добрых дорог.
Благого советника рядом держи,
Как телом, душой своей, им дорожи.
И знать, и торговцы в державе твоей
Искать справедливости вправе твоей.
На знатных, в ком нет благородства, о шах,
Нельзя ни в каких полагаться делах.
Не след недостойному войско вверять,
Вручить недостойному — что потерять.
Оружье он в дружбу врагу передаст
И вдвое тебе за ошибку воздаст.
На поле сраженья доставит его,
Направит нежданно в тебя самого.
Будь милостив, бедствующим помогай,
Умело и зла, и вреда избегай.
Познать глубину своей сути учись,
Добром, благородством своим не кичись.
Знай меру златую, свершая добро,
Сбирай среди опытных слов серебро.
Чти веру и помни мирянина дань*,
Долги умножают в нас зависть и брань.
Будь благоразумен в расходах своих.
И дух не терзай о доходах своих.
Взирай на деянья ушедших владык,
И сам пребывай благородством велик!
Клянут за любую неправость царя.
Избегнешь проклятия, правду творя.
Где ныне былые владыки? Увы...
Ни трона, ни царства, ни царской главы.
Одно только слово осталось от них,
Нет вечно живущих в чертогах земных.
И попусту кровь не вели проливать,
Войну необдуманную затевать.
Держись наставлений, оставленных мной,
Души не привязывай к жизни земной.
Мы только благого желаем тебе,
Познаньями дух украшаем тебе.
Стезей повелителя солнца ступай
И воле нечистого не уступай.
Как должно, мои наставленья блюди,
А разумом сердца движенья блюди.
Коль памятно благом твое бытие,
Величьем украсится имя твое.
Да будет Создатель оплотом твоим,

И время и мир — доброхотом твоим!
Да будет благим тебе сфер этих ход,
Да будешь далек ты от зла и невзгод!»
В казне завещанье. Тревогу и страх
Средь брепных чертогов узнал шаханшах.
Владыка владык, справедливый умом,
Стремится — при прочих достоинствах в нем —
Отважным и крепким в борениях быть,
Йездана, как благочестивые, чтить.
Узрев обладателя доблестей сих,
Достойным считай восхвалений любых.
Ты видишь, кто светел сродни Моштари!
Победу и славу стяжавшего зри!
Он чтущего идолов царства лишил,
Он веры парчой свое сердце покрыл.
И щедрость, и милость теперь возрастут,
Ведь стал миродержцем владыка Махмуд!
Пирует — захочет — сражается он,
Дарующий царства не знает препон.
Сей царь победительный — Абулькасим,
И время, и мир да украсятся им!

[*Вопросы мобеда к Нушинравану и его ответы*]

Был старец известный, знаток пехлеви,
Трудами украсивший годы свои.
Среди пехлевийских, поведал он, книг
Есть запись ответов владыки владык.
«Что значит? — Мобед Нушинрвана спросил,—
Тот молится втайне владыке светил,
И просьбе Творец отвечает его,
Ответом своим окрыляет его;
А некто горе свои руки вознес
И молит, и молит создателя звезд,
Но втуне — желанный не близится миг,
Взор полон слезами, морщинами лик».
Мобеду ответил владыка страны:
«Мы в меру просить у Йездана должны.
Когда же в просимом предел перейдешь,
Желанием душу свою изведешь».
«О ком можно доброе слово сказать,—
Спросил,— и великим по праву назвать?»
Ответ был царя Нушинрвана таков:
«Обретший богатства без всяких трудов
Не станет дарить — недостоин царить,
Судьба не замедлит его обделить.
Имущим и щедрым хвалу воздают,
Дарите, не прячьте богатства под спуд».

Спросил: «Опирается мудрость на что?
Плодами ее наслаждается кто?»
Ответствовал: «Радостен знающий муж,
И скромность, и честь воплощающий муж».
«В познанье добро обретающий — кто?
В невежестве горе вкушающий — кто?»
Ответ повелителя мира звучит:
«Кто разум свой пестует — душу растит.
Есть разум — добро обретает душа,
Нет — страх да страданья вкушает душа».
«Хоть трону любому нужна благодать,
Фарр царский иль знание высшим считать?»
«И знанье, и фарр, пребывая с царем,
Укроют весь мир благодатным крылом.
Наш Разум и Имя, наш Фарр и наш Род —
Чрез них поминает тебя небосвод».
«Из шахов какие достойны венца?
Кому небосвод не откроет лица?»
Сказал: «Милосердия прежде всего
Подвластные ждут от царя своего.
Он должен и щедрым, и знающим быть,
Обычаи, милость и правду хранить.
В-шестых, назначая правителей, он
Да будет в достоинствах их убежден.
Да будет, в-седьмых, извещен обо всем,
О добром в державе его и худом.
В-восьмых, отличая врагов от друзей *,
Величие щедростью множить своей.
Фарр, Разум и Вера, и Счастье при нем
Пребудут — пребудет достойным царем.
Достоинств таких не найдешь у него —
Не узришь во славе владыку сего».
Речь после о щедрых, о мелочных шла,
Вершителей блага, служителей зла.
Владыка ответствовал: «Алчность, Нужда -
Два дива, природа их зла и горда.
Ища превосходства любою ценой,
Сроднишься ты с дивом натурою злой.
Богач, если скаредным быть предпочтет,
Страданье из полной казны извлечет,
Сравняется с дивом нужды скопидом,
Различья меж ними не будет ни в чем.
И смертью презренья ему не избыть,
И радостей рая ему не вкусить».
«Скажи о речах, ибо слышим подчас
Такую, что впору оплакать тотчас.
Другая — что слава, венец и казна,

Та — горечи, сладости эта полна».
«Так знающий,— царь отвечает,— сказал,
Когда о достоинствах слов рассуждал:
Во-первых, полезное слово мужей,
Чей голос приятен, не ранит ушей.
Второй соразмерную речь назовем,
В ней зоркого сердцем, умом признаем.
Он молвит, что должно, не боле того,
И мир сей добром поминает его.
А третье — что вовремя сказано, в срок —
Прижизненной славы и чести залог.
Четвертое знающих тешит сердца —
То слово сказителя, славы певца.
Слагает ли сказы о нынешних днях
Иль древних — он отклик находит в сердцах.
А пятая — речь вдохновенная та,
Где голос, где слово —сама красота.
Созвучием слух восхищает она,
И сердце, и дух насыщает она».
Так молвит: «В науках твой ум изощрен,
И знаньем высоким твой дух озарен,
И все ж вопрошаешь, вникаешь в ответ.
Познанье имеет конец или нет?»
Ответил: «Внимая познаньям чужим,
Платил и душою и разумом им.
Познаньем живи, оградись от грехов,
Ведь знанье престолов ценней и венцов».
«Средь самых ученых я не находил
Таких, кто б доволен ученостью был.
Кто скажет, что он научился всему,
Что незачем знающих слушать ему?»
«Кто будет, о мудрый, богатствами сыт?
Не тот ли,— так молвит,— кто в землю зарыт?
Жемчужина знанья славнее богатств,
Для знающих знанье ценнее богатств.
Лишь слово нам памятью может служить,
С какими богатствами знанье сравнить!»
«Сумеет ли склонный к познанью старик
Стать знающим?» — слышит владыка владык.
«Мудрец престарелый,— ответ был такой,—
От знания помолодеет душой.
Его предпочти молодому глупцу,
Ведь глупый при жизни сродни мертвецу».
Сказал шаханшаху: «О судьбах царей
Не раз говорил ты в собранье мужей.
А ныне, когда вспоминаешь о них,
Все чаще от сердца вздыхаешь о них».

«Ни в мысли, ни в сердце,— сказал,— не имел
Обычая славить печальный удел —
Мечом справедливым прославить страну,
И вдруг обездолить, оставить страну».
«Свои рассужденья,— так молвит,— о шах,
Высказывал прежде при знатных мужах.
Не слышим теперь рассуждений твоих,
Ни слова о нынешних днях, о былых».
«Теперь,— отвечал,— не речами ищу,
Помощников ныне делами ищу».
«Молитвою день свой встречая в былом,
Столь долго ты не был простерт пред огнем.
Умножились благодаренья твои,
Усерднее плач и моленья твои».
«Молящихся,— так отвечал Нушинрван,—
Из праха подъемлет пречистый Йездан,
Небес благосклонность стяжают они,
В слугу целый мир обращают они.
Рабы, что не знают молитве цены,
Не будут от горестей ограждены».
«Ты чаще, с тех пор, как венец возложил,
За что благодарность Творцу возносил?
Что радует больше царя, отчего
Терзаются недруги трона сего?»
«Творцу благодарность,— сказал,— возношу
За то, что я лучшей судьбы не прошу.
Никто превосходства не знал надо мной,
Забыли при мне о дороге дурной.
Враги забывали отвагу свою,
Увидев мой жезл и дружину мою».
«Ты был быстрорук,— продолжает,— и смел,
Когда на востоке сраженья имел.
Когда же на западе стал воевать,
Терпенье, медлительность стал проявлять».
«Кто молод — беспечней,— так царь отвечал,—
Ведь мук и терзания духа не знал.
Шестого десятка достигшим под стать
Совета у благоразумья искать.
Хваленье Творцу, провиденью хвала,
В чьей воле здесь все — от благого до зла.
Что доблестью в молодости обладал,
Уроки из блага и зла извлекал,
Что в старости знанье мое под рукой
И опыт, и царская щедрость с казной;
Что мудростью нашей держава стоит,
Что свод круговратный — наш панцирь и щит».
«О явном и тайном, пространно притом,—

Сказал,— говорили владыки в былом.
Слов меньше, напротив, в реченьях твоих,
А скрытого больше нам видится в них».
«Царь каждый,— ответу внимал доброхот,—
Что верой в создателя мира живет,
Отчаянье гнал и надежду хранил —
Мир в воле того, кто его сотворил».
«О радостный сердцем, я вижу, сейчас
Все чаще в раздумья сидишь погрузясь».
«Невольный и вольный,— ответствовал,— страх
У благоразумных бывает в сердцах».
«Былые цари пировали себе,
Забот и борьбы не желали себе».
«У чаши в плену находились они,
К величью венца не стремились они.
Мне слава дороже застолья была,
Душа моя времени духом жила».
Так молвит: «Любой, кто страной управлял,
Заботливо тело свое охранял
Бальзамом и зельем, трудами врачей,
Слезы чистотой дорожа и очей».
«Для всех,— отвечает,— то время, тот срок,
Означенный небом как жизни залог,
Пребудет. Не надо лекарств никаких!
Судьба охраняет от гибели их.
Когда же дорога судьбы свершена,
Свой ход не замедлят для них времена».
«Так молимся много,— промолвил мобед,—
Хвалу за хвалою возносим чуть свет,
Но радостным мы не видали царя,
И дух твой, как видно, в тревоге не зря».
«Нет, нету тревоги,— сказал властелин,—
И сердцем твой царь с небесами един.
Заботят нас те, что хвалу воздают —
Не нас ли страшась, на молитву встают?
Не должно хваленью быть большим, чем есть,
Не мыслю в мучения подданных ввесть» *.
«Чем радуют дети, о славный, ответь,
Что значит стремленье потомство иметь?»
«Кто чадам,— так сказано было царем,—
Сей мир оставляет — останется в нем.
Коль чадо имеешь — отраду найдешь,
Отрадою грех от себя отведешь.
В час смертный страдание меньше томит,
Когда в изголовиях чадо сидит».
«Вкушает покой процветания кто?
Жалеет о добром деянии кто?»

«Муж, чтущий Йездана,— сказал,— никогда
Не рвет своевольно судьбы повода.
Стяжания чуждые в мире живут,
А жаждущих большего страхи гнетут.
А то́, что о добрых деяньях сказал
О том, кто в убыток добром торговал —
Знай, сам на презренье себя осудил
Кто неблагодарному благотворил».
«Ушедший,— так молвит,— на злое был скор,
Сей мир его имя из записей стер;
И делавший доброе саван надел,
Дыханью его был положен предел.
К чему добродетель, скажи, восхвалять,
Коль скоро и добрым, и злым умирать!»
«Деяние доброе,— молвит Кесра,—
Находит добро на базаре добра.
Кто множил добро, не умрет, опочив,
Пребудет он, душу Йездану вручив.
И тот не умрет, пребывавший во зле —
Хула остается о нем на земле».
«Нет злейшего зла,— молвит мудрый,— чем смерть.
Коль так — утешение надо иметь».
Сей темный когда покидаешь ты прах,
То в светлых приют обретаешь краях.
Живущие в страхе, в печалях одних
Лишь слез и презренья достойны твоих.
Будь шахом иль нищим — преставишься ты,
От страха, печали избавишься ты».
«Из двух этих что,— вопрошает,— вредней
Для счастья, для сердца и духа людей?»
«Считай даже глыбы и камни в горах
Скопленьем печали,— сказал шаханшах. —
Что знаешь ты страху печали под стать?
Страшнее печали врага не сыскать!»
Спросил он: «И нету спасенья от них?
О горе живущем в чертогах земных!»
Ответствовал: «Знание — вот тот предел,
Где знающий радостным сердце имел».
«Богаче здесь кто?» — Вопрошает мобед. —
«Кто меньше хлопочет»,— услышал ответ.
«Кто,— молвит,— имеет тот гнусный порок,
Далек от похвал и от рая далек?»
Ответил: «Бесстыдная нравом жена,
В чьей речи нескромность и грубость слышна.
Таков же невежественный из мужей,
Всю жизнь пребывает в темнице своей».
«Кто,— спрашивал,— бесчеловечней других?»

Ответствовал: «Тот, кто беспечней других.
Греховное тело Йездану несет
И сердце, злодействам не знавшее счет».
«Кто,— молвит,— живет, только правду верша,
Чье сердце и разум чисты, и душа?»
«Кто действий нечестных,— ответствует шах,—
Вовек ни в каких не предпримет делах».
«Кто благ,— вопросил,— в этом сонме людском,
Кого человеков назвал бы венцом?»
«Таков терпеливый,— сказал,— человек,
Который лукавства гнушается ввек,
Сей муж не таков, чтобы лживым под стать,
Ничем не побрезгав, наживы искать.
Не ждет воздаянья, дарит, не коря,
Он сердце свое очищает, даря.
А то, что во имя Изеда творит,
О мудрой и чистой душе говорит».
«Для сердца который страшнее удел?»
Ответил: «Мученья от собственных дел».
Спросил: «Из даров наилучший какой,
Дарящих венчающий славой благой?»
«Достойный награды,— ответствовал он,—
Не будет сверх меры тобой награжден».
«О мире скажи, о дорогах, делах —
Какими их мыслит и зрит шаханшах?
Мы видим, обычаи мира сложны,
Как знать нам — где добрый, какие вредны?»
«Сей мир, этот древний вертящийся свод,
Ответов, решений своих не дает.
Величье, богатство всего бытия
Не с Тем ли, кто судьям любым судия!
Вред, пользу не связывай с миром земным,
И мир не считай ты ни добрым, ни злым.
Знай, все от Того, кому нету четы,
В деяньях — начальной, конечной черты.
Кто скажет лишь: Будь! — и свершится сие,
Кто есть и пребудет, кто Сам — бытие».
«Кто страждет,— спросил,— коль недуги придут?
Ведь временный душам телесный приют!»
«Сия скорлупа,— отвечает Кесра,—
Страдает, пока не лишилась ядра.
Уходит душа и сознанье вослед,
Тела без души — все равно что их нет».
Мобед, помянув воздержанье, спросил:
«Кто Алчности, Нуждам дорогу закрыл?»
Ответствовал: «Алчность, а с нею Нужда
Да не подчиняют тебя никогда.

Быть алчным — что вечно страдающим быть —
Богатствами алчности не утолить».
О прежних владыках спросил у него:
«Чей разум, чью мудрость и веру кого
Ты чтишь, о владыка, кому исполать
Живущие не устают воздавать?»
«Тому падишаху,— Кесра возгласил,—
Кто благочестивым поистине был,
Кто был Вседержителю верен всегда,
Подвластного не притеснял никогда.
Надежду умноживший в чистых сердцах,
А в душах злодеев — терзанья и страх,
Казны не жалел для дружин боевых,
Обрушивал гнев на коварных и злых.
Совет с мудрецами, как должно, держал,
От недругов тайны свои укрывал».
Так спрашивал: «Дело служения — в чем?
К благому Йездану стремление в ком?»
«Темна сокровеннейших тайн глубина,
Тут мысль тоньше волоса,— молвит,— нужна.
Кто знает, что Сущий един, для того
Важнее, сказал бы ты, нет ничего.
За благодеяния благодарит,
С надеждой и страхом Всевышнего чтит.
Недоброму следуешь — кары страшись,
Творящий добро — на Творца положись.
Коль добросердечен и правдой ведом,
Почтение вызовешь в сердце любом.
Порочных, что злые деянья творят,
Дорога ведет в неминуемый ад.
Беспечен и самоуверен не будь,
Ведь в тайны судьбы не дано заглянуть.
Спеши потрудиться для веры,— иных
Не сыщешь важней средь забот временных.
Наставником сердца свой разум избрав,
Будь зорок — коварен сей мир и лукав!
В бореньях в стремлении к славе своей
Не следуй обычаю грешных людей.
Заботы о мире ином отлагать
Для мира сего мудрецам не под стать.
С разумными, мудрыми ввек пребывай,
К веселию вечному дух устремляй.
Ведь радости этого мира прейдут
И здравые радостью их не сочтут.
Пусть мудрость влечет неустанно тебя,
Пусть разум направит к Йездану тебя.
В речах сохраняй соразмерности дар,

Ведь ты здесь впервые, а мир этот стар.
Да не опьянят тебя бренные дни,
Да не восседаешь с дурными людьми.
Гони о несбыточном помысл пустой,
Достойных прощенья — даров удостой.
Для друга, о друг, ничего не жалей,
Ни ока, ни сердца, ни жизни своей.
Где счеты ведут меж собою друзья,
Посреднику там появляться нельзя.
Случись рядом с недругом вместе пребыть,
Не дай ему случая зло причинить.
Кто дружбы с тобой пожелает искать,
Достоинство должен и скромность являть.
Величие не преумножат слова,
Коль муж справедлив — избежит хвастовства.
Пред знатным не станет себя умалять,
А низших незнатностью уничижать.
Когда зложелатель в ход пустит язык,
Твой гнев в этот миг да прикусит язык.
Но если он слабостью это сочтет
И должную меру в словах перейдет —
Ты сдержанно, твердо ему отвечай,
Смиренье приветною речью встречай.
И ежели вызовешь в дерзостном стыд —
Раскаянье сердце его посетит.
Вкушая безделье — разгульным не стань,
Бездельники платят печальную дань.
Усердие в каждое дело влагай,
За помощью к знанью всегда прибегай.
Не следует браться за дело совсем,
В котором раскаяться мог бы затем.
Людей, удрученных печалью, щади,
Их раны неловкостью не береди.
Коль сердце терпеньем мудрец укрепит,
Владыкой вселенной не будет забыт.
Кто доблестям цену узнает своим,
По силам дела выбирает своим.
Пусть друг восхваляет уменье твое,
Хвалой возвышает именье твое.
Вовек да не станешь Изеду пенять,
Хотя бы случилось здесь все потерять.
Как прежде, обычай служенья храни
И правду, соблазн заблужденья гони.
Таков и совет, и единственный путь:
Йездана служителем истинным будь.
Коль будешь хранить справедливость, о шах,
Ты добрую память оставишь в веках.

Вот так Нуширвана давно естество
Во прахе, но молодо имя его.
В деяниях праведен был, посему
Звучит его имя по миру сему.
И мудрые будут, сколь миру стоять,
Душе его благословения слать.

[*Нушинраван пишет письмо сыну кейсера и получает ответ*] *

Из книги, что в давние лета велась,
Узнал этот мудрых и праведных сказ.
Известья в пределы цветущей земли
Кесре-миродержцу из Рума пришли:
Да здравствовать шаху, кейсер, мол, ушел,
Другому оставил и мир и престол.
Тут помысл о смерти Кесрой завладел,
Ланит его лал, словно лист, пожелтел.
Из славных, умело ведущих дела
Азадов избрал венценосный посла.
Шлет к сыну правителя, к ветви его
Зеленой, сулящей плодов торжество.
Слова утешения прежде сказал:
Никто, мол, подобного не избежал...
Дал волю сочувствия, скорби словам,
И слезы бежали по желтым щекам.
«Пусть долгие лета Йездан ниспошлет
И благо душе, и могущества плод.
Живое родится для смерти одной,
Мы — путники, мир — что приют временной.
Венец ли мы носим, шелом ли надет —
От смерти когтистой спасения нет.
Кейсер и хакан, коли сроки придут,
С престола величья во прах перейдут.
Да будет отец доброхотом твоим *,
Мессия да станет оплотом твоим.
Нам ведомо, что на кейсеров престол
Взошел ты, украсил судьбы его ствол.
Проси, коли надо державе твоей,
Коней и оружья, казны и мужей.
Посланец послание царское взял,
К кейсеру дорогою спешной помчал.
Как прибыл, дорогу открыли пред ним,
Предстал перед троном с посланьем своим.
Когда же кейсер на унван поглядел,
Стал гневен — Кесра за живое задел.
Был молод, недавно властителем стал,
Посланнику царской руки не подал,

С послом говорил, лишь бы чин соблюсти,
Тяжелый свой взор норовя отвести.
От трона вдали усадить повелел,
Словам падишаха внимать не хотел.
Семь дней собирался кейсера совет,
Семь дней обсуждали румийцы ответ.
Совет возглавлявшему молвил кейсер:
«Создай для ответов достойный пример.
Ты знаешь, как должно. Сам дело реши.
О добром, недобром ли — прямо пиши».
«От воли владыки,— ответствовал так,—
Я — подданный — не отступлю ни на шаг».
В согласье епископ, советник, мобед,
К единому мненью приходит совет.
Управились быстро, составив таким,
Как велено было кейсером самим.
«Достойна ль венчанных такая строка?
В ней видится зла, своенравья рука.
Пусть — молод, пусть — внове кейсера права,
Но он по рожденью над марзом* глава.
Прав юного год только не задевай,
Унваном и данью его не смущай».
Послания знатным мужам разослал,
В них голос царей горделивый звучал.
Послания гордым унваном цвели
Властителя марза, владыки земли.
Посла, мол направил сюда шаханшах
Узнать об устройстве румийском, делах.
Желает невзгоды и радости знать,
От нас-де не след ничего укрывать.
Кейсера не стало, венец обновлен,
Пред славой ничьей не унизится он.
Цари-покровители нам ни к чему,
Нет нужды кейсеру и царству сему.
Составив румийский ответ, наконец
Иранца призвали в кейсеров дворец.
Узнал, что Совет завершился, посол,
Муж опытный, речь об ответе повел.
Халат ждал посла не по чести его.
И, лишних с айвана услав своего,
Так молвит кейсер: «Я не раб, не слуга,
Как Чину, Хайталу, нам честь дорога.
Владык унижать недостойно, пусть шах
Ирана весь мир этот держит в руках.
Враги только множат властителя честь.
Врагов и друзей наших не перечесть.
Величия в нас не желаешь признать.

Ты солнце за тучи мечтаешь загнать!
Случится война — предводителем будь,
И памятью мне о родителе будь.
Слова мои шаху как друг сообщи
Дурного в ответе моем не ищи».
Посланца в кейсеров халат облекли
И тотчас коня для него подвели.
Посол, не промедлив, пускается в путь,
В дороге себе не давал отдохнуть.
Тотчас о прибытье своем сообщил,
Что видел, что слышал, царю изложил.
Сказал, огорченный от этих речей:
«Вот плод твоих тяжких, о славный, путей!..
Мы знаем, кто страсти потворствует, тот,
Забывший о долге, возмездье пожнет.
Он путает друга с заклятым врагом,
Все тайное сердца увидишь в таком.
Ну что ж, если мы не друзья для него —
И нам полагаться нельзя на него.
Йездан мне свидетель, луна в небесах
И Азергошасп, и престол, и кулах —
Никто из румийского рода сего
Не будет сиять близ венца моего.
Он троном кейсеров кичится и сам
Себя причисляет к великим царям.
Не зваться Кобадова рода царем,
Вовеки меня да не вспомнят добром,
Коль прозвище Руму «злосчастный» не дам,
Огонь не промчится по их городам!
Принудим румийцев добро собирать
И вместе с казной родовою отдать.
Мы в ножны укладывать меч не должны,
Покуда полушку желанья должны».
И вот пред вратами карнаи трубят,
Литавры и хиндские гонки гремят.
Войны барабан укреплен на слоне,
Сказал бы ты, двинулся Нил по стране
От стен Мадаина потоком сплошным,
Зеленое море * застыло над ним.
От гонгов, знамен и от труб боевых,
От множества всадников в кафшах златых
Там звезды, сказал бы, дробила волна,
А свод круговратный в объятиях сна.

[*Кесра ведет войско на Рум и берет в долг у купцов*]

Доносят кейсеру, что начат поход,
Что гневный владыка с дружиной идет
К Халабу, что минул он Амморие * —
Растерянность, смуты, смятенье в стране.
Бойцов тридцать тысяч владыки земли
Халаб осадили, на приступ пошли.
Со всех четырех наступают сторон,
И скорой победою бой завершен.
Ворота глухие крушит манджаник,
Разгромленный, в страхе бежит джаселик.
Они в Сакейлане укрылись, и вот
За вылазкой вылазку крепость ведет.
В кровавое море Халаб превращен,
И войско Батруна сдается в полон.
Без счета погибло тогда от мечей,
И много в полон угодило мужей.
В четырнадцать дней тридцать тысяч собрав
Румийцев, пригнали к владыке держав.
Ров вырыт вкруг войска иранского был,
Царь воду в него на рассвете пустил.
Тем рвом огражден победителей стан,
И войску покой, и правителю дан.
Призвал сипехдар казначеев дружин,
Дела своих войск обсуждал властелин:
«Теченье войны затянулось для нас,
За ров выходить мы не можем сейчас.
Снабжения нету, не стало казны,
Шеломы, кольчуги и кони нужны».
В казну войсковую, задумчив и хмур,
Идет казначей и дабир, и дастур.
Сравнили наличье и воинов счет —
Нехватка в дирхемах до тысяч трехсот.
Взволнованный, к шаху примчался мобед,
Поведал о скудном остатке монет.
Нахмурился, вести такой огорчась,
Владыка, призвал Бузурджмехра тотчас.
Так молвит: «Коль пусто в царевой казне,
И царское имя теряет в цене.
От нас к караванщику прямо иди,
Возьми дромадеров * и в путь снаряди.
Сто грузов ты в Мазандаране возьмешь
И сотню, не меньше, с динарами нош».
«О шах справедливый,— сказал Бузурджмехр,—
Решений и помыслов добрых пример!

Путь долог к динарам. Иранская рать
Без денег, в безделии будет стоять!
У здешних торговцев для нашей войны
И сотой бы доли достало казны.
Здесь много купцов и дихкан при деньгах,
Едва ли обидит их просьбою шах».
Тот довод владыку владык убедил,
Ведь знающий здраво о деле судил.
Нашел Бузурджмехр и посланца потом
Разумного, светлого сердцем, лицом.
Напутствовал так: «Одвуконь выезжай
И скорой удачи себе пожелай.
Сыщи из дихкан иль купцов одного.
Разведав об имени добром его,
Дирхемы проси для иранцев ссудить:
Мол, царь не замедлит добро возвратить».
Сей муж, что имел красноречия дар,
Был летами молод, а знанием — стар,
Ума, обращенья был тонкого он.
Ближайший из шахров * был оповещен:
Дирхемы, мол, просит ссудить властелин.
Пришли богачи, среди них был один
Башмачник, что кафшами век торговал.
С вниманьем он речи иранца внимал.
«А много ли надо дирхемов?»— речет.
Назвал ему витязь достаточный счет:
«О мудрый купец, о владелец казны!
Сто тысяч на сорок в дирхемах нужны».
Сапожник так молвит: «Сполна одолжу,
Свою благодарность к казне приложу».
Он гири, весы и дирхемы берет,
Калям между тем не пускается в ход.
Работа купца к завершенью пришла,
Забота гонца к разрешенью пришла.
«О ясный лицом!— так сказал.— Не взыщи,
К моей Бузурджмехра нужде приобщи.
Скажи, у купца одолжившего есть
Сын юный — купца и богатство, и честь.
Быть может, доложит — что стоит царю
И сердце утешить, и душу мою —
Позволит к наставникам сына отдать.
Есть деньги, и разума не занимать».
Муж славный ответил: «Не в труд это мне,
Ведь ты сократил нам дорогу к казне».
И вскоре благой Бузурджмехр, говоря
С владыкой, увидел улыбку царя.
Сказал повелитель: «Йездану хвала!

Угодны молитвы мои и дела,
Коль есть в моем царстве сапожник простой,
Отмеченный столь благодатной судьбой.
Немалой, как видно, казной наделен,
Ему да не будет ущерб причинен!
Подумай, как лучше купца наградить,
Чтоб должную честь и обычай явить.
Наш долг возвращая, сто тысяч прибавь,
В нем добрую память об этом оставь.
Не будет забот никаких у бойцов,
Желать остается победных венцов.
Не след справедливость царю забывать,
Забудет — удачи ему не видать».
Сказал Бузурджмехр властелину: «О шах
С благою судьбой, справедливый в делах!
Башмачник сказал о желанье одном,
Коль шах дозволяет поведать о нем.
Прибывший с казною мне так сообщил:
Купец доложить о себе попросил.
Сын, дескать, взрастает, отец посему
Наставника доброго ищет ему.
Он помощи просит царя самого —
Дабиром хотел бы увидеть его.
Молился б о царской душе без конца,
Да вечным пребудет достойный венца!»
«О мудрый! — Владыка владык возгласил.—
Знать, див твои очи средь ночи затмил.
Гоните обратно верблюдов своих,
Верните, нет нужды в дирхемах таких.
Коль станет дабиром башмачника сын,
В познаниях должных достигнув вершин;
А вскоре наш сын унаследует мир,
И надобен будет владыке дабир,—
Башмачника знаниям будет внимать?
И слух свой, и взоры к нему обращать?
А мудрому знатному этой земли
Вздыхать да печалиться только вдали?
Мужам в униженье безродный придет,
Ответ изречет и в почет попадет?
Немало проклятий по смерти пожнем,
Коль ныне обычай подобный введем.
Из этой казны не пристало платить!
Казну и труды поспеши позабыть.
Верблюдов назад, как сказал, отправляй,
И впредь у башмачников не занимай».
Дирхемы, что вскоре назад привезли,
Башмачнику на́ сердце камнем легли.

[*Послы кейсера приходят к Нушинравану с покаянием и нисаром*]

Ночь пала. От слов шаханшаха скорбит
Душой Бузурджмехр. Колоколец звучит
Пред ставкой царя. Отбывает дозор,
Вкруг войска всю ночь объезжает дозор.
В созвездии Рыбы венец заблистал
И светлый покров по земле разостлал.
Дозорный вернулся от берега рва,
Внимает ему горделивый глава:
«Посольство румийцев явилось, о шах,
Раскаянья слово у них на устах».
А вот и посольство румийцев бежит,
Венчанного имя и слава звучит.
Когда на Кесру-венценосца взглянул,
Всем сердцем, сказал бы, румиец вздохнул.
«Вот,— думает он,— тебе царь из царей
В величии, славе бойцов и вождей».
И сорок румийских философов тут,
Их сердце раскаянье, страхи гнетут.
Три тысячи каждый динаров принес,
Пред троном нисар рассыпают из слез.
Узрев посветлевшим владыку земли,
Змеей извиваясь, к ногам подползли.
Посольство румийское царь обласкал,
И место, обычай блюдя, указал.
Вот речь начинает посольства глава:
«О шах, для кейсера младого нова
Жизнь царская. Рано утратил отца,
Что́ знает о бремени власти, венца!
Мы все — твои данники, до одного,
Мы все покровительства ждем твоего.
Что Рум, что пределы Ирана царю,
Зачем разделять эти страны царю!
И Чина хакан, края хиндского шах —
Тобой обрели и престол, и кулах.
Свет разума — ты, помощь скорая — ты,
Всегда был кейсеру опорою ты.
За то, что в горячности высказал он,
Что отрок наставника, знанья лишен —
Не даст миродержец враждебности ход,
Ведь любит благого лажвардовый свод.
Всю дань вам, как прежде, вручаем, о шах,
Былой договор возрождаем, о шах».
Умолк. Улыбнулся владыка словам
Румийца и так отвечает мужам:

«Будь отрок и славен, в речах его все ж
Едва ли ты разум великий найдешь.
Кейсер и Батрун неразумный при нем
В полон были взяты одним языком.
Царю Искендеру служившие, те
Величье стяжали во всей полноте.
Кто волею нашею пренебрежет,
Не явит обычаев должный черед,
И землю свезу у него из страны,
Ни войск не жалея, ни царской казны».
Все прах лобызают, поклоны кладут,
Как делает льстивый, угодливый люд:
«О царь, побеждающий духом высок,
За прошлое наше да сдержишь упрек.
Мы все пред деяньями царскими — прах,
Мы стражи казны твоей, о шаханшах.
Коль царь будет нами доволен, все мы
Избегнем невзгод и злосчастия тьмы.
Труды, что владыка понес и несет,
За малые в Руме никто не сочтет.
И десять с динарами бычьих мешков
Рум выслать в казну властелина готов.
Довольно иль мало — владыки указ,
И скромную дань не отвергни сейчас».
«Делами казны всей,— ответ был такой,—
Дастур занимается опытный мой».
Румийцы все вместе к мобеду идут,
Судьбу упрекают и беды клянут.
Их долгой беседа с мобедом была,
Открыли кейсеровы тайны, дела,
Сказали ему про динары, мешки—
Дела, мол, от блага пока далеки.
«Коль золото будет,— ответствовал тот,—
Умножьте парчой златотканою счет.
Парчи златотканой пусть тысячу мер
К отъезду владыки готовит кейсер.
Да будут дары под рукой у царя —
Живет он, и высших и низших даря».
С мобедом на том согласились они,
Смиренно ему поклонились они.
Срок некий не двигался с места того.
Как сам отдохнул и дружина его,
Средь знающих мужа такого избрал,
Который считал и писал, и счищал.
Дал войско, мол, дань от румийцев возьмешь
И в град укрепленный ее отвезешь.
А сам к Тайсафуну пошел властелин,

Украсив величием сердце дружин.
Все блещет и золотом и серебром —
Конь — сбруей, а всадник — златым кушаком.
От множества шелковых славных знамен,
Сказал бы, и воздух там в шелк превращен.
Вся степь, ты сказал бы, из золота сплошь,
Плеядами перл кушаков назовешь.
И вот уже град перед ними встает,
Выходит почетная рать из ворот.
Шли пешими, взоры к владыке венца,
Их пояс затянут и настежь сердца.
И всяк, совершавший румийский поход,
К дворцу венценосного спешась идет.
Хваленья возносятся пышной чредой
Тому шаханшаху с победной судьбой.
Мобеды и знатные подданным в дар
Из яхонта, жемчуга сыпят нисар.
Длань царскую, сев на сверкающий трон,
Протягивал каждому знатному он.
Прием завершает. Расходится знать.
Их славу теперь и молве не догнать...
Три первые дня мухаррам * проводил,
Когда о башмачнике сказ завершил.

[*Нушинраван объявляет наследником своего сына Хормозда*]

Так знающий, опытный, мудрый дихкан
О судьбах, о времени начал дастан *:
Сегодня — взлетают, вниз — завтра летят,
То радость объемлет, то страхом объят.
Ждет темное ложе последнее всех,
Для тех — на вершине, а в яме — для тех.
Ни знака, увы, не приходит назад —
Разбужены, радостны или же спят?
Здесь в мире и тот, кто голодным сидел,
Уйти не спешил за последний предел.
Сто лет пребываешь ли, двадцать ли пять,
При мысли о смерти — одно испытать.
Ни в том, кто счастливым себя величал,
Ни в том, кто злосчастье свое проклинал,
Желания смерти не встретил. В живых —
И в сонме беспутных, и в сонме благих,
В поклонниках веры и в тех, кто кладет
Поклоны кумирам,— страх смерти живет.
Когда шесть десятков, о старец, промчат,
Вина и услад улетит аромат.
Но смертью дохнет тебе — чаша вина,

Как в Дэе * рубашка из шерсти, нужна.
И телом в грехах охладел и остыл,
И духом к небесному путь позабыл.
Те умерли, эти далеко друзья,
В степи, в одиночестве — чаша да я.
Коль дело свое не рассмотришь вперед,
В конце неизбежно расплата придет.
Не радуйся, ежели зло совершил,
Наплачешься, если обидчиком был.
Конец наступает любому пути,
Тебе поневоле придется уйти.
Пока пребываешь — добро умножай,
По смерти сторицей пожнешь урожай.
Какие слова и деянья живых,
Такой и останется память о них.
Владыку времен продолжаю просить
Мне с радостным сердцем остаток пребыть.
Чтоб я средь дастанов, средь множества слов
Забытых, состарившихся от годов,
От первых времен до Йездгердовых дней
Собрал бы достойные в книге моей;
Сорняк отделил и, устроив цветник,
Украсил по-новому книгу владык.
Затем, чтоб душа не терзалась потом,
Покину когда этот временный дом...
Что ж скажет тот разумом светлый дихкан
О помыслах, что воплощал Нуширван?
Как семьдесят стало четыре Кесре,
Стал думать о смерти, о новом царе.
Искал кедходу для державы своей,
Избравшего правду для славы своей,
Вникавшего в нужды страны, бедноты,
И духом далекого от суеты.
Шесть благорожденных имел сыновей,
Мужей благородных, отважных мужей.
И каждый из них рассудительным был,
Был знающим, мудрым и бдительным был.
Особо средь юношей старший блистал,
Хормозд благородный. Он равных не знал
В среде горделивых, открытых лицом.
Азады нашли покровителя в нем.
Кесра соглядатаям неким своим
Велел повести наблюденье за ним.
И ночью, и днем с него глаз не сводить,
Ни слова Хормоздова не упустить.
О добром, недобром, что сделает он,
Да будет владыка владык извещен.

Тогда Бузурджмехр от владыки сего
Услышал о помыслах тайных его:
«Давно я за семьдесят перевалил
И мускус волос камфарой заменил.
Когда я из бренных чертогов уйду,
Хотел бы оставить стране кедходу,
Что милостью стал бы для всех бедняков,
Пришельцев надеждою и земляков.
Дарил бы, казну без пристрастья берег
И не уповал бы на бренный чертог.
Йездану хвала — сыновьями стократ,
Их мудростью, верой в Йедзана богат.
И самый любимый — Хормозд, по уму,
В познаньях не сыщется равных ему.
Что щедрость, что мудрость, что правда в благом,
И в сердце не видел ущерба, в любом
Деянии сыщет благие пути.
Ему на престол подобает взойти.
Ты должен мобедов и радов призвать,
Хранителей знания надо призвать.
Вопросами, не упустив ничего,
Во всем испытайте искусство его.

[*Вопросы мобедов и ответы Хормозда*]

Мобеды сошлись во дворце у царя,
И, ход испытания обговоря,
Хормозда призвали. Муж доблестный сей
Воссел, как пристало, средь знатных мужей.
Слова Бузурджмехра в собранье звучат:
«О благорожденный, счастливый стократ!
Чём разум стал чище, светлее душа,
И плоть свою пользу при этом нашла?»
«Лишь знание, лучшего в мире не знал,
Ведь знающий — высший из высших.— Сказал.—
Им муж обретает защиту от зла,
Нет крепче для рук Ахримана узла.
С ним щедрость, терпение чтят искони,
Мужей украшенье и слава они».
«В чем видишь, скажи, плодотворное ты,
И чем достигают благой высоты?»
Ответил: «Всегда снисходительным быть,
Стремясь милосердью дорогу открыть.
Стараться, чтоб сердце не ранить другим
Ни малой обидой, ни горем большим.
И третье — когда справедливость хранят,
Себе справедливостью благо дарят».
Взглянул Бузурджмехр при ответе таком

На чистого сердцем, с прекрасным лицом
И молвил: «Теперь же, вопросам внимай,
На пальцах при этом их счет отмечай.
Запомни, как должно, вопросы мои,
В ответах своих справедливость храни,
Вопросов чреду оставляя, как есть,
На помощь зови справедливость и честь.
Когда подтвердят твою память уста —
Небес для тебя, знай, открыты врата.
И буду я краток в вопросах своих,
Ответствуй подробно на каждый из них.
В Творце да обрящешь мобеда себе,
Светильник свой — в разуме, друга — в судьбе.
Спрошу все, что знаю, о правде самой,
А ты мне свое пониманье открой.
Ведь мудрого видим в ответных речах,
И страсть, и желанья он держит в руках.
Ответ — словно ключ, если слово — замок,
Хорош или плох ты — ответ твой изрек...
Из богатырей, сыновей дорогих
Который милее родителю их?
Достоин сочувствия кто, и кого
Страданья оплачут от сердца всего?
Кто кается в добрых деяньях былых,
А сердце — свидетель раскаянья в них?
Кому порицанием мы воздаем,
Когда совершенное им разберем?
Когда избирается бегство, когда
Жизнь стала днем страшного, скажешь, суда?
Мы рады кому из живущих людей?
Из прошлого что вспоминаем скорей?
Какие достойны похвал времена,
В чем наша отрада, в чем польза видна?
Дороже нам кто из друзей — до того,
Что дух расцветает от гласа его?
Кто в мире друзьями всех боле богат,
Кем явно и тайно друзья дорожат?
Кто также всех больше имеет врагов
Коварных, чьи мысли исполнены ков?
Где благо нам быть и кого из людей
Зовет мародержец опорой своей?
Что в мире всего вредоносней из дел,
Виновным несущее слезы в удел?
Всего скоротечнее что из того,
Что люди лелеют превыше всего?
Кто самый жестокий злодей; со стыдом,
С любовью и жалостью кто незнаком?

Кто — речью недолжною сеющий зло,
Что сердце друзей растерзать бы могло?
Что в мире к позору ведет и беде
И словом злосчастие сеет везде?»
Доколь из-за гор не нагрянула ночь,
Пора не пришла мудрецу изнемочь.
Но время настало зажечься свечам,
И знать, как в тумане, внимает речам.
Царь выслушал,— сердце тревога гнетет,
Безмолвно ответа сыновнего ждет.
Тут с места поднялся достойный Хормозд.
Вначале хваленье царю раздалось:
«Царя да вовек не лишится престол,
Владыкой владык да гордится престол!
Того да не будет, тебя чтоб лишен
Был царский венец и обычай, и трон!
Во прахе весь мир да лежит пред тобой,
Бальзамом твоим будь сей свод голубой!
Мудрец вопрошал, я отвечу ему,
Мысль добрую двину навстречу ему.
О чадах был задан вопрос мудрецом,
Ответное слово промолвлю о том:
Для сердца отца утешение — сын,
От горьких кручин избавление — сын,
Коль полон любовью к родителю он,
Чтит правду и сердцем к добру устремлен.
Другой — о внушающем жалость вопрос,
Достойном одних воздыханий и слез.
То — славный, чье отнято счастье судьбой,
Кто стал недостойному бедным слугой,
Как слезы кровавые не проливать!
Бесчестного должен властителем звать.
И дале: кто неблагодарным творит
Добро — испытает и ужас, и стыд.
И каждый, кто благодеянье забыл,—
Ты скажешь, сам разум себе ослепил.
И дале: о месте, отколе бежать
Разумней, чем смуты огонь разжигать.
Где власть над страною злодей обретет,
Там мудрый остаться недолжным сочтет.
От шаха-злодея разумный бежит,—
Суд страшный в державе тот шах учинит!
Кто радость несет, исцеление мук?—
Спросил,— это брат иль возлюбленный друг.
Еще вопросил о благих временах.
Когда наведен на зломысленных страх,
И сгинули те,— слава тем временам!

И должно еще умножаться хвалам.
Еще вопросил: дружба верная в чем?
От верного друга мы помощи ждем.
Коль друг твой богат — да оденет тебя,
Коль беден — с ним вместе усердствуй любя.
Кто искренней, великодушней, скромней,
Тот более радует сердце друзей.
Еще вопросил: чьим нет счета врагам,
От коих терзанья и скорби сердцам?
У тех, кто злословить без меры привык,
Врагов без числа порождает язык.
Еще вопросил: что тяжеле всего,
У доброго рана в душе отчего?
Коль зло причиняет нам злого рука,
Становится жизнь, что отрава, горька.
Еще вопросил: кто свидетель благой,
Поддержанный разумом, чистой душой?
Свидетеля нет испытанья верней,
Всех слов его веское слово сильней.
Еще вопросил о вреднейшем из дел,
Виновного в коем плачевен удел.
Коль страсть воцаряется в сердце твоем,
Как ветер она исчезает потом,
Оставив раскаянья горький залог,
Не трогай желанья опасный цветок!
Еще вопросил: чьи лукавы слова?
Где, мыслил ты, ноги, глядишь — голова!
Общенье с невеждой, глупцом таково,
Он зол, неверны помышленья его.
Еще о злодее таком вопросил,
Что стыд позабыл и презренным прослыл.
Презренным зови, коль неправду творит,
Злодеем зови позабывшего стыд.
Любой, избирающий кривду и ложь,—
Злодей, как иначе его назовешь?
Чье слово — спросил — наибольшее зло
Чинить и всех горше бы ранить могло?
Кто сплетни разносит, лукав и двулик,
Того вредоносен для добрых язык.
Еще вопросил: образ речи какой
Раскаянья больше влечет за собой?
— Кто речи хвастливые любит держать,
Себя пред собраньем мужей величать,
Когда ж остается с собою одним,
Раскаяньем тайным бывает палим.
Вновь речи настанет черед для него —
Заводит он старое вновь хвастовство...

Мудрец иль невежда — всем доля одна
На сей сотворенной земле суждена.
Вопросы, ответы теперь истекли.
Да будет прославлен владыка земли!
Пусть каждый язык волю царскую чтит,
В душе его чистой пусть радость кипит!»
От сына Кесра в изумление впал,
И царственных много изрек он похвал.
В собрании — радость от этих речей,
Избавился царь от заботы своей.
И вот уж составлена грамота: мол,
Хормозда наследье — венец и престол.
Румийский картос на ветру просушив,*
Из мускуса после печать приложив,
Мобеду вручили при всех мудрецах,
При славных, высокорожденных бойцах.
О днях Нушир̣вановых я рассказал,
Победе царевича славу воздал.

[*Нушинраван пишет грамоту своему сыну Хормозду*]

Сей мир не таков, как являет себя,
Его познаешь, изнывая, скорбя.
Венцом ли владеешь иль в муках живешь,
Чертог сей неверный покинешь ты все ж...
Кто повесть о древних владыках прочел,
Кого Нуширвану подобным бы счел
Умом, правосудьем, в войне, на пирах?
А время пришло — поглотил его прах.
Муж дряхлый, ищи покаяния путь,
Веселье отринь, пированья забудь.
Наполнился кубок — мир светел и нов,
Душе твоей чужд покаяния зов.
Покайся, дух мудростью вооружив!
Тот чист в помышленьях, кто благочестив.
Немного уж весен, лет жарких и зим
Осталось — ты старостью ныне тесним.
Как плоть опочиет во прахе сыром,
Что ждет твою душу — помысли о том...
Что молвит нам старец, поведавший сказ,
Царя Нуширвана каков был наказ?
Когда завершился Хормозда ответ,
Речение новое начал мобед.
Дабир, что совет с мудрецами держал,
Такие слова на шелку написал:
«Премудрый наказ, что обрел от Нушин-
Равана Хормозд, молодой его сын».

И дале, Создателем благословясь:
«Вот сына Кобадова царский наказ.
Знай, сын мой, неверен и лжив этот свет,
Исполнен скорбей, злоключений и бед.
Лишь только довольным себя ощутил,
Дух скорбный от горестей освободил,
Глядишь — разлучиться с отрадами срок
Приходит — покинуть сей бренный чертог.
Тебе лишь вручу я во имя добра
Страну — передать уж другому пора.
Как думать я стал об уходе моем
И темною ночью и солнечным днем,—
Искал для венца головы я такой,
Венцом голове чтобы стала любой.
Шесть было дано мне сынов молодых,
Исполненных разума, щедрых, благих.
Тебя я как первенца выбрал; к тому ж
Ты — мудрый, престола достойнейший муж.
Кобад за десяток восьмой перешел,
Когда мне доверил он царский престол.
Достигнув семидесяти четырех,
Тебя я владыкой державы нарек.
Я этим лишь мира и блага искал,
Чтоб вечно блаженным мой дух пребывал.
Вселенной Творец, уповаю, с высот
Тебе благоденствие, радость пошлет.
Коль правдой народу покой принесешь,—
Покойный и радостный сон обретешь.
За правду — в раю тебе жизнь суждена,
Блажен, кто посеял добра семена!
Терпенью учи, терпелив будь и сам,
Горячность благим не пристала царям.
Царь мудрый, стремящийся к знанью душой,
Пребудет всегда почитаем страной.
Не знаться с неправдой дай в сердце зарок,
Спознаешься — счастья увянет цветок.
От гнева ты сердце и ум охраняй,
Гнев разум ведет к помрачению, знай.
Склоняйся к добру, о добре лишь радей,
Внимай наставлениям мудрых мужей.
Душа твоя да отвернется от зла,
Не то пострадать приведется от зла.
Да будет одежда чиста и еда,
Отца поучения помни всегда.
К Творцу прибегай с упованьем, коль им
Желаешь быть к истине путеводим.
Коль мир справедливостью ты озаришь —

Престол озаришь, миром край одаришь.
Творящих благие дела награждай,
Забыться благим их деяньям не дай.
Приблизив, порадуй всех чистых душой,
Но мир облеки для зломысленных тьмой.
Пред делом любым к мудрецам обратись,
Трудами державными не тяготись.
К тебе коль откроется мудрому вход,
Венец твой пребудет, престол процветет.
Не дай своим людям подвластным нигде
Томиться в лишениях, в горькой нужде.
Во граде твоем родовитая знать
Должна твою щедрость и милость познать.
Бесчестным и низким щедрот не являй
И властью жестокого не облекай.
Вручи бедняку свое сердце, о нем
Пекись, о себе как печешься самом.
Владыка с подвластными коль справедлив,—
Всем счастье дарует и сам он счастлив.
Казну пред достойными не затворяй,
Благих, добродетельных всех одаряй.
Коль враг твой с любовью к тебе подойдет,
Ты доброе семя посей в свой черед.
Коль будешь мои наставленья блюсти,
Ты сможешь венец высоко вознести.
Дарующий блага да благоволит
К тебе; всем благим будь опора и щит.
Да будут слова мои сохранены
Тобою, как будем мы разлучены.
Цвети, телом чист, сердцем весел всегда,
Тебя да минует злой глаз и беда!
Да будешь ты разумом вечно храним
И движим в деяниях благом одним.
Как время придет мне из мира уйти,—
Высокий чертог надлежит возвести
В глуши неприступной, где ястреб, и тот
Стремительных крыл развернуть не дерзнет.
И дверь, уходящая в небо главой,
Чтоб в десять арканов была вышиной.
Там должно слова про меня начертать —
Про двор мой, величье, богатства и рать.
Внесите богатый ковер за ковром,
Щедрей благовонья рассыпьте кругом.
Все тело покрыв камфарой, под конец
Из мускуса мне сотворите венец.
Парчи златотканой, нетронутых пять
Одежд из сокровищниц должно достать.

В них с ног до главы оберните меня,
По чину владык облачите меня.
Из кости слоновой престол водрузив,
Венец над престолом затем укрепив,
Сосудов расставьте ряды золотых —
Тазов и жаровен, и чаш дорогих.
Иные с голябом, шафраном, вином,
В других — камфара, амбра, мускус притом.
По левую руку стоять двадцати,
По правую — двести их должно внести.
Не ставьте ни больше, ни меньше сего,
Веления не преступив моего.
От крови утробу сперва осушив,
И мускусом, и камфарой умастив,
Закроете наглухо двери дворца,
Никто да не узрит царева лица.
Дворец лишь такой, не иной, мне под стать,
Дорогу куда никому не сыскать.
А чада с роднею любезной моей,
Кого огорчу я кончиной своей,
Два месяца пусть не пируя сидят —
Таков по кончине владыки обряд.
Разумный и праведный, сердцем горя,
Восплачет над этим посланьем царя.
Из воли Хормозда не след выходить,
Дыхание должно с той волею слить».
Над царским посланием каждый рыдал,
Он год вслед за этим в живых пребывал.
Ушел он, но память о нем в эти дни —
Сей сказ. В поученье ту память храни.
К нему коль жесток был вертящийся свод,
Напрасно ты милостей ждешь и щедрот!
Теперь Хормозд-шаха венцом награжу,
Его на кеянский престол посажу *.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ХОРМОЗДА ДЛИЛОСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ]

Вот с яблоней красной Таммуз молодой *
Смеется, играет с плодами, с листвой.
Весною расцветшую нежно ласкал,
Ее, опьяненный, в объятьях держал,
А ныне стыдливости цвет обрела,
Любви благовонье от рук пролила.
На это, скажи, чей сыскала ты спрос?
Торговле столь бойкой где место нашлось?
Взяла у кого сердолик, изумруд?

Сколь тяжки плоды — до земли тебя гнут!
Ты с розою в сделку, должно быть, вошла,
На лик свой румянец ее навела.
Стыдливости цвет тебе шею залил
И мускус сорочку твою напоил.
Тебе одеяние, знать, Моштари
Ссудил — среди жемчуга блики зари,
Фиалка — чело, грудь — топаз. На главе,
Вознесшейся выше, чем знамя Каве,
Вся радуга — пурпур, янтарь, белизна —
Уж роза в глазах моих умалена!..
Куда, о краса, о весна, ты ушла
И сада убранство куда унесла?
Мехргана дыханье в твоем ветерке,
Тебя вспомяну с полной чашей в руке,
Опять воспою, лишь оденься в багрец,
Украшу, как будто Хормозда венец,
Не гаснут еще озаренья мои.
Умру я, но узришь творенья мои...
Жил старец, правитель Герийской земли,
Прославленный, чтимый вблизи и вдали.
Знал в слове он толк и в державных делах,
Владел и богатством, и звался он Мах *.
«Что можешь поведать,— его я спросил,—
О том, как Хормозд на престол восходил?»
Сказал хорасанец: «На славный сей трон
Лишь только был царь молодой возведен,
Вначале хвалу произнес он Творцу,
Вселенной зиждителю, жизни отцу,
Потом возгласил: «Свой престол озарим
Мы славой, достойным почет воздадим.
Под нашим крылом будет край процветать,
Как в годы родителя, также блистать.
Преступников мы устрашим, а урон
Обиженным будет сполна возмещен.
Нам зло причинившему зло мы простим,
В беде на подмогу ему поспешим.
Опора величья царей — прямота,
И щедрость, и праведность, и доброта.
Всевидяще око Творца, от него
Не скрыть — будь то зло иль добро — ничего.
Отцы венценосные, чьи имена
За праведность благословляла страна,
Искали стяжать только доблесть и честь,
Щедроты и милости подданным несть,
И знать, и простых добротой привлекать,
А недругам дерзостным ужас внушать.

Дано мне владычить над множеством стран,
Дано мне могущество, разум мне дан.
Коль царь был увенчан Йезданом самим,
Гордятся мужи благородные им.
Являть милосердье — вот царский завет,
Любовью и милостью держится свет.
Мы станем во всем беднякам помогать,
Богатых сокровища оберегать.
Кто явит доверье, на нас положась,
Тот встретит признанье и милость у нас.
Любое желанье, что в сердце живет,
Не прячьте, да знает о нем доброхот.
А ежели чем кто из вас устрашен,
Защиту найдет во мне верную он.
Всех мудрых и всех благородных из вас
Престол да порадует наш в этот час.
Недаром блистаю меж славных владык —
Я милостью, щедростью, правдой велик.
Смотрите, творите добро без конца,
Корысть и вражду не впускайте в сердца.
Кто две добродетели может стяжать,
Ударов судьбины тому избежать:
Простой или знатный — коль сердцем готов
Во всем угождать властелину миров,
А также, коль мудростью обогащен,
Гнушается неблагодарностью он.
От тех не ищи воздаянья, смотри ж,
Кому помогаешь и благотворишь.
Старайся от льстивых себя оберечь,
Они лишь в лицо держат сладкую речь.
И если царя справедливы пути,
То слабым за это его не сочти.
Коль скажешь — сего не дано мне познать,
Реченья властителей должно читать.
Коль в милости чистосердечен своей
Владыка — ты смуту в державе не сей.
Советами нашими кто пренебрег,
На милость царя уповать бы не мог.
Где рад венценосец — там правда и лад,
Прогневал его — сам в беде виноват.
В руках твоих милость и кара царя,
Любовь твою примет он, благодаря.
Твори лишь добро, путь боязни отрежь,
Неправедно нажитым сердце не тешь.
Вот в мире ты к цели искомой пришел,
Богатство желанное сердцу обрел,
Но семьдесят лет увенчали чело,

И все, что скопил ты, к врагу перешло.
О бедных все помыслы, бедным помочь
Хочу, оторвать от них сердце невмочь.
О том я молю всеблагого Творца,
Дотоле дабы не послал мне конца,
Пока неимущего не насыщу,
Лишь блага для чистых сердец я ищу.
Но каждому, кто возмечтает в стране
О сане владыки, о царской казне,
Отбить поспешу я охоту к тому,
Главенства достигнуть не дам никому.
Открыто и тайно — речь только одна,
Чем начал я, тем завершится она.
Вам благословенье Творец да пошлет,
Да будет землею для вас небосвод».
Собранье от слов приуныло таких,
И каждый задумался крепко о них.
Собравших сокровища страх обуял.
Людей притесняющий затрепетал,
Зато преисполнились счастьем сердца
У бедного, честного, у мудреца.

[*Хормозд убивает Изеда Гошаспа и других отцовских приближенных*]

И крепло величье все боле его,
И все совершалось по воле его.
Но гнев обуял и ухудшился нрав,
Стал злобным, законы и веру поправ.
Отца своего приближенных, кто чтим
При нем был и радостен, и невредим,
Сгубил одного за другим без вины —
Таков стал обычай владыки страны! —
Царя Нуширвана дабиров троих,
Почтенного старца и двух молодых —
Изеда Гошаспа с Борзмехром, что был
Исполнен достоинств и знанья, и сил,
И третьего, звали кого Мах-Азер,
Являвшего мудрости, чести пример,
И каждый везпром, наставником был
Для Нушинравана — рок милость явил!
Хормозд же намеренье злое питал —
Внезапно убить всех троих замышлял.
Страх жил в его сердце — страшился того *,
Не вступят ли в заговор против него.
И первым был Изед-Гошасп обречен
Оковам, по воле царя заточен.
О том лишь услышал верховный мобед,

Лицо от известья утратило цвет.
Все мудрым и праведным знали его,
Зардхиштом * с младенчества звали его.
Дабира беда его так потрясла,
Как если бы сердце пронзила стрела.
День минул, отрезан от узника свет,
Нет пищи, одежды, наперсника нет.
Шлет весть из темницы: «О близкий со мной,
Как будто ореха ядро с кожурой!
Один я в царевой темнице. Извне
Единой души не пускают ко мне.
Страдаю, о сердцем мне преданный муж,
И голод страдания множит к тому ж.
Шли чистую пищу скорее, притом
Сшивальщика саванов шли с полотном».
Мобед лишь услышал, где друг заточен,
Был тяжко известием тем удручен.
«От уз не скорби,— посылает ответ,—
Коль скоро на жизнь посягательства нет».
О друге печалится, столь же его
Тревожит и участь его самого.
«Услышит теперь,— стал он так рассуждать,—
Злодей, от кого отошла благодать:
Мобедом в темницу, мол, послана снедь...
Гроша я за жизнь мою не дал бы впредь.
От гнева тотчас потемнеет лицом,
Погубит меня миродержец потом».
И друга Изеда Гошаспа удел
Томит его, весь, как зарир *, пожелтел.
Он повара кличет, чья ведома честь,
Велит ему яства в темницу отнесть.
И после, на быстрого севши коня,
Помчался, к Изеду Гошаспу гоня.
Тюремщик лишь только мобеда узрел,
Лица не осталось на нем, пожелтел.
Сказать — не входи — не осмелился он:
Владыки, мол, нового грозен закон.
Вот спешился плачущий горько старик,
К Изеду Гошаспу в темницу проник.
В печали глубокой друзья обнялись,
Что ливень весенний, их слезы лились.
Шла речь о злонравье владыки, доколь
Слова не иссякли, умеривши боль.
Накрыли для праведных трапезу тут,
И с бажем барсам они в руки берут.
Прошенья свои, потаенный завет
Стал узник шептать, и внимает мобед,—

Про замок и все достоянье свое,
Динары, сокровищ собранье свое...
«О славный,— затем произносит, стеня,—
Вернувшись, Хормозду скажи от меня:
Коль мыслишь отвергнуть воззванья мои,
Припомни труды и старанья мои.
Усердно отцу твоему я служил,
В объятьях своих и тебя возрастил.
Оковы — мое воздаянье за труд,
И смерть они вслед за собою несут.
Я сердце свое, что безвинно царем
Разбито, в день судный явлю пред Творцом».
Домой воротился мобед. В тот же час
Царя соглядатай, к нему устремясь,
О том, что подслушал, Хормозду донес,
И злое решение в том родилось.
Гнев пущий в нем против дабира кипит,
В темницу послал он, и старец убит.
Мобеда речениям долго внимал,
Но виду зломыслия не подавал.
А втайне стал средства любого искать,
Как смерти мобеда Зардхишта предать.
Веление повару отдал, и тот
Отраву в готовое блюдо кладет.
В обычное время явился мобед
Принесть именитому шаху привет.
И слышит он: «Ныне останься со мной,
Ведь служит нам повар не прежний, иной».
Воссел, и накрыли для трапезы стол,
И цвет уж с мобедова лика сошел.
Что смерть его в трапезе этой, постиг,
Постиг правоту подозрений своих.
Уж яства несут повара. Положил
Начало, от всех повелитель вкусил.
Мобеду особое блюдо несут.
Воззрился глава умудренных, и тут
Уверилось чистое сердце его —
Отрава сокрыта средь блюда того.
Хормозд на внесенное блюдо взглянул,
В молчании руку к нему протянул,
Как делают шахи, когда обласкать
Хотят приближенных, любовь оказать.
Протянутой царской рукою своей
Мозг лакомый вынул Хормозд из костей
И молвил мобеду: «Муж с мозгом благим!
Куском тебя добрым попотчую сим.
Открой же уста и меня ты потешь,

Впредь пищу подобную только и ешь».
Промолвил мобед: «Головою твоей
Венчанной — вовеки бы здравствовать ей! —
Тебя заклинаю: не повелевай
Есть более мне. Я насытился, знай».
Ответ был: «Тебя заклинаю луной
И солнцем, и царской души чистотой,
Решайся: из пальцев твоих, мол приму...
Желанью хребет не круши моему!»
В ответ раздаются мобеда слова:
«Исполню, коль воля царя такова».
Кусок проглотил он и, скрюченный, встал,
До дома, все силы собрав, добежал.
Сокрыл, что отравленный съеден кусок,
Одежду постлал и со стонами лег.
За противоядием тут же послал,
— В казне ли, во граде ль добудьте! — сказал.
Но был против яда бессилен бальзам.
Воззвал он о злобе царя к небесам.
А царь между тем приближенного шлет
Взглянуть, у мобеда как дело идет:
Мол, действие должное яд оказал,
Иль проку нам замысел тайный не дал?..
Посланца увидел мобед и тотчас
Горючие хлынули слезы из глаз.
Промолвил: «К Хормозду вернувшись, ему
Скажи: близок счастью закат твоему!
Как час нашей встречи настанет, с тобой
Предстану на суд пред благим Судией.
Не ведай отныне покойного сна,
Йезданова кара тебе суждена.
Прощай же, зломысленный муж! Навлекло
Беду на тебя сотворенное зло».
Посланец ушел от мобеда в слезах,
И слышит страдальца ответ шаханшах.
Раскаялся он в злодеяньи своем,
Лишь правду узрел в обличении том.
Но средства, чтоб горю помочь, не сыскал,
Лишь тяжкие вздохи, скорбя, испускал.
Мобедов мобед так был смертью сражен,
Оплакан был всеми премудрыми он.
Таков этот горестный мир, не гордись
Венцом и за полной казной не гонись!
Пора наслаждений минует. Ведет
Судьба твоим вздохам невидимый счет.

[*Хормозд убивает Симаха Борзина и Бахрама Азер-Механа*]

Мобедов глава смертью горькою взят,
И край неутешною скорбью объят,
А царь недостойный свирепствует вновь,
Беды не страшась, лить готовится кровь.
Недолго он новую жертву искал —
Бахрама Азера Механа избрал.
Призвал, как земля погрузилась во тьму,
У трона дал стать на колени ему.
Так молвил: «Коль хочешь пребыть невредим,
Меня не увидеть жестоким, крутым,
Лишь солнцу настанет пора пламенеть
И горы сверкнут, словно панциря медь,
Со знатью иранской предстань предо мной,
У трона затем в ожидании стой.
Спрошу о Симахе Борзине. Внимай
И, страх от души отогнав, отвечай.
Сей близкий твой друг — вопрошу я — каков?
Творца ль почитает, вредить ли готов?
Ответишь: зломысленный муж он и род
Поистине от Ахримана ведет...
Награды любой можешь после ты ждать:
Рабынь и престол, и венец, и печать».
Бахрам отвечает: «Исполню, приду
И зло, что велишь ты, стократ превзойду».
Симах, кому сотни достоинств даны,—
Опора отца и светильник страны.
В раздумье Бахрам погрузился: как быть,
Любовь как отбросить и дружбу забыть?
Вознесся шатер цвета кости слонов,
И Солнце покинуло знак Близнецов.
На трон костяной миродержец воссел,
Венец драгоценный над ним заблестел.
Иранская знать во дворец собралась.
И рать с двух сторон перед входом сошлась,
Завесу вознес салярбар у дверей,
Проходит к царю вереница мужей.
Сын Азер-Механа Бахрам впереди,
С Симахом Борзином другие вожди.
Воссели одни на привычных местах,
Другие остались мужи на ногах.
Царь молвит Бахраму: «Да слышат мужи:
Дождется Симах, сын Борзина, скажи,
Награды царевой иль кары и мук?
Наград недостоин, кто шаху не друг».

До слуха Бахрама лишь то донеслось,
Постиг он, к чему властелина вопрос
Был задан, что кроется в корне его:
«Лишь слезы, иного, увы, ничего
В собрании сих именитых не ждем,
Могилу без савана здесь обретем».
Ответил: «О царь, да услышат вожди:
Добра от Симаха Борзина не жди!
От козней его — разоренье, беда
Ирана. Да сгинет с земли без следа!
Все речи его преисполнены злом,
За зло свое ратует яро притом».
Как слово такое Симах услыхал,
В ответ: «Друг мой старый и добрый! — сказал.
Меня неповинного ты не вини,
Себя от содружества с дивом храни!
Какие, с тех пор, как в нас дружба жива,
Ты бесовы видел дела и слова?»
На это ответ услыхали такой:
«Посеяно семя такое тобой,
Что сам ты плоды его первым пожнешь,
От пламени черный лишь дым обретешь.
Нас, помнишь, с тобою Кесра призывал,
Колени пред троном склонить приказал.
Там был Бузурджмехр и мобеды к тому ж
С Изедом Гошаспом. Достойный был муж!..
Сей трон шаханшахский,— стал царь вопрошать,—
Кому подобает, на ком благодать?
Дать младшему, старшему ль сыну вручить?
Кто больше достоин в Иране царить?..
Все с мест поспешили подняться тотчас,
И наша ответная речь раздалась:
Сын тюрка не должен царить нипочем,
Никто его видеть не хочет царем!
Отродье хаканово, семя в нем зла,
И видом — как та, что его родила.
Ты ж молвил: Хормозд лишь достоин взойти
На трон... Воздаянье теперь обрети!
Твоим оттого я хулителем стал,
Твоим оттого обвинителем стал».
Хормозд, посрамленный той речью, поник,
Мобедовых слов справедливость постиг.
Средь ночи обоих в темницу послал,
Две ночи ни слова о них не сказал.
На третью, лишь месяц блеснул в небесах,
С Симахом Борзином расправился шах.
Его, словно вора, в темнице убил,

Проклятья и муки за то заслужил.
Лишь слух до Бахрама дошел, что с земной
Сей жизнью расстался муж, чистый душой,
Он весть посылает владыке страны:
«О ты, чей венец выше диска луны!
Ты знаешь, мне сколько пришлось приложить
Труда, чтобы тайны твои сохранить.
Во дни, как отцу твоему я служил,
Всегда твоим другом, хранителем был.
Совет тебе дам, коль меня призовешь,
Пред царским престолом мне место найдешь.
Держать меня дольше в темнице не след,
Тебе, знай, полезен мой будет совет.
На благо пойдет он Ирану, найдет
В нем мудрый защиту и верный оплот».
Лишь только та весть до Хормозда дошла,
Послал приближенного он из числа
Надежных — Бахрама к нему привести,
К чертогу цареву тому привести.
Средь ночи Бахрама владыка впустил,
Приветное слово к нему обратил,
Затем вопрошает: «Каков твой совет,
От коего жизнь озарит мою свет?»
Ответил: «Хранимый твоею казной,
Сундук мне припомнился черный, простой.
Сокрыта коробочка в том сундуке,
Записка внутри, на фарси-языке.
Шелк белый, и нечто написано там,
Что светит надеждой иранским мужам.
Отец твой изволил ее написать,
Записку тебе надлежит прочитать».
Речь выслушав эту, посланца зовет
Хормозд, и к дастуру усердному шлет:
Спеши, мол, в старинной казне отыскать
Сундук небогатый, на коем печать
И Нушинраваново имя на ней,
Чей дух да цветет до скончания дней,
Нашедши, доставить мне тут же, в ночи.
Но действуй поспешно, не долго ищи!
Сундук отыскать поспешил казначей;
Не тронув печати, владыке царей
Доставил, и тот открывает сундук,
Не раз помянувши родителя дух.
Коробку с печатью внутри увидал;
Поспешно извлекши листок, приковал
Свой взор к Нуширвана знакомой руке —
На шелковом так начертал он листке:

«Пребудет Хормозд до двенадцати лет
Владыкой, которому равного нет.
Но после наполнится смутой страна,
И станет судьба властелина мрачна.
Пойдут отовсюду враги нападать,
Безродный средь них, Ахриману под стать.
Рассеется войско, покинет его,
И недруг с престола низринет его
И выжжет Хормозду глаза супостат,
И после злодейски его умертвят».
Отцовскую грамоту лишь прочитал,
Хормозд устрашился и шелк разорвал.
С глазами в крови, с пожелтевшим лицом:
«Ты, злобою полный! — воскликнул потом,—
Чего добивался запискою той?
Замыслил меня разлучить с головой?»
«Рожденный от тюрка! — Ответ был таков,—
Доколь проливать будешь радостно кровь!
Твой предок — не царь Кей-Кобад, а хакан,
Но был ты Кесры произволом венчан».
Постиг тут Хормозд, что враждою горя,
Сам руку готов он занесть на царя.
Ответ нежеланный когда услыхал,
Бахрама в темницу он вновь отослал.
А ночью, лишь месяц взошел из-за гор,
Палаческий жизнь его отнял топор.
Не стало теперь у царя никаких
Советников мудрых, мобедов благих.
Все беды — от нрава худого. Беги
От зла, от злонравья себя береги!

[*Хормозд*
обращается на путь праведности]

Безрадостна жизнь его стала потом,
Пронзил свое сердце тоски острием.
В Истахре три месяца жил он; пока
Ночь темная, летняя ночь коротка,
К прохладному, светлому граду сему
Тянуло, его покидать ни к чему.
Затем на три месяца звал Исфаган,
Где дышится вольно, где витязей стан.
Три месяца жил он в Тисфуне зимой,
Мобед с ним, советник и воинский строй.
Весною же в степи Арванда * влекло
Владыку. Так некое время прошло.
От грамоты отчей томил его страх,
Ночами до света молился в слезах.

Кровь больше не лил и злодейств избегал,
И зла в помышленья свои не впускал.
Лажвардовый лишь удалялся шатер *,
Являлись вершины топазовых гор,
Призывы глашатая были слышны:
«Благие, что разумом одарены!
Коль вытоптан будет чей-либо посев
И пахарь впадет в огорченье и гнев,
Кто ль поле чье-либо потравит конем,
В плодовый ли сад заберется тайком —
Коню его уши и хвост обрубить,
А вора на виселицу водворить!»
Год целый кружил по державе своей,
Не скрыто ни зло, ни добро от очей.
Творил правосудие в каждом краю,
Хвалим был дихканом за правду свою.
Любимый был сын молодой у него,
Прекраснее месяца был самого.
Парвизом* венчанный отец его звал,
Хосровом всевластным порой величал.
Родителя не покидал ни на миг,
И сын без отца пребывать не привык.
Случилось однажды, что конь убежал*
Из стойла. Парвизу он принадлежал.
На поле скакун прибегает чуть свет,
Конюший за ним устремляется вслед.
К конюшему поля владелец бежит.
И, жалуясь горько, ему говорит:
«Ответствуй, коню кто хозяин сему?
И уши, и хвост ведь оплакать ему!»
И слышит: «Конь этот Парвиза-царя.
С него бы подвластный стал спрашивать зря».
Конюший предстал пред Хормоздом-царем,
Что сталось на поле, сказал обо всем.
Царь молвил: «Внимательно слушай меня:
Немедля и уши, и хвост у коня
Отрежь, а убыток, что им причинен,
По счету да будет сполна возмещен
Хосровом; владельцу да будет воздан,
Будь в сотню, будь в семеро больше изъян.
Дирхемы возьмет из своей он казны,
Да будут им пахарю принесены».
Услышав, раскаялся горько Парвиз.
Просил именитых, и те собрались
Пред шахом, моля, чтобы сына простил,
Ушей и хвоста скакуну не рубил.
Разгневался царь из-за лошади той,

Мужей искушенных осыпал хулой.
Конюший тут, кары царя устрашась,
На поле к коню устремился тотчас,
Мечом ему уши и хвост обрубил
На той же земле, где посев он сгубил.
Вернул потерпевшему также изъян
Царевич по воле властителя стран.
Охотиться после царю довелось
С мужами, и каждый добычу принес.
Из витязей некто пленился лозой,
А был родовитым, с высокой звездой.
Лоза вся кислицей усыпана сплошь.
Тут взять повелел он прислужнику нож,
С лозы той нарезав толику кистей,
Домой отнести для поварни своей.
Немедля владелец лозы прибежал:
«О злобный, зломысленный! — мужу сказал.—
Ты что ль здесь трудился, усердьем горел,
Динаров и сил для лозы не жалел?
Почто ж, не трудясь, повредил ты плоду!
Я с жалобой нынче к владыке пойду».
Прославленный витязь, беды устрашась,
Кушак свой богатый снимает тотчас —
Из золота он, весь в алмазах горит,—
Владельцу лозы в возмещенье дарит.
А тот восклицает, принявши кушак:
«Не скроется дело худое никак!
Не жди, что услышишь от шаха привет,
Забудь о цене, покупателя нет.
Тебя за кушак я отблагодарю.
Ты мертв, коль сродни правосудье царю».
По-царски Хормозд дело правил свое,
Победами имя прославил свое.
Везде ему каждый хвалу воздавал
Затем, что в бою поражений не знал.
Он, правды взыскуя, сам правду творил,
Над месяцем царский венец возносил.
Богатый отвагою, честью, умом,
Весь век не сидел в Мадаине своем.
И в лето, и в осень, зимой и весной,
Львов ярых гроза, отвергал он покой.
Все странствовал, земли свои обходя,
Искусство являя царя и вождя.

[*Саве-шах идет войной против Хормозда*]

Хормозд как процарствовал десять годов,
Слух стал доноситься о кознях врагов.

Пришел Саве-шах из Герата войной*,
С кимвалом, слонами, бойцами, казной.
Четыреста тысяч коль смог отсчитать,
Счесть можешь Саве необъятную рать.
Двенадцать там сотен слонов боевых,
Скажи, на земле не ступить из-за них.
От степи Герийской до Мервской волны
Равнины широкие войском полны,
Стоящим столь тесно в просторе степном
Как в ткани сплетают основу с утком.
Оттуда до Мерва довел он бойцов:
Всю землю, скажи, спрятал пыли покров.
Шлет шаху посланье Саве: «Поспешай,
Побольше мужей отовсюду скликай,
Воздвигни мосты, войску выровняй путь,
Корма приготовь. Мы с мечом, не забудь!
Хочу я пройти через царство твое,
Куда ни взгляни, всюду войско мое».
Посланье прочтя, венценосный смущен,
Бесчисленным войском таким устрашен.
Из Рума нагрянул кейсер между тем *,
Край целый сокрылся от взоров совсем.
Сто тысяч примчалось румийских бойцов,
Испытанных, ловких в бою храбрецов.
Град каждый, что Нушинраваном был взят,
— Кейсеру ведь грозный он был супостат —
Тот снова оружием отвоевал,
И каждый кейсеру служить обещал.
Дружины пришли — не с одним лишь Саве —
У каждой испытанный вождь во главе.
Пришло из Хазарии войско — черна,
Сказал бы ты, сделалась разом страна.
И вождь впереди, закаленный войной,
С дружиной своею, с богатой казной.
До стен Ардабиля от Арминие
Видны его полчища были везде.
Прислала и Степь Копьеносных Бойцов
Несметное войско, ряды храбрецов.
Вожди молодые — Омар и Аббас,
О коих молва далеко разнеслась.
Те земли, Хормозду платившие дань,
Вконец обрекла разоренью брань.
Евфрата-реки уж достигли войска,
Нигде не оставив травинки, листка.
Прошло благоденствия время, и тут
Хормозду о том донесения шлют.
Едва донесения эти дошли,

Всю радость утратил владыка земли.
Раскаялся в том, что мобедов убил
И двор мудрецов благодатных лишил.
Совета мужей не увидел, когда
В сужденьях, решеньях настала нужда.
Иранцев созвать повелел наконец,
Наполнил мужами просторный дворец.
И вести, что втайне дотоле держал,
Ирана вождям вслед за тем рассказал.
Числа, мол, нагрянувшим полчищам нет,
Не помнит такого нашествия свет...
В смятение впавши, марзбаны молчат,
Тревожными думами каждый объят.
«О мудрый владыка! — сказали потом,—
Что скажем тебе, поразмысли о том.
Царь мудрый ты, нам же служение несть,
Себя мы не можем мобедами счесть.
Убил ты мобедов, дабиров своих,
О вере забыл, о заветах благих.
Подумай теперь, где бы средство сыскать,
Кто мог бы державе защитою стать».
Тут слово такое везир говорит:
«Владыка, чей разум для знанья открыт!
Хазарская рать коль на нас нападет,
Не сразу она в наступленье пойдет.
С румийцами переговоры начнем,
Тазийцев погибели вмиг обречем.
Всех ближе опасность одна — Саве-шах,
Всех прочих сильнее внушает он страх.
От стен Хорасана угрозы видны
Для нашей дружины, для нашей казны.
Коль тюрк от Джейхуна, войною грозя,
Нагрянул, ни мига нам медлить нельзя».
Спросил у мобеда искавший пути:
«От рук Саве-шаха нам как же уйти?»
«Ты войско,— ответил мобед,— собери!
Лишь войском победы стяжают цари.
Ариза призвав, повели сосчитать
Иранцев, пригодных в сраженье вступать».
С тетрадью ариз к шаханшаху идет
И войска царева приносит он счет.
Сто тысяч в рядах насчитал боевых:
И пеших воителей, и верховых.
Промолвил мобед: «С добрым войском таким
В войне с Саве-шахом мы, знать, устоим.
Но знай, человечность и правду блюсти
Ты должен, насилье и зло отмести,

От тягот избавить подвластных людей,
Как то подобает владыке царей.
Ты слышал о том поучительный сказ,
Как старый, свирепый тот хищник Арджасп
Гоштаспа, Лохраспа с их верой святой
Злодейски терзал вместе с чинской ордой,
И Балха прекрасного сколь в те века
Злосчастен был жребий и участь горька,
Пока Исфандьяр из оков не исшел
И доблестно битвы с врагом не повел.
Властитель коль добрый не примет совет,
От тюрков немало натерпится бед.
Годами я старше владыки царей,
Но с мыслью его не сравнится моей».
Раздался ответ властелина такой:
«Кейсер не стремится сражаться со мной.
Все грады, что отнял родитель, верну —
Отступит кейсер, не начавши войну».
Благого, достойного выбрав посла,
Чья мудрость высокой, речь мягкой была,
Кейсеру сказать повелел: «Не нужны
Мне грады — твоей достоянье страны.
Не должен на землю Ирана ступать
И ты, дабы славу и счастье снискать».
Посланец лишь прибыл к кейсеру, сказал
Все то, что из уст властелина слыхал.
И тотчас кейсер воротился с пути,
С Ираном войну передумал вести.
Такая Хормоздом отобрана рать,
Что стало за пылью и дня не видать.
Велит ей владыка навстречу спешить
Хазарам, могучий тот кряж сокрушить.
Бойцов предводитель — достойный Хоррад
Умом, справедливостью, честью богат.
Примчались воители в Арминие,
Хазары их встретили в этой стране.
Но много в сраженье хазар полегло,
И было добычи несметно число,
И вскоре владыка Ирана узнал,
Что в битве победу Хоррад одержал.
Противник один оставался — Саве,
И помыслы в царской теснились главе.

[*Хормозд по указанию Мехран-Ситада призывает Бахрама Чубине*]

Благой у Хормозда был подданный, дух
Имевший высокий, а звался Настух.

«Будь счастлив,— сказал он владыке земли,—
Злой глаз от тебя да пребудет вдали!
Зовущийся Мехран-Ситад мой отец —
Такой не припомнится миру мудрец! —
Состарившись, с Зенд-Авестою в руке
Свой век доживает в глухом уголке.
Его я в недавние дни навещал,
С ним рядом день целый и ночь пребывал.
Ему я открыл, что пришел Саве-шах
Войною; о войске сказал, о слонах».
Услышал в ответ: «Предсказанья сбылись,
Что в прежние дни до меня донеслись».
Я дряхлого Мехран-Ситада спросил:
«С тех дней что же в памяти ты сохранил?»
Ответил: «Об этом царю моему
Спросить надлежит и открою ему».
И царь именитого мужа тотчас
Отправил послом. Тот, немедля примчась,
Увез престарелого; препровожден
В носилках покойных к властителю он.
Вот старец предстал перед шахом. Слова
В устах, и познаний полна голова.
Сказал повелитель: «О Мехран-Ситад!
Что знанья твои обо мне говорят?»
И старец властителю молвил в ответ:
«Царь красноречивый, в ком мудрости свет!
В те дни, как хакан согласился отдать
Отцу твоему твою славную мать,
Я послан за ней как верховный был сват,
Со мною и витязей сто шестьдесят.
Отец твой, владыка разумный, благой,
Из Чина вернуться велел не с рабой:
Дочь только царицы, мол, должно избрать,
Рабыня дворцу моему не под стать...
К хакану вошел я, до Чина домчась,
Воздал ему царскую честь, преклонясь.
Пять были им дев молодых взращены;
Что павы, ступают свежее весны,
И благоуханьем, и прелестью лиц
Пленяют, достойны престола цариц.
Меня в шабистан повелитель послал,
В том светлом чертоге я дев увидал.
На диво украшены, лики цвели;
Цветы в ароматные кудри вплели.
Твоя только мать, не прикрасив лица,
Вошла, без серег, ожерелья, венца,
Воссела безмолвно, главу опустив,

Лицо рукавом от смущенья прикрыв,
Без ярких румян и уловок других,—
Она-то и царская дочь среди них.
Недаром свой род от фагфура вела,
По роду, по нраву чуждалася зла.
У матери сердце болело о том,
Что дочь на чужбину меняет свой дом,
Ей чистую ту отпускать было жаль
Из царского дома, томила печаль.
Но эту среди пятерых я избрал
И даже глядеть на других не желал.
Хакан говорил мне: «Другую избрать
Нельзя ли? Прекрасны, достойны все пять».
Ответ был один: «Только эта нужна,
С другою вернемся — мне смерть суждена».
К себе вслед за тем он мобедов призвал,
Им место пред троном своим указал,
И стал о дочерней судьбе вопрошать:
Что могут, мол, звезды о ней предсказать?
Сказал звездочет: «Только благо одно
И правду услышать тебе суждено.
От шаха и этой чистейшей из дев,
Знай, сын народится отважный, как лев.
Прямой, черноокий, с могучей рукой,
Лев силой, со щедрой, как туча, рукой,
Гневливого, пылкого нрава притом.
Родитель угаснет, он станет царем.
Немало из отчей казны извлечет,
Немалое время во зле проживет.
Враждебный нагрянет потом властелин,
Глава многочисленных тюркских дружин,
Замыслив Иран и Йемен покорить,
Над землями теми всевластно царить.
Ирана глава устрашится его,
Жаль станет высокого счастья того.
О дальнем услышит он витязе слух
Из доблестных, чтущих властителя слуг.
Он ростом высок, сухощавый притом *,
С кудрями, что мускус, над смуглым челом.
Нос крупный, немалая сила в плечах,
В суждениях скорость и резкость в речах.
Прозвали его Чубине, и ведет *
Он от пахлаванов воинственных род.
Из дальних он мест к властелину царей
Примчится с дружиною малой своей,
Внезапно на тюрка того нападет,
Рассеет все войско его, разметет.

По сердцу хакану слова мудреца,
Счастливей не видел я в мире отца.
За Нушинравана, владыку царей
Дочь отдал, венец меж своих дочерей.
Для шаха была вручена мне отцом,
И в путь я обратный собрался потом.
Столь много алмазов извлек из казны,
Что были несущие истомлены.
С дружиной до брега Джейхуна дошел,
Там милую дочь на корабль он возвел.
Вернулся, с любимицей нежно простясь,
Тоскою по той, ненаглядной, томясь.
Что видел, тебе я поведал сполна,
О царь, кем возглавлена эта страна!
Ты славного мужа того разыщи,
В дорогу отправить гонцов поспеши.
В руках его, помни, победа твоя,
О сем да не знают враги и друзья».
Так молвив, с душой разлучился потом,
И люди все плакали горько о нем.
Дивился, о тех размышляя словах,
Кровь сердца струил из очей шаханшах.
Иранцам сказал: «То, что годы назад
Узнал, прятал в памяти Мехран-Ситад.
Поведал мне тайну и дух испустил,
Достойную душу Йездану вручил.
Йездану моя благодарность, хвала:
Мне верная весть через старца дошла.
Ищите везде по владеньям моим,
И знатным искать надлежит, и простым,
Пока не отыщете мужа того,
И сил не щадите своих для сего».
Был муж именитый. В трудах искушен,
Всей ведал конюшнею царскою он.
По имени звали его Задфаррух,
Лишь радостью царской он радовал дух.
Пришел он к владыке и молвил: «Мужам
Тем старцем указанный витязь — Бахрам.
Рожден от Бахрама, Гошасп ему дед,
Он всадник, искусней которого нет.
Как мог бы я в памяти не сохранить,
Того да не будет, чтоб мог позабыть,
Что ты Ардабиль и Барду ему дал,
Марзбаном с кимвалом, слонами он стал».
Царь вестника кличет: «К Бахраму лети,
Мол, пусть головы не почешет в пути.
Не взяв ни кимвала, ни войска, один

Примчится; мол, ждет во дворце властелин».
С той вестью к Бахраму гонец прискакал,
Поведал, что старый Мехран предсказал.

[*Бахрам Чубине прибывает к Хормозд-шаху*]

Воинственный выступил в путь из Барды,
Воителей следом не мчатся ряды.
Бахраму, лишь прибыл он, прямо с пути
Дозволено было к владыке войти.
Лик шаха испытанный вождь увидал
И славному тотчас хваленье воздал.
Шах пристально, долго взирал на него,
Надежду добра возлагал на него.
Приметы, что сказывал Мехран-Ситад,
Узнав, улыбнулся, доволен и рад,
Бахрама приветствует, чествует он,
Чертог подобавший тому отведен.
Когда же был мускусной ночи шатер
Откинут, и солнце взошло из-за гор,
Марзбан во дворце появился, и знать
С почтеньем дорогу спешит ему дать.
Владыка Бахрама к себе подозвал,
Почетное место ему указал.
Спросил: «Саве-шаху мне мир предлагать
Иль двинуть немедля в сражение рать»?
Воинственный так отвечает ему:
«Нам мир с Саве-шахом искать ни к чему.
Коль скоро пришел он с тобой воевать,
О мире прошение — бегству под стать.
И недруги дерзость притом обретут,
Увидя, что верх над тобою берут.
В день брани просить примирения нам
Не значит ли сдаться на милость врагам?»
Хормозд вопросил: «Что разумней для нас:
Помедлить иль ринуться в битву тотчас?»
Ответил: «Коль зло замышляющий мог
Зов правды отринуть, да сбудется рок!
Недаром ведь слово от мудрых дошло:
С добром породниться бы зло не могло.
Вступи со врагом злонамеренным в бой,
Ведь слиться огню невозможно с водой.
А если иначе решишь — изберет
Властителя нового древний сей свод.
Коль бранную силу руке придадим,
Умение с доблестью соединим,
Йезданова мы не услышим суда,

Меж славных мужей не познаем стыда.
Ужель и десятка мы тысяч бойцов
Еще не лишившись, уйдем от боев?
Что недруг бы твой злоязычный сказал:
Еще не сразившись, мол, с поля бежал!..
Что туча весенняя, каждый наш лук
Пусть ливень обрушит на недруга вдруг,
И копий сто тысяч, и острых клинков
На поле взлетят над рядами врагов.
Коль все же над недругом верх не возьмем,
Тогда уж изверимся в счастье своем.
Врагу мы сдадимся лишь в горький тот час,
Как силы покинут последние нас.
Сразимся и встретим судьбину свою,
Будь это победа, будь гибель в бою!»
От слова Бахрамова шах возрожден,
Улыбкою царской чертог озарен.
Уходит собранье мужей из дворца,
Но кровоточат искушенных сердца.
Сказали Бахраму: «Не должен бы шах
В твоих лишь бесстрашие слышать словах.
Успел столько войска Саве привести,
Что негде, скажи, муравью проползти.
Услышав, какие ты речи держал,
Кто войску теперь пахлаваном бы стал?»
Мужам именитым ответил Бахрам:
«Внемлите, высокие родом: я сам,
Прославленный коль повелит властелин,
Назваться готов пахлаваном дружин».
Пришли соглядатаи зоркие вмиг
О том донести властелину владык.
Бахрама слова повторили ему,
По десять прибавивши слов к одному.

[*Хормозд назначает Бахрама Чубине пахлаваном*]

И царь осчастливлен известьем таким,
Заботой о войске уже не томим.
Отважного сделав главою бойцов,
Главою вознес его до облаков.
Из витязей каждый, кто славы искал,
Бахрама почтил, «сипехбед» его звал.
Предстал перед ликом царя сипехбед,
Кушак затянув, для похода одет.
Дозволь, мол, о царь, мне ариза призвать,
Иранское войско дабы сосчитать.
Увижу, кто доблестен, кто из мужей

Не слишком печется о славе своей...
Царь молвил: «Не ты ли назначен вождем?
Ответ на тебе о благом и худом».
На ратную площадь вступает Бахрам
И смотр учиняет царевым бойцам.
Дружину мужей отобрал среди них,
Испытанных в брани бойцов верховых.
Двенадцать записано тысяч имен,
И каждый в доспехах, и конь защищен.
Но сорокалетние лишь сочтены;
Кто младше иль старше того — не годны.
Бахрам, сын Бахрама *, ту рать возглавлял,
Немалую славу он в битвах стяжал.
Воителя грозного Елан-Сине,
Чья грудь от вражды неуемной в огне,
Избрал он главой именитых бойцов,
Отвагой дабы зажигал удальцов,
Искусно конем управляя, скакал,
И род свой прославленный именовал.
Другому, по имени Гошасп-Изед,
Кто б не был и в пламени страхом задет,
За царским обозом велит надзирать
И правое с левым крыло уравнять.
А Конда-Гошасп замыкающим был,
С седла он и льва бы за хвост ухватил.
Так войску затем возгласил пахлаван:
«Благие, чьей мудростью дух осиян!
Хотите ль, чтоб стал вам оплотом Изед
И путь озарил бы победный вам свет —
В пути не чините вы зла и вреда,
От вас да нигде не исходит беда».
Средь ночи лишь трубный послышится зов,
От сна поднимал предводитель бойцов,
Во тьме полуночной так гнал скакуна,
Что скажешь ты, буря в ночи взметена.
Сил полон воитель и конь его сыт,—
Грядущая битва вождя не страшит.
Рассказ лишь о том до владыки дошел,
Как дело Бахрам искушенный повел,
От слов и деяний вождя просиял,
Казну отворил, содержанье раздал
И настежь хранилища также раскрыл
Оружья, Бахрама туда допустил.
Во град он привел боевых скакунов
Из тех, что паслись среди гор и лугов.
Велит пахлавану у шаха всего
Просить, что потребно для дела его.

Бахраму промолвил затем властелин:
«Во многих ты битвах вождем был дружин.
Ты слышал, с оружьем сколь многим пришел
Саве, сколько войска с собою привел.
Лишь двинет на поле туранцев своих,
Земля затрясется от натиска их.
Ты ж выбрал двенадцать лишь тысяч бойцов
В доспехах, с конями в броне, храбрецов.
Столь малую счетом дружину свою
В бой двинув, как мыслишь осилить в бою,
Не юных, разящих мечом удальцов
Избравши, но сорокалетних бойцов?»
На это ему отвечал сипехбед:
«О царь сладкоустый, с кем счастия свет!
Ты слышал реченья великих мужей,
Что некогда были царями царей?
Из сказов тех помню и я не один,
Коль мне пожелает внимать властелин.
Для пас коль победное счастье взошло,
Пусть малым соратников будет число.
Как в Хамаваране, в той глуби времен *,
С бойцами был царь Кей-Кавус заточен,
Двенадцать лишь тысяч избрал ведь Ростем
Воинственных смелых мужей; между тем,
Избавил Кавуса-царя от цепей,
С ним вместе других именитых мужей.
Гудерз-богатырь, сын Гошвада-вождя *,
Глава именитых, на мщенье идя
За кровь Сиавуша, повел храбрецов
Двенадцать лишь тысяч — в доспехах бойцов.
Еще Исфандьяр, победитель держав,
Двенадцать лишь тысяч воителей взяв,
Арджаспу все должное смог учинить,
И войско, и крепость во прах обратить.
А ежели рать будет больше числом,
Ни с мужеством это не в лад, ни с умом.
Ведущему в битву несметную рать
Порой от врага доводилось бежать.
О сорокалетних сказал ты к тому ж:
Храбрей молодой, мол, сражается муж.
Но сорокалетний испытан огнем,
И мужество крепнет все более в нем.
Свод неба недаром столь долго над ним
Вращался; им долг благодарности чтим.
Страшится бесчестья, своей дорожит
Он славой и с поля войны не бежит.
За род и жену, и потомство, в бою

Не дрогнув, и голову сложит свою.
Но юный к добыче лишь тянется муж,
Где надобно выждать, терпению чужд.
Нет пашни, жены и детей у него,
Не может, как должно, ценить ничего,
И мудрость еще не успев почерпнуть
Из опыта, дела не видит он суть.
Коль в битве победу одержит, бурлит
В нем радость; на месте в ту пору стоит.
Но стоит лишь верх неприятелю взять,
Уж спину готов он тому показать».
Услышав Бахрамово слово, душой
Расцвел повелитель, что роза весной,
«Иди же,— сказал,— и в броню облачись,
На поле войны из дворца устремись».
Расстался бойцов предводитель с царем,
Потребовал панцирь, румийский шелом,
Броню укрепив на своем рысаке,
Аркан привязал он к седельной луке.
С везиром меж тем на ристалище шах *
Отправился с луком, с човганом в руках.
Предстал перед ним сипехбед на коне,
В шеломе своем, с булавою, в броне.
Его миродержец хвалою встречал,
И прах перед ним сипехбед целовал.
Царь стяг принести повелел. Водружен
Над древком был темно-лиловый дракон.
То в битвах Ростема был стяг самого,
Владыка Ирана взял в руки его,
С улыбкой приветной Бахраму вручил,
Немало напутственных слов говорил.
Так молвил Бахраму: «Тот витязь, кого
Встарь звали главою народа всего
Цари — наши деды, Ростем-пахлаван
Был мудр и победной звездой осиян.
В руках его знамя ты держишь не зря,
Пребудь победителем, чтущим царя!
Ты, мыслю, Ростемом стать можешь вторым
И мощью, и верным служеньем своим».
И благословляет его пахлаван:
«Будь счастлив, победной звездой осиян!»
В чертог воротился с ристалища шах,
Вождь рати — с Ростемовым стягом в руках;
В нем радости сердце полно. По домам
Пора подошла расходиться мужам.

[*Поход Бахрама Чубине против Саве-шаха*]

Лишь только рассвет занялся над горой
И щит издалёка сверкнул золотой,
Придя во дворец, перед шахом предстал
Вождь рати, во прахе простершись, сказал:
«Желаний нет более в сердце моем,
Твой фарр меня времени сделал венцом.
Прошу об одном властелина земли:
Надежного мужа со мною пошли.
Пусть каждого, кто отличился в боях
И головы вражьи низринул во прах,
Он в летопись имя запишет, почет
Держава отважному да воздает».
Ответил Хормозд: «Просвещенный Мехран
Пригоден к сему, ясный ум ему дан».
Призвал именитого мужа, и тот
Готов уж с вождем устремиться в поход.
Вот время настало покинуть бойцам
Тисфун, возглавляет же войско Бахрам.
Разумных, отважных воителей строй
С исполненным львиной отваги главой!
Вернулся, бойцов проводив, властелин,
С мобедом воссел совещаться, один.
«Муж истинный,— молвил советнику шах,—
В бой, весел, с улыбкой идет на устах.
Как мыслишь, чего нам от жребия ждать,
Что можем о будущем предполагать?»
Ответил: «О если бы вечно ты жил!
Бессмертие подлинно ты заслужил.
Ты прав, искушенный такой пахлаван,
Что в речи искусен, умом осиян,
Способен победу и радость принесть,
Державу поникшую снова вознесть.
Опасность мне чудится только одна:
Не встанет ли против царя-пестуна?
Ведь речь перед шахом держал, осмелев,
Не ведая страха, что истинный лев».
Хормозд отвечает: «Отравы в бальзам,
Ты, злобный душой, не подмешивай нам!
Коль он Саве-шаха осилит в бою,
Трон дать ему впору, корону мою.
Так будет, иному не быть нипочем:
Стать витязю благословенным царем!»
Советник, ответ услыхавши такой,
Губу закусил, омрачился душой.

Но в сердце властителя слово жило.
Недолгое время за этим прошло,
И мужа он средь приближенных избрал,
Дабы достоверно про все разузнал.
Велит: «Пахлавану вослед поспеши
И все, что увидишь, тотчас опиши».
Бахраму вослед соглядатай летит,
От всех его замысел хитрый сокрыт.
Советник он царский, гадатель к тому ж,
Последствия дел предсказующий муж.
Бахрам от Тисфуновых самых ворот
С копьем вознесенным несется вперед,
Как вдруг на пути продавец чеснока
Явился воителю издалека.
Корзину несет, приукрыв колпаком,
Набитую доверху всю чесноком.
О диво, ретивого разгорячил,
Головку чесночную вмиг подхватил
Копья острием и, подняв пред собой,
Швырнул ее в сторону вождь боевой.
Знамение в том увидал на пути:
Мол, голову так Саве-шаху снести
И кинуть смогу у бойцов на глазах,
Затем и дружину повергну во прах!
Лишь это Хормоздов гонец увидал,
Как должно, знамение истолковал,
Подумав: «Сей воин с победной звездой
Престола добьется усилий ценой:
Лишь цели достигнет, врага победив,
Изменит властителю, дерзость явив».
К царю возвратившись, так молвил ему
И вверг его сердце в глубокую тьму.
Хормозду та речь горше смерти была,
Поник он, всю свежесть утратил чела.
Гонца призывает проворного он,
Помчаться велит пахлавану вдогон.
«Отправься,— сказал,— и вождю передай:
Сей ночью на месте своем пребывай.
Наутро спеши возвратиться ко мне,
С тобой мы останемся наедине,
Советы тебе преподам я, на ум
Немало пришло благотворных мне дум».
Гонец пахлавану, усердьем горя,
Все передал, что услыхал от царя.
«О мудрый владыка,— ответствовал тот,—
Кто ж рать отзывает, пославши в поход?
Примета дурная — вернуться с пути,

Враг силу бы смог от сего обрести.
К тебе ворочусь я, победу добыв,
И рать, и страну торжеством озарив».
Вернулся гонец, к венценосцу идет,
Поведал, что молвил ему доброхот,
Ответом порадовал душу царя,
Путь долгий посланцем проделан был зря!
С зарею повел свою рать пахлаван,
Одно на устах: «Да хранит вас Йездан!»
И вот до пределов Хузийской земли,
Забот никому не доставив, дошли.
Навстречу воителям женщина шла,
Мешок свой, набитый соломой, несла.
Подъехал к ней всадник, мешок ее взял
И не заплатив за него, ускакал.
Тут женщина, плача, к Бахраму бежит:
«Соломы копну берегла,— говорит,—
Мешок на продажу всего набрала,
Бойцам твоей рати навстречу пришла.
Похитил добро мое всадник: на нем,
Приметила я, из железа шелом».
На розыски всадника тут же пошли,
Найдя, к сипехбеду стремглав повлекли.
Бахрам, витязь доблестный, вору сказал:
«Проступок твой, знать, тебе кажется мал!»
И голову, руки и ноги потом
Ему раздробили пред главным шатром,
Мечом разрубили затем пополам,
Чтоб страх воспрепятствовал черным делам.
Послышался клич пред верховным шатром:
«Мужи именитые с ясным умом!
Чужую соломинку кто отберет,
Защитника после себе не найдет,
Его пополам разрублю я мечом!
Взяв нужное, должно платить серебром».
Так вел свою рать справедливый сей муж,
Приняв под защиту и город, и глушь.

[*Хормозд посылает к Саве-шаху Хоррада Борзина с ложным известием*]

От войска с казной и слонами Саве
Покоя Хормоздовой нет голове.
И против Бахрама сомненья притом
Не гаснут, растут подозрения в нем.
Расколото сердце, дух царский в тисках,
Гнетут неотступно тревога и страх.
Средь ночи, лишь месяц над башнею встал,

Хорраду Борзину владыка сказал:
«Спеши, в неприятельский стан устремись,
Вперед непрестанно, без отдыха мчись.
Сколь можешь, дружины его сосчитай,
Кто вождь и кто витязи, все разузнай».
Составить велит он писцу своему
Письмо — увещанье злодею тому.
К посланью дары приложить повелел,
Каких сосчитать бы никто не сумел.
«В Герат,— говорит он посланцу,— скакать
Ты должен. Завидишь лишь издали рать,
Знай, это воинственный мчится Бахрам,
Иной в этот час не появится там.
К Бахраму дорогою той поспеши,
Что слышишь теперь от меня, расскажи.
Скажи: мол, посулами, сладостью слов
Раскину я хитрый силок для врагов.
Не должно им тайну твою разгадать,
О славе твоей и об имени знать.
Сумею к тебе в западню залучить,
Речь добрую, мягкую стану я длить».
В путь тотчас отправился Хоррад Борзин,
Спешит, как ему повелел властелин.
Домчавшись, Бахрама увидев едва,
Все тайные передал эти слова.
Оттуда ему к Саве-шаху скакать
Во стан, где слоны, где обозы и рать.
Увидев, приветствовал, низко склонясь,
И передал тайный владыки наказ.
Еще увещанья добавил к тому —
Чтоб с войском в Герат устремиться ему.
И вот именитый в Герийских степях;
Раскинул свой стан у реки Саве-шах.
Дозоры туранские, степью идя,
Увидели войско Бахрама-вождя.
Тотчас к Саве-шаху дозорный спешит,
О войске том грозном ему говорит.
«Рать степью Герийской,— услышал Саве,—
Несется с могучим вождем во главе».
Нежданное слыша известье о том,
В раздумье воитель, пытливый умом.
Посланца призвать из шатра поспешил
И гневные долго слова говорил.
«Обманщик презренный,— так молвил ему,—
Падения жди вслед подъему сему!
Знать, послан ко мне из дворца ты не зря,
Ловушку принес от Хормозда-царя.

Привел за собою персидскую рать,
Стан будешь в Герийской степи разбивать!»
Но слышит Хоррада Борзина ответ:
«Откинь подозренья, опасности нет.
Столь малое войско напасть на твой стан
Не может. То мимо идущий марзбан;
Иль некто явился из здешних вождей
Смиренно просить о защите твоей.
Иль войско с собою ведет, наконец,
Ища безопасности, путник-купец.
Отважился кто бы сразиться с тобой,
Будь это гора иль простор будь морской!»
Обрадован словом таким, Саве-шах
Промолвил: «Знать, истина в этих речах».
В шатер возвращается Хоррад Борзин
И темною ночью из горных теснин
Пускается в бегство, тревогой гоним:
Не грянуть бы грому возмездья над ним!
Сгустился полуночный мрак, и Саве
Фагфура шлет в путь у бойцов во главе.
Мудрец молодой направляется в стан,
Где рать возглавляет Бахрам-пахлаван.
К иранскому войску приблизясь, гонца
Верхом отрядил сын владыки-отца
Спросить: мол, дружина сия какова,
Цель в этом походе твоя какова?..
Вот всадник туранский помчался вперед:
«Эй витязи! — голосом громким зовет.—
Кто здесь предводитель и кто сипехбед,
Кто муж, одержавший немало побед?
Фагфур, Саве-шаха душа, без бойцов,
Увидеться хочет с главой храбрецов».
Один из воителей, вихрем примчась,
Бахраму, что слышал, поведал тотчас.
Из ставки выходит сей вождь боевой,
Сверкающий стяг над его головой.
Увидел, и мчится Фагфур что огонь,
Весь в мыле от скачки стремительной конь.
Домчась, вопросил: «Держишь путь от кого?
Здесь ныне раскинул ты стан для чего?
Ты, слышно, из Фарса бежал своего,
Обиженный, пролил там кровь до того».
Ответил Бахрам: «Да не будет того,
Чтоб против царя мне восстать моего!
Дружину сюда я для битвы привел,
По воле царя из Багдада пришел».
Когда о бойцах Саве-шаха дошли

Известия до властелина земли,
«Им копьями путь преградим,— повелел,—
Мечом, булавою и тучею стрел!»
Лишь это услышал, Фагфур поспешил
Вернуться, отцу обо всем доложил.
Худое тогда заподозрив, Саве
Посланца велит привести, но нигде
Того не нашли. Некто молвил: «Бежал,
От страха, знать, кровь из очей проливал».
Ту весть о Хорраде Борзине узнав,
Царь вымолвил: «Время ночное избрав,
Уйти от бесчисленной рати моей
Как смог, не пойму я, зломысленный сей?
Я вижу, мой стал нерадивым дозор,
Беспечность являет себе на позор».

[*Весть от Саве-шаха Бахраму Чубине*]

Гонца умудренного шлет Саве-шах
К Бахраму, искусному также в речах.
«Скачи,— повелел он,— скажи от царя
Иранцу: здесь имя роняешь ты зря!
Твой шах твоей гибели хочет, поверь,
Сомнения в том не осталось теперь.
Послал тебя в противоборство тому,
С кем в мире сравниться невмочь никому.
Мне путь преградить приказал он тебе —
Неумное слово сказал он тебе.
Коль выйдет навстречу гора — сокрушу,
Бойцами, слонами ее искрошу!»
Бахрам рассмеялся, услышав слова,
Что дерзкого были полны хвастовства.
Ответил на то: «Коль владыка держав
Послал меня, смерти моей возжелав,—
Чтоб ясность ему сохранить на челе,
Измерить мой рост подобает земле».
Гонец воротился к царю своему,
Слова сипехбеда поведал ему.
«Вернись и скажи: — услыхал от него,—
Бесплодные множить слова для чего!
Коль скоро пришел ты на поле сие,
Что ищешь, проси у владыки Саве».
Вернулся гонец и Бахраму сказал:
«Открыто поведай, что втайне держал.
Ведь это владыка с победной звездой.
Как ты, ему нужен подвластный такой».
«Скажи,— от Бахрама услышал потом,—
Предлогов не надо, коль правдой влеком.

Коль тайное в сердце желанье хранишь —
Жить в мире с владыкой владык, приходи ж!
В сем крае пребудешь ты гостем моим,
Склониться готов пред веленьем любым.
Бойцов твоих золотом и серебром
Потешу, достойных — венцом, кушаком.
Отправлю гонца — шаху весть отвезти,
И встретит он на половине пути,
Подобно хаммалу * доставит корма.
Коль друг ты, и царь будет — дружба сама.
Но если бойцов для войны снарядил,
Морскому ты чудищу в пасть угодил.
Воротишься так из Герийских степей,
Что каждый оплачет тебя из мужей.
Лишь пропасти ты впереди обретешь,
А сзади погонят и буря, и дождь.
Поймешь ты: злосчастье сюда привело,
Тебе предвещая смертельное зло».
Примчался гонец, легче ветра летя,
Довез — слово в слово — реченья вождя.
От слов, что прислал тот воинственный лев,
Вскипел Саве-шах, обуял его гнев.
Гонцу повелел: «Возвращайся к нему,
Ответь неподобному диву тому:
Мол, чести сраженье с тобой не сулит,
Побед не стяжаем, коль будешь убит.
Твой царь ведь назваться мне мог бы слугой,
Раб малый мой стать тебе мог бы главой.
Просить коль согласен защиты моей,
Тебя вознесу среди знатных мужей,
Обильем богатых даров насыщу
И всех твоих ратников обогащу.
Пустыми словами, что чужды уму,
Почета мужей не снискать никому!»
Посланец достойный запомнил и вспять
К Бахраму-вождю устремился опять.
Тот, выслушав резкую речь от гонца,
Быть может, такого и ждал он конца,—
Промолвил: «На речи такие не след
Тебе от властителя скрыть мой ответ:
Коль я из ничтожных ничтожнейший раб,
С которым война стать позором могла б,
Позор принесло б шаханшаху с тобой
Сраженье, затем и не вышел он в бой.
От малости взялся я войско вести,
С земли чтобы род Саве-шаха смести.
Царю твою голову вышлю, ее

Едва ль подобает вознесть на копье.
Позор для тебя — подзащитный такой,
Столь малый, склониться могу ль пред тобой?
Ты в битве увидишь меня, погоди,
Лажвардовый стяг у меня позади.
Дракона узрев, узришь гибель свою,
Как ножны, меч голову сыщет твою!»

[*Саве-шах и Бахрам Чубине строят свои войска один против другого*]

Лишь выслушал резкое слово сие,
Тотчас удалился посланец Саве.
Вернулся; что видел и слушал, открыл,
Властителя тюрков тут гнев охватил.
В степь вывезти ратный велит он кимвал,
Слонов боевых выводить приказал.
Страна почернела от пыли копыт,
И медный гавдом громозвучно трубит.
Бахрам лишь узнал, что бойцами полна
Равнина, черна и желта, и красна,
Воителям сесть на коней повелел
И сам с булавою в кольчуге воссел.
Был город Герат у него позади,
Вра́гов меченосных ряды впереди.
Он правое с левым крыло уравнять
Велит. Дух и тело единое — рать.
Равнина вся в панцири облачена,
От блещущих копий звезда зажжена.
Увидел туранских воителей вождь
Бахрамова строя порядок и мощь.
Герат увидал за Бахрамом, а сам
Он в месте неладном, где тесно бойцам.
Сказал он мужам приближенным своим,
Доверенным тем, искушенным своим:
«От шаха, что правит в парсийской стране,
Был раньше обманщик подослан ко мне.
Здесь был он, пока это войско Герат
Взяло, нам оставив пустырь, а не град».
В той тесной низине построил он рать,
Не видно земли, высь — индиго под стать.
На правом крыле — сорок тысяч бойцов,
С секирами, копьями строй храбрецов.
На левом крыле — сорок тысяч других,
Мечи либо длинные копья у них.
Еще сорок тысяч отважных мужей
Поставил в тылу у дружины своей.

И многие праздно стояли затем,
Что места в достатке там не было всем.
Тут встала пред войском слоновья стена,
И вовсе дорога уж заграждена.
Душой удручен Саве-шах оттого,
Что поле столь тесно для войска его.
Сказал бы, сулит ему свыше звезда,
Что трон упразднится его навсегда.

[*Вторая весть*
от Саве-шаха Бахраму Чубине]

И вновь из Герийской степи хитреца
К Бахраму он шлет, краснослова-гонца.
С наказом таким прибывает гонец:
«Благой не сулит тебе небо конец.
Напрасно отверг наставленье, пойми,
Взор сердца открой, разум в помощь возьми!
Двух в мире обрел ты надежных мужей,
Не видели в мире им равных царей.
Сияют, как солнце небес, во все дни
Закованы в панцирь отваги они.
Я сам — нет царя справедливей нигде,
Второй — благородный мой сын Пармоде.
Число моей рати захочешь узнать —
Что листья дерев, их нельзя сосчитать.
И если строй воинский будет сочтен,
Покажется ливень весенний смешон.
Шатров и оружия столько к тому,
Что в мире не вообразить никому.
Не взялся бы также ты счесть и коней,
Несущих воителей гор и степей.
Властители все рождены мне служить,
Когда лишь достойны мне слугами быть.
Коль душу б морская вода обрела,
Гора коли с места б нежданно сошла,
Моей понести не смогли бы казны,
Оружья, орудий работ и войны.
Цари, кроме фарса — царя твоего,
Зовут властелином меня одного.
В руках моих, помни, жизнь также твоя,
Мне это душа предвещает моя.
Коль двину я в битву дружину мою,
Не будет пути комару, муравью.
Слонов десять сотен в броне боевой
Почуя, вспять кинется всадник любой.
В Иране, Туране кто мог бы напасть
На войско мое, мне принесши напасть!

Отсель до Тисфуна стоит моя рать,
Коль мало — не долго и больше собрать.
Кто был он, с пути совративший тебя?
Безумен, должно быть, смутивший тебя!
В тебе, знать, к себе сожаления нет,
А ежели есть,— видно зрения нет,
Коль око не видит, где благо, где зло.
В ком, мудром, надмение жить бы могло!
Одумайся, с миром приди, не войной.
Не будешь ни мига стоять предо мной.
Высокое звание дам я, венец
Дам княжеский, дам свою дочь, наконец,
При мне ты величие, власть обретешь,
Позор подчиненья навек отметешь.
Как в битве владыка Ирана падет,
Держава его не ко мне ль перейдет?
Тебе я пожалую фарсов страну
И царский венец, и престол, и казну.
На землю Румийскую, к новой борьбе
Сам двинусь, сей край же и войско — тебе.
Затем говорю, что по сердцу ты мне,
Твои дарования вижу в войне.
Ты войска водитель искусный, твой дед,
А также родитель твой был сипехбед.
Не кроется в этих речах моих сеть,
Мне истинно впору тебя пожалеть!
С дружиной столь малою двинуться в бой
Задумал — ужель совладаешь со мной?
Ты впредь от меня не услышишь вестей,
Когда уклонишься от воли моей».

[*Ответ Бахрама Чубине Саве-шаху*]

Посол говорил, и внимал сипехбед,
Но слово недоброе молвил в ответ:
«О ты, что повсюду,— так вымолвил он,—
Презреньем меж славных мужей заклеймен!
Правитель ничтожный, обильем речей
Известный, почет не снискавший ничей!
Я в прежнем и новом известье твоем
Узрел: ты силен в многословье одном.
Крутым испытаньям подвергшись, иной
Всю доблесть являет лишь в речи одной.
Слов выслушать много пустых довелось,
Но не устрашился твоих я угроз.
Я шаха убью,— ты во-первых сказал,
Мне трон и державу отдать обещал.
Но притчу изрек умудренный о сем:

Кто изгнан, быв нищим в селенье, потом
Везде возвещает: я, мол, управлял,
Все слугами были, а я возглавлял...
Знай, солнце два раза еще не взойдет,
Как светоч над миром лишь только сверкнет,
Снесу твою голову с плеч, на копье
Воздетую, шаху отправлю ее.
Еще свою дочь мне отдать посулил,
Богатства и земли, и рать посулил.
Тебе я тогда бы признателен стал,
Познавшим людей властелином назвал,
Коль отдал бы дочь, не помыслив при том
О троне тягаться с иранским царем.
Тогда и послал бы мне дочь из своей
Палаты узорной, сокровища с ней,
И друга в Иране, подобного мне,
Имел бы, с мужами не рвался к войне.
А ныне тебя обезглавлю мечом,
Уже о копье ты наслышан моем.
Падешь — завладею казною, венцом
И дочерью той, и всей жизни трудом.
Еще ты сказал: нет уделам моим
Числа, и слонам, и бойцам верховым...
Вот слово, что муж именитый изрек,
На поле сраженья когда изнемог:
Тем яростней пес, тем быстрее бежит,
Чем дальше от пасти вода отстоит...
То дивы тебя совратили с пути,
Коль вздумал войной против шаха идти.
Возмездьем Изедовым будешь сражен
За то, что попрал злодеяньем закон.
Еще ты сказал: мол, под властью моей
Немало великих венчанных мужей;
Покорность веленью несут моему
Все грады, мир целый свидетель тому...
Открыт в каждый город для каждого путь,
Будь это подвластный, иль царь это будь.
Но ты, постучавшись во град непутем,
Пустырь во владенье увидишь своем.
Еще сожаленья достойным назвал
И мужеству чуждым меня ты признал.
Копье мое встретив, уж мне сострадать
Не станешь, забудешь в подвластные звать.
Узнай, ни во что я твой двор и бойцов
Не ставлю, ни царский престол, ни слонов.
В них, право, на грош не увижу цены,
Как выведу войско на поле войны.

Коль царское званье ты носишь, но ложь
Твердишь, одобренья нигде не найдешь.
Дал шаху я слово: три дня лишь пройдет,
Лишь солнца венец в небосводе сверкнет,
Иранцам я голову тотчас твою
Пошлю для царя, прикрепивши к копью».
Вернулся посол, что зарир, пожелтев;
Цвет счастья увял, дать плоды не успев...
Владыке Бахрамову весть повторил,
И сумрак лицо Саве-шаха покрыл,
Сын молвил: «Почто приуныл ты от слов?
Оплакать лишь впору ту горстку бойцов!»
Покинул он сени шатра, приказал
Гонг вывезти хиндский, огромный кимвал,
На поле могучих слонов разместить,
В эбеновый свод небосвод обратить.
Как все приготовил отважный к войне,
Владыка задумался. Наедине
Фагфуру сказал: «О избранник вождей,
На бой не веди до рассвета мужей!»
Вернулись во станы, и в каждом дозор
Уходит, верховный покинув шатер.
В двух станах ночные костры разожгли,
Средь воинов толки немолчные шли.

[*Бахрам видит сон и строит свое войско*]

Лишь только Бахрама шатер опустел,
Он знатных иранцев призвать повелел.
Сраженье с вождями дружин обсуждал,
Доколе мрак ночи на землю не пал.
Иранцы и тюрки ко сну отошли,
Отбросил Бахрам все заботы земли.
В шатре предводитель воинственный спит,
Но боль затаенная сердце томит.
Муж доблести львиной увидел во сне,
Что тюрки его одолели в войне.
Бойцов своих видит убитыми он,
Ему к избавлению путь загражден.
Остался он, пеший, один, без друзей
И просит пощады у вражьих вождей...
Проснулся, и скорбные думы не спят,
Дух, полный отваги, печалью объят.
Сколь тяжко в ту темную ночь ни грустил —
Молчал, сновидения тайну хранил.
Примчался тут Хоррад-Борзин, что во тьме
Полночной укрывшись, бежал от Саве.
«Почто столь беспечен? — Бахраму сказал. —

Взгляни, что за сеть Ахриман разостлал!
Иранских мужей не губи, пожалей
Достойных бойцов, именитых вождей.
Спасайся и сам, как пристало мужам,
Напасти ведь злей не встречалося нам».
Вождь молвил: «Гляжу я, запас небольшой
Вложил в тебя мужества город родной *.
Там, слышал я, рыбой от летней жары
Торгуют до зимней студеной поры.
Твой дом — водоем, ремесло твое — сеть,
Тебе ль булавою да луком владеть!
Лишь солнце восстанет за черной горой,
Увидишь, как царский сражается строй!
Увидишь слона боевого того
Полегшим во прах вместе с войском его».
Вот Солнцем покинут Льва светлый родник,
Мир стал — что румийца белеющий лик.
Труба завывает, клич бранный гремит,
Земля забурлила от конских копыт.
Воссев на коня, войско строит свое,
В руке побывавшее в битвах копье.
Три тысячи было на правом крыле
Испытанных всадников в крепкой броне.
Такое же ратников храбрых число
На левое после поставил крыло.
Он справа Изеда Гошаспа имел,
Что моря простор бы верхом одолел.
А слева поставлен был Конда-Гошасп,
Кем чтим был поистине Азергошасп.
Стоял замыкающим Елансине,
Сей доблестный муж, искушенный в войне.
В средине Хамдану Гошаспу стоять —
Копытом коня в тростнике возжигать
Мог пламя, и тысяча с каждым стоит
Воителей конных, чье сердце — гранит.
Зов громкий разнесся в рядах боевых:
«О палиценосцы в венцах золотых!
Пустившимся вспять коль увижу кого,
Будь лев или тигр на пути у него —
Я тотчас — Йездан мой свидетель, не лгу —
Снесу ему голову, тело сожгу!»
Два было у войска пути с двух сторон,
И каждый для бегства был путь загражден.
На десять он рашей * залить приказал
Их глиной и сам меж бойцов пребывал.
Царя-миродержца дабпров глава,
Придя к пахлавану, такие слова

Сказал: «Дальше некуда, право, идти,
Ни счета, ни меры сему не найти.
На поле сраженья что б видеть ты смог?
Мы — белый на черном быке волосок.
Ни степи не видно, ни гор, ни реки —
Столь много туранцев, держащих клинки».
Бахрама неистовый гнев обуял.
«Злосчастный, исполненный страха! — вскричал.—
С бумагой, чернильницей ведай труды,
Считать кто велит тебе войска ряды!»
Тот молвил, к Хорраду Борзину придя:
«Див, видно, наперсник Бахрама-вождя!»
Путь бегства два старца взыскали тогда,
Страшатся — день страшного грянет суда!
Холм был крутобокий вне битвы, вдали
От строя воителей Турской земли.
Вот оба на холм, ускользнув, поднялись,
Оттуда возможно глядеть было вниз.
И вот на Бахрама их взор устремлен:
Мол, как, разъяренный, сражается он?
Бахрам, водворивши порядок в рядах,
Сражения поле покинул в слезах,
Во прах пред Йезданом с молитвою пал.
«О правый, благой Судия! — призывал,—
Когда в этой брани меня ты сочтешь
Неправым, коль мне ты Саве предпочтешь,
Ему в этой битве пошли торжество,
Ирана властителем сделай его.
Но если поверишь, что рад я, любя,
И голову в битве сложить за тебя,
Порадуй меня и бойцов моих строй,
Мир нашей победою благоустрой!»
От места молитвы умчался в тоске,
С той палицей быкоголовой в руке.

[*Битва Бахрама Чубине с Саве-шахом*] *

Так витязям молвит своим Саве-шах:
«Себе колдовством помогите в делах,
Дабы помрачиться очам и сердцам
Иранцев, вреда не чинили бы вам».
И стали тогда колдуны колдовать
И пламя палящее в воздух бросать.
Тут вихрь налетел, тучи вдруг собрались
И стрелы на войско дождем пролились.
«Ирана мужи! — так Бахрам возгласил,—
Воители славные, полные сил!
Вы всех колдунов ухищренья презрев,

В бой двиньте бойцов, распалите их гнев!
То черные чары, врагов колдовство;
Несчастие сами пожнут от сего».
Иранцев послышался клич боевой,
Исполнены мужества, ринулись в бой.
Увидел тогда Саве-шах, что пути
К иранцам его колдовству не найти,
И войско на левое двинул крыло;
Что волк на ягнят, это войско пошло.
И вот уж с одним он покончил крылом,
К средине Бахрамовой мчится потом.
Бахрам-сипехбед, обозрев свою рать,
Увидел: бойцы обращаются вспять.
Помчался, копьем поразил он троих,
Низринул с копей бездыханными их.
«Так должно сражаться! — вскричал, разъярен,—
Таков наш обычай, таков наш закон!
Не стыдно, знать, вам ни владыки царей,
Ни всех именитых достойных мужей!»
Вот к правому вражьему мчится крылу,
Подобно голодному лютому льву.
Столь мощное войско прорвал он тотчас,
И стяг предводителя скрылся от глаз.
Вновь к сердцу дружины своей поспешил,
Где муж предводящий меж витязей был.
Сказал ему: «Слушай реченье сие:
Коль дольше продлится сраженье сие,
Вся будет разбита, рассеяна рать.
Теперь попытайся дорогу сыскать!»
Пустились на поиски да не нашли
Пути, по какому пробраться б могли.
Сказал предводителю войска: «Гляди,
Железная встала стена впереди.
Кто сможет в ней щель, нападая, пробить —
Путь сможет наружу себе проложить,
Спасется от смерти, умчится в Иран
К вождю храбрецов, повелителю стран.
Решайтесь сразиться, кровь вражью пролить,
Щитами прикрывшись, мечи заносить!
Коль счастье нам плод принесет, не уснет,—
Престолы, венцы нам за муки пошлет.
Нельзя на Творца чтоб кто-либо отверг
Надежду, хотя бы день ясный померк».
Сказал Саве-шах предводящим бойцов:
«Пред войском теперь поместите слонов.
Рать разом на недругов двиньте своих,
Мир сделайте темным и тесным для них!»

Слонов издалека завидев, клинок
Бахрам разъяренный из ножен извлек,
Воскликнул затем: «Боевые вожди,
В сраженьях стяжавшие славу мужи!
В ход луки из Чача пора вам пустить,
Шеломами головы всем защитить.
За жизнь и главу властелина царей,
Великих избранника, славы мужей!
Пусть каждый, имеющий лук со стрелой,
Свой лук оснастит тетивою тугой,
Стрелу, чей в крови наконечник омыт,
Трехжалую, в хобот слоновий вонзит.
А там заносите свои булавы,
Разите врагов, и осилите вы!»
Свой лук оснастил сипехбед, над челом
Стальной вслед за тем водружает шелом.
Пред войском шлет стрелы испытанный вождь,
Ты скажешь, весенний обрушился дождь.
За ним и дружина. От перьев и стрел
Померкла звезда, небосвод потемнел.
Спасенья нет хоботам ратных слонов,
Степь в озеро вдруг обратила их кровь.
Изранены стрелами, разъярены,
Топтать стали войско свое же слоны.
Терзаясь от ран, обратилися вспять
И поле войны принялись покидать.
Вослед за слонами и войско бежит,
Земля, словно Нильские волны, бурлит.
При бегстве немало бойцов полегло,
Удачи не стало, злосчастье пришло!
За полем сражения высился холм;
Престол на холме зеленеющем том
Из золота, взор ослепляя, блистал,
Воинственный там Саве-шах восседал.
А мимо уж войско железной горой
Несется, в пыли, каждый мрачен душой.
Бегущих преследуя, разъярены,
Охвачены буйством, их топчут слоны.
И слезы не мог Саве-шах удержать,
Взирая с холма на бегущую рать.
Вскочив на ретивого в беге коня,
Летит, устрашен, из всей силы гоня.
Но ищет его, что взъарившийся слон,
Арканом и стрелами вооружен,
Бахрам. Окликает своих смельчаков:
«О храбрые, счастье ушло от врагов!
Не время раздумья и долгих речей,

Скачите, клинки обнаживши мечей!
Стрел дождь неустанно вам надобно лить,
Разите, как витязям должно разить!»
Так молвил, затем устремился на холм,
Туда, где пред этим в венце золотом
Сидел Саве-шах. На коне увидал
И степью вослед, словно лев, поскакал.
Он выбрал стрелу, острие — серебра *
Светлей, и четыре орлиных пера.
Рукой по чачийскому луку скользнув
И кожу оленью к себе потянув,
Он левую выпрямил руку, согнул
Он правую, лука послышался гул.
Лишь к пальцу приник наконечник стальной,
Уже очутился за вражьей спиной.
И вот на земле Саве-шах, недвижим,
Кровавый поток заструился под ним.
Где ратью владевший несметною той,
Где царский венец и престол золотой!
Бегущего свода дела таковы,
Нам ласковый лик не являют, увы!
Престолом высоким, смотри, не кичись;
Коль будешь беспечен, несчастья страшись!..
Бахрам, до сраженного тюрка домчась,
По темному праху повлекши, тотчас
Снес царскую голову, и никого
Из близких там не было подле него.
Когда же смогли его тюрки найти,
Увидели тело в крови на пути —
Над ним безутешно рыдать принялись,
Стенанья наполнили землю и высь.
Сын вымолвил: «Это содеял Изед;
Отмечен, знать, счастьем Бахрам-сипехбед».
Где ратникам было спасенье найти!
Их множество пало на тесном пути,
И много легло под ногами слонов,
Вернулся один из десятка бойцов.
Кого в тесноте затоптали слоны,
Кто пал, обезглавлен, на поле войны...

[*Бахрам Чубине убивает колдуна*]

Вот девять часов от сраженья того
Прошло. Нет уж недруга ни одного,
Коль тех не считать, кто плененье терпел,
Душою томясь, изнывая от стрел.
Весь путь — лишь броня да шелом. Не один
Смерть встретил в шеломе боец-исполин.

Стрел множество, луков и хиндских клинков
Осталось на поле войны от врагов.
Конь павший, оседланный, где ни шагнешь,
Тел груды, степь — море кровавое сплошь.
Без устали по полю ездил Бахрам,
Иранцев убитых разыскивал там.
Промолвил Хорраду Борзину потом:
«Будь нынче за горестным этим трудом!
Узнай, кто убит из иранских мужей,
Нам слезы о ком проливать из очей».
И розыски Хоррад-Борзин тут повел,
Все в стане палатки, шатры обошел.
Из знатных мужей не нашли одного,
Бахрам было чтимое имя его.
Из рода вождей именитых сей муж,
Прославленный предок его — Сиавуш.
Все по полю бродят, глядят здесь и там,
Ища, не найдется ли витязь Бахрам.
Выносят и раненых, и мертвецов —
Нигде не находят Бахрама следов.
То видя, дружин предводитель скорбит,
«Жаль мудрого, смелого мужа»,— твердит.
Ждет долго, и вдруг приближается он,
Что ключ от замка, появляется он.
Туранец с ним — рыжий и рысьи глаза,
А в сердце, сказал бы, бушует гроза.
Увидев Бахрама, Бахрам говорит:
«Пусть вечно бы в землю ты не был зарыт!»
Туранцу промолвил затем: «Отвечай,
Ты, с мерзким обличьем, где ад, а не рай!
Ты кто и ведешь от кого ты свой род?
Тебя породившая слезы да льет!»
«Колдун я,— такой услыхали ответ,—
Во мне человечности, мужества нет.
Когда предводителю войска спешить
Не должно, мудрей выжидание длить —
Смущаю, такое средь ночи явив,
Что станет медлительный вдруг тороплив.
Знай, сон тот дурной показал тебе я,
Да злая невзгода постигнет тебя.
В ход больше пустить надлежало мне чар,
Не весь применил я волшебный свой дар,
Тем зло на себя самого я навлек;
Напрасно трудился — настиг меня рок!
Меня коль от смерти клянешься спасти,
Искусного друга ты смог обрести».
Бахрам, это слыша, раздумьем объят,

Лицом пожелтел он, сомненья томят.
То мыслит: «В час трудный, опасный в войне
Помощник такой пригодился бы мне».
То мыслит: «Что смог обрести Саве-шах
От мага, искусного в черных делах?
Добра от Создателя жди одного,
А также от искренно чтущих его!»
Велит ему голову тут же рубить,
Нечистое тело с душой разлучить.
Поднялся затем и, к Творцу вопия,
Промолвил: «О правый, благой Судия!
Величье, победы, благой ореол,
Высокое званье, венец и престол,
И горе, и радость — все лишь от тебя.
Блажен, кто стезю твою сыщет, любя!»
Тут главный дабир обратился к нему:
«О вождь умудренный, нет равных кому!
Благой Фаридун, Бахрам-Гур, Нуширван —
Кому столь великий служил пахлаван?
Весь — доблесть и мудрость и весь — благодать,
Где миловать, знаешь, где должно карать.
Тобой вся держава Ирана жива,
Ты витязей чтимый, любимый глава.
Тобою престол сей высокий высок,
Ты дать безопасность подвластному смог.
В роду сипехбеды и сам сипехбед,
Тебя породившей счастливее нет.
Из рода благого, угоден судьбе;
Дух царственный, царственный разум в тебе».
Тут час наступил разойтись по шатрам
Царевым воителям, знатным мужам.

[*Бахрам Чубине посылает Хормозду письмо с вестью о своей победе*]

Вот локон свой темная ночь завила,
На землю тем локоном сон навела,
Шатер из эбена над ней распластав,
И мир отдохнул от раската литавр.
Но ждать уж небес поворота невмочь,
Сколь долгою кажется темная ночь!
Вот челн золотистый взошел из воды
И сон отогнал, и призвал на труды.
Пришел сипехбед, за мужами послал,
От коих служения, помощи ждал.
Меж павших в сраженье туранских мужей
Велит отыскать именитых вождей,
Всем избранным в битву дружины вести

С плеч головы без промедленья снести,
И должно за каждой нести головой
Того предводителя стяг боевой.
Вот собраны пленники, с поля войны
Знамена и головы принесены.
Писца искушенного после призвал,
Тот долго, внимая Бахраму, писал:
О вражеском войске несчетном, о том
Как дело войны повернулось потом,
Про долгую битву, про тюрка того,
Что черное с ним учинил колдовство,
Про то, что иранец там каждый являл
Отвагу, кушак ни на час не снимал...
Все это поведав, посланье вручил
Посланцу проворному, полному сил.
Дать первое место велит голове
И знамени ратному шаха Саве.
Вслед головы витязей тюркских дружин,
Воителей стяги, чья родина Чин,
Велит на верблюде везти беговом,
Скорей да предстанут пред славным царем.
А пленники, также добыча войны,
В Герате до времени сохранены,
Пока повеление шаха придет.
Воинственных также он всадников шлет
Решенье владыки ему привезти —
На брань с Пармоде дозволенье идти.
Вот тронулся с места верблюд беговой,
Вослед — с предводителем всадников строй.
А пешие тюрки уходят меж тем
Без лат, снаряженья, обоза — ни с чем.
И вот уж в пределы Туранской земли
Воители Чина, Турана пришли.
Узнав о постигшей дружину беде,
Отбросил свой царский венец Пармоде.
Стенания, вопли слышны здесь и там,
Жизнь горькою сделалась тюркским мужам.
Льют слезы и сыплют на головы прах,
Забыли о сне, о покое, пирах.
Призвал предводителей рати своей,
Кровь сердца струится из царских очей.
Вождей вопрошает: «Столь мощная рать
Ужели не в силах была воевать?»
На то предводитель один отвечал:
«Их строй поначалу казался нам мал.
Но в мире во всем, верно, всадника нет
Такого, как грозный Бахрам-сипехбед.

Привел одного против сотни бойцов,
Не дрогнул и отрок меж тех удальцов!
Йездан-вседержитель возвысил его,
Сверх этого молвить нельзя ничего».
Услышав такие слова, Пармоде
В раздумье о том несравненном вожде.
Лицом пожелтел он, но местью дыша,
Решился на брань, хоть скорбела душа.
В сто тысяч воителей сильную рать,
Привыкшую в битвах врагов повергать,
Покинув дворец, на равнину ведет,
К Джейхуну-реке он дружину ведет.
Меж тем к Нуширванову сыну письмо
Того пахлавана еще не дошло.
Воссел мародержец меж знатных мужей:
«О витязи! — молвит в тревоге своей,—
Две минуло нынче недели, как нам
Известий не шлет предводитель Бахрам.
Как мыслите, что за причина сему?
Чего ожидать нам, свершиться чему?»
В дверях саларбар показался, едва
Хормозда-царя отзвучали слова.
Вошел он с отрадною вестью такой:
«О царь, да пребудет удача с тобой!
Победу Бахрам над Саве одержал,
В сражении том на весь мир просиял».
Царь вестника тотчас к себе допустил,
Над знатными всеми его усадил.
Тот молвил: «О царь достославный, в бою
Судьба тебе милость явила свою.
Да будет же вся твоя жизнь — торжество!
Состарилось счастье врага твоего.
Властителей головы узришь, их две:
Саве голова, также сына Саве
Второго, Фагфуром отец его звал,
На копья воздетыми их я примчал.
Услышав про это, навстречу весь град
Сбежался, на головы вражьи глядят».
Весть выслушав, царь покидает свой трон,
В глубоком поклоне сгибается он
И долго стоит пред Йезданом, твердя:
«О путь указующий нам Судия!
Повержен мой недруг на поле войны
Тобою, о солнца Творец и луны!
Унынью такому попал я во власть,
Что мыслил: знать, время с престола мне пасть!..
Не рать победила, не вождь-пахлаван,

Явил мне, рабу, свою милость Йездан!»
Дирхемов сто тысяч им извлечены
Из той, что родитель оставил, казны.
Дирхемов тех часть беднякам подарил,
Немало прислужникам всем уделил.
Вторую он храму пожертвовал, где
Всяк чествовал Мехр и Новруз, и Саде,—
Послал для хирбеда, чтоб ночью и днем
Мольбы возносил перед вечным огнем.
А третью он часть уделил пустырям,
В негодность пришедшим заезжим дворам,
Чтоб люду в них снова приют обрести,
Не ведать страданий и страха в пути.
И четырехлетнюю подать простил,
Для малых и знатных ее отменил.
Послание пишут от шаха затем
Краям, именитым правителям всем:
Мол, недруга в битве Бахрам одолел,
Снесть голову с плеч Саве-шаха сумел...
В молениях царь две недели провел
И после, как светоч небесный взошел,
Посланца Бахрамова снова призвал
Владыка, среди именитых сажал.
Посланья ответного строки звучат,
Вновь древом украшен величия сад.
Серебряный шлет предводителю трон
И кафшами он золотыми почтен,
И многим другим. Дан и княжий удел —
Хайталом теперь до Барака владел.
«Добычей, какую в пути обрели,—
Царь молвил,— ты войско свое одели.
Лишь то, что казной своей звал Саве-шах,
Да будет отныне в царевых руках.
Двинь после на рать Пармоде свою рать,
Владыкой могучим не дай ему стать!»
Иранцам дары в награжденье послал,
Иным города во владение дал.
Подарок богатый посланцу дарят,
Вести скакуна, величая, велят.
Посланец, пред очи Бахрама придя,
Немало порадовал сердце вождя.
Добычу он ратникам роздал, одну
Саве-нечестивца оставил казну;
Вручил ее всадникам смелым своим,
Испытанным, славным, умелым своим,
К царю во дворец повелев отвезти,
Сам войско спешит на войну повести.

[*Битва Бахрама Чубине с Пармоде и бегство Пармоде в крепость Авазе*]

О нем к Пармоде уж доставлена весть:
На трон шаханшаха, мол, мыслит воссесть...
Наследную крепость имел Пармоде,
Была ему верным оплотом в беде,
Там спрятал он золото и серебро,
Алмазы сокрыл и другое добро.
Стремительно реку Джейхун переплыл,
С дружиною к полю сраженья спешил.
Два войска готовились в битву идти
И медлить не стали нигде на пути.
До двух переходов от Балха дойдя,
Там поле пригодное оба вождя
Избрали. От войска другого одно
Двумя лишь фарсангами отделено.
Наутро воинственный вышел Бахрам
Взглянуть на врага, присмотреться к бойцам.
Его издали Пармоде увидал,—
За полем он холм крутобокий избрал,—
И войско спешит на коней посадить,
Но видит: на поле уж негде ступить;
Так войском Бахрамовым наводнено,
Что стало в глазах у туранца темно.
А вождь, возглавляя воинственный строй,
До неба, сказал бы, вознесся главой!
В печали воителям молвил своим:
«Знать, сам Ахриман с предводителем сим.
Нет счета могучему войску сему,
Невмочь в эту битву идти никому.
Вождь ярый, свирепый, лить жаждущий кровь;
Под ним, ты сказал бы, прах темный багров.
Мы, ночи дождавшись, нагрянем впотьмах,
Отгоним от сердца тревогу и страх!»
В верховную ставку вошел Пармоде,
Исполненный дум о грядущей борьбе.
Себе говорил: «Путь какой же избрать
Иной? Даже будь малочисленна рать —
Искусны воители, кони сильны;
В сраженье кем были бы превзойдены
С оружьем подобным, с Бахрамом-вождем?
Былинкой сочтет он копье, не копьем!
Сразив Саве-шаха и той окрылен
Победой, он кровью теперь опьянен.
Но будь он горой — коль на помощь Творец
Придет, отомщен будет мною отец!»

В те дни, как иранцев страну покидал
Бахрам, против тюрков на брань выступал,
Сказал звездочет возглавлявшему рать:
«Не должен ты в среду войну начинать.
Сие преступив, нанесешь себе вред.
Запомни, натерпишься множества бед!»
Обширный раскинулся сад в стороне
От поля, где быть предстояло войне.
Он в среду с зарей под садовую сень
Вошел: проведем, мол, в веселье сей день!
Ковры — воплощенье богатства — несут,
Призвали певцов, вина, яства несут.
В тот сад он вступил и вина он испил.
Лишь минула стража одна, поспешил
Дозорный предстать пред туранским царем,
Доносит: Бахрам, мол, сдружился с вином...
Пять тысяч избрал Пармоде храбрецов,
Искусных наездников, лучших бойцов,
Велит им немедля тот сад окружить,
Без светочей разом напасть и разить.
О замысле вражеском тотчас узнал
Бахрам-сипехбед, их расчет разгадал.
«О славный!— услышал тут Елан-Сине.—
Пробоину сделай в садовой стене».
И тут же с Изедом-Гошаспом Бахрам,
Веленье дав следовать прочим мужам,
Вскочив на коней, тот покинули сад;
Во мраке ничей не приметил их взгляд.
Раздался трубы оглушительный зов,
Повел сипехбед в наступленье бойцов.
Другая открыта пробоина вмиг,
Рать вражья разбита, расстроена вмиг.
С секирой Бахрам устремляется в бой,
Сражается наполовину хмельной.
От рук его недругов мало ушло,
Хмельную главу кроволитье влекло.
Бряцанье оружья немолчно звучит,
Так молот кузнечный по стали стучит.
От сада того до холма Пармоде
Бойцов обезглавленных груды везде...
Когда же к себе воротился во стан,
Задумал средь ночи напасть пахлаван.
И вот уж на мир опускается мгла.
Когда половина той ночи прошла,
Вождь вывел дружину. Движение то
Из тюркских дозоров не видел никто.
Как только приблизился к полю войны,

Рычанье трубы вознеслось до луны.
Разбужены медною этой трубой,
Вскочили туранцы и ринулись в бой.
Все яростней ратные схватки во мгле
На правом крыле и на левом крыле.
Друзей уж невмочь отличить от врагов;
Ночь темная, длинные копья бойцов.
Уж пламя клинком высекают мечи,
И землю, и высь обжигают мечи.
Строй тюрков уже малочисленным стал,
И камень от крови похож на коралл.
Бежит предводитель, покинувши брань,
Уста почернели, иссохла гортань.
Так мчался, покуда заря занялась,
Ночь, темный подол подобрав, унеслась.
Вождь рати иранской, туранцев нагнав,
Царю Пармоде, словно лев, зарычав,
Кричит издали: «Эх, злосчастный беглец!
С мужами тягаться тебе ли, юнец!
До зрелости мужа тебе далеко,
Поди, материнское пей молоко!»
«О хищник свирепый! — донесся ответ.—
Предела ужель твоей алчности нет?
В сраженьях пресытились кровью мужей
И чудища моря, и тигры степей,—
Твой кровью вовек не насытится гнев,
Ты, вижу, воистину яростный лев!
Снес голову ты Саве-шаху, щедрот
Которому столько являл небосвод.
Такой уничтожил ты воинский строй,
Что скорби исполнились солнце с луной.
Я миру оставлен тем славным царем,
Считай, что и я твоим скошен мечом.
Ведь каждый живущий для смерти рожден,
Родился иранцем ли, тюрком ли он.
Я ныне спасаюсь, ты гонишься, но
До срока меня не найдешь все равно.
Вернусь коль с оружьем, погибнуть в войне
Тогда доведется тебе или мне.
Ты гневом не будь безрассудным палим,
Вождю не пристало быть лютым таким.
Теперь к своему возвращусь я двору
И путь, подобающий мне, изберу.
Хочу своей нынешней доле под стать
Посланье владыке Ирана послать.
Коль примет слова мои, с этого дня
Преследовать больше не станет меня.

Я стану слугою престола его
И царства не стану искать своего.
Все мысли вражды и войны изгони,
На мысли добра и веселья смени!»
Вняв недруга миролюбивым речам,
Вернулся, погоню оставил Бахрам.
Избавясь от битвы, во стан Пармоде
Помчался. На поле сраженья везде,
Где груды лежали поверженных тел,
Он головы им отрубить повелел.
Все больше скопленье голов, уж оно
Гранитной горе высотою равно.
Мужи именитые долго потом
Ту гору Бахрамовым звали холмом.
Оружье, добычу, какую нашли,
Собравши, к тому же холму принесли.
Посланье владыке спешит написать
Бахрам: про несметную тюркскую рать,
Что вел Пармоде; про удар, что сперва
Готовил воинственных тюрков глава,
Про то, как, Бахрама мечом устрашен,
Бежал, запросив перемирия, он...
Меж тем, укрываясь в твердыне, хакан
Тревожными думами был обуян.

[*Пармоде просит защиты у Бахрама Чубине*]

Ту мощную крепость не раз обошли,
Как взять ее с бою, пути не нашли.
Слова тут Бахрамом произнесены:
«Тот жалок, кто медлит на поле войны!»
И велено Елансине отобрать
В три тысячи воинов смелую рать;
В четыре — другую дружину мужей
Изеду-Гошаспу сажать на коней.
Дано повеленье: кого на пути
Увидят — тем голову тут же снести:
Мол, видя, что кровью вся степь залита,
Царь выйдет, быть может, и будет взята
Твердыня. Три дня понапрасну прождал;
В четвертый, лишь светоч дневной воссиял,
Такое посланье он шлет Пармоде,
Державы и царского рода главе:
«Снискавший Турана и Чина престол,
Ты крепость почто всей земле предпочел!
Где ярая та Саве-шаха война,
Та сила державная где и казна!

Где в крепкой броне боевые слоны,
Где знатные, что разуменьем сильны!
Где хитрые чары, где то колдовство —
Почто сторонишься ты ныне всего?
Мир равных не ведал отцу твоему,
Всей тюркской земли было мало ему.
Ты ж ныне, в твердыню забившись, почто ж
Там в кровь, словно жены, лицо свое рвешь!
Ворота открой да покрова проси,
Мое пред владыкою слово проси,
Казну, что в твердыне хранишь, погрузи,
На поле динаров сумы вывози.
Держась за казну, потеряешь страну.
Кто истинный царь — презирает казну.
Во мне ты пред шахом защиту найдешь —
Ирана не я ль почитаемый вождь?
Высоких всех выше тебя вознесу,
Благ боле, чем ждешь ты, тебе принесу.
Коль разума сыщешь довольно в себе,
Своей чтоб помочь омраченной судьбе,
Откройся и речь без утайки начни,
Ответ, коль дошло до сего, не тяни!
А если союзника в брани нашел,
Богатств и динаров довольно обрел,
Дай грянуть кимвалу, на месть выходи!
Коль беден ты, рать не сберется, не жди!»
Гонцом принесенный наказ отзвучал,
Спасенья искавший на то отвечал:
«С моими словами к нему возвратись:
Испытывать тайны судеб не берись!
Иль дерзость обрел ты затем, что труды
Твои принесли в изобилье плоды?
Дел кривды чуждайся порою побед;
Ты пусть новоявлен, но стар этот свет.
В загадки вращения сфер не проник
Никто, никому не явили свой лик.
И я ведь слонов и литавры, и рать
Имел. Не пристало вождю попрекать!
В обмане высокий сей свод изощрен,
Своим возвышеньем не будь обольщен.
Отец мой венчанный, что в мире гремел,
Кого ты в сражениях сам лицезрел,
Чей конь под копытами видел весь свет,
Кто властвовал, скажешь, над ходом планет,
Того, что не должно желать, возжелал,
От мысли неверной, неправедной пал.
Нет доблести места с коварством в ряду,

Тут враг засмеется тебе на беду.
Сказал ты вначале: мол, войска число
И солнца и месяца свет превзошло;
Что травное семя — верблюды, слоны...
Все мельничным будто крылом сметены!
Превратность и вам суждено испытать,
Не вечно тебе ликовать, побеждать.
Рок мстительный, злобный тебя да страшит,
Он противоядие в яд обратит.
Кто кровь проливает без устали сам,
Тот замыслы мщенья внушает врагам.
Поплатится после он кровью своей
За кровь, им пролитую, храбрых мужей.
Туранский предав разорению край,
От тюрков дождешься отмщения, знай!
Без войска не выйду на бой; назовет,
Коль выйду, безумцем меня доброхот.
Не жди, что меня одного залучишь,
Ты с жизнью, страшусь я, меня разлучишь.
Рабом ты зовешься, царем я зовусь,
Ужель пред рабом униженный склонюсь!
Защиты просить у царя твоего
В беде — не сочту я позором сего.
Отныне казною и крепостью сей,
И людом, и краем сим славным владей».
С известием этим примчался посол,
И радость Бахрам от известья обрел.

[*Бахрам Чубине просит у Хормозда охранную грамоту для Пармоде*]

Послапье благое потом написал,
Хормозду, высокому шаху, послал.
Хакан, мол, к решению сдаться придя,
В твердыне укрыт от Бахрама-вождя.
Здесь грамота надобна, шаха печать.
Нам впору от вести такой ликовать.
Хакан коль решился пощады просить,
Величие на униженье сменить,
Я чаю, его шаханшах пощадит:
Он вовсе своим пораженьем убит...
Посланием царь осчастливлен вконец,
До туч вознесен благодатный венец.
Иранцев призвать во дворец поспешил,
Пред царским престолом мужей усадил.
Посланье прочли пред собранием всем,
Алмазами чтец был засыпан затем.
Царь молвит иранцам: «Хваленье Творцу!

Не смолкнет до света моленье Творцу.
Коль стал моим подданным Чина хакан,
Венцом небосвод, знать, отныне мне дан.
Уж голову он к небесам возносил,
Себя всей земли повелителем мнил.
Усердьем благого слуги моего,
Любимца побед, сипехбеда того,
Властителем ныне признал меня кто ж?
Турана и Чина владыка и вождь!
Хвала властелину небесных светил!
Он дал для победы обилие сил.
И ваша Творцу да не молкнет хвала,
Усердствуя, множьте благие дела!»
Посла пахлаванова царь подозвал,
Слов добрых, горячих немало сказал.
Доставить велит, весь в узорах камней,
Кушак, скакуна, одеянье царей.
Узда золотая на резвом коне,
И блещет жемчужина в каждом звене.
Вручил и посланцу динаров суму
И всяких изделий немало к тому.
Богатый тот дар для Бахрама вручил,
Главой пахлаванов его объявил.
И после дабира благого призвал,
И грамоту тот на шелку написал:
Мол, друг наш ближайший — хакан Пармоде,
Под нашей теперь он защитой везде.
Йездан будь свидетель маншуру * сему;
Рабами нам быть, властелином — ему...
Готов на письмо, что прислал сипехбед,
Подобный цветущему раю ответ.
Так сказано там о туранском вожде:
«С дружиной пришли к нам добром Пармоде.
Затем из того, что на поле собрал,—
Усердье немалое в том оказал! —
Достойное выбрав, доставь во дворец.
Тебе да поможет всесильный Творец!
Повсюду гляди, не найдешь ли в живых
Врагов. Коли некто остался из них,
В полон уводи, жги жилища везде
При добрых знаменьях, счастливой звезде.
Коль больше числом тебе надобна рать,
Дабы в изобилье добычу собрать,
Посланье второе пришли мне. Готов
К тебе отрядить сколько нужно бойцов.
А тех, кто содействовал в брани тебе,
Явившим и верность, и стойкость в борьбе,

В послании всех назови имена,
Да будет их верность вознаграждена.
И станет марзбаном твой каждый храбрец,
Тебе подарю пахлавана венец».

[*Бахрам Чубине гневается на Пармоде*]

Посланье царя к пахлавану пришло
И молодость сердцу его принесло.
Владыки посланием ошеломлен,
Послал за мужами иранскими он.
Богатый властителя дар показал,
И каждый, кто видел, хваленье воздал.
Иранцам поведал затем обо всем,
Что писано шахом в послании том.
С айвана тогда благодарственный глас
Так грянул, что скажешь, земля затряслась.
Охранная грамота, что властелин
Прислал предводителю тюркских дружин,
Немедленно послана в крепость ему,
И в сердце сиянье рассеяло тьму.
Спустился он с башен твердыни своей,
Хваленье воздал властелину царей.
Богатства, что крепость хранила, вручил
Бахраму и делу конец положил.
Покинул твердыню великий, огня
Быстрей на ретивого прянул коня,
Не взявши труда на Бахрама взглянуть,
С дружиной стремительно двинулся в путь.
Бахрам это выслушал, гневом горя;
Хоть смог залучить в свои руки царя,
Тотчас повелел его пешим с пути
Пред войско свое, волоча, привести.
Бахраму-вождю говорит Пармоде:
«Не я ль почитаем был всеми, везде.
Столь славен, велик, о пощаде воззвал,
С такой высоты в унижение впал!
Спознал меня с горькой судьбиною сей —
Тебе и того не довольно, злодей!
Охранная грамота ныне со мной.
Предстану пред тем, кто владеет страной,—
Быть может, со мной обойдется, как брат,
Мой жребий щедроты его облегчат.
Что ныне ты ищешь, где видишь урон?
Все отдал я — замок, богатства и трон».
Тут сердце вскипело в Бахраме-вожде,
Взор гневом зажегся от слов Пармоде,
И плеть над венчанным дерзнувши поднять,

Удар он наносит, как низким под стать.
Велит ему ноги сковать и везти
В теснейшем шатре до скончанья пути.
Увидел и вымолвил Хоррад-Борзин:
«С рассудком враждует сей вождь-исполин!»
К дабиру верховному после придя,
Сказал: «Ни на волос ума у вождя,
Ни мудрости, ни добродетели нет,
Не ставит других ни во что сипехбед.
Да знает: не будет добра от сего,
Нет гнева страшнее врага у него».
Отправились оба к Бахраму. Черны
Их лица, уста наставлений полны.
Сказали: «По ветру развеял труды!
Для знатного гнев — злее всякой беды».
И понял Бахрам, что худое свершил,
Сырец, уже высохший, в воду пустил.
За голову взялся от сделанных дел,
Оковы, раскаявшись, снять повелел;
Клинок ему хиндский в ножнах золотых
Послал, скакуна в стременах золотых,
И сам поспешил он к хакану придти,
Чтоб свет омраченной душе принести.
Пока на коня, опоясавши стан,
Воссел он, дождался Бахрам-пахлаван.
Хоть долго, его провожая, скакал,
Лик царский смягчившимся не увидал.
Порою прощанья царю говорил:
«Обиду ты в сердце своем затаил.
От шаха иранского скрой ее все ж,
Коль выскажешь, радости не обретешь».
«Я жалуюсь,— молвил на это хакан,—
На долю, и жалобу слышит Йездан.
Я, знай, не из тех, кто не в силах молчать,
Готов перед каждым слова расточать.
Коль твой властелин не узнает о сем,
Поистине быть не достоин царем.
В оковы вертящийся свод меня вверг!
Что раб заковал, не скажу я вовек».
Бахрам от услышанных слов пожелтел,
Но мужеством гнев успокоить сумел.
Промолвил в ответ: «Как не вспомнить слова,
Что некогда молвил отважных глава:
Ты зла семена в этом мире не сей;
Посеешь — восплачешь о жатве своей.
Почто свое сердце склонял я к тебе,
Мечтал для тебя о счастливой судьбе!

Послания слал властелину царей,
Молчал о провинности каждой твоей!»
«Все это,—хакан отвечает,— прошло,
Минуло и ветром давно замело.
В день брани — суровости, мщенья черед,
В день мира — терпенья, прощенья черед.
Коль гнев для тебя с примиреньем — одно,
Быть с разумом в дружбе тебе не дано.
Коль вождь повелителя путь своего
Отринул — отринет и мудрость его.
Нам следовать должно заветам Творца,
От злобы и мрака очистить сердца.
Длить речи нам пользы б теперь не дало,
Развеяно ветром минувшее зло».
Бахрам на слова Пармоде отвечал:
«Я это сокрытым оставить желал.
Коль скоро вреда не предвижу от слов,
На правду не кину из шелка покров.
Прибывши, любые слова произнесть
Ты можешь, мою не уронишь ты честь».
«Царь каждый,— на это хакан говорит,—
Коль злое от доброго не отличит,
Покроет проступок подвластного — он
И мудрости светлой, и знанья лишен.
Пусть недруга взор на тебя упадет,
Иль будет он ровня тебе, доброхот —
Благого в тебе не найдет ничего,
Сочтет скудоумным царя твоего».
Речь выслушав эту, Бахрам пожелтел,
А Хоррад-Борзин в сокрушенье глядел,
Страшился, нрав ярого мужа кляня,
Что в полымя тот попадет из огня.
«Вождь рати царевой! — сказал,—проглоти
Свой гнев да назад возвращайся с пути.
Хакановы речи — правдивы они,
Внимай, помышленья худые гони!
Не дал бы ты воли суровым речам,
Терзаться бы не о чем было сердцам».
Бахрам отвечает: «Достоинств лишен,
Трон отчий занять порывается он!»
«От злобы,— сказал Пармоде,— воздержись!
До старости жизнь без отца мне не в жизнь.
Так, каждый в сем мире, подобный тебе,
Дым в сердце таящий и вихрь в голове,
Дурное лишь мыслит, не ладит ни с кем,
Злом, кривдой влекомый и больше ничем.
Владыкой Ирана стращаешь меня,

Твердишь о невзгодах грядущего дня.
Но ровня он мне меж достойных мужей,
Не раб, что погибели жаждет моей.
Разумен и кроток, и родом высок,
Прославленных много припомнить бы мог.
Тебя заклинаю Ирана главой —
Ты ныне свой путь не продолжи со мной,
Злонравно не множь неприветных речей,
Молчи, да не слышишь ответных речей!»
Вняв слову, Бахрам воротился во стан,
Но жаждою мщения дух обуян.
Исполненным разума знатным мужам,
Собрав их, воинственный молвит Бахрам:
Мол, должно Хорраду Борзину и с ним
Дабирам и знати, мобедам благим
Посланье владыке земли написать,
О тайном и явном ему рассказать...
Затем предводитель, чей гнев не угас,
«О мудрые! — молвил.— Отсюда сейчас
Направьтесь к поверженной крепости той,
Не мешкая, вихрю равны быстротой.
Сокровища все обозрите, как есть,
Казну и запасы — всё надобно счесть».
Исполнены страха, дабиры идут.
С рассвета до ночи глубокий их труд
Продлился. Исписано много листов,
Но все еще список богатств не готов.
Столь много их в крепости — негде ступить,
Число их года не могли сократить.
С Арджасповых дней, Афрасьябовых дней
Динары без счета и жемчуг морей,
И множество в копях добытых чудес,
Возросших из недр изволеньем небес.
Все это хранила в себе Авазе,
Чье славили имя по свету везде.
Кушак Сиавуша лежал в глубине,
С алмазом сверкающим в каждом звене,
И серьги, которым подобных красой
Ни знатный вовек не имел, ни простой.
Потом от царя Кей-Хосрова Лохрасп
Их принял, от шаха Лохраспа — Гоштасп.
Здесь были сокрыты Арджаспом-царем,
Никто уж не помнит о времени том.
Но вот наконец переписаны все
Сокровища непревзойденные те.
Тут послан Бахрамом пытливый дабир,
Ученый и красноречивый дабир.

Все тщательно собраны им, сочтены
Богатства из крепости, с поля войны.
Меж них драгоценная пара серег
И пара алмазноузорных сапог,
Где места без нитей блистающих нет,
На каждой из нитей горит самоцвет,
Две штуки йеменской парчи золотой,
Семь манов *, как взвесили, было в любой.
Забыв Судие предстоящий ответ,
Путь дерзости, кривды избрал сипехбед.
Йемена парчу для себя отложил
И в описи той сапоги пропустил.
Изеду-Гошаспу велит он потом
Избрать десять сотен мужей, чтоб верхом
С ним вместе отправились в царский дворец.
И вот уже сборам приходит конец.
Просил, караванов чтоб тридцать хакан
Прислал. Принял ноши по счету сарбан.
Наездники сзади, хакан впереди,
С ним чинская знать, боевые вожди.

[*Прибытие хакана к царю Хормозду*]

С мужами, с богатствами прибыл хакан
К властителю, коим возглавлен Иран.
Услышав о том, шаханшах налегке,
В царевом венце, с булавою в руке,
Воссел на коня и дворца он достиг.
Взглянув из сеней и завидевши лик
Хакана, он медлит: его на пути
Увидя, на что, мол, решиться: сойти
С коня, и воителям спешиться с ним,
Вернуться ли? Помыслом занят он сим.
Меж тем и хакан появился, примчась
Верхом, спутник рядом с ним, Изед-Гошасп.
С седлом скакуна вслед за тем разлучась,
Он двинулся к шаху Ирана тотчас.
Но с ним ни на миг не остался в сенях,
Погнал скакуна своего шаханшах.
И вновь на коне, выжидает хакан
Покуда воротится шах на айван.
Вслед едет за шахом, но тут же узда
Коня его стражем дворцовым взята.
Мгновенно с коня Пармоде соскочил,
Смиренной покорности чудо явил.
Когда же приблизился к трону потом,
Немало хакан был обласкан царем.
Приветствовал, рядом с собой усадил

Владыка, врагу состраданье явил.
Был после чертог подобающий дан
Хакану — просторный и светлый айван.
И в чем бы нужду ни испытывал он,
Всем был Пармоде в изобилье снабжен,
И место дружине дано близ него —
Особый приставлен дабир для того.
Когда шаханшах про сокровища те
Узнал, что доставил ему Пармоде,
Тотчас на майдан их отправил, при них
Оставить и стражей велел верховых.
Семь дней дал от тягот пути отдыхать,
Пора наступила затем пировать.
Тут рядом хакана с иранским царем
За пиршественным усадили столом.
Верблюдов велит разгрузить шаханшах,
Тот груз пред вождями пронесть на плечах.
Считать повелел, сколько за день прошло
Там слуг: десять тысяч их было число.
С зарей, лишь от мрака избавился мир,
Вино принесли, и продолжился пир.
Вновь с ношами слуги с майдана спешат;
Сочли — тысяч их набралось пятьдесят.
Наполнила сто кладовых Авазе.
Когда завершилось деянье сие,
Царь тронный доставить покров повелел,
Раскинуть пред взором бойцов повелел.
Увидели серьги, уборы они,
Все — золото сплошь и алмазы одни.
Встал клич среди пира, у всех на устах:
«Да всех побеждает сей доблестный шах!»
Изеду Гошаспу царь молвил затем,—
Давно сокровенным с ним делится всем:
«Как мыслишь: конец недостойной вражде
Положит, как муж, Чубине с Пармоде?»
Изеда Гошаспа раздался ответ:
«О царь добросердный, в ком мудрости свет!
Вспомянут когда Чубине на пиру,
Поверь, пированье сие не к добру».
В душе подозренье при этих словах
Родилось, раздумьем объят шаханшах.

[*Хормозд узнает*
о нечестности Бахрама Чубине
и заключает союз с хаканом]

Верховный дабир повелителю шлет
Посланье: «Будь счастлив, владыка владык!

Мол, радуйся вечно, владыка владык!
Будь вечно пред взором венец твой и лик!
Знай, два одеянья йеменских извлек
Бахрам, всю в жемчужинах пару сапог,
Да пару серег, что носил Сиавуш,
Нам мудрость в наследье оставивший муж,
Извлек, и не диво, что взял их себе,
Труда ведь немало затратил в борьбе...
Вступает в беседу с Шахаком-гонцом
Владыка: скажи, мол, что знаешь о том...
Шахак ему тот же рассказ повторил,
И гнев властелина тогда охватил.
Промолвил он: «Сбился с пути Чубине,
Уж голову видит свою на луне!
Одно, что правителя чинских мужей
Ударил — в согласье с природой своей.
Второе, что серьги себе он избрал.
Зачем же, ужели владыкою стал?
Труды свои сам он по ветру пустил,
Добро сотворенное в зло обратил».
Так молвив, зовет он к себе Пармоде,
Сажает его на почетной скамье.
Пируют, покуда дню стало невмочь
И темные кудри рассыпала ночь.
Так молвил хакану: «До этого дня
Бед множество вынес ты ради меня».
К нему потянулся и за руку взял.
Дивясь, Пармоде на владыку взирал.
Царь молвил: «Со мною ты возобнови
Союз, время новым отныне зови.
Йезданом клянись, что над всем вознесен,
Кем свет Моштари и Зохре сотворен:
Ты впредь не пойдешь против воли моей
И царства сего именитых мужей».
Дал крепкие клятвы одну за другой:
Йезданом всевидящим, Солнцем, Луной,
Азером Гошаспом и жизнью вождей,
Престолом, печатью, кулахом царей,
Что с шахом он сердцем пребудет един
И сердцу его не доставит кручин.
Беседу окончили, с места встают,
Довольные, в опочивальни идут.
Вот солнцем гора уже позлащена,
И встали венчанные те ото сна.
Готовит венцы повелитель царей,
И золото, и серебро, и коней,
Кушак золотой, где жемчужный узор,

Подвески и серьги — весь царский убор,
Коней аравийских в уздах золотых,
Из Хинда булаты в ножнах золотых —
Все это с хаканом владыка послал
И два перехода его провожал.
Проехав и третьего добрую часть,
К себе возвратился, с хаканом простясь.
О даре богатом владыки земли
Известия до пахлавана дошли,
О том, что хакан, осчастливлен и рад,
От шаха иранского едет назад,
И встречу готовит Бахрам Чубине,
С ним все доброхоты в иранской стране.
Везде позаботился вождь о кормах,
В селеньях и градах, в степях и горах.
Молить о прощенье примчался верхом,
Исполнено ярое сердце стыдом.
Хакану хваленья воздать он спешит,
Но лик отвернул Пармоде, не глядит.
Отринул все то, что ему поднесли,—
Припасы, рабынь и монет кошели.
С ним рядом Бахрам устремляется в путь,
Но тот на него не помыслил взглянуть.
Уж третья стоянка прошла — о вожде
Не вспомнил, его не призвал Пармоде.
С четвертой сказать посылает ему:
«Довольно, труды твои длить ни к чему».
Услышав, Бахрам обращается вспять,
Стремительно к Балху пустился скакать.

[*Хормозд посылает Бахраму Чубине прялку и женскую одежду*]

Не благоволит и владыка к нему,
От гнева душа, ты сказал бы, в дыму.
Во-первых, за то, что забыв о стыде,
Осмелился он оскорбить Пармоде,
За то, во-вторых, что без воли царя
Недолжное взял, вожделеньем горя.
Посланье вождю приготовил тому:
«О див неподобный! — так пишет ему.—
Забыл: от Йездана и сила, и честь,
На круге небесном задумал воссесть!
Ничуть о моих не помыслил трудах,
О войске моем, о казне и дарах.
Не шествуешь ты пахлаванов путем,
Возносишь главу до небес непутем.
Отверг изволенья, веленья мои,

Теперь о другом помышленья твои!
Почту же и я тебя даром другим,
Достойным, под пару деяньям твоим».
К письму приложили цареву печать,
И после он черную прялку достать
Велит вместе с хлопком и веретеном,
Румяна с духами, из худших притом,
Рубах разноцветную пару дрянных,
Да желтый чепец и шальвары при них.
Велит и посланца похуже избрать
Тому недостойному дару под стать.
Промолвил: «К Бахраму пригнавши коня:
Презренный, безродный! — скажи от меня —
Властителя Чина дерзнул заковать,
Великих по сердцу тебе истязать!
Низвергну, на троне тебе не сидеть,
Считать тебя мужем не стану я впредь!»
Посланец, с тем даром до места домчась,
Вождю передал слово в слово наказ.

[*Бахрам показывается своему войску в женском одеянии*]

Бахрам, как посланье и дар увидал,
Терпенье явил и молчанье избрал.
Себе говорил: «Вот награда моя!
Дождался я гнева, опалы царя.
Не выдумка это владыки, о нет,
То недруга тайного злобный навет.
Мы слуги, властителю — повелевать,
Меня коль унизит, не стану роптать.
Я думал, однако, досель, что пути
Зломысленным к шаху сему не найти.
Когда я с дружиною малою той
От шахского трона направился в бой,
Все видели, что совершить я успел,
Сколь много трудов и невзгод претерпел.
Когда воздаянье труда моего —
Позор, изволенье судеб таково,
Взмолюсь я к Йездану: почто небосвод
Лишил меня прежних великих щедрот!»
Подателя благ, Судию восхвалил,
Одеждою пестрой себя облачил,
С собою взял черную прялку к тому,
Все то, что прислал предводитель ему.
Велит, чтоб вожди боевые пришли;
Всех витязей славных Иранской земли,
Всех доблестных, высокородных созвал;

В раздумье тяжелом воителей ждал.
Когда разглядели, придя, стар и млад
Невиданный тот ратоборца наряд,
Все замерли разом, смутясь, изумясь,
Иная у каждого мысль пронеслась.
Так вымолвил после дружины глава:
«Награда от шаха моя такова!
Царь властвует, нам покоряться дано,
Любовью к венчанному сердце полно.
Что скажете все вы, узревши сие?
Как должно владыке ответствовать мне?»
И единодушный ответ ему дан:
«О славный и доблестный наш пахлаван!
Коль так твое ценит служение шах,—
Псы! — скажем о шахских окольных мужах.
Так в Рее изрек престарелый мудрец,
От дел Ардашира изнывший вконец:
Постыли мобеды и царский престол,
Коль благ моих не отличают от зол!
Тебе коли должного не воздает,
Ужель обретем через шаха почет?»
«О нет,— отвечает Бахрам,— не скажи,
От шаха почет обретают мужи.
В нас всех да имеет он преданных слуг,
Ведь блага берем из его только рук».
Такой от иранцев услышал ответ:
«В нас больше охоты к служению нет.
Ни царь сей в Иране не надобен нам,
Ни войска его предводитель Бахрам».
Так молвив, покинули замок вождя,
В просторы степные из града уйдя.
Вождь войско свое продолжал наставлять,
Хранил на устах послушанья печать.

[*Бахрам Чубине видит свое счастье*]

Сему две недели минуло вослед,
В степь едет, покинув айван, сипехбед.
Тенистую рощу увидел в пути,
Туда б винопийцам счастливым войти!..
Онагра приметил он там пред собой,—
Не сыщется лучше добычи такой.
За нею решился пустить скакуна
Неспешно, не стал горячить скакуна.
В той роще отрадной, зовущей на лов,
Увидел тропу предводитель бойцов.
Ее за онагром вослед миновал,
Луга и сады пред собой увидал.

Как в эти просторы вгляделся Бахрам,
Чарующий замок увидел он там.
Немедля направился к замку тому,
Онагр будто путь указует ему.
Несется Бахрам, любопытством ведом,
И следует Изед-Гошасп за вождем.
Тот, спешась, поводья вручает ему
И молвит: «Будь друг неизменный уму!»
Один совершает он путь до конца
И входит в просторные сени дворца.
Ждет преданный, повиновенье храня,
За повод держа дорогого коня.
Готовый к служению Елан-Сине
Тут следом примчался на быстром коне.
Изеда Гошаспа внимает словам:
«Ты в замок войди, равный доблестью львам!
Где в нем пребывает, быть может, найдешь
Наш доблестный, всюду прославленный вождь».
И вот уж на поиски Елан-Сине
В сад входит, душа от тревоги в огне.
Прекрасный чертог перед взором предстал,
В Иране такого не знал, не видал.
Чертог обозрев, увидал в стороне
Он арку, чей верх исчезал в вышине.
Престол золотой возвышался под ней,
Весь в жемчуге, в блеске бесценных камней.
Румийской парчи покрывало на нем
В узорах алмазов на поле златом.
В венце восседает на троне жена,
Чей стан — кипарис, чьи ланиты — весна.
Сиденье златое близ трона стоит,
На нем пахлаван-предводитель сидит.
Рабынями трон окружен золотой —
Все юны, подобны пери красотой.
Елана Сине увидала жена
И деву одну подозвала она.
«Подруга любезная! — молвит.— Поди
К тому храбрецу и его проводи.
Тебе здесь — скажи — пребывать ни к чему,
Ты к войску теперь воротись своему.
Недолго еще дожидаться, вослед
Придет за тобою и сам сипехбед».
Коней повелела в конюшню отвесть,
Усердно попоны и седла их счесть.
Дверь сада садовник открыл в тот же час,
Веленью прекрасной жены подчинясь.
Призвали служителя божия, тот,

Как должно, с барсамом для бажа * идет.
Столы меж деревьев спешат накрывать,
Расставлены яства — невмочь сосчитать!
Окончилось пиршество. Тут же коней
Доставили к прежнему месту мужей.
Вождь молвит, вернувшись к владычице той:
«Венцу твоему Моштари будь четой!»
Она ж отвечает: «Всегда побеждай,
Терпенье и мудрость во всем соблюдай!»
Как вышел Бахрам из того цветника,
Сказал бы, из глаз хлынет крови река.
Повадка иная, иные слова,
Сказал бы, возносится к небу глава!
Онагра он вновь пред собой увидал,
Вослед ему снова гнедого погнал.
Доколе не вывел из рощи, все путь
Указывал, не изнемогши ничуть.
С охоты во град воротившись, Бахрам
Не стал открывать свою тайну мужам.
Воззрившись на славного, Хоррад-Борзин
Сказал: «О правдивый наш вождь-исполин!
Какое ты чудо на ловле видал,
Что в мире не видел никто, не слыхал?»
Молчаньем ответил на то пахлаван,
Нахмурив чело, устремился в Иран.

[*Бахрам Чубине*
заводит у себя царский обычай]

Вот утро серебряным сделало склон,
Сверкающий светоч над миром зажжен.
Так землю окутал он чинской парчой,
Что небом уж стала земля, не землей.
Из золота в замке сиденья везде,
Подушки златого плетенья везде.
Седалище ставят в убранстве златом,
Воителей вождь восседает на нем.
Сказал бы, на троне сидит шаханшах,
И царский блестит над главою кулах.
Дела его главный дабир увидал
И понял, что гордым и дерзким он стал.
К Хорраду Борзину вошел он тотчас,
О виденном, слышанном начал рассказ.
И витязь, внимая речениям тем,
Узнал, что былое забыто совсем.
«Дабир досточтимый! — сказал он в ответ.—
Нелегкая это забота, о нет!

Себе на уста наложивши печать,
В ночь темную к шаху нам должно скакать.
Затменье, должно быть, нашло на царя,
Что так уязвил его, прялку даря.
Не ведал, что этот воинственный лев
Отвергнет смирение, рассвирепев.
Бахрам ведь отныне венцом покорен.
Из кости слоновой все грезится трон».
О деле том долго держали совет,
Решили: вне бегства спасения нет.
Готовиться к бегству принявшись тотчас,
Бежали из Балха в полуночный час.
О тех прозорливых, с неспящей душой,
Услышав известие, вождь боевой
Шлет с сотнею воинов Елан-Сине:
Мол, тех безрассудных верните ко мне!
Дабиров главу на дороге догнав
И лютому зверю под стать зарычав,
Все отнял воитель, что было при нем
И, цепью тяжелой сковавши потом,
К Бахраму-вождю беспощадно повлек,
Дабы неповинного смерти обрек.
«Див гнусный! — так речь предводитель повел.—
Почто от меня самовольно ушел!»
Ответил на это: «О вождь-исполин,
В несчастие вверг меня Хоррад-Борзин.
Твердил: оставаться здесь не к чему нам,
То было бы на руку клеветникам.
Как доблестный витязь, Бахрам-пахлаван
На троне воссядет властителем стран,
Увидим угрозу убитыми быть,
Не лучше ли бегством себя защитить?..»
«Быть может, и так,— отвечает Бахрам,—
О сем долженствует задуматься нам».
Ущерб, нанесенный ему, возместил
Еще и динарами вознаградил.
«Ступай, в свое дело поглубже вникай,—
Промолвил,— и более не убегай!»

[*Хоррад Борзин извещает Хормозда о действиях Бахрама Чубине*]

В Иран, между тем, удалось доскакать
Хорраду Борзину, пред шахом предстать.
Все шаху поведал, что в сердце берег,
Сокрытые тайны из мрака извлек.
Владыка Ирана услышал, дивясь,
О склоне том горном, о роще рассказ,

О беге онагра лесною тропой,
О том, как замешкался вождь боевой
В чертоге; о троне, где жемчуг блистал,
О девах, о той венценосной узнал.
Что видел, что слышал об этих делах,
Прибывший поведал, да ведает шах.
От этих речей в изумлении был
Венчанный; что выслушал, в сердце сложил.
Мобеда реченья на память пришли,
И тяжко вздыхает владыка земли,
Пророчества вспомнив провидца того,
Что вождь отвернется от трона сего...
Мобеда верховного тотчас призвал,
С Хоррадом Борзином воссесть приказал
И молвил Хорраду Борзину потом:
«Что видел, узнал, расскажи обо всем».
Царю повинуясь, открыл он уста,
И повесть мобедом услышана та.
Царь молвит: «Что может сие означать?
Как надобно чудо сие толковать?
Онагра, что путь указует в лесу,
В степи небывалую за́мка красу
И то, что в венце на престоле жена
По-царски рабынями окружена.
Все это, сказал бы, походит на сон,
На сказ, донесенный от древних времен».
Мобед отвечает владыке земли:
«Онагр этот — див, толкованью внемли.
Бахрама с пути совратить, видно, смог,
И в сердце вождя поселился порок.
Приютом нечистых тот замок считай,
Жена — чародейка злонравная, знай.
Бахраму бесстыдство внушила она,
Престолом, венцом обольстила она.
Надменный, хмельной воротился. Поверь,
Его подчинить не удастся теперь.
Был сердцем изранен от прялки твоей,
Да происки дива прибавились к ней.
Не надобно было позорящий дар
Тому посылать, кто душою столь яр.
Иранцы свершившимся уязвлены,
Надежды на шаха теперь лишены.
О средстве подумай, как гневную рать
Из Балха сюда, ко двору отозвать».
В содеянном горько раскаялся шах,
В том хлопке и паре цветистых рубах.
Хоррада Борзина затем вопросил:

«Что тамошний двор о жене говорил?»
«О царь,— был на это Хормозду ответ,—
Иного сужденья средь витязей нет,
Как то, что Бахрамовым счастьем была:
На троне была ведь ясна, весела».
То слово услышал владыка, и вот
Душа устрашилась грядущих невзгод.
Недолгое минуло время потом,
Гонец пахлавана примчался верхом.
Корзину привез он. До верху полна
Клинков, перевернутых книзу, она.
Железо Хормозд пред собой увидал
И молча сначала его созерцал.
Сломать он клинки повелел и опять
В корзину негодную ту затолкать,
Затем возвратить их Бахраму. Без слов
Был ясен ответ, беспощадно суров.
Корзину тотчас раскрывает Бахрам
И видит: все сломаны сплошь пополам
Те длинные, ратный знававшие труд
Клинки. Безрассудный задумался тут.
Велит именитых иранцев привесть,
Всем дал вкруг корзины раскрытой воссесть.
«На царский сей дар поглядите,— сказал,—
Поймите: не столь он ничтожен и мал.
Вы — рать недостойная — сказано вам,—
Клинки, мол, свидетели этим словам».
Мужи зашумели тут, в ярость придя
От царских поступков, от речи вождя:
Мол, первой нам прялка дарована та,
С ней нищенских женских одежд пестрота.
Дар новый — корзина разбитых клинков,
Что хуже ударов и брани врагов.
Впредь если Бахрам, чей родитель Гошасп,
Коня ко дворцу приведет хоть на час,
Ни сам уж не будет он надобен нам,
Ни жалкий, у коего служит Бахрам!»
Душою воспрянул при этих словах,
Узнал пахлаван: опостылел им шах.
И войску промолвил тогда сипехбед:
«Вовек да не гаснет в сердцах ваших свет!
Мужайтесь! Узнайте, что Хоррад-Борзин
Все тайны открыл, что не знал властелин.
Теперь позаботьтесь о жизни своей,
Клянитесь мне верность хранить с этих дней.
Пошлю я тогда на дороги бойцов,—
Наш стан охранять от набега врагов.

Не то вам увидеть погибель мою,
Все витязи наши полягут в бою».
Так молвил, но мыслью влеком был другой,
Внимай и дивись хитрой выдумке той!
Вкруг войска расставил он всадников цепь,—
Посланье теперь не проникло нигде б
От шаха, взывавшего к войску тому,
Дабы не восстало, вождю своему
Доверясь. И вправду срок некий прошел —
Царева посланья никто не прочел.

[*Бахрам совещается с вождями*
о своем царствовании,
его увещевает сестра его Гордие]

Прославленных витязей после призвал
И все сокровенное им рассказал.
С дабиром верховным, с Еланом-Сине,
С Хамданом Гошаспом, искусным в войне,
Пришел и Бахрам, прадед чей Сиавуш,
И Конда-Гошасп, умудренный сей муж.
Со знатными теми, чей опыт немал,
С отважными львами совет он держал.
Так молвил бойцов предводитель Бахрам
Сошедшим с пути, распаленным мужам:
«Вожди боевые, в ком разума свет,
Чей надобен каждому добрый совет!
Прогневался царь на меня без вины,
Отринул устав и обычай страны.
Что делать нам, где от недуга бальзам?
Ужели оплакать недужного нам?
Ведь каждый, таящий недуг от врачей,
Кровавые слезы прольет из очей.
От знающих скрывший страданья свои,
Продлит и умножит терзанья свои.
Мне муки жестокие душу прожгли,
Поведаю знающим этой земли.
По воле властителя, с горстью бойцов
Я шел из Ирана в поход на врагов.
Не узрит никто многочисленней рать,
Сколь в мире ему б не пришлось пребывать.
Когда с Пармоде, чья отчизна — Туран,
Пошел бы войной Саве-шах на Иран,—
Страну бы с лепешкой сравнял восковой,
А там против Рума свой двинул бы строй.
И что же? Невиданной в мире беде
Подверглись тогда Саве-шах с Пармоде.
Все вражьи усилья не дали плодов,

Всего я лишил их — богатств и слонов.
Царь новой казны обладателем стал,
В богатом на витязей гнев воспылал.
Ищите спасения жизни своей,
Лекарства от хвори негаданной сей.
Я сердце пред вами излить поспешил
Недаром: с тем царством порвать я решил.
Коль знаете средство, откройте, от вас
Советов разумных я жду в этот час».
Берег предводитель в чертоге своем
Сестру молодую с высоким умом.
А звали разумницу ту Гордие *,
Бахрам утешение черпал в сестре.
Все слышала та за завесой своей,
И вспыхнуло негодование в ней.
К собранью тому обращает слова,
В устах ее древняя мудрость жива.
До брата лишь голос сестры долетел,
Молчаньем ответил, прервать не хотел.
Безмолвие также избрали тогда
Ирана мужи, опасаясь вреда.
«О знатные,— молвит мужам Гордие,—
Вы все, что взыскуете средства в беде!
Ответствуйте, что ж растерялись вконец,
Почто угасили кипенье сердец!
Решились, надумали, как поутру
На поле кровавом затеять игру?
Не вы ли воителей главы, вожди,
Премудрые, бодрые сердцем мужи?»
Сказал предводителю Изед-Гошасп:
«О вождь, о прославленных память меж нас!
Пусть будет язык мой, как меч, изощрен,
Отступит пред морем сей мудрости он.
Изедовы только свершаешь дела,
Щедры твои знания, слава светла.
Нам тигра тропою не должно идти,
Неправые войны не должно вести.
Продлить не помыслю сужденье мое,
Исчерпано сим разуменье мое.
Коль хочешь сражаться, готовы помочь,
Пред конной дружиной скакать во всю мочь.
Доволен пребудет коль мной пахлаван,
Клад юности будет навеки мне дан».
Подумал Бахрам, эту выслушав речь:
Знать, место посредника хочет сберечь...
Промолвил, взглянув на Елана-Сине:
«Поведай, что сердце таит в глубине».

«О вождь! — умудренный промолвил в ответ,—
Избравший стезю, что явил нам Изед,
Коль радость победа ему принесла,
Не ступит на путь противленья и зла.
Иначе разгневанный сей небосвод
Не благословенье, проклятье пошлет.
Послал тебе мощь и удачу Йездан,
Дал рать и казну, и удел тебе дан —
Умножит, увидев обилье любви.
У неблагодарного — сердце в крови».
Бахрам, сын Бахрама, услышал потом:
«Друг мудрости светлой, кто знаньем ведом!
Что скажешь: искателю трона, казны
Величье иль беды одни суждены?»
Бахрам рассмеялся от дерзости той
И, перстень подбросивши вверх золотой,
Сказал: «Как сему в вышине пребывать,
Так шахом возможно подвластному стать.
Ты малым величье сие не сочти,
С наследственным царским венцом не шути!»
Тут Конда-Гошаспу сказал Чубине:
«О витязь, искусный в езде и войне!
Что скажешь, ответствуя этим словам?
Властителей трон подобает ли нам?»
И Конда-Гошаспа ответ был таков:
«О память героев минувших веков!
Так в Рее изрек умудренный мобед:
Владеющий знаньем, любимец побед
Коль некое время пробудет царем,
Душа его в небо взовьется потом.
Не лучше ли фарр миродержца искать,
Чем долгие годы рабом прозябать?»
Дабира верховного после зовет
Бахрам: «Старый волк, подошел твой черед».
Но долгое время безмолвствовал он,
В раздумье глубокое был погружен.
Бахраму сказал наконец: «Коли муж
Питает желанье, благое к тому ж,—
Исполнено будет. Во все времена,
Знай, рока десница могуча, длинна.
Что свыше благим Судией суждено,
Стараньями не избежишь все равно».
Хамдану Гошаспу промолвил потом:
«Все в жизни познавший — и спуск, и подъем!
Хоть часто в словах, что в лицо говорим,
Нет правды, их с ветром летучим сравним,
Ты все ж помышления ныне свои

Открой. Что сулят мне грядущие дни?»
Ответ был Хамдана Гошаспа такой:
«О, чтимый достойными всеми герой!
Дух злом непришедшим смущаешь зачем,
О царском венце вопрошаешь зачем!
Свое совершив, на Творца положись.
Колючек, коль ищешь плоды, не страшись!
Не ведает неги народа глава,
Страх, горести — участь его такова».
Сестра пахлавана, вняв речи такой,
Душой изнывала, теряла покой.
В сем споре, однако, молчанье блюла,
С заката до полночи там пробыла.
«Добрейшая! — брат обращается к ней,
Что мыслишь об этих сужденьях мужей?»
Ответа ему не дала Гордие,
Сужденья по сердцу ей не были те.
К дабиру верховному речь обратив,
Сказала: «О лютый, как хищник иль див!
Иль мыслишь — престолом, венцом обладать,
Величие, войско и счастье стяжать
Не рвался в державе прославленной сей
Никто из благих именитых мужей?
Коль царское легче служенья житье,
Оплакивать впору сужденье твое!
Помысли о древних владыках земли,
Речам мудрецов досточтимых внемли:
Не раз властелинов престол пустовал,—
Никто из мужей на него не взирал.
Отвагой державу хранили от зла,
Корона властителя их не влекла,
Престол кеянидов не тщились занять:
Мол, больше нам пояс служенья под стать...
Законный являлся владыка земли,
И все венценосцу покорность несли.
Ирана престол да чужак не займет!
Ты царства достоин, коль царский твой род.
Припомним сначала Кавуса-царя *,
Что тайнам Творца, любопытством горя,
Разгадки искал, в небе звезды считал,
Изгибы кружащихся сфер созерцал,
Но рухнул в Сари в тяжких муках своих
От нрава худого, от мыслей худых.
Никто — ни Ростем-богатырь, ни Гудерз
Тогда о престоле уста не отверз.
И после, как в Хамаваране изныл,
Окован цепями тяжелыми был,

О троне царей не помыслил никто.
Как выручить — думали только про то.
Иранцы воздали Могучему * честь:
На трон, мол, кеянский достоин воссесть.
Но крикнул он, негодованьем горя:
Вы бесова племени, видно, друзья!
Мне царство, оковы царю моему?
Погибель венцу и величью сему!..
Двенадцать он тысяч избрал храбрецов,
С конями в броне, искушенных бойцов,
И был от оков им избавлен Кавус,
С ним Гив и Гудерз, и воинственный Тус.
И после, когда был повержен Пируз
И плечи иранцам гнул горестей груз,
От смерти его Хушнаваз осмелел
И, неге предавшись, на троне воссел.
От сына Каренова прибыл Суфрай,
Вновь царским престолом украсился край.
Услышали весть о победе, пришли
Вожди боевые Иранской земли,
Суфрая на царство дабы увенчать:
Мол, должно владыкой подвластному стать.
Но молвил Суфрай: нет, негоже сие.
Царю лишь под стать красоваться в венце!
Кобад ныне отрок, но вырастет он,
Не должен быть волк вместо льва водворен...
Ты ж мыслишь без племени-роду царить,
Сим замыслом хочешь весь род погубить!
Как сделался мужем Кобад из юнца,
Суфрая главу счел достойной венца,—
По злому навету его умертвил,
Хоть всей он державы опорою был.
В железо Кобад был закован потом —
Потомок царей, храбрый витязь притом.
И некто коварный его поручил
Размехру, чтоб тот за отца отомстил.
Достойного власти меж витязей тех
Вокруг никого не увидел Размехр,—
Снял цепи с него, дабы смог отстоять
Он право свое властелинам под стать.
Никто из подвластных венца не искал,
Пусть род свой высоким, прославленным звал.
Туранец пришел, наконец, Саве-шах —
Надеялся перстень добыть и кулах.
Ему предназначил вселенной Творец
В Иране найти своей жизни конец.
К чему же престола хотенье твое,

Коль рабское происхожденье твое?
Елану-Сине все хлестать бы коня:
Бахрам, сын Гошаспа, мол, сможет меня
Возвысить. Вновь властвовать стану в стране,
Останется память везде обо мне...
Исполненный мудрости Нушинраван
Хормоздовой юностью был осиян.
Все знатные в помощь ему для борьбы,
Не только помощники — слуги, рабы.
Сберет верховых триста тысяч Иран,
И каждый прославленный муж-пахлаван
Готов будет шаху усердно служить,
Ему непритворную верность явить.
Тебя шаханшах соизволил избрать
Уставу царей именитых под стать.
Ласкали и дедов твоих и отцов,
Везде побеждать помогали врагов.
Коль злом на добро отвечать твой закон,
Запомни, себе же чинишь ты урон.
Господствовать страсти не дай над умом,
Не будешь одобрен за то мудрецом.
Наставлю мужей, хоть сама я не муж,
Не столь и моложе я брата к тому ж.
По ветру деянья отцов не развей.
Совет мой отвергнешь — потом не жалей!»
Молчит предводитель, уста прикусил,
Собранье мужей боевых удивил.
Постиг, что правдивей нет слова того,
Что дева желает добра одного.
Встал Елан-Сине: «Ты, благая жена,
Мужам говорить о царях не должна.
Хормозду недолго осталось ведь жить,
Дай власти плоды пахлавану вкусить.
Хормозд коли с правого сбился пути,
Ты брата владыкой Ирана сочти.
Гордится венцом кеянидов, а сам
В дар прялку зачем посылает мужам?
Льву равный, что столько в войне искушен,
Булатом которого мир устрашен,—
В дар хлопок и прялку послать для него?
Плюю на неверного шаха сего!
Молчи о Хормозде, что тюрком рожден,
Сей род ненавистный да будет сметен!
Коль хочешь ты счет с Кей-Кобада начать,
Уж тысячу надобно лет отсчитать.
В венцах восседали на тронах златых,
Но их не вернешь, время минуло их!

Что речь о Хосрове Парвизе ведешь!
Нет проку в подобных речах ни на грош.
А те, кто при царском дворе в эти дни,—
Пред братом твоим словно слуги они.
Коль этим подвластным прикажет Бахрам
Тяжелые цепи привесить к ногам
Хормозда,— мгновенно его закуют,
Бахрама на царский престол возведут».
«Сию западню,— был ответ Гордие,—
Див черный расставил на вашей стезе!
Не злобствуй, нам тело и душу губя.
Все ты, подстрекательства все от тебя!
Родитель наш в Рее правителем был,
Ты жажду престола Бахраму внушил.
В нем сердце зажегши, в капкан заведешь,
Смятенью и горю наш род обречешь.
Весь прахом труда многолетнего плод
От слов твоих, раб худородный, пойдет.
День мира смени же на смуту и брань!
Бахрамовым руководителем стань!»
Так молвив, рыдая, вернулась в покой,
Сказал бы ты, брату чужая душой.
Толкуют мужи: «С чистым сердцем жена!
Правдивые речи держала она.
По книге, сказал бы, читает закон,
Сам ею премудрый Джамасп превзойден».
Но те наставления не по душе
Бахраму, тяжка ему речь Гордие.
Нет черному сердцу спасенья от дум,
Престол полонил предводителя ум.
Так вымолвил после: «Сей бренный чертог
Никто покорить без борений не смог!»
Для пира столы повелел накрывать,
Вина принести, сладкогласных призвать.
Певцу повелел он: «Руд звучный настрой,
Собранию песнь богатырскую спой.
Иным не порадую сердце ничем:
Поведай пирующим подвигов семь *,
Что мчась к Руин-Дежу, свершил Исфандьяр.
Сей сказ не померкнет, сколь ни был бы стар».
Все подняли чаши: за славу мужей,
Мол, пьем. Да цветет, благоденствует Рей,
Где вскормлен подобный тебе сипехбед.
Таких сотворил бы поболе Изед!..
Но час расходиться, ночь стала темна,
Туман в головах винопийц от вина.

[*Бахрам чеканит монеты*
с именем Хосрова Парвиза]

Высокое солнце копье занесло,
Сияньем в смятение тьму привело.
Вождь рати Бахрам, искушенный в борьбе,
Дабиров главу призывает к себе.
Хакану послание пишут они,
Подобное блеском Аржангу Мани.
Проступок простить умоляет оно:
Мол, сердце раскаянья, вздохов полно.
В твой край не ступлю, и державу твою
Не трону, чтить стану я славу твою.
Пусть вижу весь мир под началом своим,
Пребуду слугою и братом твоим.
Очисти же сердце от гнева, и край
Иранский отныне чужим не считай.
Из сердца ты память о прошлом гони,
Йездан удрученных прощал искони.
Хвала разуменью, уму твоему,
Державе и краю всему твоему!..
Немало подобных он слов написал.
Со скоростью ветра посланец скакал.
Представ перед чинским властителем, он
Хваленья вознес, отдал низкий поклон.
Ему пахлавана посланье вручил,
Немало и слов от него говорил.
Известьем пришедшим доволен хакан,
Дар щедрый усердному вестнику дан.
Ответное пишет посланье, в саду
Величья дал новому вызреть плоду.
Дар щедрый обрел и Бахрам-сипехбед,
Согрел ему сердце хакана ответ.
С тем кончив, к деяньям другим приступил,
Сокровищ собравшихся дверь отворил.
Дал войску дирхемы, рабынь и коней,
Все думу лелеял о троне царей.
Средь войска избрал пахлавана потом,
Достойного быть Хорасана вождем.
С дружиной тот край во владенье им взят,
Мерв также и Балх, Нишапур и Герат.
Вождь после из Балха направился в Рей,
В Хордад благодатный, что в месяце Дей.
Немало раздумывал он, наконец
Решился воздвигнуть монетный дворец,
И новый наладить монетный чекан
На имя Хосрова велит пахлаван.

Избрал из купцов одного, что в речах
Искусен был, также испытан в делах.
Дирхемы с той надписью щедро в суму
Вложил и купцу повелел он тому
В Тисфуне парчой запастись дорогой,
Где поле из шелка, узор золотой,
И к шаху проникнувши с нею, печать
На этих дирхемах ему показать.
Посланца достойного выбрал, сей муж *
Стремителен был, как небесный Соруш.

[*Послание Бахрама Хормозду и бегство Хосрова Парвиза от отца*]

Послание грозное пишет Бахрам,
Дал место в нем многим суровым словам:
О том, как на брань с Пармоде и Саве
Он шел у дружины своей во главе,
О даре, что царь собирал во дворце,
О прялке той черной и женском чепце.
Писал: «Не пытайся увидеть меня,
И в снах не увидишь ты с этого дня.
Когда на престоле воссядет Хосров
Счастливый, исполненный лучших даров,—
В степь гору по воле его обращу,
Кровь вражью по степи Джейхуном пущу!
Пусть отрок, воссесть он достоин на трон,
Он верности царской, как ты, не лишен.
Готов присягнуть шаханшаху сему,
Другому не стану служить никому».
Надеялся втайне Бахрам, что в сердцах
Убьет неповинного отрока шах.
Давно уж царевич Бахрама страшил,
Любимцем, опорой отцовскою был...
И вот подошло уж посланье к концу.
Гонец устремился к Тисфуну. Купцу
Промолвил Бахрам: «Лишь увидит чекан,
Кручиною будет Хормозд обуян.
Нет друга Хосрову подобного с ним,
Отныне со днем он спознается злым.
Ненадобный стыд коль из сердца уйдет,
С корнями Сасанов исторгнем мы род.
Его не посеял же в землю Йездан,
Не век благодатью он той осиян!»
Вот прибыл в Багдад добронравный посол *,
С собой именитых из Рея привел.
Когда до Хормозда посланье дошло,
Вдруг цвет шанбалида окутал чело.

Тут весть о чекане к несчастью пришла,
Нежданно напасть за напастью пришла.
Царь болью пронзен, заподозрен им сын.
Вот призван властителем Гошасп-Аин
И слышит: «Настолько Хосров возмужал,
Что вдруг против нашей он власти восстал!
Чеканить под именем стал уж своим
Дирхем. Пренебречь мне возможно ли сим?»
Аином Гошаспом ответ ему дан:
«Скажу: без тебя ни коня, ни майдан
Вовек да не видит! Хоть сын твой Парвиз,
В оковы ты ввергнуть его не страшись!»
Хормозд отвечает на то, разъярясь:
«Строптивца из жизни исторгну тотчас!»
«О да, без тебя,— отвечает на то,—
Его да не зрит возвышенья никто!»
Пришельца зовут и в ночной тишине
Сажают с владыкою наедине.
Хормозд произносит: «Исполни приказ.
Нам землю очисть от Хосрова тотчас».
Ответил: «Его умертвить я берусь,
Исторгнуть из сердца любовь ухитрюсь.
Вели, из казны чтоб доставили яд.
Как в темную ночь будет хмелем объят,
Я в чаше сумею вино отравить,
Не лучше ли это, чем кровь мне пролить?»
Меж тем, о злодее не ведая том,
В богатом и светлом покое своем
Хосров восседает и чтит лишь одно:
Прекрасную деву да чудо-вино.
Узнав о ловушке расставленной той,
Слуга приближенный утратил покой.
К Хосрову он тотчас войти поспешил
И то, что узнал ненароком, открыл.
Услышав, что втайне его умертвить
Замыслил родитель, сей юноша длить
Раздумье не стал, из Тисфуна бежит;
Сказал бы, от взоров навеки сокрыт.
Дар жизни задаром не отдал Хосров,
В Азерабадгане обрел он покров.
Лишь только дошла нежеланная весть
К правителю каждой земли, где ни есть,
О том, что Ирана царем угнетен
Хосров, что умчался с немногими он,
Расспрашивать витязи стали о нем
Повсюду, где знали о доблестном том.
Узнав, что Кесра справедливостью он

И щедростью — море, и силою — слон,
В Ширазе он Сам или вождь Исфандьяр,
В Кермане — Пируз, в ком воинственный жар,
К Хосрову со всех устремились сторон,
Им каждый — и воин, и вождь — привлечен.
«Сын царский! — речь каждый такую повел.—
Тебе подобают венец и престол.
Что Степь Копьеносных Бойцов, что Иран,
Иная ль какая из ведомых стран,
Пришлют отовсюду к тебе храбрецов,
Твой фарр поведет меченосных бойцов.
Угрозы ничьи да тебя не страшат,
Смеющийся сердцем, будь весел и рад!
То гнать на охоту мы станем коней,
То в храмы, с пришествием праздничных дней,
Придем, как святые, хвалы возносить,
Огню поклоняясь, молитвы творить.
Иран под началом вождей боевых
Пришлет триста тысяч мужей верховых.
Не дрогнув, на смерть мы пойдем за тебя,
Тебя перед смертью восславим, любя».
«Я шаха,— Хосров отвечает,— страшусь
И тех, кто его окружает, страшусь.
Коль главы страны пред священным огнем
Мне клятвы дадут нерушимые в том,
Что будут меня от злодейства хранить,
Что данный обет не дерзнут преступить —
Без страха останусь я в этой стране,
Мстить злоба не сможет бесовская мне».
Лишь витязи эту услышали речь,
К святому огню поспешили притечь,
Клялись, чем желал: как зеницу очей,
Мол, все дорожим мы любовью твоей...
Уверившись в верности тех воевод,
Во все он концы соглядатаев шлет:
Отец, мол, что скажет о бегстве его?
Есть замыслы новые в сердце его?..
О бегстве Хосрова лишь весть донеслась
До шаха, веленье он отдал тотчас:
Да схвачены будут тотчас Гостехем
С Биндуем — в оковах быть витязям тем!
Дядьями Хосрова ведь были они
И доблестью землю дивили они.
А также других отыскавши родных,
В темницу ввергали безжалостно их.

[*Хормозд посылает Аин-Гошаспа в поход против Бахрама*]

Аину Гошаспу владыка страны
Промолвил: «В смущенье мы, горя полны.
Бахрам, непокорный, строптивый тот раб —
Какая унять его мера могла б?»
О средстве задумался Аин-Гошасп:
Чем слову дать крепость и пыл в этот час?
Так молвил: «О царь, вознесенный судьбой!
Давнишняя рознь у Чубина со мной.
Ему досадил больше прочих мужей,
И в сердце алкает он крови моей.
Меня коль в оковах к нему ты пошлешь,
Быть может, добро от сего обретешь?»
Царь молвит: «Мне дело сие не под стать,
Такое лишь злобному бесу свершать.
Дружину пошлю, будь ей в битве вождем,
Покрой себя славой в сражении том.
Но вестника прежде пошли своего,
Да вызнает, что в голове у него.
Коль ищет он власть и престол, и венец,
Удача покинет его под конец.
А ежели верным пребудет слугой,
И счастье тогда обретет, и покой.
Ему и державы достанется часть,
И царская над пахлаванами власть.
Подобных воителей мало найдешь.
Хоть равен Ростему, мой подданный все ж!
Что скажет — доложишь. Не медли в пути,
Сколь можешь, свершенье сие сократи».
Готовился витязь к походу, спешил
Исполнить, что царь умудренный внушил.
В оковах муж некий из града его
Томился в темнице владыки сего.
О витязе Аин-Гошаспе узнав,
Что шлет его в бой повелитель держав,
К нему из темницы известье он шлет:
«О вождь, замышляющий ратный поход!
Я узник, из града с тобой одного,
Не надобно имени, знаешь его.
Меня коль испросишь теперь у царя,
Помчусь за тобою, усердьем горя.
Бессменно с тобой буду рядом в бою,
Коль мне возвратишь ты свободу мою».
Известие выслушав, Аин-Гошасп
Прошенье царю посылает тотчас:

Один из сограждан моих, мол, давно
В беде — заточенье ему суждено.
Коль мне б миродержец его даровал,
Коня бы со мною в поход он погнал...
Шах речью ему отвечает такой:
«Ему ль ратоборствовать рядом с тобой!
Он вор и бездельник, кровь ливший везде,
Ты ж просишь о нем, помышляешь о мзде?
Но делать тут нечего, просьбу приму,
Хоть нет негодяев, подобных ему».
Дарован воителю низкий злодей,
Грабитель бесстыдный, убийца людей.
В поход отправляется Аин-Гошасп,
С дружиной, как ветер, дорогою мчась.
И вот показался уж град Хамадан,
И там, для привала раскинувши стан,
Спросил он: «В прославленном городе сем
Кто ведает звезды, с гаданьем знаком?»
И все отвечали: «Предстанет тебе
Гадатель, что знаньем богат о судьбе.
Здесь мудрая век доживает жена,
Сказал бы ты, око созвездий она.
Предскажет — иному вовек не бывать,
Дано ей грядущее все познавать».
Те речи лишь выслушал Аин-Гошасп,
Гонца и коня посылает тотчас.
Явилась. Спросил про царя, про поход,
Какой, мол, сему предназначен исход?
Промолвил затем: «К уху ты моему
Уста приложи, я один да пойму
Реченья твои: смерть на ложе ль найду.
Иль вражьим булатом пронзенный паду?»
Сам на ухо шепчет гадальщице той,
Слов этих никто да не слышит другой.
Сосед, между тем, что испрошен им был,
У шаха и ныне поход с ним делил,
Приблизился к ним. Мимо старой пройдя,
Тотчас удалился, взглянув на вождя.
«Кто сей? — вопросила.— Тебе ведь нанес
Удар он, провижу, достойный лишь слез.
Твой дух благородный в руках у него,
Да сгинет навеки из мира сего!»
Лишь только гадальщицы глас отзвучал,
Припомнил воитель, что встарь он слыхал
Из уст звездочетов — покой свой храня,
О том он не думал до этого дня:
С душою тебя разлучит, мол, рука

Безродного, нищего — чья? Земляка,
С кем рядом окажешься в дальнем пути.
Стеная, там кровью тебе изойти...
Послание пишет воитель царю:
«Кого испросил я — и ныне горю
Раскаяньем,— зря из оков извлечен,
Отродье дракона воистину он!
Рабу ты предсказывал эту судьбу,
Но фарр шаханшаха ведь не дан рабу.
Велеть соизволь, как прибудет с пути,
Злонравному голову тотчас снести».
Свою, дописав, приложил он печать,
Соседа затем не замедлил призвать.
Приветствием встретил его, одарил,
Сверх меры к тому еще превозносил.
Велит ему: «Втайне послание взяв,
Его отвези властелину держав.
Напишет ответ — возвращайся, да зря,
Смотри, не замешкайся ты у царя».
Послание взявши, сосед молодой
Отправился в путь, неспокоен душой.
Себе говорил: «Заточенье терпел
Столь долго, в оковах томился, не ел.
Избавил Йездан от безмерных тех мук,
От бед и лишений. Ужели же вдруг
Мне должно в Тисфун воротиться опять?
Тут впору и крови, и мозгу пылать!»
Угрюмый, раздумывал долго о том,
Посланье вождя распечатал потом.
Как только послание это прочел,
От судеб людских в изумленье пришел:
Сей муж, мол, у шаха меня испросил,
Достоин возвыситься — так говорил,—
Почто ж моей крови взалкал? Это зло
К нему в сновидении что ли пришло?
Увидит он, как проливается кровь,
Почиет теперь от трудов и боев!..
Вернулся с дороги, раздумьем объят,
Сказал бы, он ветру летучему брат.
Приблизясь к шатру пахлавана того,
Сосед не увидел вблизи никого.
Без слуг, без коня, без меча, погружен
Был в думы свои в одиночестве он.
О шахе он был размышленьем объят:
Мол, что венценосному судьбы сулят?..
В шатер предводителя только вступить
Успел, тот уж понял: пришел умертвить.

К булату уж руку убийца занес,
И вождь не сдержал тут молений и слез.
«О сбившийся с честной дороги! — твердил.—
Не я ль твою жизнь у царя испросил?»
Ответил: «Спасти коли мыслил, зачем
Мою ты погибель задумал меж тем?»
Снес голову тут же главе храбрецов.
Ни битв уж не видеть ему, ни пиров!..
Кровавую голову вынес его,
А войско не знало о том ничего.
Одни не должны оставаться вожди,
Тогда особливо, как брань впереди...
Позор от убийства того обретя,
Домчался до стана Бахрама-вождя.
«Вот,— молвит,— врага голова твоего,
Убить тебя в помыслах было его.
Не знал, идя, с войском навстречу тебе,
О мыслях твоих, о высокой судьбе».
«Как звали его? — стал Бахрам вопрошать,—
Кто будет над сей головою рыдать?»
«Аином Гошаспом,— услышал тогда,—
Примчался для битвы с тобою сюда».
«Сей праведный,— слышен Бахрама ответ,—
От царского трона, сомнения нет,
Спешил принести примирение мне,
Тобой обезглавлен был, верно, во сне.
Возмездью такому тебя обреку,
Что слезы у всех о тебе извлеку!»
Вот виселица перед дверью видна,
Дружина взирает, взирает страна.
Живьем был повешен. Вождь это свершил
И ужас немалый злодеям внушил...
О всадниках ныне поведать пора,
Которых привел от царева двора.
Когда истекли предводителя дни,
К дружине Бахрама примкнули одни,
Другие — к Хосрову, а третьи с пути
К Хормозду-царю рассудили придти.
Так сталось, как будто, лишась чабана,
Отара вся бурею разметена.

[*Гостехем и Биндуй ослепляют Хормозда*]

Как только до слуха владыки дошло
Аина-Гошаспа сразившее зло,
Скорбя, никого принимать он не стал,
Никто его с чашей в руке не видал.
Забыл о покое, о сне, о пирах,

И слезы стоят непрестанно в очах.
Уже о владыке весь двор говорил:
Мол, двери почто для приемов закрыл!..
И недоуменью мужи предались,
И в сердце иная у каждого мысль.
Давно от Тисфуна те вести летят,
Утратило царство свой цвет, аромат.
Подвластных сердца недовольства полны,
Не благословенья — проклятья слышны.
Все меньше вкруг шаха отважных мужей,
И мир для царевой души все тесней.
С Биндуем услышал о том Гостехем,
Что царский престол омрачился совсем,
Что вырвались узники все из цепей.
Послали тогда одного из мужей
Увериться, правда ли в этих вестях?
Кого сохранил из воителей шах?
Узнав, что царю времена принесли,
Восстали, с пути подчиненья сошли.
Сломали темницы, вопль яростный встал
Такой, что равнинную ширь сотрясал.
И каждый оставшийся в граде боец
Был всеми забыт, обездолен вконец.
Биндуй с Гостехемом, стянув на груди
Кольчуги, идут у дружин впереди.
Исполнены дерзости, стыд от очей
Откинув, идут ко дворцу все смелей.
На площадь собравши, возглавили рать,
Верхом ко дворцу призывают скакать.
Внимают бойцы Гостехема словам:
«Явить здесь нельзя небрежение вам.
Все шаха — чтоб с нами вам быть заодно —
Отриньте, иное теперь не дано.
Хотите ли, вместе чтоб ныне мы шли
На месть за великих Иранской земли,
Которых Хормозд умертвил без вины,
Тех чистых, что были царить рождены.
Вы все, кто законом и честью ведом,
Отныне его не зовите царем.
Да станет Ирана вода ему яд,
И каждый да будет возмездию рад!
Мы сами в сражение вас поведем,
Мы нового шаха на трон возведем.
А ежели слабость окажете, вам
Иранскую землю оставим, ведь нам
Довольно на этой земле уголка,
К тому же свои уведем мы войска».

Вослед Гостехему иранская рать
Вся стала Хормозда престол проклинать:
Сыновнюю кровь коль задумал пролить,
Вовек, мол, такому царю да не быть!..
Как дерзостной стала дружина в речах,
Дворцовую дверь подожженную шах
Увидел. Уже ворвались на айван
К благому тому повелителю стран
И сняли венец у него с головы,
И с шахского трона низвергли, увы!
Глаза ему дерзостной выжгли рукой,
Покрылись те ясные светочи тьмой.
На месте живым его бросив, ушли,
Богатства дворцовые все унесли.
Сей свод круговратный таков искони,
К чертогу непрочному сердцем не льни —
То дарит богатство, то бедствия шлет,
Но, грустный иль радостный, каждый уйдет.
Столетье пройдет, сотня ль тысяч — тех лет,
Что некогда были, теперь уже нет.
Коль ищешь благого — благое твори,
Чтоб доброе слышать, добро говори...

[ЦАРСТВОВАНИЕ ХОСРОВА ПАРВИЗА
ДЛИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ]

Ко храму, где вечный пылает огонь *,
Гостехм и Биндуй шлют гонца одвуконь,
Велят среди ночи Хосрову отвезть
Из края Иранского новую весть.
Ночь первая минула новой луны,
Посланец пред новым владыкой страны
С известьем о смуте багдадской предстал,
Желтей шанбалида лик юноши стал.
Сказал: «Безрассудный, кто гневом ведом
И шествовать правым не хочет путем,
Возмездья высоких небес не страшась,—
Вздохнет о загубленной жизни не раз.
Коль радует зло, что поведал ты мне,
И хлеб мой и сон да сгорают в огне!
Родитель пролить мою кровь замышлял,
В Иране я жить оттого не желал.
А ныне служить ему верно готов,
Не мыслю отцовских ослушаться слов».
Стремительней пламени с войском своим
Помчался, тревогою сердца томим.
С прославленным тем — за рядами ряды —
Скакали бойцы Ардабиля, Барды.

С ним также летел, словно ветер степной,
Из Арминие многочисленный строй.
Лишь был о прибытье Багдад извещен
Того, кто явился наследовать трон,
Покой от той вести на город сошел,
И царь, это слыша, отраду обрел.
Навстречу выходит высокая знать,
Мужи, на которых величья печать.
Трон кости слоновой несут во дворец,
Убор драгоценный и царский венец.
Сын в город вступает, печален лицом,
Вздыхает он тяжко, представ пред отцом.
Что молвить про этот кружащийся свод?
Вовеки он действовать не устает.
Дарит одному шаханшахскую власть,
Другого средь моря шлет чудищу в пасть.
Продрогли у этого плечи и грудь,
И негде, главу преклонив, отдохнуть,—
Пред тем, скажешь, меда и млека река,
В парчу облачен и меха, и шелка,
И что же? Во прахе равно им лежать,
Обоим злой гибели не избежать.
О если б мудрец не рождался на свет,
Сражаясь за честь, не искал бы побед.
Весь мир не видал бы лежащим во зле
Равно для владык и рабов на земле!..
Потрудимся вновь для читателя. Сказ
Пойдет о Хосрове-царе на сей раз.

[*Хосров восходит на престол*
и винится перед отцом]

Вот занял Хосров золотой свой престол *,
Из доблестных каждый к престолу пришел.
Все знатные созваны в царский дворец,
И жемчугом новый осыпан венец.
Мобедам сказал: «Подобает сей трон
Тому, кто счастливой зведой озарен.
Да будет обычай мой — правда всегда,
Плоды угнетенья — порок и беда.
Лишь благо для каждого в думах моих,
Свободен мой разум от замыслов злых.
Йезданом мне это всевластье дано,
Трон новый и новое счастье дано.
Вы также мне сердцем предайтесь во всем.
Три должно обета вам в деле любом
Блюсти: добродетельных не притеснять,
Ни в чем ослушанья царю не являть,

Не трогать ничье достояние. Тот
Беды не избегнет, от мук не уйдет,
Кто днем или ночью обидел кого,
Благ ради ничтожных сжег сердце его.
Вы руки теперь от деяний таких
Омойте! Свершений ищите благих,
В которых живет человечности зов,
Которые разум одобрить готов.
Во мне же никто не увидит истца,
Хоть перстня взыщи моего, хоть венца!
Кто благ от природы, чей доблестен род,
Тот речь справедливую с каждым ведет.
Пребудете все под защитой моей,
Терзать, словно бесы, не стану людей».
И все, до которых глас царский дошел,
Хвалою почтили венец и престол.
Довольны владыкой своим, разошлись,
И благословенья к престолу неслись.
Царь с радостным сердцем покинул престол,
Ночь в думах о шахе Хормозде провел.

[*Хосров приходит к отцу*]

Лишь только шатер тот эбеновый сник
И крик петушиный лишь слуха достиг,
Земли покоритель предстал пред отцом
С истерзанным сердцем, с печальным лицом,
К ногам его с горьким рыданием пал
И долго в молчанье пред ним пребывал.
Промолвил: «О царь, несчастливый судьбой,
В ком Нушинраван воплотился благой,
Меня не имел ты опорой, не то
Иглой бы твой палец не тронул никто!
У двери твоей, коль изволишь принять,
Я стану, как раб, твою жизнь охранять.
Что рать, что мне царство! Клинок бы извлечь,
Пред шахом снести свою голову с плеч!»
«О муж неразумный! — Хормозд отвечал,—
Все минет худое, что рок мне послал.
Не век и обидчику жить на земле,
Забудется алчность, не вспомню о зле.
Исполнить прошу три желанья моих,
Сверх этого, знай, не питаю других:
Одно — чтобы каждое утро с зарей
Слух радовал голос мне ласковый твой.
Второе — из витязей доблестный муж,
Кто ведает битвы былые, к тому ж
В охоте испытан, являлся ко мне —

О лове беседы вести, о войне.
Еще летописец в преклонных летах,
Сберегший преданья о древних царях,
Свою предо мной да раскроет тетрадь,
Поможет мне горе и боль усмирять.
И третье — кого ты дядьями зовешь,
Кто слуги твои подневольные все ж,
Свет дольше им видеть очами не дай,
За скорбь учиненную их покарай!»
«О царь! —отвечая, Хосров говорит, —
Найдется ль такой, кто душой не скорбит
Об этих очах, сколь ни черен душой.
Сей мир да покинет враг дерзостный твой!
Но разумом светлым помысли о том *,
Что войску Бахрам Чубине стал вождем.
Не счесть его грозных рядов боевых,
Разящих мечами бойцов верховых.
И если напасть на Гостехма дерзнем,
Уж места себе на земле не найдем.
Виной не Гостехм * — так Изед повелел,
Беда от речей безрассудных и дел!
А что до премудрых, которым даны
Познанья о славных делах старины,
Мужей закаленных в горниле боев,
Что ведают также уставы пиров,—
К тебе их пришлю одного за другим.
Не будь же печалью безмерной томим.
Да сыщешь в страданиях радость теперь! *
Едины с терпением разум, поверь!»
Умолк, и, рыдая, расстался с отцом,
Скрыл тайну в тоскующем сердце своем.
Сын мягче был нравом, чем грозный отец.
Так некогда молвил про это мудрец:
С приветливой речью муж юных годов
Не лучше ли старца, что сердцем суров?
Но будь недостойным, достойнейшим будь —
Во прах обратишься, вот каждого путь.

[*Бахрам Чубине узнает об ослеплении Хормозда и идет войной против Хосрова*]

Дошло до Бахрама известие — рок *
Чему властелина Ирана обрек:
Мол, выжжены ясные очи, погас
Светильник тех схожих с нарциссами глаз.
Сын отнял престол и всевластье царя,
Низверглось высокое счастье царя...
Услышав, Бахрам в изумленье пришел,

Немалое время в печали провел.
В степь после велел он кимвал отнести,
Величия стяг приказал отнести.
Велит снарядиться обозу, бойцам,
Войною идет на Хосрова Бахрам.
Мчась яростно, схожий с летящей горой,
Достиг Нахравана * воинственный строй.
Дошло до Хосрова известие. Он,
Стремительным натиском тем удручен,
Немедля лазутчиков бдительных шлет,
Наказ привезти донесенья дает.
Лазутчикам молвит: «Спешите собрать
Известия все про Бахрамову рать,
Разведать, с ним сердцем едина ль она?
Коль так, для меня затруднится война...
Там, в сердце дружины, Бахрам впереди *
Бывает иль в гуще бойцов, посреди?
В походе стремится ль на лов выезжать,
И как на приемах привык восседать?»
Лазутчики тотчас умчались тайком,
Из войска никто не проведал о том.
Помчались, узнали, примчались назад
И, втайне вошедши, царю говорят:
«От мужа до витязя юных годов
Покорствовать каждый Бахраму готов.
В поход как выводит воинственный строй,
В средине дружин пребывает порой,
Порой перед правым несется крылом,
Пред левым порой иль в обозе своем.
К себе на совет допускает одних
Родных, не нуждается вовсе в чужих.
Приемы ведя, восседает, как царь *,
С гепардами в степь выезжает, как царь.
Второй, столь разумный, вдаль видящий муж
Не сыщется. Всадник отважный к тому ж.
Уставы им царские соблюдены,
Читает все больше он книгу Димны *».
Дастуру Хосров своему говорит:
«Нам дело нелегкое, знай, предстоит.
Ведь сердце драконам морским изорвет
Бахрам, как в бою устремится вперед.
Чин ведает царский притом, переняв
Его у былого владыки держав.
К тому ж не бывало дабира мудрей
Везира его,— Калила он скорей».
Биндую затем и Гостехму сказал:
«День горя и бедствия ныне настал!»

Отважный Гардуй, с ним Шапур, Андиян
И вождь арминийцев, могучий Даман *—
Бойцы, чьею славою полнился свет,
Сошлись к венценосцу на тайный совет.
Так молвил мужам именитый Хосров:
«Воители славные, цвет храбрецов!
Чей мудростью светлою мозг наделен,
Тот панцирем знанья от бед огражден;
Сразит его меч только смерти одной,
Та в воск и шелом обращает стальной!
Моложе годами я вас, своему
Младому лишь верить не должен уму.
Где, средство, скажите, несчастье отвесть?
Кто мог бы себя в безопасности счесть?»
«Век здравствуй,— ему отвечает мобед,—
Будь разуму скудному пища и свет!
Лишь тайну сей свод круговратный явил —
Всю мудрость на четверти он разделил:
Две части владыке царей даровал —
Свет мудрости высшей владыке пристал *!
Часть — благочестивым, усердным мужам,
Другая — властителю верным мужам.
Коль муж — приближенный царя своего,
Он мудрость не скроет свою от него.
Осталась лишь малая разума часть,
Мудрец ее отдал дихкану во власть.
У неблагодарного мудрости нет
И нет у того, кем отвергнут Изед.
Тебе я, владыка, напомнить бы мог,
Что древле мудрец престарелый изрек:
Ты Слово сперва взором сердца узри,
Как в сердце проникнет, плоды собери».
Владыка ему отвечает: «Под стать
Лишь золотом эту мне речь записать.
Подобны алмазам мобеда слова,
Но дума, что в сердце теперь, такова:
Лишь только две рати на поле придут,
И копья бойцы к Близнецам вознесут,
Не будет, я мыслю, бесчестием мне,
Из сердца дружины помчась на коне,
Меж войск громогласно Бахрама призвать,
Злодея, чье сердце упрямо, призвать.
Ему примиренья дорогу явлю,
Его обласкаю, притом восхвалю.
Коль примет он слово, я лучшим бы счел,
Чтоб мужем подобным владел наш престол.
Но ежели брани захочет, готов

Я к брани: столкнутся громады рядов».
И славить все знатные стали его,
Владыкой земли величали его,
И замысел тот властелина земли
Все, знавшие дело, разумным сочли.
И каждый твердит ему: «О властелин,
Да будешь далек от забот и кручин!
Победа и счастье да будут с тобой,
Величье, венец шаханшаха златой!»
Хосров отвечает им: «Быть по сему.
Не знать бы раздоров и смут никому!»
Покинув Багдад, продолжает поход,
В степь сызнова царскую ставку везет.
Две рати сошлись на просторе степном;
Та — шахом возглавлена, эта — вождем.
Светить уже светочу мира невмочь,
И темные кудри рассыпала ночь.
Дозорных тут выслала каждая рать,
Чтоб воинский стáн от врагов ограждать.
День меч свой над ночью заносит, и та
В смятенье бежит, пересохли уста.
От ставок кимвальный разносится гром;
Той битвы, скажи, стало солнце вождем!
Веленье услышав, железный свой шлем
Биндуй водрузил, а за ним Гостехем.
С мужами, из коих был каждый велик,
Реки Нахраван венценосец достиг *.
Доносят Бахраму дозорные; мол,
Враг на два полета стрелы подошел.
Бахрам, это выслушав, войско собрал,
Испытанных всех, умудренных призвал.
Конь чалый под ним, цвета мускуса хвост *,
Копыта — что сталь: прянуть впору до звезд!
Понес он вождя, словно молния, мчась,
А слева — коварнейший Изед-Гошасп.
Оружье Бахрама — индийский клинок,
С огнем грозовым он поспорить бы смог.
С Хамданом Гошаспом там Елан-Сине
Враждою пылают, и сердце в огне.
Из рода хакана три грозных вождя
Готовы сразиться, с Бахрамом идя.
Обет ему дали: «Царя одного
Застигнув, вдали от дружины его,
Убитым иль связанным тотчас примчим,
Увидишь его перед войском твоим».
Отсюда Хосров, супротив — пахлаван,
И воды меж ними несет Нахраван.

И смотрят на шаха с обеих сторон
Бойцы: с пахлаваном как встретится он?

[*Встреча Хосрова Парвиза с Бахрамом Чубине*]

И вот уж Бахрам пред Хосровом-царем,
Тот ясен, а этот нахмурен лицом.
Владыка на белом сидит жеребце,
На золоте яхонты и царском венце.
Парчой златотканою чинской одет,
С ним рядом Гардуй, подающий совет.
Сопутствуют шаху Биндуй, Гостехем
С Хоррадом Борзином, чей в золоте шлем.
Железный доспех, серебро на бойцах,
Сплошь яхонты на золотых поясах.
Когда шаханшаха лицо разглядел,
От гнева Бахрам-богатырь побледнел.
«Сей муж недостойный,— сказал храбрецам,—
Блудницей рожденный, презренный и сам,
Рос в низости, возраста мужа достиг —
И станом окреп, и к богатству привык.
На кости слоповой лег мускус *; главой
Стал царства, в венце Фаридун с булавой! *
Устав шаханшахов усвоить он смог.
Но смерти его приближается срок.
Сей царь обезумевший войско в поход
Подобно царю Нуширвану ведет.
Вы всю обозрите дружину его,
Великого сыщете ль хоть одного?
Не вижу отважного, полного сил,
Кто в единоборство со мной бы вступил.
Изведает хватку вождей боевых,
Взлет стали, бег в битве коней огневых,
Булав грохотанье, стрел дождь проливной
И клики мужей, распаленных войной!
Не выстоит он против мощи слонов,
Как двину я в битву громады рядов.
От нашего клича рассеться горам,
В испуге умчаться и яростным львам.
На море я чудо булатом явлю,
Я кровью безбрежную степь затоплю!»
Так молвил и пегого тронул, и тот
Хомаем крылатым рванулся вперед.
Для войска столь тесное место нашел,
Что воинов всех в изумленье привел.
Оттуда коня к Нахравану погнал.
Напротив властителя юного стал,

И несколько знатных пранцев при нем,
Готовых сразиться с Хосровом-царем.
«Бахрама Чуби́на из наших бойцов *
Кто знает в лицо?» — вопрошает Хосров.
«О царь,— отвечая, Гардуй говорит,—
К тому присмотрись, кто на чалом сидит.
Он в белом, а перевязь, видишь, черна,
В средине дружин горячит скакуна».
Постиг властелин, лишь вождя разглядел,
И прошлый его, и грядущий удел.
«Тот длинный,— спросил он,— и темный, как дым?
И чалый породы отменной под ним?»
«Он самый,— ответил Биндуй,— человек,
В ком добрая мысль не мелькнула вовек».
Шах молвил: «Горбун коль услышит привет,
Речь полная злобы раздастся в ответ.
Подобно кабаньим, глаза смежены,
Сказал бы ты, помыслы гнева полны.
Что зол он — воочию видеть дано,
С врагами Изеда душой заодно.
Служить не захочет, видать по всему,
Покорность не станет являть никому.
Вам вот что напомню,— от шаха затем
Услышал с Гардуем вдвоем Гостехем: —
Осел если к грузу не хочет идти,
Груз должно к ослиной спине поднести.
То правда, коль бесу дано обмануть
Чуби́на, Йезданов не узрит он путь.
Ведь сердце такое, где алчности мрак,
Советов благих не приемлет никак.
На брань коли вышел — не место словам,
Предвидеть конец все же надобно нам.
Кто знает, кому победить суждено,
Кому воссиять, кому сникнуть дано.
Здесь противостала отборная нам
Дружина, воинственный с нею Бахрам,
Свирепый, как див, предводитель, и рать
Вся хищникам ярым, рычащим под стать!
Изъявите если согласие вы,
Худой о себе не услышу молвы.
Приблизиться первым, вопрос обратить
Не лучше ль, чем в битве мне слабость явить?
Когда подобающим будет ответ,
Сотру в себе память испытанных бед.
Державы ему уголок отведу,
Признательность в нем за даянье найду,
И сменится миром грозящая брань,

Два войска на поле держащая брань.
Мне мир благоденствие только сулит.
Вреда не чините! — нам разум велит.
Разумно-расчетлив когда шаханшах —
Свет радости в честных сияет сердцах».
«О царь! — Гостехем отвечает ему,—
Век счастье да светит венцу твоему!
Алмазы — любое реченье твое,
Свершай, что гласит изволенье твое.
Ты милостив, раб злодеянья творит,
В главе твоей мозг, в той лишь ветер царит».
Хосров, это выслушав, тронул коня,
В путь выступил, к вражьему войску гоня.
Вот издали слово привета послал
Бахраму: в день брани он дружбы искал.
Так молвил: «О витязь высокой судьбы!
Добро-ли живется на поле борьбы?
Воистину ты — украшенье дворца,
Престола ты слава и гордость венца,
Опора для войска порою боев,
Сияющий светоч порою пиров,
Воинственный витязь, муж веры благой.
Да будет десница Творца над тобой!
Всю мысленно жизнь я твою обозрел
И добрый тебе предназначил удел.
Тебя с твоим войском я в гости зову,
Тебя лицезрея, душой оживу.
Рад буду Ирана вождем объявить,
Йездановым именем благословить».
Вождь выслушал слово владыки держав
И, пегому тотчас поводья отдав,
Склонился, с коня не сходя, пред царем;
Молчание долго хранил и потом
Сидящий на чалом такой дал ответ:
«Живу я в веселье, не ведая бед,
Вовеки не ведать величья тебе!
Меж злом и добром нет различья тебе!
Коль вздумалось трон Алан-шаху искать *,
Злосчастен, кто станет ему помогать!
Достойный и я тебе выбрал удел:
Уж новый аркан натереть я успел.
Высокую виселицу водружу,
Арканом тугим эти руки свяжу.
Повисшего на перекладине той
Спознаться заставлю я с горькой бедой».
Хосров как услышал Бахрама ответ,
Обрел шанбалида безжизненный цвет.

Постиг: от своих притязаний на трон
Во имя царя не откажется он.
Ответил: «Забыл благодарности долг!
Так чтущий Йездана сказать бы не мог.
Прибывшего издалека своего
Ты гостя не чтишь, оскорбляешь его!
Таков ли обычай венчанных царей,
Воинственных витязей, славных вождей?
Такого ни перс не творил, ни араб,
Годов сосчитай сто раз тридцать хотя б.
Позорен такой для разумного путь,
Одумайся, неблагодарным не будь!
Гость если с благой к тебе речью спешит,
Подобное див лишь в ответ говорит!
Страшусь я, дождешься ты черного дня.
Безумствуешь, волю свою лишь ценя.
Ты б лучше к тому за спасеньем прибег,
Чья сила и царство нетленны вовек.
Йездану ты грешен, тебе ведь чужда
Признательность; в гневе и страхе всегда.
Почто Алан-шахом меня ты зовешь?
Иль род мой владетельный не признаешь?
Иль быть недостоин владыкой владык,
Иль шапки царевой не стоит мой лик?
Коль дед мой — Кесра, коль Хормоз — мой отец,
Кому же еще подобает венец?»
«Презренный! — Бахрам отвечает ему,—
В речах и деяниях чуждый уму!
О госте твои для начала слова:
Предания стары, порода нова!
До чина царей что за дело тебе!
Ни мудрый ты муж, ни отважный в борьбе.
Ты ранее был Алан-шахом хотя б,
А ныне раба ты последнего раб.
На свете бесплоднейший грешник ты сам,
Не царь и не ровня достойным вождям.
На царство, знай, благословили меня,
Не дам я торить тебе землю ни дня.
Как, далее, мог я злосчастным назвать,
Сказать, что владыкой тебе не бывать?
Сказал оттого, что, негожий царить,
Вовеки не сможешь властителем быть.
Враждебен тебе весь иранский народ,
Исторгнет он с корнем презренный твой род,
Порвет твою кожу и жилы, а там
Добычею станешь гепардам и псам!»
«Злонравный! — ему отвечает Хосров,—

Почто превозносишься, злобен, суров!
Столь гнусные речи для мужа — порок,
Твой нрав от начала был груб и жесток.
Твой мозг, видно, с ясным умом разлучен,
Блажен именитый, в ком разум взращен!
Коль дива нечистого гибель близка,
Шального ему не сдержать языка.
Не рад я, чтоб витязь подобный тебе
Во гневе обрек себя жалкой судьбе.
Не лучше ли ярость из сердца изгнать,
Над гневом и злобой восторжествовать.
Смягчись, о Создателе вспомни благом,
Поверь, образумишься, вспомнив о нем.
Гора у тебя на пути, высотой
Поспорит она с Бисотуном-горой.
Коль мог бы владыкою сделаться ты,
Плоды принесли бы сухие кусты.
Господства ты жаждешь, его одного —
Увидим, веленье Творца каково.
Не знаю, кто душу твою помрачил,
Ей помысел этот бесовский внушил?
Кто молвить такое дерзает тебе,
Знай, гибели втайне желает тебе».
Так вымолвив, с белого сходит коня.
Венец драгоценный свой снял и, стеня,
Взывает он, к солнцу главу обратив,
Дух верой в благого Творца укрепив:
«О светлый, о право творящий суды,
Ты древу надежды даруешь плоды!
Ты ведаешь, кто предо мною сей раб —
Венец от позора оплакать пора б!
Коль роду кеянскому впредь не царить,
Смирюсь и борьбу не помыслю продлить.
Служить обещаю во храме святом,
Кормиться лишь зеленью да молоком,
Ни золота, ни серебра не держать
В казне, власяницу служа надевать.
Но если царить мне велишь, о благой,
Смиренным твоим, справедливым слугой —
Ты рати моей одоление дай,
Венец и престол мой рабу не вручай!
Когда одолею, ко храму потом
Пущусь я с моим скакуном и венцом.
Подвески и серьги отдам, где узор
На злате жемчужный, весь царский убор.
Динаров из золота десять мешков
Лазурному своду принесть я готов.

Служа́щим сто тысяч дирхемов клянусь
Доставить, как с поля сраженья вернусь.
Из войска Бахрамова пленник любой,
Что в путах предстанет теперь предо мной,
Отныне Огню поклоняться начнет,
Умножит хирбеда, мобеда почет.
И каждый, насильем разрушенный град,
Где ныне онагры да хищники спят,
Потщусь на развалинах вновь возвести,
Колючею чащей не дам зарасти».
Поднялся, молеиьями дух усладив,—
Изведавших горести голос правдив!..
На поле от места мольбы поспешил,
Бахрама окликнувши, так возгласил:
«Эй, ада исчадие! Бесам под стать
Чужд разум тебе и чужда благодать.
То див беспощадный, исполненный сил,
Глаза твои гордостью так ослепил.
Свой разум сменил ты на яростный нрав,
От дивов за то одобренье снискав.
Пустырь восхитительным градом ты счел,
Ад мерзостный радостным садом ты счел.
Погас пред тобою светильник ума,
И душу, и сердце окутала тьма.
Внушил, знать, колдун заблужденье твое,
Явил возвышеньем паденье твое.
Сегодня, знай, к дереву тянешься ты,
Чьи листья — отрава, смертельны плоды.
Никто из родни твоей к этой борьбе
Не рвался, коль рвешься ты — горе тебе!
Тебе не дано столько мощи Творцом.
Горгин, сын Милада,— ты вспомни о нем *.
У рака кто видывал крылья орла?
До солнца орла не поднимут крыла.
Злосчастный, приверженный черным делам!
Несбыточным не предавайся мечтам.
Йезданом пречистым, престолом, венцом
Клянусь: коли встречу к лицу я лицом
От войска вдали — даже ветру тебя
Коснуться не дам, милосердье любя.
Коль эту нарушу я клятву свою,
Меня ты живым да не узришь в бою!
Немало мы жестких услышали слов.
Положимся вновь на владыку миров.
Когда недостоин назваться царем,
Того да не будет, чтоб жил я рабом!»
И снова он слышит Бахрама ответ:

«Несмысленный, диву идущий вослед!
Отца, друга веры, того, кем вовек
Обижен еще не бывал человек,
Не смог по достоинству ты оценить,
Дерзнул обездолить, престола лишить!
И ныне стать шахом владетельным мнишь,
Разумным прослыть, добродетельным мнишь.
О нет, недостойный, Изеду ты враг,
Лишь горестей жди от подателя благ!
А если неправеден был и жесток
Хормозд и державу степаньям обрек —
Ты, сын, недостоин властителем быть,
В Иране царить, вне Ирана царить *.
И душу отдашь ты, не только что трон.
Гробницы довольно, ведь ты обречен!
Я ныне отмстить за Хормозда берусь,
Коль скоро владыкой Ирана зовусь.
Теперь до моих донеси ты ушей:
Одобрит ли кто из достойных мужей,
Чтоб ты властелинам глаза выжигал
Иль слугам подобное повелевал?
Увидишь победное счастье мое,
От Солнца до Рыбы всевластье мое!»
Ответил Хосров: «Да не будет того,
Чтоб мукам я рад был отца своего!
Что свыше начертано, то и сбылось,
Доколь измышлять за вопросом вопрос!
Желаешь властителя изображать —
Погибнешь, и саван тебе не сыскать.
В доспехах чужих и в седле не своем
Глядишь неудачливым, право, царем!
Без дому, без роду, без племени царь,
Подбитый лишь ветром одним государь.
Ложь — имя твое, достояние — ложь,
Ты с нею величия не обретешь.
И прежде тебя прославлялись мужи,
Разя булавой, отличались мужи,
Но царской судьбы не дерзали искать —
Ведь слугам престол и венец не под стать.
Ты ж полон гордыни, яришься всегда —
Чужда, знать, очам твоим влага стыда.
С судьбою враждуешь ты, гневом палим,
К злодейству влеком помышлением злым.
Из правды власть царская сотворена,
Из доблести, знатности рода. Она
Йезданом даруется, вспомни, кому?
Достойному по доброте, по уму.

Сам козпями гнев на меня ты навлек,
Отец оттого Алан-шахом нарек.
Владыкой владык меня ныне Творец
Содеял, престол даровал и венец.
Державу дано мне принять от Творца *,
Что зрит и деянья людей, и сердца,
По воле Хормозда, что благу учил,
Кем отчий венец унаследован был,
Мобеда верховного, всех мудрецов
И всех закаленных в сраженьях бойцов,
По вере, что миру из рая принес
Премудрый Зардошт в блеске белых волос,
Лохраспу открывший Изедову весть,
А тот поспешил до Гоштаспа донесть.
Готов я всем шедшим со мной на войну
И тем, чьи труды наполняли казну,
Защиту свою даровать и покров,
Будь те из друзей моих, будь из врагов.
И каждый в державе разрушенный град,
Где бедные век свой в забвенье влачат,
Восставлю и сирого обогащу,
В народе своем и чужом отыщу.
Пустырь обращу в расцветающий сад
С обилием люда и пашен, и стад.
Единого не опущу из благих
Деяний, дабы в воздаянье за них,
Исшедши из бренного мира сего,
Узреть мое сердце, как взвесят его,
Безвинным, и силу в руке ощутить —
Такой уповаю конец заслужить.
Хормозд добродетелен был, справедлив,
И время, и землю свою озарив,
И сыну пристало стать после отца
Наследником счастья, престола, венца.
Не ты ли, кто столь вероломен и зол,
С Хормоздом на брань от начала пошел?
Все сталось от дел неподобных твоих,
От козней и происков злобных твоих.
Коль будет угодно Изеду — отмщу
За шаха, день в ночь для тебя обращу!
Где ныне престола достойнее муж?
Венец коль не мне — подобает кому ж?»
«Вояка! — Бахрам отвечает ему,—
Кто отнял твой трон, подобает тому.
Та, вспомни, что жизнь Ардаширу дала *,
На дом Ашканидов беду навлекла.
Когда Ардашир Ардавана убил,

Не он ли, окрепнув, престол захватил?
С тех пор уж пятьсот миновало годов *,
Отныне удел Сасанидов суров,
Теперь воцарения нашего час,
Победное счастье отныне — для нас.
Злосчастный! Увидев тебя пред собой,
Престол и венец твой, и воинский строй,
Я род Сасанидов смету, налетев,
Что мощный, охваченный яростью лев.
Сотру это имя из царственных книг,
Престол растопчу сасанидских владык.
Величье царей Ашканидам под стать,
Коль правде разумный захочет внимать».
Хосров ему речью ответил такой:
«О муж обезумевший, рвущийся в бой!
Пусть время пришло Кеянидам престол
Утратить, да ты-то откуда пришел?
Родившийся в Рее — то знали всегда * —
Двулик, человечность такому чужда.
Из Рея ничтожное войско, придя *,
Себе обрело в Искендере вождя.
С румийцами ринувшись в бой заодно,
Престол захватили наследственный, но
Того не одобрил Зиждитель земли,
Те сами беду на себя навлекли.
Благой Судия, Вседержитель потом
Главу Ардашира украсил венцом.
Достоин кулаха кеянского был —
Из рода державного происходил.
Прошли времена прославляемых сих,
Что длить бесполезные речи о них!
Кто ж ныне достоин владыкою быть,
Царем над державой великою быть?»
Воитель Бахрам возглашает: «Я тот,
Кто с корнем исторгнет кеянский весь род!»
Хосров отвечает: «Напомню закон,
Дошедший до мудрых от древних времен:
Кто низок, избрал заблуждения тьму,
Дать царства оружье не должно тому.
Вернуть повелишь, но откажется он
Затем, что богатством таким опьянен.
Был некогда мудрый преподан совет:
Коль будет безродный тобою пригрет,
Лишь муки да горести ждут впереди.
Кто чужд благодарности, тех обходи!
Отец легкодумный, чей разум был мал,
Под внешностью сердце твое не познал.

Меж знатных и малых державы своей
Безродным доверил оружье царей.
Тебя среди витязей сделал главой,
Доверил владенье кушанской землей,
И ты возгордился, исполнился зла:
Худая природа — худые дела!
Тебя обольстил драгоценный престол,
Для царского перстня с дороги сошел!
Бахрамом теперь Чубине наречен,
Стал сетью твоею серебряный трон!
С престола уж месяц достать захотел,
Вождь ныне, владыкою стать захотел!
Разумный не вел бы подобных речей.
Меж дивов, как видно, нашел ты друзей».
«Злодей! — отвечает на это Бахрам.—
Тебе по заслугам презреньем воздам.
Завета Йезданова ты не хранишь,
Себя не по праву наследником мнишь.
Владыку осмелился зренья лишить,
Возможно ль злодейство подобное скрыть!
Друзья твои втайне пылают враждой,
Устами с тобою, но сердцем со мной.
Мне в замысле этом союзник — хакан,
Чин войско готовит, не только Иран.
Здесь правда и щедрость, и сила руки,
Мой меч пересилить не смогут враги.
У Парса отнимет величие Рей *,
Само даже имя забудется — Кей.
Закон справедливости восстановлю,
Обычай Милада в стране обновлю *.
Восходит к Арашу мой род. На войне
Увидишь и вспомнишь о яром огне.
Горгина удар сокрушительный — я,
В седле своем пламень стремительный — я.
Иран Саве-шах замышлял растоптать,
Стереть и престол, и венец, и печать,
С землею сравнять наши храмы Огня,
Саде не оставить и Нового Дня *.
Иранец в краю своем пленником был,
Покуда я в битву с врагом не вступил.
Коль счесть пожелаешь напавшую рать,
Четыреста раз должно тысячу взять,
Да тысячу двести слонов не забыть —
Сказал бы, ноге уже негде ступить!
Был в бегство несметный тот строй обращен,
Львом яростным я устремился вдогон.
Знай, в мире никто, коль душой не велик,

Не взыщет седалища славных владык.
Венца благовоние льет мой шелом.
Трон кости слоновой являю мечом!
Тебя ж даже малая мошка, напав,
Низвергнет с престола владыки держав».
Ответ был: «Уста свои злые замкни!
Ты в Рее Горгина удел вспомяни,
О царстве вовек не помыслил бы он,
Был счастья, венца и величья лишен.
Никто и тебя, недостойный, не знал,
В забвении, в низости ты пребывал.
Но муж добродетельный Мехран-Ситад
Поведал царю твое имя и град.
Так был вознесен ты из праха. Забыт
Тот день и от глаз твоих, вижу, сокрыт.
Вручил тебе войско, оружье, казну
И стяг Тахамтана *, затмивший луну.
Того не желал милосердный Йездан,
Чтоб чинская рать разорила Иран,
Затем и помог тебе в битве с врагом,
До туч поднебесных вознес твой шелом.
То воля Йездана была самого,
Чтоб шах в этой брани снискал торжество.
Дерзаешь все это себе приписать —
Вовек тебе счастья, величья не знать!
Пусть роду кеянскому с троном своим
Расстаться судьба, ты ли схватишься с ним!
Вторым Искендером лишь мог бы сей трон
Верховных властителей быть сокрушен.
С обличием дьявольским цвета земли
Лишь в яме тебе пресмыкаться, в пыли!
От гнусных твоих недозволенных дел
Для шаха иранского мир почернел.
Дирхемам дал имя мое, погубить
Замыслил, безвинного со свету сжить!
Ты — зла воплощенье на этой земле,
Заблудших всех глубже погрязший во зле!
За кровь, пролитую средь края сего,
Ложится вина на тебя одного.
Во сне тебе ночью того не стяжать,
Что днем ты при солнце затеял искать!
О муж злополучный, вредить перестань,
В нечестии дни проводить перестань!
Изеду всегда угождать предпочти,
Чти мудрость, устав справедливости чти!
Неверен твой век, дни мои неверны,
Дыхания наши судьбой сочтены.

Кто б кривде над правдою дал перевес!
Зачем же прельстил тебя кривдою бес?
Смирись, и что скажет хотенье твое,
Отдам — треть страны во владенье твое!
Как радостно жизнь бы твоя потекла!
Мир сыщешь, свободу от вражьего зла.
Как время настанет сей бренный чертог
Покинуть, не будет твой жребий жесток.
Ни меньше, ни больше скажу я, чем те
Слова, что Зардошт начертал в Авесте:
Того, кто Изеда пречистого путь
Покинул, Творца не страшится ничуть,
Год надо, не менее, увещевать.
Когда ж увещаньям не станет внимать,
По воле царевой казнить надлежит —
Пусть грешника труп на дороге лежит!
А кто против шаха враждою зажжен,
Тот без промедленья да будет казнен!
Прольет твою кровь злая воля твоя —
Иль ищет сего злая доля твоя?
Ты ныне терзаешься в жизни земной,
Объят будешь пламенем в жизни иной.
Опомнись! Коль будешь и впредь без конца
Противиться воле царя и Творца —
Раскаешься ты в недостойных делах
И в мыслях недобрых своих, и словах.
Ты хвор, наставленьям дано исцелять,
Тружусь, дабы здравье обрел ты опять.
Поведай, коль завистью мучим, алчбой —
Я лучших поставлю врачей пред тобой.
Врачи твои — правда и разум: придут,
Венца вожделенье из сердца сотрут.
Победа с пути совратила тебя,
И жажда богатства смутила тебя.
Ты слышал, как стал нечестивым Зохак,
Как див и колдун землю ввергли во мрак
За то, что великим сердца сокрушил,
Что доблестный с ним Фаридун совершил.
Не мне ли подвластен твой каждый боец;
Владею и жизнью, и смертью сердец.
На время с тобой торжество обрели —
С дороги прямой безрассудно сошли.
Коль щедро свою распахну я казну,
Мир в сердце воителей сразу вдохну.
Когда Саве-шаха ты смог одолеть,
Подумали, видно, бойцы, что и впредь
Им дни поражения не суждены,

Добычей пресыщены были, пьяны.
Не должно от рук моих пасть удальцам,
Прославленным, неустрашимым бойцам.
Того не хочу, чтоб могучая рать,
Достойная, полная доблести знать
Исчезла, и был весь Иран разорен,
И рухнул величья державного трон.
Ответствуй, кто был при Араше царем?
Быть может, покончим со спором на том».
«Тогда Манучехр, — отвечает Бахрам, —
Царем был венчанным, главою бойцам».
«Злонравный! — Хосров отвечает ему,—
Коль знаешь: царем был он краю сему,
Ужели не знаешь: Араш ему был
Рабом, неустанно и верно служил.
А грозный в боях Кей-Хосров, перед кем
Слугою склонялся такой, как Ростем!
Все царство в те дни к подчиненью привел
Ростем, утвердил кеянидов престол,
Но свято владычества чтил он закон,
Не смел притязать даже в мыслях на трон».
Бахрамом на это ответ ему дан:
«Да предок твой кто? Худородный Сасан!
Родитель потомственным был пастухом,
И сам он Бабаку служил пастухом!»
«Злодей! — от Хосрова услышал Бахрам,—
Не ты ль возвышеньем Сасана сынам
Обязан? Слова твои — низкая ложь,
Ужель от обмана почет обретешь?
Был нищим, худые творил ты дела,—
А хлеб сасанида рука подала!»
Бахрам отвечает: «Что был пастухом
Сасан, от людей ведь не скрыть нипочем».
Хосров возразил: «Свой встречая конец,
Дара * не Сасану ль оставил венец?
Коль счастья не стало, пребудет ли род?
Ложь сеющий — правды не вырастит плод!
Коль разум таков, такова благодать,
Тебе ли престол шаханшаха искать!»
Сказал, засмеялся и, отворотясь,
К дружине своей устремился тотчас.
Меж тем из хакановых тюрков троих,
Подобно волкам, неуемных и злых,
Которые раньше дерзнули сказать
Бахраму в надежде хваленье стяжать:
В бою тебе будет доставлен, мол, шах
Живым или мертвым у войск на глазах,—

Один самый ярый боец верховой,
Могучий, бесстрашный в страде боевой,
Рванулся вперед, ярым гневом объят,
Сжимая аркан свой витков в шестьдесят.
Все ближе тот белый скакун. Наконец,
Нацелившись на драгоценный венец,
Метнул этот скрученный крепко аркан,
И — в петле венец повелителя стран!
Гостехм по аркану ударил сплеча,
Спас царскую голову силой меча,
Тут лук свой Биндуй оснастил тетивой,
От стрел его свет помрачился дневной.
Бахрам на зловредного тюрка в сердцах
Прикрикнул: «Эх, черный бы взял тебя прах!
Кто биться с владыкой тебя посылал!
Не видел, что пеший пред ним я стоял?»
Так молвил и в свой возвращается стан,
Грудь в пламени, горестью дух обуян.

[*Гордие*
наставляет своего брата Бахрама]

Как только сестра услыхала, что брат,
С владыкою встретясь, примчался назад,
Венец драгоценный отбросила вмиг,
Поспешно окутала плечи и лик
Покровом — покорности знаком. Бежит
Навстречу, а сердце тревога крушит.
«Поведай, воинственный! — так начала,—
Как встреча с Хосровом твоя протекла?
Пусть гневен, горяч он по младости лет,
От мира тебе уклоняться не след!»
Сестре отвечает воитель Бахрам:
«Его приравнять не могу я к царям.
Ни щедрый в дарах, ни воинственный он
Наездник, и мудростью не одарен.
Искусство — высокого рода ценней,
Быть должно искусным владыке царей».
«Прославленный! — мудрая молвит ему,—
Не знающий равных себе по уму!
Доколе ты будешь моим изменять
Советам, злонравье, гневливость являть!
Внемли песнопевца из Балха словам:
О правда, сколь горькой ты кажешься нам!
Кто словом прямым обличил наш порок,
Тот правду на свет из потемок извлек.
Достиг ты немалого в мире — свой край
Щади, разорению не обрекай!

Разумную притчу про это сказал
Муж некий, что знаньем благим обладал:
Осел, потянувшийся к корму быка,
С ушами расстался бы наверняка.
Хуления бойся в народе твоем:
Венчанных ведь не было в роде твоем!
Когда б не властителя сын молодой,
Я б так не скорбела, терзаясь душой.
Отец еще жив и на месте престол,
Ты ж требовать царского сана пришел!
Не знаю, конец будет делу каков,
Всечасно струится из глаз моих кровь.
Людскому проклятию внять устрашись,
Отравлен цветок, обонять устрашись!
Ведь скажут: позором покрыл себя сам
Бахрам Чубине, станет бранью: «Бахрам!»
К тому же Йездана ты гнев навлечешь,
Себя заточенью в аду обречешь.
Помысли, тебя до Хормозда-царя
Кто звал, изобильем щедрот одаря?
Добывши престол и богатства Саве,
Кулах утвердил на своей голове,
По милости царской, державою всей
Прославлен, стать вздумал владыкой царей!
Все блага Творец нам дарует, признай,
Престолонаследника не предавай,
Не сбейся с пути, опьянев от побед,
Коль доблесть явил, возноситься не след.
Свершишь ты, нечистого в сердце впустив,
Грех тяжкий, с Творцом разлучит тебя див.
Когда разъярился венчанный Хормозд,
Аина Гошаспа услышав донос,
И после стал жертвою тяжкой беды,
И сын его ринулся мстить из Барды —
Тебе подобало терпенье явить.
Подвластный, как мог ты в сраженье вступить!
Предстать подобало пред новым царем,
Да правит на новом престоле своем!
Он действовал только на благо тебе,
Ты вышел навстречу счастливой судьбе,
Покоен был, мир и веселье вкушал,
Зачем ты престола, венца возжелал!
Сочти Ардаширова рода мужей:
Сколь много там юных и старых царей,
Владеющих войском, несметной казной —
Тебя-ли признают Ирана главой!
Коль надобны только богатство да рать,

Чтоб землю Иранскую завоевать,
Сколь сильным был Чина властитель Саве,
Вступивший в Иран у бойцов во главе!
Дал силу тебе всемогущий Йездан
Спасти от напасти Иран, не-Иран.
С тех пор как Создатель сей мир сотворил,
Высокое небо над ним утвердил,
Не видан был витязь отважней, чем Сам,
Он в битве был страшен и яростным львам.
Новзар как жестоким стал волей судеб *,
И волю отцовскую дерзко отверг,
Призвали все знатные Сама-вождя,
Престол бирюзовый ему возведя.
«Того да не будет,— воитель сказал,—
Чтоб вождь о престоле владык возмечтал!
Пыль с ног Манучехра — мне трон и дворец,
Подножье Новзарова трона — венец...
К тому эти речи, о брат мой, что трон —
Для тех, кто победной звездой озарен,
Чьи щедры дары, чей блистателен род,
Кто мудростью славен, в ком правда живет.
Не ведаю, ждет тебя жребий какой...
Знать, разум с твоей разлучился душой!»
«Все правда,— ответил Бахрам,— не обман,
Свидетель сей правде — пречистый Йездан.
Но делу теперь не помочь все равно,
Ведь алчностью сердце мое пронзено.
Иль царь, или сражен буду смерти мечом,
Ведь смерть и стальной пробивает шелом!»

[*Хосров Парвиз советуется с предводителями и мобедами*]

В путь вышел тем временем царь молодой.
Лишь мост Нахравана с веселой душой
Прошел — предводителей войска призвал,
Как должно, близ трона воссесть приказал.
Так молвил: «О чистые сердцем вожди!
Немало свершений у вас позади.
На путь властелина я только вступил,
И должно, чтоб опыт меня укрепил.
Вам не за что мне благодарными быть,
Хоть благодеянья умею ценить.
Добра никакого не сделал я вам,
Меж тем, обрекаю страданьям, трудам.
Вы дедов еще почитали моих,
Дней помните много и горьких, и злых.
Я некую тайну хочу вам открыть,—

От войска пока ее должно хранить.
До слуха иранцев дойти не должны
Слова, что здесь будут произнесены.
Расстроится замысел мой, коли рать
О нем раньше срока успеет узнать.
Задумал я с недругом в битву пойти,
В ночное сраженье бойцов повести.
Бахрама сегодня узнал я в речах.
Он всадник искусный, отважен в боях,
Но мудрости я не узрел у него,
Ни также у войска большого того.
О брани Саве продолжает твердить,
Минувшее силится вновь возродить.
Юнцом неразумным считает меня,
Мечом, булавою стращает меня.
Не знает, что ночью готовлюсь напасть
И страх не возьмет мое сердце во власть.
Коль мне вы согласны в сраженье помочь,
Не стану я мешкать. Лишь амброю ночь
Омоется, волны рассыплет волос,
Чтоб мускуса благоуханье лилось,
Пусть каждый помчится вперед на коне
С булатом и палицей, в крепкой броне».
«Веленья владыки никто из бойцов
Отвергнуть не мыслит»,— ответ был таков.
Под сень возвратившись шатра своего,
Хосров от сторонних очистил его.
Вот призваны им Гостехем и Биндуй,
И муж многоопытный, витязь Гардуй.
Сказал о задуманном бое ночном,
Надеясь, что будут подмогою в нем.
«О царь! — отвечает ему Гостехем,—
Ужели судьбы не страшишься совсем!
Ты этим ночным нападеньем вконец
К себе не изгнал бы любовь из сердец!
Ведь сердце у знатных враждою полно,
Душою и телом с ним все заодно.
Как с внуком в сражении встретится дед?
Уж места в уме сей бессмыслице нет!
Родитель у этого, брат у того —
Всех кровное тесно связует родство.
Ужели пойдет против сына отец!
Так мысля, врагов насмешишь ты вконец.
Вождям ты не должен был тайну открыть —.
Сказавши, все дело ты мог загубить».
Гардуй отозвался: «Что было — прошло,
Минувшее ветром, скажи, унесло.

Где войско, могущество, власть и казна —
Вскружилась младая глава не одна.
В ночное сраженье ты сам не ходи,
От гибели царство и рать огради.
Затем, что сомнения нет для меня —
Наш умысел тайный уж с этого дня
Известен стал вражьему войску. Тебе
Не должно пасть жертвою в этой борьбе».
Внял юный Хосров наставленью тому,
Разумным совет показался ему.
Он витязей нескольких выбрал потом,
Надежных помощников в деле любом —
Хоррада Борзина, Гостехма-бойца,
Шапура и, как Андиян, храбреца,
Биндуя, Хоррада, грозу силачей,
Настуха, крушителя богатырей,
И прочих, что стражами зваться годны
Дружины и жизни его, и казны.
Зеленый был холм — впору там пировать;
Взошедши, взирает оттуда на рать.
Примчались, к сраженью готовы душой,
Раскинули строй на равнине большой.
В другой стороне сел воитель Бахрам,
Сошлись и вожди, и подвластные там.
Спросил у воителей тех сипехбед:
«Смогли вы найти ваших родичей след?
Пошлите же весть одноверцам своим,
С кем речью едины и сердцем своим:
Коль наш, покорясь, переступят порог
И сердце вручат нам обету в залог —
Останется рать Ардабиля, Барды
Да Арминие не густые ряды.
Нам в битве подобная рать не страшна,
Горсть праха ничтожная, скажешь, она!»
Дружин предводители, внявши словам,
Что молвил воинственный вождь их Бахрам,
Избрали посланца меж знатных мужей —
Был знающим, славился речью своей.
Домчался до стана и, тайну храня,
Полуночи не отличая от дня,
Без устали знатных мужей обходил,
Что витязи им наказали, твердил.
Ответ от иранцев услышал такой:
«Доколь не начнется в открытую бой,
Хосрова никто не покинет из нас,
Страшимся — далек одоления час.
Беспечности не отдавайтесь во власть —

Хосров замышляет средь ночи напасть».
Посланец, как выслушал это от них,
Во стан устремился к вождю, словно вихрь.
Поведал, что слышал от родичей тех,
Вел речь не открыто, но втайне от всех.
Лишь стало известно Бахраму, что рать
Ему доброхотство готова являть,
Повсюду костры развести повелел,
Светильник на каждой дороге горел.

[*Ночное нападение Бахрама Чубине на войско Хосрова и бегство Хосрова Парвиза*] *

Бахрам, превзошедший отвагою львов,
Сильнейших, отважнейших выбрал бойцов.
Как стали дабиры с ним вместе считать —
В шесть тысяч была меченосная рать.
К воителям речь обратил он: «С зарей
Когда загрохочет кимвал боевой,
С воинственным кличем гоните коней,
Разите и кровью венчайте вождей!»
По воле могучего двинулись тут
Вперед, три туранца их знатных ведут.
И вот уж домчались до стана царя,
Враждою и жаждою мщенья горя.
Гром палиц, мечей, нагоняющий дрожь,
Пыль тучей, земля — что железная сплошь.
И каждый твердит: «Где Хосров в этот час?
Победы заря воссияла для нас!»
С холма, удрученный, глядит Хосров-шах,
Лик — цвета лажварда, в кровавых слезах.
Вот время горам осветиться пришло,
Уж войско разящее изнемогло,
Подол темной ночи лишь скрыться успел,
Царь поле увидел под грудами тел.
«На помощь придите,— сказал храбрецам,—
Свое превосходство явите врагам!
Податель побед — мне опора и щит,
Мне ныне булатом разить надлежит».
К трем тюркам он ринулся. Каждый таков,
Как злейший, лютейший из лютых волков.
Навстречу Хосрову один прискакал,
Из ножен извлек закаленный кинжал;
Он в голову думал царя поразить —
Щитом ее царь поспешил заградить.
Ударил он из-под щита, изловчась,
Булатом, и рухнул туранец тотчас.

Царь кличет: «Отважные! Стойкость явить
Нам должно, сражение должно продлить».
Но вспять обращается войско его,
Покинуть решившись вождя своего.
Биндую сказал и Гостехму Хосров:
«Вам горестных вымолвлю несколько слов:
Я сына, пришедшего в возраст, лишен,
Нет также и брата, кому бы на трон
Взойти подобало. Коль в битве паду,
Царя не останется в нашем роду».
Биндуй отвечает: «Владыка царей!
Нуждается край в благодати твоей.
Нет войска — остаться нельзя и тебе,
Нам помощь никто не окажет в борьбе».
Гардую Хосров повелел: «Торопись,
Отсюда к Тохару без отдыха мчись.
С остатком бойцов — будет с тысячу рать —
Вези, что на поле успеешь собрать,—
Шатер, кошели, и парчу, и венец,
Из кости слоновой престол, наконец».
Нагружен добычею ратной обоз,
Немало над тем потрудиться пришлось.
Вдруг стяг змееглавый явился вдали,
Сокрылась равнина в лиловой пыли.
Весь мир стал внезапно невидим очам,
Сражаясь под стягом, примчался Бахрам.
Столкнулись, схватились Бахрам и Хосров —
Воители, оба отважнее львов.
Взъярились, подобно слонам боевым,
И сыплют удары один за другим.
Свирепей Бахрама и лев бы не мог
Сражаться, уж стал непригоден клинок.
Покуда склоняться стал диск золотой
К закату, все длился тот яростный бой.
К мосту, между тем, подоспел и обоз
С казной, что Тохар для Хосрова привез,
Про это услышав, Гостехму Хосров
Сказал: «Для войны не имеем бойцов.
С десяток нас только, пред нами же строй
Немалый, и грозен их вождь боевой.
Хоть свыше и послана мне благодать,
Коль нету соратников — час отступать.
Ведь бегство уместное ближе уму,
Чем битва. Нельзя устоять одному».
К мосту Нахраван устремился Хосров,
И следом помчался Бахрам Чубине,
Враждою исполненный, с сердцем в огне.

Исполнен враждою, Бахрам Чубине.
Хосров, это видя, коня придержал,
Гостехма к себе на мосту подозвал.
«Где,— молвил тому искушенному,— лук,
Мой первый в бою прелагатель и друг?»
И лук казначей ему подал затем,
Смотрел за деянием сим Гостехем.
Лук поднял могучий воитель, и тень
Внезапно покрыла сияющий день.
Град стрел сокрушительный сыпал тот лук,
С шеломами скалывал головы вдруг.
Бахрам за воинственным мчался вдогон.
В руке его лук, под седлом же — дракон.
Лишенный брони. Это видя, Хосров
Вновь лук оснастил тетивой с двух концов,
Стрелу в скакуна вороного пустил
И с жизнью мгновенно его разлучил.
Бойцов предводитель прикрылся щитом,
Душой удрученный, томимый стыдом.
На помощь тут ринулся Елан-Сине,—
Ему ли с Хосровом тягаться в войне!
Стрелу посылает — конь недруга пал,
Оставшийся пешим, воитель бежал.
И прочие также бойцы, стар и млад,
С моста Нахраван отступили назад.
Лишь с ними Бахраму бежать удалось,
По воле Хосрова разрушили мост.
К Тисфуну, задумавшись, держит он путь,
Печалью, тревогой стесняется грудь.
Вошедши, ворота велит оковать.
Воссел, размышляя, и вскоре созвать
Велит он всех здешних вождей боевых,
Расставил затем у ворот часовых.

[*Бегство Хосрова в Рум и гибель его отца Хормозда*]

Оттуда к отцу направляется он,
Льет горькие слезы, душой удручен.
Отца увидал и к ногам его пал,
И долго склоненным пред ним пребывал.
Поведал он после: «Тот вождь боевой,
Что избран был, о повелитель, тобой,
Облекшись как будто величьем царей,
Пришел с многочисленной ратью своей,
Советов ему преподал сколько мог,
Но где от советов преподанных прок!
Сражений он жаждал одних. Самому

Забыться бы имени злому тому!
Принес поражение тяжкое бой,
И многих постиг там конец роковой.
Тотчас от меня отвернулись мужи:
Впервые в пути увидали, скажи!
Готовы Бахраму дать шахский венец:
Начало им видно, не виден конец.
Строй воинский двинул громадой-горой,
И гнался он до Нахравана за мной.
Я бегство, разбитый врагом, предпочел,
В сеть гибели броситься лучшим не счел.
И ныне в раздумье: где польза, где вред?
Быть может, в тазийцах спасенье от бед?
Коль даст повеленье владыка — готов
На помощь призвать я тазийских бойцов».
«Нет, это негоже,— Хормозд отвечал,—
Надежно еще ты на месте не стал.
Тебе лишь страдания там суждены,
Не жди ни оружья от них, ни казны.
Тазийцы на помощь тебе не придут —
Корысти себе никакой ведь не ждут.
Их сердцу не дорог и царский твой род,
Тебя предадут ради вражьих щедрот.
В Йездане найдешь ты опору в борьбе,
И счастье, поверь, улыбнется тебе.
Коль ныне задумал покинуть сей край,
Направиться в Рум тебе надобно, знай!
Представ пред кейсером, все должно тебе
Поведать о том вероломном рабе.
Увидишь мужей именитых страну,
Оружие, стройную рать и казну.
К тому ж Фаридуна потомки, любя*,
Как родича, в горе поддержат тебя».
На землю Хосров пред родителем пал,
Немало хвалений ему воздавал.
Биндую, Гардую, Гостехму затем
Сказал: «Подружились мы с горем совсем!
За дело теперь, погрузите обоз!
Иран для врага нам оставить пришлось».
Умолк он, и с вышки донесся призыв:
«О царь справедливый! Пыль тучей всклубив,
Строй ратный несется, мир ввергнув во мрак,
Над ним, посредине, сверкающий стяг».
Лишь только то слово до шаха дошло,
Стремительней дыма взлетел на седло
И вихрем оттуда уносится он,
Лажвардовый стяг за Хосровом вдогон,

Драконоголовый тот стяг, что в войне
Вознес над мостом Нахраван Чубине.
Хосров на скаку, негодуя, глядит,
Назад, на Гостехма, Биндуя глядит,—
Те медленно гнали своих скакунов,—
И спутников гневно окликнул Хосров:
«Что сталось, эй вы, позабывшие честь!
Иль недруга родичем вздумали счесть?
Иначе ступать столь неспешно коням
Зачем? Уж за вашей спиною Бахрам!»
Биндуй откликается: «О властелин,
Бахрама страшиться нет ныне причин.
Пыль наша ему не видна в этот час,
Далек еще стяг его черный от нас.
Друзья твои так меж собой говорят:
Так мчаться стремительно стоит навряд.
Ведь если войдет Чубине во дворец,
Хормозду отдаст он престол и венец.
Воссядет с ним об руку — первый везир —
Захватит до самого моря весь мир.
Напишет кейсеру Хормозд о тебе
Послание словно о беглом рабе:
Решившись, мол, тайно отсюда уйти,
Он в Руме не должен приют обрести.
Когда укрепиться сумеет, тотчас
Источником бедствий он станет для вас.
Лишь Рума достигнет, схватите его,
В печаль торжество обратите его.
Пошлите назад ко двору моему,
Возвыситься в мире не дайте ему...
И ноги немедля царю закуют,
В слезах, в униженье назад отошлют».
Хосров, это выслушав, оцепенел,
От слова такого лицом потемнел.
Промолвил в ответ: «Коль безжалостный рок
Нам это судил, кто противиться б мог!
Речь долгая не избавляет от тьмы,
На волю Йездана положимся мы».
Так речь заключил он: «О благе и зле,
Что нам Вседержитель нанес на челе,
Ты сколь ни раздумывай, сбыться тому.
Не сдаться бы только врагу своему!»
Умчался вперед, те же двое назад
Коней повернули, дух злобой объят.
В палату цареву вступили потом,
Терзаются, сердце объято стыдом.
Едва до престола дошли от дверей,

Сняв с лука, царю тетивою своей
Опутали шею, и вот уж висит
Бесценное тело — о горестный вид!
Венца и престола державного нет —
Сказал бы, Хормозд не рождался на свет! *
Таков круговратного свода закон:
То медом, то ядом нас потчует он.
Коль это наличье — что ищешь лихвы!
Страдания только добудешь, увы...
Лишь это свершилось — из мира ушел
Хормозд, опустели дворец и престол,
Кимвал в отдалении загрохотал,
И стали убийцы лицом, что сандал.
Увидели мчащийся воинский строй,
Вождя разглядели и стяг над главой.
Стремительно в бегство пустились затем,
К Хосрову вернулись Биндуй и Гостехм.
Лишь только воинственный близко узрел
Злодеев, и бледность их лиц рассмотрел,
Он в тайну проник, что палила сердца
Примчавшимся ныне к нему из дворца.
Лицом, что цветок шанбалида он стал.
Смутился, но виду тем двум не подал.
Промолвил им только: «С дороги большой
Сверните — приблизился вражеский строй.
Разумней пустынею следовать нам,
Путь долог, готовы пребудьте к трудам!»

[*Прибытие Хосрова в Рум*]

Достигнув дворца властелина царей
Хосрова, Бахрам из дружины своей
Шесть тысяч в броне меченосцев избрал,
В погоню за шахом скакать приказал.
Главою воинственным этим мужам
Назначен был сын Сиавуша Бахрам.
Хосров же все держит пустынею путь *,
Надеясь от злобы врагов ускользнуть.
Ребата* достиг — в поднебесную высь
Старинные стены его вознеслись.
«Обитель Творца» — имя месту под стать,
И впрямь осеняла его благодать.
Царь видит: пред ним покаянья приют,
Епископы там и монахи живут.
Йездана служителю молвит Хосров:
«Съестное найдется ли что для бойцов?»
«Хлеб пресный с пореем прибрежным,— в ответ
Промолвили, — пищи иной у нас нет.

Коль эту сочтете пригодною снедь,
Да сможет вас ныне насытить, согреть!»
Царь тут же спустился с коня своего,
Все спутники спешились также его.
Двух слуг своих верных призвал он и сам
Для бажа взял в руки священный барсам.
Воссели на мягком песке вслед за сим,
Поспешно вкусили, что подано им.
Монаху промолвил Хосров: «Старина,
Скажи, не хранишь ли в запасе вина?»
Сказал: «Мы из фиников давим вино
В таммуз, среди лета, как заведено.
Есть малость: так светится, ты бы сказал,
Сок розы, а цвет — что на солнце коралл».
И тут же приносит он чашу с вином
Таким, что и солнце поблекло при нем.
Три чаши подряд осушил властелин
Со снедью, зовущейся хлебом «кешкин» *.
Напитком тем пламенным разгорячен,
На мягком песке простирается он.
Биндую главу на бедро преклонил,
От тяжких тревог и печалей без сил.
В целительный сон погрузился, но вот
Верховный епископ к Хосрову идет:
Мол, пыль над дорогой густа и черна,
И рать из-за пыли той черной видна...
«Беда неизбежна,— промолвил Хосров,—
Коль выбрал сей путь предводитель врагов.
Ни в людях спасения нет, ни в коне.
Познать безнадежность начертано мне».
«Спасайся! — Биндуй восклицает в ответ, —
Вплотную подходит уже сипехбед».
Взмолился Хосров: «Научи, доброхот.
Какой в этом деле возможен исход?»
«О царь! — отвечает Биндуй,— отведу
Несчастье, спасения средство найду,
От смерти спасти миродержца решусь,
Коль даже с душою своей разлучусь.
Кто верность являл при владыке земном,
Тот рая сподобится в мире ином».
«Жил в Чине мудрец,— отвечает Хосров,—
Разумных его не забуду я слов:
Коль скоро повержена града стена,
Навряд сохранится в нем башня одна.
И если пришел в разорение град,
Приюты недужных пребудут навряд.
Коль средство ты знаешь, его примени,

Йездана благого при сем помяни».
И слышит: «Вручи мне венец золотой,
Кушак, весь твой царский убор дорогой.
В одежду из чинской багряной парчи
Едва облачусь я, прочь тут же скачи
С бойцами своими. Лети с быстротой
Челна, что несется средь шири морской».
И юноша слово Биндуя тотчас
Исполнил, и ветра быстрее умчась,
Из глаз хитроумца исчез без следа,
К монахам Биндуй обратился тогда:
«На этой высокой горе от людей
Вам должно укрыться теперь поскорей».
А сам в монастырь он вступить поспешил,
Немедля железную дверь затворил.
В одежды царей облачившись потом
И царский венец водрузив над челом,
На кровлю стремительно двинулся он.
Бойцов с четырех различивши сторон,
На месте своем оставался, пока
Бойцами замечен был. Издалека
Биндуя на кровле в венце золотом
Увидели, с цепью, в серьгах, с кушаком,
И каждый сказал: «Перед нами Хосров
Венчанный, и царский убор его нов».
Биндуй, увидав, что старался не зря,
Что не отличили его от царя,
Спустился, сменил одеянье, и вот
Бестрепетно снова на кровлю идет.
«Воители новые! — кличет, — средь вас
Кого предводителем звать мне сейчас?
Затем, что известье ведущему рать
Владыкой поручено мне передать».
И сын Сиавуша, тем внявши словам,
«Я — вождь,— отвечает,— зовусь я Бахрам».
И слышит: «Так молвил владыка держав:
Совсем изнемог я, с дороги устав.
Лишились и кони ретивые сил —
Столь тяжко их дальний поход утомил.
В дому покаянья на отдых пристать
Решил я, со мною соратников пять.
Лишь станет окраина неба светла, —
Надежды лишась на мирские дела,
В путь дальний с тобою отправлюсь, потом
Предстану пред гордым Бахрамом-вождем.
Не стану откладывать, если с высот
Подмогу свою ниспошлет небосвод.

Венчанные предки в былые года
Уставы, обеты хранили всегда.
Хоть счастье от них отступало порой,
Никто не унизил себя пред слугой.
Что в сердце таю, все открыл я, поверь,
Коль скоро злосчастьем постигнут теперь.
Меж пламенным солнцем и темной землей
Все сущее — в воле Йездана благой».
Поверивший горестным этим словам,
Согласие дал на прошенье Бахрам.
И каждый, кто речи печальной внимал,
Невольно Хосрову душой сострадал.
Осталась дружина в ту ночь отдохнуть,
Все ждут лишь Хосрова, чтоб выступить в путь.
Наутро Биндуй снова с кровли идет
К Бахраму, и речь он такую ведет:
«Сегодня не выйдет владыка Хосров,
Забудет весь мир для молитвенных слов.
И в ночь не давал он покоя себе,
Склонясь пред создателем мира в мольбе.
К тому же и солнце уже высоко,
И зной повредить ему мог бы легко.
Пусть нынче еще отдохнет, а с зарей
В путь выйдя, его уведете с собой».
Вождь молвил мужам, чьи знатны имена:
Легка, мол, задача и все же трудна!
Коль будет ответ на прошенье суров,
Во гневе сражаться не стал бы Хосров!
Ведь целой дружины он стоит один,
Бесстрашный, искусный в бою исполин.
А если в сражении будет убит,
Нас жизни Бахрам, несомненно, лишит.
Уж лучше мы на день останемся здесь,
Хоть скудную пищу достанется есть.
Быть может, в дорогу тогда он добром
Отправится, к ссоре не будет влеком...
Остался, покуда с горы не сошла
Окутать равнину вечерняя мгла.
Разосланы всюду бойцы, до поры
Рассветной повсюду горели костры.

[*Бахрам, сын Сиавуша,*
приводит Биндуя к Бахраму Чубине]

Лик степи лишь только цвет солнца обрел,
Биндуй достославный на кровлю взошел.
«О муж искушенный!— Бахраму сказал,—
Столб пыли едва над равниною встал —

Твоих издалека завидев бойцов,
С дружиною в Рум устремился Хосров.
Хоть в горного ныне орла обратись,
Иль солнца превыше главой вознесись —
Ты в Руме увидишь его, не во сне,
Успел уж освоиться в чуждой стране.
Теперь, коли жизнь пощадите мою,
К могучему с вами отправлюсь вождю.
Отвечу на каждый вопрос, что задать
Он мне пожелает про царскую рать.
Не то — облачившись в доспехи, войну
Открою и пыль я до солнца взметну!»
Услышал Бахрам, и от слова сего
Состарилось юное сердце его.
Сказал приближенным: «Что пользы кипеть
Мне яростью, в пыль его тут же стереть!
Не лучше ль вот также с открытой душой
Предстать пред вождем ему вместе со мной.
Что знает о шахе, откроет храбрец —
То ль голову сложит, то ль примет венец».
Биндую сказал он: «О злой кознодей!
К Бахраму ступай с этой ложью твоей!»
Бесстрашный Биндуй, тут же с кровли сойдя,
С мужами направился к стану вождя.
Бахрам, услыхав о приходе бойцов,
О том, что уж в Руме отмститель Хосров,
Разгневался. Сын Сиавуша укор
Услышал: «Злосчастный, чья доля — позор!
Зря дело такое тебе поручил,
Достоинств лишенного зря отличил!»
Биндуя воинственный после того
Зовет, изливает свой гнев на него.
Воскликнул: «Забывший о чести хитрец,
Достойный презренья злокозненный лжец!
Природным злонравьем своим обуян,
Ты в дело пустил с моим войском обман.
Вослед за Хосровом злосчастным пошел,
Юнца многоопытным мужем почел!
Явился теперь, в помышленьях тая:
Былое вернуть не надумаю ль я!»
«О славный!— ответил Биндуй,— не ярись,
Жди правды одной от меня, умирись!
Знай, тот шаханшах мне по крови родной,
Величье и доблесть его предо мной.
Я жизнь ему отдал, и должно отдать!
Ты вождь, и неправда тебе не под стать».
Промолвил Бахрам: «За провинность твою

В возмездие ныне тебя не убью.
Но будешь им вскоре повержен и ты,
Тогда не отринешь моей правоты».
Велит заковать ему ноги, и вот
Бахраму для кары его отдает.
Дождавшись, покуда свет солнца погас,
Уснул он, от множества дум истомясь.

[*Иранцы*
советуются с Бахрамом Чубине
о возведении его на престол]

Лишь солнце из ножен клинок извлекло,
На мир покрывало златое легло,
Велит он воинственных знатных мужей
Созвать к опустевшему трону царей.
Златую скамью в стороне повелел
Поставить, как царь-победитель воссел,
И громкий, торжественный слышится глас:
«Рассудит пусть каждый достойный из вас —
Из многих царивших доныне владык
Кто был, как Зохак, беспощаден и дик?
Родного отца ради царства убил,
Убийство содеяв, Иран захватил.
Зло также Хосрову опутало ум,
Отца умертвил он и кинулся в Рум.
И ныне в державе не видно во всей
Достойного мужа из рода царей
Такого, которому было б под стать
Венца, кушака и величья искать.
Ищите достойного, полного сил,
Кто б чин и обычай владык воскресил,—
Высокого солнца творцом поклянусь,
Я сам быть помощником вашим возьмусь».
Лишь только мужи услыхали слова,
Что вымолвил вождь, именитых глава,
Никто не отверг справедливую речь.
Встал некто — ответное слово изречь.
А звали достойного Шахран-Гораз,
Почтенный и доблестный был седовлас.
Сказал: «О великий, чья слава светла!
Благие всегда совершал ты дела.
Ведь если б не ты — в оный день Саве-шах,
С несчетною ратью нагрянувший враг
Свободных* успел бы в рабов обратить —
Отважился кто бы с ним в битву вступить!
Лишь ты против недруга смело пошел
И злую беду от иранцев отвел.

Четыреста тысяч их было — бойцов
Могучих, искусных в бою храбрецов.
Ты в бегство одной их стрелой обратил,
Иранцам теснимым покой возвратил.
Престол подобает тебе одному,
Само твое счастье — свидетель тому.
А кто позабудет служенья зарок,
Кто сердцем от верности шаху далек,
Того к послушанию мы приведем,
Будь витязем, будь он воспетым царем».
Так молвив, на место воссел он, и вот
Вослед Хорасан-предводитель идет.
«Прав,— молвит он,— старец, в ком знания свет,
Собранью такой преподавший совет.
Открыто и ведомо нам, отчего
Мы слышали эти слова от него:
Напомнив о добрых деяньях твоих,
Он всех тут порадовал знатных, благих.
Но также напомню реченье одно,
Разумным по сердцу придется оно,
Зардошт его в Зенд-Авесте записал:
Благому Творцу кто ослушником стал,
Год целый советы давайте ему,
Уставы благие внушайте ему.
К концу, коль на путь не вернется благой,
Велит его шах разлучить с головой.
Когда ж справедливому шаху он враг,
То с казнью промедлить не должно никак».
Сказал Хорасан и сомкнул он уста,
И прежняя вновь им скамья занята.
С сиденья поднялся тогда Фаррухзад.
Такие слова пред собраньем звучат:
«Что лучше, о вождь, воплощенная честь:
Бесстрашная правда иль хитрая лесть?
Коль правда — кто ложь языку своему
Дозволит — со света да сгинуть ему!
Коль речь моя льстива и правды в ней нет,
Не будет мне в помощь Податель побед».
Сказал он Бахраму: «Блаженно живи,
О царь, и блаженство в страну призови!
Счастливым пребудь до скончанья времен,
От вражеских рук и речей огражден!»
На место вернулся воитель, и вот,
Что лев, Хазарван, сын Хосрова, встает.
Сказал он: «Собрание вдоволь речей
Слыхало от юных и старых мужей.
Теперь, коли правого ищешь пути,

Гонца снаряди ты: мол, вихрем лети!..
Не медли, не то, поразмыслив, пойдет
Хосров горделивый в обратный поход.
В посланье к царю о прощенье взывай,
На трон его дерзостно не посягай.
Покуда законный в живых властелин,
Не может царить предводитель дружин.
А если страшишься ты в глуби души
Хосрова, с Тисфуном и Парсом спеши
Порвать, в Хорасане легко заживешь,
Жить вольно, легко заслужил ты, о вождь!
С повинной гонца за гонцом отряжай,
Прошеньем усердным прощенье стяжай!»
Еще сын Хосрова на месте стоял,
Когда Зад-Фаррухом зовущийся встал,
И слово правдивое тут раздалось:
«Мужи родовитые! — он произнес.—
Я выслушал речи достойных мужей,
Избранников славных, Ирана вождей.
Вначале я рабские речи слыхал:
Мол, должно, чтоб витязь владыкою стал.
Речений таких не одобрит мудрец,
Бесчестье для мужа — таков их конец.
Мнил добрую речь Хорасан произнесть,
Но чужды ей были и разум и честь.
Недолжное вовсе сказал Фаррухзад,
Такому внимать справедливый не рад.
Потом Хазарвановы слушали мы
Сужденья — те с разумом были дружны.
С тех пор как вселенную создал Творец,
Вращенью времен не приходит конец.
Зохака-тазийца мы прежде всего
Припомним, насильника злого того.
Джамшида великого он умертвил,
Державу тисками злодейства сдавил.
Разумные были печали полны,
Стал див неподобный владыкой страны!
Вторым Афрасьяб — как Джейхун пересек
Сей низкий,— беду на иранцев навлек.
Напал на благого Новзара потом
И жизни лишил, обезглавив мечом.
А третьим был вождь Искендер, что пришел
Из Рума, Иран к разоренью привел.
С тех пор как Дару-меченосца сразил,
Иранцам он пищу и сон отравил.
Четвертым зломысленный был Хушнаваз,
И славу, и счастье отнявший у нас.

Пируз со звездою столь светлой своей,
Земель покоритель, властитель царей,
Внезапно хайталами был умерщвлен,
И пал шаханшахов наследственный трон.
А ныне такое постигло Иран.
Чего ни в одной не бывало из стран:
Спасаясь от войска, приют у врагов
Искать принужден венценосец Хосров!»
Так молвил и, плача от горя, воссел.
Бахрам, это слыша, лицом пожелтел,
Вскочил тут Синар в боевом кушаке, —
Испытанный воин, меч хиндский в руке,—
И вот что промолвил: «Сей вождь боевой —
Муж доблестный, щедрый, великий душой.
Не лучше ль, покуда потомственный кей
Придет и воссядет в уборе царей,
Ему на престоле державном воссесть —
Удачлив, хранит справедливость и честь».
Лишь только мужей отзвучали слова,
Меч вырвал из ножен дружины глава,
Так молвил: «Из царского рода одну
Пока не отыщут хотя бы жену,
Не дам никому я в венце восседать,
Меж всадников славных коня оседлать!»
Воители — рать Ахримана — едва
Надменные те услыхали слова,
Все с мест повскакали, мечи обнажив,
Отныне по-новому заговорив:
Бахрам, мол, владыка, мы слуги ему,
Из недругов не сдобровать никому!..
Клинки занесенные лишь увидал,
Бахрам справедливость и мудрость избрал.
Воскликнул он: «Выйдя из этих ворот,
Кто дерзостно руку к мечу занесет,
Я руку немедля тому отрублю,
Хмельную ту голову в миг отрезвлю!»
Покинул иранских мужей и назад
Он в царский к себе направляется сад.
Понуро собранье затем разошлось,
И сердце у многих на части рвалось.

[*Бахрам Чубине восходит на престол*]

Лишь только явился шатер смоляной,
Усеяли звезды свод неба ночной
И голос дозорных простор огласил,
Шелк писчий с калямом Бахрам запросил.
Дабира достойного кликнув за сим,

С калямом чернильницу ставит пред ним
И молвит: «Решенье, что вынесла знать
Иранская, надобно здесь записать:
Мол, славный победами воин — Бахрам,
Венца и престола достоин Бахрам.
Он ищет лишь правды одной на земле,
Будь явной она иль сокрытой во мгле...».
Написана грамота, вынесли прочь
Свечу, протекла в размышлениях ночь.
Когда же лажвардовый скрылся шатер
И солнца лучи позлатили простор,
Муж славный, отмеченный счастьем, вступил
К Бахраму в чертог и престол водрузил.
Подножье к престолу златому сему
Приставив, дорогу открыли к нему.
И вот, уподобясь наследным царям*,
На трон кеянидов восходит Бахрам.
Готовая грамота принесена,—
На том драгоценном шелку письмена,
Свидетельство знатных иранских мужей —
Бахрам, мол, отныне владыка царей.
Лишь только поставила подписи знать,
Бахрам приложил золотую печать.
Так молвил: «Мне жребий сей царственный дан,
Вам в этом свидетель — пречистый Йездан.
И ныне, и тысячелетья потом
Цари да родятся в потомстве моем.
Высокий престол, шаханшахский венец
В наследие сыну оставит отец.
В Азере день Хура * — день памятный сей —
Онагра избавил от львиных когтей».
И далее так он иранцам сказал:
«Окончилась смута, день мира настал.
В чьих мыслях на это согласия нет,
Что в сердце бы ни было — мрак или свет,—
В Иране пребудьте не дольше трех дней.
В четвертый, лишь солнце в сиянье лучей
Взойдет над землею, к Хосрову тотчас
Направьтесь, сей край да пребудет без вас».
Сказали, его не от сердца хваля:
«Тебя да вовек не лишится земля!»
И все, кто владыку в душе призывал,
По славной державе его тосковал,
Оттуда к Румийской земле понеслись,
Покинув родные края, разбрелись.

[*Бегство Биндуя из темницы Бахрама*]

Бахрам той порою в темнице своей
Биндуя, что пса, вот уж семьдесят дней
Томит. Но Бахрама душа самого
Терзается от заточенья того.
Его между тем убеждает Биндуй,
Твердить и в цепях продолжает Биндуй:
«Надежде на шаха не след изнемочь,
Коль даже и день потемнеет, как ночь.
Пусть медлил придти одоления час,
Дождался победного дня Хушнаваз.
В минувшие дни Кей-Кобада Йездан
Помиловал, царский вернул ему сан.
Не вечно с Бахрамом престол и венец.
Что мыслит удачливый этот храбрец,
Да сгинет он! Рода дихканского муж
Сам к гибели верной стремится к чему ж!
Два месяца минет — на пальцах сочти —
Румийская рать не замедлит придти.
Венец и престол — все огню предадут,
Уборы о темя его разобьют».
«Коль царь обещает— Бахрам говорит,—
Что милость окажет, мне жизнь подарит,
Я душу советом твоим вдохновлю
И верность, и повиновенье явлю.
Поклясться ты должен Луною, Огнем,
Престолом прославленным, царским венцом,
Что если Хосров в это царство придет,
Дружину из Рума сюда приведет,—
Его убедишь ты меня пощадить,
Не скажешь: мол трудно царя убедить,—
Дабы наущениям клеветников
Не внял, не казнил меня гневный Хосров».
Сказал и потребовал Зенд-Авесту,
Чтоб клятву принять нерушимую ту.
И книгу священную взяв от жреца,
Промолвил Биндуй: «От благого Творца
Да примет Биндуй лишь страданья одни,
В тревоге, в тоске да текут его дни,
Коль в час, как Хосрову он в ноги падет,
Поднимется ранее, нежели тот
Пришлет тебе перстень — примету владык,
Корону, достойную тех, кто велик».
Бахрам, как услышал священный обет,
Увидел — коварства в клянущемся нет,
Сказал: «Ныне замыслу дам своему

Открыться, свой голос теперь подниму.
Раскину я для Чубине западню.
С враждою умение соединю
И средство найду его смерти обречь,
Средь пира исторгну отравленный меч!
Безводье что ль ныне в морской глубине,
Что шахом приходится звать Чубине?»
Промолвил Биндуй: «Ты умом одарен.
Признай же: искусен я, ловок, умен.
Мы вскоре владыку законного ждем,
Придет и воссядет на троне своем.
Ты знаешь, мне внемлет охотно Хосров,
Слуги своего не отринет он слов,
Венец по внушенью отдаст моему!
С мольбой о тебе приступлю я к нему.
Коль истинно верен ты в слове своем,
Не хитростью низкою втайне ведом —
Избавь мои ноги теперь от оков!
Об этом деянье услышав, Хосров
Порадован будет отвагой твоей,
И голос твой царских достигнет ушей».
Бахрам это слушал, лицом прояснясь,
И снял он оковы с Биндуя тотчас.
Вот темный, как мускус, светлеет шатер,
Рассвет к нему сильные когти простер,
И слышит Биндуй: «Коль не дрогну душой,
Нагряну как только, взяв клюшку с собой*,
К майдану Чубин устремится играть —
Со мной сговорилось помощников пять.
Внезапно свершим нападенье и с ним
Навеки покончим ударом одним».
Кольчугу спросил, под одежду надел
И прочь из дворца на коне полетел.
Жена у Бахрама была неверна,
Бахрамовой смерти искала она,
К вождю Чубине устремлялась душой,
К супругу пылая сокрытой враждой.
Шлет вестника: мол, благодетель мой — ты,
Себя поспеши оградить от беды!
Бахрам под одеждой кольчугу сокрыл,
Я видела — туго застежки скрепил.
В душе не таил бы худого чего,
Подальше б держаться тебе от него!...
Услышав от женщины тайный совет:
В човган не играй, опасайся, мол, бед,—
Отправиться все же решил на майдан.
В игре богатырской вращая човган,

К нему приближавшихся всех Чубине,
Приветствуя, гладил рукой по спине.
Черед Сиавушева сына дошел,—
Кольчугу признал, лишь рукою провел,
И вскрикнул: «Эй ты, что гнуснее всех змей!
В игре удалой под одеждой своей
Кто ж носит кольчугу?» Клинок занесен,
И надвое вот уж Бахрам рассечен.
Весь город немедленно слух обошел:
Бахрам, мол, повержен, из жизни ушел...
Биндуй лишь об этом убийстве узнал,
День ясный его, скажешь, полночью стал.
Охваченный дрожью, в кольчуге, верхом,
Свой стан богатырский стянув кушаком,
Бахрамовых тут же собрал он родных,
А также приверженцев тайных своих.
Все в бегство пустились, без устали мчась,
Дабы не постиг их погибели час.
Достигли стоянки, умножили рать,
И путь к Ардабилю решили держать.
Меж тем покидает майдан Чубине,
От ярого гнева он будто в огне.
Немедля призвать он Махруя велит,
Быть стражем суровым Биндуя велит.
И слышит в ответ: «О Биндуе, мой царь,
Заботою сердце свое не мытарь!
Услышав о том, что повержен Бахрам,
Умчался, себя уподобив ветрам.
Раскаялся в том, что сообщнику дал
Погибнуть,— угрозу себе увидал».
Сказал: «Кто от друга врага отличить
Не может — такой недостоин и жить.
Улегшийся спать на слоновьем клыке,
Плывущий беспечно по Нилу-реке,
Иль против владыки дерзнувший восстать,
Иль тигра за лапу затеявший взять,—
Сколь участь их горестна, всех четверых!
Во гневе судьба отвернулась от них.
Таков же, кто сдвинуть бы гору желал
И толпы людей для того собирал,
Немало бы принял трудов для того,
И что ж? Кроме ветра в руках — ничего.
По водам в челне продырявленном плыть
Разумней, чем в начатом деле спешить.
Задумавший скрытый родник отыскать,
Растерян и гневен, вернулся бы вспять.
Себе провожатым избравший слепца,

Путь долгий не сможет пройти до конца.
Дракона схвативший руками, падет,
А лютый дракон невредимым уйдет.
И если кто яд попытается съесть,
Лишь гибель в мучениях сможет обресть.
Я сразу Биндуя на смерть не послал,
И вот ускользнул он и действовать стал.
Оплакивать впору свершенное мной!
Но воле Творца предадимся благой».
Биндуй, между тем, с малым войском своим.
Все мчится вперед, споря с ветром степным.
К ним, в спутники годный, примкнул не один
На землях, где правил Мусиль-армянин *.
Путь войска лежал средь безводных степей,
Одни обитали там стаи зверей.
Вдруг ставку Биндуй вдалеке увидал.
Туда устремился затем, что узнал:
Мусиль-армянин обретается здесь,
Проточные воды и пища тут есть.
Без войска, один, поспешает Биндуй
Туда, где лужайка, журчание струй.
Увидев Мусиля, склонился пред ним,
Открылся, доверенным сделал своим.
Такой от Мусиля услышал ответ:
«Тебе удаляться отсюда не след.
Здесь будешь известья из Рума иметь —
Врагом или другом Хосров будет впредь?»
Остаться Биндуй у Мусиля готов,
Из степи своих призывает бойцов.

[*Хождение Хосрова в Рум через пустыню и предсказание отшельника о его будущем*]

Царь мчится все далее. Ни ручейка,
Ни рощи зеленой, ни проводника.
Поводья оставил он, сердце во мгле.
Домчал его конь до ворот Багиле *.
Старейшины града встречают его,
Достойные все величают его.
В тот город вступая, решился Хосров
Устроить привал для усталых бойцов.
Лишь только успел он покинуть коня,
Иранский боец, что есть мочи гоня,
Письмо пахлавана-Бахрама примчал,
Которое в складках одежды скрывал.
Бахрам возглавлявшему град Багиле
Писал: «Нынче рать на своей ты земле
Увидишь — ей спешиться не дозволяй,

С бойцами немедля нагряну я, знай».
Лишь града правитель те строки прочел,
С посланьем поспешно к Хосрову пришел.
Постигнув значенье прочитанных слов,
Деянием рока дивится Хосров.
Его устрашает враждебная рать —
Усталым воителям как устоять?
Вновь стан опоясал он царский, и град
Покинул, с ним воины дальше спешат.
И вот до Евфрата-реки уж дошли,
Но в царстве том пищи совсем не нашли.
Глад мучит и юных, и старых мужей,
Вот рощи достигли, где плещет ручей.
И тут караван показался вдали,
Верблюды вослед караванщику шли.
Хосрова увидев, тот муж молодой
К нему обратился с горячей хвалой.
Царь молвит: «Как имя, прозванье твое?
Путь держишь куда: в чем желанье твое?»
«Я Кайс, сын Хариса,— ответ он дает,—
К арабам свободным восходит мой род.
Из Мисра * я этот привел караван,
Сего каравана я сам же сарбан.
Владенья мои на Евфрате-реке,
Шел в рощу, которая невдалеке».
Хосров вопрошает: «Из снеди найдешь
Что-либо и что разостлать нам для лож?
Мы голодом, скачкою изможденны.
Припасов, обоза — всего лишены».
Ответил тазиец: «У нас задержись,
Все будет твое — достоянье и жизнь».
Слов добрых для шаха немало нашел
И тучную после телицу привел.
Зарезали тут же, костер развели,
Дрова лишь сухие усердствуя жгли.
Зажарено мясо, пора пировать,
Без хлеба за снедь принимается знать.
Встают, над кебабом вовсю потрудясь;
Тут ложе стал каждый устраивать князь.
Немалое время проспавши, встают
И новую после хвалу воздают
Владыке благому, что мир сотворил,
Создателю силы и тех, кто без сил.
Так после промолвил соратникам шах:
«Кто более прочих погряз во грехах,
Те всех мне дороже, поистине тех
Готов я возвысить меж подданных всех,

Всех дальше успевший в нечестье шагнуть,
Покинуть меня и Создателя путь,
Душой да воспрянет, надежду храня,
Прошу я, пусть милостей ждет от меня».
Соратники все отвечали хвалой:
«О чистый душою владыка благой!
Тебя да хранит неизменно Йездан,
Трон вечно да будет тобой осиян!»
Тазийца спросил: «Где дорога для нас?
Как дальше мне войско вести в этот час?»
«Фарсангов на семьдесят,— слышит в ответ,—
Лишь горы да степи — иного там нет.
Коль мне дозволяешь, я мяса, воды
К пути припасу,— иль торопишься ты?»
Хосров отвечает: «В суть дела ты вник:
Нужны здесь припасы, притом проводник».
Араб на верблюде наездника шлет —
Дружину вести неуклонно вперед.
В невзгодах и муках средь гор и степей
Царь путь продолжает с дружиной своей.
Усталые, скачут все дальше, и вот
Другой караван им навстречу идет.
Приблизился. Перед владыкой стоит
Купец молодой и богатый на вид.
«Откуда? — спросил повелитель тогда,—
И путь столь поспешно ты держишь куда?»
Ответил: «Из града Хорре-Ардашир,
Оттуда торговец я, также дабир».
«Как,— молвил,— тебя твой родитель назвал?»
«Мехраном Ситадом»,— купец отвечал.
О пище затем вопрошает Хосров.
«О славный! — торговца ответ был таков,—
Еды у меня сколько хочешь найдешь,
Хоть, правда, собою купец нехорош».
Царь молвил: «Порадовать гостя в пути —
Путь верный удачу в делах обрести».
Торговец запасы свои развязал,
Дирхемов, динаров немало изъял.
Снедь подал купец, сам присел на земле,
И царь непритворной внимает хвале.
Хлеб съеден, и гостеприимец встает,
Кувшин умывальный царю подает.
Увидя то издали, Хоррад Борзин
Туда прибежал, где сидел властелин,
И теплую воду у доброго взял,
Чтоб совести голос царя не терзал.
Вино, светозарному соку из роз

Подобное, тут же торговец принес.
Вновь Хоррад Борзин поспешил на пути
Отнять и царю своему поднести.
Служенье служившему в пользу пошло,
Сверх почестей почести вновь принесло.
И после спросил у торговца Хосров:
«Где дальше дорога лежит для бойцов?»
Торговец когда ему путь указал,
Царь имя и звание спрашивать стал:
«Поведай, о любящий гостя, твое
Где в граде Хорре-Ардашире жилье?»
Ответил: «Будь счастлив, владыка Хосров!
Узнай же, что я из Карзийских купцов *».
Селенья названье, как юношу звать,
Владыка писцу повелел записать
И после торговцу промолвил: «Прощай
И мудрости другом весь век пребывай!»

[*Прибытие Хосрова в Румийскую землю*]

Простились с приветливым тем уголком,
Стремительно двинулись к Руму потом.
И вот уже града достигли они,
Карсан * — так был назван кейсером в те дни.
Увидя Хосрова и войско его,
Вмиг все христиане из града того
Помчались дорогой, летят без дорог
К твердыне, свой град заперев на замок.
Дивится владыка, чья слава светла,
Дружина вне града три дня пробыла;
В четвертый известье решился послать:
Мол, наша совсем малочисленна рать.
На помощь придите, нам вышлите снедь!
Иль только и мыслите нас одолеть?..
Но тщетны моленья, души не смягчил
Румиец. От голода войско без сил.
Вдруг черная туча пришла, заревев,
Как яростный, в битву стремящийся лев.
Из тучи той вихрь опустился на град.
Плач, стоны над улицей каждой стоят.
Пока полуночное время пришло,
Часть крепости ветром свирепым снесло.
Весь град в изумленье, в отчаянье впал.
С мольбою к Йездану епископ воззвал.
На улице каждой готовят припас.
Три старых епископа, тут же помчась,
Румийских одежд привезли без числа,
Всего, чем земля их богата была;

Коней привезли властелину: в грехах,
Мол, наших причина сих бедствий, о шах!..
Но молод Хосров был и духом высок,
И горький им высказан не был упрек.
Дворец величавый тот град украшал,
Вершиною в тучи вонзаться дерзал.
Немало в нем было рабынь и рабов;
Кейсером дворец был воздвигнут. Хосров,
Покинувши степь, в этих зажил стенах,
Надолго остался в том городе шах.
Румийцы хвалу возносили ему,
Алмазами дань подносили ему.
Пристанищем столь благодатным прельщен,
Покинуть сей град не торопится он.
Кейсеру послание шах написал,
И ливень, и бурю ему описал.
Отправился в город Мануй наконец,
Что раем зовет искушенный мудрец.
И каждый, имевший в том городе власть
И в доблести долю, и в мудрости часть,
Епископы все и монахи пришли,
Хосрову нисар и дары принесли.
О буре толкуют с иранским царем,
Толкуют о городе древнем своем.
Твердит ему каждый: «Мы рады служить,
Главу перед волей Хосрова склонить».

[*Отшельник предсказывает будущее Хосрову Парвизу*]

Владыка в том граде три дня пребывал.
В четвертый, лишь светоч земли засиял,
Царь к тучам вознес закаленный булат,
И вот уж бойцы с ним к Вариху летят.
Так звался тот город: Варих иль Аврих *.
Распятья там всюду, дома для больных.
В глуши монастырь перед взором возник,
И голос отшельника слуха достиг.
Тогда прозвучало воззванье царя:
«Живи, неизменно молитвы творя!
Когда б соизволил сойти с высоты,
Хвалу от Создателя принял бы ты».
Воззванье услышав, из монастыря
Спустился монах и увидел царя.
Увидев, склонился пред ним до земли,
И долгое время их речи текли.
Царь слышит: «Хосров ты, сомнения нет,
И отчим престолом твой дух не согрет.

Виною тому злобный раб-кознодей,
Слуга, ослепленный гордыней своей».
Немало таких от пустынника слов
Услышав, душой обновился Хосров.
От этих речей в изумление впал,
И милость Творца на монаха призвал.
И руку с коня простирая, опять
Он благочестивого стал вопрошать.
Так молвил, его испытать пожелав:
«Подвластный я в войске владыки держав.
Посланье везу для кейсера. Дождусь
Ответа и тут же к царю возвращусь.
Удача ли путь мой крылом осенит?
Что ждет меня? Дух тебе что говорит?»
«К чему эти речи! — ответил монах.—
Не шаха ты ищешь, сам истинный шах!
Я это при виде лица твоего
Сказал, искушаешь меня для чего?
Ложь вере твоей не пристала благой.
Будь правде привержен, путь кривды — не твой.
Сражался и тягот немало ты нес,
Бежать под конец от раба довелось».
От этих придя в изумление слов,
Прощенья просил, устыдившись, Хосров.
«Прощенья,— монах отвечал,— не проси,
О судьбах грядущих своих вопроси.
Будь весел, отважен; сюда твой приход
Сулит тебе счастья обильнейший плод.
Йездан уготовить тебе восхотел
Благую звезду и высокий удел.
Рад будет оружьем и войском помочь,
Отдать тебе трона достойную дочь
Кейсер. И с рабами в кровавой борьбе
Создатель опорою будет тебе.
Муж дерзостный, в бегство затем обратясь,
О счастье утраченном вспомнит не раз.
И после, как с поля войны убежит,
В далеком краю водвориться решит,
Отринет присягу тебе, посему
Прольют его кровь по суду твоему».
«О знающий старец! — Хосров отвечал,—
Так все да свершится, как ты предсказал!
Какому, скажи, должно сроку пройти,
Покуда я царство смогу обрести?»
Сказал: «Десять месяцев минет и два,
И будет увенчана эта глава.
Еще пронесутся дней десять и пять —

В стране шаханшахом тебе просиять».
Хосров вопросил: «В окруженье моем
Кто ратует о низверженье моем?»
«Муж, коему имя Бистам,— был ответ,—
Гордынею полный искатель побед.
Его называешь ты дядей своим
И сердце вседневно ты радуешь им.
Страшись недостойного мужа того,
Лишь бедствий да горестей жди от него!»
И молвил тут гневом объятый Хосров
Гостехму: «Снял с тайны провидец покров!
Бистама ведь имя дала тебе мать,
Ты в битвах себя Гостехемом стал звать».
Монаху сказал: «Вот он, дядя родной,
С моею он матерью крови одной».
«Да,— молвил монах,— вот злокозненный тот!
Вражду и беду Гостехем принесет».
Хосров вопросил: «О богатый умом!
Что сбудется дальше, поведай о том».
«О том не тревожься,— ответил монах,—
Грядущий твой день благодатен, о шах!
Постигнут не будешь ты злом никаким,
Изедовым лишь испытаньем одним.
Строптивца мятеж твой покой возмутит,
Но дальше судьба лишь удачи сулит.
Раскается после зломысленный сей,
И все ж от руки он погибнет твоей».
Тут речь Гостехем начинает: «О царь,
Ты этой заботой себя не мытарь!
Пречистым Йезданом, что создал Луну,
Владыкой, как ты, осчастливил страну,
Луною и Солнцем, священным Огнем,
Тобою, великим и славным царем,
Клянусь лишь добро, не злодейство творить
Все дни, что дано Гостехему прожить.
А если преступит реченное он,
Да будет немедля с душой разлучен!
С тех пор как Создатель сей мир сотворил,
Ключ тайны своей никому не вручил —
Почто же ты христианина словам
Внимаешь, недобрым поверил речам?
Меня от наветов его защити.
Я клялся, предлогов теперь не ищи!»
«Молчи, малодушный! — ответил Хосров.—
Таких недостойных не надобно слов.
Еще ты мне горестей не причинял,
Вражды и коварства досель не являл.

Но если то воля небес предрекла,
Не диво, коль станешь причиною зла.
Коль воля Изедова это, невмочь
Ни знанью, ни мудрости делу помочь».
«Прощай! — обратился владыка благой
К монаху,— будь счастлив и ясен душой!»
Потом от обители в город Варих
Помчался он молний быстрей грозовых.
Его городская вся встретила знать,
На ком человечности светлой печать.

[*Послание Хосрова Парвиза кейсеру Рума*]

В тот город вступает владыка, и вот
Кейсер многославный гонца к нему шлет:
Проси, мол, что хочешь у этой страны!
Сокрыты быть нужды твои не должны.
Хоть я повелитель народа сего,
Чтить стану тебя как себя самого.
В том граде покоен и радостен будь,
Тебе угрожавшие беды забудь.
Готовы служить все румийцы тебе,
Хоть в славной, высокой родились судьбе.
Пока без оружья, без войска Хосров,
Не знать мне покоя и сна, и пиров...
Хосров, это слыша, воспрянул душой,
Избавился вдруг от тревоги былой.
Призвав Гостехема, Балу-храбреца,
Еще Андияна, героя-бойца,
Хоррада Борзина и витязя-льва
Шапура, царь молвил такие слова:
«Коней оседлайте, лишь станет светло.
Из злата пусть каждое будет седло.
И чинской затем облачившись парчой,
Все, с сердцем единым и с чистой душой,
К кейсеру с посольством помчитесь тотчас.
Сказавши, услышьте, что скажет для нас.
Разумны, внимательны будьте, светлы
Душою, и речи да будут теплы.
Начнет на майдане кейсер поутру
Из лука стрельбу иль с човганом игру,—
С мужами кейсера вступить вы должны
В борьбу, да не будете посрамлены.
Да знает, что мощь из Ирана несут,
Дух львиный, бестрепетный, рьяный несут».
Хорраду Борзину царь молвит: «Ступай,
Шелк чинский и мускус мне черный подай.
Посланье кейсеру напишем. Оно

Сиять, словно райское солнце, должно,
Богатое смыслом, в немногих словах,
Тотчас находящее отклик в сердцах.
Всегда пребывают философы с ним,
Внимать не заставь их реченьям пустым!
В сказаньях, в словесности изощрены,
Порока в посланье найти не должны.
Прочтет он послание — слово начни,
С тобой в красноречье не сладят они».
Балую сказал: «Как меня назовет
Кейсер, пред собранием речь поведет
Про дружбу, союз, договор и обет,
Ты дай ему меду подобный ответ.
Тебе доверяю в собрании том
Моим прелагателем быть, языком.
Что нам поражения не принесет —
Старайтесь о том, не жалея забот.
Ты в этом обет нерушимый мне дай,
Слова мои накрепко запоминай!»
Достойному юноше внявши тому,
По опыту первые и по уму
Хвалу воздавали ему без конца:
Никто, мол, иной да не носит венца!...
И вот уж в кейсеров блистательный град
Те знатные, чистые сердцем спешат.
Кейсер, лишь узнал о посольстве вождей,
Владыкой держав отряженных мужей,
О том, что подходит к концу их поход,
Для встречи дружину немалую шлет.
Парчою румийской убрали чертог,
Алмазный узор там на золото лег.
Увенчан венцом лучезарным своим,
Воссел он, трон кости слоновой под ним.
Завесу у входа велит вознести,
Послов через царские сени ввести.
Вначале достойный вступил Гостехем,
Балуй и Шапур-богатырь вслед за тем,
С Хоррадом Борзином Андьян-удалец,
На каждом кушак и на каждом венец.
И вот уж к кейсеру они подошли,
Увидев, склонились пред ним до земли
И чествуют единогласной хвалой,
И сыплется жемчуг на трон золотой.
Кейсер начинает расспросы вести
О шахе, о войске, о трудном пути.
К престолу приблизился Хоррад Борзин
С письмом, что кейсеру прислал властелин.*

Венчанный велит для посланцев благих
Поставить четыре скамьи золотых.
Места не замедлили трое занять,
Угодно лишь Хоррад-Борзину стоять.
«У трона,— промолвил кейсер,— отдохнуть
Не должно ли мужу, чей долог был путь?»
Таков был Хоррада Борзина ответ:
«Мне чести такой не оказано, нет,
Дабы восседать я решился, в руках
Посланье имея, что вверил мне шах.
Быть может, мое ты служенье принять
Изволишь и вести венчанного внять?»
«Открой же,— кейсер дозволенье дает,—
Что молвит нам мудрый, прославленный тот».
Посланник тут речь начинает свою,
Кейсер же все в память слагает свою.
Вначале хваленье Творцу возносил,
Весь мир с ним в сравнении уничижил.
«Он — высший из высших, дано одному
Всеведущим быть, всемогущим Ему.
Сей свод круговратный Ему подчинен,
Превыше пространства и времени Он.
Им звезды небесные сотворены,
На купол кружащийся возведены.
Творенья живые из праха извел,
Сперва Кеюмарса возвел на престол;
Минули года — Фаридуна избрал,
Достойнейшим между достойных признал.
С тех пор утвердился сей род на земле,
Открылось сокрытое прежде во мгле.
И после, пока увенчал наконец
Главу Кей-Кобада высокий венец,
Знамений худых в доме не было сем,
С Изедовым не враждовал он путем.
А ныне презреннейший раб из рабов
За трон кеянидов сражаться готов.
Я лишь правосудья прошу у Творца,
Не пояса, шапки, престола, венца.
Ведь надобны разум и счастье, и честь
Тому, кто на троне желает воссесть,
Да знает, быть должно наградою чьей
Престолу, венцу и величью царей.
На помощь придите же в деле моем,
Над дерзостным восторжествуйте рабом!
Давно без приюта скитаюсь везде,
У знатных в бесчестье, у малых в стыде».
Лишь эти реченья кейсер услыхал,

Лицом, что цветок шанбалида, он стал.
Цветок шанбалида омылся росой,
И стоны спознались с устами, с душой.
Прочел он посланье, и боль возросла,
И стал пред очами престол — что смола.
Хорраду Борзину кейсер говорит:
«От мудрых свет истины сей не сокрыт —
Хосрова сильней, чем родного, люблю,
Рад пестовать больше, чем душу свою.
Все сыщется — войско, оружье, казна,—
Что вам пригодится, доставим сполна.
Потребуешь очи,— не жаль и очей,
А очи дороже монет и мечей».

[*Ответ кейсера на послание Хосрова*]

Богатого знаньем дабира призвал,
Почетное место ему указал.
Ответное с ним составляет кейсер
Посланье, небесных прекраснее сфер —
Столь много в нем ласковых, благостных слов
О разном, с былых начиная веков.
Послание доведено до конца,
Кейсер расторопного кличет гонца,
Которому дар красноречия дан,
Чей знаньем и мудростью дух осиян.
«Отправься,— велит,— и Хосрову скажи:
Царь мудрый, взыскующий правды, не лжи!
Богат я бойцами, оружьем, казной,
Нет нужды просить у державы иной.
А если б моей не достало казны,
Владыка помог бы мне каждой страны,
Дабы от румийцев в родной свой Иран
Помчавшись, ты был бы победой венчан.
Здесь, в Руме, душою не будь омрачен!
Таков круговратного свода закон:
Он — нынче убежище, завтра — капкан,
То пир и услада, то грозный аркан.
Пока я оружье, дирхемы и рать
Доставлю, не должно тебе тосковать».
И вот пред Хосровом посланец предстал,
Все речи кейсеровы пересказал.

[*Послание кейсера Хосрову*
с отказом в помощи ему и ответ Хосрова]

Сторонним кейсер разойтись повелел,
В раздумье с советником мудрым воссел.
Так молвил мобеду: «Обиженный сей

Средь бедствий в нас ищет опоры своей.
Что сделать, чтоб силу достойный обрел,
Позор, принесенный подвластным, отвел?»
Ответил советник ему: «Из своих
Философов чистосердечных, благих
Ты нескольких, светлых умом отбери
И дело с участием их рассмотри».
Послал именитого мужа, и вот
Румийских с собой четверых он ведет
Философов; старший и младший тогда
Речь стали вести про былые года:
«Как час Искендерова пробил конца,
С тех пор нам иранцы терзают сердца.
За наши вторгались не раз рубежи,
Здесь кровь проливая, чиня грабежи.
Их бедам теперь за худые дела
Рука всеблагого Творца обрекла.
Коль роду Сасана пора угасать,
Не лучше ль тебе отстраниться, молчать?
Коль сможет кеянский венец обрести
Хосров и главу до луны вознести —
У Рума потребует дань. Предана
Тогда разорению будет страна.
Коль наше ты мненье разумным сочтешь —
Иранцев моленьями пренебрежешь».
Услышав от мудрых такие слова,
Решенье меняет державы глава.
Он к шаху помчаться гонцу приказал
С посланьем, в котором стезю указал
Со слов накопивших познанья мужей,
Читавших о прошлом сказанья мужей.
Вот прибыл посланец и, что услыхал,
Из уст венценосного пересказал,
Посланье кейсерово шаху вручил
И после с ним долго еще говорил.
Хосров, при нежданном известии том,
От горестных мыслей поблекши лицом,
Ответил: «Коль станем о прошлом твердить,
Давно позабытую боль бередить,
Все снова ее воскрешая в сердцах —
Все наши усилья развеются в прах.
Ты ныне о предках моих рассуди:
Те славные, чистые сердцем вожди
Неправою шли или правой войной?
У старцев спроси, что о жизни былой
Все помнят. Румийских спроси мудрецов,
Те бедствия все от ворон иль от сов? *

И тот, кто в румийском блистает дворце,
Ужели нужду не имеет в Творце?
Мир знал моих дедов в минувшие дни,
Победами в мире гремели они,
Сносить и не мыслили ни от кого
Невежество, дерзость, навет, хвастовство.
Но эти к чему расточаю слова,
Коль в пасти дракона уже голова!
Кейсеру привет мой снеси да скажи:
Реченья без ладу и складу мужи
Нести не помыслят рассудку на суд.
Но счастье пройдет и невзгоды пройдут.
Не знать мне отныне покоя и сна
Пока роковая не схлынет волна.
Коль скоро мне Рум пожелал отказать,
За помощью должно к хакану послать.
Мой был понапрасну призыв обращен!
Ручей изначала ведь был замутнен.
Когда возвращенья посланцев дождусь,
Я в этом уж городе не задержусь».
«А вы,— услыхали Ирана сыны,—
Случившимся дух омрачать не должны.
Оплот наш — дарящий победы Йездан,
Нам дух человечности, мужества дан».
Постигшим его пренебрег. Для пути
Тохару собраться — посланье везти.
Посланье свое составляя, Хосров
Не видел красы или худости слов.
Покинув Хосрова, Тохар поскакал
И вскоре пред славным кейсером предстал.

[*Второе послание кейсера Хосрову о помощи ему*]

Кейсер, озадачен посланьем таким,
Раздумывал долгое время над ним.
К дастуру он речь обращает свою:
«Проникнуть нам надобно в тайну сию.
Премудрые да соберутся мужи,
Про все происшедшее им расскажи.
Узнайте, в сей битве судьба победить
Хосрову иль боль пораженья вкусить?
Коль скажут: победы ему не снискать,
Новрузу пред взором его не сверкать.—
К хакану дадим обратиться ему:
Недужен, и должно лечиться ему.
Но если ему победить суждено,
Как прежде родитель, царить суждено,
То лучше пусть войско отсюда ведет,

Да втайне вражда ему сердце не жжет».
То слово лишь слуха успело достичь,
Дастур повелел, чтобы древнюю зич *
Мужи-звездочеты с собой принесли.
Три стражи ночные над ней провели,
И вот что сказал звездочет наконец
Кейсеру: «О царь, чей прославлен венец!
Открылось мне в зичи, что с давних времен
По звездам составил премудрый Платон *:
Недолго спустя поворот будет нов
Для царства — владыкою станет Хосров.
Лет тридцать и восемь, знай, после того
Пылинка, и та не коснется его!»
Кейсер как услышал, дастуру сказал:
«Нам тайна открылась, покров ее пал.
Что скажете ныне, как далее быть,
Бальзамом каким эту рану лечить?»
Достойный дастур отвечает в словах
Таких: «Что судила звезда в небесах,—
Ни знаньем, ни доблестью не изменить,
Йездана о помощи должно молить.
Хосров коль на землю хакана придет,
Спасенье от бед у него обретет,
Стан здесь не раскинет, а в месте ином —
К тебе, знай, вражды не угасит потом.
Еще поразмысли, твой разум сильней,
Ты к цели дорогу отыщешь верней».
Промолвил кейсер: «Поневоле нам рать
Теперь уж приходится шаху послать.
Вот лучшее между речений: казны
Не жаль, коли будем от бед спасены».

[*Новое послание кейсера Хосрову*]

Немедля посланье кейсер написал,
Так пишет он после несчетных похвал:
«С мобедом правдивым, что светел умом,
Мы долго держали совет обо всем.
Как все рассмотрели и все разочли,
К решению прежнему снова пришли.
Конец и речам и раздумьям теперь;
Раскрыта старинных сокровищниц дверь.
В самом Константиновом граде * я рать
Держу лишь такую, чтоб край ограждать,
Но разные мы изыскали пути,
Чтоб нам отовсюду войска привести.
Сойдутся — к тебе их немедля пошлем,
Питать не помысли сомнения в том.

Те все колебанья, раздумья, слова,
Что нас приравняли к дразнящему льва,—
Оттуда, что слушали мы знатоков,
Напомнивших распри минувших веков.
Здесь юный, как старец, был скорбен и хмур *
В те дни, как царил Ардаширов Шапур,—
Столь часто вторгался он в нашу страну,
Неправую не прерывая войну.
И после Хормозд, и затем Кей-Кобад
В жестокости также не знали преград.
Ведь тридцать и девять здесь градов сочтешь,
Руками иранцев разрушенных сплошь.
Степь морем казалась от крови мужей,
В полон уводили их жен и детей.
Коль тлеет в румийце вражда к своему
Обидчику, что же дивиться тому!
Но мести не ищут румийцы, светла
Их вера, чинить не хотели бы зла.
Нет правды дороже для нас ничего,
Гнать злобу из сердца хотим своего.
Собрали мы всех, потерпевших урон,
Им наш разъяснили устав и закон,
И чудом пришло примиренье к сердцам,
Губительный яд обратился в бальзам.
На том порешили, пришли мы к тому,
Чтоб старое не поминать никому,
Словам твоим повиновенье являть
И душу обету в залог отдавать.
А также и вы подтвердить нам должны,
Что прочь подозрения отметены.
Скажи: коль в Иране я царь — помогу,
Всем злом причиненным не пренебрегу
И дань, мол, у Рума не стану взимать,
Во имя богатства людей истязать...
Решенья сии укрепите во мне,
Ко мне, словно кровной приблизьтесь родне!
Случится спознаться с какою нуждой,
Пойдут ли на край ваш неправой войной,—
На помощь, как братья и други, придем,
Не то — словно верные слуги придем.
Как наши вас обогатят города,—
К вам в сердце, быть может, вернется вражда,
И вспомните вновь о злосчастных годах *
О Сальме и Туре, их днях и делах.
Мы прочный теперь договор заключим,
Мы грамоту верной печатью скрепим.
Мол, войны забудем, не станем мы впредь

Враждой из-за смерти Ираджа гореть.
Отныне един будет с Румом Иран,
Не будет уже разделения стран.
Дочь мною взлелеяна: происходя
Из славного рода, достойна вождя.
Посвататься можешь к красавице той
В согласии с верою нашей святой.
Коль сына из рода кейсера родит,
Он месть за Ираджа в душе не взрастит.
От смуты и брани земля отдохнет,
Стезю благотворную к вере найдет.
Коль разума ныне очами воззришь,
Лишь правду ты в этих словах разглядишь.
Связь наша сим браком пребудет жива,
Йезданова воля, поверь, такова.
Немало уж дней миновало с тех пор,
Как встал Хушнаваза с Пирузом раздор.
Сложить было головы им суждено
Обоим. Вовек да не будет дано
Царить вероломным! Христос возгласил:
Тот разум утратит, кто правду забыл.
Немало труда приложил Хушнаваз,
Чтоб жизнь молодого Пируза спаслась.
Но тот с Хушнавазом был резок и зол,
И черный лишь дым от сражений обрел.
Все ветром развеяло — рать и престол,
Как с правой стези венценосец сошел.
Ты молод, в деяньях неопытен, нов;
Коль хочешь от жизни дождаться плодов,—
Вовек вероломному не помогай,
Не стоит такой даже савана, знай!
Владыку венец и престол проклянут,
Коль в нем вероломство и злоба живут.
Немедля прочти все посланья листы,
Будь даже от трапезы жирны персты.
Реченья усвоив, ответ напиши,
Лишь доброе мысля, в чем благо души.
Дабир да не будет в сие посвящен,
Сам пишешь искусно, умом просвещен.
Лишь только прочту на посланье ответ,
Узнаю, что в сердце властителя свет,
Я тотчас оружье, динары и рать
Пошлю, чтоб тревоге тебя не терзать.
С мужами, которых всех более чтишь,
Чье имя с любовью и лаской твердишь,
Сравняй в своем сердце других, хоть они
Враждебны тебе; гнев из сердца гони.

Провинность им ради Йездана прости,
Врагам и друзьям, словно утро, свети.
Да даст благоденствовать Вышний тебе
С престолом и войском в державной судьбе.
Отнять не дерзай достоянье ничье,
Лишь к правде привязывай сердце свое.
Не ведая устали, пестуй людей,
О труженике неимущем радей.
Коль будешь ты подданных оберегать,
Не станет никто на венец посягать.
Никто из венчанных, кто рвенье являл,
На страже страны неусыпно стоял,
От вражьей руки не изведал урон,
Изедовой милостью он осенен.
Мужи помышляют о кровных родных,
Не то о себе, иль о чадах своих;
Мы — помыслы все посвящаем тебе,
Сердца даровать обещаем тебе».
Вот высох посланья унван, скреплено
Печатью из мускуса тут же оно.

[*Хосров Парвиз*
посылает договор кейсеру]

Лишь только посланье к Хосрову пришло,
Известье о дружбе той новой пришло,
Иранцам сказал: «По иному в сей день,
Как вижу я, движутся солнце и тень.
Посланье высокое мне написал
Кейсер, в нем полезного много сказал.
Все мыслит: пути, мол, быть может, найду
Стереть меж Ираном и Румом вражду».
На это иранцы сказали в ответ:
«От этой вражды коль избавится свет,
Не станет уж каждый из знатных искать
Престола, забудет о бедствиях рать.
Коль царствуя, это свершишь ты, о шах,
Напишется имя твое на венцах!»
Сужденье такое услышав от них,
Палату очистил Хосров от чужих,
Чернила, шелк хиндский с калямом подать
Велит, и дабира немедля призвать.
Сложил пехлевийскую грамоту, в ней
Написано все по уставу царей:
Клянусь, мол, Йездановой волей благой,
Кружащимся солнцем, недвижной землей —
Когда на престол я взойду, и страна
Мне будет подвластна, и рать, и казна,

Не стану я подать от Рума взимать,
Не стану и войско туда посылать.
А также исконные грады его,
Хотя бы не стоили те ничего,
Кейсеру верну я один за другим,
И это указом скреплю я моим.
К тому же девицу, чья чистая мать —
Кейсеру супруга, женою назвать
Согласье даю по желанью отца,
Сам радости также не знаю конца.
Ты в Руме теперь под защитой своей
Хранишь благородных иранских мужей:
То славный Шапур, Гостехем и Андьян
С Хоррадом Борзином из рода кеян.
Как войско пошлешь, им бестрепетно вверь
Достойную, чистую деву. Теперь
Родством столь же тесным я связан с тобой,
Как род был древнейший прославленный мой.
Начать с Кеюмарса, Джамшида, что страх
С надеждой в людских возбуждали сердцах;
И тех назову, я, кто славный свой род
От двух: Фаридуна, Атбина * ведет.
Затем справедливый царил Кей-Кобад,
При ком был у волка с овечкою лад.
Другие властители древних веков —
Кавус венценосный, за ним Кей-Хосров.
Года протекали, явился Лохрасп,
Чей трон унаследовал славный Гоштасп;
Глава исполинов, герой Исфандьяр,
Ирану Бахмана * оставивший в дар;
Пришел вслед затем Ардашир Бабакан,
Чьей светлой звездой возрожден был Иран;
А ныне Хосров, чей родитель благой —
Хормозд, и с кейсером он слился душой.
Недаром он к Сальму возводит свой род.
В словах моих места обман не найдет.
Все злое, враждебное отметено,
Иранцы с румийцами ныне одно.
Кейсерова дочь, та, что звал он венцом
Меж всех дочерей, будет в доме моем.
Пороки, достоинства — все в ней приму,
Йездан будь свидетель посланью сему!
Все писано это рукою моей,
Стране ведь рука моя ведома всей.
К посланью сему прилагаю печать,
Как учит устав, как владыкам под стать.
И кто бы в грядущие дни ни взошел

Вослед за тобой на кейсеров престол —
Свидетельством грамота будет сия.
Друг светлому духу и разуму я!
От слов, здесь написанных, не отрекусь,
Во многом и малом быть верным клянусь,
Обет я исполню, что мною здесь дан,
Порукой звезда моя, сердце, Йездан.
Не медли и ты свой исполнить обет,
Здесь далее мне оставаться не след».
Посланье Хосрова подходит к концу,
Он свиток Хоршиду Хорраду, гонцу,
Вручает. Вскочив на гнедого коня,
Летит сипехбед, словно ветер гоня.
Домчался до Рума, и Рума глава
Услышал владыки Хосрова слова.
Лишь только письмо распечатав, прочесть
Успел он благого властителя весть —
Велит, чтобы знатных, чей ум просвещен,
Кто знаньем богат, в красноречье силен,
Созвали к нему на совет, и засим
Он стал вопрошать одного за другим:
Тут средство какое, мол, в дело пустить —
Нам с шахом какой договор заключить?
Предлогов теперь не осталось для нас,
С Ираном единым стал Рум в этот час...
Вот с места поднялся мудрейший совет,
Такой прозвучал пред владыкой ответ:
Мол, слуги мы, ты — полновластен, велик,
Владеешь венцом и престолом владык.
Прими же решенье, твой разум светлей,
Жизнь рады отдать мы по воле твоей...
Лишь этот ответ властелин услыхал,
Мужам умудренным хваленье воздал.
Дотоле средь них оставался кейсер,
Пока изменился лик светоча сфер.

[*Румийцы придумывают хитрость для испытания иранцев*]

Как солнце, вращаясь, поблекло, когда
Под знак Шабаханга вступила звезда *,
Кейсер повелел колдуну своему,
Чтоб долгую задал работу уму:
«Волшебную куклу сумей смастерить,
Которой нельзя от жены отличить.
И пусть восседает на троне она
В одеждах длиннейших, стыдлива, скромна;
Рабыни с одной и с другой стороны,

Рабы перед ней и за нею видны.
Подобная плачущей горько жене,
Безмолвствует равная ликом луне,
И руку порой поднимает она,
И падает тихо слезинка одна.
Кто издали глянет на выдумку, тот
Ту куклу с лицом светозарным сочтет
Рыдающей об Иисусе женой.
Ресницы румяной — что тучки весной».
И вот изготовил мудрец волшебство,
С той вестью к кейсеру пришли от него.
Едва о тилисме * услышать успел,
Отправился тотчас и диво узрел.
Пред тем волшебством в изумление впал,
Искусникам щедро награды раздал.
Гостехма призвать повелел он затем.
Когда же предстал перед ним Гостехем,
Так молвил: «Внемли, о прославленный, мне:
Есть дочь у меня, что подобна весне.
Как время приспело замужества ей,
Я деву с одним из достойных мужей,
Мне близким, по чину Христа обвенчал,
Покров безрассудно с лица ее снял.
Лишь к юноше деву послал во дворец,
Призвал его душу на небо Творец.
И вот она в горе сидит много дней,
Стал день ее светлый лажварда темней.
Не молвит, не слушает — мир молодой
От муки той, скажешь ты, стал уж седой.
Молю, потрудись и ее повидай,
Речения знающих ей преподай.
Ты молод, к героям возводишь свой род,
Должно быть, с тобою уста разомкнет».
Ответ был: «Свершу твое слово сполна —
Быть может, любовь позабудет она».
К тилисму в чертог устремляется муж
Правдивый и в слове искусный к тому ж.
И вот уж пред троном красавицы он,
И та отдает ему с трона поклон.
Смиренно садится благой Гостехем,
К горюющей речь обращает затем,
Разумные все наставленья твердит,
Немало полезных ей слов говорит.
Сказал: «О кейсерова дочь, не под стать
Разумным от дел правосудных рыдать.
Зверь в чаще и рыбы в воде, и орел
Под небом — от смерти никто не ушел».

Но тщетны все витязя были слова,
Была ведь безгласна, была нежива.
Слезу за слезою, коснувшись перстом,
Роняла пред тем говорящим врачом,
И в недоумение впал Гостехем.
Кейсер посылает за витязем тем:
Ты нынче какой, мол, узрел мою дочь,
От скорби которой мне стало невмочь?..
Ответил: «Ее наставлял, сколько мог,
Да ей не пошли наставления впрок».
На завтра Балую кейсер говорит:
«Андьян тебя нынче да сопроводит,
И с вами Шапур, чей блистателен род,
Пусть радость от дочери мне принесет.
Приблизившись к юной страдалице той,
Скажите: венчанный родитель, мол, твой
Страдает, в огне у него голова.
Быть может, в ответ раздадутся слова.
На помощь придите в несчастье моем,
Скорбящую вы расспросите втроем.
Быть может, решит увещаниям внять,
Ваш разум, достоинства сможет понять.
Сдается, сегодня ответить должна.
Ответ коли даст надлежащий она,
Избавлюсь от скорби о бедной моей,
Что слезы кровавые льет из очей».
Мужи именитые тотчас пошли,
О славе, о доблести речи вели,
Но силились тщетно ответ получить,
Она продолжала молчанье хранить.
И вот уж назад из чертога идут,
Несут неудачу кейсеру на суд:
«Советов немалое дали число,
Но скорбное сердце им внять не могло!»
«О горе!— кейсер восклицает,— беда!
В печаль нас ввергает печальная та».
Решенья загадки не слышит, и вот
Хоррада Борзина в подмогу зовет.
Ему говорит: «Именитый герой,
Украсивший род Ардашира собой!
Ты к деве отправься, быть может, хоть раз
Услышать ее посчастливится глас».
С ним вместе туда, где хранил волшебство,
Послал из сановных своих одного.
Вот Хоррад-Борзин перед девой предстал
И долго тот лик и венец созерцал.
Отвесила знатному низкий поклон,

Все пристальней деву разглядывал он.
Смотрел на рабынь, окружавших ее,
Немало продлил созерцанье свое.
Слов много промолвил, ответа все ждет,
Но тщетно. Задумался доблестный тот.
«Пусть,— мыслит он,— скорбью убита жена,
Но девы, которыми окружена,
Молчат отчего? И коль слезы ей лить
Дано, не пора ли свой гнев укротить?
Ни вправо, ни влево главу повернуть
Не в силах, все слезы роняет на грудь,
На место одно. И одной лишь рукой
Все движет, сближая все с той же ногой.
Не только рукой — и ногою засим
Она б шевелила,— всем телом своим.
Будь жизнь в этом теле, будь эта жена
Душой человеческой наделена,
Иначе бы падать давала слезам,
И руку б не ту подносила к глазам.
Не вижу в ней жизни! Тут, знать, механизм,
Румийских философов хитрый тилисм».
К кейсеру вернувшись, с улыбкой сказал:
«Ума я в красавице не распознал.
Тилисм изготовил румиец, и тем
Балуй был обманут и с ним Гостехем.
Хотел над иранцами ты подшутить,
Глаза ослепить им и разум смутить.
Наш царь засмеется, едва донесут
Об этом, и зубы, как жемчуг, сверкнут».

[*Хоррад-Борзин*
излагает хиндскую веру]

Ответил кейсер: «До скончания дней
Живи, о достойный советник царей!
Есть в этом дворце небывалый чертог,
Никто о таком бы помыслить не мог.
Что там — не постигнет узревший его:
Творенье Изедово иль волшебство?»
Речь выслушав, двинулся Хоррад-Борзин
К чертогу — наследию древних годин.
Увидел он — в воздухе всадник висит,
И тотчас к кейсеру вернуться спешит.
«То всадник железный,— раздались слова,—
Из дивного свод сотворен вещества,
Которое мудрый магнитом назвал,—
Так сталось, что всадника конь приковал.
Кто хиндов премудрую книгу прочел,

Сияние радости в сердце обрел!»
Кейсер вопрошает: «Путь хинда ведет
Куда? В чем находит он духу оплот?
Кому поклоняется, верит во что,
Кумиропоклонник по вере, иль кто?»
«Путь,— слышен Хоррада Борзина ответ *,—
Луна и корова, иного там нет.
Там плоти поблажки никто не дает,
Не верят в Йездана, в кружащийся свод,
И солнца б с собой не поставили в ряд!
За нами же знанья признать не хотят.
Кто-либо коль яркий огонь разведет,
Себя в этом пламени жарком сожжет —
Средь воздуха огнь распознает другой,
Рожденный по воле Йездана благой.
Эфиром мудрец его хиндский зовет,
Речь мудро и сладко про это ведет.
Один, мол, огонь коль с другим будет слит,
Грехи уничтожит он, испепелит...
Так заповедь им о сожженье дана:
В горенье, мол, истина заключена».
«Нет, правда не в этом,— кейсер говорит,—
И дух Иисусов сие подтвердит.
Послушай, Иса, кто рожден от Марьям,
Что молвил, лишь дал он раскрыться устам:
Рубаху твою коль попросят — отдай *,
Не гневайся люто и в спор не вступай.
И если удар по ланиту такой
Падет, что затмит белый свет пред тобой,
Не должно лицу твоему пожелтеть,
Не должно яриться, враждою кипеть.
Довольствуйся скудною пищей; коль нет
Постели, ее добиваться не след.
Зло в мире добром побеждай, и тогда
Пробьешься сквозь тьму, не понесши вреда.
У вас над рассудком господствует страсть,
Путь правды покинув, зла приняли власть.
Уж ваши дворцы до Кайвана встают,
Ключи от сокровищ верблюды везут.
С казною немало и войска у вас,
Румийских кольчуг и шеломов запас.
Неправою часто идете войной,
Заносите меч, ненавидя покой.
Степь в море кровавое обращена!
Но заповедь людям иная дана
Христом. Был неведомым он бедняком,
Себе добывал пропитанье трудом.

Снедь — редька лишь да молоко у него;
Был рад, коли масло имел сверх того.
В тиски захвативший его иудей,
Без помощи видя его, без друзей,
Убил, да к тому же еще и распял.
И тот ради веры бесчестье приял».
Окончил кейсер свое слово, и вот
Ответить Хоррада Борзина черед.
«Творец человеком его сотворил,
Познанием зла и добра одарил.
Когда возмужал, стал разумен, пытлив
И знаньем исполнен, и красноречив —
Явился как посланный миру пророк
И, смолоду мудрый, прославиться смог.
Но верил ты — сыном он божиим был,
С улыбкой на крест роковой восходил.
Мудрец посмеется реченью сему.
Будь мудр и Йездану лишь верь одному!
Создателю всякая тайна ясна,
Не надобны Вышнему сын и жена.
Почто ты закон Кеюмарса отверг,
Обряд и устав Тахмураса отверг!
Учили они: Вседержитель един,
Служи, коль разумен,— он твой властелин.
Йездана слуга, умудренный дихкан,
Как в руки для бажа барсам ему дан,
Ни капли воды не глотнет никогда,
Хотя бы и снилась от жажды вода.
К Йездану под кров прибегает в бою,
Так, воду и ту отвергает в бою!
Кыбла * для него — сущность высшая та,
Что выше, чем воздух, земля и вода.
Цари — не предатели веры у нас,
Внимают веленьям Творца всякий час.
Алмазы, динары не манят их взгляд,
Прославиться лишь правосудьем хотят,
Построив, дарят, не жалеют дворца,
Щедротами радуют людям сердца.
Того почитают, кто в пору боев
Лик солнечный кутает в пыльный покров,
Край отчий от лютых врагов бережет —
Властитель разумный иного не ждет.
Кто истину в вере не рвется стяжать,
Тому не хваленьям — проклятьям внимать».
Кейсер ощутил от той речи восторг,
В ней пользу увидеть великую смог.
Изрекшему молвил: «Создатель миров

Возвысил тебя средь благих мудрецов.
Усердно внимать я намерен тебе,
Ключ тайны извечной доверен тебе.
Царь, коему слуги такие даны,
Главою возносится выше луны».
Дирхемы, динары достать повелел,
Венец драгоценный подать повелел,
Вручил мудрецу с многократной хвалой:
«Иран да пребудет украшен тобой!..»

[*Кейсер посылает войско*
и дочь к Хосрову Парвизу]

Услышав, что воинский строй подоспел,
И мир, утопая в пыли, почернел,
Сто тысяч избрал он румийских бойцов,
Прославивших имя свое храбрецов.
Дирхемы, оружье, коней боевых
Готовит. День минул оттяжек былых!
Дочь-радость имел он. Стыдлива, скромна *
Марьям, ясным разумом наделена.
По вере, с Хосровом ее обручил,
Йезданова благословенья просил.
Из рук его принял ее Гостехем,
По чину царей дал Хосрову затем.
Уж тихими сделали быстрых коней —
Столь много приданого дали за ней:
Одежд златотканых, изделий других,
Алмазов и прочих камней дорогих,
С коврами тюки и с румийской парчой —
На шелковом поле узор золотой;
Подвески и серьги — весь царский убор,
Где злато украсил алмазный узор;
Четыре походных шатра золотых —
Все в жемчуге царском завесы у них —
И сорок еще из эбена: что глаз
Фазаний, там каждый сверкает алмаз.
Рабынь луноликих две сотни пришли,
И благоухали они, и цвели.
Наездников триста, чья сметка остра;
Уздечки из золота и серебра.
И сорок прислужниц — румийских девиц,
Пери затмевающих прелестью лиц.
Философов также румийских благих;
Их четверо, сильных в познаньях любых.
Снабдил поученьями всех. В тишине
Беседовал с дочерью наедине.
Наставил, как жизнью достойною жить,

И тратить разумно, и щедро дарить.
Румиец как все там сокровища счел
По тысячам — триста их тысяч нашел.
А тем, что к нему отрядил шаханшах,
Посланцам в алмазноузорных венцах
Одежды, коней и динары вручил,
Богатствами многими всех одарил.
Дабиру к письму приступить повелел,
Все должное в нем изложить повелел.
Писал он: «Подвластные шаху мужи
Главы до луны воздымают, скажи!
Ни в ком Гостехемовых качеств благих
Не сыщешь — ни в знатных мужьях, ни в простых.
Шапур — прославляемый вождь и герой,
Посредник при переговорах благой.
Балуя бы тайны хранителем звать:
Вовек не предаст он иранскую знать.
Хорраду Бэрзину подобных никто
Не видел, годов проживи хоть бы сто.
Затем сотворил его мира Творец,
Чтоб тайное явным он сделал вконец.
Как в солнце лучистом, изъяна в нем нет,
В речах и делах его — всюду Изед».
Так каждый в послании превознесен.
Затем призывает советника он
И с ним звездочета — да слышит от них,
Как двинуться в путь при знаменьях благих.
И вышел кейсер в день Бахрама * благой
Под доброю благоприятной звездой.
И три перехода прошел он, а там
Проститься пришел к именитым бойцам.
Марьям вслед за этим к себе подозвал,
К ней долгую речь по-отцовски держал.
«Иранской земли не достигнешь пока,
Смотри, не развязывай ты кушака.
Тебя обнаженной увидеть Хосров
Не должен. Отныне ведь жребий твой нов».
Так молвив, с любовью прощается с ней:
«Будь небо хранитель дороги твоей!»
Рать брату доверил кейсер своему,
Вождю Ниятусу *: главой быть ему.
«Знай,— молвил,— Хосров тебе ныне родной,
С тобою, сказал бы, он веры одной.
И дочь и богатства вверяю тебе,
И строй оснащенный, готовый к борьбе».
Все принял тогда от властителя брат,
В слезах венценосный пустился назад.

И вот уже войско к Вариху в пути,
С мечом, с булавой Ниятус впереди.
Хосров лишь о войске пришедшем узнал,
С дружиною в городе медлить не стал.
Как только несущихся в темной пыли
Вождей и знамена увидел вдали,
И войско, что движется тучей стальной,
В шеломах и латах воинственный строй —
Воспрянула разом Хосрова душа.
Что роза весною, весельем дыша,
Коня горячит и несется быстрей,
И сердце отважное бьется быстрей.
Вождя Ниятуса увидев, обнял,
Приветствовал, благодаренье воздал
Кейсеру, кем многие понесены
Труды, не жалевшему сил и казны.
И после Хосров устремился к шатрам,
Завесу откинув, увидел Марьям.
Приветствовал, руку целуя, и той
Немало обрадован был красотой.
В державный шатер ее тут же повел,
Укромное место прекрасной отвел
И с нею в беседах три дня пребывал.
В четвертый, лишь светоч земли воссиял,
Блистающий соорудил балдахин,
Туда Ниятуса призвал властелин;
За ним и Сергес * и воинственный Кут,
Другие вожди боевые идут.
«Кто здесь,— вопросил,—из бойцов удалых,
Испытанных также вождей боевых?»
Избрал Ниятус семь десятков мужей,
В сраженьях испытанных богатырей,
И тысячу каждый возглавил бойцов,
Разящих мечом верховых удальцов.
Хосров лишь увидел столь славную рать,
Воинственных всадников этих — воздать
Хвалу не замедлил тому, кто творил
Пространство и время, и сонмы светил;
Затем Ниятусу со славой его,
Дружине, кейсеру с державой его.
Сказал он прославленным: «Если с высот
Создатель мне помощь теперь ниспошлет,—
Великую силу и щедрость явлю,
Всю землю я морем жемчужным залью.
Веселыми будем в походе своем,
Молчанию добрую речь предпочтем,

Любви благовенье вдыхая в цветах.
Да будут все мысли у нас о друзьях!

[*Поход Хосрова в Азерабадган*]

Пришел солнцеликий с седьмою зарей,
Что свод круговратный, свой выстроил строй.
Кимвал перед ставкою загрохотал,
От пыли вдруг воздух эбеновым стал.
Возглавив отважных, кто знатным рожден,
К Азерабадгану направился он.
Прошло две недели, и царь приказал
Сомкнуться дружинам и стать на привал.
Степь Дук * — там цареву шатру пребывать,
Дорога ровна и бесчисленна рать.
Вверяет он рать Ниятусу затем,
Промолвив: «Глава ты воителям всем».
И после пред строем отважных бойцов
Поводья вручает красе скакунов.
Дорогой в Чичаст едет царь молодой,
Вперед поспешает с веселой душой
К земле, где Мусиль-армянин управлял,
Кто гордым себя среди знатных являл.
Биндуй с ним дружиною руководил —
Муж тот, что властителю дядею был.
Узнав, что Хосров к ним дружину ведет,
Навстречу помчались. Несутся вперед,
Покинувши поле с шатрами бойцов.
Взглянув издали на дорогу, Хосров
Сказал Гостехему: «Дорогою сей
К нам скачут воинственных двое мужей.
Скачи, кто такие — вопрос им задай,
И мчатся сюда для чего, разузнай».
«О царь,— Гостехем говорит ему,— мне
Сдается, что всадник на пестром коне —
Никто как Биндуй, брат воинственный мой,
А спутник его — из дружины другой».
«О доблестный! — слышит в ответ Гостехем,—
Что молвишь, Биндуя припомнил зачем?
Живым коли ищешь — в темнице найдешь,
А мертвым — на виселице обретешь».
«О царь! — Гостехем отвечает,— вглядись
Получше; что дядя он твой — убедись.
Приблизясь, окажется если не тем,
Сказавший сие да падет Гостехем!»
Тут спешились под балдахином они,
И вот уже пред властелином они.
Поклоном почтили владыку сего,

Приветствуют и величают его.
Биндуя Хосров обласкал и сказал:
«Страшился я — домом уж прах тебе стал!»
И тот все, что вынес, Хосрову излил:
Какую Бахрам человечность явил;
О средстве сказал, что придумал не зря,
Решась облачиться в одежду царя.
Царь слушал и слезы обильные лил.
«Кто спутник твой?» — после Биндуя спросил.
«О царь солнцеликий! — тот молвил в ответ,—
Ужель не услышит твой добрый привет
Мусиль? Ты для Рума покинул Иран —
С тех пор ни в одной из устроенных стран
Он ночь не провел, заменил их шатром,
Стан ратный и ставка с тех пор его дом.
Немалое войско ведет за собой
Со многим оружьем, с богатой казной.
Когда удалился ты, с часа того
Он здесь возвращения ждал твоего».
Мусилю сказал миродержец Хосров:
«О нет, мы твоих не забудем трудов!
О благе твоем обещаю радеть,
Чтоб славе твоей среди знатных греметь».
«О царь! — тут моленье Мусиля звучит. —
Пусть милость владыки мне жизнь обновит!
Дозволь твое стремя мне облобызать,
Восславить твою красоту, благодать!»
Ответил: «Усердье такое любя,
Мы жемчугом щедро осыплем тебя.
Окажем тобою просимую честь,
Тебя меж воителей рады вознесть».
Из стремени ногу извлек он потом,
И сердце взыграло в Мусиле благом.
Целует и ногу, и стремя его,
Дивится величью владыки того.
Едва поклоненье окончить успел,
Воссесть на коня ему царь повелел.
Покинуть бесплодные степи спешат,
Стремительно к Азергошаспу летят.
В святилище входит он с бажем святым,
Тревогой и болью сердечной томим,
Вот жрец приближается с Зенд-Авестой
К царю, одаренному верой святой.
Царь тотчас кушак золотой распустил,
Немало алмазов Огню подарил,
С молитвой священной Огонь обошел,
В стенаньях жреца самого превзошел.

Взывал: «О пречистый, благой Судия!
Молю о победе над недругом я.
Ты знаешь, прошу я о правде одной,
Идти помышляю стезею благой.
Злодейство злодеч отвергни!» — сказал
И снова кушак золотой завязал.
И вновь он к степи, называемой Дук,
Понесся, а сердце рвалося от мук.
Покуда во стан возвратился Хосров,
На землю уж ночь опустила покров.
Он зорких дозорных послал — обо всем
Ему доносить, что творилось кругом.
Дружины Нимруза, о том услыхав,
Что царь возвращается, светоч держав,
Кимвалы на спины слонов вознесли,
И с Нилом-рекой лик сравнялся земли.
От вести отрадной душой возродясь,
На помощь Хосрову помчались тотчас.

[*Бахрам Чубине*
узнает о возвращении Хосрова
и пишет послания иранским вождям]

Лишь только успели Бахраму сказать,
Что явлена царская вновь благодать,
Избрал из дружины воителя он,
Что знаньем был славен, умом одарен.
Дарою-Панахом муж доблестный тот
Был назван, Бахраму он был доброхот.
Дабира искусного после призвал,
Речей надлежащих немало сказал.
Велит он посланья большие вождям
Составить — отмеченным славой мужам.
Меж них Гостехем именитый, Биндуй,
В державе отвагой гремевший Гардуй,
Шапур и наездник бесстрашный Андьян,
И каждый, кто славою был осиян.
Так пишет: «Вселенной Творца я прошу,
Моленья из глуби души возношу,
Дабы пробудились вы все ото сна,
Неправая да не влечет вас война.
Напомню: с тех пор как погрязший во зле
Встал род Сасанидов на нашей земле,
Одни только бедствия он источал,
Одних лишь усобиц да распрей искал.
Сперва — что творил Бабакан Ардашир,
Царь, в войны жестокие ввергнувший мир:
Вселенную меч его мраком облек

И главы великих круженью обрек.
К делам обращусь Ардавана затем,
К воителям славным и доблестным тем,
От гибели чьей опустела страна,
Обитель царей стала горя полна.
Еще о Суфрае напомнить берусь —
Во что его вверг злою мыслью Пируз.
Кобада от уз он избавил, к тому
Признание знатных доставил ему.
И силу Кобад злонамеренный взял,
Зло в сердце впустил, добродетель изгнал,
Столь верного, доброго друга сразил
И тем именитых сердца отвратил.
Кого даже кровный родной не приял,
Кто чадо на алчность и страсть променял,
Не будет почтен и чужим. Не под стать
Слоновую кость в деревяшке искать.
Не должно искать в Сасанидах оплот,
От явора яхонты кто ж обретет?
Лишь эти доставят послания вам,—
Ормозд ваш да множит даяния вам! *—
Мной светлое место вам будет дано:
Рубаха ужель с рукавом не одно?
Вы будете все неразлучны со мной
В полуденный час и порою ночной.
Из вас если каждый на зов мой придет,
Мой дух омраченный покой обретет.
Ни Рум угрожать нам не сможет, ни шах,
Их головы, троны повергну во прах!»
К посланьям вождя приложили печать,
Гонца-мудреца не замедлил послать;
Тот мчится к Хосрову в обличье купца,
И вот достигает порога дворца.
Со всякою кладью верблюды при нем,
Посланья везет, подношенья притом.
Увидел величье, увидел он рать
Такую, что негде уж было ступать.
Муж, старый годами, подумал тогда:
«Мне действовать должно, иначе — беда.
Кто ж, видя сей царственный блеск и почет,
Покорность Бахраму-вождю принесет!
Я перс, не имеющий недругов муж,
Нош тридцать верблюжьих со мною к тому ж.
Не знаю, себя мне губить для чего ж?
Паденья милей возвышение все ж.
Отправлюсь, посланья Хосрову снесу,
Негаданный дар ему новый снесу».

В раздумье пред царским он троном предстал
С посланьями всеми слуги, что восстал.
Дирхемы вручил, подношенья вручил,
Слова пред владыкою все повторил.
Посланья прочтя, миродержец благой
Посла посадил на скамье золотой.
«О муж умудренный! — промолвил затем,—
Бахрама считай против нас ты никем.
Иной тебе славы искать ни к чему,
Что сделал, ко благу свершил своему».
Дабира он тотчас призвать повелел,
Посланья в ответ написать повелел.
Написано в длинных посланиях тех:
«О доблестный, с кем неразлучен успех!
Посланья твои все прочли мы чредой,
Сажали посла твоего пред собой.
С Хосровом едины мы лишь на словах,
Но сердцем с тобою, что весны в садах.
Коль войско свое приведешь ты сюда,
Помыслит ли кто о румийцах тогда!
В сраженье мечи, как один, обнажим,
Румийское войско сметем, сокрушим!
Хосров как увидит дружину твою,
Изведает стойкость, отвагу в бою,
В нем сердце от страха тотчас задрожит,
Он, словно лиса, от тебя побежит».
Посланья печатью владыка скрепил,
Того доброхота призвать поспешил.
«О муж умудренный,— сказал он,— своих
Плоды соберешь ты деяний благих».
Алмазами, златом послов одарил,
Рубинов бесценных немало вручил.
«Все это свези Чубине,— повелел,—
И все передай, что услышать успел.
Коль счастья блеснет нам живительный свет,
Избавлен ты будешь от нужд и от бед».
Расстался с властителем Дара-Панах,
Летит, уподобившись ветру в степях.
Бахраму ответные письма принес
И сладких немало речей произнес.

[*Бахрам Чубине ведет войско*
против Хосрова Парвиза
и обращает в бегство румийцев]

Лишь только воитель посланья прочел,
В нем страсть закипела и разум ушел.
Посланья к походу толкнули его,

Иранцы в смятенье пришли от сего.
Старейшие все устремились к нему,
Поняв, что пришло помраченье уму.
«Отсюда не двигайся! — каждый твердит,—
Не то будет мраком день ясный сокрыт.
Хосров коль на землю Ирана придет —
Там палицу, мщения меч обретет.
Престол властелинов добыть не стремись,
Обманет безжалостный рок, берегись!»
Но речи остались бесплодными. Рать
Построил и в путь ей велит выступать.
Нагружен обоз, и бойцы на конях;
Помчались, и грохот кимвала в ушах,
И вскоре вступили в Азерабадган
Ряды храбрецов, чья отчизна — Иран.
Два сходятся войска вплотную, и вот
Уж мошке нет места, мураш не вползет.
Тут вымолвил противоставший царю:
«Противника войско теперь обозрю.
Увижу румийских мужей верховых
И воинов пеших, и витязей их».
Изеда Гошаспа и Елан-Сине
Зовет он, и каждый уже на коне,
И двинулись высокородные в путь —
Вблизи на враждебное войско взглянуть.
Его обозрели, вернулись назад
И тотчас к вождю с донесеньем спешат:
Мол, неисчислимая собрана рать,
Превыше всего, что могли ожидать...
А Рума воители в стане другом
Сказали, представ пред Хосровом-царем:
Мол, все препоясаны мы пред тобой,
Готовы с иранцами двинуться в бой...
И царь не замедлил согласие дать
На то, что желала румийская рать.

[*Битва Хосрова с Бахрамом Чубине и смерть румийца Кута*]

Встал диск из-за гор, и весь мир озарен.
Так грянули клики с обеих сторон,
Что сферам земля закружилась под стать,
Уж солнца за блеском мечей не видать!
Вот справа и слева раскинулся строй,
Земля вся железною стала горой.
От конского ржанья, от кликов в рядах
Степь, скажешь, убежища ищет в горах.
Все поле воитель Бахрам обозрел,

И вот уж в руке его меч заблестел.
Один объезжает он поле кругом,
Сам смотрит за правым и левым крылом,
Велевши тем временем Елан-Сине:
«Пред сердцем дружин пребывай на коне
Затем, что в сей день ратоборствовать мне,
Где каждый бежал бы, упорствовать мне».
На поле сраженья взирает Хосров
И видит: равнина черна от бойцов,
Стал солнечный лик львиной пасти темней,
Из тучи, сказал бы, льет ливень мечей.
На холм перед полем сражения тем
С ним всходят Биндуй, Ниятус, Гостехем
И с той высоты, называемой Дук,
Подвластных ряды озирают вокруг.
Взор царский оттуда всю рать охватил,
Строй правый и левый, средину и тыл.
С обеих сторон грянул зов громовой
Кимвалов, отважные ринулись в бой.
Земля стала грудой железа, с высот
Враждует, сказал бы, с землей небосвод.
Хосров как увидел, сколь час тот жесток,
— Земля что основа, а небо — уток,
К Творцу пехлевийским воззвал языком:
«О ты, что всех высших превыше во всем!
Известно Тебе одному, Судия,
Кто радостен с битвы, кто слезы лия
Вернется, удачей покинутый, чье
Сегодня соломинкой станет копье».
Тревожными думами царь одержим,
Весь мир — что дремучая чаща пред ним.
От строя бойцов отделяется тут,
Весь в латах, горою чернеющий Кут.
Покинув ряды, устремился к холму
И, молниеносно приблизясь к нему,
Так молвит Хосрову: «О слава мужей!
Тот раб, ублажающий дивов злодей,
Что в битву с тобою в Иране вступил
И в бегство тебя, одолев, обратил,
Взгляни, между правым и левым крылом
Ждет, выйдет ли знатный, разящий мечом!
Мне в битве не должно ль его проучить,
Искусство и силу отважных явить?»
Царь слушает витязя Кута слова,
Вновь боль поражения в сердце жива.
Сказал ведь: от низшего ты, мол, бежал,
Оружие витязей все растерял...

Однако, о тех промолчал он словах,
Хоть сердце в крови, воздыханья в устах.
Ответствовал Куту: «Помчись, как огонь,
С тем биться, под кем серый в яблоках конь.
Увидит и ринется в битву, тогда
Смотри, не беги, да избегнешь стыда!»
Лишь только успела та речь отзвучать,
17990 Кут прочь устремляется, вихрю под стать.
Несется, свиреп, с занесенным копьем,
На поле том схож с разъяренным слоном.
Бахрама окликнул тут Елан-Сине:
Мол, бдителен будь, о герой на коне!
Див некий несется, что бешеный слон,
С копьем и арканом приблизился он...
Услышал Бахрам, меч из ножен извлек,
Назвавшись, заносит блестящий клинок.
Царь, это увидевши, с места вскочил
18000 И взор неотрывный с холма устремил
На Кута с Бахрамом, и влага в глазах;
От гнева душою кипел Хосров-шах.
Румиец напал с занесенным копьем —
Противник недвижен на месте своем.
Пребыв для ударов копья невредим,
Щитом заслонился своим боевым,
Так в темя врага поразил, что клинок
По грудь ему голову, шею рассек.
Дошел до Хосрова клинка его стук;
18010 Увидя удар, засмеялся он вдруг,
И взор Ниятуса-вождя омрачен;
Смех царский услышав, разгневался он.
«О славный,— слова меченосца слышны,—
Смеяться негоже на поле войны!
Тебе не сражаться бы, только шутить.
Не мыслишь ты, вижу, за деда отмстить.
Подобного Куту ни Рум, ни Иран
Не знал, ни иная из ведомых стран.
Смеешься, что час его смертный настиг?
18020 Запомни, ты счастьем покинут в сей миг!»
Хосров отвечает: «Я не оттого
Смеюсь, что убитым увидел его.
Ведь каждый метнувший другому упрек,
Возмездье познает в назначенный срок.
Меня упрекнул: от раба, мол, бежал,
Нет доблести, вот и сражаться не стал!..
Бежать от такого раба не позор,
Чей в битве удар столь губительно скор».
Из стана другого доносится зов

Бахрама: «Эй, витязи славных родов,
Рам с Изед-Гошаспом и Елан-Сине!
Убитого должно теперь на коне
Доставить в ваш стан, дабы в смертных тисках
Воочью увидел его Хосров-шах».
И вот бездыханный привязан уж Кут
К седлу, на коне его быстром везут,
И снова он в стане своем наконец,
Сраженный в бою именитый храбрец.
Горюет о Куте Хосров. Развязать
Аркан повелел он и мускуса взять,
Чтоб рану залить. Тело после того
Обтерли, в холстину зашили его;
Не снявши кольчугу и пояс тугой,
К кейсеру отправили с речью такой:
Мол, раб тот презренный, дерзнувший восстать,
Что силой свирепому диву под стать,
Так рубит в бою. Мне ли скажут в укор,
Что в битве бежать от такого — позор!..
Сердца у румийцев унынья полны,
Без боя изранены, сокрушены.
Рекою льет жаркие слезы батрик,
Покоя нет скорбной душе ни на миг.
Пришли десять тысяч тогда храбрецов,
Исполненных сил джаселиков-бойцов.
Набег учинили неслыханный там,
Рассесться от клича их впору горам.
Бряцанье оружия, возгласы глав,
Удары мечей и тяжелых булав.
Сказал бы, простор разыгрался морской
Иль сферы в круженье глас подняли свой.
Конец довелось там столь многим найти,
Что все загорожены были пути.
Румийская целая рать полегла,
И знатных убито мужей без числа.
Хосров об их гибели тяжко скорбел,
Всех раненых перевязать повелел.
Тела воедино собрали затем,
Гора поднялась над побоищем тем —
Бахрамовой звать ее стали меж гор.
Изверился в Руме Хосров с этих пор.
Твердит о румийцах: «Коль воины их
Еще испытают две битвы таких,
Знай, в мире исчезнет румийская рать,
Стальной ее меч можешь воском считать».
Сергесу промолвил Хосров: «Погоди,
На поле ты завтра бойцов не веди.

Дай отдых себе, я же сам поутру
Из жаждущих мести иранцев сберу
Дружину». И после дружине он той
Сказал: «Завтра риньтесь стремительно в бой».
«Да,— каждый ответил,— в бой завтра пойдем
И горы и степи мы кровью зальем!»

[*Битва Хосрова с Бахрамом Чубине*]

Вот белый над водами вскинулся стяг,
И звезды лишились надежды на мрак.
Двух станов литавры на поле войны
И трубы несут, и шагают слоны.
Карнай заревел, грянул медный гавдом,
С слоновьей спины грохнул бронзовый хом.
Колеблются, скажешь, равнина и склон,
Лик солнца, что вранье крыло, омрачен.
И вот уж иранцы в рядах боевых,
Булаты из Хинда и копья у них.
Свет звездам стальные дарят острия,
Вся в панцирь, ты скажешь, одета земля.
Как выстроил войска средину Хосров,
Воспрянули разом сердца храбрецов.
Герою, чья слава сияла светло, —
Гардую он правое вверил крыло.
Воитель армянский пред левым крылом,
В кольчуге, разит ахриманьим мечом.
Бойцы, как Шапур и отважный Андьян,
Для ярой борьбы препоясали стан.
И держится рядом с Хосровом затем,
Чтоб шаха сберечь от врагов, Гостехем.
Бахрам, не увидев румийскую рать,
Не стал торопиться, решил выжидать.
Кимвал на слона водрузить приказал,
Мир целый подобным индиго вдруг стал.
И вот уже белый несет его слон —
С надеждой на счастье тут враг разлучен.
Представ перед правым иранским крылом,
«Презренный! — к Шапуру воззвал он потом,—
Не ты ли в посланье своем обещал,
Что будешь со мной в этой битве? Солгал!
Таков ли обычай достойных мужей!
Задаром лишишься ты жизни своей».
«Эй, диву подобный! — Шапур возразил,—
Злой раб, что служения путь извратил!
Где след, где приметы посланья того,
Что здесь, при мужах поминаешь его!»
Шапуру сказал благородный Хосров:

«Послание — плод его мыслей и слов.
Награды моей за послание жди,
Как прочие в этом собраньи вожди.
В час должный всю правду открою тебе,
Забыть помогу все худое тебе».
Бахрам, от Хосрова услышав едва
Раскрывшие тайну уловки слова,
Все понял и вспыхнул, объятый стыдом,
И в ярости битвы возжаждал потом.
Злодей на слоне устремился один
К Хосрову, стоявшему в сердце дружин.
Лишь зрелище это Хосров увидал,
«О витязь могучий! — Андьяну сказал,—
Слона вы осыпьте все стрелами вдруг,
Да будет, как туча весенняя, лук!»
Так молвил, и каждый иранец благой
Мгновенно свой лук оснастил тетивой,
И в хобот вонзается множество стрел,
Израненный слон, словно Нил, почернел.
Бахрам на коня поспешил пересесть —
Пытался царей разуменье обресть.
Вновь туча из стрел полетела, черна,
Бахрамова ищут убить скакуна.
С коня тут воинственный муж соскочил,
Колъчуги полу за кушак засучил,
Меч острый занес, заслонившись щитом,
Ты скажешь, бойцы — перед страшным судом!
Вспять бросились, пешие все, задрожав,
Чачийские луки свои побросав.
И снова подводят Бахраму коня.
Вскочил на него и, как буря, гоня,
С воинственным кличем до сердца дружин
Домчался туда, где стоял властелин.
Средину он натиском ярым прорвал,
И стяг миродержца из виду пропал.
И к правому после крылу он летит,
За коим обоз весь иранский укрыт.
То поле Гардуй неусыпно хранил,
Бесстрашным воинственным мужем он был.
Единый по крови на брата взглянул,
И лук, тетивой оснастив, натянул.
Так после схватились два брата родных,
Что, скажешь, слили воедино двоих.
Немалое время минуло в бою —
Все хватку никак не ослабят свою.
«Презренный, бесчестный! — Бахрам произнес.—
На брата родного ты руку занес!»

«Эй, волк ненасытный! — Биндуй отвечал,—
Иль притчи высокой такой не слыхал:
Коль брата имеешь, в нем друга имей,
А недруга-брата, не дрогнув, убей!
Ты низкий убийца, предатель притом,
Враждебный Создателю в сердце своем.
Ведь брат против брата войной не пойдет,
Коль честен, коль стыд в его сердце живет».
Бахрам как услышал, что вымолвил брат,
Умчался, обидой и гневом объят.
Гардуй же к царю устремился тотчас,
Лицом потемнев и душой омрачась.
Хосров ему ласку, хвалу воздает:
Тебя, мол, да вознаградит небосвод!..
К средине затем устремился Хосров.
В движенье своих приведя удальцов,
К Шапуру гонца посылает: спеши
К Мусилю, мол, помощь ему окажи!
Явите усердье. Спиною к спине
Встав крепко, удачу добудете мне...
Затем Гостехему сказал властелин:
«Коль в битву румиец пойдет хоть один *,
И будет Бахрам-предводитель разбит
Иль раны в сражении не избежит —
Румийцы главу вознесут к небесам
И ведать не будут конца похвальбам.
Румийцу почет уступать ни к чему!
Не дам перед нами кичиться ему!
Румийцев я видел в страде боевой —
Отара овечья порой грозовой!
Не лучше ль, соратников взявши с собой
Немногих, Чубина мне вызвать на бой.
Не надо мне помощи ни от кого.
Опоры ищу у Творца одного».
«О царь! — отвечает ему Гостехем,—
Жизнь милую побереги, между тем.
Коль так порешил ты, мужей избери,
Погибели в пасть не бросайся, смотри!»
«Ты прав,— отвечает на это Хосров,—
Ищи же соратников мне средь бойцов».
Избрал Гостехем средь иранских мужей
Четырнадцать ведомых мощью своей.
И первым себя написал Гостехем
Меж витязей тех именитых. Затем
С Андьяном Шапур — величанье мужей;
С Биндуем Гардуй — упованье царей;
Муж, коему молния только равна,

Зангуй, что осилит и льва и слона;
Герой Тахаре, недреманный в войне,
Кто злейшим был недругом Елан-Сине;
Прославленный витязь Хосров, Фаррухзад
В сраженье врагов пепелящий Оштад;
Ормозд и достойный почтенья Хоршид,
Пред коими недруг в смятеньи бежит.
Так витязей славных избрал дважды семь;
Из войска им выступить велено всем.
Промолвил Хосров именитым вождям:
«Благие мужи, подчиненные нам!
Вам должно теперь уповать на Творца,
Да полнятся радостью ваши сердца!
Без воли Йездана не быть ничему,
Пока небосводу вращаться сему.
Не лучше ль на поле сражения пасть,
Чем жить мне, рабу предаваясь во власть!
Меня в день сражения оберегать
Вам должно, не медлить, коль час наступать».
Все дружно хваленья в ответ воздают,
Его властелином всесветным зовут.
Обет ему дали, что будут они
С владыкой бессменно в столь грозные дни.
Царь, выслушав это, отраду обрел,
Доволен, что в подданных верность нашел.
Бахрама благого над войском своим
Оставил, и мчатся четырнадцать с ним.
Зов с вышки Бахрам Чубине услыхал:
Мол, вражеский строй на конях прискакал!
И вот неусыпный — в седле. На луке
Аркан и булат закаленный в руке.
Он издали горстку бойцов увидал
И нескольких средь именитых избрал.
«Сей низкий,— услышал тут Елан-Сине,—
Явил здесь немало отваги в войне,
Дабы угадал я, что с горсткой бойцов
На поле сем бранном никто как Хосров.
С дружиной ничтожной такой прискакал —
Сдается, в драконову пасть он попал!
Не более с ним двадцати верховых,
Не знаю притом никого я из них».
Изеду Гошаспу и Елан-Сине
Сказал: «Нужно мужество мужу в войне!
Их двадцать, довольно от нас четырех,
Коль больше того — дух наш воинский плох!
Лишь четверо, больше не нужно бойцов,
Я с воинским счастьем дружней, чем Хосров».

Был витязь, что имя носил Джанфуруз —
Днем грозный воитель, и ночью не трус.
Бойцов ему вверив, несется вперед,
Троих удальцов лишь с собою берет.
Хосров лишь Бахрама вдали увидал,
«Противники мчатся,— иранцам сказал.—
Свои вы сердца не должны омрачать,
Час пробил мой, насмерть мне должно стоять.
Я с низким Чубином сражусь булавой,
Вы — с теми надменными вступите в бой.
Четырнадцать вас, только три у него.
Ужель победят? Да не будет того!»
С вождем Ниятусом румийцев полки,
Решась поневоле стянуть кушаки,
В путь двинулись с поля сраженья к горам,
Им обе видны стороны были там.
Твердят: «Столь достойному шаху сему
Главой за венец поступаться к чему!
Зачем, оставляя на поле бойцов,
Один устремляется в битву Хосров!»
И руки уже к небесам вознесли,—
Хосрова убитым в сраженье сочли,
Бахрама-вождя увидав на коне,
С Изедом Гошаспом и Елан-Сине.
Царевы соратники все под конец
Бежали. Тот — волк, эти — стадо овец.
Биндуй лишь с Гардуем, Гостехм не бежал.
Йездановo имя венчанный призвал,
Коня повернул поневоле потом,
Гонимый Изедом Гошаспом вождем.
Сказал Гостехему владыка тогда:
«Мой день омрачился, нависла беда!
К чему я труда себе столько даю,
Коль в бегстве увидели спину мою!»
Сказал Гостехем: «Вот уж всадник настиг,
Один как сражаться ты станешь в сей миг!»
Назад оглянулся и видит Хосров
Бахрама и трех за Бахрамом бойцов.
Себя от врага охраняя, броню
Обрезать спешит вороному коню.
Из спутников уж ни единого нет,
И мстительный недруг несется вослед
Хосрову. В теснину глубокую он
Вступает, а те, словно тигры, вдогон.
Вот горы сомкнулись, и царь в тупике
Один, без друзей, от людей вдалеке.
Тут спешась, достойный тот муж молодой

Вперед по горе устремился крутой.
Но нет и для пешего дальше пути,
И сжалось у славного сердце в груди.
Бежать невозможно и медлить нельзя,
Вслед скачет Бахрам, лютой смертью грозя.
И слышит Хосров: «Преисполненный лжи!
Иль бездну у ног ты не видишь, скажи.
Войною пошел на меня для чего?
Отрекся от разума, знать, своего!»
Увидя, сколь рок его грозно теснит —
Клинок позади, впереди же гранит,—
«Создатель! — взывает к пречистому он,—
Не ты ли превыше судеб и времен!
В отчаянье только к тебе припаду,
От звезд сотворенных подмоги не жду» *.
Лишь только успел он мольбу вознести,
Соруш благодатный предстал на пути *,
В зеленой одежде; конь белый под ним.
Хосров воскрешен был знаменьем таким.
Приблизившись, за руку взял он царя.
Йездану ль дивить нас, такое творя!
Поднявши, унес от врага далеко
И наземь потом опускает легко.
«Мне имя свое назови!» — говорит
Хосров и рыдает, и благодарит.
«Сорушем зовусь я,— услышал в ответ,—
Ты спасся, нужды в воздыханиях нет.
Царить будешь долго, страну озарив,
Смотри же, будь праведен, будь справедлив!»
Так молвил, и тут же сокрылся от глаз.
Подобное чудо кто видел хоть раз!
Увидевши это, Бахрам поражен,
Призвал многократно Создателя он.
Так молвил: «Доколе была моя брань
С людьми, не слабела отважная длань.
С пери воевать ныне час мой приспел,
И впору оплакать мой горький удел».
Молил за горой о спасенье своем
Творца Ниятус, пав на землю лицом.
Марьям свои щеки терзает, она
За жизнь властелина тревоги полна.
Сплошь войско в степи, на холмах и горах,
В сердцах у румийцев томительный страх.
Не чают, что явится шах молодой,
И ставя поодаль шатер золотой,
Печальной Марьям говорит Ниятус:
«Нет больше владыки Ирана, страшусь!»

Но тут же из-за перевала Хосров
Явился на горной тропе без бойцов.
И радость вернулась к его храбрецам,
От горя избавилось сердце Марьям.
Приблизившись к ней, начинает тотчас
Владыка о явленном чуде рассказ.
Так молвил: «Кейсерова рода луна!
Мне милость благим Судией подана.
Не леность ведь правила мною, не страх —
Рождается лень в боязливых сердцах.
В ущелье, куда без дружины попал,
К владыке миров я в печали воззвал.
Таит от людей Вседержитель судьбу,
Но тайна сему вдруг открылась рабу.
Ни Сальм и ни Тур, и ни Афрасиаб,
Ни встарь Фаридун то, что видел сей раб,
И в снах не видали. Победа в войне
И царство сегодня предсказано мне.
Отвагу явите же снова в бою,
Мужи, помяните Хосрова в бою!»

[*Третье сраженье Хосрова Парвиза с Бахрамом Чубине и поражение Бахрама*]

С гор войско спустилось, и сделалось вдруг
От поднятой пыли черно все вокруг.
Навстречу выводит Бахрам верховых —
День, скажешь ты, света лишился от них.
Сказал: «Коль сражаться задумает вождь,
Нужны ему разум, отвага и мощь.
Мужи, лишь мое разглядели копье,
Могучее это сложенье мое,
Владыкам венчанным меня предпочли,
Унижен мной сам Нуширван до земли!»
К царю устремился, покинувши строй.
Стрелу, оснастивши свой лук тетивой,
Пускает он в пояс Хосрову, но тот
Стрелой не задет, искривился полет.
Из подданных некто при виде сего,
Извлекши стрелу из кафтана его,
Сам в пояс его поражает копьем,
Но пояс нетронут остался на нем,
Копья ж наконечник расколот был вмиг,
И страх недостойному в сердце проник.
Копье раскололось, царь, гневом ведом,
По вражьему шлему ударил мечом.
И вот уж клинок целиком раздроблен,
Весь в толще шелома железного он.

Воздали хвалу, кто удар увидал,
Бряцанье железа того услыхал.
В бой витязи славные следом пошли,
Столь мощное войско разбили, смели.
Приблизясь, владыке Биндуй говорит:
«О ты, чей венец над луною царит!
То ль рать, то ль набег саранчи — не поймешь,
Равнина и склоны — все залито сплошь.
Негоже напрасную кровь тебе лить,
Владыке с подвластным сражение длить.
Не лучше ль простить предающихся нам,
Чем множиться мертвым, увечным телам?»
Хосров отвечал: «Кто греху своему
Положит конец, мстить не стану тому.
Защиту в моем обретет он лице,
И станет алмазом в моем он венце».
Спустилась тут ночь из-за темной горы,
Два войска в свои воротились шатры.
Клич стражей послышался, звон бубенцов,
Немногие спали в ту ночь из бойцов.
Поднялся Биндуй именитый, спешит
На поле, что между двух станов лежит.
Глашатая после избрал из мужей,
Владевшего голосом, даром речей.
Велит на коня ему тут же воссесть,
И тот, приготовившись голос вознесть,
Проносится между двух ратных сторон.
Вот к вражьему стану приблизился он
И громко взывает: «Эй, шаха рабы,
Виновные, ждущие светлой судьбы!
Любому из вас, кто признался в вине,
Отвагой стяжавшему славу в войне,
Деянья, что явно и тайно творил,
Во имя Йездана владыка простил».
Такой среди ночи послышался зов,
И внял ему каждый во стане врагов.
Бахрамова знать, не промедлив ничуть,
Снимается с места, сбирается в путь.
Как светоч сияющий встал из-за гор,
День землю окутал в атласный убор,
Уж стан опустел, рать умчалася прочь.
Не ведал Бахрам, что свершилось в ту ночь.
Выходит и ратных не видит мужей,
Встречает одних приближенных друзей.
Увидев по тем опустевшим шатрам,
Что войско его удалилось, Бахрам
Промолвил соратникам: «Ныне бежать

Не лучше ль, чем нежась погибели ждать».
Три тысячи тут же велит привести
Верблюдов, горячих и стойких в пути.
Собравши богатства, что с давней поры
Хранились казной — одеянья, ковры,
Изделья из золота, ценных камней,
Престол и венец, и уборы царей,—
Верблюдов навьючив, воссевши верхом,
Стремительно в бегство пустился потом.

[*Бахрам Чубине*
бежит от Хосрова Парвиза
к владыке Чина]

Лишь солнце златой водрузило престол,
В стан вражий от шаха дозорный пришел,
Но в ставке вождя не увидел его,
Увидел шатры, а в шатрах — никого.
Дозорный к царю с донесеньем идет;
Известию вняв, омрачается тот.
Три тысячи выбрал воителей шах,
Все в панцирях крепких, щитки на конях.
Настух, повинуясь властителю стран,
Их вел, препоясав могучий свой стан.
Боль в сердце Настуховом: не по плечу
С Бахрамом война и ему, силачу.
И в сердце Бахрама не теплится свет,
На благо, на царство надежды уж нет.
Со страхом летит без дорог, и добра
Немало с ним — золота и серебра.
С Изедом Гошаспом и с Елан-Сине
Несется вперед, от бойцов в стороне.
Дружину ведя, бездорожьем летят,
О славных деяньях царей говорят.
Вот бедное видят селенье вдали;
Хоть не было знатных достойно, вошли.
В раздумье печальном Бахрам впереди,
Раскаянья голос не молкнет в груди.
От жажды мужи истомились, и тут
В жилище старушки убогой идут.
К ней мягкое слово спешат обратить
И просят в пути накормить, напоить.
Прошениям этим старушка вняла.
Вот старое сито она принесла,
В нем с кешком * лепешки и больше ни с чем,
Да ветхий бурдюк расстелила затем.
Бахраму барсам подал Елан-Сине
Без бажа, в заботах о горестном дне.

Хлеб с кешком вкусивши, спросили вина,
Молитва в земземе произнесена.
«Что ж,— молвит старушка,— могу вас вином
Потешить — из старенькой тыквы притом.
Макушку ей срезав, как свежей была,
Такую вот флягу себе припасла».
«Верь, лучшей владеть никому не дано,—
Бахрам отвечает ей,— было б вино!»
Старушка вино и сосуды несет,
И в сердце Бахрамовом радость цветет.
Поднес и хозяйке, налив дополна,
Да возвеселится средь них и она.
И после сказал он: «О добрая мать!
Что в мире — не можешь ли нам рассказать?»
«Творится,— старушка сказала ему,—
Такое, что впору затмиться уму!
Из города люди твердят о войне:
С Бахрамом идет, мол, война, с Чубине.
Ушли, мол, бойцы его к шаху, а сам
С дружиною в бегство пустился Бахрам».
«О добрая мать! — ей Бахрам говорит,—
Подумав, ответствуй, что сердце внушит:
Бахрам в этом действии мудрость явил
Иль мудрость напору страстей подчинил?»
Тут старая молвит: «О доблестный муж,
Див очи тебе ослепил почему ж!
Не явно ль: Бахрам, сын Гошаспа, с тех пор
Как с сыном затеял Хормоздовым спор,
Посмешищем всех рассудительных стал,
Никто б его славой мужей не назвал».
Сказал: «Коль из тыквы долбленой ему
Охота к вину приложиться сему,
Живи, в старом сите лепешку храня,
Да нового с ней дотяни ячменя!»
Во тьме растянувшись, кафтаном своим
Укрылся, и жесткий лишь панцирь под ним.
Лежал, но не ведал покоя и сна,
Удачу искал — vскользала она...
Лишь светоч небес свою тайну явил,
В литавры опять предводитель забил.
Воители все собрались, и вперед
Воинственный вождь благородных ведет.
Вот лес на пути тростниковый возник,
Немало там было косивших тростник.
Увидя, что движется вождь боевой
И сильное войско ведет за собой,
Сказали Бахраму: «Да в счастье живешь!

Почто через лес тростниковый идешь?
Знай, войско немалое в той стороне,
Готовое к ярой, кровавой войне».
И вождь с приближенными держит совет:
«Воителей, кроме царевых, здесь нет.
Слыхал я: как только поход боевой
Задумав, шатер мы покинули свой,
Владыка Настуха решился избрать,
С ним послана также немалая рать
В погоню за мною и войском моим,
Как только увижу, покончу я с ним!
Сильней натяните подпруги коней,
В кольце да окажется рати моей!»
Подпруги спешат подтянуть ездоки.
Индийские вмиг обнажили клинки,
И лес тростниковый уже подожжен.
Напали на недругов с разных сторон.
Мгновенно тростник был охвачен огнем.
Тот гибнет в огне, этот скошен мечом.
Настуха воитель Бахрам увидал
И вскачь скакуна боевого погнал.
С седла его сбросил аркана рывком,
Связали те жалкие руки потом.
Настух о пощаде взывает с тоской
К Бахраму: «О царь, о владыка благой!
Почто мою кровь замышляешь пролить,
Не лучше ль злосчастье мое пощадить.
Даруешь мне жизнь — послужу тебе так,
Как служит владыке смиренный бедняк».
Бахрам отвечает: «На поле войны
Такие противники мне не нужны.
Сражаясь с тобой, поношенье приму,
И не обезглавлю тебя посему.
Из рук моих спасшись, беги, от тисков
Моих что стерпел, да услышит Хосров».
Настух, это выслушав, прах целовал,
Немало хвалений вождю воздавал.
Бахрам от той рощи направился в Рей
С дружиною неустрашимой своей.
Слегка отдохнувши — дни быстро прошли —
Помчался к властителю Чинской земли*.

[*Послание Хосрова Парвиза кейсеру с вестью о победе и ответ кейсера*]

Не медлил и царь, очутился он там,
Где прежде стоял на привале Бахрам.

Стоянку Бахрамову всю разгромил,
Венцами и золотом рать оделил.
На быстром коне с поля ярых тех битв
Летит, препоясан для жарких молитв.
Колючкой заросший пустырь перед ним,
Там спешился, пал пред Йезданом благим
И долго во прахе лежал, вопия:
«О праведный, о всеблагой Судия!
От царства противника ты удалил,
Невообразимое дело свершил.
Я раб недостойный и в этом бою
Свершать помышляю лишь волю твою».
Оттуда в шатер свой державный идет,
Советника мудрого тут же зовет.
Дабир искушенный пред ними предстал,
Письмо на шелку от царя написал.
Про то, как сраженье с врагами прошло,
Кейсеру посланье рассказ повело.
Вначале хваленье Творцу воздает,
Кто мужество, мощь, одоление шлет,
И далее пишет: «Вселенной творец
Лишь милости шлет мне — отраду сердец.
С дружиною прибыл я в Азергошасп,
Противник навстречу примчался тотчас,
Столь тесно со мною столкнулся в войне,
Что места для битвы уж не было мне.
Не подал Йездан ему помощи длань,
И схватка погасла, и замерла брань.
Познав поражение, войска лишен,
Бежал на рассвете с дружиною он.
Мы войско его разгромили, смели,
Стан вражеский ратный огню обрекли.
По воле Творца, что победы дарит,
Путь будет и дерзкому вскоре закрыт».
К письму приложили цареву печать,
И вот уж посланцы готовы скакать.
И скоро с посланием царским гонец
К властителю Рума вступил во дворец.
Лишь только послание шаха прочел,
Кейсер просиявший покинул престол,
К Йездану воззвал: «О ведущий вперед,
Все тот же вовек пребываешь, все тот!
Победу рабу твоему даровал,
Упавшему помощи руку подал!»
Немало казны уделил беднякам,
Без счета припасы дарил беднякам.
Ответным посланьем царя наградил,

Сказал бы ты — древо в раю посадил.
Вначале хвалу не замедлил воздать
Творцу, в ком величие, свет, благодать,
Властителю Солнца, владыке Луны,
Кто путь освещает, кем силы даны,
Дарящему доблесть, в борьбе торжество.
Доколе ты дышишь, славь имя Его!
За блага несчетные благодари,
И тайно и явно добро лишь твори!»
Кейсеров венец драгоценный, что им
До первой нужды был усердно храним,
И царский убор, где алмазы горят *,
Одежд златоблещущих сто шестьдесят
И тридцать верблюжьих с динарами нош,
Рубины, алмазы, что вдруг не сочтешь,
Зеленый кафтан, в коем злато блестит,
Где жемчугом каждый узор перевит,
И крест, весь в бесценных топазах, послал,
И трон, утопавший в алмазах, послал.
Четыре философа Румской земли
Хосрову нисар и дары повезли.
Навстречу посланцам румийским Хосров
Прислал десять сотен знатнейших бойцов.
Румийцы предстать пред Хосровом спешат,
Предстать с подношением новым спешат.
Дары увидал и посланье прочел,
От этих даров в изумленье пришел.
Советнику царь говорит своему:
«Ответь, присмотрясь к одеянью сему:
Такое ведь благочестивый дихкан
Отринет — не это ль убор христиан?
В крестах оно все: облаченьем таким
Пристало блистать джаселикам одним.
Когда облачиться в него не решусь,
Кейсера смутит подозренье, страшусь.
А коль облачусь я, иранская знать
Хосрова не станет ли подозревать:
Его, мол, пленили дары христиан,
Коль скоро явился, крестами убран».
Советник в ответ успокоил его:
«Одежда? Нет, веры не в ней существо.
Ты — веры Зардоштовой верный пророк,
Хоть сделать кейсер тебя родичем смог».
Оделся в ту мантию шах наконец,
Надел и алмазоузорный венец.
Из тех, кто царю поклониться пришли,
Питомцев Иранской и Румской земли

Разумный, увидев убор, разумел,
Что шах лишь отрады кейсера хотел.
Другие твердили: «Владыка держав,
Знать, втайне приял христианский устав!»

[*Ниятус гневается на Биндуя, Мариам их примиряет*]

Наутро Хосров свой украсил дворец,
Сверкнул над челом тот кеянский венец.
И вот уж Гольшан * к пированью готов,
И царь призывает румийских послов.
Пришли с Ниятусом румийцы, потом
Воссели философы те за столом.
С престола кеянского сходит Хосров
В румийской парче, где узор жемчугов.
Воссел меж пирующих, смех на устах.
Биндуй тут явился с барсамом в руках.
Царь принял барсам и с мужами затем
Молитвенный свой начинает земзем.
То видя, свой хлеб Ниятус уронил,
Прервал пированье, во гневе вскочил.
Воскликнул он: «Баж сочетая с крестом,
Кейсер поступил бы неправо с Христом!»
Биндуй размахнулся и тылом руки
Ударил, достиг крестолюбца щеки.
Хосров, это видя, от горести сник,
И цвет шанбалида покрыл его лик.
Гостехму сказал: «Неразумный сей муж
Раздор среди пира затеял к чему ж!
Что сделал румиец ему, Ниятус?
Себя обесславит, погубит, страшусь!»
Вскочил Ниятус на коня той порой,
Во стан свой направился, полухмельной.
Там ратный румийский свой панцирь надел,
На пиршество смуту внести захотел.
Румийские всадники, к брани стремясь,
К цареву дворцу устремились тотчас.
И вестника, равного вихрю, вперед
Румиец, бойцов возглавляющий, шлет:
Почто, мол, бесчестный Биндуй по лицу
Бьет мужа, что истинно служит Творцу!
Когда не пришлешь его тотчас ко мне,
Увидишь, большой разразиться войне.
Побольше заставлю тебя претерпеть,
Чем раб, возмечтавший престолом владеть!..
Хосров, это выслушав, гневно сказал:
«Кто веру в Йездана скрывать бы дерзал!

Ни царь Кеюмарс, ни Джамшид, ни Кобад,
Царившие много столетий назад,—
Ирана властители славные те —
Не знали, не слышали век о Христе.
Того да не будет, чтоб веру отцов,
Великих и праведных тех мудрецов
Отверг, Иисуса воспринял я чин,
О баже забыл, звался христианин!
А что до угроз неуместных твоих —
Видал я румийских воителей сих!»
«Быть может,— Марьям говорит ему,— мне
Удастся не дать возгореться войне.
Биндуя мне вверь именитого. Он,
Верь, будет тебе невредим возвращен.
Румийцам лицо свое должно спасти —
Зря кто же захочет войну завести!»
Биндуя владыка послал вслед за сим,
И десять прославленных всадников с ним.
Послал и Марьям умудренную шах —
Всегда наставленья у той на устах.
Сказал ей: «В путь с братом отца поспеши,
Тому забияке, строптивцу внуши:
Не видел, как шаха от бед уберег
Кейсер и величьем облечься помог?
Связавши родством его тесным с собой,
И войском помог, и богатой казной.
Ты вздумал восстать против родственных уз,
Покров мой отнять и с кейсером союз!
Ужель от кейсера слыхал, что Хосров,
Вернувшись в Иран, сменит веру отцов?
Пустое твердишь! До скончания дней,
Знай, веры дихкан не отринет своей.
Биндуя в объятья теперь заключи,
Предлога для гневных речей не ищи.
За веру вступившись, худое сказал —
Кто б мудрости от неразумного ждал!
Усильям моим и кейсеровым вред,
Смотри, не чини. Мой попомни совет!»
Такое сказал еще слово Хосров:
«Биндуя и сам презирать я готов.
Кончину отца не могу позабыть,
Не перестаю об ушедшем тужить.
В груди моей мщения пламя горит,
Язык неустанно проклятья твердит».
Речь выслушав, вихрем Марьям понеслась,
И вот уже свой начинает рассказ.
Ее увещаниям внял Ниятус,

Нисколько не счел их за тягостный груз.
Биндуя увидя, навстречу он встал,
Коня казначею вести приказал.
Улыбкой, приветом, дарами почтил,
С ним вместе пред шахом предстать поспешил.
Сказал, Ниятуса увидя, Хосров:
«Добра не взыскует, кто груб и суров.
Биндуй только смуты и ссоры искал.
Загладь, коль недолжное слово сказал.
Кейсера труды не губи, осердясь,
Оставь нам веселья и радости час!»
Ответил: «О царь, кем гордятся вожди!
Ума от хмельного румийца не жди.
Путь прадедов помни, великих царей —
Мудрец не расстанется с верой своей».
Шла долго беседа о том и другом,
И в стан Ниятус воротился потом.

[*Ниятус с румийцами возвращается из Ирана к кейсеру*]

Хорраду Борзину так царь говорит:
«Для смотра да будет диван здесь открыт.
В счет каждый войдет из румийских бойцов,
Будь молод иль будь он преклонных годов.
Две части румийцам отдай из казны,
Обидой чтоб не были уязвлены».
Тому, кто награды царя заслужил,
В сраженьях искусство и доблесть явил,
Велит приготовить дары пощедрей;
Ретивых для них выкликает коней.
Камней Ниятусу пожаловал шах,
Коней и рабынь в золотых поясах
Так много, что меру превысил даров,
Вознес его меж именитых Хосров.
Из тех, что у Рума встарь отнял Кобад *,
И после Хормоз, и Кесра, каждый град
Вернул Ниятусу и грамоты дал,
В отравленный кубок все мед подливал...
Вот в Рум устремляются Рума сыны
Из той населенной цветущей страны.
Два с ними свершил перехода Хосров,
Вернулся потом, проводивши бойцов.
Взяв десять в начале недели другой
Мужей именитых, достойных с собой,
Из стана он в Азергошасп поспешил,
Увидевши купол, с коня соскочил,
Во храм устремляется, слезы в очах

И солнцу подстать желтизна на щеках.
Пред пламенем вечным склоняется он,
Слезами обильными лик увлажнен.
Неделю проводит, огонь обходя,
Из Зенд-Авесты песнопенья твердя.
На утро восьмое покинул он храм,
А время к Саде уж приблизилось дням.
Исполнил обеты, что радам давал,
Сокровищ немало Огню даровал —
Динаров, серебряных и золотых
Изделий с узором камней дорогих.
Дирхемы пожаловал бедным потом,
Печальных в краю не осталось во всем.
Оттуда направился царь в Андив-град,
Его процветанье увидеть был рад.
Пустырь на том месте когда-то лежал,
Ту землю нестоющей каждый считал.
Но после дворец Нушинрван там возвел,
В нем дней благодатных немало провел.
Чертог для Хосрова украшен большой,
Блестит обновленный престол золотой.
Пришел и воссел на престоле владык
Потомок, что верой в Йездана велик.
Искусного после дабира призвал,
Мудрейшего мужа-везира призвал.
Иранцам уделы велит записать,
Как славным вождям и владыкам под стать.
Тем ведать Биндую — муж доблестный он,
Разумен и опытом обогащен.
Гостехму весь край Хорасана вручен
С наказом блюсти правосудья закон.
Борзмехр — и наставник в деянье любом,
И мудр, и хорош был собою притом.
Узрев благосклонность к нему в небесах,
Ему даровал с Дарабгирдом Истахр.
К сему золотую печать приложил,
Указ Рамборзину благому вручил
С наказом Шапуру его отвезти.
Дары и рабыни готовы к пути.
Еще со своею печатью указ
Послал он Андьяну-вождю на сей раз.
Керман ему целый вверяет Хосров,
К великим его причисляет Хосров.
Гардую же край поручает другой,
Указ тот печатью скрепив золотой.
Балую он Чач во владение дал,
Трон кости слоновой с указом послал.

Хранилищ ключи пересчитаны все,
Вручает их сыну вождя Тахаре.
Всем велено знатным Иранской земли,
Чтоб Хоррад-Борзину покорность несли,
Чтоб царство веленьям внимало его,
В указах чтоб имя стояло его.
Из витязей славных Иранской страны,
Что в брани царю оставались верны,
По-царски дал каждому должную часть —
Дал каждому знатному землю во власть.
Глашатай везде доброгласный ходил,
Муж доблестный, разума полный и сил,
И так возглашал он: «О слуги царя!
Одной только правде хваленья даря,
Не должно лить кровь и отмщенья искать,
Людей к злодеяньям не должно толкать.
Из подданных ежели кто возопит
От злых, нанесенных бойцами обид,
Обидчик на виселицу попадет,
Огнь вечный он в мире ином обретет.
Все царствуйте над достояньем своим,
Что прежде собрали стараньем своим.
Имущий, вкушай и других оделяй,
А кто не имеет, нужду объявляй.
Есть в городе каждом царева казна,
Накоплена предками ль, нами ль она.
Велим казначею: пусть нищих, нагих
Оденет, пристанища сыщет для них.
Кто пищи лишен — в первом блеске лучей
Придет, и три мана еды казначей
Подаст, взяв обет повелителя чтить,
Страны благоденствию верно служить».
Таков если царь изволеньем Творца,
Не лучше ль злонравного он мудреца!

[*Плач Фирдоуси об умершем сыне*]

Годов шестьдесят мне минуло и пять,
Негоже о благах земных помышлять.
Помыслю, наставив себя самого,
О сыне, ушедшем из мира сего.
За мной был черед, но ушел молодой,
От горя я словно покинут душой.
Вослед ему кинусь, быть может, сыщу,
Сыскав, укоризну к нему обращу:
Черед был за мною. Меня обогнав,
Почто удалился, покой мой отняв?
В день бедствий меня утешал и хранил,

Что ж спутника старого ты отстранил?
Знать, юных ты спутников ныне обрел,
И вот отчего столь поспешно ушел!
Был молод, минуло всего тридцать семь,
Но гнал его мир, и ушел он затем.
Суровым бывал неизменно со мной —
Прогневался, вдруг повернулся спиной.
Ушел и печалям меня поручил,
И сердце, и очи мне кровью залил.
А ныне в обители светлой парит,
Быть может, приютом отца одарит...
Немалое время уже пронеслось,
Вернуться кому же с пути довелось?
Должно быть, меня в нетерпении ждет,
Корит: отчего, мол, так долго нейдет?
Ему тридцать семь, шестьдесят мне и пять,
— Как первым ушел, старику не понять.
Торопит он, я же все медлю — зачем?
К чему оставаться здесь долее, с кем?
Свет духу Творец да подаст твоему,
Содеяв щитом добродетель ему.
Молю Судию, что всеведущ и благ,
Создателя мира, подателя благ,
Содеянный каждый твой грех да простит,
Ночь темную в ясный твой день обратит.

[СКАЗ О БАХРАМЕ ЧУБИНЕ И ХАКАНЕ ЧИНА]

Поведаю вновь о седой старине —
Дела, что содеял Бахрам Чубине.
Как только он града туранцев достиг *,
Из тех, кто отважен и родом велик,
Навстречу ему десять тысяч мужей
Примчались, прославленных богатырей.
Брат царский пред войском и юноша-сын;
При каждом мудрец, из мобедов один.
И вот, перед троном хакана представ,
Восславил, поклон ему низкий отдав.
Бахрама хакан, трон покинувши свой,
Целует и гладит ланиты рукой.
Про все вопрошает: как путь совершил,
Как с шахом в кровавую битву вступил,
О тех, что врагов возглавляли в войне —
Изеде Гошаспе, о Елан-Сине...
Бахрам, на серебряном троне воссев,
По-братски хакана рукой завладев,
Так молвит: «О славный владыка дружин,

В чьей власти Туран, в чьем владении Чин!
Ты ведаешь сам, от владыки того
Теперь в безопасности нет никого.
У всех истомленных отнимет покой,
Живущих в покое спознает с бедой.
Коль примешь меня в этом крае своем,
Мне помощи руку протянешь во всем,
Тебя своим другом назвать поклянусь,
В деяниях всех помогать поклянусь.
А коль недоволен ты — мимо пройду,
Земными просторами вновь побреду.
Отсюда, коль дашь дозволение мне,
С дружиною к Хиндской направлюсь стране».
«О славный,— хакан ободряет его,—
Вовек да не встретишь ты часа того!
Как родича, пестовать буду тебя.
Что родича! Больше, чем сына, любя!
Со мною весь край в этой мысли един —
И муж родовитый, и простолюдин.
Тебя вознесу я превыше князей,
Не будешь зависеть от воли вождей».
Но клятву услышать Бахрам пожелал,
Не словом — обетом чтоб душу связал.
«Всевышним клянусь,— отвечает хакан,—
Что мне и тебе покровителем дан,
Быть другом тебе до конца моих лет
И счастье делить, и нашествие бед».
И вот уж два светлых чертога ему
Готовы, украшены. Много ему
Богатых одежд, подобавших ковров,
И всяческих яств, и рабынь, и рабов,
Сосудов серебряных и золотых,
Динаров и царских камней дорогих
В знак дружбы послал венценосный хакан,
И радостью мрачный тот дух осиян.
С собою на лов его звал, на пиры,
С ним был неразлучен на поле игры.
Бахраму хваленья всегда воздавал,—
Таким неизменно хакан пребывал.
Вождь некий был знатный, соратник его,
В боях приносивший ему торжество,
Из древнего рода; блистал при дворе
Хакана; а звался он Макатуре.
Чуть утро настанет, является сам
К хакану и пальцы подносит к устам,
Как должно подвластным: пришел, мол, тебя
Приветствовать, Чина владыку любя.

И тысяча тут же ему вручена
Динаров — их дарит хакана казна.
Бахрам не однажды при сем пребывал
И, в мыслях дивясь, на хакана взирал.
Однажды с улыбкой решился сказать:
«Тебя, о высокий, вся чествует знать.
Столь щедрой рукою в приемный твой час
Коль станешь динары дарить всякий раз —
Покуда двадцатое утро придет,
Здесь россыпи злата сей муж обретет!»
«Таков мой обычай,— ответил хакан,—
Такой мне устав моей верою дан,
Что те, кто отважнее всех воевал,
Всех больше в опасности стойкость являл,
Сколько много ни спросят — отказа им нет,
Так алчность идет за нуждою вослед.
Над нами ему превосходство дано,
Динарами тешить — вот средство одно.
Коль это отнимем — озлобится знать,
Увидит свой день омрачившимся рать».
Ответил воитель: «О края глава!
Сам дал над собою ты волю сперва.
Когда миродержец и мудр, и силен,
Державу не вверит подвластному он.
Избавиться хочешь моею рукой,
Иль будет и впредь ублажаем тобой?»
Ответил хакан: «Это в воле твоей,
Исполни, коль хочешь ты, замысел сей.
Когда от него бы избавить сумел —
Заботе моей положил бы предел».
Бахрам отвечает: «Когда на заре
Придет за динарами Макатуре,
Улыбкой, приветом его не встречай,
В собрании гневно ему отвечай».
Та ночь миновала, и вновь на заре
Пришел за динарами Макатуре.
На витязя-тюрка хакан не взглянул,
Не стал его слушать и лик отвернул.
Лишь это увидел, воитель вспылил,
Сверкающий взор на царя устремил.
«Почто, многославный,— звучит его речь,—
Сегодня задумал ты мной пренебречь!
Не этот ли вождь из фарсийской земли,
С которым бойцов три десятка пришли,
С пути совращает, бесславит тебя?
Смотри, без дружины оставит тебя!»
«Послушай, воитель! — тут молвит Бахрам,—

Почто рассердился? Виною ты сам.
Хакан коль захочет принять мой совет,
Внять разуму, дружбы исполнить обет,
Я впредь не дозволю, чтоб с каждой зарей
Его принуждал ты прощаться с казной.
Положим, ты равен трем сотням бойцов,
Со львом разъяренным сразиться готов,
Все ж нет дозволения, что ни заря,
Динаров тюки увозить от царя».
То слово услышал туранец, и в нем
Обида и гнев запылали огнем.
Нахлынувшей ярости не превозмог,
Прямую стрелу из колчана извлек
И молвит: «Взгляни на эмблему мою,
Вот мыслей моих прелагатель в бою!
С зарей ко дворцу как направишь свой путь,
Мою ты стрелу разглядеть не забудь».
Услышал и жажду борьбы ощутил
Бахрам, свой клинок ему хиндский вручил.
«Вот памятка,— молвит,— тебе от меня,
Сгодится — того не избегнешь ты дня!»
Хакана покинувши, Макатуре
Умчался, в своем очутился шатре.

[*Смерть Макатуре*
от руки Бахрама Чубине]

Ночь сгинула, темный подол волоча,
Гора посветлела в сиянье луча.
Грудь Макатуре в крепкий панцирь облек,
Явился, туранский сжимая клинок.
Услышал Бахрам и вскочил на коня,
На витязе царская блещет броня.
Вот место избрали — безводную высь,
Едва ли и тигры б туда забрались!
Услышав, туда же верхом прискакал
Хакан, приближенных с собою позвал —
Увидеть, из двух устрашающих львов
Чей жребий в сражении будет суров.
Туранец, на ратное поле примчась,
Там носится, пыль до небес поднялась.
Окликнул Бахрама-воителя он:
«Как ныне исполним сражений закон?
Ты ль первым откроешь сегодняшний бой,
Иль чтущий хакана туранский герой?»
«Ты бой начинай,— отвечает Бахрам,—
Начало ведь ты положил и речам».
Воззвал к Вседержителю Макатуре,

Приладил он лука концы к тетиве.
Стрелу с тетивой ухватив, притянув
До края к себе и плечо развернув,
Железом каленым он в пояс разит
Врага, но железный покров не пробит.
И долго недвижным Бахрам пребывал,
Уж витязь туранский слать стрелы устал.
Подумал: «Должно быть, погиб супостат!»
И с кличем победным понесся назад.
Бахрам окликает его: «Воротись,
Тобой не повержен я, прочь не стремись!
Сказал ты, внемли же ответу засим.
Услышав, умчись, коли будешь живым».
Извлек тополевую, коей под стать
Доспехи железные в воск обращать,
И в пояс отважного всадника бьет;
Динарами, битвой пресытился тот!
Пред битвою Макатуре пожелал,
Чтоб брат ему ноги к седлу привязал.
Ничком повалился, вздохнув тяжело,
И ложем богатое стало седло.
Сраженный стрелою, с седла не упал,
Его поразивший назад поскакал
К хакану. «О славный! — промолвил ему,—
Могильщика шли славолюбцу тому!»
«Вглядись-ка получше,— хакан говорит,—
Не мертвый, живой на седле он лежит».
«О доблестный,— так отвечает Бахрам,—
Во прахе сейчас его узришь ты сам.
Пусть каждый твой враг так застынет во сне,
Как сей на туранском своем скакуне».
Немедля хакан верховому гонцу
Велит устремиться вослед храбрецу.
Нагнали злосчастного,— мертвым он был,
От всех треволнений мирских опочил.
И в сердце своем засмеялся хакан,
Дивится тому, что свершил пахлаван.
В раздумье вернулся к себе во дворец,
От радости к небу вознесши венец.
Оружье, дирхемы, рабов и коней,
Венец со престолом, достойным царей,
Динаров, камней, что сияют светло,
И ратных доспехов большое число
Посланец хакана, поспешно придя,
Вручил казначею Бахрама-вождя.

[*Убиение дочери хакана чудовищем*]

Шло время. Чредою, сменяясь, текли
Дни, ночи, и вот что они принесли.
В горах, среди зарослей, в Чине тех дней
Таился, меж прочих несчетных зверей,
Зверь-диво: крупнее коня не сыскать,
А космы — двум черным веревкам под стать.
Пасть, уши черны, прочий желт его цвет,
Он только лишь в полдень выходит на свет.
Две львиные лапы, их натиск могуч,
А рев его грозный восходит до туч.
Каппийским назвали чудовище львом,
И сеял он ужас и горе кругом.
И пеших, и конных вбирала та пасть,
Отважнейших злая постигла напасть.
Дочь холил хакан; ты сказал бы, равна
Луне, если б кудри имела луна.
Черты — письменам клинописцев под стать,
Кораллам — смеяться, нарциссам — смущать.
Родителей сердце за деву дрожит,
Лучу не дозволят коснуться ланит.
Так было однажды: красавица вдруг
Из града затеяла выйти на луг.
Как вздумалось это царевне—луне,
Хакан был на лове в другой стороне.
Хатун той порою в чертоге своем
О чем-то держала совет с мудрецом.
По сердцу девице приволье степей,
Вино, виночерпий, подруги при ней.
Как лев тот Каппийский на деву взглянул
С горы — тут же кинулся, пастью втянул.
Так, с жизнью безвременно разлучена,
Из мира мгновенно исчезла она.
Хакан зачернил свои щеки, и мать
Скорбя, принялась себе волосы рвать.
Года неутешно рыдали о ней,
И горести пламя их жгло все сильней.
Пути измышляли, как горе избыть,
Как Чин от дракона того оградить.
С тех пор, как Бахрам свои стрелы вонзил
В грудь Макатуре и его победил,
Хатун все искала героя того
И подвиги превозносила его...
Однажды его увидала верхом
И сто именитых иранцев при нем.
Немало и пеших бойцов перед ним,

Вождь ехал с советником рядом своим.
«Кто сей? — принялась тут хатун вопрошать,—
Величье, Изедова в нем благодать!»
На это из слуг отвечает один:
«Венчанный, прославленный он властелин».
«Блуждаешь! — другой из подвластных сказал,—
Иль имя Бахрама-вождя не слыхал?
В Иране он некое время царил,
Главу и венец над луной возносил.
Бахрам-богатырь — так зовут средь вождей,
И доблестью многих затмил он царей.
С тех пор из Ирана как прибыл он в Чин,
Конем сотрясает просторы равнин.
Владыка его называет вождем,
Венчает главу его царским венцом».
Сказала хатун: «Впору нам ликовать,
Коль нас осеняет его благодать.
Ему я открою желанье одно,
В хакане коль не ослабеет оно:
Дракону тому за меня да отмстит,
Обиду мою и вражду утолит!»
Промолвил подвластный: «Коль эти мечты
Вождю справедливых поведаешь ты —
Следа не найдешь от врага своего,
Лишь волком влекомую тушу его».
Хатун, эту выслушав речь, ожила,
Надежду на мщенье за дочь обрела.
К хакану тотчас устремилась бегом,
Спешит рассказать об услышанном всем.
Хакан отвечает ей: «Слава моя
Падет, коль узнают, что всадник, как я.
Дракону мог дочь на съеденье отдать.
Скажу — доведется бесчестье познать.
Но гору железную лютый тот змей
Втянул бы чудовищной пастью своей!
Хоть в мире прославлена царская дочь,
Да с жизнью царю разлучиться невмочь».
Мать скорбная мыслит: «Души не смирить,
Мне должно за милую дочь отомстить.
Ждет слава ль, бесчестие — не отступлюсь,
Откроюсь, и цели, быть может, добьюсь».
Немалое время проходит затем,
О мести жена не толкует ни с кем...
Однажды хакан учинил торжество,
Весь край осветился от пира того.
Сперва о Бахраме, о богатыре
Помыслил, на чистом сажал серебре.

Лишь голос вождя услыхала хатун,
Вошла и его увидала хатун,
Почтила его сладкозвучной хвалой:
Туран, мол, и Чин да воспрянут с тобой!
Дозволь, о владыка, желанье одно
Поведать, тебе ведь по силам оно...
Промолвил Бахрам: «Повеленье твое
Исполню. Открой изволенье твое».
«Отсель недалече,— услышал Бахрам,—
Есть роща, какая пристала пирам.
Там молодость Чина, веселья полна,
Пирует, когда наступает весна.
Повыше, не дале полета стрелы
Увидел бы гору чернее смолы.
Живет на той круче гранитной дракон,
Чьей силой безмерной весь Чин устрашен.
Повсюду Каппийским зовут его львом,
Об имени я не слыхала ином.
Дочь дал мне хакан, деву — чудо чудес,
Ей солнце хвалу воздавало с небес.
На праздник девица ушла из дворца,
На лов перед этим призвали отца.
Зверь алчный с горы устремился, раскрыл
Пасть лютую, радость мою погубил.
И после того за добычей людской
В ту рощу он каждой приходит весной.
Во градах окрестных уж юности нет,
Исчез и воинственных витязей цвет.
Всех пастью втянуть он чудовищной смог,
Отчаяньем край сей цветущий обрек.
К той роще не раз устремлялись бойцы,
В сраженьях испытанные храбрецы.
Но издали когти его разглядев,
Увидев, каков он, Каппийский тот лев,
Рык ярый услышав, трепещет любой.
Что слон и что лев, и что змей огневой
Для чудища злого! Помыслив про то,
К нему подступиться не смеет никто».
Бахрам отвечает ей: «Буду готов
С зарею отправиться к роще пиров.
С подмогой Йездана, что силу дарит,
Свет солнца и месяц, и звезды творит,
Дракона оттуда надеюсь изгнать,
Коль дашь провожатого — путь указать».

[*Бахрам Чубине*
убивает Каппийского льва]

Пролился на землю свет лунных лучей,
Ночь волны рассыпала темных кудрей.
Мужи захмелевшие с мест поднялись
И все по жилищам своим разошлись.
Лишь солнце венец золотой вознесло
И черных кудрей западню прорвало,
Грудь панцирем крепким Бахрам защитил,
Йездану бесценное тело вручил,
Лук взял со стрелами, аркан и свое
Для лова двузубое также копье.
Лишь только он гору вдали разглядел,
Назад провожатым вернуться велел.
Когда же приблизился к зверю тому,
Гора, скажешь, темной предстала ему.
По склону поднялся, на мощный свой стан,
Воссев на седло, намотал он аркан,
Лук добрый потер, тетивой оснастил,
К Йездану, подателю благ, возопил.
А зверь между тем погрузился в родник,
В струю окунулся и вынырнул вмиг —
Ведь ежели шерсть у дракона влажна,
Его не заденет стрела ни одна.
Он, издали мужа того разглядев,
Что рвался сразиться, как яростный лев,
Свирепою воспламенился враждой,
И зубы, и когти нацелены в бой.
Взревев, ударяет он лапой в гранит,
И пламень из темного камня летит.
Вот пасть разевает зловредный дракон,
Врага поглотить изготовился он.
Трет мощной рукою испытанный лук
Бахрам, и стемнело от стрел его вдруг!
Одну тополевую мечет храбрец,
Сник телом Каппийский тот лев наконец.
Другую сумел ему в темя метнуть,
Кровавой струей обагрилася грудь.
Увидел свирепую силу его,
И лапу ему прострелил сверх того.
У пояса после аркан распустив,
Прыжок с высочайшей скалы совершив,
В утробу копье так вонзил ему вдруг,
Что кровью гранит испещрился вокруг.
Схватился затем богатырь за клинок
И надвое тело дракона рассек,

Снес голову, бросил во прах на позор
И после спустился, воинственный, с гор.
К хакану, исполненный счастья, пришел,
Речь долгую с ним о чудовище вел.
Хакан и хатун в нетерпенье спешат
К той роще. Увидев, вернулись назад.
Царь Чина в объятья вождя заключил,
Владыкой отважного провозгласил.
Крик радости подняли Чина мужи,
Земля уж разверзнуться хочет, скажи.
Бахраму они славословья творят,
Алмазов и золота груды дарят.
Как снова хакан во дворец свой вступил,
Посла добронравного вмиг отрядил,
Отправил дирхемы — до ста кошельков,
Рабынь и одежд, прочих много даров.
Дабира к себе призывает тотчас,
Готов для Бахрама на шелке указ.
Дочь выдал свою за Бахрама затем,
Тот править стал краем хакановым всем.
По Чинскому чину дар щедрый готов,
Немало добавил венцов, кушаков.
«Раздай,— говорит он,— иранским мужам,
Которых находишь достойными сам».
Бахрам веселится, не ведая нужд,
Заботе о роке изменчивом чужд.
Его окружает иранская знать,
Все рады Бахрама-вождя ублажать.
Чин целый твердит: «Нас рабами зови.
Мы живы во имя твоей лишь любви».

[*Хосров Парвиз слышит вести о Бахраме и пишет послание хакану*]

Бахрам все пирует, щедроты дарит,
И каждый ему славословье творит.
Известия эти до шаха дошли,
Вождя именитых иранской земли.
Мол, больше тебя, не трудившись никак,
Бахрам удостоился царства и благ!..
Царь, это услышав, обидой пронзен,
В нем дух дерзновеньем таким омрачен.
Со знатными долго совет он держал
И замыслы всякие перебирал.
А темною ночью дабиру прийти
Велел и перо, как стрелу, вознести.
К властителю Чина письмо обратил,
Сказал бы, клинок свой в перо обратил.

Вначале Создателя славил он так:
«Владетелю знанья, подателю благ
Хваленье,— тому, кто светила творит,
Престол властелину державы дарит,
Взыскующим зла наказание шлет,
Достойным Изедово знание шлет.
Отринешь невежество, низкую ложь,
Порока и кривды пути отметешь,
Коль веришь: един всемогущий Изед,
Ему двойника и соперника нет.
Кто ищет добра, обретает его,
Да сгинет, в чьих помыслах зла торжество!
Коль выбрал дорогу Йездана — откинь
Нечестие, неблагодарность отринь.
Нечестный и неблагодарный мне дан
Был раб, им не чтим был ни царь, ни Йездан.
Ничтожный он был и безвестный юнец,
Возвысил, пригрел сироту мой отец.
Деяньям его не укрыться худым,
Известны и знатным они, и простым.
За то и не принял его, не привлек
Никто из почтенных, чей разум высок.
Лишь ты, как пришел он, помог, обласкал,
Почет, словно мужу благому, воздал.
Из мудрых того не одобрит никто,
И я не отвечу согласьем на то.
Не должен ты имя свое унижать,
Не должен покой за Бахрама отдать.
Когда ознакомишься с этим письмом,
Размысли своим изощренным умом:
Коль ноги тому заковавши рабу,
Пришлешь ты — свою осчастливишь судьбу.
Не то из Ирана дружина придет,
И ночь средь полудня весь Чин обоймет».
Хакан лишь послание то увидал,
Владыки Хосрова слова услыхал,
Промолвил посланцу: «Ты, завтра чуть свет
Придя во дворец, обретешь мой ответ».
Ушел, и душа у посланца смутна,
Нет места покою, не время для сна.
Лишь мир озарился небесным огнем,
В хаканов дворец устремился бегом.
Дабира хакан призывает, и тот
С калямом и мускусом, с шелком идет.
Таков был ответ: «Я, один из рабов
Творца, славословлю владыку миров.
Увидел посланье твое, изучил,

Гонца твоего пред собой усадил.
Такие с подвластными речи ведет
Владыка! Тому, чей прославленный род
Столь древен, пристало мужей различать,
Высокого с низким дабы не смешать.
Припомни, покорны мне Чин и Туран,
Хайтала венец мне сверх этого дан.
Являть вероломство до этого дня
Не мыслил, такого не жди от меня.
Коль руку подавши Бахраму, вослед
Тому преступил бы священный обет —
Знай, чистым бы рода не счел моего
Народ мой. Йездана страшусь одного!
Величия будь тебе больше дано,
Прибавило б также рассудка оно».
К посланью печать приложил он и: «В путь! —
Посланцу сказал.— Вихрю парою будь!»
Тот вскоре в чертог венценосца вступил,
В дороге без малого месяц лишь был.
Лишь только послание шах прочитал —
Смутился и в страх перед судьбами впал.
Совет созывает Ирана глава,
Дал знатным услышать хакана слова.
Посланье увидели все и прочли;
В раздумье глубоком часы протекли.
Услышал иранцев ответ наконец:
«О слава престола, венчанных венец!
Беспечность являть в этом деле не след.
Держи с мудрецами седыми совет.
Посланием тут не отделаться, знай!
Величия древнего не угашай.
Ты старца найди меж иранских мужей
Разумного, смелого, с даром речей,
Дабы пред владыкою Чина предстал
И речи держал, и ответам внимал,
Поведал, кем был от начала Бахрам,
Как стал пахлаваном, главою бойцам,
Сумел возвышенья достичь, но потом
Владыку задумал содеять рабом.
Коль в месяц один не уладится спор,
Пробудет он год, да изгладится спор.
Бахрама, коль скоро хакана он зять,
Непросто хулить, нелегко очернять.
Приветливо, мягко речь должно вести
И тайну притом от сторонних блюсти».

[*Хакан Чина выступает в поход*]

Дошло до Бахрама известье о том,
Что муж из Ирана был прислан с письмом.
К хакану он ринулся, молвил слова
Такие: «Царь, коего славит молва!
Слыхал я, что лживый и дерзостный тот
Тебе за посланьем послание шлет.
Отважную рать собери поскорей,
Ирана держава да станет твоей!
С Ираном и Рум покорю я мечом,
Над ними тебя объявлю я царем.
В Иране с полночными стражами в лад
Отныне лишь имя твое да твердят!
Хосрова настигну, лишу головы,
Да сникнут иранцы, лишившись главы.
Тебе, препоясавшись, коль послужу,
Весь род Сасанидов смету, сокрушу!»
Услышал хакан и охвачен он был
Раздумьем: лес мыслей, скажи, обступил!
Старейших созвал мудрецов на совет,
Испытанных, знающих, видевших свет.
Им речи Бахрамовы пересказал,
Открыл помышленья, что прежде скрывал.
И вот что в ответ он услышал от них,
От родичей близких, затем от чужих:
«Сие не легко и не просто, чтоб срок
Господства Сасанова рода истек.
Но если Бахраму главенствовать — будь
Покоен, мудрейшим укажет он путь!
Немало в Иране друзей у него,
Хакан ему друг и родня сверх того.
В сем деле удаче твоей воссиять —
Совету Бахрамову следует внять».
Хакан, это выслушав, сердцем взыграл;
Скажи — обновился, улыбчивым стал.
Пришло вслед за этим собранье благих
К решенью: двух выбрать вождей молодых,
Пригодных начальствовать в деле таком,
Воинственных, полных усердья притом.
Два в Чине сыскалось их: первый — Хасnуй *,
Второго достойного звали Зангуй.
Хакан не замедлил обоих призвать —
В диване динары бойцам раздавать.
Так молвил затем предводителям двум:
«В сраженьях да будет ваш бдителен ум!
Заблещет ли радость, придет ли беда —

К Бахраму свой взор обращайте всегда.
Стеречь переправы Джейхуна должны
И прах от Джейхуна взметнуть до луны».
Дал мощную рать под начало вождям —
Все воины славные, равные львам.
Кимвал у Бахрамовых грянул дверей,
Уж солнце от пыли эбена черней.
Из Чина в Иран выступает в поход
В день Сипанд *, лишь вспыхнул восход.

[*Хосров*
посылает к хакану Хоррада Борзина]

Лишь только известье услышал Хосров,
Что из лесу волк устремился на лов,—
Рать вывел такую отважный Бахрам,
Что мраком облечься пришлось небесам,—
Царь молвил Хорраду Борзину: «Сыскать
Путь верный в сем деле тебе лишь под стать.
В Иране разумней ты всех и во вне
И речи искусством владеешь вполне».
Казну отворил он и столько камней
Принес дорогих, поясов и мечей,
Что Хоррад Борзин в изумление впал
И в сердце Йездановo имя призвал.
С дарами направился в Чин, пересек
Джейхун, все ища наилучших дорог.
Вот двери царева дворца перед ним.
К придвернику тут же со словом таким
Идет: доложи, мол, от шаха гонец
С наказом явился к тебе во дворец.
Услышав, хакан обрядить повелел
Чертог и дорогу открыть повелел.
К хакану приблизившись, заговорил
Посол и поклон до земли сотворил.
«Уста отворю,— так промолвил ему,—
Коль дашь повеленье слуге своему».
«Коль сладостна речь,— услыхал он в ответ,—
В грудь старца прольет она юности свет.
Полезное молви. Речь — вроде ядра,
А неизреченная — лишь кожура».
Внимая властителю, Хоррад-Борзин
Припомнил речения древних годин...
Вначале посланец хвалу воздает
Создавшему время и землю, и свод.
Им круг вековой бытия утвержден,
И сильного создал, и слабого он.
Он — силы носитель, нам только служить

И правду Всемощного превозносить.
Иному венец и престол он дает,
Иному лишь рабство да горести шлет —
Сего не любя, не враждуя и с тем,
Вселенной Творец только знает, зачем!
Стать прахом и царь, и слуга рождены,
Все смерти безжалостной обречены.
Творивший дела небывалые Джам,
Благой Тахмурас да воспомнятся нам.
Прославленный далее царь Кей-Кобад,
Владык и воинственных витязей ряд,
Как царь Кей-Хосров или славный Ростем,
Еще Исфандьяр, витязь, памятный всем,—
Не все ли в добычу достались гробам?
Всем яд проглотить довелось, не бальзам!
Твой родич, иранской земли властелин,
С тобою и в счастье и в горе един.
Из тех, чьею славою полнился свет,
Припомни, был Чина хакан его дед.
И ныне меж вас обновляется связь,
Вернувшейся дружбы пора началась.
Да шлет тебе славу Даритель побед,
Венчанные да лобызают твой след!»
Речь льется, внимает посланцу хакан
И молвит: «Ты, знаньем чей ум осиян!
Иран коль имеет подобных тебе,
Петь впору ему славословья судьбе».
К престолу затем подзывает его
И рядом с собою сажает его.
Посол с дозволенья дары предложил,
По счету их все казначею вручил.
Хакан отвечает: «Как всяк человек,
Богатства коль ищешь, владей им весь век!
Дары коль согласен принять от меня,
Приемлю и эти, обычай храня,
Не то всех даров ты светлей, о мудрец,
Всех знающих мира краса и венец!»
Чертог благолепный ему отвели,
Немало богатых одежд принесли.
С хаканом был всюду — с зарей, ввечеру,
На лове, за чашей на шумном пиру.
Все случая ждал он, однажды нашел
И смелые речи с хаканом завел.
Сказал он: «Бахрам из недобрых людей,
Он лютого, знай, Ахримана лютей.
Достойных за блага продать он готов
Ничтожные, те, что не стоят и слов.

Возвысил его венценосный Хормозд,
Почтил и вознес выше солнца и звезд.
Не слышали имени прежде его,
И все же досталось ему торжество.
Сколь много тебе ни творил бы добра,
Настанет его вероломства пора.
Не царь ли Ирана им предан, забыт?
Не чтит венценосцев, Йездана не чтит.
К иранскому шаху его коль пошлешь,
Ты шаха главу до луны вознесешь.
Своим назовешь вслед за Чином Иран,
Где сам пожелаешь, раскинешь ты стан».
Властителя те изумили слова,
Глядеть на Хоррада уж мог он едва.
Ответил: «Таких не веди ты речей,
Не то здесь лишишься ты чести своей.
Не лжец я, и нет вероломства во мне!
Лжецу вероломному место в земле!»
То слово лишь выслушал Хоррад-Борзин,
Постиг: для надежд не осталось причин.
Иран посулил ему, видно, Бахрам,
Под стать моя речь будет ивы плодам...
Когда ожиданья хакан омрачил,
Хоррад упованья к хатун обратил.
Все думал: кого бы сыскать близ нее,
Чтоб тем разрешить затрудненье свое?
Двора ее встретился с ним кетхода,
В беседу вступить довелось, и тогда
Поведал реченья Хосрова ему,
Порадовал сердце неверу тому.
Мне путь, мол, к хатун поскорей проложи,
Меня как дабира принять предложи...
Пособника тут же раздался ответ:
«Не сможешь найти в ней союзницу, нет!
Бахрама как зятя она бережет,
Отсюда и сила его и почет.
Подумай о средстве, ты знаньем ведом,
Но ветер, и тот да не слышит о том!»
Хорраду Борзину советов таких
Не надобно, проку не видит он в них.
Тюрк старый был, имя Колуна носил,
Меж тюрков других презираемым был.
В овчине ходил он, а пищей одно
Служило злосчастному с кешком пшено.
Не в силах о той позабыть он поре,
Как скошен Бахрамом был Макатуре.
Сжигаемый горестью, словно огнем,

Стенал, сокрушался и ночью, и днем.
Был родичем Макатуре, оттого
Отмщения жажда снедала его,
В груди не стихала к Бахраму вражда,
Не молкли проклятья его никогда.
Вот старого Хоррад Борзин поспешил
Призвать, на почетной скамье усадил.
Динаров вручил и дирхемов суму,
Немало дал яств и одежды ему.
Садясь пировать, призывает его,
Со знатными рядом сажает его.
В раздумье глубоком был ночью и днем
Тот муж с проницательным, ясным умом.
Когда же к хакану Хоррад приходил,
Молчание уст неизменно хранил.
Вел речь между тем с кетходою двора;
Хатун снисхожденье привлечь, мол, пора!..
Однажды послу кетхода говорит:
«Коль ты, что познаньями столь знаменит,
Искусством врачебным бы также владел
И славой бы издали этой гремел —
Венцом на главе бы тебя назвала;
К тому же и дочь ее занемогла».
Тот молвил: «И это мне знанье дано,
Велишь — будет пущено в дело оно».
К хатун кетхода, не промедлив, вошел;
Целителя нового я, мол, нашел!..
Та с радостью молвит: «Счастливо живи!
Ни мига не мешкай, сюда призови!»
К Хорраду Борзину придя, говорит:
«Все в тайне тебе сохранять надлежит.
Ступай, только имени не открывай,
Себя за благого врача выдавай».
И тот устремился немедля к хатун,
В больной видит печень больную ведун.
Велит он гранатовый сок принести,
Порея речного пучок принести,
Еще кориандр ему нужен — трава,
От коей утратит свой жар голова.
По воле Йездана семь дней лишь прошло,
И девы лицо словно месяц светло.
Динары хатун из казны принесла
И пять златотканых одежд собрала.
Сказала: «Сей дар не отвергни пустой,
Сверх этого что пожелаешь, открой».
«Оставь у себя,— так ответ ей дает,—
Сам после спрошу, как нужда подойдет».

[*Хоррад Борзин подсылает Колуна к Бахраму Чубине*]

Стал к Мерву Бахрам между тем подступать,
Рать выстроил — перьям фазана под стать.
«Из Чина, Турана,— услышал хакан,—
Никто да не смеет проникнуть в Иран.
О нашем походе услышал бы весть —
Дар этот Хосрову не должно принесть».
Глашатай хакана тогда возгласил:
«На землю Иранскую кто б ни вступил
Без царской печати — рассечь пополам
Велю и за злато сего не продам».
Шел месяц за месяцем, третий истек —
Все тайну Хоррад нерушимо берег.
Колуна зовет, в ожиданье изныв.
На месте почетном его усадив,
Промолвил: «Сам знаешь — пройди хоть весь свет,
Души без заботы и горести нет.
Сколь долго здесь было тебе суждено
Овчину просить да ячмень, да пшено.
Хлеб мягкий с ягненком вкушаешь теперь,
В одежде пристойной шагаешь теперь.
И так ты, и этак на свете живал,
Проклятья и благословенья слыхал,
Дни видел и ночи средь гор и степей.
Час ныне решительный в жизни твоей.
Ждет страшное дело, исход же во мгле:
То ль будешь на троне, то ль в темной земле...
Хакана печать я добуду. Не стой,
Мчись так, чтоб свивалась земля под тобой!
Путь надобно прямо к Бахраму держать,
И долго, знай, в Мерве тебе выжидать.
Вновь черной овчиной себя облечешь,
С собою захватишь отточенный нож.
Бахрамов ты месяц и день соблюди,
В тот день к озаренному славой приди.
Он мыслит тот день для себя роковым,
Немало годов мы блюли это с ним.
Не хочет в тот день многолюдья кругом,
Из чинской парчи облаченья притом.
Скажи, дочь хатун повелела мне весть
Доставить вождю, чья блистательна честь...
С ножом в рукаве обнаженным войди,
Пока одного призовет тебя, жди.
Лишь только в чертог его вступишь, тотчас
Бахраму скажи: от царевны наказ —
Лишь на ухо речи ее говорить

Тебе, от сторонних те речи сокрыть.
Как скажет: «Не медли же, дабы постиг
Я тайну»,— к нему устремись в тот же миг,
Ударом ножа рассеки ему грудь
И после беги, коль отыщется путь.
Коль стон сипехбеда до слуг долетит,
В конюшню один за конем поспешит,
Другой — за ковром, за богатой казной...
Едва ль разразится гроза над тобой!
А если убьют — ты ведь прожил свой век,
И счастье изведал, и бед не избег.
К тому ж совершится отмщенье твое,
Исполнится предназначенье твое.
Но мыслю, опомнятся сразу навряд,
Не сразу же схватят и зло причинят.
А если живым ускользнешь ты от зла —
Весь мир приобрел, хоть цена немала.
В награду и град от владыки возьмешь,
И долю во благах других обретешь».
Услышал Хоррад от Колуна в ответ:
«Теперь не нужны уговор и совет.
Уж к сотне мои подступили года,
Ужель эту ношу влачить мне всегда!
Над телом, душой моей властвуешь ты,
Не ты ли кормилец мой в пору нужды?»
Муж знанья к хатун устремился, едва
Услышал от старого эти слова.
«Пришло мое время! — объявлено ей.—
Внемли, добронравная, просьбе моей.
В Иране моя в заточенье родня,
Тебе отпустить подобало б меня.
Когда бы взяла у хакана печать,
Ты ныне могла бы мне жизнь даровать».
Она: «Время хмелю его усыпить —
Мне глину, что ль, к перстню его приложить?»
Ту глину у Хоррад-Борзина взяла
И к ложу хмельного затем подошла.
Вмиг с перстня сняла отпечаток, и вот
Его обладателю знанья несет.
Ей муж искушенный хваленья воздал,
Вернулся и взятое старому дал.

[*Смерть Бахрама Чубине от руки Колуна*] *

Колун с той печатью, что легкий фазан,
Направился к Мерву, покинув Кушан.
Бахрамова дня терпеливо он ждал —
Воитель злосчастным тот день почитал.

В чертоге с прислужником был он одним,
Гранаты, айва, блюдо яблок пред ним.
К порогу Бахрамову старый спешит,
«Почтенный! — привратнику так говорит.—
Хакановой дочери только гонец,
Не муж родовитый я, знай, не боец.
Женой благонравной доверено мне
Речь тайную славному наедине
Поведать — знать, время пришло ей страдать:
Недужна, готовится матерью стать...
Доложишь, быть может, чтоб тайную весть
Вождю достохвальному смог я принесть».
Привратник достойный пустился бегом
И тут же предстал пред Бахрамом-вождем.
Сказал он: «Недоброго вида посол,
Носящий большую овчину, пришел.
К вождю, мол, любимцу побед, отряжен
С известьем хакановой дочерью он».
Бахрам отвечает: «Посланцу скажи:
У двери палаты себя покажи».
Не мешкая, старый исполнил приказ,
В открытых дверях появился тотчас.
Вождь молвил, увидев, что слаб он и дряхл:
«Посланье вручи, коль имеешь в руках».
«О царь,— отвечает Колун,— только весть
Несу, не могу при других произнесть».
Тот молвил: «Входи, поспеши рассказать,
Мне в ухо шепни, что предлоги искать!»
К Бахраму Колун устремился с ножом,
Злодейства, обмана уж лик обнажен.
Приблизился — на ухо тайну шепнуть,—
Отточенный нож тут вонзается в грудь.
Бахрама предсмертный услышавши стон,
Сбежались к воителю с разных сторон.
Шепнул он: «Скорее схватите его,
Научен был кем, допросите его!»
Все бывшие в доме толпою пришли
И старого за ноги поволокли.
И каждый из слуг, возмущеньем влеком,
Пощечины сыплет, разит кулаком.
Удары терпел, но уста не раскрыл,
С полудня до полночи муки сносил.
Сломали уж руки и ноги его
И, бросив затем на дороге его,
Назад устремились к Бахраму. Кипит
В них сердце и горестью каждый убит.
Вождь раненый кровоточит, и в устах

Тяжелые вздохи, и темь на щеках.
Сестра торопливо к страдальцу идет,
Увидя, в отчаяньи волосы рвет.
В объятия голову брата взяла
И горьких стенаний сдержать не смогла.
Взывала: «О горе, где витязь родной,
Которого лев устрашался степной!
Кто столп и надежду державы сразил,
Кто черным тем замыслом руководил!
Где стран покоритель, гроза храбрецов,
С душой сипехбеда боец из бойцов!
Не чтущий Йездана, не чтущий царя,
Кто ранил великого богатыря!
Гора небывалой досель высоты,
Кем вырван из моря жемчужного ты!
Кто стройный, могучий сей тополь сломал,
Кто сей величавый венец растоптал!
Кто море глубокое в прах окунул,
Кто гору высокую в яму столкнул!
Пришельцы мы, странники, в граде чужом
Без верных друзей, без опоры живем.
Не я ли твердила: о витязей вождь,
Ты верности древо ужель подсечешь!
Из рода Сасана коль дева одна
Пребудет и станет венчанной она —
Увидит у ног преклоненный народ,
Свой славный венец до небес вознесет...
Но вождь увещанью не внял моему,
Благому и верному слову тому.
Раскаешься ныне в деянье своем
И с грешной предстанешь душой пред Творцом.
Злосчастье на род наш великий навлек,
Что овцы мы ныне, а враг — словно волк!»
Лишь раненый слово сестры услыхал,
Всю мудрость ее, правоту распознал.
Сей лик созерцая, что прахом покрыт,
И кровь, что с истерзанных каплет ланит,
Он голосом слабым к ней речь обратил:
«О чистая сердцем сестра! — говорил.—
Я лучших не мог увещаний желать,
Да чаша моя переполнена, знать.
Я в сердце советы твои не впускал
Затем, что советником дива избрал.
Ведь не было выше Джамшида в царях,
Внушавшего миру надежду и страх.
Но дивы раскинули сети ему,
И мир пред собою поверг он во тьму.

Затем Кей-Кавус, миродержец благой,
На землю пришедший под светлой звездой,
Поддался нечистого дива речам,
Столь много он зла причинил себе сам!
На небо поднялся — вертящийся свод
Увидеть, и солнца, и месяца ход...
Смутил и меня тот злокозненный див,
От всякого блага мой дух отвратив.
Я каюсь во всем, что худого творил,
Молю, чтоб Йездан милосердный простил.
Мне так на роду было писано, знать,
Деяния прежние что вспоминать!
Теперь выше темени волны сошлись,
И горе, и радость, как дым, пронеслись.
Так писано было. Коль так суждено,
Добавить, отнять никому не дано.
Забыть о твоих не помыслю словах,
Твои наставленья мне серьги в ушах *.
Свои удержи от укоров уста,
Все минуло — правда и неправота!
Вам взоры к Йездану теперь обращать,
На светлое счастье одно уповать.
Владыка миров да хранит от скорбей,
Скрывайте и радость и боль от людей.
Такой мне на свете достался удел.
Пора уходить! Вижу, срок мой приспел».
Речь к Елан-Сине обращает: «Я рать
Вверяю тебе. Призывай благодать!
С сестрою моей, мудрой этой женой,
Держи ты совет, и не нужен иной.
Едины пребудьте день всякий и час,
И розни вовек да не будет меж вас.
Недолго пребудьте в сей вражьей стране!
Сыт властью, исчезнуть приходится мне.
К Хосрову спешите и, слово сказав,
Услышьте, что скажет владыка держав.
Коль вас удостоит прощения шах,
Да будет вам солнцем, луной в небесах!
Гардую привет мой безмерный и весть
Про все, что стряслось, изложите как есть.
В Иране вам должно меня схоронить
И в Рее Бахрамов дворец разорить.
Мне Чиҥа хакан много задал трудов —
Не слышал его благодарственных слов.
Иначе бы должен отблагодарить,
Чем дива рукою меня поразить.
Но, может быть, также, услышав о сем,

Он в толк не возьмет, говорю я о чем.
Иранцами, знаю, сие свершено
Злодейство, и дьяволом тем внушено».
Затем повелел он дабиру прийти,
Послания строки на лист нанести,
В нем молвить хакану: «Из жизни ушел
Бахрам, удручен, с укоризной ушел.
Ты мною оставленным радость неси,
От вражьих обид, от злодейства спаси.
Ведь я не чинил тебе вовсе вреда,
Искал только правды и блага всегда».
Немало сестре наставлений изрек,
Главу добродетельной к сердцу привлек.
Уста ей к челу приложить лишь успел,
Кровь хлынула в очи, и дух отлетел.
Все плакали горько о витязе том,
Все были томимы тоскою по нем.
О брате ушедшем рыдала, скорбя,
Реченья его повторяла, любя,
Печальная, с сердцем разбитым, сестра.
Табут изготовила из серебра.
В рубаху из шелка одела его;
В парче богатырское тело его,
Оно камфарою осыпано сплошь,
Под нею уже головы не найдешь.
Сей бренной обители видишь пути?
Постигнувши бренность ее, не грусти.
Днем, ночью да будет лишь чаша в руках,
Веселие в сердце и смех на устах...

[*Хакан узнает о смерти Бахрама и истребляет род Колуна*]

Услышал о доле Бахрама хакан
И славы своей он увидел изъян.
Дошло и послание слуху вослед,
Посол говорил, и внимал сипехбед.
От вести той сердце хакана в тисках,
Кровь хлынула в очи, и темь на устах.
В смятенье от дела столь черного впал,
Мужей многоопытных тут же призвал.
Поведал, чем славный постигнут Бахрам,
И каждый внимавший дал волю слезам.
Весь Чин убивался, рыдая, стеня,
От горя сгорая душой без огня.
Хакан злодеянье расследовать стал,
Зачинщика имя узнать пожелал.
В Туране Колун не один был, двоих

Имел сыновей, много также родных.
Как все прояснилось, огонь развели,
Жилище и улицу всю подожгли.
Двух чад его бросить в огонь приказал,
Что было в дому, разграбленью предал.
Постиг, что содеял все это Хоррад,
Всегда он вредить, кознодействовать рад!
Гонцы во все стороны вихрем летят,
Но тщетно — не найден, не схвачен Хоррад!
«Где пес тот зловредный! — твердит, удручен,—
Огню ведь обрек наши головы он».
Затем и хатун, как пришел ее срок,
Он за косы прочь из дворца поволок.
Ее достоянье унес во дворец,
Трудами ее пренебрегши вконец.
И тех, кто ей преданно в Чине служил,
В одежды он синие всех облачил *.
Все дни о Бахраме вздыхал оттого,
Что был обесславлен убившим его.

[*Хосров узнает о гибели Бахрама Чубине и награждает Хоррада Борзина*]

Хоррад пред Хосровом предстать поспешил,
Поведал, что слышал, сказал, совершил.
Ликует владыка — с бедой разлучен,
От недруга грозного освобожден.
Немало он бедным раздал серебра,
Одежды и прочего много добра.
Властителям, каждому из воевод
Послание на пехлевийском он шлет:
Мол, что сотворил Вседержитель благой,
Как был уничтожен соперник тот злой...
Гонца шлет кейсеру владыка владык
С посланьем, достойным того, кто велик.
Повсюду семь дней ликованье одно,
На улице каждой звон струнный, вино.
И храмы Огня поспешил он почтить,
Мобедов седых не забыл наградить.
Хорраду Борзину так вымолвил он:
«Вручить тебе должно б корону и трон!»
Рот жемчугом царским наполнил ему;
Сто тысяч динаров рассыпал к тому
Царя казначей у Хорradовых ног,
Их столько легло, что ступить он не мог!
Царь молвил: «Сошедший с дороги прямой
День ясный увидит подернутым тьмой.
Бахраму-вождю уподобится он,

Что тюрком седым под конец был сражен».
Мобедовых гул славословий звучит:
«Подвластный земли без тебя да не зрит!
Бахрамов конец да постигнет того,
Не дорог кому свет лица твоего!»

[*Послание хакана Гордие сестре Бахрама и ее ответ*]

Вот мщения жажду хакан утолил
И землю всю Чинскую кровью залил.
Помыслил он: «Духом коль муж ослабел,
Благих от него не дождались бы дел.
Бахрам как во славе своей пребывал,
Победы и радости мне даровал —
Почто же для близких героя того
Не сделал по слабости я ничего?
Осудят, об этом узнав, и засим
Не станут уж верить обетам моим.
О сыне его малолетнем забыл,
Заботы о кровных родных не явил.
Обрел через чадо со мною он связь,
Душа его к дружбе, ко благу влеклась».
Немедля он брата родного призвал
И время немалое с ним толковал.
Велит: «Ты Бахрама родных повидай,
Приветствуй, хваления щедро воздай.
Скажи: сам я ныне душою скорблю,
До смерти сей горести не утолю.
Но кровью вражду смыл я с лика страны,
Хвалы и проклятья мне были слышны.
За горе сие пусть отмстить бы я смог,
Пусть мщеньем бы небо на землю совлек —
От воли Йездана никто не уйдет,
Владеющий разумом это поймет.
Такой предназначен был срок для него.
Всё дива коварного здесь колдовство!
Я верен пребуду реченьям своим,
Союзу былому, обетам былым».
Особо посланье писал Гордие.
«О чистая! — молвит посланье сие,—
Сколь ты человечна, правдива всегда,
Всем добрым богата, пороков чужда!
Я долго о доле твоей размышлял,
Ум с сердцем совет неустанно держал.
Себя предлагаю — разумней пути
Не вижу. Дом мудростью мой освети!
Как душу и тело, я стану беречь,

Сей буду обет неустанно беречь.
Впредь будет мой край достояньем твоим,
Дам сердце в залог всем желаньям твоим.
Все помыслы ныне свои собери,
С советником мудрым о них говори.
Увидишь затем, что подскажет уму
Желанье, рассудку поверь своему.
Пусть разум над вашим советом царит.
Поведай мне после, что дух твой решит».
Речь кончил, и брат его ринулся в Мерв —
Так мчалась бы горлинка, с ветки слетев.
Покорность властителю брат оказал,
И вот пред родными Бахрама предстал.
Сказал о хакане, о слове его:
Мол, гневом объят от злодейства того...
«О мудрые! — молвил за этим вослед.—
Мобеды, богатые опытом лет!
Смерть эта была столь нежданна, не в срок,
Кто в мире такое помыслить бы мог!
Пусть вести вам только он добрые шлет,
В благом Судие да обрящет оплот!»
И втайне Бахрама сестре он вручил
Посланье, хакана слова повторил:
О связи, родстве, дружелюбных речах,
О новых и старых благих временах,
О чистой душе, добронравье жены,
С кем беды легки, чьи советы умны...
Послу молодому внимала она,
Молчанье ответом избрала она.
Когда же посланье успела прочесть,
Хакана, того повелителя весть,—
Познания с мудростью соединив,
Ответ на посланье с собой обсудив,
Сказала: «Послание это прочла,
И разум в советники я приняла.
Хакан поступил, как владыкам под стать,
Мужам искушенным, великим под стать.
Всегда бы светить ему нашим очам —
Не он ли помог нам в отмщенье врагам!
Хакан да пребудет всегда невредим,
Венец да гордится и тешится им!
Заботой да не омрачается он,
С надеждой да не разлучается он!
Но должно теперь для совета воссесть,
С мужами послание это прочесть.
Пусть каждый из знатных, богатых умом,
Размыслит, узнав о желании сем.

Плач горький средь нашего рода стоит,
Кто ныне о празднестве заговорит!
Мне, правда, в Иран возвращаться не след,
Пристойней замужества выхода нет.
Но тотчас коль двинусь я к вашей стране,
Что мудрый подумает царь обо мне?
Веселья средь общего горя взыскав,
Ужели явлю целомудренный нрав!
Разумный стыдливой меня не сочтет,
Хакан добродетельной не назовет.
Услышу, чему подобает внимать.
Что мудрые мне пожелают сказать.
Четыре лишь месяца плача пройдут —
Хакану посланье мое привезут.
Все скажет посланье, как только оно
Доверенным будет ему вручено.
Ты ж, весел, теперь восвояси вернись,
К хакану с известьем моим устремись».
Даров от владыки немало обрел,
И, радостный, с Мервом расстался посол.

[*Гордие советуется со своими витязями и бежит из Мерва*]

Воссела младая и мудрая, с ней
Советники, цвет умудренных мужей.
Сказала: «Весть новая принесена,
Вовек не состарится в сердце она.
Посватал меня миродержец хакан.
Зов царский красою речей осиян.
Худого в том нет, он из славных владык,
Вождь рати туранской, отважен, велик.
Предел как отцовским положен был дням,
Растил двадцать лет меня витязь Бахрам.
Кто-либо посватает если меня,
Его голова уж во власти огня.
Из витязей — жив был доколе мой лев —
Кто мог бы помыслить о том, осмелев!
А ныне хакан не из малых царей.
Богатством прославлен и силой своей.
И все же, коль в помыслах ныне его
Вчинить меж иранцев и тюрков родство —
В грядущем от родственной связи такой
Пожнет он печали, утратит покой.
Что от Афрасьяба обрел Сиавуш?
Свет солнечный видел недолго сей муж.
Там голову отдал он с первых же лет,
Тот юный, которому равного нет.

И после что сын сипехбеда творил —
Иран и Туран, скажешь, в прах обратил!
Вы способ найдите от тюрков тайком
Ирану поведать о деле таком.
Гардую посланье уж послано мной,
Заране бедой озаботилась той.
Да скажет царю о мученьях моих,
Поведает о злоключеньях моих.
С подмогой Йездана, услышав о сем,
Суть правую узрит он в слове моем».
«Царица ты,— молвит собранье в ответ,—
Ирану и Чину опора и свет.
Тебя и железным не сдвинуть горам,
Водитель ты доблестным богатырям.
Не ты ль прозорливей ученых мужей,
Не ты ли мудрейших дастуров мудрей.
Мы слуги, покорны веленьям твоим.
Исполниться всем помышленьям твоим!».
Речь выслушав эту, ариза зовет,
В диван водворивши, дирхемы дает.
Выходит и смотр учиняет бойцам,
И тысячу сто шестьдесят она там
Избрала, из коих любой верховой
Десяток осилит, как ринется в бой.
Дирхемы раздавши, в чертог воротясь,
Вождей призывает, дает им наказ:
«Со стременем кто и с уздою знаком,
Того не пугают ни спуск, ни подъем.
Не должно страшиться несчетных врагов,
Коль хлынет из туч даже ливень голов!
Нам должно теперь устремиться в Иран
К царю, кем возглавлен воинственный стан.
В Туране пришельцы мы, нет нам друзей,
Презренье — удел наш средь чинских вождей.
Мы двинемся в путь, как стемнеет, и в сон
Пребудет весь вражеский стан погружен.
За нами помчатся, того и гляди,
Вослед с булавами своими вожди,
В погоню вся пустится чинская рать.
Не должно вам дрогнуть, смятенье познать!
Готовьтесь бестрепетно жизнь положить,
Нагрянут — удары принять и разить.
А если на то в вас решимости нет,
Отсюда и шагу вам делать не след».
Все в голос сказали: «Мы слуги тебе,
От воли твоей не отступим в борьбе».
На том порешили, торопятся встать,

Готовятся с Чином сраженье начать.
С Изедом Гошаспом и с Елан-Сине
Построились, тот и другой на коне.
Всех слово едино: в сражении пасть
Достойней, чем недругу сдаться во власть!
Вот в степь Гордие с караваном спешит,
Верблюдов прогнать пред собою велит.
Три тысячи лучших избравши, приказ
Дает для похода навьючить тотчас.
Тьма ночи спустилась, и вот на коне,
Как витязь, сидит с булавой Гордие,
С булатом воинственных богатырей;
Броня на коне, шлем и панцирь на ней.
Как буря, несется, возглавивши строй,
И солнечным днем, и средь ночи глухой.

[*Хакан посылает Товорга в погоню за Гордие и Гордие убивает его*]

Вопителей часть воротилась с пути,
К хакану решась под защиту прийти.
Такие от брата он слышит слова:
«Владыка воинственный, славных глава!
Строй дерзких помчался к Иранской стране,
Хоть сдавшихся много явилось ко мне.
Тебя за подобный позор осмеет
Навек твое войско, весь чинский народ».
Царь Чина как только услышал о сем,
От гнева лица не осталось на нем.
«Немедля,— промолвил он,— войско построй,
Узнай, беглецы на дороге какой.
Догнав, не являйся суровым сперва,
Пускай только добрые в дело слова.
Неведомы им наш обычай и нрав.
Быть может, наш враг их смутил, запугав *.
Речь мягкую с ними веди, обласкай,
Воспрянуть от великодушия дай.
Но если сразятся, решительным будь,
Отвагу яви, промедленье забудь.
Телами их Мерва усейте поля,
Да станет, что перья фазана, земля!»
В путь выступил вождь, с ним шесть тысяч бойцов
Туранских, искусных в бою храбрецов.
В четвертый лишь день их успели догнать.
Достойная дева, завидевши рать,
Душою нимало не устрашена.
Приходит к сарбану, в тыл войска она,
Обозы как надобно размещены,

Затем обозрела и поле войны.
Вот, брата доспехами облачена,
Садится отважная на скакуна.
Уж строем стоят против строя мужи,
У каждого жизнь на ладони, скажи.
Явился пред войском туранец Товорг,
Кого звал недаром хакан «старый волк».
Иранцев спросил: «Где благая жена?
Не в этом ли славном собранье она?»
Бесстрашная в тяжких доспехах своих
Казалась одним из вождей боевых,
И деву Товорг оттого не узнал.
Коня погоняя, вперед поскакал,
Вновь молвит: «Убитого шаха сестра
Здесь в войске ль? Ее мне увидеть пора.
Ей нечто поведаю наедине
О времени прошлом и нынешнем дне».
«Я здесь,— Гордие раздаются слова,—
В бой ринусь и против свирепого льва!»
Товорг изумился при возгласе том,
Подобную льву на коне боевом
Увидя. Сказал он: «Царь Чина тебя
Избрал среди этого царства, любя,
Чтоб память в твоем ему видеть лице
О доблестном муже, Бахраме-бойце.
Благого немало,— сказал,— предприму,
Коль слову захочешь ты внять моему.
Мчись — молвил.— Еще да прибавится речь:
Моя коль тебе не понравится речь,
Считай, что речений и не было сих,
Что сам я от слов отказался своих.
Вольна ты в супружество здесь не вступать,
Но край мой не должно тебе покидать...
Сие от лица моего предложи,
А коль предложенья не примет, свяжи!»
Пределы возможные все перейдя,
На этом закончились речи вождя.
Ответила дева: «Покинувши строй,
Нам должно теперь удалиться с тобой.
На все, что сказал ты, услышишь ответ,
Пролью в твое сердце желаемый свет».
С дружиной Товорг разлучился тотчас,
К прославленной той устремился тотчас.
Уловкою вдаль одного залучив,
Свой лик из-под темного шлема явпв,
Сказала ему: «Ты Бахрама видал,
За смелость в езде и в бою величал;

В сиротстве мне был он и мать и отец,
Но рано пришел его жизни конец.
Я ныне тебя испытаю в бою,
Яви в поединке мне силу твою!
Скажи, коль женою достойной найдешь,—
Быть может, и мне ты в мужья подойдешь».
Так молвив, пустила коня и вослед
Несется за доблестной Гошасп-Изед.
Приблизилась, тотчас копье занесла,
И панцирь ему, и хребет рассекла.
И рухнул воитель с коня, изнемог;
Под мертвым песок — что кровавый поток.
С бойцами тем временем Елан-Сине
В сражение ринулся на скакуне.
Все чинское войско разбили, как есть,
Убитых и раненых не перечесть.
Еще два фарсанга неслись по пятам,
В седле удержались немногие там.
Вся стала равнина багровой рекой,
Кто без головы, кто во прахе главой.

[*Послание Гордие Гардую*]

Победу стяжав, устремилась в Иран,
К вождю именитых, властителю стран.
Вот стала, достигнув Аму, на привал;
Рой помыслов славную обуревал.
Послание брату слагает, грустна,
Его обо всем извещает она:
«В тот час, как Бахрам, славный вождь боевой,
Тоскуя о брате, расстался с душой.
Он словом приветствовал добрым нас двух,
Вовек не должны огорчать его дух».
И дальше писала: «Благому царю
Ты все повтори, что тебе говорю.
Немало за нами погналось бойцов,
Прославленных богатырей, храбрецов.
Так встретила я именитую рать,
Что впредь не сражаться ей, не пировать!
Немало воителей славных со мной,
Не должно им здесь повстречаться с бедой.
Сижу близ Аму в ожиданье — когда
Ответ принесет мне благая звезда».

[*Хосров казнит Биндуя*
в отмщение за убийство отца]

В покое на троне Хосров восседал.
С тех пор как Бахрам на пути не стоял,

Меж знатных не видел врага властелин,
Кто с ним бы схватился один на один.
Дастуру он верному стал говорить:
«Доколе заветную думу таить!
Убийца отца что ни день предо мной
Проходит, при этом ведь родич он мой.
Какой же владыка спокойно царит,
Коль кровь неотмщенная в сердце бурлит!»
Стол шаху накрыли, вина он испил,
В день тот же Биндуя Хосров заточил.
Советнику молвит затем своему:
«И руки и ноги немедля ему
Вели отрубить. Став безруким, злодей
Вперед убивать не помыслит царей!»
И вот отрубили, и умер тотчас,
К Йездану душа, вся в крови, вознеслась.

[*Гостехем восстает против Хосрова и сватается к Гордие*]

Послал вслед затем он гонца в Хорасан,
И строгий такой был наказ ему дан:
«Дорогою рта не помысли раскрыть,
Отсюда к марзбану ты должен спешить.
Скажи Гостехему: не медли ничуть!
Посланье сие прочитаешь — и в путь!»
И вот, Хорасана достигнув, посол
К довольному участью мужу вошел.
Веленье Парвиза в немногих словах
Поведал: был молод, безжалостен шах.
Гостехм, это выслушав, с разных концов
К себе созывает и строит бойцов.
Амол за Сари, за Амолом Горган —
В том городе славных раскинул он стан;
Там слышит: царь, впавший в неистовый гнев,
Сразил его брата в ночи, захмелев.
Услышал, и грудь он терзает, стеня,
Седло покидает гнедого коня,
Свой рвет богатырский кафтан, и в слезах
Горюет и сыплет на голову прах.
Он понял затем: за отца своего
В отмщенье владыка сразит и его.
В смятенье оттуда помчался назад,
Сказал бы ты, ветер степной ему брат!
Собрал отовсюду бойцов, и верхом
Он к лесу Нарван устремился потом.
Приблизился после к Амольским горам
И стан среди леса раскинул он там.

Набеги во все он концы учинял,
Отмщения жажду не раз утолял.
Кто был пропитанья дневного лишен,
Спешил ради хлеба к нему на поклон.
Куда бы дружину Хосров ни послал,
Как только о том Гостехем узнавал,
Напасть на воителей царских спешил,
Удар сокрушительный им наносил...
Гардуй перед шахом предстал той порой,
Поведал о том, как сестра его бой
С дружиной хакана в пути приняла
И в Мерве их горькой судьбе обрекла.
Услышал в другой стороне между тем
О смерти Бахрама-вождя Гостехем,
И про Гордие, что с дружиною в ночь
Бежала из стана хаканова прочь,
И войску, что мчалось за нею вдогон,
Сколь сильный был ею урон причинен,
В седло посадил он дружину тотчас,
Готовит ей встречу, как ветер помчась,
Узнала о том, и навстречу ему
С бойцами пришла Гордие от Аму.
Дружину вдали увидал и затем
От войска понесся вперед Гостехем.
В печали приблизился он к Гордие,
Ей горесть излил о Бахраме-вожде,
И, кровь отирая с ресниц рукавом,
Бипдуя пред нею оплакал потом.
Изеда Гошаспа и Елан-Сине
Увидел, и нет уж его на коне.
Так, спешась, промолвил: «Бипдуя поверг
Владыка, и мир предо мною померк.
Скажи, не сестры его сыном он был
И кровь за него многократно не лил!
А тот на руках его рад был носить
И жизнь был готов за него положить.
И руки и ноги отсечь у того
Велел во хмелю — вот природа его!
Чего же вам ждать от него, кроме зла?
Скорее бы ива плоды принесла.
Вас всех он и в худшие беды введет —
Уж мясо теперь за бесценок пойдет!
Завидит он издали Елан-Сине,
И, местью дыша, запылает в огне:
Мол, ты при Бахраме был первым вождем,
В чести пребывал и довольстве при нем...
С таким кто спознался, беги лучше прочь!

Клинком только можно тут горю помочь.
Останьтесь, держать станем вместе совет,
Быть может, избегнем губительных бед».
И каждый внимавший тот принял наказ,
Путь, горе сулящий, покинуть решась.
А вождь между тем Гордие ублажал,
Все речь о свершеньях Бахрама держал.
И стала слабеть Гордие от речей,
И в душу закралось недолжное к ней.
Ее окружают, блюдут каждый шаг,
Луч в сердце рассеял томительный мрак.
«Что чтила бы в муже? — у Елан-Сине
Спросил он.— «Узнай, да поведаешь мне».
Ответил он: «Должно мне с ней говорить,
Дух скорбный речами омыть, озарить».
От Елан-Сине услыхала она:
«Мудрейшая ты среди мудрых жена.
Хакана отвергнуть внушил тебе твой
Рассудок — к иранцам ты ближе душой.
Каким же, скажи, Гостехема найдешь?
Он дядя царю, войску славному вождь».
Сказала: «Коль муж из Ирана, наш род,
Я чаю, бесчестия не понесет».
Ее Гостехему дал Елан-Сине.
Муж царского рода, воитель в броне
Ее, словно плод благовонный, берег,
Что рдеет в высотах, не зная тревог.
Воители, что от Хосрова пришли,
Сказал бы ты, новую жизнь обрели.
Лишь только завидит угрозу бойцам,
Спешит их укрыть от опасности сам.

[*Смерть Гостехема от руки Гордие из-за уловки Хосрова и Гардуя*]

Недолгое время затем протекло,
В душе у царя разгорается зло —
Гнев против вождя Гостехема. Сказал
Гардую: «Он в жены теперь ее взял.
Рать сильная их окружает, и мне
Сдается, советчица им Гордие.
Амол обозрев, соглядатай пришел,
Что было сокрыто, до слуха довел».
Речь до ночи длили, а ночь все темней,
Не видят уж более очи мужей.
Светильники вспыхнули, чаши полны...
Как были все лишние удалены,
Вновь двое остались: Гардуй и Хосров,

И возобновилось течение слов.
«Я с ними сражаться,— владыка сказал,—
Немалое войско в Амол посылал.
Изранены, все возвратились назад,
Обида и горе им душу томят.
Здесь может помочь лишь находка одна,
Венцу и престолу доступна она.
С пути когда сбился Бахрам Чубине,
На нашей была Гордие стороне.
И ныне измыслил я средство одно —
Нигде да не станет известно оно.
Посланье хочу написать Гордие,
Струй сладостней винных в небесной стране.
Нам верность, мол, ты сберегала всегда,
И верила, и помогала всегда.
Шло время, за днями дни долгие шли,
Сердечную тайну уста берегли,
Пора говорить наступила теперь.
Гардуй, словно сердце, мне близок, поверь!
Подумай, какое бы средство найти,
Чтоб злого врага моего извести,
Чтоб был уничтожен тобой Гостехем
Ты в сердце и в дом мой вошла бы затем!
Коль это свершишь, для дружины твоей,
Для всех доброхотов твоих и друзей
Пребуду стеной, под защиту возьму,
В обиду, поверь, их не дам никому.
Укажешь, кому — подарю я удел,
Чтоб княжил и тою землею владел.
Тебя приведу в мой чертог золотой,
И будет покончено с прежней враждой.
В том клятву готов принести не одну,
Обеты замком нерушимым замкну».
Ответил Гардуй: «Счастья царской душе!
Нахид будь подобен в созвездье Хуше*!
Ты знаешь — и жизнь, и родных своих чад,
И близких, и отчую землю я рад
Отдать за тебя, не щадя дорогих,
Сколь сердцу б ни дорог был каждый из них.
Я с этою вестью гонца к ней пошлю
И свет в омраченную душу волью.
Посланье прошу — ярче блеска лучей —
Царевой рукою, с печатью твоей.
К сестре отряжу я супругу мою,
Оттуда врага твоего изгоню.
Ведь с делом таким сладит только жена,
При этом коль мудростью одарена.

Все ж вижу, сколь речи ни будут мудры,
Послание нужно твое для сестры.
Достигнешь желанного! Кроме сего
Прибавить, убавить нельзя ничего».
Рад выслушать слово такое Хосров,
Все трудности с ветром сравнить уж готов.
Бумаги принесть казначея послал
И мускус растертый подать приказал.
Посланье слагает, что райский цветник,
Где каждый цветок, словно дружеский лик.
Сплошь клятвы, обеты, признания в нем,
И жалобы, и назидания в нем.
Вот высох унван на послании том,
И мускус печати ложится потом.
Послание также Гардуй написал
И многие в нем наставления дал.
Бахрама дела с первых сказаны строк:
И род, мол, и край он позору обрек.
Йездан да помилует душу его,
Да жертвой не станет греха своего!
В ком дух разумением не одарен,
Не знает ни меры, ни удержу он.
Ушел он, и мы за Бахрамом уйдем,
Пред высшим и праведным встанем судом...
Когда пред тобою супруга моя
Предстанет, свет в сердце речами лия,
Смотри, не отвергни разумный совет.
Отвергнешь — померкнет звезды нашей свет».
В средину посланье Хосрова вложил:
И в тонкий затем его шелк заключил.
Посредница тут же посланья берет,
А в памяти царскую речь бережет.
Вот к лесу Нарван поспешает она.
К жене да посланницей будет жена!...
При виде ее, словно сад по весне,
От радости вся расцвела Гордие.
Сначала все речь о Бахраме вели,
И горькие слезы ручьями текли.
Ей втайне вручила, не медля ничуть,
Царя и супруга посланье, и путь
Явила. Увидев посланье царя,
Помыслила львица: то в небе заря!
С улыбкою молвит: «Такое под стать
Содеять жене, чьих помощников — пять».
Посланье прочла пятерым из вождей,
Сокрыв от других именитых мужей.
Им тайну открывши, обет приняла,

Всем руку, скрепляя союз, подала.
С собою она привела пятерых,
Сокрыла пред опочивальнею их.
Вот свечи погасли, сошла темнота —
Вдруг мужу перстами зажала уста.
На помощь тогда подоспели те пять,
Спешат к изголовью — на страже стоять.
Боролась без устали с мужем хмельным,
Доколь не умолк он и стал недвижим.
И умер в глубокой ночи сипехбед,
Все отдал — и мрак, и полуденный свет...
Стон горести встал среди стен городских,
На улицах, скажешь, и пламя, и вихрь.
Едва услыхала бесстрашная глас,
Немедля в румийский кафтан облеклась.
Иранцев средь ночи она созвала
И долгую речь о погибшем вела,
Затем показала посланье царя;
Те духом воскресли, отвагой горя.
Владыке-воителю славу поют,
Рубиновый дождь на послание льют.

[*Гордие пишет послание Хосрову и Хосров сватается к ней*]

Подносят калям и чернильницу ей,
Воссела в чертоге, в совете мужей.
Готово посланье, прочтет его шах.
О недругах пишет ему и друзьях.
В начале письма восхваляет того,
Кто с сердца злопамятство смыл своего.
И дальше: «Деянье, что шах повелел,
Исполнено, как благодетель хотел.
Рассеять, разбить многомощную рать
Дала нам владыки царей благодать.
С покорностью после свершений таких
Раба твоя ждет повелений твоих».
Послание это к Хосрову пришло
И новую радость ему принесло.
Посланца со сладостной речью сыскал,
Что знанье с высокой звездой сочетал,
Посланье, Аржангу из Чина под стать,
Велит с восхвалений обильных начать.
Достойную в царский дворец призывал,
В посланье короной луны называл...
Вот вихрем примчался посол к Гордие,
Речь царскую молвит ей наедине,
И львица, лишь вести царевой вняла,

Что роза весенней порой, расцвела.
Созвала воителей, мзду раздает,
Наутро с обозом пустилась в поход.
Лишь к царскому граду приблизилась, к ней
Навстречу примчалась дружина мужей.
Вступив во дворец, к венценосцу была
Допущена, сердце в нем теплым нашла.
Дары поднесла в изобилье потом
Ему и вождям именитым при нем.
Сокровищ исполнена всяких, казна
Была казначею царя вручена:
С престолом немало венцов золотых,
Парчи, кушаков и щитов золотых.
Динары, алмазы — владыкам под стать —
Никто бы, должно быть, не смог сосчитать.
Владыка на тополь тот статный глядит;
Лик, словно весна, величав ее вид,
Ланиты, что день, а коса, будто ночь,
Речения уст ее — жемчуг точь в точь.
И царь в шабистан провожает ее,
Всех больше других возвышает ее.
Посланца он к брату ее снарядил,
Дастура притом не забыл, наградил.
Блюдя узаконенный верой устав,
Посватал. Лелеял, в супруги приняв.
Немало вручил для ее пестунов
Динаров, дирхемов и прочих даров.

[*Гордие являет свое искусство перед Хосровом*]

Прошло две недели, шах молвит, любя:
«Я солнцем, луной заклинаю тебя,
Венцом и престолом — ты мне расскажи,
Притом опояшась, как в битве мужи,
О битве с хакановым войском». В ответ
Сказала: «Вовек да не меркнет твой свет!
Доставить вели скакуна под седлом,
Доспехи воителя — панцирь, шелом,
Копье богатырское, крепкий аркан
И стрелами туго набитый колчан».
Велит властелин одному из рабов:
«Пир царский да будет в Гольшане готов».
Тотчас расторопные слуги пришли,
Рабы из Туранской, Румийской земли
И тысяча двести красавиц; ноге,
Уж негде, ты скажешь, ступить в цветнике.
Ширин солнцеликой явиться пора,

Чьи ноги подобны столпам серебра.
С сиденья поднявшись, сжимая в руке
Стальное копье, в боевом кушаке
Предстала затем Гордие пред царем:
Мне тюркский, мол, панцирь, румийский шелом!
«Будь мудр,— пред властителем произнесла,—
Будь зорок душой, удаляйся от зла!»
Приветствует славную царь. Меж коней
Избрать вороного повелено ей.
Опорой копье утвердив на земле,
Взлетевши, как вихрь, очутилась в седле.
Сад в поле борьбы обратила она,
То вправо, то влево гнала скакуна.
Носился он по полю, быстр и могуч,
И клич ее бранный взлетал выше туч.
Услышал Хосров: «Так я билась, как волк,
В тот час, как противником был мне Товорг».
Тут молвит Ширин: «О владыка страны,
Врагу доверяешь оружье войны!
Кровь брата убитого ей не забыть,
Страшусь, как бы хитрой тебя не сгубить!
Блистаешь убором на троне златом,
Путь к шаху открыт ей и ночью и днем».
С улыбкой ответил на то властелин:
«Здесь дружбу одну лишь увидит Ширин».
Вот с поля примчалась, как вихрь, Гордие,
Хосров возглашает: «Жить в славе тебе!»
Сказала: «Коль недруг владыки любой
На поле явился бы здесь предо мной,
С коня и его бы мгновенно сняла
Вот так же, как сброшен Товорг был с седла».
Дивится ей, любо царю созерцать
Те руки и плечи, и силу, и стать.
Отважной владыка промолвил затем:
«О ты, что себя не печалишь ничем!
Теперь погляжу, против чаши вина
Окажешься ныне слаба иль сильна?»
И чашу, налитую царским вином,
Жена-богатырь принимает потом,
Та, коей был сам Ахриман устрашен;
Взор витязя каждого к ней обращен.
Всю разом за здравье вождя испила,
Родник осушить золотистый смогла.
Дивится деяньям ее сипехбед.
Сказал: «О бесстрашная, месяца свет!
На нашей земле среди ночи и дня
Четыре вождя охраняют меня.

Двенадцать у каждого тысяч бойцов,
Готовых к войне верховых храбрецов.
Хочу, чтоб в чертоге моем золотом,
В чертоге алмазноузорном моем
Прекрасных рабынь десять сотен и две,
В серьгах, в ожерельях, служили тебе.
Отныне их страж, покровитель их — ты,
Друг всех приближенных, хранитель их — ты.
Не дам говорить о чьей-либо судьбе
Ни старым, ни юным, одной лишь тебе».
Ту выслушав речь, Гордие расцвела,
Защиту от недругов всех обрела.
Пав наземь, почтила царя благодать,
Хваления не устает воздавать.

[*О причине разорения города Рей*]

Немалое время затем протекло,
Звезда властелина сияла светло.
Однажды со знатными он пировал,
С мобедами чашу вина поднимал.
На чаше наполненной имя «Бахрам»
Увидели все пировавшие там.
Ту чашу на землю повергнуть велев,
Царь дал им излить накопившийся гнев.
Проклятья Бахраму почившему шлют,
И чаше, и чашу лепившему шлют.
Царь молвит: «Округу всю с городом Рей
Затопчут пусть ноги слонов поскорей!
Всех в бегство оттуда пускай обратят,
В пустыню цветущий тот край обратят».
Речь слышит дастура достойного шах:
«О славный, о память о прошлых царях!
Рей — город огромный, не след забывать.
Слонам его под ноги можно ль бросать!
Сего не одобрит Йездан и к тому ж
Осудит сие каждый праведный муж».
Дастуру ответил на то властелин:
«Тут надобен муж худородный: один,
Без близких, невежда со злым языком —
Марзбаном да станет он в городе том».
Промолвил дастур: «Опиши, каково
Должно быть обличье злонравца того.
Я стану искать и такого найду,
Его с провожатым к тебе приведу».
«Да будет,— Хосров отвечал на вопрос,—
Болтлив, неудачлив и рыжеволос,
Желт ликом, уродлив и с носом кривым,

Мал ростом, зломыслен, тревогой томим,
Нечестен, коварен, без света в очах,
Злопамятен, с ложью всегда на устах,
И красны глаза, и не зубы — клыки,
И волчьим подобны кривые шаги».
Такой — удивлялись мобеды — к чему?
Что замысел этот внушило ему?...
Искать принимается каждый из них,
Искали меж знатных и между простых.
И некто однажды пред шахом предстал:
«В дороге нашел я такого,— сказал,—
Повел его тотчас к владыке царей,
Да будет он послан мобедами в Рей».
За ним повелел венценосец пойти
И с улицы тут же его привести.
Взирает Хосров на пришельца того,
Смеется над краем и родом его.
«Дурные дела, о лишенный мозгов,
Какие творил?» — вопрошает Хосров.
«Дурные дела,— услыхал он в ответ,—
Творю непрестанно, ведь разума нет.
Одно говорю, а другое творю,
Сердца вопрошающих кровью багрю.
Одна только ложь у меня за душой,
До правды могу ль дотянуться рукой!
Кому бы обет ни давал — нарушал,
Ростки благородства не раз растоптал».
Хосров отвечает: «Так пусть никогда
Иного тебе не дарует звезда!»
И вот уж диваном маншур ему дан,
За низость высокий добыл себе сан.
Горсть воинов жалких ему поручил,
И низкое имя носящий отбыл.
В Рей прибыл уродливый муж и тотчас
Страх божий отбросил от сердца и глаз.
Все с кровель сорвать желоба повелел,
Той злобною радостью сердце согрел.
Всех кошек в домах истребил вслед за тем,
Хозяев сердца омрачивши совсем.
Везде с провожатыми он разъезжал,
Глашатай, скакавший пред ним, возглашал:
«Где желоб моим ни предстанет глазам,
Где кошку в дому ни увижу я, там
Селения все повелю я сжигать,
На месте их груды камней воздвигать!»
Где только дирхем хоть один замечал,
Его обладателя в муки ввергал.

Жилища уж стали бросать в маяте,
Края покидали цветущие те.
Дождь хлыпет — единого желоба нет,
И стражей пропал в целом городе след.
От злого того нечестивца, что в Рей
Был послан Хосровом, владыкой царей,
Разрушился тот обитаемый град,
Всех солнца лучи беспощадно палят.
Нет счета страданьям у града всего,
Никто в целом мире не вспомнит его.

[*Гордие устраивает потеху для Хосрова, и он дарит ей город Рей*]

Так было, пока наступил Фарвардин.
Цветами покрылись просторы долин,
И росы, что слезы, повсюду блестят,
И склоны окутал из маков наряд,
И стал каждый холм, словно тигра спина,
Равнина с парчою румийской равна,
В садах потешается играми знать,
И любо косулям по кручам скакать.
Дверь сада открытою видит Хосров
И уток, плывущих по глади прудов,—
Ударить велит в громозвучный кимвал,
Сосуды с халуком * принесть приказал.
Воссели на травах, спросили вина,
Веселая речь отовсюду слышна *.
Из Рея к Гардую гонец прискакал,
О бедствиях града того рассказал.
От жалости стало Гардую невмочь;
Раздумью предался — как горю помочь.
И молвил он так, повидавшись с сестрой:
«Ты это известье от шаха не скрой.
Подумай, не сыщешь ли средство, чтоб шах
От сердца раскаялся в этих делах».
Пришла Гордие с шаловливым котом,
И вот на младенца похожий во всем
Привязан к коню с золотою уздой,
Дивящей алмазов бессценных игрой,
Златые сережки в ушах у него,
Тюльпаны на всех коготках у него.
Сам светел, глаза пуще смоли черны,
Истомою, что у хмельного, полны.
Вкруг сада, что отрок, погнал скакуна,
Златые висят по бокам стремена.
Наполнил уста повелителя смех,
На лицах от этого радость у всех.

«О чистая сердцем! — сказал Гордие,—
Поведай теперь, что желанно тебе».
Ему хитроумная молвит в ответ:
«Владыка, которому равного нет!
О милости вспомни, мне Рей подари,
Надеждой несчастных сердца озари.
Презренного с Реем вели разлучить,
Злодейство и гнусность его обличить.
Всех кошек в домах перебил и котов,
Жилища людские лишил желобов!»
Смеется владыка подруги словам:
«Шалунья, несущая гибель врагам!
И град, и селенья — отныне твои,
Туда добронравного мужа пошли.
Назад отзови нечестивца скорей,
От беса того да избавится Рей».
Все множилось, крепло ее торжество
Под сенью державного древа того.

[*Хосров разделяет свое царство и посылает войска к границам Ирана*]

Как царь свою руку повсюду простер,
Стал другом ему всей державы простор.
И в подданных всех он царей обратил
И всех своих подданных обогатил.
В стране сорок восемь он тысяч бойцов
Избрал, закаленных в войне храбрецов.
Старинных сокровищ ларцы отворил,
Что царь-победитель Кобад накопил,
И делит державу на части: частей
Четыре, все грады помянуты в ней.
Из витязей тех десять тысяч и две
Разящих мечами, искусных в езде
В Румийскую землю отправил Хосров,
Цветущий тот край да хранят от врагов,
Притом, чтоб из Рума в Иран не вошли
Дружины, край гибели не обрекли,
Чтоб всяк рубежей очертания знал,
Свой край и свое достояние знал.
Еще десять тысяч и две силачей,
Готовых на подвиги богатырей
В далекий отправились Забулистан,
Покинув цветник, в черный двинулись стан.
Наказывал им: «Кто собьется с пути,
Не сможет и долг свой, и место блюсти,
Пусть мягкостью дух вразумится его,
Отринет — в оковы, в темницу его!

Везде соглядатаев должно держать,
Чтоб тайным ничто не могло пребывать.
Дозоры меняйте и ночью и днем,
Без стражей не будьте окованы сном».
Двенадцать призвал еще тысяч других
Мужей, искушенных в делах боевых.
Немало благих наставлений им дал,
В путь к землям аланов немедля послал,
Заката рубеж поручил ограждать,
В страну да не вторгнется чуждая рать.
«Все бдительны будьте,— так молвил вождям,—
Да будет Создатель опорою вам!»
Еще отобрав десять тысяч и две
Испытанных воинов, рьяных в борьбе,
Послал от врагов охранять Хорасан,
Им также наказ повелителем дан:
«От Чинского края до края Хайтал
Никто чтоб рубеж перейти не дерзал
Без ведома шаха и ежели нет
На то дозволенья. Да помнят обет!
Богата ведь каждая область моя,
Нет нужды в далекие мчаться края.
Просите в беде, и любого спасет
Казна. Вразумляйтесь, не знайте забот!»
Сокровищниц двери затем отворя,
Дирхемы — наследье Хормозда-царя —
В нужде о спасенье взывавшим вручал,
Но больше — нужду прикрывавшим вручал.
Все, коих имел под началом Биндуй,
Кого научали Гостехм и Зангуй,
Повинные в крови царева отца,
Кровавого не избежали конца.
Покончив с возмездьем, враждою былой
Царь помыслы отдал заботе иной.
Длил ночью и днем неустанный свой труд,
Пока поделил на четыре свой люд.
Мобеды — вот первая четверть. Слова
Благие хранила у них голова.
Про все, что свершается в войске, в стране,
При всех сообщали иль наедине.
Как только заметят, что царству урон
Вождем ли, подвластным ли кем нанесен,
Под сень правосудия тут же зовут,
Расследуют, истину всю узнают.
Другая же четверть — мужи-игрецы,
Веселье дарящие знатным певцы;
Не видят худого, о зле помышлять

Не любят, как всем благородным под стать.
А четверти третьей — моленья творить,
Создателю мира хваленья творить.
Четвертая — свода знаток самого:
Что в небе, зачем и по скольку чего.
Премудрый всегда при царе звездочет,
Что знанья путем неуклонно ведет.
Пирует, покончив с разделом таким,
Полночи, Тераза красавицы с ним *.
И также он месяц решил поделить,
Все радости жизни дабы ощутить.
И первая четверть — майдан и човган,
Муж рядом, какому дар ловкости дан.
Другая же четверть — степь, горы и лов,
От коего мир, скажешь, делался нов.
Когда возвращался с охоты домой
Сияющим днем иль порою ночной,
То каждый из тех, чей достаток немал,
Богато властителя путь украшал.
Для нард и шатранджа тут следовал час,
Беседа о битвах минувших велась.
А третья — носившему знанья печать,
Умевшему сказы слагать, распевать.
Усаживал поочередно таких,
Внимал песнопеньям о летах былых.
В четвертый — посланников разных держав
К царю допускали, с дороги призвав.
Посланье ответное после писал,
Послу благородному тут же вручал.
С дарами, довольный достигнутым всем,
К себе возвращался посланник затем.
И грамоты также писал он в те дни,
Владыкам уделов вручались они.
Как нового года придет Фарвардин,
В сердцах светом веры блеснет Фарвардин,
Клад новый Хосров в тайнике укрывал,
О коем никто из подвластных не знал.
Так царствовал пять над державой годов.
И равных на свете не ведал Хосров.
Кейсерова дочь ему дарит в шестой
Дитя, что, как месяц, дивит красотой.
Обычай в ту пору не нынешний был:
Возросшего в холе намаз не будил *.
Родитель дал имя младенцу одно
Открыто, другое же втайне дано.
Сокрытое на ухо сыну шепнул,
Другое же громко при всех помянул.

Кобад — так он шепотом сыну сказал,
Шируй благодатный — при людях назвал.
Как ночи наставшей три стражи прошло,
Большое созвал звездочетов число
И стал вопрошать звездочетов Хосров:
«О воле светил кто поведать готов?
Что видели, слово таблиц каково?
В грядущем что ждет миродержца сего?»
На то звездочет отвечает ему:
«Противиться небу невмочь никому.
От этого сына в край смута придет,
Любви он у войска в сердцах не найдет.
С Йезданова также свернет он пути,
В пророчествах дальше дерзнем ли пойти?»
Душой омрачился державы глава,
Услышав зловещие эти слова.
Тому тайновидцу промолвил Хосров:
«Поглубже вникайте в значения слов.
Обмолвиться да не дерзнет ваш язык
О сем ни пред кем из иранских владык!»
И тайну мудрец нерушимо хранил,
И свиток под шахской печатью сокрыл.
Царь сумрачен от предсказанья того,
Семь дней не впускает к себе никого.
Ни ловли не ищет, ни шумных пиров,
Лик царский нигде не являет Хосров.
Вот знатные все у мобеда сошлись,
И всяким догадкам они предались:
Мол, что приключилось с великим царем,
Коль подданным вовсе закрыл он прием?...
Об этом услышав, к царю поспешил
Мобед, и вопросы мужей изложил.
И вот что мобеду ответствовал он:
«Немилостью рока мой дух удручен.
С тех пор как внимал звездочета словам,
Забыл благодарности долг небесам».
Зовет казначея и вынес он шелк,
И тайную запись оттуда извлек.
Из рук казначея мобед ее взял,
Прочтя, опечалился, долго молчал.
Промолвил затем: «Нам довольно Творца,
Превыше он знаний любых мудреца.
А коль неуклонно вертящийся свод
Вдруг новый к взыскующим лик обернет,
Тревожась, мы путь преградим ли беде?
Лишен разуменья, кто скажет сие.
О том, что поведали, не вспоминай,

Одной только радости сердце предай.
Опорой твоей да пребудет Йездан,
Да будешь счастливой звездой осиян!»
В ответ улыбнулся, ту речь услыхав,
И новое дело владыка держав
Задумал. Дабира он тут же зовет
И долгие с мудрым беседы ведет.

[Послание Хосрова кейсеру и ответ кейсера с просьбой возвратить крест Христов]

Посланье кейсеру велит написать:
Венец возложи, мол, величью под стать!
На свет чудо-сына Марьям родила
Его красота, словно месяц, светла.
Достоин и счастья, и мудрости он,
Ему подобают и щедрость, и трон.
Возрадуйся так же, как радостен я,
Счастливого ты заслужил бытия!..
Кейсер лишь посланье успел прочитать,
Увидел владыки Парвиза печать,
Дал знак, дабы грянули трубы, и Рум
Наполнил тотчас ликования шум.
Пути, бездорожье — куда ни пойдешь,
Все в честь Шируйе * разукрашено сплошь.
Пирует от края до края весь град,
Звучат песнопения, струны гремят.
Крестами уставлен дворец, разлилось
Вокруг благовонье курений и роз.
Семь дней не смолкало веселье везде
Во славу потомка царей Шируйе.
В восьмой повелел, чтоб доставил сарбан
К воротам царева дворца караван.
Динары велит на пятидесяти,
Дирхемы — на сотне верблюдов везти;
Две сотни — с одеждой румийской парчи,
Где нитей, опричь золотых, не ищи;
Да сорок столов на опорах златых —
Достойны такие царей лишь одних.
Из золота, из серебра ли зверят,
Алмазы в глазах и на грудках горят.
Бесценный алмаз для Марьям не один
Был послан, из золота также павлин;
Одежды тончайших румийских шелков;
Сосуд — весь из золота и жемчугов;
Динары — их тысячи тысяч; страны
Четырежды взятая дань для казны.

В путь сорок выходят румийских мужей
Прославленных, каждый другого мудрей.
Главою им стал Ханеги, по уму
И доблести не было равных ему.
С погонщиком он караваны ведет,
Динары везущие, десять им счет.
Известье когда услыхал Парвиз-шах
О тех, от кейсера прибывших послах,
Фарруху седлать повелел он коня,
В марзбане том преданность шаху ценя.
В Нимрузе бойцов предводителем был,
Достойным и доблестным витязем слыл.
Повел он воинственных всадников строй,
На каждом сверкает кулах золотой.
Лишь издали строй Ханеги увидал,
Немедля навстречу ему поскакал.
Все вместе к царю понеслись наконец,
И вот уж в прославленный входят дворец.
Пленительный лик властелина держав,
Его светозарный чертог увидав,
Склонились почтительно все до земли,
Хваленья владыке тому вознесли.
Пав ниц, Ханеги славословья творит:
«О царь правосудный, благой! — говорит,—
Да благословит Вседержитель тебя,
И царство, и счастье дарует, любя!»
Тут с места мужи-царедворцы встают,
Ему близ властителя место дают.
И вновь говорит Ханеги: «Властелин!
Тебя превзойдет ли мудрец хоть один!
Сияешь небесного солнца светлей,
Речь духа и та не сравнится с твоей.
С державой твои да пребудут труды,
Да узришь ты жизни благие плоды!
Всевластье твое будь — и больше ничье!
На солнце написано имя твое.
Стране без короны твоей да не быть,
Без этих отважных вождей да не быть!
Привет от кейсера, от нас похвала
Земли властелину, чья слава светла!
Кто царской не чтит твоей сени, тому
Луча не узреть, погрузиться во тьму.
С дарами я, с данью румийской пришел,
К отрадной земле пехлевийской пришел.
Везут их философы Рума к тому,
В обиде на нас да не быть никому,
Да примешь кейсерову дань и дары.

Под стать славословьям даянья щедры!»
Улыбкой дарит краснослова того
Владыка, с почетом сажает его.
В казну приказал подношенья послать,
Сказав: «Не должны бы себя утруждать!»
Хорраду Борзину так вымолвил шах:
«Посланье сие прочитай при вождях».
Взглянул на унван многоопытный муж,
Богатый умом, красноречьем к тому ж:
«Посланье сие,— так слова полились,—
Да примет Создателя чтущий Парвиз,
Шах, разумом бодрый, надежда страны,
Чье царство и мудрость Йезданом даны,
Тот царь, чей Хормозд венценосный отец,
Кому подобают престол и венец,—
От нас, от кейсера, чей доблестен род,
Чье имя да славится, счастье цветет!
Велик да пребудешь и непобедим,
Весь край твой да будет Новрузом одним!
Иран и Туран видишь в длани своей,
И равных не видишь себе средь царей,
Век радостен сердцем и светел душой,
Премудростью — старец, но с юной звездой,
Владыка, чьи предки — благой Кеюмарс
И славный Хушанг, и мудрец Тахмурас.
От дедов к отцам, к сыновьям от отцов,
Да будет сей род вечно молод и нов!
Его да спасает Творца благодать,
Да славят учители веры и знать!
Ты весь — человечность, весь — правда, всегда
Душа твоя злу неизменно чужда.
Нет всадника ловче, нет краше весны.
Нет росписи ярче у чинской стены
Чем ты, властелин! Хинд, Иран, не-Иран,
И Рум, и Земля колдунов *, и Туран —
Повсюду Йезданом твой род утвержден,
Рожден ты на свет от чистейшей из жен.
Когда Фаридун край иранский вручил
Ираджу — Рум с Чином величья лишил —
Отцом воздана была сыну хвала,
Омывшая сердце от мрака и зла.
Удачу, счастливой звезды торжество,
И царство, и мужество, и волшебство
Лишь вам, ты сказал бы, Йездан даровал,
Мужами никто бы других не назвал.
Искусств покровитель, даритель щедрот,—
Еще никого не обидел сей род.

Дань платят им, подати платят враги,
Под ношею недруги, словно быки.
Владыкой когда Нушинван был Кесра,—
Да будет душа его вечно бодра
Затем, что подобный ему властелин
Еще не вставал меж царей ни один —
Глубокое море осилил. В волнах
Вал мощный воздвиг тот недремлющий шах.
Избавлены жители чащи Нарван
От тюрков, покой вожделенный им дан.
Изгнал супостатов из края всего,
Простые и знатные славят его.
Арабы, иранцы и хинды, все чтут,
Ему, препоясавшись, верность несут.
От Чинского моря до града хазар,
От Арминие до путей на Бахтар *,
Будь Чач, Самарканд, иль Хайтал и Туран —
Повсюду, величием кто осиян,
Все слугами были иранским царям,
Себя признавали подвластными вам.
Цари — Фаридуна потомки одни,
Другие не вправе царить искони.
И ныне союзу, в который вступил,
Тому, что возвысил меня, умудрил,
Так рад я, как жаждущий — светлым ручьям,
Иль всход зеленеющий — солнца лучам.
Да будет Создатель споспешник того,
Чтоб сердца желанье сбылось моего.
Прошенье хочу я к тебе обратить,
Владыке не трудно его воплотить.
В казне твоей крест Иисусов, о шах! *
Увидев, ты истину узришь в словах.
Уж многие годы хранится он там,
Тебе подобает вернуть его нам.
У нас, коль исполнит сие властелин,
И знать возликует, и простолюдин,
И станет земля славословий полна:
Мол, миром да правит во все времена!
Тебя не устал бы я благодарить,
До света мольбы за тебя возносить.
Прими все, что вышлю во множестве я,—
Тем больше признательность будет моя.
Молю, чтобы скорби ты всякой избег,
Лиц вражеских да не увидишь вовек!
И благословится обряд наш, во мгле
Свет веры моей воссияет земле.
И пост воскресенья священный блюдя *,

Всех таинств устав неизменный блюдя,
Повергнемся перед распятьем благим
И жечь благовония станем пред ним,
И наши сердца убедятся тогда,
Что изгнана вами из сердца вражда,
Пылавшая от Фаридуновых лет,
От Тура и Сальма чей тянется след,
И наша земля наконец отдохнет
От многих набегов, от бранных невзгод.
Ведь жен и детей увозили в Иран,
Мы сердцем каких не изведали ран!
На землю родство наше мир принесло,
Любовью и милостью изгнано зло.
Тебя да почтит Вседержитель благой,
Земля да почтит твое имя хвалой!»
И вот уже строки окончили течь.
Как выслушал столь дружелюбную речь,
Порадован царь был посланьем таким —
Былое, скажи, обновилось пред ним.
Немало хвалений воздав Ханеги,
Ему говорит: «Отчужденья беги!»
Чертоги достойные отведены
Посланцу: два светлых айвана даны
И все, что из благ подобало отнесть,
Несут воплотившему разум и честь.
Пришел и прекрасный чертог увидал
И после всегда при царе пребывал.
На лове, в собранье, в застольях дворца —
Повсюду с владыкою, чтившим Творца,
Был рядом. К концу уже месяц идет,
Все радостны сердцем, мир в каждом живет.

[*Ответное послание кейсеру от Хосрова Парвиза*]

Как месяц прошел, написал он в ответ
Письмо, излучавшее разум и свет.
Так начал: «Тот общей достоин хвалы,
В ком чистое сердце, чьи мысли светлы,
Кто в счастье и в горе с Йезданом благим,
И ведает страх перед ним лишь одним,
Кто денно и нощно хвалу воздает
Создавшему Солнце и сей небосвод.
Вначале о дружбе, что мне ты явил,—
В посланье меня похвалами почтил.
Я понял тебя и словам твоим рад,
Разумные, славные так говорят.
Дары твои принял. Жалею, любя,

Что столь утруждаешь ты много себя.
О славный, недаром Создатель благой
Край выше вознес твой, чем свод голубой.
Что Чин и Хазар, или Хинд и Саклаб!
Их слава сравниться с твоей не могла б.
И знанье, и вера, и доблесть... На вас
Йездана во всем благодать пролилась!
На зов мой ты в пору нужды поспешал,
И многое мудро в подмогу свершал.
Горжусь я немало союзом благим
С чистейшим, достойнейшим чадом твоим,—
Так чадом родным не гордился бы муж,
Землею родною и родом к тому ж.
Цари, с наступлением черного дня,
Презрели, покинули в горе меня.
Лишь ты мне родного отца заменил,
Мне больше, чем даже родитель, ты был.
И ныне я чтить тебя стану, как тот,
Кому меж владык дан отец-доброхот.
И все, что про пост воскресенья сказал,
Про веру и благословенье сказал,
Как есть, прочитал мне дабиров глава.
Достойные, близкие сердцу слова!
Но вера отцов — не бесчестие все ж.
Где лучше Хушанговой веру найдешь?
Чтут правду и совесть, любовь и добро,
И знаки небес исчисляют хитро.
Учу справедливости душу мою,
Йезданово лишь бытие признаю.
Нет равных ему, ни четы, ни родни,
Не ищет убежища он искони.
Мысль божью душа не вмещает моя,
Творец меня водит стезей бытия.
Ты дальше сказал о Христовом кресте *,
Припомнив годины старинные те.
Коль зиждется вера на благе, она
Да будет и разумом озарена!
Тому, кто в печали живет, в маяте
Затем, что распят был пророк на кресте *
Кто скажет, что сыном он божиим был,
С улыбкой на смертный тот крест восходил?
Но сын коль вознесся к отцу своему —
Ты мысль не привязывай к древу тому!
Бессмыслицу если кейсер изречет,
Насмешки седых на себя навлечет.
Взяв крест Иисуса, хранили его *
Цари, но не стоил усердья того.

Коль Руму полено подарит Иран,
Посмешищем стану подвластных мне стран.
Помыслят мои мудрецы, что и сам
Я веры христовой, что ради Марьям
Епископом стал. Все иное просить
Ты можешь, дорогу не мыслю закрыть.
По сердцу пришлись мне даянья твои,
Ценю я труды и старанья твои.
Плоды их Ширую отдать я хочу,
Сокровище новое сыну вручу.
Иран у меня в помышленьях и Рум,
Нет в темной ночи избавленья от дум.
Боюсь: как Шируй возмужает, изъян
Твой Рум понесет, пострадает Иран.
Сальм гордый начало вражде положил,
Ее Искендер, старыи волк, распалил.
О прошлой вражде, обновленной вражде,
Страшусь, не начаться бы толкам везде.
О дочери если ты слов наконец
Желаешь — украсила, знай, твой венец.
Усердия к вере Христовой полна,
И нашим призывам не внемлет она.
В покое живет и в веселье, и с ней
Тот юный блистательный отпрыск царей.
С тобой Вседержитель да будет всегда,
Твоя да сияет благая звезда!»
Легла на посланье царева печать,
Хорраду Борзину ее сохранять.
Затем властелина раскрылась казна,
Что долгие он собирал времена.
Доставлены сто шестьдесят бендавси *,
Какие зовут пайдавси на фарси.
Алмазами туго набиты они,
Под царской печатью зашиты они.
Любому сто тысяч дирхемов цена,
В тетради властителя занесена.
Сто тысяч там было штук чинской парчи,
Часть коих таила алмазов лучи.
Пять сотен жемчужин такой чистоты,
Что скажет взглянувший — то капли воды!
Гранату под стать лалов сто шестьдесят —
Такие, что знающих дело дивят;
Немало из Мисра, Шуштера одежд,
Из Чипа, из Хинда, Бербера одежд;
Из каждого края изделия — те,
Подобных которым не сыщешь нигде.
Нош собрано триста верблюжьих, и вот

Хосров их кейсеру преславному шлет.
Почтен Ханеги щедрым даром таким,
Какого ни близким дарят, ни чужим.
Престол ему дал и с уздой скакуна
Одежды, уборы — на всех имена.
Немалые ноши верблюды везут,
Один под вьюками динаров верблюд.
Философов золотом царь одарил,
Немало добра и другого вручил.
И не уставала хвалы воздавать
Владыке державы иранская знать.
Теперь обновлю я сказ древних годин,
Его назову я «Хосров и Ширин».

[СКАЗ О ХОСРОВЕ И ШИРИН] *

Состарилась книга о прошлых годах,
О подвигах славных, о мудрых словах.
Я равную новую книгу создам,
Воздвигну, великие, памятник вам.
Стихов двести тысяч в ней да шестьдесят,
Достойных привлечь благодетеля взгляд.
Кто видывал книгу досель на фарси
Хотя бы в три тысячи бейтов, спроси!
Здесь ищущий бейты плохие, найдет
Не более, мыслится мне, пятисот.
Владыка, что сердцем столь щедр и велик,
Сияющий в мире средь прочих владык,
Не глянул на сказы, что сложены мной,—
Навет злоречивых, злосчастье виной!
Завистник злоречие в дело пустил,
Мой труд перед славным царем очернил.
Коль царский везир добрый стих за стихом
Прочтет и оценит их ясным умом,
За труд из казны награжден буду им.
От злобы злонравных да будет храним!
Он слово владыке замолвит, я чай,
Быть может, увижу трудов урожай.
Да здравствует царь до скончания дней,
Да блещет звезда его солнца светлей!
Сказал престарелый, премудрый дихкан:
Нам, людям, в подмогу свет знания дан.
Изведать и радость нам должно и боль,
Отведать и сладость, и горечь, и соль.
Искусными юношам знатным не стать,
Коль трудностей им не дано испытать...
Во дни, как был молод отважный Парвиз,—
Тогда еще длилась родителя жизнь,—

Ширин ему ближе была всех людей,
Подругой, что светлых дороже очей.
Ее лишь любил и лелеял, презрев
Знатнейших, красою прославленных дев.
Когда же державы он стал властелин,
Пришлось разлучиться в ту пору с Ширин.
Покоя не зная, носясь по стране,
Всегда пребывая с Бахрамом в войне,
Хосров уж не помнил о друге своем,
Красавица плакала ночью и днем.

[*Хосров едет на охоту, видит Ширин и посылает ее в свой шабистан*]

Почувствовал как-то владыка Хосров
Желание в степь устремиться на лов.
Готовиться стал, как владетельный царь,
Какие державою правили встарь.
Шли триста коней златоуздых вослед
Парвизу, чьей славою полнился свет.
И пеших шли тысяча сто шестьдесят
Царевых окольных, чьи копья блестят.
Шли тысяча сорок с мечом, с булавой,
В кольчугах, чей блеск взял бы верх над парчой.
Сокольничих дальше бежали семьсот,
При них сокола наилучших пород;
А далее гнали гепардов степных
И триста скакали вослед верховых;
Львов семьдесят гнали при звоне цепей
И тигров, обученных лову зверей;
Все крепко затянуты чинской парчой,
Пасть каждого скована цепью златой;
Семь сотен собак на такой же цепи,
Бегущую лань догонявших в степи;
Две тысячи следом неслись игрецов,
Бряцанием струн оживляющих лов;
Под каждым из них выступает верблюд,
С голов их короны сияние льют;
Скамьи да сиденья, да стойла коней,
И царский шатер. и шатры для мужей;
Пять сотен верблюдов еще впереди —
Для цели какой их пригнали, гляди:
Две сотни по десять жаровен везут,
Курение — амбру с алоем — в них жгут.
Из подданных — юношей двести неслось
С шафраном, с пуками нарциссов и роз —
К царю чтоб донесть благовония смог,
Лишь только повеет степной ветерок.

Еще впереди был один из мужей,
Что с мускусом жидким вез сотню ковшей.
Той влагою путь орошали мужи —
На амбру сок розовый брызжет, скажи,—
При ветре пылинке б не сесть на него,
На благословенного шаха того!
Скакали три сотни мужей верховых
С владыкою рядом — царей молодых.
В лиловом, и красном, и желтом они,
И стяг над владыкою «Кавеяни».
Несется в венце, в драгоценных серьгах,
В одежде, из золота сотканной, шах.
Кушак, ожерелье, подвески на нем,
И всюду алмазы пылают огнем.
Узнала Ширин, что дружина мужей
Примчалась, и царь миродержец пред ней,
И в ткань благовонную облачена,
Лик с цветом граната сравняла она.
Алеет румийский парчовый убор,
Из золота поле, алмазный узор.
Венец над челом засиял наконец.
Весь в жемчуге сплошь пехлевийском венец.
Из светлых покоев на кровлю взошла;
Во цвете годов несчастливой была!
На кровле Хосрова она дождалась,
И хлынули горькие слезы из глаз.
Вот встала навстречу владыке тому,
И царственный стан свой явила ему.
Сладчайшим реченьям дозволила течь,
О днях миновавших лилась ее речь.
Нарциссы омыли цветок аргаван:
В истоме нарциссы, цветок же румян.
Все чары собрав красоты и любви,
Воззвала прекрасная на пехлеви:
«О лев, о властитель, о вождь из вождей!
О, львов повергающий доблестный кей!
О где же любовь, где тоска, что один
Лишь в силах был взгляд исцелить на Ширин!
Где ночи, что в дни превращались, мой шах,
Плач сердца от счастья и смех на устах?
Где клятвы о нерасторжимости уз,
Где наши обеты, сердечный союз!»
Твердила и горькие слезы лила,
И лик тот пленительный тьма облекла.
Царь, глядя на то, прослезился и сам,
Цвет солнца прихлынул к царевым щекам.
Коня златоуздого тут же послал,

Сто сорок румийских слуг лучших послал —
Везти луноликую в тот золотой,
Алмазным узором дивящий покой.
И дальше оттуда он скачет на лов
С вином, между кравчих и меж игрецов.
Натешившись вдоволь в степях и горах,
Помчался в столицу затем шаханшах.
Весь град и дороги расцвечены: лов
Окончив, вернулся владыка Хосров.
И грянули трубы, и песни гремят,
И воздух от грома на части разъят.
Едва на дворцовый порог только встать
Успела могучая царская стать,
Выходит Ширин и целует тепло
И руки, и ноги ему, и чело.
И молвил мобеду владыка тогда:
«О нас только доброе думай всегда!
Красавицу эту Хосрову отдай,
Известьем благим да порадует край».
Хосровом испрошена в жены она,
Как было в обычае в те времена.

[*Наставление знатных Хосрову*]

Едва о Хосрове известье с пути
Успело до знатных, до войска дойти,
О том, что в царевом покое Ширин,
Что вновь воскресила былое Ширин,
Весь город в унынье поверг шаханшах;
Тревога, обида, проклятья в сердцах.
В три дня пред Хосровом никто не предстал;
В четвертый, лишь светоч небес засиял,
Призвал именитых владыка Хосров,
Сажает с почтением знать, мудрецов.
Так вымолвил: «Вас я не видел три дня,
От этого в сердце печаль у меня».
Речь длит венценосный, ответа же нет.
Сказал бы, в устах у них замер ответ.
Таившие в сердце досаду, укор,
Безмолвно к мобеду направили взор.
Мобед, это видя, поднялся и так
Речь начал: «О ты, что разумен и благ!
На троне ты с юных годов восседал,
Худого и доброго много видал,
Немало ты слышал о благе и зле,
Что шахи творили на этой земле.
А ныне высокий сей род осквернен,
Лишился былого величия он.

С чистейшим отцом недостойная мать
Жизнь сыну не могут достойному дать.
Кто вздумал бы кривду о правде молить,
Сколь щедро ни стала бы правду сулить!
Скорбит наше сердце, что дерзостный див
С владыкой сдружился, его обольстив.
Иль в крае другой не сыскалось жены,
Что взоры лишь ею твои пленены?
Когда в шабистане б Ширин не была,
В стране бы не молкла владыке хвала.
Ты праведных предков припомни своих,
Подобное разве бывало у них!..»
Все длится и длится мобедова речь,
Безмолвно Хосров дозволяет ей течь.
Так кончил мобед: «Лишь забрезжит заря,
Мы снова предстанем пред ликом царя.
Быть может, услышим владыки ответ;
Уж позднее время, длить речи не след».
Назавтра встают на рассвете опять,
Готовые подданных долг исполнять.
Кто молвит: «Недолжное молвил мобед».
Другой: «Был в речах его разума свет».
А третий: «Сегодня ответ прозвучит,
Царь, верно, благие нам мысли внушит».
В дорогу пустились мобеды, и вот
Пред шахом собрание их предстает.
Мужи именитые все на местах.
Тут некто является с чашей в руках,—
Снаружи, как солнце, блестит ее медь,—
Обходит мужей, всем дает поглядеть,
Поставив пред каждым. Была же она
До самых краев теплой кровью полна.
И каждый лицо отвращал поскорей,
И гул изумленья прошел средь мужей.
На каждого пристально смотрит Хосров,
Все думают в страхе: царь будет суров.
Царь молвил: «Ответа жду вашего я:
Показана кровь для чего тут сия?»
«Кровь эта — нечистая,— молвил мобед,—
В узревших недобрый оставила след».
Лишь это сказал он, за чашу взялись,
Из рук в руки передавать принялись.
Избавлен от крови прекрасный сосуд,
Усердно водой и песком его трут.
До блеска внутри отмывают, потом
Душистым его наполняют вином.
И мускус добавлен, и розовый сок,

И тот засиял, словно утром восток.
Мобеда Хосров вопрошает: «Какой
Пред нами — все тот же сосуд иль иной?»
Ответил: «Да жизнь твоя будет светла!
Нам благо предстало теперь вместо зла.
Ты ад повелением в рай обратил,
Худое деяние добрым явил».
Царь молвил: «Ширин, что средь града жила
И чаше с отравой подобна была,—
Как чаша с вином у меня в терему
И благоуханью под стать моему.
Коль имя худое у ней, лишена
Хвалы именитых — моя в том вина!»
И знатные рады владыку почтить:
«Земле без венца твоего да не быть!
Ты добр, возрастает добро оттого,
Тот славен, содеешь ты славным кого.
Ты вождь и владыка, и мудрый мобед,
Ты — тень, что на землю бросает Изед».

[*Ширин убивает Марьям.*
Хосров заточает Шируя]

С тех пор все взрастало величье царя;
Кто месяцем был, воссиял, как заря.
Вседневно с кейсеровой дочерью был,
Главой шабистана ее объявил,
И сердце Ширин злая дума томит,
От ревности лик желтизною покрыт.
Подсыпала яду, как стало невмочь;
Угасла благая кейсерова дочь!
Не ведал никто, что убита она,
Ширин свою тайну хранила одна.
Лишь год миновал, как рассталась с душой,
Вручил он Ширин шабистан золотой...
Ширую шестнадцатый год миновал,
Но тридцатилетним под стать возмужал.
Наставников мудрых родитель зовет,
Чтоб в каждом искусстве достиг он высот.
Мобед его пестовал мудро, даря
Вседневную радость по воле царя.
К царевичу юному старый мобед
Однажды пришел от престола чуть свет.
К Ширую какой ни пришел бы порой,
Его заставал увлеченным игрой.
Пред отроком ныне лежала тетрадь,
Слова «Калилы» содержала тетрадь,
Но левой рукой волчьей лапы сухой

Обрубок держал, а другою рукой
Сжимал молодец длинный буйвола рог
И лапой о рог колотил, сколько мог.
И сердцем мобед омрачился от той
Забавы царевича странной, пустой.
Рог, лапа, вся эта затея к тому
Недоброе лишь предвещали ему.
О судьбах грядущих все думал потом,
О злом, необузданном отроке том.
Ведь не был сокрыт гороскоп от очей,
Дастур все поведал, открыл казначей.
К мобеду мобедов пришел и сказал:
Царевич, мол, игры занятьем избрал...
Мобед же, пришедши, царю повторил,
Но царь это слово от всех утаил.
Был желт из-за сына ланит его цвет,
Хосров изнывал в ожидании бед.
От слов, что сказал звездочет ему встарь,
Покоя не ведал, тревожился царь.
«Кто знает,— твердил он,— какого конца
Дождемся, что явит нам воля Творца».
Уж двадцать три года владыка царил.
Окрепнувши, плечи Шируй распрямил.
На сына великий прогневался шах:
Столь юный, уж дерзостен был он в речах!
Счастливый дотоль, горем был обуян,
И сыну темницей он сделал айван.
С ним вверг и молочного брата — того,
Который и свел-то с дороги его,—
А также других, кого близкими звал
Шируй, с кем совет неизменно держал.
Всех счесть повелел, не промедливши. Их
Три тысячи знатных нашлось и простых.
Работникам царь повеленье дает —
От дома до дома тянуть переход.
Все послано: птица, одежда под стать,
И что расстилать им, и чем одарять.
Покои всем должные отведены,
Рабыни, прислужники уделены.
Еще посылает вино и певцов,
Динарам нет счета в любом из домов.
В свой час пировать, веселиться дают,
И сорок мужей их всегда стерегут.

[СКАЗ О ВОЗВЕДЕНИИ ХОСРОВОМ ТАКДИСА]

Быль новая будет теперь начата
О тех, чьи правдивы сердца и уста,
О троне, который был назван Такдис *,
Который воздвиг в Аспарисе Парвиз.
Основу Зохак положил ему — злой
Тиран с нечестивой, нечистой душой.
Его Фаридун-богатырь победил,
Арабов-захватчиков царства лишил.
В те дни на горе Дамаванд пребывал
Муж, коего царь в отдаленье держал.
Джаханом Борзином он звался, был чтим
Повсюду, прославлен искусством своим.
Для шаха он чудо-престол смастерил,
Камнями бесценными сплошь озарил.
И царь Фаридун в восхищенье пришел:
Призвав сотворившего дивный престол,
Велит положить тридцать тысяч пред ним
Дирхемов и серьги с венцом золотым;
Указ, чтоб Амолом, Сари чтоб владел,
Вручил ему раю подобный удел!
Когда же Иран был Ираджу вручен,—
Из трех именитых всех младше был он,—
Родитель, приверженный краю сему,
Оставил в наследье три дара ему:
Престол, также палицу с бычьей главой,
Что в мире повсюду воспета молвой;
Жемчужина — третий, чей свет поражал,
Что праведный царь семиглазкой назвал *.
Ираджа не стало и стал Манучехр —
Наследник сокровищ невиданных тех.
Кто б царской короной себя ни венчал,
Что-либо к престолу тому добавлял.
Немало, когда к Кей-Хосрову дошел,
Счастливый тот царь изукрасил престол.
Позднее владел им владыка Лохрасп,
А после того венценосный Гоштасп.
Престол как увидел Гоштасп, говорит:
«Великих пример да не будет забыт».
Джамаспу он, сыну сказал своему —
«Красоты какие к творенью сему
Добавить бы нам, поразмысли о том,
Отшедших, чтоб нас помянули добром».
Джамасп лишь увидел наследный престол,
Ключ знанья к нему хитроумный нашел:

На нем весь порядок небесных светил *
И строй, и движение их отразил.
Там все от Кайвана до самой Луны
По воле властителя воплощены.
И так до времен Искендера-царя
Владыки престол украшали, даря
На это и золото, и серебро,
Слоновую кость и другое добро.
А царь все сорвал и престол разорил,
Сие от невежества он совершил.
Немало из знатных скрывали престол,
С рук на руки передавали престол
До дней Ардашира. К приходу его
Состарилось имя престола того.
Но где-то его обнаруживши след,
Хранил его царь до конца своих лет.
Величье и славу умножив, ушел,
В наследье другому оставил престол.
И вот пред очами Парвиза встает
Престол драгоценный, прославленный тот.
Сперва отовсюду он знатных собрал
И долгую речь о престоле держал.
Обломки у многих сыскать он сумел
И, радуясь, их составлять повелел.
Ирана искусники все собрались,
Престол Ардашира чинить принялись,
И двигали дело сие день за днем,
Трудясь при владыке счастливом своем.
Прислали умельцев и Чин, и Мекран,
И Рум, и Багдад, не один лишь Иран.
Всех тысяча двести сошлось мастеров,
Престол восстанавливать каждый готов.
Подручных при каждом из этих мужей
По тридцать — из чинских, фарсийских людей.
Работать без отдыха велено тут
Два года, пока не закончится труд.
Лишь трон из обломков высокий восстал,
Лик счастья высокого вдруг воссиял.
Сто царских в нем рашей — так был он высок,
Да семьдесят рашей имел поперек.
И рашей сто двадцать притом ширины,
Ведь больше была ширина вышины.
Все тридцать дней месяца, с каждой зарей,
Покров на престол возлагали другой.
Сто сорок в нем тысяч витков золотых,
Узор бирюзовый на каждом из них.
А гвозди у них — серебро, все как есть,

И в каждом — мискалей * по шестьдесят шесть.
Как солнце вступало в созвездье Овна,
Был сад впереди, сзади — степь лишь одна.
Диск солнца, свирепствуя, лишь подходил
Ко Льву,— уж престол обращал к нему тыл.
Когда же пора приходила пиров,
Пора изобилья осенних плодов,
Так ставили трон, чтоб сидящему сад
Плодов созревающих слал аромат.
А если дождило и вихрь бушевал,
Никто на престоле том бед не знавал.
Все в беличьих стены, в бобровых мехах,
Какими достоин владеть шаханшах.
А также из золота и серебра
Шаров десять сотен хранитель добра
Калил на огне. Весом сотен по пять
Мискалей, а цветом кораллу под стать.
Из них половина калится, меж тем
Другая тепло дарит витязям всем.
Там звезды сочти — десять, две их и семь.
Вот месяц вступает в свой знак, и затем
Какая стоит и какая плывет —
Воочию может узреть звездочет.
Зрит также, часть ночи какая прошла,
Какая — небес над землей протекла.
Из золота — многих созвездий число,
Иные — в алмазах горящих светло.
Но все сосчитать бы никто не сумел,
Хотя бы и знаньем немалым владел.
Любой из алмазов — пусть малым он был —
Динаров бы в семьдесят ты оценил.
А многим — семь сотен и больше цена;
Прикинешь, и станет вся ценность ясна.
Немало рубинов, которым никто
Цены угадать бы не мог ни за что.
Светлеет от них темноликая ночь,
Нахид с ними, скажешь, тягаться невмочь.
Три было престола. Один на другом
Покоясь, лучились алмазным огнем.
Четыре опоры надежных меж них
Алмазноузорных и сплошь золотых.
Всех меньший назвали Мишсар *, каковой
Украшен овечьею был головой.
Всех больший Лаквардом был назван — затем,
Что ветра и пыли не знал он совсем.
А третий был сплошь бирюза. Своего
Покоя лишался узревший его.

Кто был по рожденью дихканом благим,
Сидеть на Мишсаре давали таким.
Воитель бесстрашный в сражениях — тот
Допущен бывал под лажвардовый свод.
На трон бирюзовый дастур прибывал,
Когда от державных забот уставал.
Муж мудрый, царя почитающий он —
Затем бирюзовый под стать ему трон.
Покров златотканый на троне лежит,
В нем рашей — с семью пятьдесят. Перевит
Жемчужными нитями сплошь, золотой
К тому же обшит по краям бахромой.
Небесных светил отражение там,—
Диск Солнца, Хормоз и Кайван, и Бахрам,
И Тир *, и Нахид, и движенье Луны
Все сплошь для властителя воплощены.
Семь также земных там показано стран;
Из Рума вожди, из державы дихкан...
Видны еще сорок и восемь царей,
И каждый на троне, в короне своей.
Короны из нитей свиты золотых,
На свете одежд не видали таких.
Муж, равных не знавший, был в Чине. Покров
Невиданный этот семь ткал он годов;
В Новруз, Фарвардина день первый — Хормоз,
Представ перед шахом Ирана, поднес
Покров тот, достойный царей услаждать,
Пред ним расступилась почтительно знать.
В день Нового года покров обновил,
С покоем завистников всех разлучил.
На ткани той пиршество учинено,
Играющих кличут, явилось вино.
Саркаш именитый, глава игрецов,
Воспел шаханшаха на сотни ладов.
А знатные сыплют алмазы ему,
Почет воздавая царю своему.

[СКАЗ О БАРБЕДЕ-ПЕВЦЕ И ЦАРЕ ХОСРОВЕ ПАРВИЗЕ]

Величье, могущество шаха росло,
Так двадцать и восемь годов протекло.
При царском дворе недовольного нет,
О щедром владыке услышал Барбед *.
Твердили ему: мол, владыка венца
Избрал искушенного в деле певца.
Но если б сравнили Саркаша с тобой,

Ты стал бы венцом над его головой...
Алчба в нем проснулась при слове таком,
Хотя недостатка не ведал ни в чем.
Из града к дворцу устремился и там
Стал случая ждать — присмотреться к певцам.
Саркаш, о пришельце услышав, не рад,
Средь пения дрожью смятенья объят.
Пришел к салярбару, принес ему в дар
Дирхемы с динарами — щедрый нисар.
Сказал он: «Певец молодой у дверей,
Чья песня искусней и слаще моей.
Не должно предстать пред Хосровом ему,
Мне старым назваться, а новым — ему».
Лишь царский привратник услышал о том,
Он дверь затворил перед новым певцом.
Но сколько Барбед ни пытался войти,
К себе снисхожденья не смог обрести.
Отчаянья полный, берет свой бербет,
К властителю в сад проникает Барбед.
Мардуй был садовником царским, его
По счастью увидел в саду одного.
Владыка в Новруз приходил в этот сад
И там пировал две недели подряд.
К Мардую Барбед устремился тотчас
И с ним сговорился, поладили враз.
К садовнику с просьбой прибегнул такой:
«С тобою мы будем, что тело с душой.
Прошения не отклони моего,
Хоть верно сочтешь трудноватым его.
Дозволь, как прибудет на празднество в сад,
Тайком устремить на властителя взгляд.
Хочу на пиру его видеть, к тому
Для взоров невидимым быть самому».
Мардуй отвечает: «Тебе помогу,
Свой страх победить ради дружбы смогу».
Вот сад посетить властелин пожелал,
Удачи тут день для Мардуя настал.
Барбеда спешит известить впопыхах,
Что нынче прибудет на празднество шах.
Одеждой зеленою сплошь облачен,
Взял руд и бербет сладкогласные он.
На место, куда прибывает Хосров,
Где пиршеством год обновляет Хосров,
Явился. Там пышно раскинулся близ,
Что в поле Пашана *, большой кипарис.
С бербетом в объятьях укрылся в ветвях
И ждал терпеливо, пока шаханшах

Не прибыл туда из дворца своего
И время настало начать торжество.
Пред шахом, с хрустальною чашей большой,
Является отрок, дивящий красой.
Когда виночерпий вино наливал,
За алой той влагой хрусталь исчезал.
От часа, как желтым стал солнечный лик,
До тьмы пировал повелитель владык.
Вот руда коснулся певец, затаясь,
И песнь пехлевийская тут полилась.
Меж листьев сказание дивное пел;
Царь, счастья питомец, от радости млел.
Ты скажешь, та песня с душой говорит,
Теперь мы зовем ее «Дад-Афарид» *.
Умолк. Удивлением каждый объят,
Догадки одна за другою звучат.
Сознанье, казалось, Саркаш потерял,
Хоть понял, кто певчий, его не назвал.
Никто этих струнных изысков не знал,
И песни той — впрямь богатырской * — не знал.
Один лишь Барбед мог подобное знать.
По воле царя отправляется знать
Искать музыканта. Но тщетным был труд.
Остались невидимы певчий и руд.
Саркаш искушенный так молвил о сем:
«При счастье владыки что странного в том,
Что стали деревья певцами царя!
Вовек да пребудет, над нами царя!»
Вот кравчий является с чашей другой,
Ее принимает владыка благой.
Певец по другому настроил свой руд,
Сказания нового звуки текут.
«Шайкари горд» * издавна песня звалась,
Молва о напеве повсюду неслась.
Звенящему руду владыка внимал,
Под пение чашу свою осушал.
«Весь сад обыщите, найдите певца!» —
Мужам повелел обладатель венца.
Вновь поиски долго средь сада вели,
Светильники в чащу листвы принесли.
Лишь ивы да тополи видеть пришлось,
Фазанов, ступающих плавно меж роз.
Тут сызнова чашу спросил шаханшах.
Прислушался: пенье, сказал бы, в ушах.
И впрямь: слышен руда чарующий глас,
И нового лада уж песнь полилась.
Ее «сабз-дар-сабз» * называют теперь,

Творят колдовство тем напевом, поверь.
Парвиз, как услышал, с сидения встал,
Вновь чашу — соперницу роз — пожелал.
В ней рдело не менее мана вина,
Мгновенно осушена шахом она.
Сказал: «Будь он ангел, сей, нежащий слух,
Будь амброй и мускусом сотканный дух,
Иль дивом он будь — благозвучнее петь
Не мог бы, ни сладостным рудом владеть.
И справа, и слева ищите его,
В саду, в цветнике. Приведите его!
Весь будет в алмазах — и грудь, и уста,
Певцом его первым содею тогда».
Лишь только услышал искусных глава
Те добрые, полные ласки, слова,
Сошел с высоты кипариса, и вот
Охваченный радостью, к шаху идет.
Приблизясь, к земле припадает лицом.
«Поведай нам, кто ты»,— царь молвил потом.
И слышит: «О шах, раб я преданный твой,
Тебя прославляющей жив я молвой».
Что было, поведал одно за другим:
Мол, все тут задумано мною одним...
И радостью царь озарился такой,
Как сад, расцветающий вешней порой.
Саркашу сказал: «Эх, утративший дар!
Ты — горше анчара, он — сладкий нектар.
Зачем с несравненным меня разлучал,
Собранье подобного руда лишал!»
Под сладкое пенье испил он вина,
Весь в яхонтах кубок осушен до дна.
До сна все хвалы воздавал он певцу,
Уста жемчугом набивал он певцу.
Царем игрецов стал Барбед с этих дней,
Одним из знатнейших меж знатных мужей.
Пропел я о том, как вознесся Барбед...
Да будешь далек от страданий и бед!
Сколь многие, старше и младше меня,
Ушли, не осилю дремоты и я.
Дожив до шестидесяти и шести,
Легко ли нам старости бремя нести!
Труд славный когда завершу, по стране *
Пройдет и не смолкнет молва обо мне.
Вовек не умру, пусть бегут времена,
Недаром рассыпал я слов семена,
И каждый, в ком сердце и мысли светлы,
Почтит мою память словами хвалы...

А ныне хочу я воспеть Мадаин,
Дворец, что построил Хосров-властелин.

[*Хосров строит дворец в Мадаине*]

Перс мудрый поведал, в чьем сердце был свет,
Над кем протекло двадцать с сотнею лет:
Во все населенные земли гонцов —
В Рум, Чин, Хиндустан разослал, мол, Хосров.
Работников тысячи три вслед за сим
Собралось, известных искусством своим.
Из них же искуснейших сотню потом,
Владеющих известью и кирпичом,
Избрали: умелых румийских людей,
А также ахвазских, фарсийских людей.
И тридцать затем отделили из них,
Из этих же — перса, румийцев двоих.
Над персом возвысился силою слов
Один из румийских двоих мастеров.
Испытанный сей перед шахом предстал
И зодческий замысел свой рассказал.
Хосров отвечает: «Внемли же царю,
Запомни слова, что тебе говорю.
Я зданье такое хочу, где бы сын,
Потомки мои до двух сотен годин
Могли обитать, перед каждой стеной
Да будут бессильны и стужа, и зной».
И зодчий исполнить сие обещал
Владыке. «В моих это силах»,— сказал.
На десять он рашей пустил в глубину *
Дворца основанье, на пять — в ширину.
Известка и камень тут пущены в ход,
Дабы не крушил его времени лёт.
Ввысь стены дворцовые быстро подняв,
Тот зодчий пришел к властелину держав:
Пришли, мол, о царь, коли примешь совет,
Умельца, богатого опытом лет.
С подручными ловкими пусть он придет,
И с ними почтенный мобед-доброхот...
Послал ему тех, что просил он. Стоят,
На стройные стены, любуясь, глядят.
Потребовал шелковых нитей, и вот
Веревку стал вить весь пришедший народ,
Чтоб вымерить стены царева дворца,
И вот уж работа достигла конца.
Ее завершив, при собрании всем
Веревку измерил знаток и потом
В казну шаханшаха снести поспешил,

Печать наложив, казначею вручил.
Затем во дворец шаханшаха пришел:
Мол, стены уже до Луны я возвел.
Дней сорок, чтоб благоуспешен был труд,
Потребны, да стены осадку дадут.
Согласье коль даст проницательный шах,
Поспешность являть я не стану в трудах.
Как время нам кладку продолжить придет,
Главу до Кайвана дворец вознесет.
Ты ныне свой гнев на меня не обрушь,
Карать за правдивое слово к чему ж!..
«Зломысленный! — царь отвечает ему,—
Отсрочки столь долгой ты просишь к чему!
Нужды в серебре ты и золоте знать
Не будешь, не вздумай же дело прервать!»
Велит тридцать тысяч дирхемов вручить,
Чтоб сердце искусному не омрачить.
Но мужу разумному сердце твердит,
Что знающий дело его обвинит
В поспешности. Рухнет дворец, и тогда
Отнимется все — даже хлеб и вода...
Вот ночь наступила, и тайно бежал
Строитель, бесследно с той ночи пропал.
На вестника гнев свой владыка держав
Излпл, об уходе Фарана узнав.
Вскричал: «Для чего, коли знаний лишен,
Себя предо мной возвеличивал он!»
Работу его изучить повелел,
Румийцев же всех заточить повелел.
Работников после велит привести,
Известку, кирпич и гранит привезти.
Явились, но каждый, кто стену видал,
Из шахских владений тотчас исчезал.
Работы пришлось оборвать на сей раз.
Надежду Хосров возложил на Ахваз:
Оттуда, мол, зодчий искусный придет,
И снова работа главу обретет...
Три года на поиски эти ушли,
Умельца достойного все ж не нашли.
Жалели не раз об усерднейшем том,
В четвертом году снова слышат о нем.
Муж бдительный некий, в ком разум и честь,
Доставил о нем повелителю весть.
Румиец примчался к царю впопыхах.
«О муж провинившийся,— вымолвил шах,—
Чем можешь, ответствуй, себя оправдать,
Прощенье за грех совершенный снискать?»

Ответил румиец: «Коль царь снизойдет,
Со мной умудренного вместе пошлет,
Ему оправдания все изложу,
За то, что свершил я, прощенье стяжу».
Послал, и пошли от владыки потом
Испытанный мастер с благим знатоком.
Веревку из шелка румиец извлек,
Ему в измерении спутник помог.
Измерили стену в длине, в вышине,
Семь рашей уже не хватало в стене.
Веревку затем к шаханшаху отнес
Мудрец и такие слова произнес:
Сказал, мол, румиец: Коль начатый труд
Повел бы я прежнею скоростью, тут
Ни стенам, ни аркам тогда бы не быть,
Ни мне при дворе у царя не служить...
Царь понял, что правду искусный сказал,—
Кто правду от взоров скрывать бы дерзал!
Всем волю вернул он, кто был заточен,
Виновен ли был, невиновен ли он.
Динаров суму правдолюбцу вручил,
Темницу покинувших всех одарил.
Затратили время для дела того
Большое, царь жаждал окончить его.
Семь лет миновало и вот наконец
Встает восхищающий мудрых дворец.
Дал зодчему много земли и воды,
Дирхемов, динаров, хваля за труды,
И все любовались дворцом из дворцов.
В Новруз во дворце водворился Хосров.
Такого на свете никто не видал,
От самых искусных того не слыхал.
Там вделано в купол кольцо, а на том
Кольце, из чистейшего злата литом,
Цепь длинная красного злата висит,
Жемчужина в каждом из звеньев блестит.
Венец укрепили на ней, как взошел
На царский, из кости слоновой престол
Шах в праздник Новруз. Рядом с шахом — благой
Мобед, осиянный счастливой звездой.
Пониже мобеда рассажена знать
И те, что приставлены мзду раздавать.
Пониже той знати воссели купцы,
Богатые опытом мира дельцы.
Пониже — места неимущих, таких,
Что хлеб от трудов обретают своих.
Пониже еще — рук отрубленных, ног

Немало; телами завален порог.
И слышится мощный глашатая глас,
От коего в каждом душа сотряслась:
«Внемли, миродержцу подвластный народ!
Пусть места в сердцах ваших зло не найдет.
Кто взоры свои устремит в высоту,
Тот душу свою погрузит в темноту.
Да всяк не на трон, а пониже глядит,
Себя со ступенью нижайшей сравнит».
Отпущены все — будь виновен иль прав —
В тот день из темницы владыки держав.
Покинувшим узы одежду вручил,
И златом, и всяким добром одарил.
Кому предначертано бедности груз
Влачить и отпраздновать нечем Новруз,
На пиршество в царский дворец введены,
Динары им розданы всем из казны.
Преступник душой устрашился при нем,
Охваченный сном пробудился при нем.
И новый глашатай выкрикивал там,
Пред тем как мужей отпустить по домам:
«О витязи, славою гордые! Всем
Искать возвышенья, величья зачем!
О тех, кто внизу, помышляйте, о том,
Сколь горестен жребий постигнутых злом.
Чтоб всем в безопасности, в здравии жить,
Дела с рассуждением должно вершить,
Обдумав сначала, затем совершать.
Сердца безответных не след сокрушать.
Отмерить, затем лишь отрезать должны,
Внимайте разумным, что знаньем сильны.
Путем коли шествуешь правым, благим,
Живи в безопасности, шахом храним!
А кто достоянье чужое возьмет,
С возмездием нашим спознается тот».
Я ныне величье Хосрова явлю,
Сказанье минувших времен обновлю.
Величья такого никто не знавал
На свете, кто б ни был, велик или мал.

[СКАЗ О ВЕЛИЧИИ ХОСРОВА ПАРВИЗА]

Читающий книгу царей, умудрись,
От бренной обители сей отрекись!
Поведать сказание мне надлежит —
Разумный одобрит его, подтвердит.
Да чары мирские тебя не прельстят!

Бальзам обещают, подносят лишь яд.
Двор только заезжий здесь путник найдет,
Состарится — новый на смену придет.
Тот вышел, сей входит своим чередом —
День-два попастись на привале земном.
Лишь голос подаст барабан роковой,
И слон, и мудрец лягут в прах головой.
Скажу о Парвизе, из сказа сего
Добудь назиданье, запомни его.
Не слышать тебе о державе такой,
О войске, величии, славе такой,
Какими владел в этом мире Хосров,
Хотя бы ты всех опросил мудрецов.
Рум, Хинд, и Туранские земли, и Чин —
Всех подать принудил платить властелин,
Все с данью являлись пред славным царем,
И темною ночью, и солнечным днем.
Рабов и невольниц из каждой земли,
Алмазы, рубины и жемчуг везли.
И не было счета динарам казны;
Нигде венценосцы ему не равны.
Орлы, сокола́, чей стремителен лёт,
И тигры, и львы, и чудовища вод —
Все верность хранят властелину царей —
Душа повелителя солнца светлей!
Из кладов отложенных первый — «Арус» * —
Чин с Хиндом копили, с буртасами * рус.
Из кладов второй — «Бадавар» нарекли;
Сокровища думали счесть — не смогли.
О третьем услышавши кладе, зови
Его словесами «Дибе Хосрови».
Был клад Афрасьяба четвертым из них —
На суше и в море не сыщешь таких.
Клад пятый сокровищ был назван «Сухте»,
Весь край озаряли сокровища те.
Из жемчуга лучшего клад был шестой,
Полету стрелы был он равен длиной.
«Хазра» — его звал почитаемый рад,
И каждый, кто славен и знаньем богат.
Владел еще кладом «Шадвардом» Хосров,
Так прозван в сказаньях великих певцов,
Певцов возглавляли Саркаш и Барбед,
Иного не ведавший, кроме побед.
Невольниц, подобных цветущей весне,
В чертогах златых — десять тысяч и две.
Две тысячи двести слонов боевых;
Сказал бы, уж негде ступить из-за них.

И ратных двенадцать там тысяч коней,
И вьючных две сотни еще лошадей.
Верблюдов двенадцати тысячам везть
Носилки: шестьсот шестьдесят их и шесть.
Такого на свете не видел никто,
От старцев премудрых не слышал про то.
Подобный коль пал властелин от руки
Раба, да не знаешь по миру тоски!
Стремись не из суетных дело избрать,
Дабы одобренье за правду снискать.
Ведь счастье минует и горе пройдет,
Рок нашим ведет воздыханиям счет.
Престол обретешь ли с венцом и казной,
В трудах проведешь ли весь век свой земной,
Всем только могила в конце суждена,
Стремись же посеять добра семена!..

[*О начавшихся беззакониях Хосрова и об измене его войска*]

Хоть славным престолом владел и венцом,
При всем шаханшахском величии том
Покинула благость властителя стран *.
Злосчастью обрек он Иран и Туран.
Царь столь справедливый злодеем вдруг стал,
Был рад, коль подвластный злодейство свершал;
Заботою новою дух отягчил,
Все думы к стяжанью богатств обратил.
Не раз к достоянью чужому простер
Он руку и сеял повсюду раздор.
Проклятия благословеньям пришли
На смену; в нем волка, не лань обрели.
Лишась пропитанья, покинуть спешат
Иран. Устремился во вражеский град
Муж каждый, постигнутый злою судьбой,
Расстался в печали с землею родной.
Был некий презренный, чье имя Гораз *,
Являл ему милость владыка не раз.
Наместником Рума был в те времена,
Жестокий и лютый, как сам сатана.
Как праведный царь угнетателем стал,
Тот первым из знати иранской восстал.
Вторым — Фаррухзад, что удачей был нов,
Кого отличал венценосный Хосров.
С дружиной, чья злоба не знала преград,
Свирепствовал Азермаган Фаррухзад.
Войти к властелину никто и не мнил,
Коль не Фаррухзад о приеме просил.

Измену он в сердце впустил, как Хосров
Наполнить уж чашу успел до краев.
Союз заключивши с Горазом седым,
Вступает он издали в заговор с ним.
Послал и кейсеру * Гораз-сипехбед
Посланье, из сердца изгнавшее свет.
«Вставай! — написал,— на Иран коль пойдешь,
Соратника в первом во мне обретешь».
Как только послание это прочел,
Тот войско построил, войною пошел.
Из края Румийского шел на Иран,
На славный тот край, украшение стран.

[*Иранское войско*
восстает против Хосрова
и освобождает из темницы Шируя]

Слух этот когда до владыки дошел,
Столь трудное дело нетрудным он счел.
Постиг, что деянье Гораза сие —
Он мысли кейсеру внушил о войне.
Ведь сколько ни звал его, тот ускользал,
Царевым посланием пренебрегал.
Страшился Парвиза изменник тот злой,
Двора и дружины его удалой.
Воссел шаханшах на престоле, пришли
Вожди боевые иранской земли.
Царь мысли очистил и стал размышлять,
От бедствий нагрянувших средства искать.
И вот уж догадка в уме родилась;
Посланье Горазу готово тотчас.
Я, мол, одобряю решенье твое,
Хвалил средь мужей измышленье твое.
Обман и уловку ты в дело пустил
И, мнится, кейсера главу низложил.
Посланье сие прочитай и потом
В мой замысел ясным проникни умом.
Ты выжди сначала. Как выведу рать,
Тут время придет и тебе выступать.
Лишь войско с обеих сторон нападет,
Кейсер растеряется, духом падет.
Тут будет он схвачен, в Иран отведен,
И прочих румийцев захватим в полон...
Избрал хитроумного он из мужей,
Владевшего знаньем и даром речей.
«Ты вид соглядатая должен принять,—
Так молвил,— и это посланье помчать.
Добравшись, держи его так, чтоб схватил

Румиец тебя, чтоб допрошен ты был,
И пусть к предводителю войска пойдет
С тобой, иль к кейсеру тебя поведет.
— Откуда ты? — спросят, сомнения нет.
— Слуга я подвластный,— такой дай ответ.—
Немалый мне путь довелось совершить,
Горазу послание должен вручить...
Посланье к плечу привяжи своему,
Отнимут — мы сами стремились к тому».
Помчался гонец от владыки держав,
Посланье к плечу своему привязав.
Ступив на кейсерову землю, на ней
Одним из батриковых схвачен людей.
К кейсеру ведут. Ликом желт, не видать
За пылью волос, губы смоли под стать.
Промолвил кейсер: «Будь ответить готов
Одну только правду: где ныне Хосров?»
Гонец же как будто в предчувствии бед.
Растерян, насупился только в ответ.
Кейсер повелел: «Обыщите его,
Обманщика низкого, злого сего».
Муж некий, что ловок и опытен был,
Посланье с плеча его снять поспешил.
Нашедшийся меж просвещенных знаток
Читать письмена пехлевийские мог.
Послание переложить он сумел,
Кейсер тут лицом, что смола, почернел.
Своим он промолвил воителям: «Нас,
Гляжу, уничтожить замыслил Гораз.
Ведь шах триста тысяч привел храбрецов,
А кто сосчитал бы в том войске слонов!
Задумал в тиски меня ввергнуть хитрец,
Да будет его злополучен конец!»
И войско оттуда увел он. Ушло
Желанье, что сердце кейсерово жгло.
И вот уж известье Гораз узнает,
Что в Рум воротился прославленный тот.
Лицом пожелтев и душой сокрушен,
Избрал меж отважными всадника он.
Послание пишет, обидой горя:
«Румийского чем прогневил я царя?
Почто из Ирана, скажи, отступил,
Державе меня вероломным явил?
Коль шах угадает, что я тут виной —
Отмщенье замыслит, враждуя со мной».
Лишь это посланье кейсер прочитал,
Он знатного мужа из войска избрал.

Горазу такой посылает ответ:
«Затем ли явил тебе милость Изед,
Чтоб ты мое царство вконец разорил,
Бойцов моих в пламени испепелил!
Посланье твое мне одно только зло,
Одно расточенье казны принесло.
Меня ты замыслил Хосрову предать —
С тобой да не будет вовек благодать!
Понять подобало тебе, что Иран,
Увидя владыку из рода кеян,
На чуждого свой не возложит венец,
Будь рода кейсерова, будь он мудрец».
Напрасно свои оправданья твердил
Гораз; не опутал, не разубедил.
Хосров же меж знатных иранцев избрал
Посла, что и знаньем и речью блистал,
К Горазу послал его с вестью такой:
«Ты, дива приспешник коварный и злой,
Доколе тебя ко двору призывать,
Доколь в беззаконье тебе пребывать!
А ныне вождей, что едины с тобой,
Ормоздов твоих в год и месяц любой,
Кто люди кейсеровы в мыслях своих
И низки намеренья тайные их,
Ко мне отошли: всех, сошедших с пути,
Покорность не мыслящих мне принести».
Когда до Гораза посланье дошло —
Служившего дивам в раздумье ввело.
Двенадцать он тысяч из рати своей
Иранских избрал именитых мужей.
Сказал им: решимости будьте полны,
Не каждому слову внимать вы должны.
На сем берегу вам подольше побыть
Не худо, за реку не должно спешить.
Всегда подпирайте друг друга плечом,
И будет вам горы сдвигать нипочем».
Дошел до Хорре-Ардашира их строй —
И старый там воин, и муж молодой.
Дойдя, на привал перед градом встают,
У вод повеления царского ждут.
Известие это услышал Хосров,
Но видеть он тех не желает бойцов.
В их стан Фаррухзада владыка послал,
Тот вскоре пред войском владыки предстал.
Слова повелителя передает:
«Ты ранее был для меня доброхот,
Почто же дозволил из Рума уйти

Кейсеру, дружину в Иран привести!
Кто сей, что с дороги Йездана свернул,
И нашей противиться воле дерзнул?»
От слов, прозвучавших в послании том,
Трепещут мужи, почерневши лицом.
Открыть не решаются тайну. Бледны,
Молчанье хранят, угрызений полны.
О том, что посланец с Горазом одно,
Ни ветру, ни праху узнать не дано.
Он в тайне глубокой вождей посетил,
Сердца удрученные их возродил.
Так молвил: «Откиньте, о знатные, страх!
За вами ведь явной не ведает шах
Вины. Будьте сердцем и словом — одно,
Сокройте, чье сердце с пути сведено.
Так сталось, мол — все мы под общим шатром,
Друг другу опора, едины во всем».
Как только услышали голос того
Посланца и тайну узнали его,
Тотчас, как один, весь поднялся совет,
Согласье мужи изъявили в ответ.
Как ветер, к царю полетел Фаррухзад,
Ответа слова пред Хосровом звучат.
Царь молвил: «Вернись, да услышат слова:
Того, кто меж вами строптивых глава,
Кого недостойный кейсер совратил —
Оружие, царство, казну посулил,
Забывшего верность державе моей,
К венцу охладевшего, к славе моей,
Тотчас во дворец отошлите ко мне,
Возмездье своей да приемлет вине.
Не то будет петля и яма для всех
С дороги сошедших отступников тех».
То слово принес Фаррухзад, и поник,
Скажи, постарел войска нового лик.
Никто и раскрыть не решился уста,
Безмолвствуют все, а в душе маята.
Дал волю тогда языку Фаррухзад,
И речи мятежные гневно звучат:
Мол, столь молодая и сильная рать —
Ведь немощных вовсе средь вас не видать! —
Ужели царя устрашится, того,
Чье войско не стоит теперь ничего.
Я мужа не вижу при царском дворе,
Кто б счастье царя уподобил заре.
Вам должно теперь мои речи презреть.
На гнев и угрозы мои не смотреть.

Хулите, браните, враждою горя,
Меня и великого также царя!..
И каждый, услышавши это, постиг,
Что царского счастья состарился лик.
Все тотчас свои покидают места,
Для ярой хулы раскрывают уста.
Вернувшись к царю, говорит Фаррухзад:
«Сплотились, в упорстве не зная преград.
Опасность грозит моей жизни, поверь,
Коль снова пошлешь меня к войску теперь».
Царь, зная, что слово лжеца услыхал,
Что чистую воду он с кровью смешал,
Безмолвствует, брата страшась своего,
Скрыл правду: Ростем ведь с дружиной его,
Числом в десять тысяч, восстал, совратив
С собой Фаррухзада и войско смутив.

[*Вожди выпускают Шируя из темницы*]

Понятно, меж тем, Фаррухзаду, что шах
В нем видит вину, не в мятежных вождях.
Как недруг тот царский ступил за порог,
К царю на глаза уж являться не мог.
Меж разных мужей вне двора пребывал,
Любого испытывал он, узнавал,
Царю строил козни, стремился к тому,
Чтоб вышла из повиновенья ему
Дружина. Нашептывал в уши о том,
Те в заговор тайный вступили потом:
Мол, должен быть шах на престоле другой,
Мол, этот покинут звездою благой...
Советником старца имел Фаррухзад,
Муж бдительный был разуменьем богат.
Промолвил он: «Видит владыка царей
В тебе возмутителя рати своей.
Доколе не сыщешь другого царя,
Спасенья не сыщешь, колеблешься зря!
Страшусь, разоренье жемчужину стран
Постигнет, уж станет Иран — не Иран.
Сынов его должно сравнить, рассудив,
Кто совестлив больше и сердцем стыдлив.
Царем на престол его должно возвесть
И златом осыпать, воздать ему честь.
Коль старший — Шируй — в заточении сын,
Что медлишь, не нужен другой властелин».
Такие же речи другие вели.
Немногие дни вслед за тем протекли,
И войска Тохарова пыль поднялась —

Казалось уж дело нетрудным в тот час.
На путь Фаррухзад вышел встретить вождя,
Немалое войско с собою ведя.
И вот посредине дороги сошлись.
Открыто и тайно беседы велись.
Стал речь Фаррухзад откровенно держать,
Все злые Хосрова дела поминать,
О замысле войска его говоря:
Мол, смелого, мудрого сыщут царя...
В ответ и вождя развязался язык:
«Я праздные речи вести не привык.
Коль двину в сраженье своих удальцов,
Добьюсь пораженья любых удальцов!
Все ведают ныне: царевич наш был
Правителям мил и воителям мил.
Ему коли жребий столь черный под стать,
Престола, венца никому да не знать!
Злосчастным стал шах, как злодеем он стал,
Слуг руки притом для злодейств развязал».
Те речи когда услыхал Фаррухзад,
Тохара вождем он назначить был рад.
Промолвил: «Теперь к заточенным пора,
К обиженным тем, удрученным пора!
Шируя-героя с собой приведем,
Он молод, отвагой и счастьем ведом.
Хранитель темницы его — Сипехбед,
С которым всех ближе он с давних уж лет.
Шесть тысяч там витязей стражу несут,
Безжалостно пленников тех стерегут».
Ответил Тохар Фаррухзада словам:
«Ужель с Сипехбедом не справиться нам!
Парвизу коль царствовать — сгинет Иран,
Последний покинет его пахлаван.
Темницы иль петли, иль тяжких оков
Никто не избегнет тогда из бойцов».
Так молвив, ретивого тронул коня,
Стремительней молний небесных гоня.
В сражение войско немедля повел,
Навстречу и строй Сипехбеда пришел.
Главы у бойцов именитых уж нет,
Повержен в кровавом бою Сипехбед.
Рассеялось царское войско тогда,
Померк его день и погасла звезда.
Под своды темницы вступает потом
Тохар в одеянии ратном своем.
Ширую могучему глас подает,
И тут же на зов откликается тот.

Зачем именитый в темницу в тот миг
Явился — Шируй изумленный постиг.
Увидел Тохара, в чьих радость очах,
И в сердце закрался томительный страх.
Промолвил, рыдая: «Где ныне Хосров?
Чья воля — избавить меня от оков?»
И слышит царевич: «Коль ты из людей —
Подальше от пасти свирепых зверей!
Коль нету согласья на то твоего,
Что ж, скажут: должно быть, не стало его...
Шестнадцатый не отыскался в живых —
Пятнадцать останется братьев твоих,
И каждому сан шаханшаха под стать,
Рад каждого будет престол величать».
Вновь слезы Шируй растерявшийся льет,
На волю из тесной темницы идет.

[*Хосров узнает о том,*
что совершило войско]

Стоял Фаррухзад пред дворцом и к нему
Приблизиться не дозволял никому,
Чтоб весть прежде времени царь не узнал —
Ты скажешь, дворцовым привратником стал!
Как солнечный лик потускнел в вышине,
И каждый из знатных помыслил о сне.
Он стражам тогда городским повелел,—
Сановным, кто долю в главенстве имел —
Явиться, и все во дворец собрались,
В дом царского отдохновенья сошлись.
Сказал он: «Должны в эту ночь возглашать
Иначе, не ночи вчерашней под стать.
Меняясь на страже, обычаю в лад,
В ночи поминайте лишь имя — Кобад».
«Исполню! — ответствует стражей глава.—
Забыла Парвиза моя голова».
Как ночь обновила покров смоляной,
Клич грянул во тьме над столицей ночной:
«В блаженстве и счастье Кобад да живет,
Все страны пусть имя его обойдет!»
На ложе охвачен был сном властелин,
Но сон в эту ночь убегал от Ширин.
В полуночи стражей расслышала глас,
И дрогнула, в сердце тревога зажглась.
«Что б значило это? — вскричала.— О шах,
Подумай, что кроется в этих словах!»
Проснулся владыка от зова того,
И сжалось от ужаса сердце его.

Ширин говорит он: «Царица-луна,
О чем говоришь ты? Очнись ото сна!»
«Ты вслушайся,— шаху Ширин говорит,—
В то слово, что стража ночная кричит!»
Владыка прислушался, оцепенел,
Что цвет шанбалида, лицом побледнел.
Промолвил: «Как ночи три стражи пройдут,
Пусть мне словеса звездочета найдут.
В тот день, как послал мне зловредного рок,
Я втайне «Кобад» ему имя нарек.
«Шируй» перед всеми я провозгласил,
Другое же имя от мира сокрыл.
Шируй — его гласное имя, но тот
Презренный — «Кобад» его ныне зовет.
Нам темною ночью бежать надо в Чин,
На землю Мекранскую или в Мачин,
Их замыслам хитростью путь преградить,
Бойцов у властителя Чина просить».
Но если звезда твоя тонет во мгле,
Удача тебе не блеснет на земле.
В ночи ему хитрость помочь не смогла;
Хоть легкой казалась, да трудной была.
Ширин тут промолвила: «Время ушло!
Верх вражье, не наше уменье взяло.
Ищи избавленья, а я помогу,
Того да не будет, чтоб сдался врагу!
Лишь сумрак рассеется, низкий хитрец
Примчится бесспорно сюда во дворец».
Из шахской казны взяли панцирь потом,
Два хиндских булата, румийский шелом,
Колчан со стрелами да щит золотой;
Был с ними воинственный раб молодой.
Пред утром, порой пробужденья галчат,
Хосров удрученный направился в сад.
И вот уж блестящий властителя щит,
От взоров сокрытый, на ветке висит.
Присел, где шафран и нарциссы кругом,
А меч — у колена, с булатным клинком.
Вот солнца ударили копья с высот,
Враг, дива служитель, на поиск идет.
Весь шахский просторный дворец обошли,
Но шаха нигде отыскать не могли.
Казну разгромили, что долго Хосров
Копил,— не припомнили царских трудов.
Уходят, и слезы у многих в очах,
Дивит их судьбой своей горькою шах.
Чего же от купола ждать нам сего:

Вращается — кто остановит его!
Венец властелина дарует сему,
Стать пищею рыб назначает тому.
Один нищетой, наготою томим,
Ни досыта пищи, ни крова над ним.
Другой среди меда живет, молока,
В парчу облачен и меха, и шелка.
Но в землю полягут и тот и другой,
Всем яма сырая — приют вековой.
Когда б добродетельный не был рожден,
Скорбей и борений не ведал бы он,
Не видел бы мир, преисполненный злом,
Будь знатным он, будь неимущим рабом...
Вновь сказ о Хосрове пора повести,
Читателю новые вести нести.

[*Хосров Парвиз*
схвачен своим сыном Шируем
и послан в Тайсафун]

Хосров пребывал среди сада того,
От древа высокого тень на него
Ложилась. Как день половины достиг,
Владыка почувствовал голод. В тот миг
Средь сада прислужника он увидал,
Который в лицо властелина не знал.
Промолвил, кто фарром был солнца светлей:
«Срежь часть кушака моего поскорей!»
Пять звеньев блистающих там золотых,
Узор из алмазов искусный на них.
Сказал повелитель садовнику: «В ход
Изделие это сегодня пойдет.
На рынке ты мяса купи мне кусок
Да хлеба. Подальше ходи от дорог».
Алмазам же тем знатоком названа
Была б тридцать тысяч дирхемов цена.
Вот к пекарю малый бежит во всю прыть
И хлеб за сокровище хочет купить.
Но слышит от пекаря: «Цену сего
Не знаю. Невмочь и отвергнуть его!»
Спешат к ювелиру: свои приложи,
Мол, знанья — изделия цену скажи.
Едва драгоценность увидел знаток,
Сказал: «Кто купить бы подобное мог!
Такие хранит лишь Хосрова казна,
По сто прибавлялось их, что ни весна.
Ты эти алмазы откуда украл?
Иль стража уснувшего обворовал?»

Втроем к Фаррухзаду пускаются тут,
Алмазно-златое изделье несут.
Лишь кинуть успел на изделие взгляд,
К царю молодому бежит Фаррухзад,
И часть кушака тут Шируй увидал,
Где царский узор из алмазов сверкал.
Садовнику молвит Шируй: «Коль сейчас
Не скажешь мне, чье достоянье алмаз,
Снесу тебе голову острым мечом
И всем, кто в роду неподобном твоем».
Ответил: «Муж в панцире, с луком в руке,
В саду укрывается невдалеке:
Стройней кипариса, лицом, что весна,
В нем царская, право, осанка видна.
Сад, скажешь, сияньем его озарен,
Что ясное солнце, в том панцире он.
На ветке висит его щит золотой,
Пред ним — опоясанный раб молодой.
Отрезав с алмазами часть кушака,
Мне дал с повеленьем назад без куска
Отменного мяса и хлеба притом
Нейти. И пустился я к рынку бегом».
И понял Шируй — то владыка Хосров,
Чей лик для державы по-прежнему нов.
Три сотни послал он мужей верховых,
Ко брегу ручья полетевших, как вихрь.
Дружину завидев, Хосров помертвел.
Но мщенья клинок обнажить он успел.
На лик шаханшаха взглянули, и вспять
Вернулись бойцы, мочи нет нападать.
Назад к Фаррухзаду все вместе пришли
И речи такие пред ним повели:
Мы только, мол, слуги, а он властелин,
Впервые теперь он во власти кручин.
Никто б не дерзнул его ввергнуть в беду,
Будь это в сраженье, будь это в саду...
Тут сам Фаррухзад к властелину пришел,
С собой из дворца меченосцев привел,
Но к шаху приблизился он лишь один;
Речь начал держать, и внимал властелин.
Так молвил: «Коль жизнь обещаешь, о царь,
Не станешь мне мстить за свершенноé встарь,
Приду и скажу все, что должно сказать,
Не то возвратиться мне надобно вспять».
И слышит: «Что хочешь сказать? Говори.
Сочувствовать мне или мстить — избери».
Пришедший для переговоров к царю

Сказал: «Глубже в дело вглядись, говорю.
Положим, бойцов десять сотен сразишь —
В неравной сей битве ужель устоишь?
Сторонников нет у тебя, весь Иран
Враждою к тебе, как один, обуян.
Приди, да увидим, что жребий сулит:
Вражду он, быть может, в любовь обратит?»
«Так,— молвил Хосров,— правда в речи твоей,
Да только страшусь недостойных людей:
Ко мне б не пришли с помышленьем таким:
Осилим, мол, восторжествуем над ним!»
Слова Фаррухзада как выслушал царь,
В нем дрогнуло сердце от слышанных встарь
Из уст звездочета: грозит, мол, беда...
Пророчество душу смутило тогда:
Мол, смерть меж горами двумя тебя ждет,
Раб некий вдали от народа убьет.
Меж золотом и серебром посреди
Пребудешь, с израненным сердцем в груди.
Свод неба из золота над головой,
Земля из железа — вот жребий твой злой...
Здесь панцирь землею моею лежит,
А небо мое золотое — мой щит.
Те горы — два клада, что прятал мой сад,
И светочем сердца мне каждый был клад.
Как видно, приблизился к гибели я.
О где ты, звезда молодая моя!
Куда ты, счастливое время, ушло,
Когда на венцах мое имя цвело!..
Подводят ему боевого слона,
Томительной болью душа пронзена.
Восходит на башню владыка, и тут
Из сада его на дорогу ведут.
С той башни он речь пехлевийскую так
Повел: «О мой клад, пусть Хосрову ты враг,
Но в дружбу с моим не вступай ты врагом.
В тисках Ахримана я ныне влеком!
Ты горю помочь не сумел моему,
Скрывайся же, лик не являй никому!»
Дастуру Кобад повелел вслед за тем:
«Не должно терзать его душу ничем.
С надежным его провожатым отправь
И в город Тисфун невредимым доставь,
А там к Мар-Сипанду в чертог помести,
К нему ни малейшего зла не впусти!
Хранитель да будет при нем Голинуш,
С ним тысяча всадников крепких к тому ж».

До часа, как стал к нему жребий суров,
Процарствовал лет тридцать восемь Хосров.
Был месяц Азер, накануне Дэй-дня,
Дни жареной дичи, вина у огня.
В ту пору венчался на царство Кобад,
Воссел на престол, успокоен и рад.
Ему присягнула иранская рать,
Годичную мзду поспешил он раздать.
Но семь только месяцев прожил затем;
То ль был он царем, то ли не был совсем...
Каков вероломный сей мир, погляди,
И верности ты от такого не жди!
Кто этой обители бренной поймет
Обычай — недобрым его назовет...

[ЦАРСТВОВАНИЕ КОБАДА,
СЫНА ПАРВИЗА,
ДЛИЛОСЬ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ]

[*Начало сказа*]

[*Шируй восходит на престол,
произносит наставление
и посылает вождей к отцу
со словами назидания*]

Как, сердцем ликуя, на славный престол *
Царь, имя Шируя носивший, взошел,
Иранские витязи, на торжество
Собравшись, на царство венчали его.
Услышал воителей возгласы царь:
«Достойный и доблестный наш государь!
Как в дар тебе дал Вседержитель благой
Трон кости слоновой с короной златой,
В наследье державу твой сын да возьмет,
С ним весь твой блистательный царственный род!»
На это Кобад отвечал им: «Всегда
Победы и счастье да шлет вам звезда!
Вовеки не стану злодейства творить.
Что может отраднее милости быть!
Страны безопасность и мир огражу,
Делам Ахримана предел положу,
Блюдя наш обычай и чин, и устав,
Святой нашей веры старинный устав.
К родителю ныне гонца отряжу,
Все кряду реченья ему изложу
О тех, что свершил он, недолжных делах,
Оставив недобрую память в веках.

Да молит Творца о прощенье грехов,
На путь возвратиться да будет готов!
Коль речи не станет мои отвергать
И сердце не будет мне дольше терзать —
Сам правя державою, стану я впредь
И втайне и въяве о благе радеть.
Достойному щедрость явлю я свою,
И сердце убогому не разобью.
Двух радов мне надобно с речью благой,
Что помнят сказанья о жизни былой».
Спросил у собранья почтенного: «Кто ж
Из мудрых для дела подобного гож?»
И все указали глазами на двух:
Мол, эти, коль их не противится дух...
Шируй проницательный после того
Постиг, указали иранцы кого:
Оштад, обладающий знаньем,— один,
Другой — почитаемый Хоррад-Борзин.
«Мужи достославные,— молвил Кобад,—
Вы мудры и опытом каждый богат.
Державы дела не сочтите за труд,
Достойным труды воздаянье несут».
Тут нехотя два мудреца поднялись,
Хоть горькие слезы с ресниц полились.
И вот на коней, как велит властелин,
С Оштадом-Гошаспом сел Хоррад-Борзин.
Напутствуя, молвил: «Вам должно спешить,
От сердца усердие должно явить.
Ты, славный Хоррад, мною послан не зря,
Не ты ли дастур был Хосрова-царя?
Благому отцу отвези мой наказ,
Запомни слова мои все в этот час:
Мол, в том не виновен я, что свершено,
И силы иранцам такой не дано.
Ты, верь, от Изеда возмездье обрел
За то, что с пути добронравья сошел.
Во-первых, пусть чистая кровь не течет
В отце — благородный ту кровь не прольет.
И в помыслы это б вовек не впустил!
Сердца правдолюбцев ты болью пронзил.
Затем: весь наполнивши кладами свет,
Край каждый ты сделал добычею бед.
Затем: не один молодой пахлаван,
Кого прославлял за отвагу Иран,
Не видывал в радости ни сыновей,
Ни рода, ни вотчины милой своей.
Кто в Чин, кто в Румийскую землю бежал,

В печали на землях чужих изнывал.
Затем: сколько блага содеял тебе
Кейсер, сколь участлив к твоей был судьбе!
Дал дочь свою в жены, дал сильную рать
И столько даров, что невмочь сосчитать,
Тебя ж о Христовом просил он кресте,
Да в радости празднует Рум, в чистоте!
Что мог от креста для казны ты своей
Обресть? Не кейсерова ль радость нужней?
Не дал! Не внушил тебе разум того,
Советником добрым не взял никого.
Затем: был ты алчностью столь побежден,
Что разум твой начисто был ослеплен.
Сиротские крохи к тебе перешли,
Проклятий беду на тебя навлекли.
Затем: ты шестнадцать имел сыновей,
Их дни протекали в темнице твоей.
Но гнев твой покоя лишил их и там,
Немало пришлось претерпеть сыновьям.
Пойми, от Творца твои беды и страх,
Помысли о злых своих прошлых делах!
Сколь тяжко, что я — этой злобы предлог,
Я первый для сих преткновений порог.
Йезданом клянусь, нет моей здесь вины,
Не жаждал я свергнуть владыку страны.
Прощенья ищи сотворенным делам,
В том мудрым откройся иранским мужам.
От зла отвернувшись, к Творцу обратись,
Вернуться на путь его правый стремись!
Быть может, он руку протянет тебе,
Твоей сострадая нелегкой судьбе».
Все выслушав, что наказал шаханшах,
Два мужа отправились с болью в сердцах.
Вступили во град, до Тисфуна домчась,
Кровь сердца, скажи, проливая из глаз.
И вот у дверей Мар-Испанда они —
Обитель высокого шаха в те дни.
У входа в нее восседал Голинуш,
Мир, скажешь, в кипенье ввергает сей муж!
Бойцы искушенные, в стройных рядах,
Мечи обнаженные держат в руках.
И каждый в шеломе, в железной броне,
Броня боевая на каждом коне.
Стальная в руке у вождя булава,
Исполнен отваги, в огне голова.
Как только, приблизясь, спустились с коней,
Хоррад и Оштад, двое мудрых мужей,

Узнал Голинуш их и с места вскочил,
Обрадован их лицезрением был.
К сиденьям почетным немедля ведет,
Как знатных назвать подобает, зовет.
Борзин, красноречьем богатый, сперва,
Отваги исполнившись, нижет слова.
Так начал он: «Благословенный Кобад,
Венчавшись на царство, покоен и рад.
Рум ведает, знает Иран, не-Иран:
Ширую верховный престол ныне дан.
Зачем этот лук, булава и броня,
Кого опасаешься, недругом мня?»
«Все с волей твоей,— отвечал Голинуш,—
Да будет в ладу, многоопытный муж!
Коль грудь мою белую ты пожалел,
Ее от железа избавить хотел,
За эту любовь славословлю тебя,
Алмазами рад бы осыпать, любя.
В речах твоих вижу добро лишь одно,
Дружить тебе с солнцем да будет дано!
Для дела какого ты прибыл, сперва
Поведав, мои ты послушай слова».
«Наказ для Хосрова,— ответил Хоррад,—
Со мною прислал достохвальный Кобад.
Прием испроси мне, и царский наказ
Весь полностью перескажу я тотчас».
«Кто лучше тебя, добродетельный муж,
Речь мог бы держать! — отвечал Голинуш,—
Да только Кобадом, иранским царем,
Мне велено строго: ни ночью, ни днем
С Хосровом беседу вести не давать,
Коль сам я не буду беседе внимать:
Мол, каждое слово усердно лови,
Язык будь фарси или будь пехлеви...»
«О счастья достойный! — промолвил Оштад,—
Речь в тайне хранить не велел нам Кобад.
Мечами, быть может, взойдет наша весть,
Быть может, ей витязям головы снесть.
Проси ж у Хосрова приема для нас,
Чтоб нам передать ему царский наказ».
Ту выслушал речь Голинуш и вскочил,
Потуже застежки свои закрепил.
С руками скрещенными к шаху потом
Вошел, как пристало,— покорным рабом.
«Владыка! — промолвил.— Счастливо живи!
Зови только радость, печаль не зови.
С Хорradом Борзином явился Оштад,

От шаха известье доставить хотят».
Но громко в ответ засмеялся Хосров:
«Я проку не вижу от этаких слов.
Коль он — венценосец, я кто же тогда,
В сей тесной тюрьме для чего же тогда?
Просить о приеме к чему же, скажи,
Будь речи правдивы, будь с примесью лжи!»
И вновь Голинуш пред мужами предстал,
Им царскую речь передавши, сказал:
«Вам, мыслю я, руки скрестивши, войти
Пора, говорить и ответ унести».
Тут каждый из мудрых, чье слово светло,
Тюрбаном из Чина окутал чело,
Владыку увидев, склонились тотчас
И долго пред ним пребывали, склонясь.
На ложе Хосрова — богатый покров,
Там образы тканы овец и волков;
Алмазы на поле горят золотом,
Искусный узор образуя притом.
Сиденье — под желтой блестящей парчой,
И цвета лажварда оплот за спиной.
Печалью томимый, Хосров возлежал,
Рукою большую айву он сжимал.
Когда на старейшин упал его взгляд,
Из коих был знанием каждый богат,
На ложе воссел он и стан распрямил,
Йездана о помощи втайне просил.
Готовясь прибывших приветствовать, плод
Он подле себя на подушки кладет.
Легко с двух подушек скатилась айва;
Ступени затем миновавши едва,
С покрова скользила, пока издали
Катясь, наконец не достигла земли.
Оштад, устремившись, ее подхватил
И, пыль отряхнув, на главу возложил.
Но лик свой Хосров отвернул, словно он
Ни цветом, ни запахом не привлечен.
И вот, на покрове том водворена,
Осталась лежать пред мужами она.
Благого знамения не увидал
В том царь, и в раздумье глубокое впал.
Промолвил он, взор к небесам обратив:
«О ты, что в судах неизменно правдив!
Что ты ниспровергнул, кто в силах поднять?
Что ты разорвал, кто сумеет связать?
Коль светлое счастье покинуло дом,
День следует черный за радостным днем».

Оштаду промолвил: «Какую мне весть
Несешь от юнца, позабывшего честь,
А также от тех, чьи несчетны вины,
Чьи души нечисты и мысли черны?
Злы помыслы их, ибо знания нет,
Где знания нет — гаснет радости свет.
Удача и счастье покинут сей род,
И радость навек от него отойдет.
Достанется низким престол и венец,
Державное древо ждет жалкий конец.
Утратят величье мои сыновья,
Всех родичей близких и дальних семья.
Кто другом был, станет вдруг недруг им злой,
Осыплют сей род беспощадной хулой.
Что скрыто — айва помогла нам познать:
Бесплодным престолу владык пребывать!
Открой же теперь для наказа уста,
Хоть он для меня — что в канавке вода!»
Послы, что слыхали от сына его,
Поведали все, не сокрыв ничего.
И вот уже смолкло звучание слов,
И горестный вздох испускает Хосров.
Сказал мудрецам: «Что в ответ говорю,
Все новому перескажите царю.
Судьей, мол, чужим да не будешь грехам,
Доколь от грехов не свободен ты сам.
Слов много сказал ты, но слов не своих,
Добра да не будет сказавшему их!
Без смысла таких не веди ты речей,
Чтоб недруга радовать речью своей,
Чтоб понял: в словах твоих знания свет
Не блещет, нисколько в них разума нет.
Коль силу ты ищешь в бесплодных речах —
И дух твой, и разум погрязнут в грехах.
Такому, кто грешным тебя признает,
Но после владыкой тебя назовет,
Не должно вблизи от тебя восседать,
Дел также не должно ему поручать.
И впредь уж не шли ты посланий таких,
Чтоб радовать недругов ими своих.
От Бога любое деянье мое,
В том мире теперь достоянье мое.
На ближних напраслины не возводи,
Не то одобренья от мудрых не жди.

[*Хосров Парвиз посылает ответ Кобаду*]

Отвечу я ныне на каждый навет,
Народу всему объяви мой ответ,
Да память мне будет по смерти моей.
Нет друга, правдивого слова верней!
Явлю понесенные скорби, труды —
Увидишь тогда, сколь обильны плоды.
Начну я с твоих о Хормозе речей,
О гневе и страсти минувших тех дней.
Врагу, обо мне говорившему зло,
Поверил отец, и вверх дном все пошло.
Когда я о замысле отчем узнал,
В глубокой ночи из Ирана бежал.
Пути в бездорожье искал и нашел,
От гибельной сети спасенье обрел.
Когда же владыка постигнут был злом,
Барду я покинул, услышав о том.
Преступный тогда ополчился Бахрам,
С дружиной навстречу он двинулся к нам.
Я снова бежал в день сраженья того,
Дабы не погибнуть в когтях у него,
Но после вернулся для битвы опять,
Бестрепетно стал на врага нападать.
И битву с Бахрамом я вел не одну,
Мир видел жестокую эту войну.
По воле Йездана, того, кто с высот
Дарует победы и горести шлет,
Иранской земли, не-Иранской земли
Народы покорность мне все принесли.
Понес пораженье Бахрам. С Чубине
Покончил, отмстить за родителя мне
Осталось. Дядья мне Биндуй, Гостехем,
Я в мире во всем не сравню их ни с кем,
Готовые жизнь положить за меня,
Всем сердцем любили, по крови родня.
И все же, коль скоро отцовская кровь
Пролита была, их презрел я любовь.
Я руки и ноги Биндую отсек
За то, что владыку он смерти обрек.
Сокрылся сперва Гостехем от очей
В далеком углу, но по воле моей
Нежданно настигнут, казнен был. Тогда
Погасла убийц кровожадных звезда.
Про то, что сказал ты затем о себе,
О тесной темнице, о горькой судьбе;
Чтоб зла не содеял мой сын, для того,

Чтоб сына беда обошла моего,
Держал его в узах, но были они
Не тяжки, вы горя не знали в те дни.
Я вас притеснять, унижать не давал,
Казны все щедроты на вас изливал,
Обычаям следовал древних владык —
Уставы былые менять не привык.
Что знатным мужам подобает, при сем
Не ведали вы недостатка ни в чем.
С певцами пиры да с гепардами лов,
Со стаями гончих, не то — соколов,
Динары, алмазы. Дворец хоть и слыл
Темницей, обителью радости был.
Припомню слова звездочета к тому ж:
Предсказывал мне прозорливый тот муж,
Что зло принесешь ты, и это сбылось,
Его предсказанье сберечь удалось.
С печатью моею Ширин вручено,
Поныне усердно хранится оно.
Когда тридцать шесть я процарствовал лет
Средь радостей многих и многих побед,
Припомнишь ты, верно, в те дни что стряслось,
Хоть лет уж немало с тех пор пронеслось:
Посланье ты принял из Хинда. Оно
Мне было до сведенья доведено.
Властителя Хинда приветствие мне
Доставлено с даром богатым казне:
Алмазы, одежда и хиндский клинок,
Слон белый и все, что желать бы я мог,—
Нетронутый жемчуг, обильный числом,
Парчи златотканой немало притом
И грамота также на шелке одна
Тебе. Разглядевши хинди письмена,
Я хиндского тотчас призвать повелел
Дабира, что словом и знаньем владел.
Послание то прочитал он тотчас,
И жаркие хлынули слезы из глаз.
Гласило посланье: будь счастлив судьбой!
Тебе подобает венец золотой.
Знай, в месяц Азер, в день сияющий Дей,
Державе ты станешь владетельный кей.
Отец тридцать восемь процарствует лет,
Изменится после движенье планет.
День светлый, благой ожидает тебя,
Величья венец осияет тебя...
И понял я: время решенье принять!
Не должно из сердца любовь изгонять.

Я знал: от звезды воссиявшей твоей,
От блеска и мощи державы твоей
Мне кроме несчастия нечего ждать,
День светлый мой станет лажварду под стать.
Но зов милосердья, любви победил,
Я духа той грамотой не омрачил.
Ширин я письмо, прочитавши, отнес,
Немало тогда передумать пришлось.
В ее тайнике и поныне лежит
В том месте, где лист звездочета сокрыт.
Взгляни, коли хочешь, и сам изучи,
Ищи сокровенного смысла ключи.
Так мыслю, что вникнув, раскаешься сам,
И станешь искать от недуга бальзам.
Затем о темницах, оковах шла речь:
На многих, мол, зло я стремился навлечь...
Так было, так будет, доколь пребывать
Здесь будут владыка и рады, и знать.
Коль сам ты не знаешь, мобед изъяснит.
Спроси, поученье твой лик прояснит.
Изеда противник, погрязший во зле,
Свободным не должен ходить по земле.
В темницу я дива лишь злого ввергал,
Что мукам и стонам благих обрекал.
Не в нашем обычае кровь проливать,
Схвативши виновного, жизни лишать.—
Затем я преступных в темнице держал,
Призывом страдальцев не пренебрегал.
А ныне, как слышно, ты выпустил тех,
Чей хуже деяний драконовых грех.
Такое творя, пред Йезданом грешишь,
И делом, и словом худое вершишь.
Коль царствуешь — разум в деяньях яви,
Не знаешь — познавших на помощь зови.
Не должно прощать приносящего зло,
Коль даже б сокровища это несло.
Кто вред лишь чинит, чей обычай таков —
Что может тому быть полезней оков!
Ведешь о поборах ты далее речь,—
Себя неразумью дал в сети завлечь!
С тех подать я взыскивал, дань собирал,
В ком силу выплачивать подать видал.
А кто, злоречивый, меня поносил —
Врагом, Ахримана исчадием был.
Изедовым помыслом только ведом,
Злоречье презрел я, не думал о том.
Венец и престол от Йездана прияв,

Нес труд я нелегкий владыки держав.
Коль ныне Создатель, благой Судия
Судил по иному — отважусь ли я
Противиться воле Подателя сил,
Искать возвышенья, коль он умалил.
Стремился я только Творцу угодить,
Его начертанья не мнил отвратить.
Как призван я буду владыкой миров —
О явном и тайном ответить готов.
Он спросит затем, что тебя он мудрей,
Во всем его сила превыше твоей.
Из тех многогрешных, что видишь вокруг,
Тебе ни один не помощник, не друг.
Хулящие ныне меня, столь же злой
Тебя вслед за этим осыплют хулой.
Их идол — лишь золото да серебро,
Не жди, что творить тебе станут добро.
Они твое сердце окутали тьмой,
Но верую, грех мне отпустится мой.
В твой разум сии не вместятся слова,
Не примет их дерзостных тех голова.
Пишу, да ко мне не питавший любви,
Прочтя эту грамоту на пехлеви,
Узнает, что лживая речь и навет
В устах у царя не обманет весь свет.
Да в мире хранит мою память к тому ж,
Да черпает в ней добродетельный муж
Отраду; любой, до кого б ни дошла,
Свершенные мной да познает дела.
От Чина к буртасам я с войском прошел,
Везде сипехбед мое войско провел.
Умел нападать я, бесстрашно разить —
Никто не дерзнул непокорность явить.
Когда обрела избавленье страна
От недругов — обогатилась казна.
Повсюду усердно трудились на нас,
Такой извлечен был жемчужин запас,
Что изнемогал, их возя, мореход;
Владыкою был я и суши, и вод.
Как только дирхемов запас иссякал,
Динаров все новый поток прибывал,
А также оружья, одежд и камней
Бесценных — алмазов, достойных царей.
Годов как процарствовал двадцать и шесть,
Сокровищ моих уже стало не счесть.
В любом из мешков десять тысяч и две
Динаров царевых — их груды везде.

О прочих несчетных сумах вопроси —
Из кожи парсийские все пайдовси.
Замыслив исчислить, счет долго вели,
Сто раз по сто тысяч динаров сочли.
Дирхемы чеканить по-новому стал,
Обилья искал, процветанья искал.
Нам подать и дань присылал Хиндустан,
С ним Рума земля и Волшебников стан *,
И прочих немало князей и вождей
Возили нам дань и дары вместе с ней.
Все должное в праздники Мехр и Новруз,
Коней и прекрасных невольниц, и груз
Несчетных доспехов военных к тому;
Кольчуг и мечей не жалел никому,
И мускус там был с камфарой; всех мастей
Пушнина: от лис, от куниц, соболей —
Обильем сокровищ таких здесь и там
Грузили верблюдов подвластные нам
И к нашему мчались порогу. С пути
Служенья никто и не мыслил сойти.
Немало на то положил я трудов,
Зато и наполнил казну до краев.
Немало речей о названье вели,
Клад первый тогда «Бадавар» нарекли.
Еще был «Хазра» и «Арус» был другой,
Для черного дня припасенные мной.
Уж лет тридцать восемь царил я, с высот
Все милость являл нам кружащийся свод.
Благой, именитый лишь радости знал,
Зломысленный в страхе всегда пребывал.
Дошло о правленье твоем до меня:
Не ведает подданный светлого дня.
В веселье подвластным твоим уж не жить,
Одно остается: молчанье хранить.
Державу наполнишь ты горем и злом
И благо повсюду изгонишь вредом.
Злодеи, которых к себе ты манишь,
Ормоздом средь мрака полночного мнишь,
Престол твой погибели, знай, обрекут,
Быть радостным в мире тебе не дадут.
Тобою коль мудрый бы руководил
И темную душу твою просветил —
Дающий тогда не понес бы вреда,
Достойным достались бы блага тогда.
О сын несозревший, что к мудрости глух.
Почто подозреньями радуешь дух!
Опора твоя и надежда — казна,

Вся власть не твоя ли в сии времена!
Казною богатой и царство красно,
Стране без дирхемов хиреть суждено.
Лишенный дирхемов, царь стал бы жесток,
Ни мудрость, ни доблесть являть бы не мог.
И силу откуда бы взял для щедрот?
Беднягой, не шахом любой назовет.
Сокровища если к врагу перейдут,
Коль руки брахмана кумир унесут *,—
Чтить больше не станет Йездана, хулой
Осыплет тебя ненавистник твой злой.
Казны не имея, бойцов не найдешь,
Не стоящим званья царя прослывешь.
Псу лучше быть алчущим пищи всегда,
Когда же его насыщаешь — беда!
Еще о моих ты дружинах писал,
Которые в разные земли я слал.
Сего по невежеству ты не взлюбил,
Благое от вредного не отличил.
Таков мой ответ: неустанным трудом
Цареву казну я умножил, притом
Немало я градов чужих покорил
Я вражеских полчищ немало разбил.
Дабы на престоле владык восседать
Спокойно, печалей и бедствий не знать,
Расставил я всадников вдоль рубежей —
Не стало ли ясного ныне ясней:
Когда б отовсюду дружины созвал,
Свободным бы путь для противника стал.
Ирана земля не весенний ли сад,
Где в пору цветенья пьянит аромат
Нарциссов, дух яблонь, гранатов, айвы.
Но если безлюдным оставишь — увы,
Преграды для бедствий уже не найдешь,
Гранат и айва будут сломаны сплошь.
Оружье и рать — стены сада сего,
И копья — колючки ограды его.
Ограду разрушь неразумно, и сад
От гор и степей отличишь ты навряд.
Стены той надежной, смотри, не ломай,—
Оплота иранский народ не лишай!
С воинственным кличем ворвутся тогда
Враги на конях, разорят города.
Иранцев владенья, их жен и детей
Ты жертвой не сделай злой воли своей!
Коль в край твой година такая придет,
Мудрец безрассудным тебя назовет.

Еще о тебе я иное слыхал:
Ты власть недостойным порой доверял.
Знай, пишут о сем Нуширван и Кобад,
Что нам наставлений оставили клад.
Кто недругу вверит оружие, тот
На гибель себя самого обречет.
В нужде коль придет за оружьем своим,
Не даст, и сразится зломысленный с ним.
И далее ты о кейсере сказал,
Меня двоедушным и черствым назвал.
Речь эта не в мыслях твоих рождена —
Тебе недостойным лжецом внушена:
Мол, верен кейсер, я — жестокость явил...
Жестокость и верность — не ты б их судил!
О, бедный умом, есть на это ответ.
Я больше, чем должно, не вымолвлю, нет!
Быть хочешь истцом и свидетелем сам —
Сие не пристало разумным мужам!
Кейсер, лишь несчастья день грозный прошел,
Отважного зятя в Парвизе обрел.
Коль жизни путем честно шествует муж,
Умом наделен хоть бы малым к тому ж,
Он знает, что против Бахрама-вождя,
Коль выйдет на битву, иранцев ведя,
Румийским воителям не устоять —
Пескам ли зыбучим с горой совладать!
В той битве защитником был мне Йездан,
Ничтожными счел я дружины всех стран.
Слыхали иранцы, что было в те дни,
Послушай и ты, что расскажут они.
Что должен был для Ниятуса свершить,
Признательность высказать, вознаградить —
Я все совершил для добра и любви,
Дни это в награду продлило мои.
О том же расскажет тебе Фаррухзад,
Твой взгляд — да не будет он юноши взгляд!
Припомнят еще и Гошасп-казначей,
И мудрый дастур, из честнейших мужей:
Две тысячи я кошелей из казны
Румийцам пожаловал в память войны.
Пластин десять сотен,— по тысяче в них
Серьгам подобавших камней дорогих,
Из коих что пламенем каждый пылал,—
Вождю Ниятусу в придачу я дал.
Жемчужин отборных добавил я сто.
В каких не нашел бы порока никто:
Дирхемов три тысячи — эта цена

Была б знатоком за любую дана.
Отобранных сотню в конюшне моей,
Под седлами также полсотни коней.
Попоны парчовые были на них,
В степи был им братом стремительный вихрь.
Все это я в дар для кейсера послал,
Приветствовал также, хвалу воздавал.
Еще о Христовом сказал ты кресте.
В казне ведь обломки древесные те
Мне впрямь ни корысть не приносят, ни вред.
Дошел до тебя христианский навет!
Мне дивным казалось в кейсере: молвой
Столь чтимый, муж доблести, мощи такой,
Вкруг коего столько ученых мужей,
Философов, тех просвещенных мужей,
Распятого как почитает Творцом,
Как видит Йездана в полене сухом?
Будь крест бесполезный тот вправду Йездан,
Когда бы вселенной в Ормозды был дан —
Исчез из хранилища б сам моего.
Не стало Масиха, нет в мире его!
Прощенья проси,— написал ты потом,—
Покайся, Йездановым следуй путем...
На это в ответ: — Да рассыплются в прах! —
Скажу о Кобадовых дерзких устах.
Венец на главу возложил мне Йездан,
Я принял и радостью был осиян —
Йездану вернул по веленью Его.
Не знаю, язык тебе дан для чего!
Что зло, что добро не познавший юнец.
Ответ мой услышишь не ты, но Творец.
Я делу Йезданову только служил.
Соленого, горького много вкусил.
Лет тридцать и восемь я царствовал, мне
Подобных в какой ты нашел бы стране?
Сей мир даровавший мне даст и другой,
Не ждет благодарности Он никакой.
Я мудрого благословил бы царя,
Да с ним благоденствует наша земля!
Йездан мне защита, подмога, оплот,
Меня проклинать да никто не дерзнет.
Юнцу неразумному, гневному я
Шлю слово: затмилась уж слава моя.
Прощай же теперь до скончания лет!
Держать только с мудрыми стану совет.
И вы, два достойных, усердных посла,
И красноречивых, и верных посла,

Прощайте! Что слышали здесь — ничего
Не скажете, верю я, кроме сего.
Простимся! — так миру всему говорю
Затем, что его преходящим я зрю.
Рожденный от матери каждый умрет.
Возьми от Кобада к Хосрову весь род;
Хушанг, Тахмурас и Джамшид отошли,
Хоть миру и страх, и надежду несли,
Хоть дикий им зверь покорялся и див,
Покинули землю, век долгий прожив!
Благой Фаридун, чье правленье смело
И явное все и сокрытое зло,
Кто руки злодею Зохаку связал,
Судьбы предначертанной не избежал.
Араш, чья фарсанг пролетала стрела,
Карен, чья над тигром бы мощь возмогла,
Кобад, что примчался с Альборза-горы,
Отвагой везде прогремев с той поры —
Тот царь, кем зеркальный был дом возведен *,
Которым был мир в изумленье введен;
Весь в блеске жемчужном — хоть верь, хоть не верь,—
Из яхонтов, дивно сверкающих, дверь;
Прославленный доблестью лев Сиавуш,
Двух барсов убивший в дни юности муж,
Труд тяжкий понесший, построив Канґдеж —
Плоды от труда понесенного где ж!
Где Заль и Ростем, и герой Исфандьяр,
О коих лишь слово досталось нам в дар;
Гудерз и его семь десятков сынов —
Воинственных витязей, доблестных львов;
Гоштасп, что всех лучшую веру приял,
И свет благодати при ком воссиял;
Джамасп, награжденный любовью светил,
Что ярче небесного солнца светил...
Ушли властелины, ушли мудрецы,
Отважные витязи, чудо-певцы!
Ушли прозорливцы, друг друга старей,
Умельцы, друг друга искусней, мудрей.
Покинули недолговечный сей кров,
Просторы дворцов, площадей и садов.
И не было в мире мне равных владык,
Хоть возраст и не был мой столь уж велик.
Худое и доброе в мире знавал,
Но бедам коснуться себя не давал.
Немало дорог я нелегких прошел,
Немало с дороги я недругов смел.
Моими богатствами страны полны,

Труды мои в землях и водах видны.
Рассталась со мною держава теперь,
Где знатных надежда и слава теперь!
Недолгое царство и сын обретет,
Престол его сгинет и счастье уйдет.
Придет уносящая душу пери —
Скажу: мою душу легко отбери!
В дух правый мой свет покаянья приму
И в панцирь себе милосердье возьму.
Верны изреченья благих мудрецов,
Испытанных и умудренных певцов:
Как бодрое счастье склонится в закат,
Ждать должно: беда за бедой налетят!
Коль власти царя суждено миновать,
Безумием было б назад ее звать.
Державе родной такова моя весть,
Хочу ее знатным и малым принесть.
Прощайте, лишь радости знайте всегда,
Меня лишь добром поминайте всегда!»
Воззванье вождя лишь дослушал Оштад
Достойный, с ним доблестный Борзин-Хоррад,
Ударили в темя руками, стрела
Обоим, сказал бы ты, сердце прошла.
Раскаялись в сказанных ими речах,
Ланиты себе истерзали в сердцах.
На них одеянья разорваны сплошь,
Без праха вершка на главах не найдешь.
Рыдая, покинули стены дворца —
В томлении души и в муках сердца.
Печальны, с наморщенным скорбно челом,
Предстали пред шахом Шируем вдвоем.
Лишенному знанья и мощи наказ
Отцовский они повторили тотчас.

[*Сочувствие Шируя Хосрову Парвизу и недовольство иранских вождей*]

Речь выслушав эту, Шируй зарыдал,
И страх за престол ему сердце объял.
Велит расходиться собранью тому,
Что мрачные мысли внушало ему,
Со злобой о крови отца говоря,
Да гнев распалят молодого царя.
Поднялся, покинул наследственный трон,
Руками схватился за голову он,
И хлынули слезы кровавым ручьем.
Лишь только дружина узнала о том,
Что царь удрученный стенает в слезах.

Смертельный напал на воителей страх.
Все вместе сошлись предводители тут
И речь о Хосрове в смятенье ведут:
Мол, если б Парвиз на престоле воссел,
Вождям бы лишь петля досталась в удел...
Лишь солнцем был горный хребет озарен,
И прочь отошел от зломысленных сон,
Они во дворец устремились. Взошел,
Об этом услышав, Кобад на престол.
Воссело собранье вождей боевых,
Владыке Ширую родных, не родных.
На лицах мужей недовольство и мрак,
Но речь завести не решатся никак.
Речь начал тогда венценосец: «О том,
Кто род свой ведет от владык, но при том
В беде не сострадет отцу своему,
Скажу я: презренный, вот имя ему!
Кто б мог на такого надежду питать!
Он высохшей ивовой ветке под стать».
Злокозненный так отвечает ему:
«Коль муж повелителю не одному
Приносит свое поклоненье, но двум,
Не скажешь ли в сердце: угас его ум!
Достоинствам, знатности всей вопреки
Его униженью, хуле обреки!»
На то отвечает Ируй: «Властелин,
Лишенный казны, не добудет дружин.
Хоть целый бы месяц я мягко твердил,
Слов резких ни разу не произносил,
Речь та же: его поучению рад
Затем, что весь край, им оставленный,— клад».
Услышав такие слова, поднялись
И все по жилищам своим разошлись.
Ируй же царевым сказал поварам:
«Хосрова ни в чем ограничивать вам
Не должно. Столы золотые всегда,
И сладкой, и жирной да будет еда».
Хосрову доставили, он же не ел,
Отведать предложенных яств не хотел.
Всю снедь от одной лишь Ширин принимал.
Заботу спю на нее возлагал.

[*Плач Барбеда о Хосрове*]

К Барбедову плачу коль ухом прильнуть
Решишься, весь мир остальной позабудь!
Барбед-песнопевец, услышав о том,
Что царь удалился, несчастьем ведом,—

В Тисфун из Чехрема помчался, стеня,
С истерзанным сердцем, злой жребий кляня.
В палату вступив, на владыку глядит,
Рубины лица обратил в шанбалид.
Немалое время пробыв у царя,
В чертоге собраний, от горя горя,
Плач начал безудержный на пехлеви,
С ланитами желтыми, с сердцем в крови.
Взывает: «О славный владыка Хосров,
Отважный, бесстрашный, великий Хосров!
Где сила твоя, где величие, стать,
Где шапка царева, звезда, благодать,
Осанка владыки и царственный взор,
Трон кости слоновой, венец и убор!
Где твой шабистан, славословья певцов
И двор, и собранья вождей-храбрецов!
Где стяг кавеянский, корона царей
И блеск, и бряцание сизых мечей!
Что сталося с Джанусияром * твоим,
С серьгами, с престолом его золотым!
Где шлем золотой твой, кольчугу найдешь,
Алмазами всю перевитую сплошь!
Где златостремянный твой конь вороной,
Что бил под тобой в нетерпенье ногой!
Где те златоуздые, полные сил,
Чей меч в супостатов, как в ножны, входил!
Надежды на жизнь твою всякий лишен.
Где кони ретивые, белый твой слон!
Где сотни верблюдов твоих беговых,
Носилки златые, слуг толпы твоих!
Где полные сладостной речи уста,
Дух мощный, отвага безмерная та!..
Все это почто разлучилось с тобой!
Кто думал, что писано это судьбой!
О, кто на сей мир положиться бы мог?.
Не противоядье, в нем яд превозмог.
Надеялся в сыне опору обресть,
Досталось — оковы сыновние несть.
Властителей сила растет от сынов,
Земных облегчается бремя трудов —
Но силу и фарр стал терять шаханшах,
Как сын возмужал и раздался в плечах.
Кто повесть услышит, Хосров, о тебе,
Не станет вверяться неверной судьбе.
Отныне Иран разоренным считай,
Убежищем тигров и львов называй.
Главою был рода иранского шах,

Которому равных не знали в веках,
Род сгинул, вслед сгинет Иран — супостат
Обрел, что искал, и весельем объят.
Была ль многочисленней рать у кого?
Помог ему кто же из войска того?
Верховным ущерб нанесен пастухом,
Волк ярый теперь устремится в пролом.
Услышит Шируй: «Стыд утративший царь!
Того ли заслуживал сей государь?
Бойцов твоих строй — устоит ли и он,
Как брань с четырех разгорится сторон?..
Владыка! Дух правый твой да укрепит
Йездан, твоих недругов да сокрушит!
Йезданом я, именем царским клянусь,
Весна мне свидетель и Мехр, и Новруз —
Коль впредь мои руки возьмутся за руд,
Добром мое имя да не помянут.
Орудья любимые разом сожгу,
В лицо да глядеть не придется врагу!»
Четыре отсек себе пальца в тоске,
Отсек и зажал он обрубки в руке.
Добрался до дома, и вот разведен
Огонь, и сжигает орудия он.

[*Вожди требуют от Шируя смерти Хосрова. Убиение его рукою Мехр-Хормозда*]

Меж тем пребывавшие с новым царем
За жизнь свою ночью дрожали и днем.
Труслив и незрел был Шируй, посему
Мог сетью престол оказаться ему.
Знал всякий, знакомый с природой людской,
Что близится день для вождей роковой.
И двинулись все сотворившие зло,
Чье сердце смятенье поэтому жгло,
К цареву чертогу. К Ширую вошли.
О деле преступном с ним речь завели.
«Сказали мы раз и в другой говорим,
Но мыслью ты, видно, иной одержим.
Где двое владык на престоле одном —
Один у подножья, другой — на самом,—
Коль дружбу родитель и сын заведут —
Всем головы слугам затем отсекут.
На это согласья тебе не узреть,
Про это речей да не слышим мы впредь!»
Услышал, и страхом объят Шируй-шах,
Рабом беззащитным у них был в тисках.

Ответил: «Капкан перед львом расставлять
Лишь имя худое носящим под стать.
Пусть каждый в чертог возвращается свой,
Держите сокрытый совет меж собой,
Ищите, найдется ль в державе во всей,
Кто нас от заботы избавил бы сей».
Убийцу искал злонамеренный шах,
Дабы умертвить венценосца впотьмах.
Но в крае всем не было ни у кого
Бесстыдства того и бесстрашья того,
Чтоб кровь миродержца такого пролить,
Впрямь гору на шею себе водрузить!
Все ж поиски те продолжали вести,
И вот человек предстает на пути.
Лицо его желто, глаза зелены,
Сухой, волосатый, и губы черны,
И ноги в пыли: отощавший и злой,
Идет с непокрытою он головой.
Презренное имя его каково —
Ни знатный, ни малый не знали того.
Пришел к Фаррухзаду зломысленный тот —
Да в райские кущи вовек не войдет!..
Вождя предложенье когда услыхал,
Злонравный немедля согласие дал.
«Мне эта работа,— сказал,— по плечу,
Меня коль насытишь, добычу схвачу!»
И слышит: «Ступай! Коли гож, сотвори,
Да только про это ни слова, смотри!
Тебе приготовлю динаров суму,
Я щедрость как сыну явлю своему».
Клинок дал, сверкающий, словно вода,
Убийца в дорогу пустился тогда.
И вот уж злодей предстает пред царем,
В чертоге его застает он с рабом.
Хосров содрогнулся, когда увидал
Пришельца, и горестных слез не сдержал.
«О низкий, зовешься ты как? — вопросил,—
Тебя породившей свет станет немил!»
«Зовусь Мехр-Хормоздом,— услышал в ответ,—
Я пришлый в сем крае, мне близких здесь нет».
Царь молвил: «Свершилось! Конец моих дней
Принес омерзительный этот злодей.
Гляжу — с человеком несхож он лицом —
Кто б мог возлюбить его в мире во всем!»
Был отрок с владыкой, служивший ему.
«Любезный! — так молвил слуге своему,—
Дай мускуса, амбры, воды мне, убор

Мне чистый подай, услаждающий взор».
Спешил все просимое отрок подать,
Но тайну царя не умел разгадать.
Ушел торопливо слуга молодой,
С лоханью вернулся затем золотой.
Одежду и воду принес, и кувшин.
Ни мига не медлил благой властелин.
Барсам перед ним, к бажу мысль обратил:
Не время витийства, молчанье хранил.
В одежды царевы затем облачен,
По чину земзема покаялся он,
И голову новым покровом одеть
Спешит, чтоб в лицо палачу не глядеть.
Пришел Мехр-Хормозд с обнаженным клинком,
Дверь запер покоя царева потом,
С владыки мгновенно одежду совлек
И в сердце вонзил ему острый клинок... *
Мир скачущий, мир сей неверный таков *,
Тебе ли сорвать с его тайны покров!
Будь мудр иль сему предпочти суету —
Увидишь в делах его только тщету.
Богатством владей иль в трудах изнывай,
В сем бренном чертоге не вечен ты, знай!
Путь правды и милости лишь возлюбя,
Им шествуй, и каждый одобрит тебя...
По градам и селам лишь весть пронеслась:
Настал для Хосрова, мол, гибели час —
Скоп низких свершил на темницу набег,
Туда, где страдальцы влачили свой век.
Пятнадцать там было царя сыновей *,
Давно изнывавших под гнетом цепей
В царевом айване. И все без вины
По смерти властителя умерщвлены.
Шируй прослезился, услышав о том,
И стражей послал два десятка потом,
Чтоб жен и детей их от бед охранять,
Коль в шахе пришлось им оплот потерять.
Ни слова владыка сказать не дерзал,
В душе сожаленье и горе скрывал...
Где царство Хосрова, могучая рать,
Величие, мужество, сила и стать!
Не ведали равных ему меж царей,
Не слышали прежде от знатных мужей.
Тот разумом — молвил мудрец — обделен,
Кого не заботит свирепый дракон.
Чудовищем лютым сей мир нареки,
Зубами сжует, как захватит в тиски.

Нет больше Парвиза, владыки страны,
Нет славного трона, дружины, казны!..

[СКАЗ О ШИРУЕ И ШИРИН, ЖЕНЕ ХОСРОВА ПАРВИЗА, И ГИБЕЛЬ ШИРУЯ] *

Твой век описал я, Хосров-властелин,
Сказ нынче начну о Шируе с Ширин.
Как минуло дней пять десятков и три
По смерти владыки — что сталось, смотри.
Такое Шируй ей послание шлет:
«Колдунья, в которой коварство живет!
Все ведаешь — чары, злодейство, навет —
Тебя в целом крае преступнее нет.
Что шаха ты околдовала — не ложь,
С небес и луну колдовством низведешь.
Ко мне, о преступница, в страхе приди,
В беспечности дни свои не проводи!»
Речь выслушав, вспыхнула гневом Ширин
За то поношенье, хулу без причин.
Так молвит: «Отцовскую кровь кто прольет —
Ни блеска тому не знавать, ни высот!
Вовек да не вижу его даже тень
Ни в радостный день и ни в горестный день!»
Дабира, ей верного, тут же призвать
Спешит. Пехлевийскую вел он тетрадь.
К тому просвещенному речь повела,
Все мысли свои до него донесла.
Имела для случая спрятанный яд,
Дабы не ходить ей за ядом во град.
Привыкла всечасно держать его близ,
Готовая в саван одеть кипарис...
Ширую ответ посылает такой:
«Владыка царей, вознесенный судьбой!
Такое ты молвил, что Бог сохрани!
Добра да не будет тому во все дни,
Кто знал не по имени лишь колдовство
И сердцем веселье вкушал от того.
Ужель шаханшах был одним из таких,
Что радость мог черпать в делах колдовских,
Что мог в шабистане колдунью держать,
Давать ей на лик властелина взирать!
Он радости видел источник во мне.
Лишь утро займется, еще в полусне,
Меня из покоя тотчас призывал,
Моим лицезрением дух услаждал.

Ты лживым страшись предаваться речам,
Лишь правая речь подобает царям.
Восномни Подателя благ, Судию,
И речь ни при ком уж не молви сию».
Владыке ответа слова вручены —
Разгневался царь на нее без вины.
«Придешь ты, иного решения нет!» —
Такие слова произносит в ответ.
Ширин, это выслушав, удручена,
Поникла, лицом побледнела она.
Сказала: «Приду, но приду не одна —
Достойным собраньем сопровождена.
Да слышишь ты речи благих мудрецов,
Мужей просвещенных, искусных чтецов».
Послал пятьдесят просвещенных мужей,
В преклонных годах, умудренных мужей.
К Ширин отправляет и вестника в путь:
«Довольно речей, поднимайся, прибудь!»
Весть эта лишь только до слуха дошла,
Вся в черном и синем к царю прибыла.
Немедля направилась к саду Шадган,
Где все собирались, кем славен Иран.
Спешит за завесой владыки воссесть,
Как женам и вера внушает, и честь.
К ней вестника царь посылает: «Внемли ж —
Два месяца плач о Хосрове ты длишь.
Будь ныне супругою мне, дабы плод
Вкусила, да низший тебя не возьмет.
Лелеять не меньше отца моего
Я стану тебя, коль не больше того».
Сказала: «Суд правый воздай мне сперва,
Потом для тебя лишь пребуду жива.
Без устали стану тебе угождать,
Державную волю твою соблюдать».
Услышал Шируй и согласие дал,
Чтоб той дивноликой рассказ прозвучал.
И та за завесою глас подала:
«Будь счастлив, владыка, далек будь от зла!
Я ж злая колдунья,— так вымолвил ты,—
Мол, нет во мне правды и нет чистоты».
«Да, было,— промолвил Шируй вслед за сим,—
Прощают горячность мужам молодым».
Тут слово Ширин обращает к мужам,
В Шадгане собравшимся, славным вождям.
«Худого что видели вы от меня?
Лгала я, вредила до этого дня?
Царица Ирана не мало годов,

Во всяком деянье оплот храбрецов,
Всегда я искала лишь правды одной,
Нечестье, пороки не знались со мной.
Сколь многим мужам испросила удел,
С подмогой моей не один преуспел.
В Иране кто тень от лица моего
Видал, от убора, венца моего?
Пусть каждый откроет, что видел, слыхал,
Свет правды дабы от речей воссиял».
Из знатных, которых собрал властелин,
Лишь доброе каждый сказал о Ширин:
Жены, мол, в Иране во всем не сыскать
Ни в тайном, ни в явном царице под стать...
Сказала Ширин: «О благие вожди,
Богатые опытом, знаньем мужи!
Три должно достоинства женам являть,
Чтоб царский собою престол озарять.
Стыдливость с немалым богатством притом,
Которым бы мужний украсился дом;
Должна сыновей достославных рождать,
Супруга достойного род умножать;
Чтоб станом и ликом прекрасна была,
Коса чтоб служить ей покровом могла.
В те дни, как Хосрову я стала женой,
Судьбой облеклась обновленной, иной,
Царь только вернулся из Рума пред тем,
От цели далек, не доволен ничем.
Но после столь славных достиг он побед,
Каких на земле не бывало и нет.
Ему четверых я дала сыновей,
В них радость он черпал душою своей.
Настуд, Шахрияр и Фаруд, наконец,
Благой Мардан-шах, небосвода венец.
Таких с Фаридуновых, Джамовых дней
Земля не рождала — нет слова верней!»
Так молвив, сняла покрывало: краса
Поспорит с луной, во всю спину коса...
«И, в-третьих, таков мой, как видите, лик.
Коль в чем солгала я, отсохни язык!
Была в волосах моя слава притом,
Таких, знать, не видели в мире во всем.
Вот ныне все чары мои пред тобой,
Ни лжи, ни уловки здесь нет колдовской».
Волос ее прежде никто не видал,
Из знатных никто о таких не слыхал.
Увидев подобное, каждый сражен
И шепчет, скажи, заклинание он.

Шируй, как увидел Ширин красоту,
Ты скажешь, душой воспарил в высоту.
Сказал: «Только ты мне в Иране во всем
Нужна, не помыслю я впредь ни о ком».
Красавица так отвечала ему:
«Нужду я имею к царю моему.
Две просьбы к тебе обращу. Невредим
Да будешь, престол да пребудет твоим».
Ответствовал: «Жизнью моею владей!
Дам каждой исполниться просьбе твоей».
Сказала: «Богатства, что в этой стране
Считаются принадлежащими мне,
Вручить соизволь мне одно за другим,
Как должно, пред этим собраньем благим,
К той грамоте руку приложишь свою.
Хочу я отбросить заботу сию».
Шируй это слово исполнил тотчас.
Увидев, что вмиг ее воля сбылась,
Жена удалилась из сада Шадган,
Покинула тех, возглавлявших Иран.
В дому всем рабам своим волю дала,
Отраду богатствами им принесла.
Немало затем раздала беднякам,
Того еще больше родным, своякам.
Щедроты явила и храмам Огня,
Дом Мехра, Навруза, Саде в них ценя.
Еще на поднятье заезжих дворов
Разрушенных, ставших пристанищем львов,
Динары дала в честь Хосрова-царя,
Отрадою душу его одаря.
В сад вышла, воссела, лик светлый открыв,
Себя не украсив и не умастив.
Подвластных затем вкруг себя собрала,
Сиденья почетные всем отвела
И громко затем возгласила она:
«Вы все, кому чистая совесть дана!
Что ныне скажу я, внемлите тому,
Глядеть же не след на меня никому.
Мне правду одну вы должны отвечать,
Разумному лживая речь не под стать.
С тех пор, как с Хосровом воссоединясь,
В чертоге его золотом поселясь,
Жен стала главою и светом царя,
Я в чем провинилась, нечестье творя?
Вы лицеприятствовать здесь не должны;
Ужель пред лицом вы колдуньи-жены?»
Речь выслушав эту, все с мест поднялись.

Горячие речи в ответ полились.
«О слава цариц, украшение жен,
Чье сладостно слово, чей ум просвещен!
Йезданом клянемся, тебя не видал
Никто, за завесой твой глас не слыхал.
Подобная не восходила на трон
Царица с Хушанговых даже времен».
Глас слышен рабынь и прислужников всех,
И стражей воинственных, бдительных тех:
«О ты, чьим достоинствам пели не раз
Хвалу и румийцы, и Чин, и Тераз!
Кто мог бы в недолжном тебя обвинить?
Преступное дело тебе ли чинить!»
Сказала Ширин: «Тот презренный злодей,
Отринутый небом, что ради своей
Корысти, престола ища и венца,
Убил — да не видит он счастья! — отца,
От смерти, знать, отгородился стеной,
Коль дерзко отец им повержен родной.
Посланца он с вестью такою прислал,
Что мрак мою скорбную душу объял.
И ныне скажу я такие слова:
Чтить буду Йездана, доколе жива!..
Один пред собою увидела путь,
Меня зложелателю не обмануть.
Ужели дерзнет пред собраньем мужей
Порочить меня после смерти моей!»
Внимают, и слезы не в силах сдержать,
Оплакали шаха Парвиза опять.
К властителю вестники тут же пришли,
О слове безвинной ему донесли.
«Спросите,— сказал,— добронравную ту,
Еще ль затаила какую мечту?»
Ширую ответ посылает Ширин:
«Исполнить осталось мне долг лишь один.
Открой для меня властелина дахму,
Увидеть хочу, потянуло к нему».
Шируй отвечает согласием ей:
Царя, мол, увидеть во власти твоей...
Страж отпер засовы, и вход отворен,
Раздался жены добродетельной стон.
К недвижному лику припала лицом,
В слезах вспоминает о счастье былом.
И после губительный яд испила,
На гибель бесценную жизнь обрекла.
Убор камфарою осыпав, воссев
Близ шаха, лицо покрывалом одев,

На стену спиной опершись, умерла,
По смерти от мира хвалу приняла.
Шируй занемог, эту выслушав весть.
Увидел и обмер от горя. Возвесть
Гробницу вторую затем приказал,
Ширин камфарою и амброй убрал
И вновь усыпальницу шахов замкнул.
Недолгий вслед этому срок промелькнул,
И также Ширую был яд поднесен.
Что миру! Царями пресытился он.
В злосчастье родился, в злосчастье ушел,
Наследственный сыну оставил престол.
Семь месяцев жизнь миродержца вести,
Камфарный венец на восьмой обрести!
Что лучше на свете, чем царский венец,
Что хуже, чем встретить столь ранний конец!..
Теперь о царе Ардашире я сказ
Начну — этот долг предо мною сейчас.

[ЦАРСТВОВАНИЕ АРДАШИРА, СЫНА ШИРУЯ, ДЛИЛОСЬ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ]

[*Восшествие Ардашира на престол и его наставление вождям*]

Воссел Ардашир на престол *, и спешат
Иранцы увидеть его — стар и млад.
Прославленных много, в преклонных годах,—
Все слышать хотят, что поведает шах.
Так речь Ардашир молодой начинал:
«Вожди боевые, чей опыт немал!
На трон да восходит лишь чистый душой,
Йездану да будет усердным слугой.
Обычаи древних владык сохраним,
Последуем веры заветам благим.
Йездана да помним во все времена,
Да будет в делах наших правда одна.
Мужей многочестных умножу я честь,
В служении верным дам славу обресть.
Пируз сын Хосрова — ему подарю
Я званье вождя: предан правде, царю.
В Иране подобный коль есть пахлаван,
Пусть радостью будет ваш дух осиян».
И муж не один осчастливлен ушел,
От речи властителя радость обрел.

[*Недовольство Гораза царствованием Ардашира и гибель Ардашира от руки Пируза, сына Хосрова*]

Известия эти услышал Гораз,
Хосрова в терзанья ввергавший не раз.
И вот уж из Рума шлет вестника он:
Мол, рухнул Шируя зловредного трон.
Пусть душу сожмет ему адская тьма,
Да сгинет его в небреженье дахма!
Не стало Хосрова, что столь был велик,
Кто равных не ведал себе меж владык,
Кому я покорность и рвенье принес;
Он, царствуя, нам возвышенье принес.
Кто ждал, что могучий сей тополь, увы,
Смерть горькую примет от жалкой травы,
Что с трона низринется он своего
И счастье внезапно покинет его,
Что небо отринет его, разлюбив,
Его упованья в земле схоронив,
Что волей светил будет власти лишен
Великий, утратит корону и трон,
Шируй же презренный престол обретет,
На край весь Иранский беду навлечет!
Погиб от навета, того я не знал —
От шаха Парвиза вдали пребывал.
Ушел и Шируй, а теперь Ардашир
На троне ужели порадует мир!
Такого бы видеть царем не хотел,
Пусть вовсе царя бы Иран не имел.
Возносится он в ослепленье своем,
Но мысли иные у войска о том,
Хотя бы познал я лишь труд и беду
В Иране — грозу от страны отведу.
Рать мощную двину отважных мужей,
Испытанных Рума, Ирана вождей.
Увидим, каков он, владетельный тот,
В котором надежда такая живет.
Так с корнем исторгну его, чтобы впредь
Ему о престоле и мыслить не сметь!»
Гонца искушенного выбрал, и вот
К старейшинам войска иранского шлет.
Деянье иное задумал к тому ж —
Пирузу посланье шлет дерзостный муж:
Мол, время, о вождь, препоясаться — трон
Верховный Ирана во тьму погружен.

Сам средство от этой беды избери,
Подумай, все способы перебери.
Придут стар и млад на подмогу, и мир
Избавишь, не будет царем Ардашир.
Все сбудутся разом желанья потом,
Покоен пребудешь в чертоге своем.
Но помни, коль тайну ты выдашь мою,
Я кровью мой мстительный меч обагрю.
Из Рума нагряну я с войском таким,
Что мир почернеет пред взором твоим.
Смотри, поразмысли о слове моем!
Ты дело сие не сочти пустяком...
Вот свиток посланья Пирузом прочтен,
И дело со всех он обдумал сторон.
Темно стало в сердце, где было светло:
Рожденный царем — как чинить ему зло!
Его Ардашир всякий раз призывал:
Владел красноречьем и многое знал.
Царю наподобье дастура он был,
К тому же еще казначеем служил.
Пришел темной ночью, был принят царем
За теплой беседой, за добрым вином.
В чертоге своем Ардашир, окружен
Мужами седыми и юными он.
Пируза когда увидал пред собой,
Сказал бы, до неба вознесся главой.
Велит, чтобы руда звенела струна,
И вот уже песнью палата полна.
Пир за полночь длится, уж близок рассвет,
В ман чашу до дна осушил сипехбед.
Хмель также осилил окольных его,
И трезвого нет уж певца одного.
Зломысленный выгнал окольных потом,
Остался владыка с Пирузом вдвоем.
Внезапно вперед устремился злодей,
Рот шаху сжимал он рукою своей,
Доколе пришел его жизни конец.
Вот полон мечами, стрелами дворец —
Все люди Пируза: немало юнцов
Меж ними, испытанных также бойцов.
К Горазу гонца не замедлил послать,
Велев происшедшее пересказать.
Когда пред Горазом посланец предстал,
Как солнце, угрюмый тот лик просиял.
В путь войско такое спешит повести,
Что негде уже муравью проползти.

Летит до Тисфуна, что ветер степной,
И рвется в сраженье кровавое строй.
Сдержать не дерзнул их никто из вождей,
Не много ведь было в том граде мужей.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ФАРАИНА ГОРАЗА
ДЛИЛОСЬ ПЯТЬДЕСЯТ ДНЕЙ]

Венец на себя возложил Фараин *,
Сказал, что имел на уме, властелин.
Так молвил: «Недолго царем пребывать,
Ликуя, на троне владык восседать
Не лучше ль, чем лет шестьдесят день за днем
Рабом прозябать, изнывать под ярмом.
Угасну, и сын мой воссядет на трон,
Наследственным этим венцом озарен».
Сын старший сказал втихомолку ему:
«Край ныне подвластен венцу твоему.
Беспечен не будь, взять казну поспеши,
Доколе ты царствуешь, это сверши.
Коль явится некто, чей царственен род,—
Мгновенно престол у тебя отберет».
Сын младший промолвил другие слова:
«Ты ныне державы Иранской глава.
Богатство и войско — владыкам под стать,
С казною богатою бед не знавать.
Царил Фаридун, чей отец Абитин *,
Припомни, кто был до него властелин.
Все ж землю трем роздал достойным сынам,
Затем, что искал справедливости сам.
Удержишь казной и отвагою трон —
От матери кто ж властелином рожден!»
Царь младшего словом не смог пренебречь,
А старшему молвил: «Обдумывай речь!»
Ариза в диване царевом сажал,
Всех ратных вождей ко двору призывал,
Динары давал темной ночью и днем,
Не раз одарял недостойных притом.
К концу двух недель все царево добро
Одно для стрелы б не купило перо.
В ночи как для пира в цветник прибывал,
Свечами из амбры лишь путь освещал —
По восемьдесят позади, впереди;
Спешила окольных толпа позади.
Сосуды из золота, из серебра.
На золоте том — самоцветов игра.
В ночи был обычай его пировать,

И стали с ним знатных сердца враждовать.
В движенье всю темную ночь проводил,
Когда не в садах — на ристалище был.
Его уж не стали в Иране любить,
И стал в разорение край приходить.
Неправедным, неблагородным он был,
О щедрости, великодушье забыл.
Привыкший о золоте только мечтать,
Готов за динары державу продать.
Нередко безвинную кровь проливал;
Гнев лютый в сердцах у вождей воспылал.
Проклятья, хулу посылали ему,
В Иране все смерти желали ему.
Однажды сошлись в уголке потайном,
И держат совет о правителе том.
В Хормозд, ночью темною, Шахран-Гораз
Пришел на совет. Тайно речь повелась.
Испытанный витязь из града Истахр —
У знатных там имя его на устах —
Речь начал, и слышат Ирана вожди:
«От дней Фараина благого не жди!
В каком небрежении знать у него!
Поникли вы сердцем, умом отчего?
Все льют от обид его слезы ручьем,
А сердце не вспыхнуло гневом ни в ком!
Ни рода Сасанова, ни Кеянид —
Вам рабски служить ему кто же велит!
Вы сердца в груди не имеете, знать,
Иль желчи в утробе уже не сыскать?»
На это услышал в ответ от вождей:
«Не видя достойных престола царей,
Молчали. На ум не пришло никому
Безродному сопротивляться тому.
Тут все согласятся с тобою мужи.
Муж где справедливый, достойный? Скажи.
Ведь нам не сулит царь зломысленный сей
Ни дела благого, ни добрых речей.
Вовек да не будет он благословен!
Когда же Ирана окончится плен!»
И слышат от Шахран-Гораза тогда:
«Иранской земли затянулась беда!
Коль зла не желаете мне, помогать
Мне станете, как благородным под стать,—
Немедля я силой благого Творца
С престола его изгоню, из дворца».
Сказали на это иранцы в ответ:
«Вовек да не ведаешь горя и бед!

Все войско на помощь тебе поспешит,
Ты в нас обретешь от опасностей щит».
Муж — царский служитель, ту выслушав речь,
Чтоб с низким покончить, стал случай стеречь.

[*Смерть Фараина от руки Шахран-Гораза*]

Собрался однажды владыка на лов
И град покидает, ведя удальцов,
Дружинников вооруженных своих,
Немало и знатных, и малых средь них.
Вперед Фараин устремился, коня,
Что молния, ширью равнины гоня.
Наездники вкруг властелина неслись,
За всякой добычей степною гнались.
Когда ж возвращались во град, насладясь
Охотой, бестрепетно Шахран-Гораз
Взглянул на владыку дурного, потом,
Извлекши стрелу со стальным острием,
Вперед скакуна вороного пустил
И каждый тут взоры к нему обратил.
Вот лук натянул, оснастив тетивой,
То держит пред грудью, то над головой.
Играючи, скажешь, стрелу наложил,
Плечо развернув, в Фараина пустил.
Вошла ему в спину стрела ездока,
Тут выпала плеть из его кулака.
И вот, обагрившись до перьев, стрела
Стальным острием сквозь утробу прошла.
Воители все обнажили мечи,
От пыли над степью темно, что в ночи.
Друг друга во тьме узнавать уж невмочь,
Оружье на поле бряцало всю ночь.
Из рук этот выпустит, выхватит тот;
Кто благословенье, проклятье кто шлет.
Как свод золотистой облекся парчой,
Гора, скажешь, тигровой стала спиной —
Сплошь груды растоптанных и мертвецов,
Смятенье объяло вождя и бойцов.
Рассеялся воинский строй, побежал,
Что овцы, на коих бы хищник напал.
И долго владыки Иран не имел,
Венчаться на царство никто не хотел.
Искали меж витязей множество дней,
Нигде не сыскали потомка царей.

[ЦАРСТВОВАНИЕ ПУРАНДОХТ ДЛИЛОСЬ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ]

[*Восшествие Пурандохт на престол, предание казни Пируза, сына Хосрова, и смерть Пурандохт*]

Девица сыскалась, чье имя Пуран *,
Коль женщина царствует, делу изъян!..
В роду Сасанидов оставшись одна,
Книг царских немало читала она.
На древний престол возвели ее, знать
Алмазами стала ее осыпать.
«Того не хочу,— возгласила Пуран,—
Чтоб брошенный, впал в запустенье Иран.
Я всем беднякам помогу из казны,
Нуждой да не будут отягощены,
Печальных в моем да не будет краю,
Ведь это беду навлекло бы мою.
Врагов от державы моей удалю,
Властителей древний устав обновлю».
Разыскивать стала Пируза, и весть
Доставил ей некто, в чью верила честь.
Услышала то донесенье, и вот,
Призвавши, надежных воителей шлет.
Настигнутый ими Пируз — перед ней.
Сказала: «О дышащий местью злодей!
Ты кару за то понесешь, что свершил,
Какую, о мерзостный, ты заслужил.
Принять приготовься же кару свою,
Я кровь твою ныне рекою пролью!»
Велит на конюшню цареву пойти,
Коня необъезженного привести,
И крепко к тому привязавши коню,
На шею попону надели ему.
Рванул жеребец, не видавший седла,
И носится с тем совершителем зла.
Царица наездников шлет на майдан,
У всех на луке́ длинный виден аркан —
Коня подгонять. Все быстрее он мчит,
Ту ношу порой по земле волочит,
Сам оземь порой ударяется с ней.
Звучат одобрительно клики мужей.
И вот уж изодрана кожа на нем,
И кровь непрестанно струится ручьем.
Злосчастного дух наконец излетел —
Иль милости ты за жестокость хотел!?..
Заботливо, мудро царила жена,

Державу от гроз ограждала она.
Шесть месяцев власти ее пронеслось,
И века ее покривилась вдруг ось.
Неделю недужной пробыв, умерла,
И доброе имя с собой унесла.
Так молвит сей свод круговратный, увы:
Во всем я могуществен, немощны вы...

[ЦАРСТВОВАНИЕ АЗАРМДОХТ
ДЛИЛОСЬ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА]

[*Восшествие на престол Азармдохт
и ее смерть*]

Азарм было имя девице другой *,
Кому вручено было царство судьбой.
Пришла и воссела на троне кеян,
Был мир сей непрочный во власть ее дан.
Так речь начинала: «Благие мужи,
Стяжавшие опыт и мудрость вожди!
По правде и вере дела поведем,
От смерти ведь все под конец не уйдем.
Кто будет мне верен, обилье щедрот
Заслужит, пестунью во мне обретет.
А кто на стезю вероломства свернуть
Решится, презрев добродетели путь,
Того обезглавят и вздернет аркан,
Румиец он будь, иль тази, иль дихкан».
На троне четыре лишь месяца ей
Пробыть довелось до кончины своей.
И снова престол пребывал без царя,
Противников радостью злой одаря.
Сколь рок неустанен в деяниях сих!
Иль впрямь ненавидит питомцев своих?..

[ЦАРСТВОВАНИЕ ФАРРУХЗАДА
ДЛИЛОСЬ ОДИН МЕСЯЦ]

[*Восшествие Фаррухзада на престол
и смерть его от руки раба*]

Призвав Фаррухзада из града Чехрем *,
Его на престол возвели вслед затем.
Воссев на престоле, с открытой душой,
Создателя мира почтил он хвалой.
«Род,— вымолвил,— от шаханшаха веду,
Стране в безопасности жить и в ладу.
Кто вред причинять покушается, тот,
Доколе я шах, не достигнет высот.

А тех, кто стремится лишь к правде одной,
Себя никакой не пороча виной,—
Что милую душу взлелею тепло,
Чинить не помыслю беззлобному зло».
Хвалой отвечали вожди: озаряй
Мол, долгие годы и время, и край!..
Но месяц процарствовав только, престол
Покинул, конец его жизни пришел.
Был раб его юный прекрасен собой,
Так статен — скажи, кипарис молодой.
Беспутный звался Сияхчашм *, небосвод
Подобных на землю вовек да не шлет!
Любовь ему в сердце рабыня влила,
Что мимо него ненароком прошла.
Спешит он посланье рабыне сложить:
«Когда согласишься со мною побыть,
Богатства тебе без числа подарю,
Корону алмазами всю озарю».
Рабыня ответа на то не дала,
Царю Фаррухзаду про то донесла.
Царь, выслушав это, весь будто в огне,
Забыл от печали о пище и сне.
Надеть Сияхчашму оковы велит,
Мытарить в темнице суровой велит.
Вот некое минуло время с тех пор,
Как низкого царь посадил под запор,
И цепи он снять дозволенье дает
Затем, что ходатаев множится счет.
Владыке служение возобновил,
И жизнь венценосцу тому сократил.
В покое своем пировал Фаррухзад,
В вино Сияхчашм подмешал ему яд.
С неделю лишь прожил он после того,
И каждый, кто слышал, оплакал его.
И снова Иран властелина лишен,
Нагрянули недруги с разных сторон.
Таков он в деяньях, вертящийся свод!
Помысли, он много сулит ли щедрот?
Вкушай, что имеешь, до завтра не жди,
Кто знает, что завтра у нас впереди.
Другому дадут, у тебя отобрав,
Престол и венец властелина держав.
Вкушай, потрудившись, излишки раздай,
Добытое недругу не оставляй.
Коль минули нам отведенные дни,
Ты с ветром степным нажитое сравни!..

[ЦАРСТВОВАНИЕ ЙЕЗДГЕРДА ДЛИЛОСЬ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ]

[*Восшествие Йездгерда на престол и его наставление вождям*]

Он умер, и стал властелином Йездгерд.
В Сипандармоз * месяце было, в день Эрд.
Так доблестный, красноречивый сказал,
Кто видеть превратности жизни устал:
О если бы матерью не был рожден,
Не впал бы под власть круговратных времен!
Величия день, обнищания день
Недолго пребудут, промчатся, как тень.
Все бренно, мгновенно в деяньях судеб,
Тягаться ты с ними оставь, коль не слеп.
Садись пировать, наливай дополна,
Докучных забот позабудь имена.
Хотя б оседлал ты вертящийся свод,
В конце изголовье могильное ждет.
Ты духом не падай от бед и потерь
И в верность высокого свода не верь:
Не ведает нужд, оттого нипочем
Играть ему тигром и грозным слоном.
Тебе истлевать, а ему пребывать...
Короче, гордиться тебе не под стать.
Ведь ты не сильней Фаридуна, не льстись,
Не блещешь престолом, венцом, как Парвиз...
Смотри, что с Йездгердом-царем сотворил
Тот свод семислойный, исполненный сил.
С весельем воссевши на троне царей
В наследственной древней короне царей,
Промолвил он: «Как начертал небосвод,
От Нушинравана веду я свой род,
Род царственный. Зваться моими могли б
И Солнце, и Девы созвездье, и Рыб.
Не жажду возвыситься я и блистать,
Развязывать войны, разить, нападать.
Не вечно ведь тешиться счастья лучом,
Казной и престолом, и царским венцом.
Стремись не желанья свои ублажать,
Но добрую славу на свете стяжать.
Жизнь вечную доброе имя дарит,
Хоть сам истлеваешь ты, в землю зарыт».
Хвалами вожди осыпали его,
Владыкой земли называли его.

Так лет дважды восемь над царской главой
Минуло, так двигались Солнце с Луной.

[*На Иран нападает Саад Ваккас,*
и Йездгерд посылает Ростема
сражаться с ним]

Омар против шаха — день этот настал *—
Саада Ваккаса с бойцами послал.
Услышав об этом, Йездгерд-властелин
Созвал отовсюду немало дружин,
И сыну Хормозда * с тем войском в поход
Собраться веление царь отдает.
Тот звался Ростем, проницателен был,
Правителем доблестным, праведным слыл.
Богатый умом, звездочетство он знал,
Мобедов словам неизменно внимал.
Помчался, с собою лишь бдительных взяв,
Достойных, отважных, решительных взяв.
И вот тридцать месяцев целых подряд
К сраженью готовился Кадиси-град *.
Все видел Ростем, что вертящийся свод
Готовит,— он опытный был звездочет.
Так мыслил: «Нет проку в сражениях сих,
Царю не достичь одоления в них».
Соллаб * рассмотрев и движенье планет,
За голову взялся в предвиденье бед.
Послание брату в тоске написал,
Словами все должное пересказал.
Хваленье Творцу не забывши воздать,
В чьей власти худое и доброе слать,
Писал вслед за тем: «О любезный мой брат,
Кто звезды читает, тревогой объят!
Всех боле я в мире грехом обуян,
За то и терзает меня Ахриман.
Знай, места в сем крае для царства уж нет,
Не время для радостей здесь, для побед.
С четвертого неба светило глядит,
Недобрый конец этой брани сулит.
Беду предвещают Зохра и Бахрам,
Высоким кто б мог возражать небесам!
Тир движется рядом с Кайваном, и тут
Гляжу, к Близнецам подошел Аторуд *.
Такие нас бедствия ждут впереди,
Что жизни уж сердце не радо в груди.
Дано мне грядущее все созерцать,
Однако о том предпочту умолчать.
Скорблю о судьбе твоей горькой, Иран,

О шахах, чей родоначальник Сасан.
Жаль трон и корону, и доблести жар,
Жаль знатность, величие, царственный фарр!
Наш строй будет войском тазийским разбит,
Вращение звезд о несчастье твердит.
Едва миновало четыреста лет,
С сим родом навек разлучается свет.
К нам прибыл посол из Тазийской земли,
С ним переговоры в собрании шли:
Мол, от Кадиси до речных берегов
Шах землю отдать нам да будет готов,
Дорогу чтоб нам чрез нее проложить
До града, где можно базары открыть.
Коль скоро там куплю-продажу начнем,
Не станем уж речь заводить об ином.
Не будем ни дани жалеть, ни даров,
И княжьих искать не помыслим венцов.
Покорность владыке владык принесем,
Захочет — заложников также пошлем...
Слова таковы, дел пока не видать,
Все — циркуля бегу кривому под стать.
Меж тем продолжается брань. Что ни час,
Сто падает витязей храбрых из нас.
Вожди, что на бой рядом с нами идут,
Те веры пустым словесам не дают.
Табарец Мируй и армянский герой,—
Тот с острым копьем, сей с большой булавой,—
Суриец Киблуй и другие, что бой
С бесовскою верой вели день-деньской,
Ярятся: кто эти? Зачем в эти дни
В Иране и Мазандеране они!
О землях, дорогах, о чем-ли ином
Здесь речь, да возьмут булавой и мечом!
Отвагу являя, все ринемся в бой,
Весь мир перед ними окутаем тьмой!...
Неведома тайна небес никому —
Лишились их милости мы почему.
В послание вникнувши, мудрость яви,
Вождей на совет и на помощь зови.
Богатства наличные все собери,
Рабов, одеянья с собою бери.
Мчись без промедленья в Азерабадган —
Мужей именитых и доблестных стан,
А также коней табуны собери,
Их Азергошаспа казне подари.
И кто из забульских, иранских бойцов
Прибегнуть под ваш ни пришел бы покров —

Прими, облачи, от души обласкай,
На сей небосвод круговратный взирай!
Дарует он радость и горести шлет,
То наземь низвергнет, то ввысь вознесет.
Ты матери эти слова передай,
Меня не увидеть ей более, знай.
Приветствуй, утешь и наставь. От тебя
Да слышит: жить в мире не должно, скорбя.
И если недобрая весть обо мне
Придет, да не будешь от горя в огне.
Припомни, что в бренной обители сей
Не стоят сокровища жизни твоей.
Смотри, не привязывай сердце к дворцу
Земному, служи неустанно Творцу!..
Навряд рокового избегну я дня,
Властителю впредь не увидеть меня.
Ты сам и другие мужи — стар и млад,—
Из рода кто нашего, все да спешат
Покаяться пред милосердным Творцом,
Мольбы возносите во мраке ночном
Затем, что с дружиной до черного дня
Я дожил, и беды постигли меня.
Мне, видно, спасения не обрести.
Ирану прекрасному жить да цвести!
Коль тяжко придется владыке царей,
Богатства и жизни самой не жалей
Затем, что из славного рода его
Нет, кроме владыки сего, никого.
В служенье усердным и верным пребудь —
Единый он края пестун, не забудь.
Он память о доме Сасана, один,
Другой не родится уже властелин.
Жаль милость и щедрость, и царский венец!
Державному роду настанет конец.
Ты — знай лишь победы, пребудь невредим,
Всегда неразлучен с владыкой своим.
В опасности видя, беду отрази,
Напавшего тотчас булатом пронзи!
Увидим: сравнялся с престолом минбар,
И все имена лишь — Бу-бакр и Омар *,
Все прахом пошло, нажитое трудом,
И стал недостойный высоким царем.
Где град наш, престол наш, венец наш тогда!
Тазийцам победная светит звезда.
Все множат богатства свои день за днем,
Нужды уж не ведая больше ни в чем.
Черны одеянья у многих из них,

Лоскут намотают — нет шапок иных.
Где золото кафшей, корона и трон,
Алмазов сиянье, сверканье знамен!..
Трудились одни, урожай унесли
Другие, и щедрости долг отмели.
Ночами, сверкая очами, идет
И грабит, и слезы ограбленный льет.
Днем грабит один, ночью грабит другой,
На коем шелом и кушак боевой.
Нет правды, и верности не обретешь,
В чести лишь обман, вероломство да ложь.
Муж доблестный пешим бредет по земле,
И только хвастун многословный в седле.
На брань земледел неискусный идет,
Утратили цену и доблесть, и род.
Один у другого спешит похищать,
Что клясть, уж не знают, что благословлять.
В душе затаенное — хуже лица.
Скажи, уподобились камню сердца!
Сын против отца прячет умысел злой,
На сына отец нападает родной.
Раб, чуждый достоинств, трон царский займет,
Уж славить не станут величие, род.
Забудется дружба, уйдет доброта,
Жестокими станут сердца и уста.
И племя из тюрков, иранцев, тази
Составится новое, вообрази:
Кто тюрк, кто араб, кто дихкан, не понять —
Смешают наречья забаве под стать.
Все станут сокровища прятать, копить,
Чтоб их после смерти врагу уступить.
Взрастать будут беды и скорби одни,
Как счастье цвело в Бахрам-Гуровы дни.
Ни празднеств веселых, ни добрых трудов,
Лишь сети коварства да злость колдунов.
Себе лишь наживы, другим же вреда
Желают, о вере взывая всегда.
Для них все едино — зима иль весна,
И в праздник никто не вкушает вина.
Немалое время над этим пройдет,
Никто не воздаст уж иранцам почет.
Кровь ради богатства пойдут проливать,
Смерть ранняя будет вождей настигать.
В крови мое сердце, и кожа желта,
Иссохла гортань, почернели уста
Затем, что с тех пор как я стал пахлаван,
Так день Сасанидов был тьмой обуян,

Такую вертящийся свод нам явил
Неверность и благоволенья лишил!..
С пронзающей толщу железа стрелой
Что делать, коль недруг нагой предо мной?
Клинку моему расправляться дано
В сраженьях со львами и тиграми, но
Бессилен пред кожей тазийскою он.
От знанья терплю за уроном урон.
О если бы мудростью я не владел
И зло от добра отличать не умел!
Вожди, что со мною стоят в Кадиси,
Тази ненавидят, кого ни спроси.
Ярятся, в их мыслях — войну раздувать,
Кровь вражью Джейхуном-рекой проливать.
Кто б неба предвидеть решения мог?
Кто б скорого ждать избавления мог?
Что пользы сражения длить, коль истек
Для царского рода начертанный срок!
Ты, брат мой, мужайся и телом будь здрав,
Да радуешь сердце владыки держав,
А я в Кадиси обрету свой конец,
Здесь саван мой — панцирь и кровь — мой венец.
Так вот что высокий таил небосвод!..
Пусть горесть о брате твой дух не гнетет.
Очей со владыки земли не своди,
В сраженье на смерть без оглядки иди.
Я дня Ахриманова вскорости жду —
Нам свод круговратный являет вражду».
Печатью он дело довел до конца
И, благословенье призвав на гонца,
Велит ему к брату послание мчать,
Все должное также словами сказать.

[*Послание Ростема к Сааду Ваккасу*]

Как будто бы молнию, будто бы гром,
Посланца к Сааду отправил потом.
Посланье на шелковых белых листах
Написано, в нем и надежда, и страх.
«Ростем, сын Хормозда-царя,— так унван
Гласил,— ждущий блага джахан-пахлаван —
Сааду Ваккасу, что бранью влеком,
Но мудр, осмотрителен в деле любом».
Так начал: «Пред ликом пречистым Творца
Мы страхом должны преисполнить сердца.
Вращение сфер — от Владыки сего,
Лишь милость и правда — держава его.
Царя, что и перстень носить и венец

Достоин, да благословляет Творец!
Дан меч и высокий венец ему дан,
В плену благодати его — Ахриман.
Занес ты для дела недоброго длань —
Напрасные муки, напрасная брань!
Кто царь твой? И как тебя кличут мужи?
Каков твой устав и обычай, скажи.
Кого устрашаешь приходом своим,
Нагой предводитель пред войском нагим!
Лепешкою сыты, скорей голодны.
Где царский престол, и обоз, и слоны?
Здесь жив ты, пребудь благодарен судьбе,
Венцом же и перстнем владеть не тебе.
У шаха — от деда к отцу благодать,
Казной и слонами дано обладать.
Красой не затмит его месяца лик,
Нет в мире с подобною статью владык.
Когда на пиру разберет его смех,
Ряд явит жемчужин блистающих тех —
Казна от щедрот не скудеет — готов
Пожаловать цену тазийских голов!
С гепардами, гончими, птицами шах
На ловле; те в серьгах, в златых бубенцах.
Бескрайняя Степь Копьеносцев за год
То множество пищи себе не найдет,
Что надобно шахским гепардам и псам,
Гонящим добычу его по степям.
Ужель услыхали мы правду, не ложь?
Престола Аджамова ищет, и кто ж *?
Поистине дело зашло далеко —
Тази, что верблюжье лишь пьет молоко
Да ящериц гложет в пустынном краю!..
Плюю на тебя, круговратный, плюю!..
Стыда никакого в глазах ваших нет,
Не светит вам чести и разума свет.
Сей облик имея и род сей, и нрав,
Помыслить о троне владыки держав!
Отринув надменность, забыв хвастовство,
Порывы умерь языка своего.
К нам красноречивого мужа пришли,
Благого, пытливого мужа пришли,
Да скажет, замыслил ты что? Проводник
Какой тебя движет к престолу владык?
И тут же я к шаху гонца отряжу,
Что хочешь просить, у него испрошу.
Войны не ищи с властелином таким,
Что спор завершит посрамленьем твоим.

Ведь Нушинраван его прадедом был,
Что старцу щедротами юность дарил,
Царь от роду к роду и сам властелин,
Шах, равный ему, не бывал ни один.
Проклятьем тебе да не полнится свет,
Да веры святой не отринешь завет!
Ты вникни в советы посланья сего,
Слух разума не затворяй своего».
Спешит, приложивши к посланью печать,
Пирузу, Шапурову сыну, отдать.
К Сааду Ваккасу уносится он,
Иранцами знатными сопровожден —
Все сплошь в серебре или в золоте лат,
Щиты, кушаки словно солнце горят.

[*Ответное послание Саада Ваккаса Ростему*]

Услышал муж доблестный Саад Ваккас,
И с войском помчался навстречу тотчас.
Прибывшим спуститься с коней предложил,
О витязях, о пахлаване спросил,
О шахе, о всем его крае большом,
Дастуре и войске с бессонным вождем,
Свой плащ постелил для Пируза. Звучат
Слова: «Друг — копье нам, союзник — булат.
Мужи из мужей не твердят о казне,
Парче златотканой, и пище, и сне».
Внял речи, посланье, что славный принес,
Прочел, и хваленье в ответ произнес.
Посланье в ответ на тази написал,
Про добрые, злые стези написал.
О джиннах и людях, о слове, что рек
Среди хашимитов восставший пророк *;
Про единобожье писал, про Коран,
Писал обо всем, что роднит мусульман:
О гневных угрозах, обетах благих,
О новых уставах, заветах благих,
Про адский огонь, про смолу и про лед,
Про сладостный рай, где и млеко, и мед,
Где благоуханная плещет волна,
Где райское древо и реки вина:
«Шах веру коль примет благую сию,—
Пожнет в двух мирах он награду свою —
Навек обретет властелина убор,
Багрец, благовонья, алмазный узор;
Искупит грехи его славный пророк,
Плоть станет — что розы прозрачнейший сок.

Казнь Маздака и его приверженцев

Обнаружение юноши в гареме Ануширвана

Бузурджмехр и посол Каннауджа играют в шахматы

Бахрам Чубине прядет пряжу, облачившись в женское одеяние

Сей семя такое, чтоб рай принесло,
Не семя вражды, приносящее зло!
Я гурии лишь волоска одного
Ценой не купил бы Йездгерда всего
С обширной державой, с простором дворцов,
Богатых айванов, майданов, садов,
Венцом и престолом, и роскошью нег —
Не надо из сих ничего мне вовек!
Тщетою глаза твои ослеплены,
Приманками трона, короны, казны.
Ты, вижу, из кости слоновой престол
И псов, и гепардов надежными счел.
За мир, что глотка даже свежей воды
Не стоит, напрасно так держишься ты!
Знай, против меня кто войною пойдет,
Лишь тесную яму да ад обретет,
Но если уверуешь, рай — твой приют.
К чему твои мысли тебя поведут?»
Арабскую к свитку печать приложил,
Призвав Мухаммадово имя, скрепил.
Араб Шаабе отряжен был затем
Да примет письмо предводитель Ростем.
Из витязей знатных Ирана один
С известьем пришел к пахлавану дружин:
Посланец, мол, немощный некий, седой,
Явился пешой, безоружный, худой.
Ты б только привешенный тонкий клинок
Увидеть сквозь ворот распахнутый мог...
Ростем лишь услышать известье успел,
Раскинуть парчовый шатер повелел.
Завесы повешены чинской парчи,
И хлынула рать гуще той саранчи.
Сиденье златое затем принесли
Вождю, пахлавану иранской земли.
Иранских героев призвал шестьдесят,
Что в пору сражений отважно разят.
В блистающих златом одеждах цветных,
И златообутые ноги у них.
У всех ожерелье и серьги — убор
Бесценный. Богато украшен шатер.
Пройдя через сени царева шатра,
Не встал Шаабе на узоры ковра.
Униженно лишь по земле он ступал
И меч, словно посох, смиренно держал.
Сел наземь и ни на кого не взглянул,
Глаза на Ростема поднять не дерзнул.
Вождь вымолвил: «Радостью жизнь осени!

Дух — знанием, мудростью тело храни!»
«О славный! — ответ был Ростема словам.—
Коль примешь ты веру — алайкум салам» *.
Ростем от такого ответа поник,
Нахмурены брови и желт его лик.
Послание принял, чтецу передал,
Что было написано, чтец прочитал.
И сказано было в ответ Шаабе:
«Не царь ты, престола искать не тебе!
Поняв, что моей помраченье звезды
Пришло, на венец мой позарился ты.
Муж знающий ведает цену речам,
Твоим же в сие не проникнуть очам.
Была б у Саада царей благодать —
С ним мог бы сражаться я, мог пировать.
Но что говорить, коль спознаться с бедой
Пора, коль ниспосланы беды звездой!
Пускай Мухаммада признаю вождем
И новым пойду я, не старым путем,
Все с кривдой горбун не расстанется сей,
Пребудет безжалостен к доле моей.
Спокойно теперь возвращайся назад,
День битвы — не время для слов. Да Саад
Услышит: достойней в сражении пасть,
Чем сдаться живым супостату во власть!»

[*Битва Ростема с Саадом Ваккасом и гибель Ростема*] *

Как только покинул его Шаабе,
Велит подготовиться рати к борьбе.
Трубы завыванием мир сотрясен,
Строй воинский двинулся с разных сторон.
Пыль тучею встала, клич грянул, и глух
Стал каждый, у коего тонок был слух.
Средь пыли алмазные копий концы —
Что звезды в лажвардовой тверди в ночи.
Сказал бы, огонь иссекает копьем,
Ударив с размаху в блестящий шелом.
Так битва три дня на том поле велась,
Воды иссякал у иранцев запас.
От жажды рукам уж нет мочи разить,
И кони не в силах сражение длить.
Ростем изнывает от сухости рта,
Сплошь в трещинах, ранах язык и уста.
Так сталось в той битве, что стал под конец
Есть влажную глину и конь, и боец.
Вот грому подобные клики звучат:

Отсюда Ростем и оттуда — Саад,
Из сердца дружин оба ринулись в бой.
Отъехав от поля туда, где крутой
Встал холм, в поединок вступили вожди
С палящею жаждою мщенья в груди.
Ростема клич яростный грянул, что гром,
Он в голову острым ударил мечом
Коня под Саадом. Конь рухнул тотчас.
Поднялся воитель, с конем разлучась.
Взмахнул закаленным булатом тогда
Ростем: покажу, мол, день страшный суда!..
С плеч голову вражью стремится срубить,
Да недругу недруга не различить
За черною пылью. С седла соскочил,
На поясе повод коня укрепил,—
Но очи Ростема от пыли густой
Затмились. Саад тут нагрянул грозой,
Мечом поразил его в темя и вот
На лик его кровь уж струею течет.
Пред взором Ростема тут мир потемнел,
Воитель тазийский его одолел.
Удар еще в шею наносит мечом,
И рухнул воинственный наземь лицом.
Два войска не знают еще ничего,
Не видят иранцы вождя своего.
Искать предводителя стали тотчас;
От поля на место сраженья примчась,
Его увидали еще издали —
Мечом весь изрублен, в крови и в пыли.
И в бегство иранцы пустились тогда,
И многие жизни лишились тогда,
И многие жаждой убиты в седле —
Царей, знать, не надобно стало земле!
Бойцы остальные ни ночи, ни дня
Не знают, к владыке Ирана гоня.
В Багдаде Йездгерд пребывал той порой,
И тут окружил его ратников строй.

[*Йездгерд совещается с иранцами и направляется в Хорасан*]

Идет Фаррухзад от Арванда-реки,
Льет ярости слезы, льет слезы тоски.
До Карха дойдя, нападенье свершил,
Всех вспять копьеносных мужей обратил.
Покинула после дружина Багдад
И в степь устремилась на бой. Фаррухзад
Вернулся, предстать перед шахом спешит,

В доспехах, весь ратною пылью покрыт,
И спешившись тут же, склонился пред ним,
Льет слезы кровавые, горем томим.
Так молвит: «Доколе тебе изнывать,
Слезами державный престол омывать!
Нет, кроме тебя, из Кеян никого,
На царский престол возвели бы кого.
Один ты, но сотни здесь тысяч врагов.
Иль с миром ты целым сражаться готов?
Не лучше ли, к лесу Нарван устремясь,
Собрать тебе войско большое тотчас.
Оттуда, под стать Фаридуну, помчись,
Ты молод, за новое дело возьмись!»
Речь вел Фаррухзад, а владыка внимал,
Свет замысла нового тут воссиял.
Вот царь благодатный к престолу пришел,
В венце Кеянидов воссел на престол.
Мужей умудренных созвал на совет.
И вождь именитый пришел, и мобед.
«Что ныне мне скажете? — вымолвил шах.—
Что память хранит о былых временах?
Совет Фаррухзад нам сегодня дает:
Мол, к лесу Нарван надо выйти в поход.
В Амоле все верные слуги твои,
В Сари — почитатели, други твои.
Умноживши рать, можешь снова придти,
Ведь надобны люди, чтоб войны вести...
Разумным ли сей признается совет?»
Все в голос сказали: «Разумнее нет!»
Сказал шаханшах: «Нет, не гоже сие,
Решимость иная созрела во мне.
Ирана цветущую землю и знать,
Венец, и престол, и немалую рать
Покинуть, спасенья ища своего?
Нет, разум и честь не приемлют сего!
Позору я битву с врагом предпочту,
Воителя-тигра речения чту:
В смятенье врагу не кажи ты спины,
Суровые дни коль тебе суждены!
Ведь так же, как подданный, шаху везде
И в радости должен служить, и в беде,
Не след и владыке в день горя его
Покинуть, лишь блага ища своего».
Восславила знать властелина, вскричав:
«Вот шахов, приверженных вере, устав!
Поведай нам царскую волю свою,
И явим мы повиновенье царю».

И слышат вожди властелина ответ:
«Раздумья тревожные — сердцу во вред.
Нам двинуться лучше теперь в Хорасан,
Там с нами не схватится вражеский стан.
Имею немало я в той стороне
Могучих бойцов, искушенных в войне.
И Чина хакан, и туранская знать
Приветствовать будут меня, величать.
В той дружбе и больше сего укреплюсь,
С фагфуровой дочерью соединюсь.
В подмогу несчетных пришлют храбрецов,
Туранских, прославленных силой, бойцов.
Магуем * правителя края того
Зовут. И слоны и казна у него.
Он всех пастухов предводитель моих,
Глава неусыпных дозоров степных.
Его я возвысил, в нем чувствуя мощь,
Какую являет воинственный вождь.
Коль скоро безродного я до высот
Вознес, дал правление, войско, почет —
Пусть мал и достоинства знатных лишен —
Питомец двора шаханшахского он.
Здесь как не припомнить мобедовых слов,
Что людям сберег от минувших годов:
Того берегись, кому зло причинил,
Кого без вины уязвил, огорчил.
Доверься тому, кто обласкан тобой,
Подъят из ничтожества к небу главой...
Магую обид не чинил никаких —
Пойдет против недругов ныне моих».
Услышав, руками всплеснул Фаррухзад.
«О чтущий Йездана владыка! — звучат
Ответа слова,— худородным не верь,
Реченье иное напомню теперь:
Худой от природы — Магуй ведь таков,
Будь даже без меры трудиться готов,—
Так создан, не переродить никому;
Что запер Творец, не открыть никому».
«Муж доблести львиной! — царь молвил тогда.—
В попытке подобной не вижу вреда».
На месте остались в ту ночь, а с зарей
В поход устремился воинственный строй.
Его в Хорасан из Багдада повел
Владыка, все трудности легкими счел.
Исполнена скорби, иранская знать
Владыку благого идет провожать.
Приветствуют и славословят, любя:

«Да время и мир не лишатся тебя!»
И скорбные слышатся вопли мужей:
Почто, мол, уходит владыка царей!..
Мужи — те, что род свой вели от дихкан,
Отважные, кем украшался Иран,
Предстали в слезах пред владыкой владык,
Потоками залит у каждого лик:
«Как радовать могут нас край и очаг,
Коль нас покидает теперь шаханшах!
Не лучше ли земли и чад, и казну
Оставив, с тобою длить труд и войну.
Коль ты не на троне, весь мир ни к чему.
Беды да не ведать венцу твоему!
С тобою помчимся, увидим, какой
Сей битве конец будет послан судьбой».
Иранцы, кому красноречье дано,
Пав наземь лицом, все твердили одно:
«Тебя мы, с землею расставшись родной,
Признали державой, щитом и стеной —
Что ж, ныне прибегнуть к Турану пойдем,
С израненным сердцем к хакану пойдем?»
На те увещанья в ответ шаханшах
Мужам именитым промолвил в слезах:
«Падите с мольбой пред Йезданом благим,
Умножьте хвалу, преклоняясь пред ним,
Да снова дозволит мне вас лицезреть,
Тазийское войско в борьбе одолеть.
Ведь с юности все вы — мои пестуны,
Вы мне о родителе в память даны.
Спасая меня, не погибнуть бы вам!
Страданиям, бедствиям вас не предам.
Увидим, сегодня вертящийся свод
Подмогу и милость кому ниспошлет.
В ладу пребывайте с вращеньем его —
Кто противостанет веленьям его!»
А чинским торговцам такой был им дан
Совет: «Вы на время покиньте Иран.
Ведь если тазийское войско придет,
Не прибыль — урон вам на долю падет!»
Прощаются, в пламени го́ря горя́,
Рыдают мужи, покидая царя.
Иранских повел Фаррухзад храбрецов,
Испытанных в жарких сраженьях бойцов.
С дружиной скакал впереди сипехбед;
Шах мчался, печален, в предчувствии бед,
Скача от стоянки к стоянке, вступил
В Рей-град, за вином там и рудом побыл,

И дальше потом устремился в Горган,
Там — рад ли, не рад — ненадолго свой стан
Раскинул. Оттуда же в Бост поспешил *,
В морщинах чело, от печали без сил.

[*Послание Йездгерда Магую Сурийскому и марзбанам Хорасана*]

И вот уже в Мерва вступивши предел,
Магую-сурийцу, что Мервом владел,
Весть пишет разгневанный, страждущий шах
С желаньями в сердце, слезами в очах.
Дабира, богатого знаньем, призвал,
Излил, что в душе наболевшей скрывал.
В начале посланья Творца восхвалил,
Подателя благ, разумения, сил;
Царит он, дела мирозданья верша,
Светил он владыка, слона, мураша.
Сам вызвал из небытия бытие,
Нужды ни в учителе нет, ни в вожде...
Писал: «Стало царство добычею бед,
Утратило благоуханье и цвет.
От горькой потери в нас сердце кипит:
На поле сраженья Ростем наш убит —
Кем? Неким Саадом Ваккасом. Тот муж
Без племени, роду, без знанья к тому ж.
Бойцы до Тисфуна, куда ни гляди,
Лишь кручи да чаща у нас впереди.
Ты к битве готовь свое войско теперь,
Вождей в правоте нашей брани уверь.
А я за посланием этим вослед,
Как ветер, примчусь, о достойный побед!»
Из войска посланца избрал он потом
С душой прозорливой и ясным умом.

[*Послание Йездгерда марзбанам Туса*]

Другое послание в Тус написал,
В крови его сердце, лицо, что сандал.
Вначале хваленье Творцу воздает:
«Искусство и силу, и доблесть он шлет.
Победы и счастье во власти его,
Престол шаханшахский во власти его.
Мураш ли, орел, что под небом летит,
На суше ли слон, море пенящий кит
Ему лишь покорны, без воли Его
Дыхания не совершат одного...
От шаха Йездгерда — владыки владык,
Чей был венценосный родитель велик,

Кто славен везде, как любимец побед,
Земель покоритель, благой сипехбед
Из рода приверженных вере царей,
За царство признательных звездам мужей,
От коих весь мир процветанье обрел,
Украсивших перстень, венец и престол,—
Марзбанам, что силою наделены,
Исполнены мужества, правде верны,
Чьи земли — Радкух, Руиндеж, Шемиран,
Кому и Келат во владение дан.
Да будет Создатель нам щит и оплот,
От всяческих бед избавление шлет!
О витязи, верно, дошло и до вас,—
По свету давно уж молва пронеслась,—
Что к честным мужам, свой прославившим род,
В душе моей щедрая милость живет,
А к вам особливо, что больше трудов
Несли для царя, чем вкушали плодов.
В те дни, как Бахрам Чубине возмутил
Иранцев, венцу непокорность явил,
Большие покинули вы города,
Ушли от дворцов и майданов тогда.
На сих отдаленных высоких горах
Храм строить привел вас нечестия страх.
Коль ныне дарует мне силу Йездан
И будет победой мой день осиян,
Мы бóльшим добром за добро воздадим,
Прославим ваш подвиг и вознаградим.
Должно быть, известье до вас уж дошло,
Какое судьбою мне послано зло.
У тех змееедов с бесовским лицом,
Стыду, разумению чуждых притом,
Ни рода, ни славы, ни царской казны,
Ни трона. Придет с ними гибель страны.
Таков, знать, кружащихся сфер приговор,
Что царство сие испытает разор
От натиска чудищ уродливых сих;
Ни чести, ни славы, ни знанья у них.
Не зря Нуширвану привиделся сон: *
Мол, блеск и величье утратил сей трон.
Сто тысяч тазийцев — воочью беду —
Увидел на буйных, порвавших узду
Верблюдах. Примчались к Арванду-реке;
Весь мир до Кайвана в пыли и песке.
Ирана, Забула вся разорена
Земля, и посевов, и нив лишена.
Священное пламя погасло везде,

Не празднуют в храмах Новруз и Саде.
И стены айвана лишились зубца
Пошло разрушенье царева дворца...
Сну вещему сбыться настал, видно, час,
И счастье теперь отвернется от нас.
Достойный в нужду, в униженье впадет,
А низкого рок высоко вознесет.
Порок разрастется, мир ввергнет во мглу,
Сокрыться добру, обнаружиться злу.
И властвовать станет над каждой страной
Народов мучитель бесчестный и злой.
И снидет на землю ночь темная бед,
Отрежет от мира живительный свет.
А ныне, дастура советом водим,
С надежным, доверенным войском своим
Я путь от Тисфуна держу в Хорасан,
Туда, где марзбанов воинственный стан.
Увидим, сей вечно кружащийся свод
Нам в бренной обители что ниспошлет.
К правителям Туса мы ныне пойдем,
С кимвалами ратных слонов поведем.
Со мной Фаррухзад,— что одно существо,
Связуют и дружество нас, и родство.
Он дни свои ныне проводит в войне,
С врагами сражается в Алтуние.
А сын доброхота того Кашмаган
Сегодня посланцем к нам прибыл во стан;
Как тот, кто служения долг свой познал,
Нам все верноподданно пересказал.
Поведал, что в страждущем сердце таил,
Разумные замыслы все изложил.
Узнал я, что должно, об этих краях —
О скрытом и явном, горах и степях.
Немалое войско у нас, посему
Здесь, в тесных твердынях сидеть ни к чему.
До гор в Харбоне крепость Деж-Гонбадин *,
Обозом вся занята Деж-Лажвардин...
С дастуром воссев, размышлять принялись,
И витязи все на совет собрались.
Возможные все перебравши пути,
Решили — венец и престол увезти
И перстень с печатью; имущество все,
Кашмира и Рума, и Чина тканье,
Иные богатства, что к нам перешли
От Рума и прочих народов земли —
Изделья из золота, ткани, ковры,
Еще одеянья для всякой поры;

Съестное, к тому же орудия те,
Что нам пригодиться могли бы в нужде;
Быков сорок тысяч в упряжке пойдут,
В потребном количестве рис повезут;
Колосья пшеницы в набитых тюках —
Двенадцать их тысяч везти на ослах;
Груз проса, фисташки, гранаты к тому ж —
Доставит мобед, дело знающий муж
Верблюдами сильными, если сочтешь,
То каждого груза две тысячи нош;
Да тысячи — соли быками велит
В упряжках везти: что, мол, небо сулит?!
Отсчитано счет разумеющим нош
По тысяче — фиников, сахара тож;
И меду двенадцать уж тысяч к пути
Готовы — всё крепости должно везти,
Еще солонину погонщик везет,
И сорок ей тысяч, не менее, счет;
Нефть черную — триста верблюдовых нош,—
В два месяца, раньше ее не свезешь.
Собранье мужей пусть мобед приведет
С высот Шемирана, Радкуха высот —
Да старцев увидят, учителей тех,
И знатных мужей, и правителей тех.
Там все привезенное для крепостей
Вручите, да примет сие казначей
Со списком добра. Вы ж оставьте себе
Второй,— кто в высокой родился судьбе.
Я чаю, на горные те крутизны
Тазиец и тюрк не придут для войны.
Нам, знайте, в худые сии времена
Безмерно руки вашей помощь нужна.
Дастур мой, нет в мудрости равных кому,
Тотчас казначею велит моему,
И каждому, труд приложившему, тот
Пяток одеяний фарсийских пошлет
С повязкою, в золоте сплошь, головной,—
Трудившийся стоит награды такой!
В суровые эти и трудные дни,
Коль с нами едины пребудут они,
Мы станем платить содержание всем,
К шестидесяти прилагая дирхем,
Две трети дирхема прибавя к тому.
Везде огласиться указу сему.
Йездановo имя с одной стороны —
Им страх и надежда душе внушены —
С другой же — наш лик, наш венец золотой,

Чьей милости землю облечь красотой.
И Мехр, и Новруз помяну я — те дни
Что в дар изобилье несут искони.
Благой Вседержитель да благословит
Достойного, кем наш венец не забыт!»
Печатью посланье свое увенчал
Йездгерд и вождям именитым послал.
Отмеченный благоволением звезд,
Муж славный владыке посланье привез.

[*Йездгерд направляется в Тус, где его встречает Магуй Сурийский*]

От Боста, от стен Нишапура, кимвал
Царь вез и до Туса затем доскакал.
Известье сириец Магуй получил:
Мол, в Тус повелитель с дружиной вступил.
Тут войско немалое встретило их,
Все с копьями, в панцирях все боевых.
Венец благодатный завидя вдали
И стяг, и дружину владыки земли,
С седлом разлучиться Магуй поспешил,
Служенья, смирения знаки явил.
С трудом продвигаясь по жарким пескам,
Дал волю стыду, умиленья слезам.
Приблизился, наземь почтительно пал
И долгое время с земли не вставал.
Хваленья воздал и воителей строй,
И каждый поклон ему отдал земной.
Вождя Фаррухзад лишь увидеть успел,
Дружине построить ряды повелел.
Он радость при виде его испытал
И слов назидательных много сказал.
Мол, этого шаха из рода кеян
Вверяю тебе, будь в служении рьян!
Не должно и ветру коснуться его,
Укор да не слушает ни от кого.
Мне ж надобно тотчас отправиться в Рей,
Кто знает, увижу ль владыку царей!
Немало мне равных на поле войны
С душой Копьеносцами разлучены.
Ростему подобного в мире бойца
Кто ведал, кто слышал из уст мудреца!
Погибель принес враноглавый ему,
Невзгоды столь тяжкие краю всему.
Меж праведных душ да пребудет Ростем,
Суд Божий да грянет над вороном тем!..
Магуй отвечает: «О витязь благой,

Царь будет мне оком и милой душой.
Клянусь, под защиту приемлю его,
Небесный твой свод, властелина сего»,
И тотчас отправился в путь Фаррухзад,
В Рей волей царя устремился назад.
Все вновь небосвод обращался и вновь —
Покинула сердце Магуя любовь.
Престолом царей завладеть возмечтав,
Все вдруг изменил он,— обычай и нрав;
Притворствуя, хворым сказался он, слег,
Служеньем царю своему пренебрег.

[*Магуй Сурийский подстрекает Бижена сразиться с Йездгердом; Йездгерд скрывается на мельнице*]

Был витязь, которого славила знать;
Род вел от Тархана, Бижен его звать *.
Был град Самарканд пахлавана удел,
Он родичей многих в том граде имел.
Как жажда господства в Магуе зажглась,
Бижену с посланцем отправил наказ:
Внемли, мол, о сын пахлавана благой,
Сулящая счастье война пред тобой.
Здесь ныне владыка с дружиной своей,
Престолом, венцом властелина царей.
Приди, и во власти твоей будет он,
И чатр, и казна, и корона, и трон.
Припомни сражения предков, вперед!
Неправда иль правда — да сгинет сей род!..
Бижен лишь послание то прочитал,
Во власти Магуя страну увидал,
Дестуру промолвил: «О мудрых глава,
Какие про это мне скажешь слова?
На помощь Магую коль двину я рать,
Не должен ли здесь поражения ждать?»
Такой от дастура услышал ответ:
«Муж доблести львиной, любимец побед!
На помощь Магую помчаться, сей край
Покинуть — тебе в поношение, знай.
Вняв слову сурийца, коль выйдешь в поход,
Тебя легкомысленным мудрый сочтет.
Вели, да помчится воитель Барсам
С дружиной в подмогу Магуя бойцам».
Бижен отвечает: «Разумно сие.
Не двинусь, на этой останусь земле».
Барсаму велит десять тысяч бойцов,
Разящих мечом верховых удальцов,

На Мерв повести и в сраженье вступить,
Ирана престол попытаться добыть.
От стен Бухары, что летящий фазан,
Гать мчится, привел ее в Мерв пахлаван.
Лишь крик петушиный в ночи прозвучал,
В степи грохотание поднял кимвал.
В ту пору не ведал еще шаханшах
О том, что суриец Магуй — ему враг.
Внезапно послышался издали крик:
«Наездник примчался к владыке владык —
Магуя гонец: из Турана, мол, рать
Пришла. Что угодно царю приказать?
Хан, Чина фагфур, это войско ведет,
Земля это войско насилу несет».
Царь вспыхнул, и вот уже в панцире он,
Два сходятся войска с обеих сторон.
Царь левое с правым равняет крыло,
Все разом в сражение войско пошло.
От пыли поднявшейся мир почернел.
С копьем в сердце войска царь, гневен и смел.
Увидел, сколь натиск туранцев силен,
И вот уж из ножен клинок извлечен.
Что слон, перед войском он в битву вступил,
И стала земля, что бушующий Нил.
Сражается с войском туранским, меж тем
Бойцов за спиной не осталось совсем.
Все вспять обратились, царя своего
Оставив меж конных врагов одного.
Увидевши воинов бегство, постиг
Коварство Магуя владыка владык:
Добился Магуй вероломный, чтоб он
Врагами со всех был сторон окружен.
В сражении доблесть явил шаханшах,
Отважен, стремителен был шаханшах,
И много сразил именитых, но вспять
Пустился — невмочь одному устоять.
Туранцев немало помчалось вдогон.
С кабульским булатом уносится он.
Сверкающей молнии жарче, быстрей.
Над Зарком-рекой видит мельницу, к ней
Подъехав, владыка спустился с седла,
Укрыться она от врагов помогла.
Домчались наездники, ищут, о нем
Речь только и слышится в Зарке во всем.
Вот конь златоуздый пред взорами их,
Меч с палицей рядом в ножнах золотых.
Их видят, и гневом туранцы кипят,

Все ищут, и ярые клики гремят.
На мельнице шах, от погони укрыт,
На клоке травы пожелтевшей сидит...
Обычай твой, мир вероломный, таков —
Свергать вознесенного до облаков.
Владыка, чей небо носило престол
Порою счастливой, что ж ныне обрел?
Лишь мельницу эту. Удел небогат!
Не мед нам подносится в чаше, но яд.
Что сердце привязывать к дому скорбей!
Быть может, минует лишь несколько дней,
И грянет кимвал, в путь! — услышишь ты зов.—
Престол под доскою могильной готов...
Ни крохи во рту, очи полные слез —
Так маялся, солнце покуда зажглось.
Вот дверь открывается, мельник идет,
Он сена охапку, согнувшись, несет.
Хосровом он звался, из низких, притом
Ни славой, ни честью богат, ни умом.
От мельницы хлеба искал своего,
Иного на свете не знал ничего.
Вдруг видит: муж, статностью тополю брат,
Сидит на земле, видно, грустью объят.
Венец его царский льет света лучи,
И блещет одежда из чинской парчи.
Оленя глаза, грудь могучего льва —
Любуясь им, взоры насытишь едва.
Блестят его кафши, все в золоте сплошь,
Без лалов вершка в рукавах не найдешь.
Хосров на него, изумленный, глядит
Да имя Творца в изумленье твердит.
«О царь солнцеликий,— промолвил ему,—
На мельнице сей очутился к чему?
Рожден обитать на сей мельнице ты ль?
Здесь только пшеница да сено, да пыль.
Ты кто, столь могучий и светлый челом?
Такого не знают и в небе самом».
«Один из иранцев я,— царь отвечал,—
От войска туранского * нынче бежал».
Тут вымолвил мельник: «Томлюсь от стыда.
Как быть! Неразлучна со мною нужда.
Коль с кешком мой хлеб пригодится тебе,
Да бедный порей, что растет при ручье,—
Вели, принесу я. вот весь мой припас.
Удел неимущих — лить слезы из глаз».
Три дня уж, покуда гремела война,
Не ведал владыка ни пищи, ни сна.

«Неси, что имеешь,— ответ был словам,—
Да вспомни: с едой подобает барсам».
Разостлан лоскут пред владыкой царей,
Хлеб с кешком тут мельник несет и порей.
Теперь лишь в барсаме нуждается шах.
Спешит на дорогу, туда, где бажгах,
И слышит уже о барсаме слова
От мельника староста, Зарка глава.
Магуй между тем во все стороны слал
Своих соглядатаев, шаха искал.
«Почтенный! — у мельника старший спросил.—
В барсаме нужду отчего ощутил?»
«На мельнице,— мельник в ответ говорит,—
На сене воинственный некто сидит.
Он схож с кипарисом осанкой своей,
А ликом небесного солнца светлей.
Глаза, что нарциссы, бровь каждая — лук,
Вздыхает, душой изнывая от мук.
Я старую скатерть пред ним разостлал,
Хлеб с кешком — припас мой убогий собрал,
Но хочет с барсамом он баж произнесть.
Муж — диво, очей от него не отвесть!»
Сказал ему староста: «В путь поспеши
И тут же Магую все это скажи.
Когда б не явил, весть услышав сию,
Породу бесчестную, злую свою!»
Надежного мужа тотчас отрядил,
К Магую, чтоб мельника сопроводил.
Магуй бедняка вопрошает того:
«Мне правду поведай, барсам для кого?»
На это Магую ответствовал трус:
«На мельницу нес повседневный мой груз
И только лишь дверь отворил я в сердцах,—
Сказал бы ты, солнце сверкнуло в глазах!
С такими очами олень лишь степной,
А кудри — что сумрак глубокий ночной.
Что солнце, он мельницу всю озарил.
На сене усевшись, хлеб с кешком спросил.
Воочью не зревший Творца благодать,
Да спросит, сей мельник бы мог описать.
В короне — жемчужин бесценных лучи,
И блещет одежда из чинской парчи.
Рай вешний, и тот бы светлей не сиял,
Стройней земледел тополей не сажал».

[*Магуй посылает мельника*
убить Йездгерда,
мобеды отговаривают его
от этого убийства]

Те речи на истину пролили свет;
Магуй разумеет: тот витязь — Йездгерд,
И мельника шлет он: «Назад поскачи,
Немедля его с головой разлучи!
Не то обезглавлен здесь будешь ты сам,
Весь низкий твой род истребленью предам».
Об этих словах услыхали мужи,
Разумные, знатные войска вожди.
Сошлись, совещаются с гневом в сердцах,
И речи их гневны, и влага в очах.
Мобед именитый, что дух обуздал
Рассудком,— Заруем он звался,— сказал
Магую: «Послушай, зломысленный муж!
Дал диву затмить себе очи к чему ж!
Положим, что вместе ты царь и пророк,
Что два вещества сплавить в перстне возмог,—
Одно неизбежно: и душу убьешь,
И разум погибели ты обречешь.
Смотри, что замыслил ты. Остерегись,
Роптать на Создателя мира страшись!
Сам первый Его ты изведаешь гнев.
Потомству такой завещаешь посев,
Что кровью да горькой отравой взойдет,
И вскоре глава твоя с плеч упадет.
Мир узрит тогда преступленья твои,
Сын в мире пожнет насажденья твои.
Разрушится также и вера в Творца,
Заслужишь проклятья престола, венца».
Еще никому не чинивший вреда,
Муж, чтивший Йездана, поднялся тогда.
Хормозда-Хоррада он имя носил,
Отраду лишь в вере одной находил.
Магую сказал: «Возлюбивший порок!
Почто покидаешь Йездана порог?
В душе твоей вижу глубокую тьму,
Срок близится, вижу, концу твоему.
Ты телом могуч, духом жалок и слаб,
Ждешь дыма от пламени, глупости раб!
В сем мире за алчность укоры пожнешь,
Горенье, мученье, уйдя, обретешь.
Здесь век доживешь, изнывая, скорбя;
Там адское пламя поглотит тебя».

Иранский воин перед искусственными фигурами, изображающими византийскую царевну и ее прислужниц

Бахрам Чубине целится из лука в Каппийского льва

. Часовой механизм трона Хосрова Парвиза
(выезд лунного божества).
Серебряное с позолотой блюдо. Государственный Эрмитаж

Барбед, укрывшись в ветвях кипариса, играет и поет для шаха Парвиза

Воссел он, и тотчас поднялся Шахруй.
«О дерзость безмерная! — слышит Магуй.—
Войну с шаханшахом решился вести,
Хакану, фагфуру на помощь придти!
Не раз беззащитный из рода сего
Пришел — не дерзнули убить никого.
Ты — подданный, кровь венценосцев не лей,—
Иль будешь ты клят до скончания дней».
Воссел. За владыку томит его страх,
Изранено сердце и очи в слезах.
Другой вслед за ним поднимается муж,
Безмерною скорбью томимый Мехрнуш.
Магую сказал он: «О злобный, сын зла!
Нет правды в тебе, дальновидность мала.
Кровь шаха не льет даже чудище вод,
Тигр, видя поверженным, не разорвет.
О ты, что и дикого зверя лютей,
Тебе ль восседать на престоле царей!
Как Джам от набега Зохакова пал,
Свод неба не раз еще круг совершал,
И стал уж Зохак всей земли властелин.
Но время пришло, и пришел Абитин.
На свет Фаридун, отпрыск ветви благой,
Родился и стала держава другой.
Ты слышал, должно быть, какая беда
Злодея Зохака постигла тогда.
Над ним больше тысячи лет пронеслось,
Дождаться возмездия все же пришлось.
Припомни и Тура — как гордый тот муж
Ираджа убил,— продолжает Мехрнуш,—
Но вот Манучехром, украсившим род,
Развязан был узел мучительный тот.
А третий — из рода Кеян Сиавуш.
На брань против воли был послан сей муж.
Стал козни плести Гарсиваз, и забыт
Властителем Афрасиябом был стыд.
Царевича столь молодого убил,
День счастья зато от него отступил.
Убитого сын, Кей-Хосров молодой,
Чья доблесть наполнила землю молвой,
Мечом своим надвое деда рассек,
И жаждущих мщения страху обрек.
Четвертый — властитель Ирана Арджасп,
Которым был гибели предан Лохрасп.
Немедля возмездье постигло его
От рук Исфандьяра, героя того.
Речь, в-пятых, пойдет про Хормозда-царя,

За коего, жаждою мщенья горя,
Парвиз с Гостехемом, с Биндуем свершил,
Что должно. Кто сдержит вращенье светил!
Как стал он дастуром, их смерти обрек,
Возмездья никто отвратить бы не смог.
Подобное скоро постигнет тебя.
Знай, умысел вражий настигнет тебя.
Что ныне посеешь ты, сын твой пожнет —
Ужель остановится времени ход?
Наследственных этих богатств берегись,
За царским величьем, венцом не гонись.
Ты слушать лишь дива наветы готов,
Отрекся душой от владыки миров.
За саном, что не подобает тебе,
Погнался — див это внушает тебе.
В огне свое тело и дух не сжигай,
Венец тот сияющий не омрачай!
Рассеянной рати ряды собери,
Не мысли о прежнем и не говори.
В путь, к шаху! С мольбой о прощеньи склонись
И в верности снова ему поклянись.
Поход против недругов после готовь,
С ним действуй в согласьи, вновь кайся и вновь!
Советом разумным коль пренебрежешь,
Себя в двух мирах на позор обречешь.
Встань, дело да будет в сей день свершено,
На завтра отложишь — погибнет оно.
Помысли, кто доблестный сей шаханшах.
Иль тюрка в твоих он враждебней глазах?
В сражении лев, на престол же царя
Восходит, что месяц, сияньем даря.
Сасанова рода наследник благой,—
Наездник подобный найдется ль другой?
От деда к отцу славил доблестных мир —
Таков Нуширван был, таков Ардашир.
Вослед Ардаширу восьмой уж отец
Йездгерду оставил Сасана венец.
Властителей славных наследье приял,
На царство Йездан его сам увенчал.
Хоть многие родом тебя познатней.
О том не помыслил никто из мужей.
С Бахрамом из Рея неслись для войны
Бойцов триста тысяч, в броне скакуны.
От первой стрелы обратилися вспять,
На поле осталась Йездгердова рать.
За то, что неверен стал роду владык,
Затмился счастливой звезды его лик.

Когда Фараин недостойный взыскал
Престола, на путь преступления стал,
Сколь жалкою смертью сражен был! О нет,
Желаний сверх меры не терпит сей свет.
Владыки миров устрашись наконец,
Создавшего перстень, престол и венец.
Себя понапрасну бесчестишь к чему!
Ведь замыслу рушиться вмиг твоему.
Совет кто неправый тебе подает,
Враг жизни твоей, без сомнения, тот.
Недужен ты ныне, я ныне твой врач.
Плачь, лекарь, слезами кровавыми плачь!
Поверь, о недужный, ты — раб из рабов.
Стать шахом затеял? Позор твой готов.
С Йезданом пречистым враждуешь, пойми.
От доблести в дар возвышенье прими!»
Но сын пастуха лишь о троне мечтал,
Совет умудренных его угнетал.
Так было от века, не ново сие.
В деяниях рока нет меры нигде.
Сего до небесных возносит высот,
Тому лишь презренье да горести шлет;
Ни с тем не враждует, ни любит того,
Что знаем о тайне Творца своего?..
Покуда мир тьмою оделся ночной,
И солнца престол был похищен луной,
С воинственным мудрые речи вели,
Но пользы на волос извлечь не смогли.
Как ночь наступила, сказал мудрецам:
«Теперь на покой удалиться бы вам.
В ночи стану с сыном держать я совет,
На дело пролью знанья всякого свет.
Из войска я двадцать мужей вопрошу,
Быть может, несчастие предотвращу».
Магуя покинули тут мудрецы,
И знатные после явились бойцы.
Магуй, все поведав собранью мужей:
«Что скажете,— молвил,— о повести сей?
Ведь если оставить Йездгерда в живых,
К нему соберется дружин боевых
Немало. Мир тайну узнает мою,
От старца и юноши не утаю,
И беды его принесет мне вражда,
Лишусь и земель я, и жизни тогда».
Из мудрых таков был ответ одного:
«Сначала б не надобно делать сего!
Коль станет владыка Ирана твой враг,

От мести его не спасешься никак.
Но горе тебе, коль убьешь, сипехбед,
Того, чей отмститель в сем мире Изед —
Невзгоды без счета нагрянут, поверь.
Подумай, как действовать должно теперь».
Сын молвил: «Отец умудренный, с пути
Врага, коль его приобрел ты, смети!
Из Чина, Мачина войска приведет,
Стеснит отовсюду, в тиски нас возьмет.
Ты малой невзгоду сию не считай,
Победу стяжал — до конца побеждай!
Полу его если, как стяг, вознесут —
С земли и тебя, и дружину сотрут».

[*Смерть Йездгерда от руки мельника Хосрова*]

Злонравный Магуй лишь слова услыхал,
Что сын ему жестокосердый сказал,
«В путь,— мельнику молвил,— с бойцами скорей
Отправься и кровь супостата пролей!»
В душе содрогнулся от слышанных слов,
Не счел их согласными с честью Хосров.
Той ночью, лишь месяц взошел в небосвод,
На мельницу к шаху злосчастный идет,
Хоть сердце в крови, слезы льются ручьем.
Магуй лишь об этом в чертоге своем
Услышал, послал своих всадников он:
Мол, дыма быстрее помчитесь вдогон!
За мельником!.. Не преминул приказать:
Мол, царские серьги, венец и печать,
И мантию кровью не должно залить,
Его не забудьте вы разоблачить...
Идет он, душа у Хосрова мрачна,
И солнца легла на лицо желтизна.
Твердит: «О пречистый, кем мир сотворен,
О ты, что превыше теченья времен!
За этот его нечестивый приказ
Молю, ниспошли ему гибель сейчас!»
Страшась и стыдясь, к властелину идет
Со ртом пересохшим, льет слезы и льет.
И низко к нему преклонившись на грудь,
Как на ухо тайну пришедший шепнуть,
В утробу цареву клинок он вонзил,
И вздох свой последний Йездгерд испустил *.
Во прахе венец и глава. Недвижим
Лежит он, хлеб с кешком убогий пред ним...
Кто путь увидал — как покинуть сей дом,

И в доме остался — нет мудрости в том.
Взрастив, оттолкнут семь вертящихся сфер,
Безвинно он будет убит, как Йездгерд...
Так смерть не встречал ни один властелин,
Ни всадник единый из царских дружин.
Чужд мудрости этот вертящийся свод,
То ль гневен, то ль милостив, кто же поймет!
Не лучше ль очами сей мир не узреть,
Любовью к нему и враждой не гореть...
Узнала Магуя презренного рать,
Что рухнул являвший державную стать,
О царстве и брани забыв, опочил,
И каждый на лик его глянуть спешил.
Лежит, одеяний лишившись своих,
Венца, ожерелья и кафшей златых,
Владыка Ирана в крови на земле,
И смертная бледность на царском челе.
Отходят, разгневаны, удручены,
Уста их проклятий немолчных полны:
«Таков будь Магуя удел самого!
Во прахе, в крови да увидим его!»
Сказали Магую: «Стал доблестный чужд
Превратностям битв и престола, и нужд».
И тот повелел им порою ночной
Предать его тело пучине речной.
Слуг двое жестоких исполнить спешат
Веленье, труп царский кровавый влачат,
Не зная, сколь дорог поверженный тот,
В Зарк бросили, в яростный водоворот.
Муж доблестный долго носим был волной,
То вверх головою, то вниз головой...
Вот минула ночь, появляется люд.
Два мужа достойных дорогой идут —
Два инска, что в благочестье крепки.
Один, подошедши ко брегу реки,
Вдруг мертвое тело увидел в волнах.
Охваченный горем, бежит впопыхах
К дверям монастырским. Отшельникам весть
О том, что видал, не замедлил принесть:
Мол, носится тело нагое в волнах,
В пучине речной, мол, поверженный шах...
Отшельники тотчас у брега сошлись,
Монахи, епископы все собрались,
И слышатся полные скорби слова:
«О славой покрытый, о царства глава!
Кто видел доныне, кто слышал о том,
Чтоб муж, обладающий царским венцом,

Взрастил нечестивца, слугу-наглеца,
Вскормил худородного лютого пса,
И тот своего бы кормильца сгубил!
Одни лишь проклятья Магуй заслужил.
О, где твоя сила, могучая стать,
Ум, знанья, дано было коим блистать!
Где ты, Ардашира потомок младой,
Наездник блистательный, вождь боевой,
Мудрец, богатырь! Иль ушел ты отнесть
Царю Нуширвану разящую весть:
На мельнице, мол, луноликий твой внук,
Рожденный для доли великой твой внук
Безжалостно сгублен кинжалом стальным,
Рассечена грудь, брошен в реку нагим!»
Четыре монаха, одежды сорвав,
В реку погрузившись, владыку держав,
Столь юного шаха, чей дед Нуширван,
Из вод извлекают на брег. Обуян
Тоской безутешной по нем стар и млад,
Повсюду рыданья, стенанья звучат.
Средь сада для шаха дахму возвели,
Главу ее до облаков вознесли.
Спешат осушить его раны, алой
Взяв, мускус притом с камфарой и смолой.
Парчой золотистою убран Йездгерд,
С лица в ней касаб *, а с изнанки — лажверд.
Составом из мускуса, роз и вина
Епископ кропит ложе вечного сна.
Достойный из Мерва дихкан говорил,
Когда кипарис он в гробнице сокрыл:
Кто трудится, щедро воздастся тому,
Чтоб радостно с миром расстаться ему...
Промолвил другой: хоть и смех на устах,
Знай, втайне душа у печали в тисках
Затем, что коварен вертящийся свод,
Паденье вослед возвышенью несет...
Другой: мудрецом не окажется тот,
Кто плоти желанья душе предпочтет,
Богатства лишь алчет, бесчестье ища,
Пред грозным возмездием не трепеща...
Другой: коль сомкнулись владыки уста —
Утрачен престол и венец навсегда,
Потеряно все: царедворцы, печать,
Держава, величие, блеск, благодать.
А коль не приносит все это плодов,
К чему столько тягот и столько трудов!..
Другой: столько речь его доброй была,

Что должная мне не под силу хвала.
Он в райском саду кипарис насадил,
Увидит душа, что великий взрастил.
Другой: Вседержитель твой дух приютит,
А тело печальникам этим вручит.
Душе твоей пользу сие принесло,
Злодею — сулит неизбежное зло.
Царь ныне в объятия райские взят,
Дорога лежит зложелателю в ад...
Другой: ты, что был для услад сотворен,
Царь мудрый, кем род Ардашира продлен,
Посеял благое — благое пожал,
Твой царственный светоч навек воссиял...
О царь молодой! — так другой возгласил.—
Уснул ты, но светлый свой дух пробудил.
Безмолвны уста, тело брошено здесь,
Но дух вопиет пред Творцом, не исчез.
Ты празден, но духу трудиться и впредь,
Врагу твоему в смертной петле висеть.
Уста онемели, душа говорит.
Плоть сникла, дух вырос и рвеньем горит.
Ослабла рука, не владеет уздой —
Заносит копье дух недремлющий твой...
Другой: смерть, о витязь, тебя унесла,
Но шествуют перед тобою дела.
Твой ныне в раю возвышается трон,
Дом бед для врага твоего возведен...
Другой: кровь проливший такого царя,
Поплатится ныне, в мученьях горя...
Создателя молим — епископ изрек —
О духе твоем, да хранит его Бог!
Да будет дахма вешним садом твоим
И саван приютом отрадам твоим...
Слова отзвучали, и поднят табут,
Из степи в дахму его молча несут.
Такой был ему предначертан конец.
Где царская шапка, престол и венец!
Что ж, был семислойный сей свод справедлив
К Йездгерду иль не был, жестокость явил?
А если ни правды, ни злобы в нем нет,
Какой от философов ждать мне ответ?
Коль некая вера о том говорит,
Ответ прикровенно для слуха звучит.
Хоть малость имея, коль совесть чиста,
Будь ясен душою, заботы — тщета.
Исчезнешь и ты в предназначенный срок,
Считает ведь наши дыхания рок.

Вкушай, накопления жажду забудь,
Прокормит Творец, коль не вызовет в путь.
Сумел бы с приходом расход уравнять —
Мир мог бы я братом любезным назвать...
Град нынче прошел, всякой горести злей;
Смерть, право, мне града такого милей!
Ни дров, ни зерна, ни овец — ничего
По воле высокого свода сего.
Вина принеси же, ведь близок наш век
К исходу, так было, так будет вовек.

[*Восшествие на престол Магуя Сурийского*]

Весть некто доставил, к Магую придя:
«Сокрыли в дахме властелина-вождя
Епископы Рума, монахи пришли,
Священство, отшельники этой земли.
Стеная, сошлись у реки стар и млад,
И отдал им тело царя водопад.
Дахму для него возвели среди роз
Большую весьма, высотой, что утес».
Промолвил Магуй, черным злом обуян:
«Так с Румом досель не роднился Иран!»
Велит, дабы всех возводивших дахму,
И всех, помогавших деянью тому.
Убили, весь край разоренью предав,—
Таков был Магуя обычай и нрав!
И после державу он всю обозрел —
Из рода владык никого не узрел.
В руках его — царский венец и печать.
Задумал на троне пастух восседать!
Доверенных всех на совет он созвал,
Свои помышления им рассказал,
И слышит дастур: «Умудренный, внемли!
Борений решительных дни подошли.
Ни рода царей, ни богатства, увы!
Мне в битве сей, знать, не сносить головы.
Йездгердово имя на перстне царей —
Мечом утвердиться ли власти моей?
Всяк в верности рад был ему присягнуть,
Сородич ли, рода ль иного он будь.
Муж знанья царем не признает меня,
Печать мою войско отринет, кляня.
Дорогу я мог бы иную избрать,
К чему было царскую кровь проливать!
От дум обливался я кровью всю ночь —
Творцу лишь известно, как было невмочь!»

«Уж поздно теперь,— раздается ответ,—
Молвой о свершенном наполнился свет.
Борьбы продолжение ныне готовь —
Ты нить разорвал, не связать ее вновь.
Стал прахом в дахме царь исчезнувший тот,
Дух царский в том прахе бальзам обретет.
Мужей многоопытных всех собери,
Для сладостной речи язык изощри.
Так молви: сей перстень и царский венец
Сам шах мне вручил, свой провидя конец.
Узнав, что примчалась туранская рать,
Меня поспешил темной ночью призвать.
Сказал он: «Как брани кимвал прозвучит —
Кто знает, кого она в прах обратит!
Сей перстень и царский венец сохрани,
Настанет пора — пригодятся они.
Лишь дочь у меня в целом мире одна,
От взора тазийцев сокрыта она.
Смотри же, престол мой врагу не предай —
Так верности шаху обет соблюдай».
От шаха в наследье венец я обрел,
По воле владыки воссел на престол...
Так дело худое благим поднесешь.
Кто сможет постигнуть, здесь правда иль ложь!»
Магуй лишь услышал, вскричал: «Исполать!
Дастур ты, нет в мире второго под стать».
Воителей знатных созвал и вождей,
Немало держал перед ними речей.
Постигла дружина, что правды в них нет.
Лжеца обезглавить — достойный ответ.
Муж некий промолвил: «Реченья твои
Правдивы ли, нет ли, решенья — твои».
Лишь это услышал — взошел на престол,
Уловками рать к подчиненью привел.
Уделы меж знатными все поделил.
«С печатью владыка я!» — провозгласил.
Щедроты рассыпал по краю всему
Такие, что звезды дивились ему.
С Гератом он Балх сыну старшему дал,
Повсюду дружины свои разослал.
Вознес недостойных до неба главой —
Иного ли ждать от природы такой!
Вождями злодеев поставил везде,
Достойных мужей обесславил везде.
Везде ниспровергнута правда была,
Открылась дорога для всякого зла.
Все более множа богатства и рать,

Стал дерзостный силу свою ощущать.
Дирхемы раздав, снарядивши бойцов,
С Биженом в сраженье вступить он готов.
Вождь мчится к Аму перед войском большим,
Дружина, воители новые с ним.
Дозоры пред войском несутся вперед,
Мужей Гарсиюн искушенный ведет.
Замысливши град Бухару осаждать,
Ведет столь могучую, грозную рать!
Твердит: «Я и Чач с Самаркандом потом
Добуду сим перстнем и царским венцом.
По воле Йездгерда, владыки того,
Что сам небосвод был саларом его,
Настигну Бижена возмездья мечом,
Виновного в царском конце роковом».

[*Бижен идет в поход*
против Магуя Сурийского]

Меж тем до Бижена известья дошли,
Что сделан Магуй властелином земли,
Шлет всюду указы с печатью своей,
Весь край подчинил грозной ратью своей,
К Джейхуну теперь, жаждой брани гоним,
Помчался с воинственным строем своим.
Бижен вопросил: «Кто венец ему дал?»
И знающий правду ему рассказал:
«Владыка! — так речь начинает Барсам.—
Как Чач я покинул, главой став бойцам,
Направилось войско к нему той порой —
Отважных, воинственных всадников строй:
Отсюда, мол, трон властелина царей,
Убор, ослепляющий блеском камней,
Пора, чтобы в Чач я с казною послал —
Трон кости слоновой тебе, мол, пристал...
Я в Мерве сражался три дня. Как настал
Четвертый, и светоч дневной воссиял,
Вконец разъярившись, я стал нападать,
Магуй недостойный тут ринулся вспять.
Покинут, иранской земли властелин
Стал спутников звать, не пришел ни один.
Бойцов наших знатных немало сразил,
Оставшись один, также спину явил.
Так низкий Магуй властелина казну
Обрел без труда, не окончив войну.
Нажившись без меры, стал дерзок тогда,
Ты скажешь, не видел меня никогда.
Стан ратный два месяца в Мерве стоял,

Ни разу он нам доброты не являл.
Владыку столь славного тайно убил,
Без жалости светоч земли погасил.
То всадник такой был средь войска страны,
Чья слава сияла светлее луны.
Прочь тюрки от палицы этой неслись,
Сердца именитых от страха рвались.
Убил и нажился, себя объявил
Владыкой — нечестия столько явил!
Коль враг у порога, свирепый в борьбе,
С дружиной уж медлить не должно тебе.
Не должно быть плевелам в царском саду;
Оставишь — на сад навлечешь ты беду».
Лишь слово такое Бижен услыхал,
Из тюрков воинственных войско собрал.
От Качкар-баши вихрем ринулся в путь,
Ни мига не мыслил в пути отдохнуть.
И вот на равнину Нахшаб он вступил,
Степь войском близи Бухары наводнил.
Соратникам молвил: «Теперь нам спешить
Не должно, мы реку врагу переплыть
Дозволим, да вторгнется, злобой горя,—
Быть может, смогу отомстить за царя».
Потом вопросил: «У владыки того
Нет чад, не осталось родных никого?
Быть может, он брата благого имел
Иль дочь, коль не сына родного, имел?
Тотчас разыскали б, на помощь пришли,
Магуя тогда одолеть бы смогли».
«Владыка! — ему отвечает Барсам.—
Сего именитого рода сынам
Пришел уж конец. Правят в тех городах
Тазийцы, не огнепоклонник, не шах».
От этих постигнувших мир перемен
Схватился за голову витязь Бижен.
Воителей поднял. Дозоры меж тем
Доносят: «Строй вражий уж близок совсем.
Столь много приплыло бойцов на челнах,
Что солнце сокрыл заклубившийся прах».
Бижен-предводитель возглавил бойцов,
Готовых к сраженью расставил бойцов.
Лишь только Магуй это войско узрел,
Дух, скажешь, из тела его излетел.
От ратных доспехов, наполнивших мир,
От копий, булав и чачийских секир
Смутился. Воителей встала стена,
Высь Нилу подобна, земля не видна.

[*Битва Бижена с Магуем и гибель Магуя*]

Так войско задумал Бижен разместить,
Иранцам засаду дабы учинить.
Магуй это издали распознает,
Из сердца дружин с кличем мчится вперед.
Увидел Бижен предводителя стяг
И понял: избрал нападение враг.
Барсаму сказал он: «Срединную рать
Ты в сторону ныне спеши отозвать.
Не должно, чтоб битвы душой устрашась,
К Джейхуну Магуй устремился тотчас.
Мчись вихрем, с него не спуская очей,—
Я мысли последую новой моей».
Стяг чинский лишь только завидел Барсам,
Своим отступить повелел он бойцам.
Ко граду Фарабу ведет их в сердцах;
В морщинах чело и хула на устах.
В песках у Фараба врага разглядел,
Поводья напрягши, быстрей полетел.
Как с ним поравнялся, скача из всех сил,—
Мечом не сразил, благородство явил:
За пояс схватив, совлекает его
С седла, наземь вмиг повергает его.
Сам спешась, связать ему руки спешит
И с пленником снова в седле уж сидит.
Соратники тут подоспели. Везде
Волнение, говор немолчный, и все
Барсаму твердят: «Ты куда его влечь
Задумал? Здесь голову должно отсечь!»
«Негоже сие,— отвечал он,— Бижен
Не знает, что взяли мы недруга в плен».
Меж тем до Бижена известье дошло,
Что схвачен раб низкий, содеявший зло,
И радость в Биженовом сердце зажглась,
Воспрянул, с заботою сей разлучась.
Мостки положили на рыхлый песок,
Магуй чтоб быстрее приблизиться смог.
Преступник, Бижена увидевший лик,
Лишился, сказал бы ты, разума вмиг.
Сказал бы ты — смерть увидал наяву,
И сыплет летучий песок на главу.
«Презренный! — Бижен тут промолвил ему.—
Не знать бы такого слугу никому!
Почто справедливого шаха убил,
Владыку побед и престола сгубил,—

От предков носителя сана царя,
Наследника Нушинравана-царя!»
Ответил: «Чего от злодея и ждать
Иного! Убийство да срама печать...
Меня за свершенное зло обезглавь,
Главу на позор пред собраньем оставь».
«Так! — молвил Бижен,— я такое свершу,
Что мщения жажду в груди угашу».
Мечом отрубив ему руку, сказал:
«Руки столь презренной никто не знавал».
Велит ему ноги затем отрубить,
Дабы по земле ему впредь не ходить.
Отрезать и уши и нос повелел,
А сам на коня боевого воссел.
Велит на песок раскаленный тогда
Повергнуть, глаза да сомкнет от стыда.
Велит обезглавить Магуя затем,
С мужами воссел он, пируя, затем.
Проходит глашатай по стану всему,
И в каждом шатре внемлют слову сему:
«Подвластные, вы, что готовы царя
Повергнуть, усилья потратите зря!
На шаха восставшим, Магую под стать,
Венца и престола вовек не видать!»
Магуй трех сынов среди войска имел,
Все молоды, каждый уделом владел.
Огромное велено пламя потом
Разжечь и сынов туда бросить с отцом.
Мужей не осталось от рода сего,
А кто и остался, все гнали того.
Сей род именитые всюду клянут,
Их думы о шахе, о мщении жгут.
Проклятье убийце! — тому не бывать,
Чтоб гнев заслужившего не проклинать...
Носителя веры — Омара пора
Настала, не трона — минбара пора.

[ПОВЕСТЬ О ЗАВЕРШЕНИИ КНИГИ «ШАХНАМЕ»]

Сравнялось мне лет шесть десятков и пять,
И стали тревоги меня осаждать.
Надежды на книгу царей возложил,
Но жребий мне помощь подать не спешил.
Ирана мужи, просвещенная знать,
Мою безвозмездно списали тетрадь.
Сижу я, взирая на них издали,—
Прислужника, скажешь, во мне обрели.
Я кроме ахсанта от них ничего *
Не слышал, в огне от ахсанта сего.
На древних сумах ныне крепкий замок,
Я сердцем от этих замков изнемог.
Во граде моем меж благими людьми
Могу помянуть я Али Дейлеми.
Мне в каждом содействовал деле сей муж
Прямой, неподкупный, из праведных душ.
О Гае-катибе *: он также из сих,
Кто строк безвозмездно не ищет моих,
Снедь, злато, одежду мне рад уделять,
Помог опериться и на ноги встать.
Не ведаю, подать как платят и чем,
Купаюсь в обилии благ между тем.
Как прожил я лет семь десятков с одним,
Смог в слове соперничать с небом самим.
На бренной земле тридцать лет я и пять
Трудился в надежде награду стяжать.
Напрасно трудился, мечтал о казне,
Плода тридцать пять моих не дали мне.
Уж восемь десятков теперь подошли,
Развеяны в прах все надежды мои.
Я повесть о шахе, что звался Йездгерд,
Окончил в Испандармоз месяц, в день Эрд.
В год Хиджры по восемь десятков пять раз *
Я свой завершил о владыках рассказ.
Махмудову царству цвести и сиять,

Век здравью и радости с ним пребывать!
От явных и тайных благих его дел
Останется слово, не тщетно я пел!
Хвалу именитые мне воспоют,
Хвалы еще больше ему воздадут.
Он праведный, мудрый, пусть вечно живет,
26020 Свершенье желаний души да пожнет,
Бессмертен пребудет в творенье моем;
Стихов — шестью десять по тысяче в нем *.
Труд славный окончен. В родимой стране *
Не смолкнет отныне молва обо мне.
Я жив, не умру, пусть бегут времена,
Недаром рассыпал я слов семена,
И каждый, в ком сердце и мысли светлы,
104018 Почтит мою память словами хвалы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОРОТКО ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ПОЛНОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЭПОСА «ШАХНАМЕ»

В 1943 г. в Таджикистане вышла в небогатом оформлении военного времени книжка «Алмазы доблести», содержащая отрывки из эпоса «Шахнаме» — великого творения Абулькасима Фирдоуси. Составил ее выдающийся поэт современного Востока Абулькасим Лахути (1887—1957).

Одновременно такая же книжка вышла на русском языке в моем переводе. Мы планировали продолжить работу по отбору и переводу отрывков из «Шахнаме», но вскоре оставили эту мысль: поэт объяснил мне, что основное очарование этого эпоса — в его цельности и монолитности и что выхватывать из него отдельные куски — все равно, что кромсать живое тело. К тому же, говорил он, давно пора восполнить столь ощутимый пробел в нашем востоковедении и переводной поэзии — отсутствие полного русского перевода «Шахнаме» *. Это сослужило бы немалую службу и русской культуре, и культуре всех народов, говорящих на фарси, да и всемирной также.

В прошлом веке императорская типография Франции в течение 40 лет издавала этот памятник поэзии Востока с полным переводом (правда, прозаическим). На английский, немецкий и итальянский языки поэма была переведена белым стихом. Почему бы и нам не попытаться осуществить впервые на русском языке полный перевод «Шахнаме» и при этом воспроизвести впервые на европейском языке поэтическую форму — размер и рифмовку подлинника? Такими доводами были преодолены мои колебания перед задачей столь огромного объема и — невзирая на кажущуюся простоту древнего текста — немалой трудности.

Весьма кстати подоспел драгоценный дар — привезенные из Ирана полковником Т. А. Тутунджяном десять книг современного тегеранского наборного издания (работать по тексту старинной рукописной литографии было бы значительно сложнее). По удачной выдумке Лахути, во всех этих книгах после каждой страницы был вброшюрован чистый лист для записи его пояснений. Дважды были прочитаны более ста тысяч строк оригинала. Год за годом двигалась работа, начатая по велению сердца, без всякого договора или заказа...

В 1956 г. по инициативе первых руководителей редколлегии серии «Литературные памятники» академиков В. П. Волгина и Н. И. Конрада было принято решение об издании шеститомного полного перевода «Шахнаме». Вдохновитель этого труда Абулькасим Лахути не увидел отредактированного им первого тома, вышедшего в 1957 г., в день кончины поэта. Вскоре коллектив понес новую утрату — скончался первый ответственный редактор издания академик Е. Э. Бертельс. Работа продолжалась при участии крупнейших советских иранистов.

Редактором второго и третьего томов стал А. А. Стариков, воспитавший не одно поколение востоковедов, ученый, о котором с горячей благодарностью вспоминают его ученики. Ему принадлежат глубокие и содержательные комментарии к первым двум томам перевода, а также обширная статья, высоко оцененная знатоками, в частности в Иране, вышедшая там отдельной книгой в переводе на фарси.

Живо вспоминаются ценные замечания Алексея Аркадьевича. Порою, после того как он в своем комментарии уточнял мой перевод цитируемого места, мне

* Этот пробел отметил впоследствии, во время первого своего визита в Советский Союз, Джавахарлал Неру.

удавалось добиться более верного поэтического варианта, и тогда он добродушно сетовал: «Опять отняли у меня хорошее примечание!» Но материала для хороших примечаний у него, конечно, хватало и помимо промахов переводчика.

Удачные находки внес в расшифровку «загадок» оригинала редактор четвертого тома поэт А. Азер, хранивший в памяти целый клад познаний в области родного языка и литературы. Автор интереснейших примечаний к четвертому и пятому томам — В. Г. Луконин, столь рано ушедший из жизни, знаток и талантливый исследователь иранского искусства. Их уже нет в живых, но с благодарностью вспоминаются эти замечательные ученые, помогавшие переводчику расти в благотворном общении поэзии с наукой.

Из тех, кто стоял у колыбели русской «Шахнаме», кроме меня, дожил до последнего тома бессменный рецензент всех шести томов чл.-корр. АН Тадж. ССР И. С. Брагинский. Начиная с третьего тома издание возглавлено ныне здравствующим проф. А. Н. Болдыревым, который в пятом томе выполнял также функции редактора текста. Трудно переоценить вклад, внесенный им в общий труд — вклад ученого, сохранившего лучшие традиции русской востоковедческой школы, историка, филолога, порою и поэта. Говорю об этом как многолетняя свидетельница его самоотверженной работы над рукописью перевода — работы, намного превышавшей редакторские обязанности.

Опасаясь, что бег времени может прервать мои дни и оставить перевод незавершенным, я предложила соавторство по двум последним томам талантливому поэту В. Г. Берзневу. Пятый том переведен нами совместно, шестой же раздельно. В целом сотрудничество это оказалось для нашего издания плодотворным.

Редактирование шестого тома осуществлял проф. М.-Н. О. Османов — крупный иранист, текстолог, знаток «Шахнаме», с большой тонкостью и настойчивостью добивавшийся от перевода максимальной близости к тексту. По его предложению положено начало усовершенствованию системы русского написания личных имен в «Шахнаме».

Комментарии к шестому тому выполнены Л. Лахути. Со своей стороны не могу умолчать о полученных от нее полезных советах по толкованию текста — интуиция, видимо, передалась по наследству. Безотказную консультацию и помощь издание получало также и от видного ученого, энтузиаста «Шахнаме», многолетнего сотрудника Государственного Эрмитажа Л. Т. Гюзальяна. Благодарю также доктора исторических наук Б. И. Маршака, чья широкая эрудиция порою приходила на помощь русской «Шахнаме».

Особое место в судьбе перевода заняла АН Таджикской ССР. После выхода в свет четвертого тома в издании наступил перерыв, длившийся более тринадцати лет. Изданию, уже с первого тома заслужившему положительную оценку советских и зарубежных специалистов, грозила опасность остаться незавершенным по причине финансовых затруднений издательства «Наука». И тогда братскую помощь предложила Академия наук Таджикистана, взяв на себя при содействии правительства республики основную часть расходов по выпуску пятого и шестого томов перевода. Следует отметить немалую роль, которую здесь сыграла личная инициатива М. С. Асимова; многолетнее президентство и работа в области точных наук не мешали ему активно интересоваться популяризацией родного классического наследия. Он продолжал уделять заботу и внимание русскому переводу «Шахнаме» вплоть до сдачи в печать шестого, последнего тома издания.

Идея адекватного русского воплощения эпоса «Шахнаме» привлекала добровольных помощников. Лично мне хочется воздать должное светлой памяти поэта Клары Арсеневой, не раз помогавшей мне мудрыми советами; немало обязана я и С. В. Магалиф, увлеченной переписчице перевода, которая много лет облегчала своим прекрасным почерком работу редакторов, а главное — неумолимо подталкивала переводчицу, когда на ту нападала лень или усталость.

А сверка, считка и прочая техническая помощь — сколько людей ее оказывало, всех и не перечислишь! Обходиться без такой помощи было невозможно — ведь работать приходилось и при болезнях, и при травмах, и при многих переездах. Москва и Подмосковье, Ташкент и Ашхабад, Самарканд и Бухара, Душанбе и берега Вахша — где только ни переводилась «Шахнаме», вплоть до Ирана и фран-

цузских Альп, где Ат. Лахути, старшая дочь поэта как профессиональный редактор оказалась особенно ценной помощницей.

Невозможно без улыбки остановиться на одном крохотном, но характерном эпизоде. Как-то в Самарканде я заманила в помощь себе старшеклассницу — таджичку Саодат. Девушка с увлечением резала и клеила мои листочки, когда со двора послышался голос ее матери. На самаркандском, близком моему сердцу наречии, та звала: «Саодат, где ты? Обедать!» — «Я здесь! — откликнулась дочь.— Подожди, я занята, мы тут „Шахнаме“ переводим!»

По-существу Саодат была права. «Шахнаме» переводили мы все — и города, и быт, столь знакомый по страницам эпоса, и люди, говорящие на языке Фирдоуси, и архитектурные памятники его эпохи...

Б Самарканде я впервые услышала о «Шахнаме»; в Ташкенте по старинному фолианту впервые читала строки поэмы; в Душанбе молодое поколение теперь изучает родной эпос в школах. Начала сбываться мечта поэта Лахути: по вышедшим томам русского полного перевода уже стали переводить «Шахнаме» на другие языки — узбекский, болгарский, иврит...

Возвращаясь к французскому опыту двуязычного издания, признаюсь, что таю надежду увидеть хотя бы начало издания фарси-русского. Но до этого на очереди надобность еще более насущная: переиздание первых четырех томов русской «Шахнаме», которые были изданы крайне малыми тиражами и давно стали недоступными для читателей.

Бессмертное творение Фирдоуси теперь приближается к своему тысячелетнему юбилею, который по плану ЮНЕСКО намечено проводить в течение пяти лет (1989—1993). Отрадно сознавать, что к этой дате завершено полезное культурное начинание, заложен еще один камень в величавое здание дружбы народов.

Ц. Бану-Лахути

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод сделан по сводному тексту Вуллерса-Нафиси (Вуллерс-Нафиси. Тегеран, 1934—1936. Т. VIII—IX, в дальнейшем В.-Н.). Случаи, когда вместо основного текста для перевода выбран один из вариантов, оговариваются, если расхождение касается содержания. Кроме В.-Н., как и при переводе предыдущего тома, использовалось издание критического текста «Шахнаме» (Аб. Фирдоуси. Шахнаме. Критический текст. Москва, 1961. Т. VIII—IX, в дальнейшем М).

Имена исторических прототипов персонажей Фирдоуси приводятся в принятом в современной научной литературе написании, ориентирующемся на среднеперсидскую форму, например, Йездгерд, Бахрам в «Шахнаме» — Ездигерд, Варахран как исторические личности.

При цитировании или ссылках на источники сохраняется написание соответствующего источника, например, Хосров в «Шахнаме», Хосрау в цитатах текста Т. Нельдеке, Хосрой, Хозрой у Прокопия Кесарийского.

Принцип передачи имен собственных в переводе частично сохранен тот же, что и в предшествующих томах (см.: ШН, I, с. 599, 600). Но, поскольку со времени начала настоящего издания (1957 г.) выработалась и установилась иная традиция, некоторые из них приводятся в новых вариантах написания, принятых в современной литературе (прежние написания приводятся в Указателях).

Выдерживались, по мере возможности, следующие соответствия: *ū* — *y*; *u* — *o*; *i*, *ī* — *u* кроме позиции перед *h*, когда *i* передается русским *е*; *a* на конце слова — *е* (Савé, Рудабé); *l*, который в персидском языке мягче, чем в русском, дается в мягком написании (Хульван, калям). При этом принималось во внимание ставшее общепринятым и привычное для читателя написание некоторых имен, географических названий, а также такие немаловажные для художественного текста требования, как благозвучие и отсутствие нежелательных звуковых ассоциаций.

Несомненно, любая передача слов языка фарси средствами русского алфавита является условной: для достижения большей адекватности необходимы специальные дополнительные знаки, невозможные в художественном тексте. Например, имя *Bahrām* содержит звук *h*, который лишь очень приблизительно можно обозначить как *х*, а также два гласных *a* (краткое) и *ā* (долгое) — звуки близкие, но не абсолютно идентичные русскому *а*. В предыдущих томах в соответствии с существовавшей тогда традицией это имя писалось *Бехрам* — таким образом подчеркивалось различие первого и второго *а* по долготе в ущерб их качественной близости. В настоящем томе предпочтен общепринятый сейчас вариант *Бахрам* (здесь передана качественная близость звуков в ущерб их количественному различию).

В примечаниях используется также международная транскрипция на латинской основе (Основы иранского языкознания, с. 18). Слова из «Шахнаме» транскрибируются в соответствии с фонетическим строем того языка, на котором писал Фирдоуси — языка фарси-дари как он реконструирован в современном языкознании (см.: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М., 1982, с. 3—230, где принято сокращение кл.-перс.).

В непереведенных словах сохраняется свойственное персидскому языку ударение на последнем слоге (перú, Авестá).

В квадратных скобках при первом и последнем стихе перевода даны цифры, отражающие суммарное (по пяти томам) количество переведенных строк. В примечаниях отмечены те места текста, где при идентичном содержании число стихов в переводе не совпадает с числом стихов подлинника.

Пометка «перестановка бейтов» указывает на то, что в переводе соответственно особенностям русского стиха и синтаксиса допущена перестановка бейтов (двустиший) подлинника.

* * *

Подробно о жизни Абулькасима Фирдоуси и значении его поэмы «Шахнаме» см.: ШН, I, с. 482—574. Ниже приводятся краткие сведения, которые могут быть полезны при чтении последнего тома.

По своему содержанию «Шахнаме» — это доисламская история Ирана от сотворения мира до завоевания Ирана арабами в VII в.— так, как она представлена в рамках национальной исторической традиции (понятие «Иран» здесь включает в себя весь регион, где обитали персоязычные племена).

Эта традиция восходит к чрезвычайно богатой исторической литературе сасанидов, которая в свою очередь уходит корнями в мифы и легенды, отражающие исторические представления иранских народов, зафиксированные еще в Авесте — священной книге зороастрийцев (древнейшие части Авесты датируются VII—VI вв. до н. э.; письменная фиксация относится к IV в. н. э., т. е. к эпохе сасанидов — династии царей Ирана, правивших с 221 по 651 г. Язык сасанидского Ирана в современной литературе обычно называется среднеперсидским, у Фирдоуси — пехлевийским).

Работа по собиранию и сличению различных вариантов исторических хроник, переписка и фиксирование разрозненных исторических сочинений велась уже в VI в.; при Ездигерде III (у Фирдоуси — Йездгерд), последнем сасанидском шаханшахе (VII в.), был составлен канонический свод истории Ирана — «Хватав-намак» («Книга владык»).

В VIII в., когда языком культуры в мусульманском мире повсеместно стал арабский, «Книга владык» неоднократно переводилась на этот язык. При переводе и переписках тексты часто подвергались значительной переработке и изменению так, что возникали новые, не совпадающие одна с другой, версии. Сохранились сведения о существовании девяти переводов «Хватав-намак» на арабский язык. Кроме того, на арабский было переведено большое количество среднеперсидских книг, в том числе исторические произведения, повести о жизни царей и героев и т. п.

В X в. появляется историческая литература на новоперсидском (фарси-дари, см. примеч. 8565) языке. На основании арабских переводов «Хватав-намак» были составлены, независимо друг от друга, четыре персидские свода «Шахнаме» (так переводится на язык фарси «Хватав-намак»).

Один из этих сводов, составленный в 957 г. по указанию правителя Туса Абу Мансура ибн абд ар-Раззака, и стал основным источником поэтической обработки Фирдоуси.

Кроме «Шахнаме» Фирдоуси, ни один из вариантов «Книги владык» не дошел до нашего времени. Однако представление об их характере и содержании можно получить благодаря многочисленным цитатам и ссылкам, содержащимся в сохранившихся исторических произведениях арабо- и персоязычных авторов. Эти книги, как правило, имеют общие с «Шахнаме» Фирдоуси источники или предысточники (подробнее об источниках Фирдоуси см.: ШН, I, с. 583—590; V, с. 335—357; УЗ ИВ АН СССР, 153—189). В примечаниях к некоторым стихам, как и в т. V, приводятся параллельные отрывки из таких книг. Сюда относятся: «История царей и пророков» арабского автора Абу Джа'фара Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (839—923 гг.) (цитируется по немецкому переводу Т. Нельдеке, в дальнейшем — N.-T.); персидский перевод этой книги, выполненный в X в. Абу Али Мухаммадом ибн Бал'ами, который существенно переработал ее, сократив и одновременно дополнив сведениями, опирающимися на общие с Фирдоуси источники; «Книга длинных известий» Абу Ханифы Динавари, арабоязычного автора IX в.; «Хроника царей и пророков» арабоязычного историка и филолога Абу Абдаллаха Хамзы ал-Исфахани (X в.). Это позволяет в общих чертах обрисовать характер исторической литературы, на фоне которой была создана и воспринималась современниками эпопея Фирдоуси, уточнить смысл некоторых эпизодов, и наконец дать представление о творческом методе и авторской позиции великого поэта, «отбиравшего события и факты из огромного материала» (УЗ ИВ АН СССР, с. 189).

* * *

Общепризнано, что «Шахнаме» — незаменимый источник для изучения культуры сасанидского Ирана в ее самых разнообразных аспектах благодаря обилию среднеперсидских произведений, переработанных в книге (прямо или опосредованно), верности автора духу своих источников, точному следованию исторической традиции, обилию ценных деталей и реалий. В том же, что касается собственно истории — имен, хронологии, конкретных фактов — «Шахнаме» является источником как бы «вторичным» по сравнению со специально историческими сочинениями средневековья (см. также: ШН, V, Примечания, с. 356, 367, 369).

«Шахнаме» — в первую очередь художественное произведение; это относится и к сюжетно-композиционной стороне, и, тем более к поэтической форме памятника, который ни в коем случае нельзя считать простой версификацией истории.

Подробно о стиле и языке Фирдоуси см.: ШН, I, с. 549—564, 593—598, здесь же достаточно привести мнение двух знатоков персоязычной литературы.

Первый — поэт Низами Арузи Самарканди, живший спустя приблизительно 100 лет после Фирдоуси,— писал о нем: «И поистине, ничего не осталось не сказанным... И в чистоте стиха он достиг чистоты текущей воды. И есть ли у какого другого таланта подобная сила, чтобы поднять слово на такую высоту, как это сделал он!..» (Арузи, с. 127).

Второй — один из крупнейших современных востоковедов Ян Рипка: «Для западного читателя едва ли заметно, как велико искусство, скрытое в каждом стихе... Перечитывание нередко выявляет новые детали и заставляет нас снова и снова восхищаться силой изобретательности поэта» (Я. Рипка, с. 427, 429).

Необычайная популярность «Шахнаме» на всем персоязычном Востоке обусловлена не только интересным содержанием, но и высокими поэтическими достоинствами. Значение «Шахнаме» для последующей персоязычной литературы трудно переоценить.

* * *

«Шахнаме» построено как единое непрерывное повествование — от мифического первочеловека-первоцаря Кеюмарса до последнего сасанидского шаха Йездгерда III. Формально книга состоит из пятидесяти разделов — «Царствований», каждое из которых посвящено правлению очередного шаха в исторической последовательности. «Царствование» начинается (за небольшими исключениями) рассказом о вступлении шаха на престол и тронной речью, а заканчивается его предсмертным словом и смертью.

По содержанию и общему характеру (связанному с характером используемых источников) «Шахнаме» принято делить на три части, которые условно определяются как мифологическая, эпико-героическая и историческая. Первая, посвященная династии первых царей, восходит к космогоническим мифам Авесты. Вторая охватывает правление династии кеянидов, причем существенную, если не главную, роль здесь играют сказания о богатырях («пахлаванах»), вассалах иранских царей — т. н. систанский цикл. Последним кеянидом считается Александр Македонский. К исторической части относятся царствования ашканидов (парфян) и сасанидов.

Как уже говорилось, «Шахнаме» отражает общий дух истории, но не может служить пособием по истории Ирана. Так, в последнем томе очень неточно и неполно описаны ирано-византийские войны, о которых известно как из арабо- и персоязычных, так и из византийских, сирийских, армянских и других источников. Ничего не говорится, например, о войнах с Византией при Ездигерде (Йездгерде) II, Хормозде IV, Хосрове II; не полно описаны войны, происходившие в царствование Кавада I (Кобада) и Хосрова I — ничего не сказано, например, о завоевании персами Лазики, Йемена, Иерусалима, не упоминается ни одно поражение Ирана в войне с Византией.

В то же время «Шахнаме» содержит важные подробности о внутренней жизни империи и о взаимоотношениях с соседями, особенно на восточной границе Ирана, которые во многом дополняют исторические сведения.

[1–46] *Царствование Йездгерда, сына Бахрама Гура, длилось восемнадцать лет.*— Среди пятидесяти «Царствований», составляющих «Шахнаме», есть такие, которые

содержат несколько сказов (дастанов), а есть и состоящие практически только из тронной речи и предсмертных наставлений шаха, которому это «Царствование» посвящено. К таким относится «Царствование» Йездгерда.

Причина этого не в том, что Фирдоуси совсем нечего было сказать о сыне Бахрама Гура. Ездигерд II правил 18 лет, с 439 по 457 г., хроники содержат исторические факты, относящиеся к этому периоду, и Фирдоуси мог эти сюжеты развить.

Когда Фирдоуси хочет привлечь внимание читателя к какому-то царствованию, характеру царя и проч., он использует и незначительные подробности. Детально разрабатываются сцены, казалось бы не связанные с общим рассказом; перечисляются имена эпизодических лиц — воинов, мобедов, земледельцев и т. п., которые впоследствии ни разу не появляются. Являясь существенным элементом композиции, создавая историческую перспективу, такие перечисления выполняют определенную художественную функцию: читатель как бы отсылается к реальной исторической первооснове.

Очевидно, немногословность описания царствования Йездгерда II обусловлена общим композиционным строем поэмы: оно непосредственно следует за продолжительным и богатым самыми разнообразными событиями царствованием одного из любимых героев Фирдоуси — Бахрама Гура; дальше также следуют яркие и насыщенные главы. В «Царствовании» Йездгерда, где нет ни одного конкретного события, читателю как бы дается небольшая «передышка».

[1–24] *Йездгерд, воцарившись в державе своей...* — Церемония коронации (как по Фирдоуси, так и по другим источникам) проходила следующим образом: законный шах поднимается на престол, увенчивается царской короной и произносит тронную речь перед представителями знатных родов и духовенства; собрание отвечает ему восхвалениями и благопожеланиями, осыпает его драгоценностями, кланяется ему. При описании коронации Бахрама Гура Фирдоуси добавляет еще интересные подробности:

Так было в обычаях тех, кто велик:
Коль новым сменялся владыка владык,
Являлся державы верховный мобед
И трое мудрейших ступали вослед.
На царский престол шаханшаха сажал,
Престол сей торжественно благословлял,
Владыке венец подносил золотой,
Дарящий величием, блеском, красой,
И, царским убором его увенчав,
Ланиты к груди властелина держав
Прикладывал радостно...
(ШН, V, с. 227)

[3–4] *Мобедов, мужей родовитых призвал/И радов, и всех именитых собрал.*—

В ориг. перечисляются mōbadān, buzurgān, radān. *Мобеды* (mōbad, в мн. ч. mōbadān, из ср.-перс. mōvbad, др.-перс. magupati) — зороастрийские жрецы, представители духовенства, игравшего важную роль в сасанидском Иране; мнение верховного мобеда (мобеда мобедов) было решающим на государственном совете. Зороастрийские жрецы обладали крупными богатствами, в т. ч. земельными угодьями. Мысль о прочной связи религии и царской власти, по-разному выраженная, звучит во многих тронных речах и назиданиях царей «Шахнаме». Иногда слово «мобед» никак не связывается с зороастрийским Ираном и означает просто «мудрый советник царя». Так, мобеды могут окружать престол византийского кесаря или индийского раджи. Язык Фирдоуси отражает переходный период развития новоперсидского языка, и один из примеров тому — употребление слова «мобед». *Buzurgān* (из ср.-перс. vazurg) — так назывались знатнейшие представители военного сословия, имевшие право заседать в царском совете — главы знатных родов, городов, областей (дословно — «великие», ср.-русское — «вельможа» от «велий» или испанское — «гранд»).

Слово *rad*, во мн. ч. *radān* (из ср.-перс. rat) имеет две не связанные друг с другом группы значений:

1) ученый, знающий, умный; высший жрец магов, предводитель зороастрийской веры (так в толковом словаре персидского языка М. Моина).

Согласно среднеперсидским документам, раты ведали всеми вопросами, касающимися храмового имущества,— сбором податей, взысканием штрафов, приобретением земель и т. п., выступали в суде как представители храмов. Раты ведали также ордальным судом, т. е. разрешением особо сложных дел с помощью клятв и обрядов (Периханян, с. 288, 292);

2) *rad*, как одна из форм слова *rād* (с долгим *ā*) — храбрый, щедрый, герой (в некоторых словарях, в т. ч. словаре языка Фирдоуси, составленном Ф. Вольфом, приводится только это значение).

В настоящем отрывке, как и во многих аналогичных случаях, имеется в виду первая группа значений.

Имело ли это слово в языке Фирдоуси определенное терминологическое значение, отражающее, подобно слову «мобед», какую-то социальную реалию ушедшей эпохи (например, «чиновник», представитель храмовой администрации, ср. стихи 9137—9138), точно сказать нельзя. Безусловно лишь то, что оно имело особое значение, не идентичное другим словам этого ряда, таким, как «мобед», «мудрец», «знающий» и т. п., и употребляется оно во вполне определенных контекстах. Рады упоминаются обычно наряду с мобедами, а иногда даже рады и мобеды функционально противопоставляются «бузургам» как представители духовенства воинскому сословию (например, в сцене посещения Кесрой Ануширваном храма огня — стихи 2565—2570). Кроме того, рады разгадывают сны, толкуют знамения и т. п. В совете же, носящем чисто военный характер, они не принимают участия (ср. стих 5383).

У Фирдоуси мобеды, рады и бузурги обычно приветствуют нового шаха при его восшествии на престол, выслушивают его предсмертные наставления, присутствуют при прочтении царского завещания. Совет, состоящий из высших представителей этих трех категорий знати, решает важные государственные вопросы. Например, такой совет решил, что сын Йездгерда I Бахрам не должен воспитываться при дворе отца (ШН, V, с. 201); после смерти Йездгерда тот же совет сначала отказывается, а потом соглашается признать Бахрама законным царем.

7–24 Эти строки представляют собой «андарз» — наставление, назидание. Андарзы были широко распространены в пехлевийской (среднеперсидской), а затем и классической персидской литературе. Многие из них приписывались древним царям (в основном, Ардаширу и Ануширвану), Бузурджмехру — придворному мудрецу и советнику Хосрова Ануширвана, различным мобедам, мудрецам. Тронная речь царя обычно содержала разнообразные наставления политического, морального и религиозного характера и должна была продемонстрировать его глубокое знание зороастрийского вероучения.

Многие изречения и понятия пехлевийских андарзов перешли в позднейшую персоязычную поэзию.

9–20 В этих строках перечисляются дивы — духи зла, носители дурных качеств (зависть, алчность, нужда), принадлежащие к воинству верховного духа зла — Ахримана, и противопоставленные им духи добра, носители добродетелей (миролюбие, мудрость, терпение), созданные для защиты людей от зла.

11 *Ведь зависть приносит нам Алчность, Нужду...* — *Алчность*, *āz*, и *нужда*, nīyāz (что иногда переводится как «выпрашивание», ср., например, «Кабус-наме», с. 36) — два сопряженных понятия, часто соединяемые в классической персидской поэзии — так, Омар Хайям (вопросы, касающиеся атрибуции произведений О. Хайяма, пока еще не разрешены; поэтому здесь принадлежащими Хайяму условно считаются все четверостишия, приписываемые ему традицией) называет земную жизнь распутьем между алчностью и нуждой.

23 *Останется книга о правде моей...* — При дворах сасанидских царей велись и тщательно сохранялись хроники всех царствований. Эти хроники были использованы при составлении среднеперсидского свода истории Ирана (см.: ШН, I, с. 462, 463; V, с. 355—357).

[27–28] *Ко всем рубежам рассылал он бойцов,/Державу свою охранял от врагов.*— Царствование Ездигерда II было насыщено многочисленными войнами на границах Ирана. Сразу же после восшествия на престол он объявляет войну Византии, а после заключения мира обращается к северо-восточным границам, предупредив нападение на Иран эфталитов (об эфталитах см. примеч. 57). За этим последовали война и жестокое подавление восстания в Армении, а конец царствования Ездигерда был ознаменован борьбой с племенами кочевников и эфталитов, обитавших на восточном берегу Каспийского моря. Видимо, Фирдоуси, который как летописец не хотел оставить все эти факты без внимания, но как художник не считал нужным останавливаться на них подробно, ограничился здесь одним бейтом: *Рассылал во все стороны несчетное войско/Охранял землю от врагов.*

[30] *Померкла звезда...* — вариант Калькуттского издания «Шахнаме» (в основном тексте — «потемнел его венец»).

По зороастрийскому учению, «все сотворенное, рождающееся и растущее имеет свою звезду» (Меноге Храт, вопр. 48).

Ездигерд II умер в 457 г. В хрониках Табари и Бал'ами два года правления Хормоза не выделяются в отдельное царствование, а включаются в царствование Пируза.

[39] *Хормозу вручаю кулах и печать...* — т. е. «назначаю наследником престола». *Хормоз* — арабизированная форма из перс. Hurmuzd (ср.-перс. Ohurmazd, др.-перс. Auramazdāh). *Кулах* — головной убор (венец) и *печать* (перстень с печатью) здесь — символы царского достоинства. Кроме того, кулах, перстень с печатью и пояс особой формы были и у каждого вельможи («бузурга», см. примеч. 3). Они служили символами принадлежности к высшему рангу знати и жаловались царем. Царь мог лишить вельможу права носить кулах. Например, Прокопий Кесарийский, византийский историк VI в., рассказывает, как царь, прогневавшись на одного из своих военачальников, отнял у него венец, и поясняет, что «головной убор, составленный из золота и жемчуга — это у персов есть знак высочайшего достоинства. В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем» (Войн. перс., I, 17, 86).

Кулахи сасанидских царей и вельмож отличались друг от друга по форме, цвету и украшавшим их знакам, имевшим сложную символику. Хамза Исфаганский, историк X в., описывая портреты сасанидских царей, виденные им в старинной рукописи, пишет, что Йездгерд, Хормоз и Пируз изображены в ней в венцах голубого цвета.

[57–58] *С казной и дружиной внезапно в Хайтал./Вождей ему преданных взяв, ускакал.*— *Хайтал* — арабское название народа, который в греческих источниках называется «белыми гуннами» или Ефναλιται и Αβδέλα , в сирийских — abdel; эфталитами называется этот народ и в современной научной литературе.

Государство эфталитов образовалось около V в. на месте бывших владений кушанских царей (территория приблизительно к северу от Амударьи и к западу от Балха). Во времена, описываемые Фирдоуси, эфталиты представляли собой значительную силу. Эфталиты на северо-востоке и Византия на западе были основными противниками Ирана в V—VI вв. Первое столкновение Ирана с эфталитами произошло в V в. в царствование Бахрама Гура (ШН, V, с. 291—297).

[59] *Был царь Фаганиш — чаганийцев глава...* — *Чаган* — область в верховьях Амударьи по р. Сурхандарье, граничившая с Тохаристаном и Балхом. Столица ее также называлась Чаган (сейчас — городище Бедраг при впадении Кызылсу в Сурхандарью). По Бал'ами, Пируз бежит к народу хайатила в Гарчистан, Тохаристан и Балх (Бал'ами, с. 128).

[71] *Висегерд* — Вашгирд, область и город в среднем течении Амударьи, между реками Вахш и Кафириган.

[72] *На них даже грамоту дал мне Йездгерд.*— О войнах Йездгерда II на северо-восточных границах империи (не отраженных у Фирдоуси, см. примеч. 27) рассказывают и армянские источники («История» Егише Вартапета), и сирийские хроники.

[78] *За пылью сокрылась луна в небесах* — часто повторяющийся образ, досл.: «*Луна затмилась от пыли* (поднимаемой войском)».

[83–84] *Лик брата как только увидел Пируз,/Припомнил он родственный добрый союз.*— По Табари (N.-T., с. 117) Пируз стал царем после того, как убил брата и трех ближайших членов своей семьи. По Бал'ами, также Пируз убил своего брата Хормоза (Бал'ами, с. 128).

[92] *Пируза да будет победной звезда!* — *Пируз*, букв. «победитель», «победоносный». Таким образом, строка читается так: «*У победоносного да будет победоносной судьба*».

[93–370] [*Царствование Пируза длилось двадцать семь лет*] — В В.-Н.— 11 лет. Здесь предпочтен вариант М как соответствующий истории: Пируз правил с 459 по 484 г.; если включить в его правление два года царствования Хормоза, как это делают Табари и Бал'ами, то оно составит 27 лет.

[95–96] *И без промедленья на царский престол/Владыкою, чтущим Йездана, взошел.*— Досл.: *Пришел, сел на кеянский трон/По обычаю царей, поклоняющихся Йездану.*— *Йездан* — из ср.-перс. yazdān (мн. ч. от yazēt; язаты — добрые божества в зороастрийской мифологии), может означать как Ахура-Мазду, так и верховное божество вообще — к Йездану обращаются и христианин Нушзад, и эфталит Хушнаваз. В классической персидской литературе Йезданом часто называют Аллаха.

[107] *Речь добрая фарром служить бы могла...* — досл.: *Добрая (мягкая) речь — фарр его* (т. е. разума). История понятия «фарр» представляет собой своего рода классический пример перегруппировки компонентов значения слова: из (1) первоначального авестийского x^{v}arənah — «добро», «благо», развивалась (2) ипостась со значением «благая судьба» (ср.-перс.— x^{v}arrah) или «божественная благодать», дарующая силу и власть тому, кому она ниспослана, и внешне проявляющаяся в окружающем его ореоле, *сиянии*. Постепенно, с уходом зороастрийской системы понятий, из этого последнего компонента — «сияние» — развилось (3) основное значение слова «фарр» в классическом персидском и современном персидском языках — блеск, пышность, великолепие (чаще применительно к царям).

Как правило, «фарр» у Фирдоуси употребляется во втором значении (подробнее об этом см. след. примеч.), но иногда оно уже смыкается с современным, как это и происходит в данном стихе: «Добрая речь — его (разума) фарр». Многозначность слова «фарр» порождает целый круг ассоциаций. Добрая речь — сияние, украшающее разум, как бы ореол разума, подчеркивающий его блеск; добрая речь — его внешнее проявление; в то же время сопоставление проявления разума с фарром подчеркивает высшее, «царское» место разума среди прочих достоинств человека. Свойства же, приписываемые здесь разуму — щедрость, милосердие, мужество, отвага — принадлежат к числу обычных для Фирдоуси атрибутов идеального царя. Сравнение Разум-царь усугубляется тем, что по зороастрийским представлениям разум, как и право быть царем, нельзя заслужить — он может быть только дарован свыше.

[112] *Ведь фарру Джамшида подобного нет...* — Зд. слово *фарр* соответствует одному из важнейших понятий иранского национального эпоса, см. примеч. 107 (2). *Фарр* — это божественная благодать, необходимое условие законности царской власти. Тот из наследников царского рода, который обладает фарром, и только он, непременно станет царем Ирана, в каких бы трудных обстоятельствах он ни находился. Узурпаторы же как не обладающие фарром всегда в конце концов оказываются свергнутыми с престола. Яркой иллюстрацией идеи царского фарра являются легендарные истории основания новых династий — кеянидской и сасанидской. После смерти царя Гаршаспа, не оставившего прямых наследников, иранцы настойчиво искали законного царя, и наконец был найден Кобад — потомок царей, носитель фарра, живший в безвестности на горе Альборз, который и стал родоначальником династии кеянидов (ШН, I, с. 327). Царский фарр в образе барана сопровождал Ардашира, будущего основателя династии сасанидов, когда он бежал от парфянского царя Ардавана. Его преследователи сразу поняли, что баран — это воплощение царского фарра, и отказались от всякой борьбы (ШН, V, с. 102, 103). В сасанидской иконографии фарр изображался в виде барана, сокола или сияния вокруг головы царя.

Джамшид — в иранской национальной традиции один из первых царей, научивший людей искусствам, ремеслам, давший человечеству законы, науки и проч. Его царствование считалось «золотым веком» — без болезней, смерти и страдания. Весь

мир был послушен Джамшиду, но когда он, возгордившись, потребовал для себя божеских почестей, фарр покинул его. Он лишился своего могущества, народ от него отвернулся и царство было отнято захватчиком Зохаком, а сам Джамшид погиб.

Имя Джамшида стало синонимом царского величия и одновременно напоминанием о неизбежности смерти, а также о том, что никакое величие не поможет избегнуть справедливого возмездия. После гибели Джамшида фарр перешел к его дальнему потомку Фаридуну и затем переходил по наследству к их потомкам.

[120] *Что мускус, ценился любой ручеек.*— Зд. перевод является одновременно и толкованием. В ориг.: *Вода в ручьях стала мускусом.* Так же построен стих 124: *А капля водицы — бальзаму чета* — «*В ручьях вода стала тарьяком*» (противоядием).

[128] *В стране отменяет все подати он.*— Рассказ о засухе в основном совпадает с описанием Табари и Бал'ами: Пируз приказывает всем богатым раздавать хлеб, угрожая казнить каждого, по чьей вине погибнет от голода хоть один бедняк; сам раздает зерно, платит богатым за раздаваемый хлеб; отменяет подати. Однако по Фирдоуси все эти меры он принимает, чтобы остановить массовую гибель людей и скота (стих 125), тогда как по Табари и Бал'ами за все время засухи в результате мер, своевременно принятых Пирузом, погибает всего один человек (Бал'ами, 129).

[140] *Вождям и сановникам всем написал...* — в ориг.: *Каждому kārdār и каждому x*ᵛ*adkāta.* Кардарами (kār — дело, работа, dār — имеющий) назывались царские чиновники, стоявшие во главе отдельных округов и ведавшие сбором налогов. Так, например, Вех-Арташир имел пять приписанных к нему сельских округов, каждый из которых был подчинен царскому «кардару».

*X*ᵛ*adkāta* букв.— «своевольный». В настоящем контексте имеются в виду самостоятельные (независимые) правители, «князья».

[155] *Фарвардин* — первый месяц года по зороастрийскому календарю, начинающийся в день весеннего равноденствия (см. примеч. 1162).

[161–162] *Земля отдохнула от вражьего зла,/От лука, чья вечно готова стрела* — досл.: *Жизнь отдохнула от зла Зломысленного* (т. е. Ахримана, являющегося, по зороастрийскому учению, причиной всего зла, происходящего в мире)./*Повсюду держащего тетиву натянутой.*

[165–171] *Он город построил и новым стенам/Название дать повелел: Пируз-Рам./Царь молвит: «Сказал бы я, стольный здесь Рей — /Пристанище благословенных царей!»/Град Бадан-Пируз — так второй нарекли/.../Теперь Ардабиль величают его...* — Бал'ами (Бал'ами, с. 130) пишет, что Пируз восстановил разоренные, покинутые во время засухи города и основал еще три новых города.

По Табари и Бал'ами, один из них, Рам-Пируз («Верный, покорный Пирузу» или «Отрада Пируза»), находился неподалеку от Рея (по некоторым источникам примыкал к Рею или даже и был сам Рей, Ray) — древнего города, известного под названием Raga еще в мидийские времена. Развалины Рея находятся на окраине современного Тегерана. Согласно традиции, которой придерживался Фирдоуси, Рей в свое время сыграл существенную роль в истории сасанидов: там жил при дворе Артабана V (у Фирдоуси — Ардавана), последнего парфянского царя, будущий основатель сасанидской династии Арташир (в ШН, V — Эрдешир).

Второй город — Рошан-Пируз в Горгане. Третий город, который у Фирдоуси идентифицируется с Ардабилем (городом в совр. Иранском Азербайджане), назван у Табари и Бал'ами Шахрам-Пируз. У других авторов приводятся другие сведения, например, Хамза Исфаханский помещает два первых города в Индии.

[172] *Кейсер* — кесарь.

[175] *Дирхем* — из греч. «драхма» — серебряная монета. Позднесасанидская драхма — тонкая плоская монета (от 3,65 до 3,94 г), на лицевой стороне которой был официальный портрет и имя шаханшаха, на оборотной — изображения алтаря огня с двумя священнослужителями, монограмма монетного двора, дата выпуска (подробнее см.: Колесников, 1982, с. 45—47).

[186] *Суфрай* — по вар. М. В основном тексте здесь — Surhāb, в Калькуттском — Surhān, далее везде Sūfrāy. Суфрай принадлежал к роду Каренов — одному из знатнейших и древнейших родов Ирана.

[192] *С Хушнавазом идет на войну.*— В других источниках имя царя эфталитов — Ахшунвар (написания этих двух вариантов в арабской графике схожи).

[193–194] *Бахрам при великом правленье своем/Рубеж обозначил высоким столбом.*— По Фирдоуси (ШН, V, с. 296—297), Бахрам Гур поставил пограничный знак у г. Фараб на правом берегу р. Джейхун (Амударьи). По другим версиям (например, Бал'ами) граница была установлена самим Пирузом после первого поражения в войне с эфталитами (Бал'ами, 135).

[205] *Коль знак у Барака увидев...* — Так в М. В рукописях, использовавшихся в предыдущих изданиях, эта река называлась Тарак (Терек). Поскольку это название не имеет никаких реальных соответствий с местом описываемых событий, многие исследователи относили его на счет «географического невежества» автора. Г. Птицын в своей статье, опубликованной в 1947 г. (Птицын, с. 302), высказал предположение, что Тарак — это непонятное и искаженное переписчиками название реки Барак («т» отличается от «б» лишь количеством и расположением диакритических точек), «хорошо известной из арабских географических сочинений и отождествляемой с Чирчиком» — притоком Сырдарьи, на берегах которой расположен Чач (арабск. Шаш) — современный Ташкент. Публикация Московского критического текста Шахнаме подтвердила эту догадку.

[211] *Дошло до властителя Чинской земли.*— Ср. в главе о правлении Пируза у Бал'ами: «*Чином в то время называли Самарканд*» (Бал'ами, с. 151). Обычно под Чином (Китаем) подразумевается Восточный (Китайский) Туркестан.

[215] *Дабир* — писец, секретарь.

[290] Досл.: *И не был ему никто наставником* (букв. «указующим путь»),— т. е. Пируз не слушал ничьих советов.

[308] *Самарканд* — главный город Согда, ныне городище Афрасиаб на окраине современного Самарканда, существующего с XV в.

[309–370] [*Гибель Пируза во рву*] — По арабским и персидским источникам Пируз погиб в Восточном Хорасане, по армянским и византийским — в Восточном Прикаспии; Прокопий Кесарийский, например, считает местом гибели Пируза Горго (Горган).

В рассказе о войне Пируза с хайталами обобщены три его похода против эфталитов. После первого был заключен торжественный договор между Ираном и эфталитами о границах (в ШН такой договор отнесен к царствованию Бахрама Гура). Во время второго, когда Пируз нарушил границу и потерпел поражение, ему пришлось оставить у эфталитов заложником своего малолетнего сына Кобада. В третьем походе Пируз погиб. Второй поход произошел на 11-м году царствования Пируза — возможно, цифра 11, указанная В.-Н. как срок правления Пируза (см. примеч. 93), не совсем случайна.

После поражения в войне на Иран была наложена тяжелая дань.

[314] *Эбен* — черное дерево.

[371–756] [*Царствование Балаша, сына Пируза, длилось пять лет, один месяц и шесть дней*] — *Балаш*, ср.-перс. Valaš, Valaxš, правил с 484 по 488 г.

Восточные источники (Табари и Бал'ами, Хамза Исфаханский, Бируни) называют Балаша сыном Пируза, западные (Прокопий Кесарийский, Йошуа Стилит, Агафий Схоластик) — братом.

[371] *Уж месяц Балаш, изнывая, скорбя...* — месяц — традиционный срок траура по умершему в сасанидском Иране.

[382] Вариант Калькуттского издания.

[421–423] *Сипехбед* — предводитель войска; военачальник. *Марзбан* — букв. «хранитель границы». Марзбанами назывались как правители пограничных областей, «марзов», так и правители внутренних областей. «Великие марзбаны», возглавлявшие крупные области, имели звание шахов.

[426] *Наставников мудрых лишенный к тому ж...* — досл.: [*Рассказал*] *О Пирузе, не имеющем рассудка, не имеющем наставника.*— Зд. снова, как и в стихе 290, имеется в виду нежелание Пируза слушать советы. Бал'ами специально подчеркивает, что Пируз напал на эфталитов несмотря на возражения верховного мобеда и войска (Бал'ами, с. 131, 132).

[446] *Помянут Джамшид, Кей-Кобад, Кей-Хосров.*— Кей-Кобад — основатель легендарной династии кеянидов; *Кей-Хосров* — третий царь из этой династии.

[460] *Мерв* — древняя область и город (с 1937 г.— Мары) на р. Мургаб в Туркменской ССР.

[466] *Лис мерзостный, дива исчадие...*— досл.: *«лис, создание дива»*. В уста зороастрийского героя вложен образ, свойственный скорее мусульманской культуре. Сравнение врага восхваляемого героя с лисом (трусливым и слабым), причем сам герой приравнивается ко льву или барсу (ср., например, стих 8013), характерно для классической персидско-таджикской поэзии. В зороастрийской литературе такое сравнение вряд ли возможно: лиса как принадлежащая к роду собаки — одного из самых почитаемых животных — считалась созданием доброго божества. С лисами было связано много поверий и примет. Например, в руз-и хормизд (первый день месяца азер), называемый днем лисицы, царю перед обедом специально приносили лису, так как «смотреть на лис в этот день считалось приносящим счастье» (Бируни, с. 236, 237).

[480] *Отныне величье утратит Хайтал* — досл.: *Не оставлю хайталам ни цвета, ни запаха.*— Выражение rang-u bōy — *цвет и запах* — употребляется, как правило, идиоматически — в значении «пышность и великолепие», «сила и величие (достоинство)» и лишь в редких случаях понимается буквально (например, «краски и ароматы» при описании сада или женщины, украшенной и умащенной благовониями).

[483–484] Досл.: *Все верну мечом отмщения,/[Даже] прах Туранской земли вывезу в Мерв*!

[535] *Кашмихан* — город или большое село в начале пустыни приблизительно в 30 км к северу от Мерва, т. е. по пути из Мерва в Амол (совр. Чарджоу), вблизи которого происходила переправа через Джейхун (Амударью). В. Бартольд отождествляет Кашмихан с Кишманом.

[541] *Пайканд* — город к юго-западу от Бухары, т. е. в направлении к переправе через Джейхун (Амударью), навстречу движению иранского войска.

[573] *Кохандеж* (букв.: «старая крепость») — так назывались цитадели нескольких городов Хорасана, в т. ч. Бухары. В основном тексте М вместо Kuhandiž дано laškar — войско: *Скакал, пока не добрался до войска* [воинского лагеря].

[579–580] Досл.: *Оружие, пояса, коней и рабов,/Узды, луки и венцы знатных.*

[582] *Альборз* (ср.-перс. harburz авест. hara bərəzaiti — высокая гора) — в иранской мифологии — горная гряда, опоясывающая мир и достигающая солнца, луны и созвездий. Ассоциировалась сначала с горными вершинами у истоков Амударьи, затем, по мере продвижения иранцев на запад, это название прилагалось к различным горам северного и западного Ирана вплоть до Кавказа (ШН, I, с. 613).

[604] *Изед* — одна из форм имени Йездан (см. примеч. 95).

[615] *Салар* — вождь, предводитель, то же, что «сипехбед» (см. примеч. 421). Зд. имеется в виду Суфрай.

[628] *О явном и тайном поведал тотчас.*— Противопоставление «явное и тайное», так же как «доброе и худое», типично для восточной образности; этот оборот обычно означает «все».

[639] *В руках ведь у них Кей-Кобад...*— *Кау* — титул, прибавлявшийся к именам царей династии кеянидов, (ШН, I, с. 608; V, с. 354) начиная с IV в. вновь появляется в официальной титулатуре сасанидских царей. Он встречается на монетах Шапура III (383—388), Пируза и Кавада (Кобада), а также на монетах, находимых на территории Средней Азии, за пределами империи сасанидов. Может употребляться с общим значением «царь».

Здесь Суфрай, называя Кобада кеем, подчеркивает контраст между древностью и величием его царского происхождения и положением пленника.

[670] *Динар* — золотая монета (лат. динарий, пришедший в ср.-перс. язык через греческий).

[734] *Бербет* — струнный музыкальный инструмент, похожий на лиру.

[746] *Престол разлучил он с Балашем-царем...*— Другие исторические источники сообщают, что в 488 г. Балаш, не поддерживаемый войском и знатью, был свергнут с престола и ослеплен или убит.

[757–1538] [*Царствование Кобада, сына Пируза, длилось сорок лет*] — Период правления Кобада (488—531), одна из интереснейших страниц истории Ирана, всегда привлекал к себе внимание как средневековых, так и современных историков.

Исследования таких ученых, как Т. Нельдеке, А. Кристенсен, О. Клима, Н. Пигулевская, анализировавших и систематизировавших запутанные и противоречивые рассказы источников, помогли обнаружить немногие достоверные факты и предложить возможные интерпретации имеющегося в наличии материала.

У других авторов содержатся основные моменты рассказа Фирдоуси: убийство Суфрая; свержение Кобада с престола, заточение его и бегство к эфталитам; женитьба на будущей матери Хосрова Ануширвана; возвращение на трон; бедственное положение народа после разорительных войн, обострившееся в результате засухи; появление проповедь Маздака и переход Кобада в маздакизм; распространение и осуществление на практике маздакитского учения; неприятие его знатью и духовенством и, наконец, жестокое подавление Хосровом, сыном и наследником Кобада. Однако последовательность и взаимосвязь событий переданы везде по-разному, и при конкретном раскрытии всех этих вопросов возникает много неясностей.

Большинство средневековых авторов привлекала романтическая сторона истории Кобада: переодевания, бегство, приключения (ср. примеч. 1040). На фоне этого упоминается и эпизод с выступлением Маздака — «нечестивого еретика» (выражение Низам аль-Молька, автора XI в.), лгуна и обманщика. Есть и специально посвященные Маздаку рассказы, написанные как бы в предостережение будущим правителям и изобилующие подробностями, обличающими «гнусность и коварство» маздакитов.

Многочисленные рассказы при всех противоречиях (по-разному передан ход событий, связанных со свержением и заточением Кобада и его возвращением на трон, его отношения с маздакитами и само развитие маздакитского движения), единодушны в пристрастном и враждебном отношении к Маздаку. На этом фоне выделяется сдержанный тон автора Шахнаме, а в пересказе учения Маздака и заключительной сентенции рассказа о Маздаке слышится даже скрытое сочувствие (см. стих 1456).

Сдержанность Фирдоуси приобретает особую выразительность, если вспомнить, что маздакитское движение не было в X в. событием далекой истории, не связанным с современностью. Маздакизм был живым понятием, многие восстания долгое время связывались с этим учением. Низам аль-Мольк считал Маздака родоначальником всех еретиков и мятежников. В XIX в. еретиков-бабидов называли маздакитами, и даже в начале XX в. учебник истории, по которому учились иранские школьники, повторяет все те же проклятия в адрес Маздака.

759 *Тайсафун* (*Тисфун*), и *Истахр* — два главных города Ирана. *Тайсафун*, зимняя столица Ирана во времена парфян и сасанидов, состоял к середине VI в. из нескольких примыкавших друг к другу городов по обоим берегам р. Тигр, южнее современного Багдада. Древнейшее ядро правобережной части города — Селевкия, основанная при Селевке I (317—280), разрушенная римлянами во II в. до н. э. и восстановленная в III в. Арташиром I под названием Вех-Ардашир. Правосторонняя часть Тайсафуна выросла на месте деревни Тайсафун, где в зимнее время располагались лагерем ашканидские (парфянские) цари. В сасанидское время обе части города соединял кирпичный мост. Греческое название Тайсафуна — Ктезифон, арабское — Мадаин, что означает «города».

Истахр, считавшийся летней столицей сасанидов, был главным городом провинции Парс, откуда произошли и ахеменидская, и сасанидская династии. Был расположен по обе стороны р. Пульвар, вблизи развалин древнего Персеполя — столицы ахеменидов.

В мусульманскую эпоху оба эти города были разрушены. Археологические памятники — развалины дворцов, храмов огня и т. п., сохранились там по сей день.

761 *Престол* — здесь и далее в этом сказе (ср. стих 878) престол Кобада всегда бирюзовый.

805 *Пахлаван* — герой, богатырь — из ср.-перс. pahlavān — благородный, знатный, что в свою очередь восходит к pahlav — парфянский. В сасанидском Иране было титулом.

865 *Саларбар*, sālār-i bār — распорядитель царского приема, «гофмейстер».

871–872 *Затем, что Суфраю один был во всем/Иране и явным, и тайным врагом.*— Шапур принадлежал к роду Михран — одному из знатнейших родов Ирана, возво-

дившему свою родословную к парфянским царям; основной резиденцией Михранов был Рей. Михраны обычно бывали военачальниками крупных областей, марзбанами. Смысл приведенных строк в том, что Шапур был единственным врагом Суфрая, равным ему по своему достоинству.

932 *Когда из Забула дружину повел* — вариант Калькуттского издания. В основном тексте — «на Забул», что противоречит предыдущему рассказу (стих 460).

939–940 *Противиться, мешкать не стану. Готов/Смириться, не стыдно мне царских оков.*— Этот эпизод есть и у Бал'ами, но с иной расстановкой акцентов: во время царского приема Шапур, спровоцировав ссору, набрасывается на Суфрая, который уже стар и физически слабее его, при молчаливом согласии царя выволакивает за дверь, бросает в тюрьму и на следующий день убивает. У Фирдоуси же здесь подчеркивается одна из основных идей Шахнаме — идея верности законному царю, обладателю фарра: Суфрай, при его сильном войске, богатстве и всеобщей поддержке, имел возможность восстать против царя, но добровольно ему подчинился.

967 *Дихкан* — см. примеч. 1049.

985 *И каждый твердит: «Коль повержен Суфрай,/Не хочет престола Кобадова край!* — Многие средневековые историки связывают свержение и заточение Кобада не с убийством Суфрая (у Табари и Бал'ами — Зохры), а с недовольством знати и духовенства приверженностью Кобада маздакитскому движению.

999–1000 *В железо Кобада спешат заковать,/Не вспомнили род и царей благодать.*— *Благодать* — в ориг. «фарр». Прокопий Кесарийский рассказывает, что, придя к власти, Блас (у Фирдоуси — Балаш) созвал представителей знати, чтобы посоветоваться с ними о судьбе Кавада: «Бóльшая часть вельмож не хотела, чтобы Кавад был умерщвлен. Когда высказаны были разные мнения, один из знаменитейших персов, по имени Гуснастад, ⟨...⟩ показав всем ножик, которым персы режут длинные ногти, длиною в мужской палец, а шириною менее трети пальца, сказал собранию: „Вы видите этот ножик; он очень короток; теперь может он совершить известное вам дело; а немного спустя, любезные мои Персы, двадцать тысяч латников не будут в силах исполнить того самого дела“» (Войн. перс., I, 5; 25, 26). Но знатные мужи решили удовольствоваться содержанием свергнутого властелина в надежном заточении.

1040 *Снял тотчас тяжелые цепи с него.*— В некоторых источниках, например, у Табари, приведен другой вариант освобождения Кобада из тюрьмы: он рассказывает, что сестра Кобада (у некоторых авторов — жена, или сестра, являющаяся одновременно и женой, что поощрялось зороастрийской религией) пришла к нему в темницу. Тюремщик пропустил ее после того, как она обещала ему свою любовь. Царица пробыла со своим братом один день. Прежде, чем покинуть тюрьму, она приказала, чтобы Кобада завернули в ковер и чтобы сильный слуга вынес его. Когда тюремщик спросил слугу, что он несет, она объяснила за него, что это — ее одежды, которые она использует во время ритуальной нечистоты. Ей надо уйти из тюрьмы, чтобы очиститься, но она вернется и выполнит обещание. Тюремщик не решился приблизиться к ней, боясь осквернить, и дал ей уйти. Так был освобожден Кобад (N.-T., с. 144).

Похожую историю рассказывает Прокопий Кесарийский: жена Кавада имела доступ в тюрьму, чтобы доставлять ему необходимые вещи. Начальник тюрьмы, соблазненный ее красотой, стал преследовать ее своими домогательствами. Кавад использовал это и велел своей супруге удовлетворить стремление тюремщика. Царица послушалась и таким образом достигла того, что тюремщик разрешил ей свободное общение с окружающим миром. Тем временем в окрестностях тюрьмы поселился один из друзей Кавада, знатный перс Сеос, поджидая удобного момента, чтобы освободить царя. Он передал Каваду через его жену, что ждет его в определенном месте с людьми и готовыми конями. Ночью царь поменялся с женой одеждою, жена осталась в тюрьме, а шах вышел переодетый. Хитрость удалась, и в течение нескольких дней тюремщик был убежден, что Кавад на месте (Войн. перс., I, 6; 31).

1046 *Ахваз или Хузистан* — область в Южном Иране, соответствующая древней Сузиане и библейскому Эламу, расположена в бассейне Персидского залива, граничит с Фарсом. Иногда Ахвазом называют г. Хормизд-Арташир, главный город провинции Хузистан, основанный Шапуром I в 260 г.

1049 *Дихканами* (от ср.-перс. dēh — деревня) называли помещиков-землевладельцев, принадлежавших к благородному сословию. Дихкан мог быть могущественным феодалом, имевшим в своем распоряжении собственное войско, мог быть и землевладельцем средней руки; бедные дихканы по образу жизни часто приближались к крестьянам.

Во времена Фирдоуси происходило обеднение и разорение многих древних дихканских родов, появлялась новая аристократия. Постепенно слово «дихкан» стало означать «крестьянин», это же значение сохранилось и в настоящее время. У Фирдоуси «дихкан» может означать, в зависимости от контекста, и иранцев вообще (ср., например, стих 24244).

В современной русской литературе принято обозначать словом «дихкан» — помещиков-землевладельцев, а словом «дехкан», «дехканин» – крестьян.

1052 *Увенчана мускусом черным она* — досл.: *На голове ее венец из мускуса* (т. е. черные ароматные волосы).

1073–1074 *Один при себе лишь он перстень имел,/Чью цену назвать бы никто не сумел./«Храни его! — деве наказ он дает,— /Спрошу его снова, как время придет».*— Так же дарит Ростем знак будущей матери Сохраба, и по этому знаку он впоследствии узнает сына (ШН, II, с. 14).

Рассказ о перстне Кобада отсутствует у Табари, но есть у Бал'ами, который, как уже говорилось, использовал в своей работе персидские источники, общие с Фирдоуси; возможно, что здесь отражены какие-то не сохранившиеся до нашего времени предания, отголоски которых дошли, например, до Прокопия Кесарийского. Он приводит рассказ о том, что Пируз, отец Кобада, перед гибелью «снял висящую на правом ухе жемчужину, драгоценную по блеску и чрезвычайной величине, и выбросил ее, для того, чтобы впредь никто ее не носил: так как эта жемчужина была такой редкой красоты, что ни у одного царя до того времени не бывало подобной ⟨...⟩ Царь Римский хотя и употребил все средства для выкупа ее у эфталитов, не имел в том успеха: варвары при всем старании не могли ее найти. Впрочем, некоторые уверяют, что впоследствии они нашли ее и отдали Каваду ⟨...⟩ С этим жемчугом связаны у персов чудесные истории» (Войн. перс., I, 4).

1108 *Кесра* — арабская передача имени Хосров. Кей-Хосровом звали третьего царя династии кеянидов. Впоследствии слово «хосров» приобрело нарицательное значение — царь, правитель. Например, Джахиз называет шаха Кобада — «кисра Кобад». По Бируни, «кисра» — наименование царей Ирана.

1111–1112 *...Фаридун/.../Кем отнят у рода Зохакова трон.*— Ссылка на мифологическую часть Шахнаме. Зохак (его авестийский прототип — дракон Aži Dahaka) — сын арабского царя, был совращен на зло Ахриманом. Сначала, заинтриговав царевича тайными знаниями, бес взял с него клятву послушания в обмен на тайну. Связав себя клятвой, Зохак по наущению беса убил своего отца и захватил царство. Затем бес под видом повара вошел, с помощью лести, к Зохаку в доверие и постепенно приучил его к мясной пище, которой прежде люди не знали; в результате Зохак стал злым и агрессивным. В награду бесу было позволено поцеловать Зохака в оба плеча, после чего у царя из плеч выросли две змеи; бес, явившись в образе врача, посоветовал ежедневно кормить их человеческим мозгом — так он надеялся постепенно уничтожить весь человеческий род. Зохак напал на Джамшида (примеч. 112), убил его, завоевав Иран, и с тех пор змеи ежедневно получали в пищу мозг двух иранских юношей. (С этим связана легенда о происхождении курдов — два служителя Зохака ежедневно спасали одного из двух юношей, подмешивая в пищу змей мозг овцы. Спасенных отправляли в отдаленную пустыню; от них и пошло, по Фирдоуси, племя курдов.) Страна жила в страхе перед Зохаком, но и его самого мучили страшные предчувствия. Однажды он собрал всех знатных людей страны и заставил их подписать обращенную к народу грамоту, где восхвалялась доброта и справедливость царя. В это время во дворец ворвался кузнец по имени Каве, у которого забрали в пищу змеям последнего, восемнадцатого, сына. Он в ярости разорвал грамоту и, не обращая внимания на обещания царя вернуть ему сына, если он подпишет грамоту, выбежал из дворца и начал восстание. Он поднял, как знамя, свой кожаный передник и повел народ к потомку царя Джамшида Фаридуну, которого мать вырастила, скрывая от Зохака, и который как раз

незадолго до этого узнал от матери тайну своего происхождения. Фаридун возглавил народ, Зохак был побежден и прикован к горе Дамаванд.

Кожаный передник кузнеца Каве стал наследственным знаменем царей Ирана, каждый из них украшал его все новыми драгоценностями.

1113–1114 Досл.: *Так говорил мне отец и дед так же,/Что к Фаридуну мы молитвы возносим.*— В домусульманском Иране существовал культ душ умерших предков. Им молились, совершали жертвоприношения. Конечно, поименный список предков не уходил в такую глубь поколений, но когда речь идет о царской генеалогии, такой, как, например, у Искендера (Александра Македонского) или сасанидов,— пусть исторически ложной, но истинной для традиции — давность не имеет значения.

Таким образом, сын Кобада оказывается принадлежащим к царскому роду по обеим линиям, а сам Кобад — осуществившим одну из заповедей зороастризма — доброе дело вступать в брак с членами своего рода.

Рассказ о рождении Хосрова Ануширвана многие исследователи считают легендой, возникшей для обоснования его происхождения из сословия дихкан, которые к середине VI в. стали в сасанидской империи основной опорой царской власти.

Независимо от того, насколько история рождения Хосрова Ануширвана соответствует действительности, она показывает, как велико было значение, придаваемое в этот период дихканскому сословию.

1123–1124 *Сказали: «Упорствовать стали бы зря./Противники наши — два грозных царя»* — досл.: *«Становится для нас долгим это дело/Между двумя шахами, двумя горделивыми»*. Под «двумя шахами» можно понимать и двух законных претендентов на престол Ирана. В М вторая строка читается: «Между двумя шахскими сыновьями горделивыми».

1143 *Помиловал также Джамаспа...* — На этот раз рассказ о прощении Джамаспа не опровергается другими восточными источниками (как, например, рассказ о прощении Балаша, стих 746), а византийский историк Агафий Схоластик уточняет: «Замасф добровольно уступил Каваду царство, которым он пользовался четыре года. Он обуздал славолюбие и надменность души, предпочел жизнь безмятежную и безопасную и благоразумием своим предупредил всякое принуждение» (Войн. перс., I, 6, 33, примеч. 10).

1157 *На Рум устремился с громадою войск.*— Война с Византией началась в 502 г., впервые после заключения мира в 442 г., и закончилась миром в 506 г. Причиной войны Прокопий Кесарийский считает отказ императора Анастасия выплатить шаху деньги, которые тот требовал на основании договора 442 г. Согласно этому договору Византия должна была платить Ирану за охрану кавказских проходов от кочевников, но давно не делала этого, пользуясь внутренними смутами и восточными войнами Персии. Деньги были необходимы Каваду для расплаты с эфталитами, оказавшими ему поддержку в борьбе за престол. Император же последовал совету своих приближенных, считавших мирные отношения Ирана с эфталитами невыгодными для Византии, и отказал Каваду.

1158 *Рум длани его покорился, что воск* — досл.: *«Стала эта держава для него, как комочек воска»*. Слово «воск» часто используется как образ сравнения в персоязычной поэзии IX—X вв. для выражения идеи слабости, полной покорности, подчиненности. Поскольку слово mūm (воск) рифмуется с Rūm (Византия), это сравнение довольно часто используется Фирдоуси при описании побед Ирана над Византией.

1160–1161 *Два града к Кобаду пришли на поклон:/Один Хандия, а другой Фаригин.*— Кобад сначала напал на Армению, потом без боя были взяты Феодосиополь и Мартирополь (другое название — Меяфаркин). В январе 503 г. после трехмесячной осады была взята Амида, где был оставлен гарнизон. Далее война шла с переменным успехом и в 506 г. был заключен мирный договор, по которому Иран возвращал Амиду, а Византия выплачивала 11 кентенариев золота. Кроме того, обе стороны обязывались не возводить крепостей в пограничных областях.

1162–1164 *Им Зенд возвестил, веру дал властелин./И храмы Огня возводил он везде,/Там праздновать стали Новруз и Саде.*— *Зенд* — см. примеч. 3564. О *храмах огня* см.: ШН, I, с. 461, 462; V, с. 357—359. *Новруз* — Новый год, букв. «новый

день», день весеннего равноденствия, до сих пор празднуется во всех странах мусульманского Востока, связанных с иранской традицией. С этим праздником сопряжено множество преданий, одно из которых — о коронации в этот день легендарного Джамшида — отражено в Шахнаме (ШН, I, с. 36). *Саде* — букв. «сотня» — праздник, приходившийся на 10-й день месяца Бахман, т. е. 100-й день зимы, длившейся пять месяцев. Считалось, что в этот день силы зла были особенно сильны и зима выходила в мир из преисподней. Чтобы отразить силы зла, в этот день люди зажигали огни. Об установлении праздника Саде, особо связанного с почитанием огня, см.: ШН, I, с. 12 и примеч. 3560 в наст. томе.

1167–1170 *Он град меж Ахвазом и Парсом возвел/.../Араном назвал этот город, Хульван/Зовут его ныне средь аравитян.— Аран* — в Калькуттском издании — Аркан. *Ар[р]ан* — древнее название западной части современного Азербайджана. Ар[а]кан(Ар[а]ган) — действительно, город между Парсом и Ахвазом (Хузистаном); другое его название — Абад-Кобад — «построенный Кобадом». *Хульван* — арабское название города в Южной Месопотамии на левом берегу р. Хульван приблизительно в 600 км к западу от Арагана, был известен в ассирийские времена как Халману. При сасанидах Хульван носил название Шах-Пируз и был центром одноименной провинции, включавшей пять небольших округов.

У Бал'ами читаем: «Построил города в Парсе и Ахвазе, их названия: Авайакан (по другому варианту и у Табари Аракан), в Парсе город Казерун, а также основал Хульвандиз». Бал'ами пишет, что ни один шах не строил так много городов, как Кобад (Бал'ами, 142).

1173–1175 *Муж некий — Маздак было имя ему,/Блистательный по красноречью, уму,/Явился. Был знанием всяким богат.*— Ср. Са'алиби: «Маздак, сын Бамдада, был дьяволом в облике человека, красивый лицом, но с черной душой, приятной внешности, но с гнусными намерениями, сладкий на словах, но горький на деле». *Маздак было имя ему...*— Хотя в традиции слово mazdak считается именем собственным, современные исследования показали сомнительность такой точки зрения. Многие данные говорят за то, что, маздакизм как религиозное учение, близкое к манихейству, существовал в своей ранней стадии до царствования Кобада, возможно уже в III в. при Шапуре II, и лишь при Кобаде приобрел сильную социальную окраску. Некоторые источники различают двух Маздаков — раннего и позднего.

Исходя из этого, а также учитывая все встречающиеся формы написания этого слова, О. Клима предложил следующие варианты его толкования: mazdaq — это среднеперсидское имя, искусственно образованное в IV в. в подражание древнеиранским именам; титул главы секты (от семитского корня zdq) означающий приблизительно: «тот, кто оправдывает (объявляет справедливыми) чьи-либо права, притязания»; прозвище средне-персидского происхождения, имеющее оскорбительное значение; прозвище сирийско-арамейского происхождения, означающее: «тот, кто принуждает к служению и при этом экспроприирует имущество». Местом рождения Маздака называют целый ряд городов в Восточном Фарсе, Хорасане, Азербайджане, но скорее всего он был выходцем из Суз — города со смешанным ираносемитским населением (Klima, с. 164, 166).

1177–1178 *Дастуром нарек при особе своей,/Он также хранитель казны, казначей.— Дастур* обычно означает то же, что и везир — «первый министр, советник», но может иметь и архаичное значение: «верховный жрец зороастрийцев».

1183 *Мужи* — досл. «знатные страны», mihān-i jahān. Слово jahān — мир, земля (ср. jahān-āfarīn — «создатель мира») у Фирдоуси часто имеет значение «страна, держава». В таком же значении употребляет это слово и Бал'ами.

1188–1266 Этот отрывок «Шахнаме» — единственный среди рассказов о Маздаке, в котором учение его дается в движении и наглядно показано, как осуществлялась его проповедь. В других рассказах в лучшем случае приводятся описания хитростей и уловок, с помощью которых маздакиты обманывали царя, а широкое распространение маздакизма объясняется его потворствованием низменным страстям черни.

У Фирдоуси Маздак — реальный живой человек, умный и сильный, вождь, чье слово, простое и выразительное, могло воздействовать на самые разные слои населения — от простолюдина до царя, умевший возглавить стихийные народные волнения.

Мы не знаем, взяты ли речи Маздака из недошедших до нас письменных источников, из устного предания или составлены самим Фирдоуси — но какая-то традиция, на которую они опирались, безусловно существовала, и читая их, можно живо представить себе, почему так сильно было влияние маздакитских идей, еще долгое время представлявших собой, по словам академика Бартольда, «главную опасность для арабского халифата».

1198 *Бальзам* — здесь и далее — тарьяк, противоядие.

1244 *Ему соглядатаи вмиг донесли...*— В ориг. соглядатаи kār-āgahān — букв. «извещающие о делах». (В переводе передается иногда как «наблюдатели»). Так в Шахнаме называются служители царя, выполняющие самые разные обязанности, например, они возвещают прибытие иноземного посла, информируют шаха о событиях и настроениях в государстве, выполняют роль разведчиков на завоеванных территориях во время военных походов. Как можно видеть, их деятельность не обязательно была тайной, хотя шах мог поручить им даже и такую деликатную задачу, как наблюдение за поведением его сына и потенциального наследника (ср. стихи 10294—10300).

1263—1266 В оригинале противопоставление: *Если ты справедлив, о владыка,/ Двери на амбарах с зерном ни к чему./Сколько людей умерло с* ***пустым*** *животом,/Потому что* ***наполненный*** *амбар унес их жизнь!*

1276—1288 Похожим образом передают учение Маздака все источники, причем многие из них особый упор делают на идею обобществления жен:

«...Начал проповедовать как пророк и не давал никакого нового закона, кроме закона магов, чтобы считать дозволенными для себя и мать, и дочь, и сестру; уничтожил брак и право собственности и сказал: „Владыка вселенной все справедливо распределил между людьми: не дал одному больше, другому меньше; каждый должен был иметь жену и собственность". Никто, владевший собственностью, уже не мог сказать: не дам тому, у кого нет; о женах [говорили]: моя жена дозволена другому и жена другого мне дозволена, кто захочет, тот и возьмет.

Неразумным юношам это учение понравилось, и многие последовали за ним [Маздаком], и весть об этом дошла до Кобада. Кобад его призвал, расспросил о его учении, а Кобад был охоч до женщин, заглядывался на них. Это учение ему полюбилось, он принял его и оказывал ему крепкую поддержку, так что оно открыто распространилось и каждый неимущий отнимал у другого его достояние, также отнимал жену и держал при себе сколько хотел, потом отпускал» (Бал'ами, с. 143).

Наиболее полно учение Маздака излагается у Са'алиби: «Маздак объявил, что бог послал на землю средства к существованию с тем, чтобы люди разделили их между собой поровну, чтобы каждый имел только свою долю; но люди стали поступать несправедливо друг с другом, стремиться к превосходству; сильный угнетал слабого и завладевал пищей и имуществом. Необходимо взять [имущество] у богатых и отдать бедным, так, чтобы у всех было поровну». Табари прибавляет еще, что Маздак верил, что такие действия «были благочестивым делом и угодны богу».

1286 *Свидетельство веры священной обрел.*— Маздакиты претендовали на знание сокровенного смысла Авесты, непонятного непосвященным.

1293 *Примкнул и Кобад в этой вере к нему...*— По словам Табари, «в Иране не было царя лучше Кобада до тех пор, пока Маздак не склонил его к своим обычаям» (N.-T., с. 142).

Роль Кобада в истории маздакизма разные источники (а иногда один и тот же) оценивают по-разному. Существует мнение, что Кобад был искренним и убежденным маздакитом. Так, Хамза Исфаганский пишет, что власть Кобада не удержалась, потому что он оставил войну и убийства и был слишком поглощен вопросами веры (букв. «конечными делами») (Хамза, с. 108). Согласно арабским авторам, цитируемым Бал'ами, народ перестал бояться Кобада, потому что, следуя предписаниям маздакитской веры, он отказался от убийства и пролития крови (Бал'ами, с. 148). Табари тоже рассказывает, что Кобад принял маздакитскую веру, но он же прибавляет, что после этого маздакиты похитили Кобада и угрозами заставляли его исполнять их волю (N.-T., с. 144).

В ряде описаний Кобад предстает как безвольная жертва коварства маздакитов. У Низам аль-Молька приводится рассказ (восходящий к ср.-перс. «Маздак-намак» — «Книге о Маздаке») о том, как маздакиты сделали подземный ход к храму огня; один

из них проник туда через этот ход, спрятался за алтарем и, отвечая на вопросы Кобада, обращавшегося к божеству огня, убедил его принести себя в жертву огню, от чего тот был спасен своим сыном Хосровом.

Современные исследователи, по-разному оценивая степень искренности маздакитских убеждений Кобада, согласны в характеристике его политики: он попускал и поощрял это движение с тем, чтобы руками маздакитов ослабить могущество высшей родовой знати и духовенства.

1295–1296 Досл.: *Сажал его шах по правую руку,/ Не знало войско, где же мобед?*

1310 *...а войско огромно числом.*— По некоторым рассказам, маздакиты имели свои войска, и Кавус, старший, нелюбимый сын Кобада, был там одним из военачальников. Правда, сам Кобад у Бал'ами в разговоре с Маздаком презрительно называет его войско толпой простолюдинов (Бал'ами, с. 145–146).

1323–1338 *Есть пять уводящих от правды, дурных / Обычаев...*— Проповедь Маздака о пяти дивах приводится только у Фирдоуси. Все эти дивы известны зороастрийской демонологии, они входят, например, в число «главных» дивов из назиданий Бузурджмехра (см. стихи 6519–6528); в Dādastān i mēnoy xrad — зороастрийском сочинении, относимом к X в., также упоминаются пять дивов, хотя и не совпадающих полностью с дивами из проповеди Маздака (Меноге Храт, вопр. 40).

1329–1332 Соответствуют двум строкам оригинала.

1333–1335 *Жена и казна да пребудут у всех,/ Тогда не отнимется веры успех./ И зависть, и алчность от них, и нужда,/ Что с гневом и мщением в дружбе всегда.*— Досл.: *Жен и имущество должно разделить поровну,/ Если не хочешь доброй вере ущерба./ В этих двух и зависть, и алчность, и нужда.*— Противники маздакизма утверждали, что Маздак проповедовал обобществление жен. Многие европейские исследователи считают, что здесь в искаженном виде передана идея о праве каждого иметь жену — сасанидское брачное право позволяло знатным и обеспеченным людям иметь кроме одной-двух главных жен еще четыре категории второстепенных жен-служанок и наложниц, тогда как бедняки часто не могли позволить себе ни одной.

1361 *Хорре-Ардашир* — Арташир Хварра, один из пяти округов провинции Парс, занимал территорию на юг от Шираза до моря. Главным городом округа был Гур, ныне Фирузабад, построенный Ардаширом I (см.: ШН, V, с. 109, 110 и соотв. примеч.). В городе был храм огнепоклонников, остатки которого существовали еще в X в. Сейчас в Фирузабаде сохранился дворец сасанидской эпохи с куполообразной крышей.

1374 *Зардошта учение* — зороастризм. *Зардошт* — Заратуштра, Зороастр.

1386 *...да сгинет их след на земле!*— в ориг. образ, основанный на двойном значении слов maγz и pūst: *Да не останется от них ни мозга* [*ядра*], *ни кожи* [*скорлупы*].

1392 *Весь мир будто костью слоновою стал.*— Слоновая кость в классической персидской поэзии — символ белизны.

1431–1438 Расправа над маздакитами произошла в 528 г. Подавление маздакизма было крайне жестоким. Маздакиты разыскивались и истреблялись по всей стране; книги и писания их уничтожались, подвергалось уничтожению все, что только могло напомнить о маздакизме. Тем не менее, движение втайне продолжалось, чтобы впоследствии, уже на исламской почве, возродиться в виде многочисленных сект еретического толка, и социально-религиозные идеи маздакизма продолжали вдохновлять народные массы, приводя к многочисленным крестьянским восстаниям.

1455–1456 *Несчастный уж петлею схвачен, живой,/ Отступника вешают вниз головой.*— В ориг. игра слов: в первой строке «несчастный» — nigūn-baxt — букв. «с опрокинутым счастьем»; во второй строке «вниз головой» — nigūnsār-sar — букв. «с опрокинутой головой»: *Мужас* ***опрокинутым*** *счастьем живым на виселицу повесили,/Голову мужа-еретика* ***опрокинутой*** *сделали.*

1458 *Не следуй, разумный, Маздака путем* — досл.: *Ты, если имеешь рассудок, не иди путем Маздака.*— Зд. употреблено не слово hirad, которым обычно пользуется Фирдоуси, означающее Разум, Мудрость — понятие, имеющее, как правило, нравственную окраску и связанное с идеей высшей справедливости, а hūš — «рассудок, житейский ум».

1469 [*Кобад объявляет Кесру своим наследником*] — Согл. Прокопию Кесарийскому, Хосров I, несмотря на оставленное Кавадом завещание, должен был выдержать

жестокую борьбу за власть, в которой был уничтожен его брат Зав (Войн. перс., I, 21).

1489–1490 *Печать золотую к письму властелин/Подносит. Хранитель — мобед Рамборзин.*— Об обычае оставлять завещание с указанием наследника престола с тем, чтобы оно было обнародовано после смерти царя, свидетельствуют не только мусульманские и греческие авторы, но, с некоторыми вариациями, и такие отдаленные от Ирана источники, как китайские исторические хроники: «Владетель по вступлении на престол, избирает из своих сыновей способного, втайне записывает имя его и запечатывает. о чем ни сыновья его, ни вельможи не знают. По смерти его распечатывают письмо в общем собрании чинов, и тот, чье имя откроется в нем, вступает на престол, а его братья высылаются к должностям по границе и более никогда между собой не видятся» (Бичурин, II, с. 262). Ср. также стихи 1511–1514.

1493–1494 Досл.: *Кто же в мире радуется смерти? / Ибо конец дел человеческих, кто знает, каков будет?*

1501–1502 Досл.: *Устроили дахму шаханшахскую, / Трон золотой и венец величия. / Положили шаха на золотой трон...*— *Дахма* — погребальное сооружение зороастрийцев (об обряде погребения см.: ШН, V, с. 372).

1511 В ориг.: *мобеды, военачальники и именитые мудрецы.*

1525 *Нушинраван* — досл. «бессмертный дух». В Калькуттском издании — Nušīravān, в переводе используется и арабизированная форма — [А]нуширван.

1529–1550 [*Жалоба поэта на старость*].— Этот отрывок (как и многие лирические отступления Фирдоуси) насыщен типичными для классической персоязычной поэзии образами: кипарис — стан; жасмин — белая кожа; амбра — кожа пожелтевшая; аргаван (красный цветок) — румянец; шафран — желтизна лица; нарциссы — глаза.

1559–1680 [*Царствование Кесры Нушинравана длилось сорок восемь лет*] — Кесра Ануширван, Хосров I Нушинраван — самый знаменитый царь сасанидского Ирана, чье имя стало на Востоке символом идеального монарха. Множество рассказов в персидской и арабской литературах посвящено мудрости и справедливости Ануширвана; к нему возводят всевозможные изречения и советы; многие постройки сасанидского Ирана относятся традицией к его имени.

Хосров Ануширван вступил на престол в 531 г. Его почти полувековое царствование было периодом наивысшего могущества сасанидской державы. При Хосрове I произошли огромные перемены в жизни страны. Были расширены границы, построены новые города, проведены важные реформы, главные из которых — административная, военная и налоговая. Результатом этих реформ было обеспечение постоянных поступлений в царскую казну, что позволило, в частности, создать регулярную армию, получавшую от царя жалованье и подчинявшуюся ему, усиление центральной царской власти.

Со временем правления Хосрова I связывается расцвет науки и литературы. При нем началась запись и канонизация легенд, составляющих иранский национальный эпос, были также переведены на среднеперсидский греческие и индийские книги самого разнообразного характера; в царствование Ануширвана процветали искусства, ремесла и торговля.

1559–1560 *На царский, из кости слоновой, престол / Кесра в светозарной короне взошел.*— Коронация Хосрова I происходила в Шизе (совр. местность Тахт-и Сулейман в Иранском Азербайджане), где находился храм огня Атур Гушнасп (у Фирдоуси — Азергошасп), огонь которого был посвящен сословию воинов. Развалины храма сохранились до сих пор. (Подробнее см.: ШН, IV, с. 405; V, с. 358, 359).

1614 *Отрава*, kabast — колоквинт, горькая тыква — частый в персидской поэзии образ.

1633 Досл.: *Любой из иранцев, который препоясется для служения этому престолу, / Найдет у нас казну и приветливую речь.*

1658 Здесь дан вариант Калькуттского издания, где перечислены четыре основные стихии — воздух, вода, огонь, земля. В В.-Н. воздух опущен.

1669 *Страну разделил на четыре тогда...*— Деление страны на четыре округа существовало и прежде. Во главе каждого округа стоял великий марзбан, имевший право именоваться шахом; вся же армия была подчинена верховному военачальнику Ирана — Эран-спахпату. Нововведение Хосрова состояло в том, что эти должности были отменены и упразднено единоначалие в армии — в каждой области был назна-

чен отдельный военачальник (спахпат); гражданское управление осуществлял подчиненный ему чиновник.

1675 *Азерабадган* — приблизительно соответствует совр. Азербайджану.

1696 Досл.: *В море не чувствуй себя в полной безопасности от чудища морского.*

1698 *Отверг десятину и подати ввел.*— Далее подробно и точно описывается знаменитая налоговая реформа Хосрова I. Новая налоговая система во многом следовала системе, действовавшей в восточных областях Византии.

Для проведения реформы были измерены земельные владения, пересчитаны плодовые и масличные деревья; для подушного налога осуществлена перепись населения.

Эти меры были задуманы и начаты еще Кобадом, отцом Хосрова I. У Бал'ами (с. 147) есть рассказ о том, как царь Кобад в сезон сбора винограда поднялся на вершину горы и оттуда смотрел на лежащую внизу деревню. «Он увидел женщину, которая стояла у танура и пекла хлеб; рядом стоял трехлетний мальчик. Вдруг мальчик зашел в сад, сорвал гроздь винограда и собрался ее съесть; женщина ударила ребенка, отняла у него виноград и прикрепила гроздь к ветке. Кобад был поражен скупостью этой женщины. Он спустился с горы, вошел в тот сад и сказал той женщине: „Чей это виноградник?" Она ответила: „Мой". Сказал: „Почему ты отняла виноград у ребенка и прибила его?" Женщина сказала: „Мы этим своим добром не распоряжаемся, потому что в нем есть царская часть, и пока от царя не придут и не отделят долю для царя и не возьмут ее под охрану, нам нельзя к этому прикасаться". Кобад спросил: „То, о чем ты говоришь — это во всем царстве?" Ответила: „Везде так".

Кобад рассказал об этом вождям и главному мобеду и сказал: „Мне не нравится, что люди не смеют пользоваться своим добром: сажают деревья и те плодоносят, но ради меня не дерзают до них дотронуться. Найдите меру, которую они должны мне выплачивать, чтобы своим добром могли распоряжаться по своему желанию". Главный мобед и везиры сказали: „Способ для этого таков, чтобы размерить всю землю и виноградники и сосчитать плодовые деревья и по числу их наложить подать в 1 или 2 дирхема и в свое время взимать ее". Кобад сказал: „Так и сделайте". Призвал землемеров, но это дело не смогли закончить до его смерти, тогда он завещал это завершить Нуширвану и обложить народ податью, что тот и исполнил, и об этом сказано в Нушировановых летописях».

1714 *Мехрган* — праздник осеннего равноденствия, посвященный новому урожаю и молодому вину.

1717 *Хордад* — третий месяц иранского солнечного года, соотв. периоду 22 мая — 21 июня.

1727 *Служители шаха и те, что несли / Дабиров служенье, в счет вовсе не шли.*— Подушной податью облагались мужчины от 20 до 50 лет, кроме знати, воинов, жрецов, чиновников и всех, находившихся на государственной службе.

1736 В ориг.— *подушной и поземельной податью.*

1745 *Пехлеви* — ср.-персидский язык.

1746—1748 Досл.: *Понравится тебе, если выслушаешь. / В начале послания сказал: От великого [мужа]/Шаханшаха Кесры, поклоняющегося Йездану.*— Стихи 1747—1752 представляют собой унван — начало письма, где сначала перечисляются титулы и эпитеты отправителя, а затем адресата послания. По тому, как распределены хвалебные или уничижительные эпитеты в обеих частях унвана, можно судить о соотношении сил между отправителем и адресатом или о том, каковы претензии отправителя — унван мог быть оскорбительным, самоуничижительным, мог подчеркивать равенство пишущего и получающего (при этом претензия на такое равенство тоже могла быть оскорбительной). Типичный унван, например — начало письма Ануширвана к кейсеру Рума (стихи 2457—2460).

1763—1766 Соответствует двум стихам оригинала.

1813—1820 *Где вдруг саранча налетит на поля...*— У Бал'ами словам Ануширвана о том, что размеры налогов могут быть пересмотрены в зависимости от обстоятельств, предшествует такая сцена: изложив в Совете свой план реформы, царь спросил: «„Каково ваше мнение?" Народ безмолвствовал, никто не отвечал. Тогда Нуширван сказал: „Отвечайте, ибо я хочу сделать это с вашего согласия, чтобы поступить по спра-

ведливости". Тогда встал один человек, не из знатных, никому не известный, и сказал: „О царь! Налог — вещь вечная и останется навсегда, а люди бренны. Нельзя возложить вечное на бренное. Наложишь подать на землю благоустроенную, назавтра после этого земля придет в разорение, а та подать останется; наложишь налог на человека, а он умрет, и та подать останется на разорение земле и его детям". Царь ответил: „О невежественный глупец, не ведаешь, что говоришь!"» После этого царь кратко объяснил, что не будет брать налог с разоренных земель и семей.

Рассказ заканчивается так: «Потом спросил: „Ты из какого сословия?" Отвечал: „Из дабиров". Сказал (царь): „Дабиры бывают наглецами",— и приказал избивать его чернильницами, пока не умрет» (Бал'ами, с. 171).

У Фирдоуси сохранена идея возможности пересмотра налогов.

1889 *Был имя Бабака носивший мобед...*— У Бал'ами Бабак назван одним из великих дабиров.

1891 *Вот призван Бабак войску смотр учинить.*— У Бал'ами этот эпизод объяснен более подробно (с. 172): «...Нуширван сказал: „Теперь надо упорядочить содержание войска, чтобы так же, как я знаю, откуда богатства приходят, знал бы, куда они расходуются, и чтобы то, что расходуется, расходовалось для войска, а теперь дело содержания войска ведется беспорядочно и его тоже надо исправить". Он призвал дабира ⟨...⟩ и сказал ему: „Содержание войска раздается сплошь несправедливо и не по заслугам, а тех, кто заслуживает содержания, его лишают. Я хочу в этом навести порядок. Поручаю тебе диван содержания и смотра войска, чтобы эти дирхемы давать тем, кто заслуживает и сколько должно. Ибо есть некто, заслуживающий тысячи дирхемов, а получает он сто, и некто не имеющий коня, но получающий содержание всадника; некто есть, кто коня имеет, но верховой езде не обучен, а другой не умеет стрелять, но получает жалованье стрелка; так же и с копьем, и с мечом. И от этого мне вред. Так же, как я не хочу вреда народу и войску, не желаю и от них терпеть вреда, поэтому вручаю тебе власть над этим и перед своим дворцом устрою тебе майдан и ристалище. Устрой смотр войску и отбери из него ратников и всех перепиши, и около себя не держи, а потребуй от каждого явиться в полном вооружении ⟨...⟩, вели ему проскакать верхом по майдану, в полном вооружении сойти с коня и снова сесть, чтобы узнать, каково его умение в езде, потом вели пускать в ход разное оружие. И после, согласно его знанию, назначь ему содержание, и запиши от 100 до 400 дирхемов. И если даже пеший, менее ста дирхемов не давай..."»

1915–1920 *Все в бранных доспехах, взяв лук и аркан,/ ...с копьем,/ В кольчуге, в шеломе...*— Описание вооружения у Бал'ами: «Пусть будет одет в кольчугу, а поверх нее имеет панцирь цельный, со стременами; на голове — шлем; цепь, наколенники, железные налокотники; на коне — броню; копье, меч, щит; пояс, торбу. У пояса железную булаву. На седельной луке с одной стороны — секиру, а позади седла — камандан (футляр для лука), а в нем — два и на каждом — две тетивы, и скажи, чтобы еще две тетивы приторочили к седельным ремням» (Бал'ами, с. 172).

1928 *Ариз* — нес ответственность за состояние войска, в частности вел учет воинов. О списках воинов см.: ШН, V, с. 137, 139, 364.

2003–2004 *Окружен/ Я нечистью, с разных грозят мне сторон* — досл.: *Вокруг меня ахриманы.*— Зд. ахриманами называются враги, иногда же наоборот — под словом «враг» («зложелатель») подразумевается Ахриман.

2026 *...хоть будь от Араша рожден.*— *Araš* упоминается в Авесте как «Араш крепколукий». По преданию, не отраженному в «Шахнаме», Араш был богатырь из войска Манучехра; после поражения иранского войска в войне с туранцами Арашу было разрешено выстрелить из лука с тем, чтобы падение его стрелы определило границу иранских владений. Он выстрелил, ветер подхватил его стрелу, она летела целый день и упала у р. Джейхун (Амударья).

2052–2058 Призыв к подданным входить к царю со своими делами в любое время, повторяющийся в речах Ануширвана (например, в тронной речи) и других царей, носит, разумеется, чисто риторический характер. Сложный и разработанный этикет двора отнюдь не допускал такой простоты нравов. В этой связи интересен приведенный у Табари и Бал'ами рассказ о сыне одного арабского царька, год жившего в ожидании при дворе Кесры, Ануширвана, пока удобный случай не позволил ему, наконец, получить аудиенцию (Бал'ами, с. 160). Ср. с рассказом о дабире, поплатив-

шемся за слишком буквальное понимание приглашения шаха высказать свое мнение (см. примеч. 1813).

2082 *...засиял, словно рай.*— *Рай* в ориг.— «сады Ирама», выражение, употребляющееся обычно в значении «земной рай». Согласно комментариям к Корану, царь Шаддад, чьи владения находились в Южной Аравии, услышал о небесном рае и задумал устроить для себя такой же рай на земле. С этой целью он основал город, где стены были сложены из золота и серебра и разукрашены драгоценными камнями, а сады славились небывалой красотой. В наказание Шаддаду была послана безвременная смерть, а город был похоронен под песками.

2098 *Величием Нушинравана сражен.*— В ориг. игра слов, построенная на буквальном значении имени шаха — «бессмертный дух»: *от бессмертного духа дух их омрачился.*

2119–2120 Досл.: *Ты сказал бы, в рудниках золота не осталось, / В копях жемчуга и перлов не осталось.*

2129 *Горган* (у греческих авторов — Гиркания), провинция на восточном побережье Каспия, присоединенная к Ирану Шапуром I; будучи пограничной областью, часто подвергался вторжениям кочевников (ср. стих 2160 и далее), и правители Ирана всегда придавали большое значение обеспечению его обороноспособности. Города Сари, Амол (Амуль), расположенные на дороге к Горгану, также имели оборонительное значение.

2149–2150 *Не зря Фаридун, почитавший Творца, / Здесь место избрал для царева дворца.*— Резиденция кеянидских царей в лесу Таммише в окрестностях Амола была основана царем Фаридуном после его победы над Зохаком (ШН, I, с. 85). В Московском издании вариант второй строки: «В этой роще воздвиг себе дворец», что является перифразой соответствующей строки I тома: «Дворец в той славной чаще построил» (ШН, I, с. 47).

2162 *Туранцев орда* — в ориг. turk — тюрок, тюрки.

2191 *Здесь мощную стену из глуби речной / ...вознесть.*— Пограничные укрепления, развалины которых частично сохранились до сих пор, были сооружены и в Дербентском проходе на Кавказе, и в Сирийской пустыне.

2207 *Аланы* — Алания, представлявшая собой племенной союз, занимала при сасанидах приблизительно территорию современной Сев. Осетии, части Кабардино-Балкарии и Карачая. Слово allon (авест.— airyana, греч.— Ἀλανοι) сохранилось в фольклоре осетин, считающихся потомками аланов.

2269 *Оттуда он войско привел в Хиндустан.*— По Табари и Бал'ами, Ануширван без боя захватил Сарандиб — Цейлон (Бал'ами, с. 169; N.-T., с. 250). Точных сведений на этот счет не имеется.

2273 *Миль* — приблизительно 1,5–2 км.

2282 *Творят, мол, белуджи немалое зло.*— Белуджистан (Мекран) причислялся в средние века к областям Синда. Белуджи, населявшие юг Кермана, были известны своими разбоями.

2332 *Дейлем* — иранская провинция на юго-западном побережье Каспийского моря, присоединенная к Ирану Шапуром I.

2365 [*Монзер Аравийский просит помощи против кейсера Румийского*] — Ситуация, когда небольшой народ просит помощи у шаха — героя «Царствования», не раз встречается (с небольшими вариациями) на страницах «Шахнаме». Например, точно такая же модель, как здесь (к шаху, находящемуся в пути, подходит вождь племени и просит защиты от врагов), уже была использована для описания вражды между северными и южными арабами в главе «Поход Искендера в Каабу» (ШН, V, с. 33–35 и соотв. примеч.).

За речью Монзера стоят реальные исторические события, имевшие место на аравийском полуострове в VI в. Авторы большинства прозаических хроник уделяют большое внимание истории доисламских арабов — в отличие от Фирдоуси, который говорит о них скупо (сходясь в этом с Динавари), отмечает их доблесть и верность иранским царям и вводит в свой рассказ только то, что имеет непосредственное отношение к истории Ирана.

Монзер Аравийский — Монзер (Мондар, Монзар, Мюнзир) III, царь из династии лахмидов, правившей с 505 по 554 г. Центр лахмидского государства, объединявшего несколько арабских племен, был в городе ал-Хира на нижнем Евфрате. Лахмиды,

чьи земли примыкали к границам Ирана, были союзниками, а затем и вассалами сасанидских царей. По преданию (см.: ШН, V, с. 202–228), Бахрам Гур, сын Йездерда I, воспитывался в Хире, а после гибели Йездерда арабы помогли ему отвоевать иранский престол.

Лахмидские арабы принимали участие в византийских войнах Кобада и сами часто совершали набеги на Центральную Аравию и восточные области Византии. Византийский император Юстиниан не раз посылал к ним посольства с подарками, пытаясь предотвратить их нападения. Лахмиды – «персидские арабы», как их называли византийские и сирийские источники, постоянно враждовали с «византийскими» арабами – гассанидами, киндитами, химъяритами, находившимися под протекторатом Византии и защищавшими ее границы. Взаимоотношения с арабами, хозяевами Аравийского полуострова, игравшими роль буфера между Византией и Ираном, занимали важное место в политике этих стран, и стычки между арабскими племенами могли служить причиной или поводом для нарушения мира между двумя державами.

В настоящей главе как раз отражен такой конфликт – спор между «персидскими арабами», лахмидами, и «византийскими арабами», гассанидами, за пастбищную местность к югу от Пальмиры, по которой пролегала мощеная дорога (ср. примеч. 2691), соединявшая ряд важных пунктов и имевшая стратегическое и торговое значение. Гассаниды обосновывали свои притязания тем, что дорога была построена римлянами и самое ее название – «страта» – говорит о принадлежности Византии, а не Ирану. Ануширван «вступился» за лахмидов, обвиняя императора Юстиниана в том, что он нарушает мирный договор, позволяя «своим» арабам вторгаться на чужую территорию. Византийские историки утверждали, что Хосров I подстрекал Монзера начать спор, чтобы иметь повод обвинить Византию, тогда как Монзер сам совершал вторжения в византийские пределы; Бал'ами же упоминает, что Ануширван хотел присоединить к своим землям Шам (Сирию), т. е. земли, где правили гассаниды (Бал'ами, 168).

Результатом всего этого стали войны между Ираном и Византией, продолжавшиеся с 540 по 545 г.

2382 *Наездников степи верхом бороздить.– Степь наездников* [*всадников*], dašt-i savārān,– так в Шахнаме часто называются земли арабов.

2393–2396 Эти бейты могут иметь и другое толкование: *Сказал ему: отсюда иди* [*скачи*] *в Рум/И нисколько не медли в том благоустроенном крае./Скажи кейсеру: Если не имеешь разума,/То за твое решение поплатится твой мозг*,– т. е. поплатишься головой.

Кейсер, зд.– Юстиниан I (482/483–556), император Византии с 527 г.

2410 *Всем правлю меж Рыбьей спиной и Быком.*– Вариант М, досл.: *От Быка до спины Рыбы* [*все*] – *мое. Бык*, Gāv – созвездие Тельца; *Рыба*, Māhī – гигантская рыба, плавающая в подземном мировом океане, на спине которой стоит бык, называемый Gāv-Māhī (Бык-Рыба) или Gāv-i zamīn (Бык Земли), держащий на своих рогах землю.

В тексте В.-Н. дан вариант: «От Быка до созвездия Рыбы». Здесь Бык – это Бык-Рыба, несущая землю. В обоих случаях выражение «от Рыбы до Быка» означает «весь мир, снизу доверху».

2423 *Из тех Копьеносных бойцов кто-нибудь...– Степь копьеносцев*, dašt-i nayzavarān, так же, как и «степь всадников» (примеч. 2382) – земли арабов.

2425–2426 Досл.: *На земле все, что возвышается, сделаю низким,/Превращу степь в море* [*крови*].

2468 *Тазийцы* – арабы (из ср.-перс. tāžhīk).

2476 Досл.: *Если хочешь, чтобы договор оставался в силе.*– Бессрочный мирный договор между Ираном и Византией был заключен в 532 г.

2495 [*Ответ кейсера на послание Нушинравана*] – По мусульманским хроникам, император Юстиниан не ответил на письмо Хосрова относительно арабских земель (см. примеч. 2365), а впоследствии объяснил это недоразумением.

2501 *Моштари* – планета Юпитер.

2511–2512 Досл.: *Ты слышал, что совершил Искендер в Иране?/*[*А ведь*] *Из наших был этот царь народа азадов!* – Искендер, Александр Македонский, победил персидского царя Дария III (в «Шахнаме» – Дару) и завоевал Иран в IV в. до н. э.

Азады (āzād, из ср.-перс. āzāt) — так в сасанидском Иране называли иранцев «благородного происхождения», обычно низший ранг знати, но иногда — знатных иранцев вообще (сопоставимо с понятием дворянства). См.: ШН, V, с. 363, 364.

Народ азадов, āzād-mard, означает всех иранцев благородного происхождения в отличие от других народностей.

В класс.-перс. языке слово āzād имеет также общее значение «свободный», «благородный», что придает особую выразительность второй строке бейта: *Из наших был этот царь свободных.*

2555 *Стяг Каве* — см. примеч. 1111.

2559 *Обитель Огня* — в ориг. Азергошасп., ср.-перс. Ātur Gušnasp.

2561–2563 *Барсам* — пучок ветвей тамариска, использовавшийся зороастрийцами в ритуальных целях.

2563 *Баж* — ритуальное произнесение молитв или речей, имеющих особо серьезное значение (напр., клятв, ср. ШН, V, с. 179) в «земземе», см. примеч. 2570.

2567 *Хирбед* — зороастрийский священнослужитель.

2570 *Земзем* называют иногда «священным бормотанием» — это способ произнесения молитв негромким голосом, нараспев и как бы «в нос» (ср. примеч. 4761).

2585 *Правитель и витязь* — в ориг. kanārang (из ср.-перс. kanār — граница) — военачальник, возглавляющий крупную пограничную область, и pahlavān (примеч. 805).

2605 Досл.: *Шируй, сын Бахрама, был сипехбедом.*

2617 *Лазутчики* — в ориг. kār-āgahān, см. примеч. 1244.

2619–2632 Ср. с отрывком из главы «О мудрых деяниях Эрдешира» (ШН, V, с. 139).

2630 Досл.: *Владыкой Сатурна, Марса и Солнца.*

2691 [*Нушинраван завоевывает крепость в Руме*] — В Калькуттском издании эта глава называется «Нушинрван завоевывает несколько крепостей на румийской дороге» (см. примеч. 2365).

2691 *В походе достиг он Шураба ворот.— Шураб* — букв. «соленая вода». Так было осмыслено слово «Сура» — название города-крепости на Евфрате, взятого Ануширваном в 540 г. В этом же году были взяты Халаб, Антиохия (см. ниже); города Иераполь, Апамея, Дара заплатили выкуп. В 544 г. была осаждена Эдесса, которая откупилась 500 фунтами золота.

2699 *Камнемет* — в ориг. manjanīk, катапульта (подробнее см.: ШН, V, с. 352).

2713 *В полон увезли, погрузив на слонов.*— По Прокопию Кесарийскому, в Суре было взято в плен 12 тыс. человек. Епископ Сергиополя согласился выкупить их через год за 200 фунтов золота, но не смог выполнить обещание; за это он был жестоко избит при очередном нападении Хосрова Ануширвана на Византию в 543 г.

2721 *Краса Рума* или *Украшение Рума*, Ārāyiš-i Rūm — зд. имя собственное. Такое понимание подсказано стихом 2767.

2794 *Калиниус* — Каллиник, иначе Ницефориум или Ракка,— город в Северной Месопотамии на левом берегу Евфрата при впадении в него р. ал-Балих; был взят в следующем походе Ануширвана в 542 г.

2801 *Фарсанг* (из ср.-перс. frasang) — расстояние, равное приблизительно 6 км (см. также: ШН, II, с. 389).

2803–2806 Перестановка бейтов по Калькуттскому изданию.

2841 *Немало богатств им оставил.*— Город не был полностью разграблен. Сирийские летописи рассказывают, что персы разрушили стены Каллиника и взяли в плен его жителей, захватив при этом останки мученика Вакха и золото, вделанное в раку Св. Сергия (Пигулевская, 1964, с. 98).

2845 *Антакие* — Антиохия на Оронте, была взята в 540 г. Город сначала предлагал выкуп, но потом отказался его платить. Тогда Антиохия была разрушена. Шах обвинил в этом императора и потребовал 5000 фунтов золота и затем ежегодной уплаты 500 фунтов. Условия были приняты, Хосров взял заложников, а для заключения мирного договора требовал присылки специального посольства в Иран.

2873 *Шахрияр* — зд. правитель.

2874 *Навбахар* — буддийский храм в Балхе, прославленный своими росписями и украшениями.

2884 *Майдан* — площадь, плац, ипподром.

2886 *Зиби-Хосров* — «достойный Хосрова», город Veh Antiok — «Лучшая Антиохия». У местного населения он назывался Румаган, арабское название его — ал-Ру-

мийе, [город] румийцев. Город находился на расстоянии одного дня пути от Ктезифона.

2909–2911 *Достойного христианина избрал, / ... / Сказал ему: Зиби Хосровом владей.*— По Табари, для управления пленными был поставлен христианин Бараз, который прежде был главой ремесленников Ахваза (N.-T., с. 240).

2977 *Наложена подать на Рум...*— Первое перемирие было заключено в 542 г., но за ним последовали другие походы Ануширвана, окончившиеся только в 545 г., когда было заключено перемирие на пять лет. В 551 г. срок был продлен еще на пять лет, причем Византия должна была выплачивать по 400 фунтов золота в год, и в 557 г.— еще на пять лет. Наконец, в 561 г. был торжественно заключен мирный договор на 50 лет. Одним из условий договора была выплата ежегодной дани, что объяснялось расходами Ирана на охрану кавказских проходов.

2988 *Шам* — Сирия.

3002 *...В Армен двинул стяги и рать.*— Поход Хосрова I на Армению был в 543 г.

3003–3512 [*Сказ о Нушзаде — сыне Нуширвана и о матери Нушзада — христианке*] — О восстании Нушзада, происшедшем в 50-х гг. VI в. в Хузистане, рассказывают, кроме Фирдоуси, еще два автора: Прокопий Кесарийский и историк IX в. Абу Ханифа ад-Динавари, чей рассказ приведен в исследовании Т. Нельдеке.

Содержание краткого рассказа Динавари, основывавшегося на недошедшем до нас ср.-перс. источнике, во многом совпадает с Фирдоуси: «Когда Хосрау вернулся из Сирии, он тяжело заболел: тогда он отправился в Химс (Эмессу) и оставался там с войсками до своего выздоровления... Как говорят, у Хосрау Ануширвана был сын по имени Аношазад, мать которого была красивая христианка. Тщетно уговаривал ее Хосрау, очень ее любивший, отречься от христианства и обратиться к вере магов. Сын унаследовал ее религию и отвратился от веры отца: тот разгневался на него за это и приказал заточить его в городе Гунде-Шапуре. Когда же Хосрау отправился в Сирию, и Аношазад услыхал, что он болен и остался лежать в Химсе, он подвигнул на бунт своих товарищей по заточению, отправил гонца к христианам Гунде-Шапура и других областей Ахваза и вышел из темницы. Тогда те христиане собрались к нему; он изгнал из Ахваза всех наместников своего отца, захватил деньги, распространил слух, что его отец умер, и двинулся на Иран. Тогда наместник Ктезифона сообщил царю о действиях его сына. Хосрау ответил так: „Пошли против него войска, быстро атакуй его и постарайся захватить в плен. Если же судьбе угодно, чтобы он был убит, то придется нам в конце концов примириться с пролитием его крови и смертью... Пусть тебя не страшит их многочисленность, потому что они не способны обороняться. Как могут христиане выдержать оборону, если, по их вере, тот, кого ударят в левую щеку, должен подставить правую? Если же Аношазад сдастся со своими товарищами, то тех, которые прежде были в заточении, водвори обратно, нисколько не стесняя их в свободе движения, пище и одежде по сравнению с прежним. (Знатным) всадникам, которые были с восставшими, без всякой жалости отруби головы: простолюдины пусть бегут, не задерживай их. Впрочем, ты, как ты пишешь, наказал людей, которые открыто поносили Аношазада и вели разговоры о его матери". (Содержание этого письма настолько своеобразно, что его вряд ли можно счесть только плодом фантазии. Составителю его, видимо, были хорошо известны распоряжения царя и его наместников. Бесцеремонные разговоры о царском сыне и его матери — на Востоке вообще никто не смеет говорить о женской части семьи! — несомненно оскорбляли честь царя и всей династии. Примеч. Нельдеке.)» (N.-T., с. 467–468).

Основное различие «Шахнаме» с этим рассказом типично для Фирдоуси: он стремится оправдать сына царя. У Динавари Аношзад поднимает бунт, узнав, что отец болен, у Фирдоуси — вина его лишь в том, что он обрадовался ложным слухам о смерти отца.

Рассказ Прокопия Кесарийского, современника событий: «На пятом году перемирия (т. е. в 551 г.) восстал старший сын Хозроя Аносазадос. Он позволил себе совершить ряд нарушений в образе жизни ⟨...⟩ и был заточен ⟨...⟩ Когда однажды Хозрой тяжело заболел и прошел слух, что он умер, Аносазадос восстал, стремясь стать царем, и продолжал удерживать оружием этот город даже после выздоровления отца. Тот послал своего наместника Фабрикоса: царский сын был побежден и доставлен к царю. Хозрой не велел его ослеплять, но только приказал прожечь ему раскаленным

железом нижние и верхние веки, чтобы он уже не мог претендовать на трон» (Войн. тот., VIII, 10).

3026 *Нахид* — планета Венера.

3027 *Нушзад* — букв. «рожденный бессмертным», т. е. сын бессмертного.

3031 Досл.: *Когда об аде узнал и о пути к раю,* / *Азúзе и Масúхе и пути Зардошта...*— *Азиз* — пророк Эзра; *Масих* — Мессия, Христос; *Зардошт* — Заратуштра, Зороастр. Имеются в виду три основные религии — иудаизм, христианство, зороастризм.

3041 *Джунд-Шапур* — арабизированная форма от Гунди-Шапур — города в Хузистане, основанного Шапуром I (ШН, V, с. 367, 368). Значительную часть населения Гунди-Шапура составляли христиане (несториане) — сирийцы и сироязычные персы, в основном ремесленники и торговцы. В Гунди-Шапуре была епископская кафедра, одна из древнейших на Востоке.

3056 Досл.: *Природа того темна.*— *Природа*, gōhar, здесь означает «сущность», врожденные (в отличие от благоприобретенных — hunar) свойства человека (см. стих. 3891, 4079). По зороастрийскому учению все в мире подвержено изменению, кроме самой природы добра и зла.

3087—3090 *Так молвил когда-то персидский поэт,* / *Четырежды тридцать, знай, прожил он лет:* / *К царю-правдолюбцу кто явит вражду,* / *Не к людям того я, а к бесам причту.*— *Персидский поэт* — gōyanday-i pārsī; pārsī может означать и персидский, и парсийский; gōyanda — необязательно поэт, может быть и «сказитель».

Возможно, ссылка на 120-летнего парсийского автора здесь не поэтический прием, а указание на конкретное сочинение, известное читателям — современникам Фирдоуси. Сравнения, подобные приведенным в стихах 3089—3090: *Каждый, кто враг справедливому мужу,* / *Тот не из рода людей, он — Ахриман* (в Калькуттском издании: *Каждый, кто враг царю*), могли иметь вполне конкретный смысл: например, в «Меноге Храт» есть рассуждение о том, что люди делятся на три категории: люди, полулюди и полудивы: последними считаются те, «кто только по имени и физическому рождению люди, а по всем делам и поведению подобны двуногим дивам...» (Меноге Храт, вопр. 41).

3091—3092 *Сей сказ, что из глуби столетий несет*/*Нам мудрый дихкан...*— Такие ссылки (на некоего дихкана или мобеда) в «Шахнаме» нередки. Во времена Фирдоуси, когда шел уже четвертый век исламского господства, хранителями иранских культурных традиций были именно дихканы — потомки древних родов, и мобеды, священнослужители зороастрийского культа, еще имевшего большое влияние среди иранского населения, особенно в сельских местностях. Дихканы и мобеды собирали и передавали из поколения в поколение письменные и устные предания старины.

В предисловии к Абу-Мансуровой книге «Шахнаме» (см. с. 582) говорится, что Абу-Мансур для составления «Большой Шахнаме» «велел своему дастуру созвать из различных городов обладателей книг из числа дихкан, мудрецов, повидавших свет».

Дихканом был и сам Фирдоуси; он жил в Хорасане, в окрестностях г. Туса. К знатному дихканскому роду принадлежал и Абу Мансур абд ар-Раззак, правитель Туса (бывшего одним из центров иранского национализма и шиизма), по чьей инициативе и под чьим покровительством была составлена прозаическая «Большая Шахнаме», послужившая основным источником книги Фирдоуси.

3097—3098 *Рассудок утративших, тех, что в цепях,* / *Держал Нушрван,* ***рассудительный*** *шах.*— В ориг. игра слов: *Тех, кто из* ***оков*** *разума вырвался,* / *И* [*потому*] *в темнице Нушрвана* ***закован*** *был.*

Крепость-тюрьма в окрестностях Гунди-Шапура упоминается у Феофилакта Симокатты; он называет ее юдолью несчастия, куда «заключаются те, кто попадает в сети царского гнева, будь то его подданные или военнопленные» (Ф. Симокатта, кн. III, гл. V, 1). По Бал'ами в тюрьме Кесры Ануширвана содержалось 800 человек, приговоренных к смерти (Бал'ами, с. 161).

3102 *Духовным ли званием облечены...*— в ориг. sūkūbā — епископ, и jāseliq — из греч. «католикос» — патриарх, иногда епископ. Значение слова «джаселик» в «Шахнаме» очень неопределенно. Иногда это — монах, отшельник (ШН, V, стихи 7859—7860), иногда джаселики выступают как участники военных действий Византии, иногда упоминаются в связи с описанием осады города и установки осадных орудий. (В Словаре Ягелло зафиксировано значение «инженер», в «Му'джим ал-васит» — «воинское звание».) Может означать и христианина вообще.

3105–3108 Перестановка бейтов.

3115 Досл.: *Весь город из-за него наполнился грешниками.*

3137 Досл.: *Хранителя Солнца, Сатурна и Луны.*

3155–3162 *Разверзни земля бездну тайн роковых / ... / Узрели б: владык ее полы полны /.../ В объятьях — немало ученых мужей,/За пазухой — толпы красавиц у ней..* — Эти образы повторяются и в поздней поэзии, например, у О. Хайяма: О земля, если грудь твою рассекут, / Немало жемчужин драгоценных в груди твоей [найдут].

3283–3286 *А что до марзбанов иранских, что с ним / Шли вместе...*— Прокопий Кесарийский пишет, что многие представители знати были недовольны разорительными войнами Хосрова, называли его «губителем народа персидского» и пытались восстать против него (Войн. гот., VIII, 7).

3312 Вариант Калькуттского издания. В основном тексте: *Ибо фарр сына — венец над моим челом.*

3313 *К письму приложили цареву печать.*— Каждый документ, выходивший из царского дворца, скреплялся соответствующей печатью. Мусульманский историк Балазури, пересказывая Ибн аль-Мукаффу, пишет, что сасанидские цари для разного рода документов имели особые печати: печать для тайной канцелярии, писем, судебных дел, дарственных грамот и дел, связанных со знатью, для финансовых документов (N.-T., с. 354).

3329–3331 Досл.: *Все джаселики и батрик Рума, / ... /, Сипехдар-шаммас — впереди.*— Перечисленные духовные чины церковной иерархии осмысляются здесь скорее как какие-то воинские звания у христиан. О значении слова «джаселик» см. примеч. 3101. *Батрик* — патриарх, но может означать еще и «патриций» (в арабской графике это слово записывается без гласных — btrq). Бируни указывает, что те «кто боится сходства этих двух наименований, называют духовного владыку „ба́трак“» (Бируни, с. 319, 320). В значении «патриций» употребляет это слово и арабский географ IX в. Ибн Хордадбех, говоря: «В ар-Руме 12 батриков... Шестеро из них находятся в Константинополе при дворе деспота, а шестеро — в провинциях...» (Ибн Хордадбех, § 56а). Слово šammās — дьякон, встречается в ШН еще два раза, в обоих случаях в контексте клятвы — шаммас входит в число святынь, которыми клянутся христиане (христианами считаются все румийцы, например, Искендер — Александр Македонский, живший за 300 с лишним лет до н. э., тоже выступает как христианин). При этом в некоторых рукописях даны такие варианты, как «клянусь шаммасом-богатырем» или «шаммасом семидесяти богатырей». В этот ряд вполне вписывается, хотя бы внешне, независимо от внутреннего смысла, и сипехдар-шаммас — предводитель войска христианина Нушзада.

Существует и другое предположение, высказанное Н. В. Пигулевской, согласно которому слово jāseliqān, «джаселики», должно быть прочитано в единственном числе, а *батрик* — это имя Патрикий, т. е. греческий или сирийский перевод слова *аба* — «отец»; т. о. выражение «джаселики и батрик» прочитывается как «католикос Патрикий» — переведенное «католикос Аба» — патриарх несториан Персии (Пигулевская, 1952, с. 9).

3345 *Христианскую рать* — досл. «румийских джаселиков».

3355 *Ты веру царя Кеюмарса отверг, / Хушанга завет, Тахмураса отверг.*— Вошедшие в Шахнаме рассказы об этих первых трех царях, повелевавших всем миром, восходят к мифологии Авесты. Правление каждого из этих царей знаменовало определенную ступень в развитии человечества, как это представляла иранская мифология.

Кеюмарс — авест. Gayō. marətan, «смертная (подверженная смерти) жизнь» (ср.-перс. Gayōmart) — первоцарь-первочеловек (мусульманская традиция впоследствии стала отождествлять его с Адамом), родоначальник всех последующих царей. Он научил людей одеваться в звериные шкуры, и с тех пор люди начали «постепенно умнеть». Сын Ахримана, Черный див, ненавидящий все доброе, убил сына Кеюмарса, Сиямака. Когда подрос *Хушанг*, внук Кеюмарса, они вместе с войском, состоявшим из людей, зверей и добрых духов, победили воинство Ахримана, состоявшее из всевозможной нечисти, и убили Черного дива. Хушанга (авест. Haošyangha, ср.-перс. Hōšang) называли pīšdād (приблизительный перевод — основоположник справедливости [закона]) и от него пошла династия пишдадидов. Хушанг дал людям кузнечное ремесло, искусственное орошение (каналы), земледелие, им был открыт секрет добывания огня и установлен праздник огня — Саде. *Тахмурас* — авест. Тах-

mo-urupa («мощный»), сын Хушанга, носящий титул dēv-band («связывающий дивов»), научил людей прясть и ткать, заложил основы скотоводства, одомашнил некоторых животных и птиц — кошку, собаку, кур, петуха, сокола; Тахмурас победил в бою войско дивов, и они, откупаясь от окончательного уничтожения, открыли ему тайну письма. Сыном Тахмураса был Джамшид (см. примеч. 112).

В «Шахнаме» не раз подчеркивается, что эти цари изначально исповедовали «истинную веру», впоследствии провозглашенную Заратуштрой (см.: ШН, I, с. 29, 608).

3357–3362 *Исой был отвержен пречистый Йездан / За то и повержен вводивший в обман. / Тот может ли вере людей научить, / Кто сам был не в силах себя защитить!* — *Иса́*, в ориг. masīh — Мессия, но употребление имени Иса (Иисус в мусульманской традиции) также правомерно, поскольку оно несколько раз встречается в других отрывках «Шахнаме». Последние два стиха — досл.: *Имея учителей веры, / Не ищи веры у того, кто своего дела не умеет осуществить.* По замечанию Т. Нельдеке, приведенная здесь антихристианская полемика носит чисто зороастрийский, а не мусульманский характер — здесь говорится, что мессия обманывался и обманывал и за это был убит, тогда как ислам слишком высоко ценит Христа, чтобы обвинять его в заблуждении и по этой причине не почитать его крестную смерть (N.-T., с. 469).

3398 Досл.: *Немало тяжких вздохов изойдет из твоей печени.*

3417–3418 *В бой ринулся вождь. Что небесный огонь/Навстречу противнику мчал его конь.— Вождь*, досл. сипехбед, т. е. Нушзад; *небесный огонь* — в ориг. Азергошасп, зд.— божество огня и молнии.

3419 Досл.: *Напал на левое крыло иранского шаха.*

3447–3448 Досл.: *Не нужно дахмы и трона и долгих трудов* [*страданий*], / *По закону Мессии сделай* [*мне*] *могилу.*— Долгие труды или страдания (употребленное здесь слово ranj имеет оба эти значения) может означать месячный траур, а, возможно, и длительную зороастрийскую процедуру погребения, результатом которой было очищение от мяса костей умершего, помещаемых затем в остадан — небольшой глиняный гробик. Захоронение в земле, обычное для христиан, не допускалось зороастрийским вероучением, по которому соприкосновение с трупом осквернило бы землю — одну из четырех священных стихий.

3460 Досл.: *Голову его держит в объятиях румийский епископ.*

3467–3468 *Как чин христианский велит, облачить / Должна и в земле ему дать опочить* — досл.: *Мать саван пусть сделает, могилу и накроет его голову, / Остадана не приказал* [*делать*], *ни мускуса, ни амбры.*— Ср. с предсмертными распоряжениями Хосрова Ануширвана (стихи 10611–10648).

3467–3470 Перестановка бейтов согл. Калькуттскому изданию.

3481 *Табут* — носилки, на которых тело умершего доставляется к месту погребения.

3501–3504 *Вина золотого спроси, коли есть / Не должен ты радость греховною счесть / ... / Недолжного я не сказал, не дивись!* — Мусульманское вероучение запрещает употребление вина.

3505 *Коль сердце любовью к Али зажжено...— Али бин Аби-Талиб* — двоюродный брат и зять основателя ислама Мухаммада, четвертый мусульманский халиф, объект особого поклонения шиитов. По шиитским воззрениям, законными халифами могли быть только потомки Али.

Шиизм, испытавший влияние зороастризма, стал официальной религией Ирана в XVI в., а до тех пор обычно рассматривался как ересь. Хотя вопрос о религиозном мировоззрении Фирдоуси сложен и до конца не выяснен, многие отрывки из «Шахнаме» свидетельствуют о его шиитских симпатиях. Об этом же говорит и автор XII в. Низами Арузи Самарканди; по его словам, Фирдоуси был еретик-рафизит (название одной из мусульманских сект, которое во времена Арузи часто переносилось на шиитов крайнего толка) (Арузи, с. 80, 81, 152), и якобы за это султан Махмуд заплатил оскорбительно мало за его поэму (см. след. примеч.).

3509 *Махмуд-владыка* — Фирдоуси рассказывает, что, завершив работу над книгой (установлено, что первая редакция ШН была закончена в 994 г.), он около 20 лет искал правителя, способного по достоинству оценить и оплатить труд его жизни (ШН, IV, с. 126). К 1010–1011 гг. была составлена вторая редакция, посвященная Абу-ль-Касиму Махмуду, султану Газневидскому (970–1030), объединившему к 999 г.

под своей властью земли «Ирана и Турана». До нашего времени сохранилась именно эта редакция (в списках, наиболее ранний из которых относится к XIII в.), содержащая основное посвящение и несколько вставных отрывков — около 200 бейтов.

Эти отрывки отличаются высокой поэтической техникой и отвечают всем требованиям, предъявлявшимся к придворной панегиристической поэзии: в изысканных образах, с использованием сложных стилистических приемов здесь воспеваются победоносные войны и могущество султана, процветание земли под его властью, всеобщая к нему любовь, милосердие, справедливость и щедрость правителя. Но, очевидно, эти традиционные восхваления звучали не слишком убедительно рядом с вдохновенными рассказами о древних царях и героях и не должны были произвести особого впечатления на фоне бесчисленных хвалебных од, специально посвященных султану и принадлежавших перу его блестящих придворных поэтов. Кроме того, возможно, выглядели не совсем уместно пожелания Фирдоуси султану Махмуду (ярому борцу за ислам, декларировавшему свою проарабскую направленность и верность халифату) учиться «знанию и вере» у древних мудрецов Ирана (ШН, IV, с. 311) и обещание, что имя Махмуда будет увековечено благодаря его причастности к «Книге царей» (ШН, III, с. 350).

Предсказание Фирдоуси по своему оправдалось: имя султана Махмуда до сих пор прочно связано с именем поэта, как писал в XV в. Джами: *Ушли блеск и слава Махмуда, теперь / Что знаем о нем? — Что не смог он оценить Фирдоуси!*

По известному преданию, использованному Гейне в балладе «Поэт Фирдуси», султан заплатил ничтожную плату за заказанную им и ему посвященную поэму, поэт тут же роздал эти деньги (банщику и т. п.), после чего написал против султана уничтожающую сатиру, бежал из Газны, скитался на чужбине и, в конце концов, умер на родине, в забвении и нищете; его погребальные носилки выносили из города в тот самый день, когда в другие ворота входил караван с дарами от султана, наконец оценившего его по достоинству. Таким сохранила образ Фирдоуси народная память.

Несмотря на доказанную современными исследованиями историческую несостоятельность этой легенды, главное в ней передано верно: поэма Фирдоуси с ее воспеванием былого величия Ирана, подвигов предков современных ему иранцев, антитюркской направленностью, прохладным отношением к арабам и призывом к объединению иранских народов, с ее идеализацией дихканства и старых иранских обычаев не могла быть положительно принята при дворе султана. См.: ШН, I, с. 493–504.

3513 [*Сон Нушинравана и появление во дворце Бузурджмехра*] — В этой главе в действие вводится Бузурджмехр — великий мудрец и советник Ануширвана. Бузурджмехр столь же, если не более, популярен в персидской, арабской и сирийской литературах, что и сам Ануширван, и в тех рассказах, где они фигурируют вдвоем, сравнение часто бывает не в пользу последнего. Эти черты мы находим и у Фирдоуси. Бузурджмехру — герою множества притч и рассказов, посвящена обширная дидактическая литература, но в собственно исторической традиции он почти не появляется, что заставило таких исследователей, как Нельдеке и Кристенсен, сомневаться в исторической реальности этого лица, а акад. Бартольда — категорически ее отрицать. В. В. Бартольд считал, что Бузурджмехр, идеальный министр, правдолюбец и учитель жизни — типичный для восточной литературы образ, без которого не может обойтись эпос (Бартольд, VII, с. 402).

Бузурджмехр фигурирует и в ср.-персидских источниках — это «Книга о шатранге» (см. примеч. 6884), «Наставления Вазург-михра Бохтагана» (см. примеч. 6425); сохранились и краткие назидания Вазург-михра Ануширвану в арабском переводе.

3523–3524 *Однажды в ночи почивал Нушинран,/Кто счастьем* ***недремлющим*** *был осиян.*— Досл.: *Однажды ночью* ***спал*** *шах Нушинран,/Разумом* ***старец, бодрствен,*** *счастьем* ***молод****.*— Этот бейт построен на противопоставлениях: *Разум* шаха *стар* (т. е. мудр) — *счастье* (судьба) *молодо*; шах *спит* — но он же является всегда *бодрствующим*, «бодрствует разумом и духом». Ср. со стихами 3623—3624 (*О царь Нушинран, ты вкушаешь покой / А счастье не дремлет над царской главой*) и 4712.

3541 *Главный мобед* — досл. «главный толкователь снов».

3564 Досл.: *Увидел некоего мобеда с Зендом и Авестой.*— Впервые запись Авесты была осуществлена в середине VI в., для чего был разработан специальный (т. н. «авестийский») алфавит, содержавший 46 знаков и позволивший точно передать звучание авестийских текстов, до тех пор сохранявшихся в устном предании. Текст

Авесты, как правило, сопровождало толкование — zand, написанное ср.-персидским алфавитом; термины «Зенд» и «Авеста» обычно употребляются вместе, что послужило причиной образования в европейской литературе выражения «Зенд-Авеста».

3565–3566 *Сердито, не переставая, кричал,/Тот старец — он Зенду детей обучал...*— досл.: *Мальчиков обучал он Зенду/Резко, сердито, с громким криком.*— Пехлевийский (ср.-перс). алфавит, которым был написан Зенд (см. предыдущ. примеч.), был крайне сложным для изучения. Запутанность и многозначность пехлевийского письма приводили к тому, что многие тексты можно было понять, лишь зная заранее, что в них написано. Поэтому для обучения грамоте тексты заучивали под руководством учителя наизусть, при этом слова повторяли по многу раз, громко, с усилием, помогая себе движением шеи (см.: J. B. Chabot. Histoire d'Jésus-Sabran; цит. по: Пигулевская, 1950, с. 41).

3607–3618 *Вдруг видит — большая змея приползла,/Стянула платок с молодого чела,/Обнюхав всего от макушки до пят,/На дерево тихо вползает назад/.../Высокая ждет его честь у царя.*— Отношение к змее в доисламской традиции было неоднозначным. Авеста и другие религиозные книги зороастрийцев считают змей, так же как лягушек, крыс, муравьев и пр., порождением злого духа, дурными животными; говорится, что, убивая змей, можно заслужить прощение грехов. Еще Геродот в V в. до н. э. писал, что маги считали «великой заслугой уничтожать муравьев, злых (вредных) пресмыкающихся и летающих животных» (Геродот, II, 140). Но, при этом понятие «змея» может нести в себе и совсем другую символику, уходящую корнями в древнее индоевропейское змеепочитание. Благодаря змее, например, царь Хушанг (см. примеч. 3355) открыл и передал людям секрет добывания огня (ср. с преданием, по которому искусство письма люди получили от дивов):

Вдруг видят: несется к нам издали змей,
Длины небывалой и ночи темней.
Глаза — что кровавые омуты. Тьму
На землю нагнал он: все в черном дыму.
Не дрогнул Хушанг, быстроумный герой;
Он, камень схватив, бурно ринулся в бой;
Взмахнул им во всю богатырскую мочь;
Отпрянуло чудище, кинулось прочь.
Ударился камень о крепкий гранит —
Гранит раскололся и камень разбит.
И брызнул огонь из осколков камней.
Стал темный гранит багряницы красней.
Дракона могучий Хушанг не настиг,
Но тайну огня разгадал он в тот миг.
Железом в кремень ударяют с тех пор,
Чтоб искра, сверкнув, разгорелась в костер.
(ШН, I, с. 29)

Легендарный царь Фаридун даже принимает обличие дракона, чтобы испытать достоинство и храбрость своих сыновей (ШН, I, с. 96).

Люди верили, что змея входит в число существ, через которые передается воля судьбы. Бируни в своих «Памятниках минувших поколений» приводит таблицу, где про каждый день месяца говорится, каким его считали персы — счастливым или несчастным — и что означало увидеть в этот день змею (Бируни, I, 246–249). Например, встретить змею в день Хормозда до полудня сулило царскую власть; в день Исфендармазд — честь и добрую славу, в день Асман — обвинение во лжи, а в Замиад — несчастье, касающееся семьи.

Таким образом, эпизод со змеей мог иметь вполне определенный смысл, непонятный нам, но очевидный для современников.

3662 По Калькуттскому изданию. В осн. тексте: *Толкователя сильным сочли.*

3698 По Калькуттскому изданию. В осн. тексте: *Конем и одеяниями сердце не обрадовал.*

3701 *Велит его имя в диван занести.*— *Диван* — зд. список.

3703 Досл.: *Обратил к нему лицо вращающийся небосвод.*

3709–3710 *Имел при дворе умудренных мужей,/ В науке любой искушенных мужей.*— Досл.: *Во дворце мобедов он имел,/В каждой области знания мудрецов он имел.*

Приблизительное представление о характере этих знаний может дать отрывок из книги арабского писателя VIII в. Абу Усмана ибн Бахра Джахиза «Приметы и поверья» (изд. текста и перевод К. Ипостранцева): При дворе сасанидских шахов было «большое количество разного рода мудрецов, ученых, математиков, астрологов, заговорителей, заклинателей, переводчиков, (лиц), дающих решения и приговоры (относительно разного рода вопросов), познающих будущее, физиономистов. Они предсказывали им, что случится в этом году и что постигнет их. И сообщали они о том, что случится в каждый день, каждый месяц, весь год. Они утверждали, что знание этого (происходит) от семи планет и двенадцати знаков зодиака, от восхода восходящей (звезды) и захода нисходящей высоты ее и низкого положения. Они говорили: все, происходящее на земле,— движение и покой, противуположение и соединение, совпадение и разделение, находится в зависимости только от движений на небе, противуположения и соединения звезд, восхождения счастливой и нисхождения несчастной ⟨...⟩ И решали они согласно с тем, что видели и слышали, гадали и разбирали в разного рода вещах, обстоятельствах и событиях, в слушании речи или крике птиц, или падении камней, или шуме деревьев, или встрече с животными. И выводили они решения по признакам членов людей и животных, по изучению содрогания артерий или чего-нибудь другого в теле ⟨...⟩ по жребию, волхвованию и гаданию, приведению в виде доказательства прошлого или будущего и тому подобному. Все обсуждавшие дело или устанавливавшие решение, касалось ли это прошлого или будущего, записывали его и преподносили царю. Царь же, посмотрев его, отдавал в свою тайную сокровищницу» (Джахиз, с. 29—30).

3857–3858 Досл.: *Если гора его* [*шаха*] *приказом пренебрежет,/ Сердце ее назовем наглым, а мозг — легковесным.*

3861 По Калькуттскому изданию. В основном тексте: *Глава венценосца — под властью.*

3869–3870 *В неделю вторую дух светлый царя/Вновь с мудрыми встречи возжаждал...*— Джахиз пишет, что дела и занятия сасанидского двора были распределены по дням недели, например, цари «делали большое собрание и важное заседание и поручали ответственное дело важному человеку — в субботу; затем, садились для судебного разбирательства, оказывали справедливость обиженному и справлялись с законодательными книгами — в пятницу ⟨...⟩ И царь наблюдал, чтобы каждый день недели проходил согласно распределению» (Джахиз, с. 142, 143; ср. стих 4057).

3884–3885 Досл.: *Спросил его о божественной воле,* qazā, *и судьбе* [предопределении], qadar: */ В чем состоит суть* [*этих понятий*]*?*

3891 *Достоинства* — в ориг. hunar — те качества и навыки, которые человек приобретает вследствие воспитания и обучения, его реализованные таланты. В переводе передается обычно как доблести, искусность, просвещенность.

3895–3896 *Бесплодно с решеньем судеб не борись,/Его не изменишь ты, сколько ни тщись.*— По зороастрийскому мировоззрению, ни сила, ни разум, ни знание не могут победить судьбу, с их помощью можно только помочь быстрее осуществиться ее добрым предначертаниям или с достоинством принять дурные. Ср., например, в «Меноге Храт» (вопр. 60): «Муж ленивый и невежественный и злой, когда судьба делается ему помощником, лень его становится — как усердие, невежество — как знание, порочность — как добродетель. А муж знающий и достойный и добродетельный, когда счастье (судьба) ему враждебно, знание его превращается в безрассудство и глупость, а благородство (достоинство) — в невежество.

4033–4034 *По смерти он имя отца сбережет,/ За то его сыном мудрец и зовет...*— Досл.: *После смерти он имя его* [*отца*] *сохранит,/Поэтому сыном называет его наставник* (мудрец).

Рассуждение основано на ложной этимологии, считающей н.-перс. слово pisar (записывается psr) — «сын», производным от pas (записывается ps) — «после, за» (сын — тот, кто *после* отца). На самом деле pisar восходит к протоиранскому puθra (ср.-перс. pūs).

4717–4718 *«Зех!» — скажет владыка, и явится тут/Дар царский — четыре сумы принесут.*— Zih — «браво!», «слава!» — из ср.-перс. ziyā — «живи!» (ср. стих 4723); *сума* — badra, кошель с серебром (у Бируни это — кошель с 10 тыс. дирхемов).

Этот обычай сасанидского двора (тот, кому шах скажет zih, получает определенное количество серебряных монет) описан и в ср.-персидской, и в мусульманской литературе, ср., например, «Книгу о шатранге» (примеч. 6885), где шах, воскликнув трижды «Ziya!», приказывает дать Вазургмихру 12 тыс. дирхемов, и «Сиясат-наме» Низам-аль-Молька.

4727–5014 [*Сказ о Махбуде, везире Нушинравана*] — По замечанию Т. Нельдеке, в этом рассказе узнается история о Мебоде (который, будучи еще при жизни Кобада сторонником Хосрова Ануширвана, способствовал назначению его наследником престола) и Завергане, рассказанная Прокопием Кесарийским: «Впоследствии Хосрой умертвил и Мебода, по следующей причине: быв некогда занят важными делами в присутствии Завергана, царь велел ему призвать Мебода. Заверган, который был в ссоре с Мебодом, пришел к нему в такое время, когда тот устраивал подчиненных ему воинов, и объявил ему повеление царя. Мебод отвечал, что он последует за ним тотчас, по окончании дела, которым был занят. Но Заверган, побуждаясь враждою к тому, донес Хосрою, что Мебод не хочет идти к нему теперь, отзываясь занятиями. Хосрой, прогневавшись, послал одного из своей свиты объявить Мебоду повеление, чтобы он пошел к треножнику. Я объясню, что это значит. Пред царским дворцом во всякое время стоит треножник. Когда кто из персов узнает, что царь гневается на него, то ему не дозволяется укрыться ни во храме, ни в каком-либо другом месте; он садится у этого трепожника и ожидает решения царского. Никто не должен стеречь его. Мебод, в самом жалком виде, сидел у этого треножника несколько дней, пока, по приказанию Хосроя, был взят и убит. Такова была награда за оказанную им Хосрою услугу!» (Войн. перс., I, 23).

4741–4742 [*Кесра*] *У мудрых и знающих знанья искал,/Без устали знанием ум просвещал.*— Мнение об Ануширване как о мудром просвещенном правителе было широко распространено. Например, Иоанн Эфесский в своей «Истории» пишет: «Нет ничего неподобающего в том, чтобы написать и сообщить о жизни и смерти Хосрова, царя персов, хотя он маг и враг (нам). Как свидетельствуют его дела, он был осторожным и мудрым и усердно в течение всей своей жизни изучал философию. Как говорят, у него была забота собирать книги всех религий. Он их читал и все обдумывал, чтобы знать, какая из них лучше» (цит. по: Пигулевская, 1960, с. 307, 308).

4761–4763 *Как только свершал он священный земзем,/ Приняв от мобеда барсам перед тем,/ Из рук лишь Махбудовых пищу вкушал.*— Во время еды праведные зороастрийцы не должны были разговаривать, «чтобы не оскорбить Хордада и Амордада» — духов-хранителей воды и растительности (Меноге Храт, вопр. 7). Поэтому благословение пищи, благодарение после трапезы и все разговоры, происходившие между этими двумя молитвами, совершались «в земзёме» (см. примеч. 2570). Бируни пишет: «Совершать замзаму (означает) говорить под нос, а не внятными словами. Дело в том, что когда персы молятся, ⟨...⟩ они при этом принимают пищу. Поэтому они не могут ясно говорить во время молитвы, и (только) бормочут и делают знаки, но не говорят (как следует)» (Бируни, с. 230).

4773 *Хаджиб* — арабский эквивалент персидского sālār-i bār (см. примеч. 865) — царедворец, распорядитель царского приема (ср. 4853).

4827 *Шабистан* — женская половина дома, то же, что мусульманский «гарем» — часто встречается у Фирдоуси. В ориг. равнозначное выражение: pas-i parda, досл.: «за завесой».

4853 *Саларбар* — зд. хаджиб Зарван.

4876 *Шанбалид* — полевой шафран.

4896, 4899, 4907 *И знаки Махбудова видит тавра... / ... / Скорбел, вспоминая слугу своего / ... / В печальную думу свою погружен...*— Перевод точен по смыслу, однако в оригинале есть второй план, который трудно передать в русском переводе. Душевное состояние шаха, переданное словами «скорбел», «печальные думы» обозначено в оригинале как dāγ-dil, что имеет словарное значение «опечаленный потерей любимых». Если сделать с этого слова перевод-кальку, получается — «с тавром на сердце». Таким образом, все три стиха объединены словом dāγ, сначала в специальном значении «тавро» (знак, выжженный раскаленным железом, сообщающий о принадлежности коня определенному лицу), затем во всем объеме своего значения: клеймо, рана, скорбь о потере близких. Весь же образ раскрывается приблизительно так: шах увидел клеймо, выжженное на конях убитого им (шахом) Махбуда, который, тем не ме-

нее, был дорог его сердцу; скорбь прожгла сердце шаха, и на нем остался неизгладимый след – клеймо печали о нем; шах двигался дальше со своим войском, а его сердце, на котором стояло теперь клеймо скорби, принадлежало памяти Махбуда.

5015 Рассказ о строительстве города Сурсан является, по предположению Т. Нельдеке, одним из вариантов истории создания города Вех-Антиох-Хусрау (см. стих 2886 и соотв. примеч.).

5059 *Нимруз* — зд. Систан.

5083 *Сур* — букв. «пир», «празднество». Суристан — персидский перевод Bĕth-Aramajĕ.

5093 [*Война хакана чинского с хайталами*] — Фирдоуси дает свою версию событий, происходивших в середине VI в. Хакан Чина, стремясь к союзу с Ануширваном, отправляет к нему посольство с дарами. Хайталы (эфталиты), не желая допустить этого союза, перехватывают послов. Хакан нападает на царя эфталитов, убивает его и завоевывает его земли, граничащие с Горганом. Встревоженный Ануширван приходит с войсками в Горган. Хакан собирается напасть на Иран, но, переубежденный своими советниками, вновь отправляет посольство с подарками и письмом, в котором хвастливо рассказывает о своей победе. Послы, вернувшись к хакану, рассказывают ему о могуществе шаха, и тогда хакан предлагает ему в жены свою дочь.

К рассказу Фирдоуси ближе всего Табари: хакан сначала победил эфталитов, и завоеванные племена сообщили ему, что «персидские цари ограждались от их нападений посредством отступных денег ‹...› Тогда хакан выступил со стотысячным войском ‹...› и приказал сказать Хосрову угрожающе и высокомерно, чтобы тот послал ему деньги», а завоеванным племенам – возмещение, которое они получали до его прихода к власти. В случае отказа хакан угрожал завоевать земли Ануширвана и захватить его самого. Ануширван не обратил внимания на требования хакана, и тот, узнав, что Ануширван надежно укрепил свои границы, вернулся назад (N.-T., с. 158).

У Бал'ами (Бал'ами, с. 154) последовательность событий другая: Ануширван «захотел отправиться в Балх и убить царя эфталитов, который убил Фируза, и завоевать Тохаристан и Гарчистан; а земля Балха была рядом с землей тюрок, между Ануширваном и хаканом была дружба. Сперва он прислал посла к хакану посватать его дочь и много израсходовал, чтобы привезти ее. Потом через год написал ему письмо и попросил у него войско для войны с эфталитами; хакан прислал большое войско, они окружили войско эфталитов, [Ануширван] убил царя эфталитов, разграбил его сокровища, разорил царство и ушел в Туркестан. Потом вернулся в свое царство».

5098 *Чина хакан.– Хакан* (иначе каган) – титул правителей Восточного или Китайского, Чинского, Туркестана, называемого здесь Чином (занимал приблизительно территорию современной Монголии и Сев. Китая). По Табари, имя упоминаемого здесь хакана – Синджибу, по Прокопию Кесарийскому – Сильджибу. Ибн Хордадбех, географ IX в., упоминает сочетание «Синджибу-хакан» при перечислении титулов различных тюркских владык (Ибн Хордадбех, § 20).

5101 *С казною и войском, исполненный сил / Он в Гользариюне, за Чачем царил.*– По Табари, хакан Синджибу был самым могущественным из всех тюрок и имел бесчетные войска (N.-T., с. 158). *Чач* – зд. р. Сырдарья, может означать также и область, центром которой был город с одноименным названием (современный Ташкент). *Гользариюн* — зд. область, входящая в состав области Чач (может означать также р. Сырдарью), ср. примеч. 5163.

5126 *Нисар* – монеты, разбрасываемые во время празднеств, торжественных въездов и т. п.

5127 *Аржанг* – книга, содержавшая изложение космологического учения Мани, который, по преданию, сам написал ее и украсил прекрасными миниатюрами. Известно, что еще в XI в. она хранилась в казне газнийских правителей, но до наших дней не сохранилась.

5133 *Той рати Гатфар предводителем был* – Ġatfar – имя царя эфталитов, упоминаемое только у Фирдоуси, сохранилось в языке – так назывался один из старых кварталов Самарканда.

5158 *Арджаспа и Афрасиаба сыны.– Афрасиаб* (ШН, I–III), *Арджасп* (ШН, IV) — мифологические цари Турана, враждовавшие с Ираном. Ср. примеч. 6177.

5163–5164 *Так войском наполнился Чача предел,/Что Гользариюн, как цветник, заалел.*— Зд. *Чач* — область, а *Гользариюн* — р. Сырдарья (см. примеч. 5101).

5177 *Май, Мург — Маймург*, княжество в Согде, прибл. 8 км южнее Самарканда.

5500 *Фагфур*, арабизированное baγpūr, букв. «сын бога» — перевод с китайского титула «сын неба»,— китайский император.

5511 *Мачин* — Индокитай, Дальний Восток.

5534 Досл.: *Трон бирюзовый, подобный Нилу.*— Слово nīl имеет двойное значение: река Нил и цвет индиго.

5539 *Барда*, Barda', Berda'a — арабское название (из ср.-перс. Partav) города вблизи впадения р. Тертер в Куру; был центром области Арран; развалины его сохранились около селения Барда, недалеко от Кировабада.

5542 *Весь мир между Солнцем и Рыбой-китом* — досл.: *В чьем владении* [*весь мир*] *от Солнца до спины Рыбы* (см. примеч. 2410).

5595 *Калям* — тростниковая палочка, специальным образом заточенная, служащая для письма.

5670 *А длань его щедростью Нилу равна.— Нил* — широкая полноводная река, источник процветания земель, по которым он протекает, служит в классической персидской поэзии символом щедрости.

5677 *На троне он благословенный Соруш.— Соруш*, ср.-перс. Sraoša — божество послушания (противопоставленное бесу гнева и бесчинства aēšma), одно из главных в зороастрийском пантеоне. Сравнение основано на приписываемой ему особой светоносности: по верованиям зороастрийцев, описанным Бируни, Соруш трижды в ночь «поднимается в воздух, чтобы прогнать джинов ⟨...⟩ Когда он поднимается, то освещает ночь ⟨...⟩ При одном из этих трех взлетов встает заря» (Бируни, с. 230). В исламе Соруш отождествляется с Джебраилом — архангелом Гавриилом (ср. 14093, 18326).

5767—5770 Соответствует двум строкам оригинала.

5845—5846 *Посла, чтоб затворницам было под стать / Сияющих лиц от него не скрывать.*— Досл.: *Чтобы наши закрытоликие / От него лика своего не закрывали.*— Зд. обыгрывается буквальное значение слова pūsīda-rōy — «с закрытым лицом», т. е. дама из знатного рода, живущая в закрытой женской половине дома.

5906 *Дворец светоносного Мехран-Ситад / Покинул в день благословенный — Хордад* — вторая строка в M: *при благоприятных знамениях и в день Хордад*. День *Хордад* считался особо благоприятным для начала путешествия, если в этот день увидеть змею (Бируни, с. 247).

5931 *Царица* — в ориг. xatūn, тюркское «царица», «госпожа».

5956 *И в мускусном божьем венце голова,*— т. е. на голове нет другого венца, кроме природных волос, черных и благоухающих, как мускус (ср. стих 1052).

5985 *На троне простом* — досл.: «*на троне из саджа*», т. е. дерева тик.

5996 *Таблицы Рума* — астрологические таблицы.

6123 *Чанг* — струнный музыкальный инструмент типа гуслей.

6173 *Бамиан* — долина в горах центрального Гиндукуша, через которую проходил древнейший путь из Средней Азии в Индию.

6177—6179 *Ведь царь Афрасьяб злодеянья творил/Такие, что каждый о сне позабыл. / Но длань Кей-Кавуса на помощь пришла.— Афрасиаб* (его авестийский прототип — Frangrāsiyak, ср.-перс. Frangrāsiyak, Frāsiyāk) потомок Тура, сына Фаридуна — один из главных богатырей, а впоследствии царь Турана (о понятии «Туран» в Шахнаме см.: ШН, I, с. 565, 566). Впервые появляется при царствовании Новзара, убив которого, захватывает иранский престол; затем, побежденный и изгнанный иранским богатырем Ростемом, возвращается в Туран и вскоре наследует царство своего отца Пашанга.

Время правления Афрасиаба по Шахнаме соответствует царствованиям трех кеянидских царей — Кей-Кобада, Кей-Кавуса и Кей-Хосрова, т. е. составляет 310 лет. Войнам и вражде Ирана с возглавляемым Афрасиабом Тураном посвящена значительная часть этих царствований; в конце последнего из них Афрасиаб после поражения Турана безуспешно пытается скрыться и погибает, казненный по приказанию Кей-Хосрова.

6181 *Шло время, и силы набрался Арджасп.— Арджасп*, ср.-перс. Arjāsp, Arjarāsp, авест. Arəjat-aspa — племянник и преемник туранского царя Афрасиаба; напал на Иран, когда царь Гоштасп принял зороастрийскую веру, проповедуемую пророком Зардоштом, и отказался платить Турану дань. Арджасп требовал, чтобы Иран воз-

вратился к вере отцов; он напал на Иран, завоевал Балх, убил жившего там на покое Лохраспа – престарелого отца Гоштаспа. Гоштасп пытался защитить страну, но был побежден и обращен в бегство. Сын Гоштаспа Исфандиар сразился с туранцами, победил их, и, совершив семь подвигов («Семь привалов Исфандиара»), убил Арджаспа (см.: ШН, I, с. 65–195).

6187–6188 *А после Нарси воцарился, и вот / Изведали земли немало невзгод.*– Досл.: *После, когда Нарси стал сипехдаром, / Все марзы наполнились страхом.*– По «Шахнаме», как и по другим источникам, девятилетнее правление Нарси, мирно наследовавшего своему отцу Бахраму III (сыну Бахрама II и внуку Шапура I), не характеризовалось какими бы то ни было значительными особенностями (ШН, V, с. 164–166 и соотв. примеч.). Реальная история этого периода стала известна лишь недавно благодаря исследованию раннесасанидских источников – наскальных надписей, рельефов, монет и т. д. Очевидно, упоминание Фирдоуси о страхе – отголосок исчезнувшей традиции, сохранившей какую-то информацию о бурных событиях конца III в.: в 293 г., после смерти Варахрана (Бахрама) II, брат его отца (Варахрана I) Нарсе, великий царь армян, поддерживаемый царями и вельможами (в основном, западных областей Ирана), совершил вооруженный переворот, захватил трон, по его мнению, незаконно узурпированный прежде его братом Варахраном I и затем племянником Варахраном II, казнил малолетнего Варахрана III и уничтожил многие из враждебных ему знатных родов (Луконин, 1987, с. 156—176).

6193 *Державу отняв у Йездгерда, хакан / Вновь гнетом изгнал благоденствие стран.*– В «Шахнаме», как и в прозаических хрониках, восточные войны Ирана начинаются при сыне Йездгерда I Бахраме Гуре (ШН, V, с. 291–297); эти войны продолжались и при его сыне Йездгерде II.

6267 *В своем паланкине двора бут-ара. But-ārā* букв.– «украсительница кумиров» – «фрейлина».

6279 *Сарудж* – область в сасанидском Западном Иране между реками Евфрат и Балих; сейчас – административный центр Сурудж в обл. Урфа (Турция).

6280 *Прислал меченосцев воинственный Кудж.*– Kūj – горная область на юге Кермана, где жил народ «куфичи» (арабск. «куфс», перс. куджи, гуджи), говоривший на особом языке. Пешие набеги куджей наводили страх на весь Керман и на пограничные округа Фарса и Седжестана. Некоторые исследователи отождествляют эту область с нынешней областью Бешакирд (см.: Бартольд, VII, с. 147).

Допустимо также толкование «кочевники».

6289–6291 *Где б войско владыки владык ни прошло / Убытка и колосу не принесло./Ни пищи не требовал он, ни питья...* Эта черта Ануширвана (приписываемая, впрочем, и Ардаширу I), часто подчеркивается в кл.-перс. литературе, например, в «Голестане» Саади:

«Во время охоты для Нушинравана справедливого набили дичи, а соли не было. Один из рабов отправился за солью в деревню. Нушинраван сказал: Заплати за соль, чтобы это не стало обычаем и деревня не пришла бы в разорение. Спросили его: Что за вред от такой малости? Сказал: Начатки несправедливости в мире были очень малыми, каждый вновь приходящий добавлял к ним что-нибудь, покуда дело не дошло до теперешнего состояния» (Голестан, с. 36, 37).

6336 *Не войско в пути – а гора Бисотун.*– *Гора Бисотун* – массивная скала у дороги из Хамадана в Тайсафун (Мадаин), по которой проходило войско Ануширвана. На этой скале высечены знаменитые клинописные надписи Дария I («Бехистунская надпись»), рассказывающие о его вступлении на престол.

6351 Досл.: *Обновился в мире Изедов фарр.*

6368 *Саклаб* — *из* Σκλαβῖνοι, арабское название земли славян (русов), т. е. территория Восточной Европы, граничившая с Туркестаном на юго-востоке.

6369–6372 Соответствует одному бейту оригинала.

6377–6378 *Сказал бы, что тучи сок розовый льют, / Забыл о недугах и лекарях люд.*– Сок лепестков красной розы, gulāb, был одним из известнейших лекарственных средств.

6384 *Сорайя* – арабское название созвездия Плеяд.

6407–6418 Законы Ануширвана часто упоминались в персидской и арабской литературе. Какие-то сведения о них дошли и до китайских хроник: «(у персов) по уголовным законам за важные преступления вешают на жердях и умерщвляют из лука

стрелами; за менее важные вины сажают в заточение и освобождают по вступлении нового государя на престол. За легкие вины отрезывают нос, отрубают ноги, обривают голову или остригают полбороды и на шею вешают табличку, чтобы стыдить. Разбойников и воров наказывают пожизненным заточением. Прелюбодеяние с женою дворянина наказывается ссылкою мужчин и отрезанием ушей и носа у женщины» (Бичурин, II, с. 262).

6425–6884 [*Наставления Бузурджмехра Нушинравану*] — Дидактические отрывки «Шахнаме» – наиболее трудные для понимания и перевода: к афористичности и лаконизму языка Фирдоуси, соединенным с семантической, синтаксической и графической многозначностью языка классической персидской поэзии, прибавляется еще и отсутствие контекста, облегчающего понимание «темных мест» в сюжетных отрывках. Контекст остается как бы за рамками текста: это весь комплекс «зороастрийской премудрости» позднего ср.-персидского периода (при этом у Фирдоуси выделен, в основном, нравственно-этический аспект вероучения, применимый ко всем людям, а не только зороастрийцам).

Для главы «Наставления Бузурджмехра Нушинравану» эта задача облегчается, поскольку сохранился ее непосредственный источник – это «Ayyatgar-i vazurg-mihr-i Boxtagan» — «Памятные слова Вазург-михра Бохтагана» (текст и персидский перевод изданы Х. Наваби; в его издании приведен также соответствующий отрывок из «Шахнаме»). Кроме того, существует арабский перевод этого ср.-перс. текста, выполненный в X в. известным ученым Ибн Мискавейхом. Фирдоуси точно следует своему предшественнику, им исключены или смягчены лишь немногие специфические зороастрийские моменты, например, указание на необходимость не сомневаться в истинах зороастрийской веры или рассуждение о двух видах разума (ср. примеч. 6565).

В ср.-персидской книге Vazurg-mihr ставит вопросы и сам же на них отвечает, у Фирдоуси вопросы задает царь. Изредка Фирдоуси излагает какой-либо вопрос пространнее, чем в «оригинале», или сводит группу вопросов к одному, но в основном содержание и последовательность вопросов-ответов в обоих произведениях совпадает. Обращение к старшему тексту помогает правильно интерпретировать многие сложные в своей простоте бейты. Для иллюстрации ниже приводится несколько примеров такого сопоставления (стихи 6456–6647).

6442 *Решительно выбрал сражения путь* – досл.: *В сражении душу* [*жизнь*]*свою положил на ладонь.* «Положить голову или душу на ладонь» – не пожалеть головы, быть готовым отдать жизнь.

6456–6464 *Сто лет все ж, не более, каждому жить./Сам станет он прахом, бесплодным весь труд,/ К врагу всех деяний плоды перейдут./ Ни чад не останется с ним, ни дворца,/ Ни войск, ни казны, ни златого венца./ Как только свой суетный путь завершит,/ Так всеми на свете он будет забыт./ Над миром промчится годов долгий ряд,/ Лишь доброе имя века сохранят...*– Зд. объединены два положения из ср.-перс. текста: через 100 лет не станет самого человека, а через 400 придет в разорение и уничтожение его род; «через сто лет сам человек [тело его] будет уничтожен, царство его кончится, а через четыреста лет род его будет рассеян, имя забудется, имущество и родные места придут в запустение и будут осквернены, семья и родичи окажутся в унижении и презрении, труды окажутся бесплодными ⟨...⟩, а царство перейдет к другим царям [того] времени. Невозможно сохранить ничто, принадлежащее этому миру ⟨...⟩ только добрые дела не могут быть отняты» (Вазургмихр, § 2).

6473–6474 Досл.: *Не делай, о владыка, греха, сколько* [*пока*] *можешь,/ Греха, которого стыдится дух.*– Эта мысль – не грешить, пока можешь не грешить —одинаково присуща как зороастризму, так и исламу. В «Памятных словах Вазургмихра» она не входит в число советов, но высказана в несколько иной форме: Бузурджмехр пишет, что всегда стремился «подвизаться в добродетели ⟨...⟩ и не совершал греха, кроме тех случаев, когда грех был вынужден действиями или приказаниями земных владык и царей – здесь у меня не было никакого средства [против этого]» (Вазургмихр, § 4).

6491 *Блажен здравомыслящий – меры залог,/ В нем истинной скромности видим урок.*– По варианту М. В В.-Н.: *Блажен обладатель духовных даров,/ На нем совестливых и чистых покров* (пер. В. Б.). В первой строке в В.-Н.– bartar-maniš,– «высокого образа мыслей»; в М – paymān-maniš, что соответствует patmān-mēnišnēh в § 14 ср.-перс. текста: «Благая мысль – это соразмерное мышление». Н.-перс. paymān,

этимологически восходящее к ср.-перс. patmān зд. выступает не в обычном значении «связь, союз, договор», но в архаическом «соразмерный». Т. о., речь идет об одной из основных добродетелей зороастризма – соблюдении чувства меры, следовании срединным, «царским» путем (ср. след. примеч.). Ср. также стих 9513, где говорится о «соразмерной речи» – paymān-suxun.

6501–6502 *А слово не знающих меры гони – / Для светлой души, что ловушка, они...— Не знающих меры* — перевод по варианту М (стих 2432): *Не слушай слово от мужа с «преувеличивающим мышлением»* — afzūn-maniš. В В.-Н. вместо afzūn — «увеличивающий», «больше» и т. д. afsūn — «хитрость», «уловка»: *«Не слушай слово от мужа лукавого»*. Однако в варианте М «преувеличивающий» как антоним к «соразмерный» (ср. стих 6191) более убедителен.

Склонность к впадению в крайность, утрата чувства меры считалась одной из главнейших духовных опасностей, приводящей к серьезным последствиям. Так, например, заблуждения Кобада у Фирдоуси объясняются тем, что царь, слушая убедительные речи Маздака, «вышел из меры» (стих 1274). Ср. также в «Меноге Храт, вопр. 44/7): «Чем дивы больше всего улавливают людей?– Избытком и недостатком».

Ловушка – вариант М, в осн. тексте – *«злодей»*.

6525–6529 *Алчность*, āz, упоминается в Авесте как один из демонов мужского пола. В средне-персидских сочинениях *Аз* – демон женского пола, воплощение похоти и алчности, растлевающий душу человека так, что он забывает о своем божественном происхождении (Дрезден, с. 359).

Алчность, āz – и *Нужда*, nīyāz – две противоположные крайности. Если āz – ненасытное желание бóльшего, то nīyāz — придание большого значения мелочи, мелочность, скупость, постоянное ощущение нужды, нехватки чего-либо (ср. примеч. 11).

Гнев – xišm, ср.-перс. hešm, aēšma (как предполагается, отсюда – демон Асмодей, евр. 'ašmedaj, греч. 'Ασμοσατος),– гнев, буйство, разнузданность; ему противопоставлен Sraoša – божество послушания. В Гатах (древнейшей части Авесты) aēšma – дух грабежа.

Тщеславие, nang, в ср.-перс.– «позор, бесчестие», в н.-перс. имеет широкий спектр значения, от «позор, бесславие» до «честь, слава, известность». Арабский переводчик перевел это слово как hamiyyat – заносчивость, тщеславие.

Перечень главных бесов: *Алчность, Нужда, Гнев, Зависть, Бесчестие, Месть, Клевета, Двуличность, Нечестие* и *«тот, кто ни к кому не имеет благодарности за добро и не знает Йездана»* – в основном совпадает со ср.-перс. оригиналом (§ 30). Первые шесть названий перенесены в персидский текст без изменений – все эти ср.-перс. слова сохранились в н.-перс. языке. Девятое – *Нечестие*, букв. «нечистая вера», nāpāk-dīn – перевод со ср.-перс. ahrāmōgēh (пазендск. ašmok) – ересь. Кроме того, в ср.-перс. тексте есть еще три названия: похоть, varan, лень (сонливость), būšāsp, которые вовсе отсутствуют у Фирдоуси, и клевета (злословие, сплетня), spazgēh, из которого получилось три: *див-клеветник* (доносчик) — nammām, *двуличный* (лицемер) – du-rōy, и, наконец, на первый взгляд не относящийся к этой группе, который связан с § 41 источника: «Клевета — [бес] самый непослушный» — anispās: *«Тот, кто ни к кому не имеет благодарности / За добро и Йездана не знает»* – Ср.-перс. ispās, послушный, в н.-перс. перешло в sipās «благодарный» (зд.– послушный, верный [царю] в благодарность за добро).

6561–6562 *Что дал повелитель вселенной рабу / Чтоб див не довел до победы борьбу?* – Ср. ср.-перс. текст § 43: «Даятель Ормузд создал несколько духовных стражей для бóрьбы с этими «обманщиками» (точнее — «неправдами», drōg) и для помощи людям». Ниже идет перечень добрых божественных сущностей: врожденный разум, приобретенный разум, нрав, надежда, удовлетворенность [тем, что имеешь], вера и советование со знающими.

6565–6568 *Нам Разум в сражениях с дивами — щит,/Он светлыми сердце и дух сохранит,/Ведь разум слова наставлений сбирал./Накопленным знанием дух укреплял./ Пусть разум душой твоей руководит.*– Первый бейт соответствует в ср.-перс. тексте описанию свойств «врожденного разума» – āsn xrat, второй – приобретенного («напетого в уши», «разума от слышания, учения») — ср. § 45: «Обязанность врожденного разума – удерживать [человека] от греха и напрасных [бесплодных] трудов,

напоминать о тленности всего земного и о [том, что ждет в] конце и не давать [ему] умножать злые дела.

§ 46. Обязанность приобретенного разума – знать добрые наставления и правила и соблюдать их, обдумывать то, что уже произошло, и предвидеть то, что должно случиться; не стремиться к недолжному и не начинать того, чему не должно быть завершенным».

6571 ... *то, что мы нравом зовем* – в ориг. xīm – натура, нрав, характер. Судя по толкованию, даваемому в ср.-перс. источнике, это слово имеет оттенок – «твердый характер», «воля»; xīm должен хранить тело (т. е. человека, его физическую породу) от дурного нрава, злых желаний и разврата, направлять его к доброму образу действий (Вазургмихр, § 47).

6574 *Речь дальше моя о надежде пойдет...* – досл.: *Теперь скажу слова надежды.*– Suxun-i ūmēd – «обнадеживающие слова» или «слова о надежде». Перевод дан по смыслу пехлевийского текста: «Обязанность надежды – обещать человеку результат его дел, быть его путеводителем в трудах и добрых делах» (Вазургмихр, § 48).

6580 Досл.: *Выбирает путь стрелы, а не путь лука,* т. е. прямой, а не кривой путь.

6637–6638 *Скажи, от судьбы или доблестных дел/Зависит владыки высокий удел?— Доблестные дела* — в ориг. hunar (см. примеч. 3056 и 3891).

Судьба – в ориг. baxt, соответствует архаическому значению русского слова «счастье» — «Со-частье», «у-часть», т. е. судьба, рок. В «Меноге Храт» говорится: «судьба – это то, что предначертано человеку от начала». Вопрос о том, что сильнее – судьба или действия человека, его усердие, часто поднимается в зороастрийской литературе. Ср., например, в «Меноге Храт»: «То, что тебе не суждено, невозможно получить при помощи старания, но то, что суждено, при помощи старания можно получить быстрее» или в «Памятных словах»: «Что́ есть судьба [счастье] и что такое дела? – Судьба – это причина, а дела – предлог того, что постигает человека» (Вазургмихр, § 109).

6647–6650 Досл.: *А еще, мир – это сказка и ветер, / Как сон, который вспоминает видевший его./Когда проснется — не видит глазами,— /Благо он видел ими или гнев и страдание.*– Ср. в «Памятных словах»: «– Чему подобно земное [принадлежащее земному миру]? – Тому, что видят во сне, иногда (это) хорошее, иногда – плохое, а когда пробуждаются от сна – ничего нет...» (Вазургмихр, § 110, 111).

Мир – это сказка и ветер.– Этот образ, в несколько ином ключе, использован у старшего современника Фирдоуси – великого поэта Абу-Абдаллаха Джа'фара Рудаки (ум. в 940–941 гг.): *Живи весело с черноокими, весело, / Ибо этот мир – только сказка и ветер. / Надо радоваться приходящему, / И об ушедшем не надо вспоминать.*

6737–6738 Досл.: *Тот черный шлем, / Который падишаху предстоит надеть в день смерти.*– Образ основывается на обычае покрывать темя умершего мускусом.

6803–6806 По изданию М. Этот вариант соотносится со ср.-перс. текстом: «Кто вечный [из иного мира] друг?– Добрые дела.– Что это за вечная [из иного мира] вещь, которая постоянно пребывает и не разрушается? – Хранилище добрых дел» (Вазургмихр, § 195–199).

В основном тексте двустишия расположены иначе, кроме того, вместо anbār — «хранилище, амбар» дается anbāz – жена; т. о., эти два вопроса звучат так: «*Друг, вечно с тобой пребывающий – кто? / От муки разлуки стенающий – кто?*» / «*То верность подруги,– ответил,– жены, / Ей время и муки и боль не страшны*». / «*Какая здесь вещь пребывает вовек, / К тому же не оскудевает вовек?*» / «*Деянья благие,– ответствовал тот.– /В них верного друга душа обретет*» (Пер. В. Б.).

6824 *Что в воду сырцовый кирпич опустить* – поговорка, соотв. русской: «носить воду в решете».

6884 *Шатрандж* – арабизированная форма ср.-перс. čatrang из санскр. čaturanga [имеющий] четыре угла или четыре части, «четырехчастное», т. е. [войско], состоящее из четырех частей: колесниц, слонов, конницы и пехоты – игра, прототип современных шахмат.

6885–7256 [*Раджа посылает Нушинравану шатрандж*] – История создания шахмат всегда связывалась с Индией. Существует большое количество легенд о происхождении этой игры, из которых наиболее ранняя (во всяком случае для иранских и арабских источников) – небольшая повесть «Матикан-и чатранг», или «Чатранг-намак», написанная на ср.-перс. языке на рубеже VII—VIII вв.

Индийский раджа Девсарм присылает Ануширвану игру чатранг с требованием разгадать смысл игры – или прислать дань. Вазургмихр на третий день разгадывает игру и в ответ изобретает нарды, которые царь направляет в Индию с тем же условием. Не найдя за 40 дней решения, индийцы вынуждены выслать Ирану двойную подать (см.: Книга о шатранге, с. 49–51).

6888 *Венец вознесенный царя осенял.*– У Табари и Бал'ами говорится, что венец Хосрова I, украшенный драгоценными камнями, был настолько тяжел, что его невозможно было надеть на голову. Поэтому его подвешивали над троном на тонких золотых цепях, неразличимых для глаза, и когда царь покидал трон, венец оставался в воздухе (Бал'ами, с. 158).

6891–6892 *Двор полон мобедов, марзбанов, вождей / Из Балха, Бами и других рубежей.*– Из *Балха* и *Бами* [Бамиана], т. е. из самых отдаленных восточных областей.

6896 *С ним синдские всадники, чатр и слоны.*– Под *Синдом* обычно подразумеваются долины нижнего Инда и Мекрана, ставшие впоследствии мусульманской частью Индии. *Чатр* – из санскр. čahattra – подобие солнечного зонта, на Востоке – символ царской власти.

6899–6900 *В ту пору владыке иранской земли / От верных служителей вести пришли: / Мол, прибыл посланец из Хиндской страны / ... / Владыкою бдящим, как новость пришла, / Отправлено воинство встретить посла.*– Индийское посольство остановилось на одной из сасанидских пограничных застав, ожидая разрешения на вход в страну. Как пишет арабоязычный географ ибн Хордадбех, таких застав, «преград», было пять: «Тому, кто идет из аш-Шама, путь был прегражден от Хита, кто шел из ал-Хиджаза,– от ал-Узайба, кто шел из Фарса,– от Сарифина, кто шел из страны тюрок,– от Хулвана, кто шел из страны Хазар и алланов,— от ал-Баб ва-л-Абваба. О прибывших (в эти места) сообщалось, и они находились (на границе) до тех пор, пока (от Хосроев) не приходил на них приказ (с разрешением идти дальше)» (Ибн Хордадбех, § 78 г).

6916 *Каннудж – Kannauj, Kannūj*, из санскр. Kankjakubja. индийское княжество на р. Ганг. По ШН, радже Каннауджа подчиняются семь индийских княжеств: Кабул, Синд, княжество джугов, Сандал, Джандал, Кашмир, Мултан (ШН, V, с. 338).

7031 *На поле за рядом построился ряд.*– Ср. в Книге о шатранге: «Девсарм суть этого чатранга уподобил боевому строю. И он уподобил его двум державам. Царь подобен... направо и налево, фражин подобен начальнику боевых колесниц, и конь подобен начальнику конницы, и пешие подобны всей той пехоте, которая в переднем строю» (Книга о шатранге, с. 50).

7035 *Дастур* – зд. вместо «везир» (vazīr, farzīn из ср.-перс. fračīn), из которого происходит европейское «ферзь».

7038 *Слон,* pīl, арабск. fīl, соответствует совр. «офицеру» (шахм.).

7042 *Рух,* rūx – совр. «ладья», индийское название этой фигуры – ratha – колесница, ладья. В состав индийских войск входили боевые колесницы, несущие воинов; к колесам этих колесниц были приделаны ножи, косившие на своем пути вражескую пехоту и подрубавшие ноги вражеским коням (Книга о шатранге, с. 20). В сасанидском войске такого оружия не было, и поэтому в иранской традиции индийскую ладью, ratha, заменила иранская Rūx, волшебная птица иранской мифологии, известная по переводам сказок как «птица Рок».

Когда игра стала известна в Европе, название «рух», пришедшее в европейские языки через арабский в значении «ладья», стало восприниматься как созвучное ему итальянское госсо или французское гос – «утес» (отсюда термин рокировка), а позднее – как башня на вершине утеса – отсюда произошло франц. tour, нем. turm – башня, русск. тура (Книга о шатранге, с. 16, 17, 21, 146).

7066 *Нарды* — nard (из ср.-перс. nēv-artaxšēr — «отважный Арташир»; в арабск. nardašīr) – прототип совр. игры нарды или европ. трик-трак.

7067 *Мохре* – фигура для игры в шахматы, шашки, нарды.

7070 В ср.-перс. «Чатранг-намак» символика игры иная: «Доску Неварташира я уподобляю земле Спандармад; и тридцать камней я уподобляю тридцати дням и ночам, пятнадцать белых уподобляю дню и пятнадцать черных уподобляю ночи. Каждую кость (гарданак) уподобляю движению звезд и движению небосвода. Один на кости уподобляю тому, как един Ормазд (все благое он сотворил). Два уподобляю небу и земле. Три уподобляю первой сфере, второй сфере, третьей сфере,

и мышлению, и речи, и действию. Четыре уподобляю четырем темпераментам, которые в человеке, как четырем странам света: востоку, и западу, и югу, и северу. Пять уподобляю пяти светящим, как солнце и луна, и звезда, и огонь и сияние, идущее с неба, и пяти временам дня и ночи. Шесть уподобляю созданию творения в шесть времен гаханбара.

Расстановку Неварташира на доске уподобляю тому, как господь Ормазд каждое творение во вселенной дал.

Движение камней туда и сюда, (направляемое) костью уподобляю тому, как дух людей на земле связан со светилами, которые по семи в двенадцати (созвездиях) постоянно вращаются и пребывают, и когда наступает пора, один другого поражают и вытесняют, как люди на земле один другого поражают и вытесняют.

И когда движением костей все вытесняются, то это как люди, которые все с лица земли должны уйти, и когда их (камни) вторично ставят, то это – как люди, которые при воскресении все опять живыми сделаются» (Книга о шатранге, с. 51, 52).

7077–7078 Соответствует четырем строкам оригинала.

7160 *Руд* – струнный музыкальный инструмент.

7257–8317 [*Сказ о Гове, Талханде и происхождении шатранджа*] – В персидско-арабской литературе сохранилось много легенд о происхождении шахмат. В этих легендах, как правило, связанных с Индией, шахматы изобретаются мудрецами (или одним мудрецом), и цель этого изобретения достаточно серьезна, например, постижение законов шахматной игры заставляет молодого царя, окруженного дурными советчиками, легкомысленно относящегося к управлению страной и притесняющего народ, серьезнее отнестись к своим царским обязанностям; шахматы дают возможность царю – страстному любителю войны, прикованному болезнью к дому – вести сражение, не садясь на коня и т. п. Шахматы воспроизводят и в какой-то мере заменяют реальную жизнь – такова основная мысль этих преданий.

В прозаической «Шахнаме» Саалиби дается несколько рассказов о шахматах. В одном из них легко узнать повесть о Гове и Талханде: В одной книге написано, что между двумя братьями, сыновьями Хиндустанского царя, после смерти отца началась война из-за престола. Один из них был убит на поле битвы, мать так горевала о нем, что хотела броситься в огонь, но ей помешали. Она постоянно плакала и несправедливо упрекала оставшегося в живых сына в убийстве брата. Сын, который стремился доказать свою невиновность и убедить мать в том, что он не имел целью убийство брата и что его смерть произошла вследствие одного из тех несчастных случаев, которые бывают на поле боя, велел мудрецам, чтобы они нашли какой-то способ изобразить битву на поле брани и столкновение двух войск и смерть одного из вождей. Они, сделав шатрандж, удачно изобразили поле боя и ход битвы, нападения, и победу, и обстоятельства смерти шаха и стали играть в эту игру в присутствии матери царевича; она поняла, что случилось во время этой битвы и как погиб ее сын, и перестала несправедливо упрекать своего живого сына и скоро утешилась.

История Гова и Талханда, очевидно, была взята из арабского источника – об этом говорят, например, такие детали, как наличие верблюдов в шахматном войске и, соответственно, 100-клеточная доска; произносимое Талхандом проклятие: «Да будет твое тело сожжено огнем хирбеда!», невозможное для зороастрийца; арабское выражение «шах мат» – «шах умер».

Примеч. переводчика: Здесь уместно упомянуть перевод этого сказа, выполненный М. М. Дьяконовым (1907—1954), изданный впервые в 1936 г. в Книге о шатранге. В 1985 г. он вошел в книгу «Избранные переводы» И. М. и М. М. Дьяконовых. Я не мог не ознакомиться с работой автора столь известной фамилии. Переводившие знают, что для перевода недостаточно версификаторской опытности. В кратком вступлении и примечаниях И. М. Дьяконов сказал несколько слов об интересах своего брата, напомнив о багаже знаний его. О переводе как таковом. Фирдоуси именует таких людей «знающими», советуя общение с ними. И было бы неразумно отказываться от беседы со знающим человеком. В этой как бы беседе я видел путь мышления, вероятную последовательность его работы над отдельным бейтом, текстом в целом. Совпадают или не совпадают художественные и смысловые решения – такая беседа всегда доставляет рабочее удовольствие (В. Берзнев).

7257–7258 *От мудрого старца Шагуя до нас/Дошел поучительный этот рассказ.*— В предисловии к Абу-Мансуровой «Шахнаме» (см. с. 582) перечислены имена четырех мудрецов — составителей этой книги. Это Sīyyāh, сын Хорасана из Герата; Yazdāndād, сын Шапура из Систана; Māhūy Xūršēd, сын Бахрама из Нишапура; Šādān, сын Борзина из Туса.

По предложению Т. Нельдеке, Šāhūy, упоминаемый в стихе 7263 – это третий мудрец — Māhūy Xūršēd.

7262 *Могуществом Фура затмил самого.*– *Фур* – арабизированное Пор, индийский царь, с которым воевал Александр Македонский (ШН, V, с. 32, 33). Пор славился своей необыкновенной силой. По Плутарху, «благодаря своему росту в четыре локтя и пядь, а также могучему телосложению, Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне» (Алекс., 60).

7279 *Отец миродержца младого узрел.*– Здесь содержится намек на будущий исход борьбы за престол между Говом и его младшим братом Талхандом.

7349–7352 Соответствует двум строкам оригинала.

7427–7428 *Пока не обрящешь тот прах с кирпичом/В конце — или яму с прощальным костром.*– Ложе из праха и кирпич под головой – часто встречающиеся у Фирдоуси символы итога земной жизни. Обычай подкладывать кирпич в могилу под голову умершего и теперь входит в обряд погребения, основывающийся на мусульманской традиции (см., напр., Аз хишт та хишт, с. 253).

7312 *Кетхода,* иногда *кедхода* – управитель, староста.

7429 *Владыка Джамхур был из рода сего,*— т. е. обладал перечисленными выше качествами (см. стихи 7422–7427).

7443–7444 *Сумей же, как мудрый, души не терзать, / Взирая на трон и венец, и печать.*– Здесь – призыв не выходить из рамок благоразумия и умерять страсти при борьбе за власть, а также подчеркивание нравственного превосходства Гова, вызвавшее обиду Талханда (см. стих 7434 и ниже).

7563–7564 Соответствует четырем строкам оригинала.

7632 *Карнай* – духовой музыкальный инструмент в виде длинной прямой трубы.

7637–7638 *Гавдом* – букв. «коровий хвост» – духовой инструмент в виде изогнутой трубы; *хом* – большой барабан, используемый во время сражения.

7643–7644 *Знамена возносятся – Тигр на одном, / Крылатый Хомай заблистал на другом.*— Подробнее о знаменах см.: ШН, IV, с. 418. *Хомай,* из ср.-перс. humak — «благословенный», в иранской мифологии – одно из воплощений кеянского фарра (см. примеч. 112), волшебная птица, тень крыльев которой считалась приносящей счастье. С птицей Хомай этимологически связана «Гамаюн — птица вещая» русских сказок.

7704 *Сам воздух парчой золотою прошит* – здесь кончается послание Талханда Гову, дальнейшие слова обращены к гонцу.

7741–7744 *Из звезд – тех семи, ход свершающих свой, / К нему благосклонной сейчас ни одной.*– Судьба человека считалась зависящей от взаимного расположения семи «подвижных звезд» или планет: Солнца, Луны, Марса, Меркурия, Венеры, Юпитера, Сатурна.

7743–7746 Перестановка бейтов согласно Калькуттскому изданию.

7764 *Двенадцать и семь* – двенадцать знаков Зодиака и семь планет (см. примеч. 7741).

7923 *Халат* – почетная одежда, знак отличия, преподносимый правителем своему подданному.

7932 *Напрасно зуннар хитроумья надел.*– *Зуннар* – веревка, которою в странах ислама должны были обвязываться иноверцы.

7953 *Сипехбед* – здесь Гов.

8042 *Сипехдар* – предводитель войска.

8065–8068 *Стремительный ветер Талханда достиг,/И хлеба с водой захотел он в тот миг. / Меч недруга, ветер, слепящая высь – / Ему ни укрыться, ни бегством спастись.*– Строка 1-я досл.: *Ветер обратился против войска Талханда.* «Ветер обратился против войска» – символ поражения (ср.: ШН, V, стих 5335; VI, 5205), так же как и слепящее глаза солнце. По сасанидскому трактату о военном искусстве, для достижения победы необходимо, чтобы «солнечный луч и ветер приходились в тыл войска» (Книга установлений, с. 255). *Хлеб и вода* – простейшие средства (в которых

больной испытывает острую потребность), применявшиеся восточной медициной при приступах желчной лихорадки, сопровождавшейся, как правило, учащенным сердцебиением и одышкой.

8118 *Бахрам* – зд. планета Марс.

8145 *Дибк*, dibq – клейкое вещество растительного происхождения, «птичий клей».

6166 *Кафши* – вид обуви.

8301 *Шах мат* — šāh māt арабск., букв. «царь умер», отсюда произошло современное название шахмат.

По средневековым законам личность царя была неприкосновенной – его можно было вынудить умереть, но нельзя убить; это отражено в правиле, по которому шахматный «шах» не может быть «съеден» – он получает «мат» – умирает, стесненный со всех сторон врагами (как Талханд у Фирдоуси).

У Прокопия Кесарийского приводится рассказ о том, как царь персов «заключил армянского царя в замок забвения, не считая позволенным умертвить мужа царской крови» (Войн. перс., I, 5, 26, примеч. 8).

8317–8588 [*Барзуй привозит из Хиндустана «Калилу и Димну»*] — Культура Ирана издавна была связана с Индией – в иранских мифах можно найти отголоски таких связей, относящихся еще к досасанидской эпохе. При сасанидах эти связи были особенно сильны. Джахиз даже утверждает категорически, что «персы взяли все от индийцев» («все» раскрывается так: «физиогномика, политика, поверия, предчувствия, знание дурных признаков, домыслы, мнения, суждения, соображения, воспитание духа, исправление всего худого, рытье колодцев, каналов, водопроводов, источников, наведение плотин и мостов, (ограждение) от падения камней и вод, посадка деревьев, разного рода вещи, полезные для царей и государственных людей и т. п.») (Джахиз, с. 29).

В ср.-перс. литературе есть упоминания о том, что царь Шапур I приказал перевести греческие и индийские сочинения и присоединить переводы к собранию религиозных текстов. В VI в. начала переводиться не только научная, но и художественная литература. Так, были переведены книги, приобретшие в будущем, через посредство арабского перевода, мировую известность: это – сказки, послужившие впоследствии основой для арабского сборника «Алф лайла ва-лайла» («Тысяча и одна ночь»); «Повесть о Варлааме и Иосафе»; рассказы о морских путешествиях, из которых позднее образовалась повесть о Синдбаде-мореходе, вошедшая и в «Тысячу и одну ночь»; «Книга Синдбада» – повесть о женском коварстве. К этому ряду относится и книга, ставшая впоследствии всемирно известной под названием «Калила и Димна» (Калила и Димна – санскр. Каратака и Даманака – имена двух шакалов, героев первых двух глав книги. К одному источнику с «Камилой и Димной» восходит и знаменитая индийская «Панчатантра»). «Из того, что сложили первые мудрецы Индии, осталась книга „Калила и Димна“ на языке животных, птиц и других. Они вложили в нее лучшие истории и прекрасные поучения, которые понимают люди разумные.

Она – увещание для того, кто размыслит о ней, запомнит ее и сделает развлечением своего сердца и отдохновением ума. Она прекраснее яхонта и жемчужины, восхитительнее сада и цветов. Устремляй же постоянно свой взор на нее и уразумей тайны ее смысла. Если ты будешь устремлять длительно взор на нее, то не лишишься пользы от нее и понимания ее смысла» (Из предисловия составителя арабской рукописи «Калила и Димна» с. 28).

Ср.-персидский оригинал книги утрачен, сохранились только лишь сирийский (VI в) и арабский (VIII в.) ее переводы (см. также примеч. 8563). Арабская «Калила и Димна» стала основой для многочисленных последующих переводов и переработок на восточные и европейские языки.

В арабскую версию «Калилы и Димны» входят главы: «Об отправке царем Хосроем Ануширваном врача Барзуи в страну Индийскую на поиски книги „Камила и Димна“» и «О враче Барзуе». Эти главы, хотя и значительно переработанные переводчиком, основываются на ср.-перс. оригинале и во многом перекликаются с рассказом Фирдоуси.

8317 *Шадан, «Калила и Димна», Борзин* – Шадан сын Борзина из Туса, упомянутый в «Старом предисловии» (см. примеч. 7263).

8343–8344 *Коль будет на то изволенье царя, / В дорогу пущусь многотрудную я.*– В «Предисловии Бузурджмехра» к арабской «Калиле и Димне» Ануширван сам узнает о существовании книги и отправляет Барзуйю на поиски ее.

8462 *Дорога к познанью указана в ней.*– Из «Предисловия Бузурджмехра»: «Эта книга – „корень всякого знания и вершина всех наук, путеводитель ко всему полезному, ключ к поискам жизни будущей и средство спасения от ее ужасов; она удовлетворяет все нужды царей при управлении царством своим и все потребности существования их“» («Калила и Димна», с. 56).

8541–8544 *«Желание это,— царь молвит ему.— /Стремленью великих сродни самому./ Однако заслуга свершенных трудов / Превыше, скажу я, подобных даров».*– Оригинал допускает не одно толкование; перевод дан с учетом соответствующего отрывка из арабского текста: «Охотно, с удовольствием. Ты достоин получить просимое. Как ничтожна твоя просьба по сравнению с тем, что ты заслужил, при всей значительности ее в твоих глазах» («Калила и Димна», с. 66).

8553 *Хоть речь на арабском в дальнейшем вели.*— К VIII в. арабский язык стал официальным языком всего халифата. В 697 г. арабский был введен в качестве языка канцелярии всюду, кроме Хорасана, где дольше удерживались старые традиции, в 741 г. вышел указ о повсеместном введении арабского языка, включая Хорасан.

Арабский стал для мусульманских стран не только языком делопроизводства, но и международным языком культуры (подобно латыни для средневековой Европы), и почти два века персидская научная и художественная литература писалась по-арабски.

8555 *Над миром Мамуна раскинулась сень.*— В 750 г. была свергнута династия Омейядов и к власти пришли аббасиды — потомки Аббаса, дяди Мухаммада. При аббасидах ислам начал усваивать и вбирать в себя домусульманские верования и обычаи народов, входивших в состав халифата. Многие значительные должности в халифате стали занимать иранцы; начали возрождаться на новой почве старинные иранские обычаи – например, при дворе халифов начали торжественно праздновать Новруз. При дворе халифов Харуна ар-Рашида (766–809) и его сына Мамуна (813–833) было много ученых персидского происхождения; была создана специальная коллегия переводчиков для перевода научных трудов со ср.-персидского языка. Однако, отнесение времени перевода «Калилы и Димны» ко времени правления халифа Мамуна ошибочно (см. след. примеч.).

8559 *При нем на арабском напишут ее.*– «Калила и Димна» была переведена на арабский при втором аббасидском халифе – Мансуре (754–775) Абдаллахом ибн аль-Мукаффой (приблизительные годы жизни 720–756).

Ибн аль-Мукаффа, считающийся родоначальником арабской прозы, происходил из знатной иранской семьи и носил до принятия ислама персидское имя Рузбех. Получив традиционное зороастрийское образование, он был знатоком пехлевийской (ср.-перс.) литературы, и, в то же время, блестяще владел арабским языком. Своими переводами и самостоятельными произведениями ибн аль-Мукаффа открыл для ислама мир иранской культуры: им была переведена ср.-перс. «Книга владык» (см. с. 582), также не дошедшая до нас «Книга о короне», где даны жизнеописания Хосрова I и Хосрова Парвиза, а также изложена военная и социальная история Ирана; ему принадлежат политические и дидактические трактаты и т. п.

8562–8563 *Наср* – эмир Наср II ибн Ахмад (914–943) из династии саманидов, правившей после распадения аббасидского халифата с 900 по 999 г. в Хорасане и других областях Восточного Ирана (свергнутой султаном Махмудом Газневидским). *Буль-Фазль* – Абу ль-Фазль Мухаммад бен Абдаллах Бал'ами (умер в 940 г.). Был везиром Насра II, раньше — его деда, отец Абу-Али Мухаммада бен Абдаллаха Бал'ами — переводчика «Истории» Табари (см. с. 582). Абу ль-Фазлю Бал'ами приписывается ныне утраченный прозаический персидский перевод «Калилы и Димны» ибн Мукаффы, ставший основой для поэтического переложения Рудаки (см. примеч. 8575).

8565 *Фарси и дари.*– Язык pārsī, pārsī-yi darī или просто darī, как его тогда называли (в арабизированной форме – fārsī-yi darī), преемник средне- и древнеперсидского языков и родоначальник современного персидского, таджикского и афганского-дари, сложился в своей древнейшей форме уже к VII в. Письменный и литературный fārsī-yi darī сформировался в IX–X вв. в восточных областях Ирана – Систане,

Хорасане и Мавераннахре (Ср. Азия). Сначала этот язык в качестве литературного использовался только в поэзии, но сфера его использования постепенно расширялась и в XI–XII вв. он применялся уже фактически во всех областях культурной жизни.

8571–8572 *Принесть «Калилу» повелел знатоку, / Прочесть Рудаки за строкою строку.*– Абу-Абдаллах Джа'фар Рудаки, «Адам персидских поэтов», был, по преданию слеп от рождения или, как утверждают некоторые современные исследователи, лишен зрения уже во взрослом возрасте.

Стихотворный перевод «Калилы и Димны» не сохранился, от него остались лишь отдельные бейты.

8607–8608 *Всегда на раменнице шаха браслет / Был, скрытый одеждой, жемчужный надет.*– *Раменница* – слово, предложенное В. Далем для обозначения руки от локтя до плеча (от «рамо» — плечо) (Даль, III, с. 387). *Браслет*, bandbāzū — перевязь, надеваемая на правую руку выше локтя, могла играть роль амулета.

8609–8620 По варианту М.

8945 *Смотреть на деяния бывших царей.*– Возможно, здесь скрытый упрек Ануширвану в нарушении традиций (ср. мнение Прокопия Кесарийского, утверждавшего, что Ануширван был человеком «ума неосновательного и до безумия любил нововведения. От того не только сам он был всегда в беспокойстве и тревоге, но тревожил и других, не давая никому покоя» (Войн. перс. I, 23). Такое же ощущение скрытого неодобрения вызывается сочетанием окончания настоящей главы с началом следующей.

9008 *Рубаб* – струнный музыкальный инструмент.

9133 *Ниса* – город к западу от современного Ашхабада, существовавший с III в. до н. э., входил в состав Хорасана. В городищах Старая и Новая Ниса, где сохранились остатки укреплений, городских кварталов, храмов и проч., относимых еще к парфянскому времени, ведутся археологические раскопки Южно-Туркменской археологической экспедицией АН Туркменской ССР.

9137 *Гахбед* — чиновник, ответственный за сбор налогов.

9215 *Балх Бамийский*. Balx-i Bāmī — так в основном тексте. В Калькуттском издании дан вариант Balx-i nāmī – «прославленный Балх».

9305 *Хатиб на минбаре «Махмуд!» вознесет – / И крест к Мухаммадовой вере пойдет.*– *Минбар* – кафедра в мечети. В пятницу, священный день мусульман, *хатиб* – проповедник — провозглашает с минбара торжественную молитву, в которой поминается имя царствующего государя.

9307 Досл.: *Взял царство у Хиндов, что идола чтят.*– В результате многолетних завоевательных войн, проходивших под лозунгом «священной войны с идолопоклонниками», и распространения ислама, Махмуд Газневидский присоединил к своим владениям значительные области в Северной Индии.

9321 *Хормозду, надежде стремлений моих...*— *Хормозд* — сын Ануширвана и дочери тюркского хакана. Во всех рукописях его имя дается в варианте Hurmuzd (ср. примеч. 39).

9391–9392 *Чти веру и помни мирянина дань, / Долги наши множат в нас зависть и брань.*– *Мирянина дань* – по изданию М, где дано dunīī – «мирское» вместо dīnī — «вера», «дела веры» в В.-Н. Вторая строка имеет два прочтения в зависимости от огласования слова [d-ī-n] — dīn — «вера» или dayn — «долги»: *Ибо от в е р ы у человека бывает зависть и гнев.* Или: *Ибо от д о л г о в у человека бывает зависть и гнев.* Второе более обоснованно и согласуется с выбранным вариантом первой строки, а также со следующим стихом: *Расходы соизмеряй с казной.*

9487–9488 *В-восьмых, отличая врагов от друзей,/Величие щедростью множить своей.*– По изданию М, в основном тексте В.-Н.: «*не отличать врага от друга*». Выбранный вариант соответствует по мысли одному из изречений Бузурджмехра в книге Ибн Мискавейха «Вечный разум»: «Не делать различия между врагами и друзьями – плохое качество» (Джавидан хирад, с. 37).

9611–9612 *«Невольный и вольный,— ответствовал,— страх/У благоразумных бывает в сердцах».*– По Калькуттскому изданию; в основном тексте – «*не бывает*».

9638 *Не мыслю в мучения подданных ввесть.*– По изданию М. Досл.: *Не ищу я мучений [для] подданных.* В основном тексте В.-Н.: *Не ищу я тайны сердца подданных*; в Калькуттском издании: *Ищу я тайну сердца подданных.*

9843–10230 [*Нушинраван пишет письмо сыну кейсера и получает ответ*] — В рассказе о войне Ануширвана с сыном кейсера неопределенные сведения о реальных исторических фактах соединены с плодом народной фантазии. Военные действия между Ираном и Византией начались в 572 г. и продолжались после смерти Ануширвана при его сыне Хормозде. Византийский историк Феофилакт Симокатта (582–610 гг.) утверждает, что мирный договор между Византией и Ираном был нарушен на седьмом году правления Юстина II «по легкомыслию» и по «великой глупости императора», не сумевшего мирным путем уладить «ничтожные и легко устранимые недоразумения». Некоторые эпизоды из описанного им начального, благоприятного для Ирана, периода войны узнаются в общих чертах в рассказе Фирдоуси: в «Истории» Симокатты Ануширван, перейдя со своим войском Тигр, «задумал напасть на осаждавших Нисибис ромеев», а одному из своих военачальников приказал, переправившись через Евфрат, «грабить ромейскую землю», что тот и выполнил. Когда он стоял лагерем в южной Сирии, к нему «явились послы с блестящими дарами и обещали внести за себя выкуп» (Ф. Симокатта, кн. III, гл. IX, X).

9900 *Марз* — земля, область, провинция, обычно пограничная. У Фирдоуси марзами называются также и не-иранские страны – Рум, Хинд, Хазария.

9966 *Зеленое море* – небо.

9973 *Халаб* – Алеппо, город в Сирии. *Аммурие,* Аморий – город в Малой Азии к юго-западу от совр. Анкары.

10034 *Шахр* – в сасанидское время – крупная область, провинция, в мусульманское – город.

10218 Созвездие Плеяд — символ красоты и упорядоченности.

10221 *Мухаррам* (арабск.) – название первого месяца мусульманского лунного года.

10224 После этого стиха в Калькуттском издании следует бейт: *С сим бренным жилищем нет дружбы большой/У мудрого, с чистою мыслью, душой* (Пер. В. Б.).

10245 *Дей* — зимний месяц (см.: ШН, V, с. 262). В переводе иногда Дэй.

10317 *Слова Бузурджмехра в собранье звучат.*— Это последнее упоминание о Бузурджмехре в «Шахнаме». Некоторые источники рассказывают, что он был казнен; время его казни одни относят к царствованию Нушинравана, другие – к царствованию его сына Хормозда и даже внука, Хосрова Парвиза.

10487 *Картос* – бумага.

10646 Прозаические хроники указывают, что во время царствования Хосрова Ануширвана родился пророк Мухаммад. Фирдоуси об этом не упоминает и в сасанидской части «Шахнаме» не делает никаких явных попыток связать свой рассказ с проблемами ислама. В Калькуттской рукописи неизвестным переписчиком сделана попытка ликвидировать этот «пробел» — после стиха 10646 там имеется интерполяция в 45 бейтов, озаглавленных «Сон Нушинравана и истолкование его Бузурджмехром [как пророчество] о приходе Мухаммада».

10647–10686 В Калькуттской рукописи этим отрывком завершается «Царствование Ануширвана».

Этот, казалось бы, обычный пейзажный отрывок имеет двойное, и даже «тройное» дно. Начинается он описанием лета. *Таммуз* (стих 10647) – месяц соответствующий современному июлю, синоним летней жары; в стихе 10657 – (*Что сделал ты, кто был покупателем этого?)* вступает тема «оживленной торговли», «бойкой ярмарки» (то же выражение употребляет поэт, говоря о себе в конце отрывка), подчеркиваемая двойным значением слова Моштари (стих 10661 – *Может быть, одежду у Моштари ты приобрела?*). Оно означает и «планета Юпитер», и «покупатель», эта омонимия часто обыгрывается в персидской поэзии. Но уже в стихе 10652 – Bōy-i mihr āmad az čang-i vay – *Аромат любви исходил от ее рук,* исподволь начинает звучать тема старинного иранского праздника Мехрган, который во времена Фирдоуси еще праздновался как зороастрийцами, так и теми персами, которые, приняв мусульманство, не могли расстаться с обычаями старины и сохранили для себя в исламе древнеиранские традиции и обряды.

В этом стихе вспоминается весна, весенние цветы и ветви (для дерева слово čang, «рука», означает «ветка»), от которых исходит «аромат любви». *Любовь, mihr* — это одновременно «солнце» и название седьмого месяца иранского солнечного года (или осени вообще), в который и происходит Мехрган, *mihrgān* – один из главных

зороастрийских праздников, праздник урожая, плодородия и молодого вина (ср. стих 10670).

Об этом празднике Бируни в X в. писал: «У персов шестнадцатый день (месяца Мир-мах), т. е. Руз-и-Михр – праздник большого значения. Он называется Михриджан. Перевод этого [слова] – «любовь духа» и говорят, что «михр» это название Солнца и что солнце явилось миру в этот день, который и получил от него свое наименование. Указанием на это служит то, что к числу обычаев, [справляемых] в этот день, принадлежит *увенчание [себя] венцом с изображением солнца и его колесницы,* на которой оно вращается. В этот день у персов бывает торжище.

Утверждают, будто персы особо отмечают [этот день] по той причине, что люди обрадовались, услышав о выступлении Афридуна, когда Кави напал на ад-Дахака Бивараспа, выгнал его и призвал последовать за Афридуном. Кави — это тот [человек], знамя и стяг которого персидские цари сочли приносящим счастье. Это знамя было из медвежьей шкуры,– а говорят также, что из львиной ‹...› После него оно было украшено драгоценными камнями и золотом» (Бируни, с. 233).

Рассказ Бируни о торжище у персов, происходящем в Мехрган, перекликается с темой «торговля», проходящей через весь отрывок; точно также и сравнение высокого яблоневого дерева, украшенного, как драгоценностями, яблоками (белокрасными), изумрудного цвета листьями и т. п., со знаменем Каве, приобретает особое звучание.

В стихе 10669 *Мехрганом веет от твоего дыхания* уже прямо говорится о Мехргане и молодом осеннем вине, с которым всегда был связан этот праздник. В стихах 10671–10672 (*Когда цвет твой станет золотым, восхвалю тебя, / Как венец Хормозда, украшу тебя*) содержится намек на венцы с изображением золотого (желтого) солнца, и одновременно переход к основному повествованию: «украшу венец»– обычное для Фирдоуси выражение, означающее «опишу царствование».

10647–14473 [*Царствование Хормозда длилось двенадцать лет*] – Так в М, в основном тексте В.-Н.– 14 лет. Хормозд IV правил с 578 по 590 г. Известен своими жестокими репрессиями, направленными против привилегированных сословий – воинов, духовенства, писцов; по Табари, было уничтожено 13 тыс. человек. Политика Хормозда находила поддержку в среде земледельцев, ремесленников, купцов.

Подробно о политической истории Ирана после Хосрова I см.: Колесников, 1970; о Бахраме Чубине см. также: Гумилев, 1960, 1962.

10678 *Мах, марзбан Герата,*— отождествляется с первым мудрецом из «Старого предисловия» (примеч. 7257); слово pisar, «сын», графически близко к слову pīr — «старец», а само имя мудреца дается по-разному в разных рукописях; есть, например, вариант šāh (УЗ ИВ АН СССР, XIX, с. 175, 176).

10789–10790 *Страх жил в его сердце, страшился того —/Не вступят ли в заговор против него.*– Ср. в «Голестане» Саади: «Хормозда спросили: Какую вину нашел ты у везиров твоего отца, что приказал их заточить? Он ответил: Я не нашел в них никакой вины, но увидел, что страх передо мною в сердцах их безграничен и они не доверяются полностью моему царствованию. Я устрашился, как бы они из страха подвергнуться от меня злу, не задумали погубить меня. Поэтому я применил слово мудрецов, сказавших: Боящегося тебя бойся, о мудрец,/Даже если сотню таких, как он, можешь одолеть в бою. Оттого змея кусает пастуха в пятку,/Что боится, как бы не разбил он ей голову камнем...» (Голестан, с. 24).

10796 *Зардхишт* – форма имени Зардошт.

10822 *Зарир* – желтая краска, получаемая из резеды.

11111 *Арванд* – сасанидское название одного из каналов на р. Тигр («Царский канал»).

11117 *Лажвардовый шатер* – т. е. ночное небо (лажвард – зд. лазурит, имеющий темно-синий, почти черный цвет; может означать также лазурь).

11133 *Парвиз,* букв. «победоносный» (от того же корня, что и Pērōz – Пируз).

11137–11167 *Случилось однажды, что конь убежал / Из стойла. Парвизу он принадлежал. / ... / Вернул потерпевшему также изъян / Царевич по воле властителя стран.* Этот эпизод, известный также по хроникам Са'алиби, Динавари, Бейхаки, использован в поэме Низами «Хосров и Ширин».

11207 *Пришел Саве-шах из Герата войной.– Саве* (Шабэ), сын тюркского хакана (кагана), вторгся в области Багдиса и Герата в 588 г. Л. Н. Гумилев (Гумилев, 1961,

с. 75–89) идентифицирует его с западно-тюркским царевичем, известным китайским хронистам как Янсу-Тегин, внук великого хакана Истеми, которого Табари называет Синджибу-хакан (см. примеч. 5093, 5098 и главу «Нушинраван посылает Мехран-Ситада на смотрины дочери хакана»).

11227 *Из Рума нагрянул кейсер между тем.*– *Кейсер* – зд. император Маврикий (582–602). Военные действия между Ираном и Византией не прекращались на протяжении всего царствования Хормозда IV.

11429–11432 *Он ростом высок, сухощавый притом,/ С кудрями, что мускус, над смуглым челом./ В суждениях скорость и резкость в речах,/ Нос крупный, немалая сила в плечах.*– Это одно из редких портретных описаний в «Шахнаме»; как правило, внешность героев Фирдоуси не индивидуализирована.

Такой же портрет Бахрама Чубине дается в источниках, ср., например, у Бал'ами: «Был он темнокожий, высокого роста, сухощавый; поэтому его звали Чубúн» (Бал'ами, с. 180).

11433–11434 *Прозвали его Чубинé* – досл.: *Лакаб его – Чубине.* Лакаб – прозвище, даваемое помимо родового имени. *Чубине* — букв. «деревянный» (от čūbīn — дерево).

и *ведет / Он от пахлаванов воинственных род.*– Бахрам Чубине происходил из древнего рода Михран (см. примеч. 871). Прославился как полководец уже в византийские войны Хосрова I ко времени нападения Саве-шаха на Иран был одним из великих марзбанов Азербайджана и одновременно марзбаном Рея. Он пользовался огромной популярностью в народе. Бал'ами утверждает, что из всех иранских владык были особо знамениты своим мужеством и отвагой в сражениях двое – Бахрам Гур и Бахрам Чубине (Бал'ами, с. 180). В позднейшей литературе эти два Бахрама часто смешиваются, им приписываются одни и те же подвиги и приключения.

О Бахраме Чубине была написана книга на ср.-персидском языке, послужившая впоследствии источником для авторов арабо-персидских хроник. Кроме того, в мессианской литературе на ср.-персидском, а затем и на ново-персидском языках Бахрам фигурирует в роли ожидаемого героя-спасителя, долженствующего избавить страну от владычества арабов.

Саманиды, правившие Средней Азией и Восточным Ираном с 892 по 999 г., считали себя потомками Бахрама Чубине.

11585 *Бахрам, сын Бахрама* – Бахрам Чубине, сын Бахрама Гошаспа.

11641–11646 *Как в Хамаваране, в той глуби времен,/ С бойцами был царь Кей-Кавус заточен,/Двенадцать лишь тысяч избрал ведь Ростем/Воинственных смелых мужей; между тем / Избавил Кавуса-царя от цепей.*– *Кей-Кавус,* второй царь кеянидской династии, завоевал Хамаваран и женился на Судабе, дочери побежденного хамаваранского царя. Тот, притворно примирившись с Кавусом, пригласил его на пир вместе со всеми бывшими с ним иранскими богатырями. Невзирая на предостережения своих спутников, Кавус согласился. Во время пира, когда все уже опьянели, царь Хамаварана напал на иранцев и заточил их всех. На оставшуюся без шаха страну напал ее исконный враг – туранский царь Афрасиаб. Спас Иран сын Заля *Ростем* – основной герой т. н. героической части «Шахнаме», правитель Забула и Систана, носивший титул «джахан-пахлаван» – «пахлаван мира [страны]».

Ростем [Рустам], сын Заль-Зара, сопоставляется с известным героем русской книжной сказки — XVI—XVII вв. Ерусланом Лазаревичем (ШН, I, с. 590).

11647–11650 *Гудерз-богатырь, сын Гошвада-вождя / Глава именитых, на мщенье идя / За кровь Сиавуша...* – *Сиавуш* – сын царя Кей-Кавуса. Судабе, жена Кавуса, влюбилась в царевича и, убедившись, что ей не удастся склонить его нарушить верность отцу, начала мстить. Она оклеветала Сиавуша и даже прибегла к колдовству, но он оправдал себя, пройдя испытания огнем; после этого он упросил отца не наказывать Судабе. Все же постепенно ей удалось настроить Кавуса против сына. В это время на Иран напал с огромным войском туранский царь Афрасиаб, и Сиавуш убедил отца послать его на войну с туранцами. Иранское войско было возглавлено Ростемом. Когда иранцы подошли к р. Джейхун, служившей границей между Ираном и Тураном, Афрасиабу приснился зловещий сон. Он был напуган и предложил Сиавушу мир. Сиавуш, не хотевший губительной для народа войны, согласился при условии, что Афрасиаб вернет ранее завоеванные иранские города. Кроме того, он потребовал от Афрасиаба сотню заложников из числа близкой родни, обещав им полную без-

опасность, если Туран не нарушит договора. Договор был заключен, и Ростем отправился к царю сообщить об этом. Царь разгневался, запретил Ростему возвращаться к Сиавушу и выслал туда богатыря Туса для войны с туранцами. В ответном письме он осыпал сына несправедливыми упреками, говорил о необходимости немедленной войны и требовал, чтобы туранские заложники были с позором доставлены закованными на ослах в Иран.

Сиавуш оказался перед выбором – совершить клятвопреступление, считавшееся одним из наиболее тяжких грехов, или не выполнить волю царя. Он не мог нарушить данное Афрасиабу слово, но не мог и вернуться домой, ослушавшись отца. Наконец, после мучительных раздумий, он решился с небольшим количеством иранцев перейти в Туран. Афрасиаб сделал его царем большой области и отдал ему в жены свою дочь. Брат Афрасиаба Пиран был другом Сиавуша и помогал ему, но другой его брат, Гарсиваз, возненавидел его. Он сумел внушить Афрасиабу, что Сиавуш замышляет отнять у него царство. По приказу Афрасиаба Сиавуш был убит, хотя многие пытались отговорить царя. Затем Афрасиаб приказал убить и свою дочь, но по просьбе Пирана пощадил ее, с тем, чтобы убить ее будущего ребенка, как только тот родится. Дочь Афрасиаба родила сына, Пирану удалось спасти и скрыть его. Через несколько лет иранский богатырь Гудерз увидел сон о судьбе сына Сиавуша – Кей-Хосрове. Иранцы разыскали Кей-Хосрова и тайно привезли его вместе с матерью в Иран. Этим событиям, а также войнам между Ираном и Тураном после убийства Сиавуша посвящен сказ «Месть за Сиавуша» (ШН, II, с. 266–354).

11687–11688 *С везиром меж тем на ристалище шах / Отправился с луком, човганом в руках.– Човган* – клюшка для игры в конное поло. Эта игра, требовавшая большой физической силы, ловкости и хладнокровия, была одним из занятий, необходимых для знатного воина (ср.: ШН, V, с. 129). Целью ее было «провести шары между столбами на конце площади, причем противная партия останавливает шары и отгоняет их» (Книга установлений, с. 277, 278).

11995 *Хаммал* – носильщик (отсюда русск. «амбал»).

12301 *Раш* – локоть, мера длины.

12339 Решающая битва войска Бахрама Чубине с Саве-шахом происходила осенью 589 г. (см.: Гумилев, 1960, с. 229). Бахрам тактическими маневрами вынудил противника развернуть боевые порядки в тесном ущелье Гератской долины, окруженном высокими горами.

Саалиби так описывает построение войск Бахрама: «Он подготовил свою армию к обороне: впереди поставил пехоту, в тылу – слонов, на правом и левом флангах – доблестных бойцов. Он выделил подразделение витязей, чтобы они преграждали путь тем, кто может обратиться в бегство перед противником» (цит. по: Колесников, 1970, с. 52).

12451–12458 *Он выбрал стрелу, острие — серебра/Светлей.../.../Уже очнулся за вражьей спиной.–* Эти строки – почти точное повторение ключевой сцены из знаменитого «Боя Ростема с Ашкбусом» (ШН, II, с. 547), которая детально проанализирована Ю. Н. Марром с точки зрения техники стрельбы из лука, излагаемой в многочисленных средневековых трактатах. *Рукой по чачийскому луку скользнул* — луки, изготовляемые в Чаче, считались наилучшими. Перед стрельбой рекомендовалось потереть лук в ладонях, чтобы дерево, разогревшись, сделалось гибче. *Он левую выпрямил руку, согнул/Он правую, лука послышался гул* — стрелок держал лук за охватку левой рукой, вытянув ее «столбом» до отказа, правой отводил тетиву. *Лишь к пальцу приник наконечник стальной* – тетиву прихватывали большим пальцем, а большой – указательным; чтобы не ободрать кожи на большом пальце, на него надевали специальный перстень из кости, дерева или металла. В одном из трактатов подчеркивается, что натянуть лук так, чтобы наконечник стрелы коснулся большого пальца, лежащего на охватке лука, очень трудно и возможно лишь при необычной силе стрелка (Ю. Марр, с. 43–46; ср. также: Книга установлений, с. 272).

Выстрел Бахрама Чубине назван у Табари одним из трех знаменитейших в истории Ирана — после выстрелов Араша и Зохры, т. е. Суфрая (N.-T., с. 271).

13021 *Маншур* – царский указ, грамота, дававшая право на владение дарованной землей.

13232 *Ман* — мера веса, 84 мискаля (см. примеч. 21723).

13242 *Сарбан* – караванщик.

13391–13394 *Во-первых, за то, что, забыв о стыде,/ Осмелился он оскорбить Пармоде./ За то, во-вторых, что без воли царя / Недолжное взял* – некоторые историки, вслед за Феофилактом Симокаттой, утверждают, что гнев Хормозда был вызван поражением Бахрама Чубине в столкновении с византийскими войсками (Ф. Симокатта, кн. III, гл. VII), однако большинство исследователей, находя существенные противоречия в рассказе Симокатты, считают его ошибочным и отрицают возможность участия Бахрама Чубине в византийских войнах после победы над Саве (Пигулевская, с. 81, 82; Гумилев, 1960, с. 229).

13541 *С барсамом для бажа* – т. е. для ритуального благословения пищи (ср. примеч. 4761).

13775 *Гордие* – букв. «героиня, богатырша».

13895 *Припомним сначала Кавуса-царя.*– Бесы, страдавшие от праведности Кей-Кавуса, решили его совратить, внушив ему мысль исследовать тайны небосвода и стать царем не только земли, но и неба. Он соорудил золотой трон, привязал к нему четырех орлов и укрепил перед каждым по куску мяса. Орлы, стремясь схватить приманку, летели вверх, пока не выбились из сил и не упали на землю в непроходимом лесу. Там царь провел много лет, пока иранское войско во главе с Ростемом не отыскало его (ШН, I, с. 436–441).

13908 *Могучий* – прозвище Ростема.

14036–14039 *Поведай пирующим подвигов семь,/ Что, мчась к Руин-Дежу, свершил Исфандьяр.*– О семи подвигах Исфандиара, совершенных в борьбе с туранским царем Арджаспом, врагом зороастрийской веры, см.: ШН, IV, с. 159–205.

14093–14094 *Посланца достойного выбрал, сей муж / Стремителен был, как небесный Соруш.*– В мусульманской традиции Соруш – ангел-вестник, отождествляемый с Джебраилом (архангелом Гавриилом).

14125 *Вот прибыл в Багдад добронравный посол...*— Этот отрывок свидетельствует о мусульманском характере непосредственного источника этого отрывка: столицей государства уже не мыслился никакой город, кроме Багдада. В действительности, Багдад (расположенный на правом берегу Тигра в 25 км вверх по течению от Ктезифона), был в сасанидскую эпоху небольшим селением и не мог играть сколько-нибудь значительной политической роли. Столицей халифата Багдад стал в 762 г. при втором аббасидском халифе Мансуре. Ср. стихи 14997—14998: *Лишь был о прибытье Багдад извещен / Того, кто явился наследовать трон,/ ... / Трон кости слоновой несут во дворец.*

14473 *Ко храму, где вечный пылает огонь* – досл.: *К храму Азергошасп.*

14523 *Вот занял Хосров золотой свой престол.*— Коронация Хосрова II Парвиза произошла в 590 г.

14597 *Но разумом светлым помысли...*– досл.: *Да увидит твой светлый дух...*– Зд. снова, как и в стихах 16603, *да не увидят их глаза мира* [земли, жизни] и 16606, звучит тема физической слепоты Хормозда.

14603 *Гостехм* – форма имени Гостехем.

14611–14612 *Да сыщешь в страданиях радость теперь!– Радость* – в ориг. слово xursandī, от ср.-перс. x^{v}ansandēh — «удовлетворенность своим положением». Xursandī – удовлетворенность, примиренность с судьбой (понятие, противоположное алчности) – одна из основных добродетелей, восхваляемых как в зороастрийской, так и в мусульманской дидактической литературе.

Терпенью сродни добродетель, поверь – досл.: *Да будет терпение сопряжено с твоим разумом.*

14621–14635 *Дошло до Бахрама, известие – рок / Чему властелина Ирана обрек. / Услышав, Бахрам в изумленье пришел...* Источники по-разному оценивают отношение Бахрама Чубине к совершившимся событиям, например, у Динавари: «Бахрам, находясь в Рее, узнал о том, что произошло и как обернулось дело. Он очень разгневался из-за Хормоза, и у него появилась жалость и желание защитить его и гнев его исчез» (Цит. по: Колесников, 1970, с. 89). У Табари нет никаких суждений на этот счет: «Когда Бахрам услышал,(...) что народ сделал Хосрова царем, он ушел со своим войском из Мадаина» (N.-T., с. 277). Бал'ами в соответствующей части своего перевода добавляет: «Бахрам был извещен о том, что Хормоз ослеплен и царем стал Парвиз. Бахрам же склонялся к тому, чтобы примириться с Хормозом и возвратиться к нему в подчинение; но из-за этого [события] он отказался от мыслей

о мире, ожесточился сердцем на Парвиза, стал необоснованно обвинять его в совершенном злодействе и решился воевать с Парвизом, отнять у него царство и передать Хормозу» (Бал'ами, с. 198); сирийская анонимная хроника VII в. утверждает, что Бахрам разгневался «не потому, что любил Хормозда, а потому, что не он совершил это дело» (Сирийский аноним VII в., текст – с. 15, перевод – с. 63).

14634 *Нахраван* – арабское название области и реки восточнее Багдада, усвоенное персидским; персидское название – Джурван, сирийское – Тамарра; существовало и третье название Дийала, соответствующее современному (Ибн Хордадбех, § 2.7 и соотв. примеч.).

14643–14646 *Там, в сердце дружины Бахрам впереди /.../ И как на приемах привык восседать?* — Хосров хочет выяснить, ведет ли себя узурпатор Бахрам «по царскому чину», т . е. приписывает ли он себе статус царя.

14659–14660 Досл.: *Приемы ведя, восседает, как царь, / С гепардами в степь выезжает, как царь.*– Ср. с описанием обучения царевича Шапура: «*Учили* ⟨...⟩ *с должным величьем сидеть*» (ШН, V, стих 5668), досл.: *Сидеть горделиво и по-царски* (В.-Н., V, с. 1971). *Гепарды* обычно считались принадлежностью царской охоты.

14664 *Книга Димны* – «Калила и Димна».

14676 *Даман*, Damān – в Калькуттском издании — Zamān.

14694 Досл.: *Ибо разум и фарр подобают шаху.*

14748 Досл. *Скакали на конях до истока Нахравана.*

14753–14756 Перестановка бейтов.

14787 *На кости слоновой лег мускус.*– Образ, часто используемый в классической персид.-тадж. поэзии при описании юноши: *слоновая кость* — белое лицо, *мускус* — пробивающийся пушок.

14788 *В венце Фаридун с булавой.*– О булаве Фаридуна, увенчанной головой быка, см.: ШН, I, с. 579, 602.

14815–14816 *Бахрама Чуби́на из наших бойцов / Кто знает в лицо?* – Хосров стремится придать своей речи уничижительный оттенок, называя Бахрама не «Чубине́», а «Чуби́н» – букв. «деревянный».

14897 *Коль вздумалось трон Алан-шаху искать...*– *Шах* – обычное название для правителя области, подчиненной шаханшаху – «шаху шахов» Ирана. При перечислении титулов таких шахов у Хамзы Исфаганского встречается и название «алан-шах» (Хамза Исфаханский, II, 40, с. 56). По Ибн Хордадбеху, алан-шахами назывались при сасанидах правители области, расположенной севернее Ардабиля, между Курой и Араксом. Сам Бахрам был до войны с тюрками марзбаном крупной провинции в Азерабадгане (Азербайджане). Видимо, называя Хосрова Парвиза Алан-шахом, Бахрам хочет сказать, что тот достоин лишь быть царем небольшой, отдаленной и «дикой» области (у Табари Бахрам называет Хосрова Парвиза сыном блудницы, воспитанным по закону курдов, т. е. дикарей. N.-T., с. 279); возможно также, что здесь содержится намек на какие-то подробности недавнего пребывания Хосрова Парвиза в Азербайджане, а, может быть, судя по тому, как близко к сердцу принял это прозвище Хосров, и еще на какие-то неизвестные нам обстоятельства (ср. стихи 14939, 14951, 15007, 15008).

15032 *Горгин, сын Милада.*— В «Истории Кума» (Tārīkh-i Qumm), написанной по-арабски Хасаном ибн Мухаммадом Куми и переведенной на персидский, *Горгин* (арабс. Jurjīn) сын Милада упоминается в числе других аршакидских принцев — основателей многочисленных городов и селений. В «Шахнаме» Горгин, сын Милада – один из богатырей шаха Кей-Хосрова. Ср. примеч. 15230.

15060 *В Иране царить, вне Ирана царить...*– *Иран и не-Иран* – обычное обозначение владений шаханшахов после Шапура I – собственно Иран и его провинции.

15099–15108 *Державу дано мне принять от Творца, / ... / По воле Хормозда, / ... / Мобеда верховного, всех мудрецов и всех закаленных в сраженьях бойцов / ... / Лохраспу открывший Изедову весть, / А тот поспешил до Гоштаспа донесть...*– Хосров ссылается на соблюдение всех условий, обеспечивающих законность престолонаследования. Ср. примеч. 7; ШН, V, примеч. 8865, 9519, а также «Письмо Тансара» (VI в.), согласно которому для определения наследника престола необходимо письменное волеизъявление, оставленное покойным шаханшахом, согласие главного мобеда, главного дабира и главного военачальника (в случае разногласий решающее слово принадлежит мобеду); коронация должна происходить во дворце в присутствии пред-

ставителей всех сословий, «обладающих достоинством»; при коронации произносят: «Будь согласен с богом великим и верою зороастрийской, которую принял царь царей Гоштасп, сын Лохраспа, а Арташир, сын Папака, возродил», на что шаханшах отвечает: «Буду содействовать интересам подданных» (русский перевод отрывка см.: Луконин, 1987, с. 161).

15139–15141 *Та, вспомни, что жизнь Ардаширу дала, / На дом Ашканидов беду навлекла. / Когда Ардашир Ардавана убил...*– Здесь и далее – отражение вражды между потомками парфянской династии ашканидов (ШН, V, примеч. 3972, 3980), к которым принадлежал Бахрам Чубине, из рода Михран, восходящего еще к парфянским (ашканидским) временам, и сасанидами, выходцами из Парса.

По версии, принятой в официальной сасанидской историографии и отраженной у Фирдоуси (см.: ШН, V, с. 93—109, 355, 358), основатель сасанидской династии Ардашир (исторический Арташир I) происходил от дочери правителя Парса Бабака (Папака) и пастуха Сасана – чудом уцелевшего потомка Дары (Дария III), побежденного Александром Македонским; Ардашир восстал против Ардавана (Артабана V), последнего царя династии ашканидов, победил и казнил его (ШН, V, с. 93–110).

Досасанидская историческая литература не сохранилась. В «Книгу владык», а вслед за ней и позднейшие хроники, вошли лишь генеалогические списки и общая характеристика правления ашканидов как периода невежества, беззакония и раздоров. Предполагается, что такая трактовка истории возобладала именно после восстания Бахрама Чубине, когда остро возникла необходимость доказать незаконность притязаний потомков этой династии. Сохранились и следы другой традиции – например, ср.-перс. Бундахишн (XXXV. 8) называет ашканидов (аршакидов) праведными владыками, арабоязычное сочинение XI в. Нихайат ал-Араб (с. 216) – мудрыми царями, покровителями культуры.

Легенды об ашканидах сохранил национальный эпос, где они представлены в качестве вассалов кеянидских царей (Гудерз, Тус, Бижен и др., см. также примеч. 15218).

Современная наука реконструирует историю парфянского государства, опираясь как на сведения древних (главным образом, греко- и латиноязычных) авторов, так и на разнообразные эпиграфические материалы.

15143 *С тех пор уж пятьсот миновало годов.*– Со времени основания сасанидской династии прошло менее 400 лет – коронация Арташира I происходила в 227 г., описываемые переговоры между Хосровом II и Бахрамом Чубине – в 590 г.

15159–15160 *Родившийся в Рее – то знали всегда / Двулик, человечность такому чужда.*– Бахрам Чубине был родом из Рея.

15161 *Из Рея ничтожное войско придя, / Себе обрело в Искендере вождя.*– О разделе Ирана согласно завещанию Александра Македонского см.: ШН, V, с. 93.

15215 *У Парса отнимет величие Рей.*– *Парс* – колыбель кеянидов и сасанидов, *Рей* – ашканидов (парфян).

15218 *Обычай Милада в стране обновлю.*– *Милад*, по мнению Т. Нельдеке – ашканидский царь Митридат (Нельдеке, с. 7). В «Шахнаме» Милад – имя богатыря, основателя одного из знатных родов; шах Кей-Кавус, уходя в поход на Мазандаран, поручил Миладу управление страной (ШН, I, с. 360).

15226 *Новый день* – праздник Новруз (см. примеч. 1162).

15252 *Тахамтан*, букв.: *Могучий* – прозвище Ростема.

15364 *Дара́* – Дарий III, побежденный Александром Македонским.

15477–15486 *Новзар как жестоким стал волей судеб / ... / Призвали все знатные Самавождя.*– *Сам* – правитель Систана, главный иранский богатырь в войске Манучехра, отец Заля и дед Ростема. Об упоминаемых здесь событиях см.: ШН, I, с. 276–278.

15615–15630 [*Ночное нападение Бахрама Чубине на войско Хосрова и бегство Хосрова Парвиза*] – Сражение между войском Бахрама Чубине и Хосрова Парвиза описано у Феофилакта Симокатты и Табари (Ф. Симокатта, кн. 4, гл. IX; N.-T., с. 280). По другой версии Табари, а также по Бал'ами и Динавари, Хосров, поняв, что его войска не желают сражаться с Бахрамом Чубине, без боя вернулся в столицу (N.-T., с. 274; Бал'ами, с. 200; Динавари, с. 121).

15771–15786 *К тому ж Фаридуна потомки, любя / Как родича, в горе поддержат тебя.*– Румийцы (византийцы) считались потомками Сальма, старшего сына царя Фаридуна, иранцы – потомками его младшего сына Ираджа.

15838 Хормозд IV был убит в 590 г. Многие мусульманские авторы утверждают, что это произошло с молчаливого согласия его сына Хосрова Парвиза (см.: Колесников, 1970, с. 59).

15867 *Хосров же все держит пустынею путь.*— Маршрут странствования Хосрова Парвиза в разных источниках дается по-разному. Наиболее достоверным считается путь через города Пероз-Шапур, Анат, Хит к византийской крепости Киркензиум (у Фирдоуси – Карсан), закончившийся по Фирдоуси – в Авриге, по Я'куби и Мас'уди в Эдессе (Колесников, 1970, с. 60).

15869 *Ребат* — арабский термин, соответствующий персидскому bīrūn, «наружный», «предместье»; располагался между собственно городом, шахристаном, окруженным стеной, и внешней стеной.

15896 *Кешки́н* – ячменный хлеб.

16103 *Свободных успел бы в рабов обратить.*– *Свободных,* āzād-mard, см. примеч. 2511.

16261–16262 *И вот, уподобясь наследным царям,* / *На трон кеянидов восходит Бахрам.*– Коронация Бахрама Чубине произошла 9 марта 590 г. У Динавари Бахрам Чубине обещает принять правление царством лишь на то время, пока «Шахрийар, сын Хормоза, достигнет совершеннолетия» (Колесников, 1970, с. 123).

16275 *Азер,* день Хура – см.: ШН, V, с. 362.

16362 *Клюшка* – в ориг. човган (см. примеч. 11687).

16442 *На землях, где правил Мусиль-армянин.*— *Мусиль-армянин* — Мушег, великий марзбан Армении.

16462 *Багиле,* в Калькуттском издании – Bādila.

16495 *Миср* – Египет.

16580 *Узнай же, что я из Карзийских купцов.*– Kār[i]zī, Kār[i]zīn – округ с одноименным главным городом в области Арташир-Хварра (Хорре-Ардашир).

16588 *Карсан* – византийская крепость Киркензиум, расположенная при впадении р. Кобур в Евфрат.

16643 *Так звался тот город: Варих иль Аврих.*– По Ибн ал-Балхи, Бал'ами и Табари, Хосров Парвиз в ожидании ответа от императора остановился в Антиохии; христианские авторы называют Эдессу, Я'куби м Мас'уди – ар-Руха (арабское название Эдессы) (Колесников, 1970, с. 60).

16842 *С письмом, что кейсеру прислал властелин.*– У Феофилакта Симокатты приводится текст письма, где Хосров Парвиз, обращаясь к императору Маврикию, называет себя «сын и просящий убежища» и просит помощи против Бахрама, указывая на то, что цари должны помогать друг другу в деле справедливости; призывает ромеев быть «спасителями и врачами» персидской державы (Ф. Симокатта, кн. IV, гл. X).

16978 *Те бедствия все от ворон иль от сов*? — Зд., возможно, ссылка на главу о вражде между совами и воронами из «Калилы и Димны» («Калила и Димна», с. 213, гл. X).

17026 *Зич* – астрологические таблицы; по объяснению автора персоязычной энциклопедии X в. «Ключи наук» Мухаммада ибн Юсуфа ал-Хорезми, *зич* [*зидж*] есть книга, по которой вычисляются пути и положение светил на каждый год. У Бируни упоминаются «Зидж-и шахрияраншах» – «Таблицы царя царей», составленные в конце VI или начале VII в. на ср.-перс. языке (Бируни, с. 14 и соотв. примеч.).

17032 *По звездам составил премудрый Платон.*– *Платон* – собирательный образ греческого мудреца.

17063 *Константинов град* – Константинополь.

17073–17075 *Здесь каждый, как старец, был скорбен и хмур* / *В те дни, как царил Ардаширов Шапур* – / *Столь часто вторгался он в нашу страну...*– Об ирано-византийских войнах при Шапуре I (243–272) см.: ШН, V, с. 153–155.

17111–17112 *И вспомните вновь о злосчастных годах,* / *О Сальме и Туре...*– Царь Фаридун, решившись разделить землю между сыновьями, отдал лучший удел, Иран, наиболее достойному из них – младшему сыну Ираджу. Братья из зависти убили Ираджа, что послужило началом вражды Ирана с Румом и Тураном, доставшимися в наследие старшим сыновьям (ШН, I, с. 96–115).

17228 *Атбин* – потомок Джамшида, в «Шахнаме» – отец Фаридуна (см.: ШН, I, с. 56 и примеч. 1492).

17236 *Бахман* – сын Исфандиара, внук иранского царя Гоштаспа, унаследовавший от него царство (ШН, IV, с. 330–340; V, с. 359).

17290 *Шабаханг* – Сириус, утренняя звезда.

17309 *Тилисм* – волшебство, волшебный предмет (отсюда русск. «талисман»).

17441–17442 *«Путь,– слышен Хоррада Борзина ответ,– / Луна и Корова, иного там нет».*– В Калькуттском издании: *В Хинде шах – Луна и Корова* [*Бык*].

17461–17497 *Рубаху твою, коль попросят, отдай...*— Пересказ стихов 39, 40 гл. 5 Евангелия от Матфея.

17513 *Кыбла* – сторона, в которую мусульмане поворачиваются лицом при молитве.

17545–17547 *Дочь-радость имел он. Стыдлива, скромна / Марьям... / По вере с Хосровом ее обручил...*– Об этом же рассказывают Табари, Бал'ами, анонимная сирийская хроника 1234 г. N.-T., с. 275; Бал'ами, с. 210; Пигулевская, 1946, с. 254—256). В греческих источниках никаких сведений о Марии, дочери императора Маврикия, ставшей женой Хосрова Парвиза, не имеется.

17601 *День Бахрама* – см.: ШН, V, с. 362.

17613–17614 *Рать брату доверил кейсер своему, / Вождю Ниятусу.*– Мусульманские источники называют Ниятуса братом императора. На самом деле Феодосию (написания этих имен графически очень близки), сыну императора Маврикия, было в описываемый период семь лет; византийскими войсками командовал магистр византийских войск Нарсай.

17647 *Сергес* — по предположению Т. Нельдеке, почитаемый в Византии св. мученик Сергий превратился в мусульманской традиции в военачальника Сергеса.

17677 *Степь Дук* – в других источниках – Данак.

17822 *Ормозд* – зд. планета Юпитер.

18190–18195 *Коль в битву румиец пойдет хоть один, / ... / Румийцу почет уступать ни к чему.*– В битве между Хосровом II и Бахрамом Чубине принимали участие и персидские, и византийские войска. Византийская традиция склонна подчеркивать, а персидско-арабская – преуменьшать и даже отрицать роль византийского войска в поражении Бахрама.

18324 *От звезд сотворенных подмоги не жду.*– *Звезды* – в ориг. Сатурн и Меркурий.

18326–18327 *Соруш благодатный предстал на пути / В зеленой одежде...*– Эти строки говорят, по-видимому, о мусульманском характере источника Фирдоуси: зеленый цвет – цвет знамени ислама; в зеленой одежде является обычно и пророк Хызр.

18487 *Кешк* — сушеное кислое молоко (получаемое путем выпаривания кислого молока).

18578 *Помчался к властителю Чинской земли.* – Бахрам прошел через Хорасан к Хорезму, перешел Амударью и прибыл, по Динавари, в область Кумис.

18639–18642 *Царский убор* – досл.: *Ожерелье и две серьги. Зеленый кафтан, в коем злато блестит* – Присылка императором почетной одежды могла иметь особый смысл – такие подарки делались обычно царями зависящим от них правителям (ср.: ШН, V, стих. 6061, 6062).

18681 *Гольшан* – букв. цветник; зд.– богато убранный, украшенный росписями дворец.

18797–18799 *Из тех, что у Рума встарь отнял Кобад / И после Хормоз и Кесра, каждый град / Вернул...*– Мир между Ираном и Византией был заключен весной 591 г. Согласно своему обещанию, за оказанную ему императором Маврикием помощь Хосров II вынужден был вернуть Византии Дару и Майферкат, отдать область Арвастан до Нисибина, часть Иберии и бóльшую часть Армении и отказаться от выплачиваемой Византией дани (см. примеч. 1157).

18929 *Как только он града туранцев достиг.*– После поражения Бахрам Чубине с небольшим войском поселился в Дейлеме, который обладал определенной независимостью благодаря своему выгодному географическому положению.

19483 *Хаснуй и Зангуй* — в Калькуттском издании Cīnūy и Žangūy.

19498 *День Сипандармоз* – день Спандармат, см.: ШН, V, с. 462.

19761 [*Смерть Бахрама Чубине от руки Колуна*] – Бахрам был убит в 598 г.

19876 *Твои наставленья мне серьги в ушах* – т. е. *я принимаю твои советы*, они дороги моему слуху и одновременно являются украшением – поговорка, и сейчас бытующая в Таджикистане.

19966 *В одежды он синие всех облачил* – синий цвет – цвет траура.

20206 По Калькуттскому изданию. В основном тексте: *Быть может, сломаешь хребет нашего врага.*

20478 *Созвездье Хуше* – созвездие Девы (*Хуше* – букв. «колос»).

20786 *Халук* – ароматическое вещество.

20787–20794 Четыре бейта добавлены по Калькуттскому изданию.

20908 *Тераз* — арабизир. talas, город в Восточном Туркестане, вблизи совр. Джамбула; в кл.-перс. поэзии часто воспеваются знаменитые butān-i Taraz — «кумиры Тераза», теразские красавицы.

20942 *Возросшего в холе намаз не будил.*— Досл.: *По утрам не слышал он призыва к намазу.*– *Намаз* (из ср.-перс. nāmāč) – особая молитва, совершаемая всеми мусульманами пять раз в день; призыв к первой, утренней молитве раздается на рассвете.

21014 *Шируйе* – другая форма имени Шируй.

21044 По Калькуттскому изданию. В основном тексте: *Узнал, что прибыли послы от шаха.*

21113–21116 Перестановка бейтов.

21118 *Земля колдунов,* в ориг. Jādūsitān – так в «Шахнаме» иногда называется Индия и прилегающие к ней земли.

21146 *Бахтар* – зд. Восток.

21161 *В казне твоей крест Иисуса, о шах!* – В 614 г. при захвате Иерусалима иранскими войсками (не отраженном у Фирдоуси, ср. стих 21267), в числе других трофеев была вывезена и помещена в шахскую сокровищницу главная христианская святыня – крест, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос.

21177 *И пост воскресенья священный блюдя* — имеется в виду Великий пост перед праздником «Воскресения из мертвых» – Пасхой.

21255–21273 *Ты дальше сказал о Христовом кресте,/ ... / Все иное просить/Ты можешь...*– У Бал'ами Хосров так объяснит свой отказ вернуть Византии крест: «Стяжав этот крест, я стяжал победу над ними, и не возвратил его потому, что пока это дерево хранится у нас, в нашей сокровищнице, мы будем сохранять над ними власть» (Бал'ами, с. 251); у Динавари: «Поистине, я запер его для того, чтобы этим получить в залог их послушание и чтобы они повиновались мне во всем, что я ни пожелаю от них, вследствие великого воздействия на них этого дерева» (цит. по: Колесников, 1970, с. 81). Согласно христианским источникам, крест был возвращен императору Ираклию в царствование Фараин-Гораза (Шахрбараза).

21260 *Затем, что распят был пророк на кресте.*— Чисто зороастрийская аргументация; согласно Корану, Мессия был взят живым на небо, а на кресте люди видели его призрак (Коран, с. 3, 158).

21267 Досл.: *Царь Ардашир хранил этот крест.*

21300 *Пайдавси* – кожаный мешочек, кошель (см.: ШН, V, с. 374).

21329 [*Сказ о Хосрове и Ширин*] – Ширин, любимая жена Хосрова Парвиза, упоминается как историческое лицо в персидских, византийских и арабских источниках. Так, Бал'ами пишет, что ни в Руме, ни в Туркестане не было женщины прекраснее лицом и лучше характером, чем румийка Ширин (Бал'ами, с. 122).

Христианские источники утверждают, что арамеянка Ширин (Зейрем) имела большое влияние на Хосрова, который возвел для нее поблизости от царского дворца монастыри и церковь и покровительствовал ее единоверцам-монофизитам.

В персидской литературе тема любви Хосрова и Ширин стала одной из самых распространенных. Вслед за Низами (XII в.), поэму под названием «Хосров и Ширин» писали Амир Хосров Дехлеви, Навои, Хатифи и многие другие знаменитые и менее известные поэты.

Одновременно эта тема продолжала жить в фольклоре, обогащавшем литературные варианты поэмы новыми сюжетами. Не исключено, что легенда, вдохновившая когда-то Пушкина, могла представлять собою один из трансформированных вариантов этой легенды, и героиня «Бахчисарайского фонтана» с трудно идентифициру-

мым именем Зарема, убившая свою соперницу по гарему, христианку Марию, имеет в своей литературной родословной Зейрем-Ширин, отравительницу Марии, дочери византийского кесаря. О татарском фольклоре как о среде распространения персидских легенд (наряду с фольклором Туркестана, Кипчакской степи, Кавказа) говорил еще в 1934 г. на Международном конгрессе, посвященном Фирдоуси, В. Ф. Минорский в своем докладе об отражении «Шахнаме» в русском эпосе.

Следует отметить, что в позднейшей персидской литературе сюжет об отравлении Марии либо отсутствует, либо присутствует с обратным знаком – авторы указывают, что Ширин никак не могла совершить это преступление.

21435 *Аргаван* – красный цветок, багрянник.

21450 *Цвет солнца прихлынул к царевым щекам.*— Сравнение с солнцем обычно при описании бледности.

21633–21634 *О троне, который был назван Такдис / Который воздвиг в Аспарисе Парвиз.*– О дворцах и сокровищах Хосрова Парвиза, упоминаемых у Фирдоуси, рассказывала ср.-персидская книга «Парвиз-намак», выдержки из которой приводятся у многих арабо-персидских авторов.

Такдис – так и в других источниках, например у Бал'ами, который называет его одной из диковин, принадлежавших Парвизу. Описание этого трона, представлявшего своего рода планетарий, сохранилось у византийского историка Кедрина (вторая половина VIII в.): «Над этим троном был высокий купол наподобие небосвода, на котором были изображены солнце и звезды» (ср. стихи 21675, 21676).

Аспарис – букв. «ристалище», «ипподром».

21658 *Семиглазка* – в ориг. haftčasm.

21675–21676 *На нем весь порядок небесных светил / И строй, и движение их отразил.*– В Государственном Эрмитаже хранится сасанидское серебряное с позолотой блюдо, на котором изображен часовой механизм трона Хосрова II (см.: Луконин, 1977, с. 184).

21723 *Мискаль* – мера веса, в различные эпохи исчислялась по-разному, в среднем 4,5 г.

21763 *Мишсар* – букв. «с головой овцы».

21783 *Тир* – зд. планета Меркурий.

21808 Имя *Барбеда,* придворного музыканта Хосрова Парвиза, знаменито на Востоке, в классической поэзии оно стало нарицательным и использовалось как образ сравнения при описании прекрасного голоса. Барбеда прославляли персидские и арабские авторы, жившие через много веков после него.

Барбед (или Фахлабад) был не только музыкантом и певцом, но и композитором и теоретиком музыки. Его творчество оказало огромное влияние на сасанидскую, а вслед за тем, по мнению многих музыковедов, на персидскую и арабскую музыку.

Согласно источникам, Барбед изобрел (а возможно, развил и теоретически обосновал) семь «хосровани» – семь ладов, иногда описываемых как цикл, состоящий из семи песнопений, отличающихся друг от друга по ритмам и мелодиям; тридцать «лахн» – мелодий или модуляционных форм; триста шестьдесят песен – по одной на каждый день года (о музыке эпохи сасанидов см.: Виноградов, 1982, с. 23–31).

21856 *Поле Пашана* – место, где происходило сражение между иранцами и туранцами, окончившееся гибелью многих потомков иранского богатыря Гудерза (ШН, II, с. 440–447). Это сражение часто упоминается в кл.-перс. поэзии, хотя при описании его в «Шахнаме» название «Пашан» отсутствует (см.: ШН, III, примеч. 6769).

21872 *Дад-афарид* – в некоторых источниках *Йездан-афарид* – Йездан сотворил.

21878 *Той песни, и впрямь богатырской, не знал* – зд. обыгрывается двойное значение слова pahlavānī – «пехлевийский» и «богатырский».

21891 *Пайкари горд* – битва героя.

21905 *Сабз-дар-сабз* – зеленый в зеленом.

21947–21952 *Труд славный когда завершу, по стране / ... / Почтит мою память словами хвалы.*– Ср. стих 26023–26028.

21979–21980 *На десять он рашей пустил в глубину / Дворца основанье* – отождествляется со знаменитым комплексом «Так-и Бостан», расположенным в 6 км от Керманшаха. Многие детали описания у Фирдоуси соответствуют данным археологических раскопок, проводимых в этой местности (Луконин, 1987, с. 189, 260).

22161–22175 *Арус* – досл. «невеста». *Бадавар* – «принесенный ветром». По Бал'ами,

история этого клада такова: «Румийский кейсер послал его царю хабашей [эфиопов], ⟨...⟩ и там была тысяча кораблей, груженных золотом, серебром, изумрудами, рубином, парчой и прочими несчетными драгоценностями. Но ветер поднял волны, разбил корабли и вынес их на берег к Хосрову Парвизу – это и было сокровище, принесенное ветром. Хосров Парвиз сказал: „Мне эта казна более подобает, чем тому, раз ветер принес ее ко мне“» (Бал'ами, с. 221). *Дибе Хосрови* – «парча Хосрова». *Сухте* – «сожженный»; Бал'ами рассказывает сокровищнице, в которой все драгоценности «были брошены в огонь, и все, что могло гореть, сгорело, а то, что не сгорело, очистилось (Бал'ами, с. 221). *Хазра* – «зелень» или «небо». *Шадвард* – «престол».

22162 *Буртасы* – обитатели области Буртас или Пуртас (хазары или, по В. Ф. Минорскому – мордва) на берегу Волги.

22215 *Гораз* [*Фараин-Гораз*] или *Шахрбараз* – военачальник, возглавлявший иранскую армию в византийских войнах Хосрова Парвиза, был правителем захваченных территорий.

22231 *Кейсер* – зд. император Ираклий (610–641).

23192 *Волшебников стан* — Jādūsitān, см. примеч. 21118.

23240 *Коль руки брахмана кумир унесут* – т. е. если поклоняющийся [служитель] завладеет предметом поклонения (ср.: ШН, I, стих 13954).

23391 *Зеркальный дом* – легендарный маяк на острове Фарос в Александрии, т. н. «башня Искендера» или «зеркало Искендера». По преданию, на вершине его было большое зеркало, отражавшее всю округу, море и сушу, на большое расстояние.

23527 *Джанусияр* — в некоторых рукописях — Джансипар, Джануспар.

23662 Хосров II был убит 29 февраля 628 г.

23663 *Мир скачущий* – дословный перевод, в ориг. игра слов: jahān-i jahān.

23675 *Пятнадцать там было царя сыновей, /.../ Шируй прослезился, услышав о том.*– По другим источникам (Табари, Бал'ами, Хамза Исфаханский) семнадцать или восемнадцать сыновей Хосрова Парвиза были убиты по приказанию Кавада Шируйе.

23695 [*Сказ о Шируе и Ширин, жене Хосрова Парвиза, и гибель Шируя*] – Ср. с описанием смерти Ширин из «Махасин» Джахиза в главе «О красотах верных женщин»: «Когда Шируйе, сын Абервиза, убил отца и власть упрочилась за ним, [он] послал к Ширин, зовя ее к себе. [Она] отказалась и не пожелала дать согласие на это. И тогда [он]отобрал ее имения, поместье, ценности и деньги и поносил ее всяким бесчестием. И когда это дошло до нее, ей было менее важно, что [он] отобрал из ее состояния, чем те оскорбления, которые он ей наносил. И [она] послала к нему [слугу] и сказала: «О муж! если неизбежно то, о чем ты просил, то выполни мне три вещи и тогда я соглашусь на то, что ты желаешь». [Он] сказал: „А что это за вещи?“ – [Она] сказала: „Одна из них [это то], чтобы ты вернул мне мои имения, деньги, а вторая, чтобы ты взошел на свой минбар (кафедру) в присутствии ⟨...⟩, знатных людей твоего государства и очистил себя от поношений [которые ты в меня] бросал, и третья – отец твой оставил мне [нечто] на хранение, прикажи же, чтобы мне открыли вход в склеп, с тем, чтобы я [могла] вернуть ему“. Он удовлетворил ее просьбу и велел открыть ей вход в склеп. При ней был перстень, в котором [был] яд, который действовал в тот же час. Она его высыпала в рот, обняла могилу своего супруга и умерла» (цит. по: УЗ ИВ АН СССР, XIX, с. 194, 195).

23943 *Арташир*, сын Кавада Шируйе, был коронован по одним источникам, в 7, по другим – в 17 лет.

24055 *Фараин-Гораз* или *Шахрбараз* поднял восстание против Арташира, осадил столицу, взял ее 27 апреля 630 г. и убил царя. В некоторых источниках говорится о 40-дневном, в других – о 50-дневном сроке его правления.

24072 *Абитин* – форма имени Атбин (см. примеч. 17288).

24183 *Пурандохт* – (букв. «девушка Пуран» или «дочь Пурана»; ср. Азармдохт) по Табари и Бал'ами, дочь Хосрова Парвиза, царствовала до осени 631 г.

24231 Перед Азармдохт менее месяца был царем Пируз Гошнасп, дальний родственник Хосрова Парвиза. Азармдохт была убита Ростемом, сыном военачальника Фаррух-Хормозда, отомстившим за смерть отца, казненного по ее приказанию.

24251 *Призвав Фаррухзада из града Чехрем* – По Табари и Бал'ами, после Азармдохт были коронованы (иногда против собственной воли), а затем свергнуты или

убиты еще несколько представителей царской фамилии. Последний из них, Фаррухзад, назван в этих источниках сыном Хосрова Парвиза, спасшимся от руки убийц (ср. стих 23677) и жившим под Нисибином. «Его привезли и дали ему царство, а через шесть месяцев тоже убили» (Бал'ами, с. 261; N.-T., с. 396, 397).

24269 *Сияхчашм* – букв. «черноглазый».

24306 *Сипандормоз* – зд. месяц Спандармат (см.: ШН, V, с. 362). Ездигерд III, сын Шахрияра, вступил на престол в конце 632 или в начале 633 г.

24347–24348 *Омар против шаха – день этот настал – Саада Ваккаса с бойцами послал.*– Начало завоевания Ирана арабами относится к 633 г. У Фирдоуси отражен его решающий этап, начавшийся при втором мусульманском халифе Омаре I ибн ал-Хаттабе.

Саад Ваккас — Са'д ибн Абу Ваккас, один из первых сподвижников Мухаммада. Омар поручил ему командование войском мусульман в начале 636 г. О завоевании Ирана арабами см.: Колесников, 1982.

24351 *Сын Хормозда* – Ростем [Рустам], сын Фаррух-Хормозда, правителя Хорасана (см. примеч. 24231 и стих 22424).

24360 *К сраженью готовился Кадиси-град.*– Войска противников стояли лагерем на небольшом удалении друг от друга в окрестностях Кадисии (близ Хиры).

24365 *Соллаб* – астролябия.

24377 *Светило с четвертого неба глядит* – четвертое небо или четвертая небесная сфера считалась сферой Солнца.

24382 *Аторуд* – планета Юпитер.

24474 *И все имена их – Бу-Бакр и Омар.– Бу-Бакр* [*Абу-Бакр*] (632–634), *Омар ибн ал-Хаттаб* (634—644) – первые мусульманские халифы.

24600 *Аджам* — зд. арабское название Ирана.

24648–24649 *Среди хашимитов восставший пророк* – Мухаммад принадлежал к роду хашимитов.

24712 *Коль примешь ты веру – алайкум салам! – Алайкум салам* – «Вам мир!» – традиционное (ответное) мусульманское приветствие, возможное в раннем исламе лишь по отношению к единоверцам (ср. также: «Этикет», с. 47, 48).

24735 [*Битва Ростема с Саадом Ваккасом и гибель Ростема*] – Битва при Кадисии происходила весной 637 г.

24858 *Магуй* – марзбан Мерва, главного города Хорасана.

25021 *Не зря Нушинрвану привиделся сон* – у Фирдоуси пересказываемый ниже сон не упоминается (и не совпадает по содержанию с интерполяцией, упоминаемой в примеч. 10646).

25065–25066 *Деж-Гонбадин, Деж-Лажвардин* – возможен также буквальный перевод этих названий: «крепость, имеющая купол, свод» и лажвардовая крепость.

25296 *Туранское войско* – так в оригинале; то же и в стихе 25771.

25572 Ездигерд III был убит в 651 г.

25648 *Касаб* – зд. сорт златотканой парчи.

25987–25988 *Я, кроме ахсанта, от них ничего/Не слышал, в огне от ахсанта сего.*— Зд., очевидно, речь идет о попытке Фирдоуси предложить первую редакцию своей книги вельможам буидского Ирана. Там она была восторженно принята, весь текст переписан, но автору ничего не заплатили, кроме «ахсант!» — «браво!». После этого Фирдоуси посвятил книгу султану Махмуду. См.: Примеч. 3509.

25995 *Катиб* — чиновник.

26011 *В год Хиджры по восемь десятков пять раз.– Год хиджры*, т. е. перехода Мухаммада из Мекки в Медину (621), является началом мусульманского летосчисления. 400-й год Хиджры (1009–1010) считается годом завершения второй редакции «Шахнаме», посвященной султану Махмуду Газневийскому. Первая редакция текста была завершена в 384 г. Хиджры (994 г. н. э.), также упоминаемом в тексте «Шахнаме» (см.: ШН, I, с. 493–494).

26022 *Стихов – шестью десять по тысяче в нем.*– Сохранившиеся рукописи содержат от 60 до 100 тыс. стихов.

26023–26028 Этот отрывок называют часто «Памятником» Фирдоуси. Некоторые авторы говорят в этой связи о возможности поставить вопрос о знакомстве Фирдоуси с творчеством Горация (см., напр., ШН, I, с. 539; Ю. Марр, с. 56, 57).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аз хишт та хишт.— *Кутираи М.* Аз хишт та хишт. Тегеран, 1348/1970
Арузи.— *Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей или Четыре беседы. М., 1963
Бал'ами.— *Бал'ами Мохаммад ибн Джарир.* Тарджомей-и тарихи Табари. Тегеран, 1337/1959
Бартольд VII.— *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VII. М., 1971
Бируни.— *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957
Бичурин.— *Бичурин Н. Я. (Макинф).* Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950
Вазургмихр.— *Йадгари Бузурджмехр.* Изд. М. Наваби. Табриз, 1959
Виноградов, 1982.— *Виноградов В.* Классические традиции иранской музыки. М., 1982
Войн. гот.— *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950.
Войн. перс.— История войн римлян с персами, вандалами и готфами. СПб., 1876
Ф. Вольф.— *Wolf F.* Glossar zu Firdosis Schahname, Hildesheim, 1965
Голестан.— *Саади.* Куллийат, Тегеран, 1354/1375
Гумилев, 1960.— *Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин (опыт критики источников). Проблемы востоковедения, 1960. № 3
Гумилев, 1961.— *Гумилев Л. Н.* Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников. Византийский временник, 1961. XX
Гумилев, 1962.— *Гумилев Л. Н.* Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962
Джавидан хирад.— *Ибн Мискавейх А. А.* Ал-хикмат ал-халида. Каир, 1952
Джахиз.— *Иностранцев К.* Материалы из арабских источников для культурной жизни сасанидской Персии. СПб., 1907
Динавари.— *Колесников А. И.* Иран в начале VII в. Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970
Ибн Хордадбех.— *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986. Кабус-наме.— Кабус-наме. М., 1958
Книга о шатранге.— *Орбели И., Тревер К.* Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.
Калила и Димна.— Калила и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М.; Л., 1934.
Книга установлений.— Отрывок военного трактата из сасанидской «Книги установлений». *К. Иностранцев.* ЗВО, XVII.
Колесников, 1970.— *Колесников А. И.* Иран в начале VII в. Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л.; 1970
Колесников, 1982.— *Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами. М., 1982
Луконин, 1977.— *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977
Луконин 1987.— *Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987
Ю. Марр.— *Марр Ю. Н.* Статьи и сообщения. Т. II. М.; Л., 1939.
Меноге храт.— *Nyberg H. S.* A manuel of Pahlavi. Wiesbaden, 1964
М. Мо'ин.— *Мо'ин М.* An intermediate persian dictionary. Tehran, 1978—1982
Периханян.— Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
Пигулевская, 1946.— *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.
Пигулевская 1952.— *Пигулевская Н. В.* Восстание в Хузистане при Хосрове I. КСИВ АН СССР, IV, 1952
Пигулевская 1950.— *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1950

Пигулевская 1964.— *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—X вв. М., 1964

Птицын.— *Птицын Г. В.* К вопросу о географии «Шах-Наме». «Труды вост. отд. Эрмитажа», IV, 1947

Я. Рипка.— *Рипка Я.* Риторические приемы Фирдоуси. «Исслед. по истории и культуре народов Востока». Сб. в честь акад. Н. А. Орбели. М., 1960.

УЗ ИВ АН СССР.

XIX.— *Османов М.-Н. О.* Своды иранского героического эпоса «Худай-наме» и «Шах-наме».

Ф. Симокатта.— *Феофилакт Симокатта.* История. М., 1957

Ягелло.— *Ягелло И. Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910

Du Cange. Lexicon mediae et infimae Gnaecitatis. P., 1663

N.— T. — *Nöldeke Th.* Geschichte der perser und araber. Leiden, 1879

УКАЗАТЕЛЬ*

Аба *606*
Абад-Кобад *595*
Аббас 250
Аббас; аббасиды *622*
Абитин *см.* Атбин
Абу Бакр *см.* Бу-Бакр
Абу ль-Касим *см* Махмуд
Абу-Мансур ибн абд ар-Раззак *582*, *605*, *620*
Авазе, крепость 283, 293, 295
Авайакан *595*
Авеста 84, 339, *582*, *583*, *587*, *596*, *606*, *608*, *609*, *616*
авестийский яз. *587*
Аврих *см.* Варих
Агафий Схоластик *589*, *594*
Адам *606*
Аджам 543, *636*
Азад-Сарв (Серв) ** 84
азады 60, 220, 229, *602*, *603*
Азарм, Азармдохт 535, *637*
Азер А. *579*
Азер, месяц 360, 502, 509, *590*, *631*
Азербадган, Азербайджан 42, 61, 143, 314, 391, 396, 539, *599*, *626*, *629*
Иранский Азербайджан *588*, *595*, *598*
Азергошасп (Азергошесп), храм 143, 222, 273, 296, 392 411, 415, 539, 596, 603, 628
Азергошасп (Азергошесп), божество огня *607*
Азермаган · Фаррухзад *см.* Фаррухзад Азермаган
Азиз 72, *605*
Аин-Гошасп, Гошасп-Аин 314, 316, 317, 319, 342
айван 111, 116, 146, 156, 162, 169, 178, 221, 290, 294, 295, 299, 321, 468, 477, 522, 545, 553
аланы 54, 55, 461, *601*, *618*
алан-шах 330, 331, *635*, *629*
Александр Македонский; см. также Искендер *583*, *594*, *602*, *606*, *630*
Александрия *635*
Алеппо *см.* Халаб
Али бин аби-Талиб 82, *607*
Али Дейлеми 574
Аллах *587*
Алтуние 553
«Алф лайла ва-лайла» («Тысяча и одна ночь») *621*
Альборз 18, 516, *587*, *590*
Амида *594*
Амморие (Аммурие) 223, *624*
Амол 52, 449, 451, 452, 478, 548, *590*, *601*
Амордад *611*
Аму 118, 139, 140, 448, 450, 570
Амударья *см.* также Джейхун *586*, *589*, *590*, *600*, *632*
Анастасий, император *594*
Анат *631*
андарз *585*
Андив 416
Андиян, Андьян 326, 345, 371, 372, 381, 384, 393, 400–402, 416
Анкара *624*
АН Таджикской ССР *579*
Антакие *см.* также Антиохия 68, 69, *603*
Антиохия –»– Антакие *603*, *631*
Аносазадос *604*
Анушзад *см.* Нушзад
Анушрван *см.* Кесра Нушинраван
Апамея *603*
арабский, тазийский яз. 192, 544, *582*, *622*
арабы, аравитяне, тазийцы 58–60, 124, 192, 251, 331, 349, 358, 365, 366, 467, 478, 535, 539–543, 545, 547, 550, 552, 554, 569, 571, *582*, *595*, *601*, *602*, *626*
Араган *595*
Аракан *595*
Аракс *629*
Аран 31, *595*, *613*
Араш 50, 337, 340, 516, *600*, *627*
Арванд (Эрвенд) 247, 547, 552, *625*
Арвастан *632*
аргаван 39, 473, *598*, *634*
Ардабиль (Эрдебиль) 9, 42, 250, 255, 321, 345, 363, *588*, *629*
Ардаван (Эрдеван); Артабан 335, 394, *588*, *670*
Ардашир I Бабакан (Эрдешир Бабекан); Арташир 56, 299, 335, 336, 342, 378, 381, 384, 393, 479, 562, 566, 567, *585*, *588*, *591*, *597*, *614*, *630*, *633*
Ардашир II 528–530, 562, *635*
Ардашир (верховный мобед) 19–21, 101, 121, 123, 128, *588*
Арджасп (Эрджасп) 118, 121, 122, 124, 140, 141, 252,

* В томе V «Шахнаме» по типографским причинам была изменена нумерация страниц, относящихся к Приложениям; вследствие этого для нахождения слов через Указатели необходимо все номера страниц, начиная с 346, увеличивать на единицу, например, Абан, 363 – читай – 364.

** В скобках даны написания, принятые в предшествующих томах.

259, 293, 561, *612*, *613*, *628*
Аржанг 118, 312, 454, *612*
ариз 48, 50, 146, 251, 257, 445, 531, *600*
аркан, мера длины 12, 53, 236
Армен, Арминие, Армения, армяне 42, 71, 250, 252, 322, 326, 345, 364, 400, 467, 539, *586*, *594*, *604*, *614*, *621*, *631*, *632*
Арсенева К. С. *579*
Артабан *см.* Ардаван
Арташир *см.* Ардашир
Арташир-Хварра *см.* Хорре-Ардашир; также Гор, Фирузабад
аршакиды см. ашканиды
Арус 489, 512, *635*
Асимов М. С. *579*
Асман, день *609*
Аспарис 478, *634*
Атбин, Абитин 381, 531, 561, *632*, *635*
Аторуд 538, *636*
Атургушнасп *см.* Азергошасп
Афрасиаб, Афрасьяб 118, 121, 122, 124, 140, 293, 358, 406, 444, 489, 561, *612*, *613*, *626*, *627*
Афрасиаб, городище *589*
Афридун *см.* Фаридун
Ахваз *см.* также Хузистан 28, 29, 31, 42, 485, 486, *592*, *595*, *604*
ахемениды *591*
Ахриман 78, 107, 113, 122, 141, 147, 204, 206, 207, 230, 244, 247, 273, 283, 359, 432, 456, 501, 502, 510, 538, 542, 543, *585*, *588*, *593*, *600*, *605*, *606*
Ахура Мазда *587*
Ахшунвар **см.** Хушнаваз
ашканиды, аршакиды 335, 336, *583*, *591*, *629*, *630*
Ашкбус (Эшкбус) *627*
Ашхабад *623*

Баб ва-ль-Абваб *см.* Дербент
Бабак (Бабек); Папак 340, *630*
Бабак (мобед) 47–49, *600*
бабиды *591*
Багдад 265, 313, 321, 322, 327, 479, 547, 549, *591*, *628*, *629*
Багдис *625*
Багиле 364, *631*
Бадавар 489, *512*, *635*
Бадан-Пируз 9, *588*
баж 61, 241, 301, 352, 387, 392, 408, 413, 414, 522, 559, *603*, *628*
бажгах 559
Балазури *606*
Бал'ами *582*, *585*, *587*, *588*, *589*, *592*, *593*, *595*, *597*, *599–602*, *605*, *612*, *618*, *623*, *626*, *628*, *630–636*
Бал'ами Абу ль-Фазль *см.* Бу ль-Фазль
Балаш, Валаш 9, 13–15, 21, 22, *589*, *590*, *592*, *594*
Ал-Балих *603*
Балу, Балуй 371, 372, 384, 385, 389, 416
Балх 118, 140, 156, 206, 252, 283, 297, 302, 303, 312, 341, 569, *586*, *603*, *612*, *614*, *618*, *623*
Ибн аль Балхи *631*
Бами, Бамиан 140, 156, *613*, *618*

Бараз 604

Барак 10, 140, 282, *589*
Барбед 481–484, 489, 518, *634*
Барда 126, 255, 256, 321, 342, 345, 508, *613*
Барзуй 187–192, *621*, *622*
барсам 61, 110, 111, 144, 241, 301, 352, 387, 408, 413, 522, 559, *603*, *611*, *628*
Барсам 556, *570–572*
Бартольд В. В. *590*, *596*, *608*
батрик 78, 399, 492, *606*
Батрун 223, 227
Бахман, месяц 595
Бахрам, день, месяц, планета 173, 182, 194, 389, 435, 436, 538, *595*, *621*, 632
Бахман, (Бехмен) сын Исфандиара 381, *632*
Бахман мудрец 106
Бахман, 207
Бахрам II *614*
Бахрам III *614*
Бахрам Гур (Бехрам); Варахран V 5, 9–12, 15, 19, 121, 141, 279, 541, *583–586*, *589*, *602*, *614*, *626*
Бахрам Чубине 252, 254–270, 272, 274–284, 286, 288–293, 295–307, 310–314, 316, 319, 324–331, 333, 335–337, 340–351, 353–357, 359–364, 393–396, 398–411, 418, 419–437, 439–444, 447, 448, 450–453, 457, 472, 508, 514, 552, 562, *585*, *625*, *626–633*
Бахрам, из войска Кесры Нушинравана 63
Бахрам, сын Спавуша 278, 305, 351, 353–356, 361–363, 392, 403
Бахрам, сын Азер-Механа 244–247
Бахрам-Фаррух
Бахтар 467, *633*
«Бахчисарайский фонтан» *634*
Бедраг *586*
бейт 471
Бейхаки *625*
Белуджистан, белуджи 54–56, 126, 143, *601*
бендавси 470
Бербер[ия] 116, 470
бербет 21, 482, *590*
Берзнев В. Г. *579*
Берое *см.* Халаб
Бертельс Е. Э. *578*
Бехзад 36
Бехистун *см.* Бисотун
Бижен, сын Гива *630*
Бижен 556, *570–573*
Биндуй 36
Биндуй, дядя Хосрова Парвиза 315, 319–321, 325, 327–329, 341, 344, 345, 347, 349–355, 361–364, 391–393, 397, 402, 404, 407, 413–416, 448–450, 461, 508, 562
Бируни *589*, *606*, *608*, *610*, *611*, *613*, *624*, *625*
Бисотун 144, 332, *614*
Бистам 139
Бистам *см.* Гостехем
битрис *см.* батрик
Блас *см.* Балаш
Близнецы, созв. 244, 326, 538
Болдырев А. Н. *579*
Борзин 203
Борзмехр, дабир Нушинравана 240
Борзмехр 416
Бост 14, 551, 555
Брагинский И. С. *579*
брахманы 161, 188, 513
Бу-Бакр 540, *636*
бузурги, вазурги *585*, *586*

Бузурджмехр 83–85, 87–91, 94, 95, 98, 99, 101–103, 106, 109, 146, 155–159, 161–164, 191–200, 223–226, 230, 245, *585*, *597*, *608*, *611*, *615*, *618*, *622–624*
буиды *636*
Бу ль-Фазль 192, 622, 635
«Бундахишн» *630*
Буртас, буртасы 489, 511, *635*
бут-ара 142
Бухара 119, 132, 140, 557, 570, 571, *590*
Бык, телец, созв. 58, 83, *602*
Бык Земли, Бык-Рыба 58, *602*

Вазургмихр *см.* Бузурджмехр
муч. Вакх *603*
вазурги *см.* бузурги
Валаш *см.* Балаш
Варахран V *см.* Бахрам-Гур
Варих 368, 371, 390, *631*
Вартапет Егише *586*
Вахш, *586*
Вашгирд *см.* Висегерд
везир 100, 103, 109–113, 124, 132, 240, 251, 260, 325, 350, 416, 471, *599*, *611*, *618*
Венера *см.* Нахид
Вех Антиок *см.* Зиби-Хосров
Вех Арташир 588, 591
Византия *см.* также Рум *583*, *586*, *594*, *599*, *602*, *604*, *605*, *624*, *626*, *632*, *633*
Висегерд 6, 118, *586*
Волга *635*
Волгин В. П. *578*
Вольф Ф. *585*
Восточный Туркестан *589*, *612*, *633*

Гавдом 172, 268, 400, *620*
Газна 14
Гай-катиб 574
Гамаюн – птица вещая 618
Гардуй 326, 328, 329, 344, 347, 349, 393, 400–402, 404, 416, 439, 445, 448, 450–453, 459
Гарсиваз (Герсивез) 561, *627*
Гарсиюн *570*
Гарчистан *586*, *612*
Гаршасп (Гершасп) *587*
гассаниды *602*
Гатфар 118–122, 126, *612*
гахбед 205, *624*
Гейне Г. *608*
Герат 238, 250, 264, 265, 267–269, 280, 312, 569, *625*, *627*
Геродот *609*
Герийская степь *см.* Герат
Гив 309
Гиль *см.* Гилян
Гилян, гиляки, гилянцы 42, 54, 55–57, 126, 143, 156
Гиндукуш *613*
Гиркания *см.* Горган
Гов 164, 165, 167–178, 180–186, *619*, *620*
«Голестан» *625*
Голинуш 501, 504–506
Гользариюн 117, 118, 126, 141, *612*
Гольшан 413, 455, *632*
голяб 183, 237
Гор *см.* Хорре-Ардашир
Гораз *см.* Фараин-Гораз

Гораций 636

Горган 52, 124, 139, 140, 201, 449, 551, *588*, *589*, *601*, *612*
Горгин, сын Милада 333, 337, 338, *629*
Горго *см.* Горган
Гордие 305, 306, 308, 311, 341, 442, 444, 446–457, 459, 460, 628
Гостехем 315, 319, 321, 324, 325, 327–330, 341, 344, 345, 347–351, 370–372, 381, 383–385, 388, 389, 391, 393, 397, 400, 402, 404, 413, 416, 449–452, 461, 508, 562, *628*
Гостехм *см.* Гостехем
Гошасп 1) (Гошесп) 62
Гошасп 2) 203
Гошасп 3) 514
Гошасп Аин *см.* Аин Гошасп
Гошвад 258, *626*
Гоштасп, сын Лохраспа 141, 252, 293, 335, 381, 478, 516, *613*, *614*, *629*, *630*, *632*
Гударз (Гудерз) 259, 308, 309, 516, *626*, *630*
Гунде-Шапур *см.* Джунд-Шапур
Гуснастад *592*
Гумилев Л. Н. *625*
гурии 544
Гюзальян Л. Т. *579*
Гур *597*

дабир (дебир) 10, 15, 25, 43, 62, 101, 103, 106, 113, 118, 121, 123, 125, 128, 131, 132, 138, 163, 203, 208, 223, 225, 234, 240–242, 251, 273, 279, 289, 291, 293, 301, 302, 305, 307, 308, 312, 346, 359, 366, 374, 379, 380, 389, 393, 395, 411, 416, 427, 428, 433, 440, 464, 469, 509, 523, 551, *589*, *599*, *600*, *630*
Дад-Афарид 483, *634*
В. Даль *623*
Дамаванд (Демавенд) 478, *594*
Даман 326, *629*
Данак *см.* Дук
Данбар (Денбер) 165, 168, 185
Дара 340, 358, *602*, *630*
Дара, город *603*, *632*
Дарабгирд 416
Дара-Панах 393, 395
дари см. фарси-дари
Дарий III см. Дара
дастан 192, 228, 229
дастур (дестур) 31, 41, 43, 53, 58, 61, 65, 159, 163, 170, 176, 186, 200, 201, 203, 223, 227, 246, 325, 376, 377, 445, 449, 455, 457, 477, 481, 501, 503, 514, 531, 544, 553, 554, 556, 562, 568, 569, *595*, *605*, *618*
дахма 38, 527, 529, 566–569, *598*, *607*
Девсарм *618*
Девы созв. *см.* Хуше
Деж-Гонбадин 553, *636*
Деж-Лажвардин 553, *636*
Дей, Дэй, день, месяц 229, 312, 502, 509, *624*
Дейлем 56, 143, *601*, *632*
Дербендский проход *601*
Дехлеви *633*
Джам *см.* Джамшид
Джамасп 1) 311, 478, 516
Джамасп 2) 26, 27, 30, *594*
Джамбул, город *633*
Джами *608*
Джамхур 164, 165, 167–169, 171, *620*
Джамшид, Джам 8, 15, 39, 206, 358, 381, 414, 432, 438, 516, 525, 561, *587–589*, *593*, *595*, *607*, *632*
Джандал *618*
Джанусияр 519, *635*

Джанфуруз 404
джаселик 78, 223, 399, 412, *605*, *606*
Джахан-Борзин 478
джахан-пахлаван 548, *626*
Джахиз *593*, *610*, *621*, *635*
Джебраил *613*, *628*
Джейхун 10, 11, 20, 21, 117, 118, 124, 126, 139, 251, 255, 281, 283, 313, 358, 431, 542, 570, 572, *589*, *590*, *600*, *626*
джуги *618*
Джунд-Шапур (Гунди-Шапур) 72, 74, 82, *605*
Джурван *629*
Дибе Хосров 489, *635*
дибк 183, *621*
диван 43, 46–51, 87, 204, 206, 415, 430, 445, 458, 531, *600*, *609*
Динавари 582, 602, 625, 628, 630, 631, 633
динар 20, 45, 46, 50, 62, 71, 117, 125, 131, 137, 139, 143, 174, 178, 188, 223, 226, 227, 242, 249, 287, 289, 293, 302, 332, 366, 379, 387–389, 412, 416, 419–422, 430, 434, 441, 455, 464, 465, 471, 477, 480, 482, 487–489, 509, 511, 512, 521, 526, 531, 532, *590*
дирхем 9, 15, 31, 43, 45, 47, 48, 50, 55, 83, 84, 109, 117, 139, 142, 144, 145, 149, 152, 191, 202, 204–206, 223–225, 248, 282, 312–314, 332, 338, 366, 374, 388, 395, 416, 422, 427, 434, 445, 455, 458, 461, 464, 470, 478, 482, 486, 487, 499, 511–514, 554, 570, *588*, *599*, *600*, *610*, *611*
дихкан (дехкан) 26, 28, 30, 43, 46, 53, 56, 73, 109, 117, 163, 224, 228, 229, 248, 326, 361, 387, 412, 414, 471, 481, 535, 541, 550, 556, *592–594*, *605*
Дук 391, 393, 397, *632*
Дьяконовы И. М., М. М. *619*

Евангелие *632*
Европа *618*
Евфрат 250, 365, *601*, *603*, *614*, *624*, *631*
Египет *см.* Миср
Егише Вартапет
Ездигерд II *см.* Йездгерд, сын Бахрама Гура
Ездигерд III *см.* Йездгерд

Елан Сине 258, 273, 284, 286, 300, 302, 305, 306, 310, 327, 348, 396–399, 403, 404, 408, 418, 439, 446, 448, 450, 451
Еруслан Лазаревич 626

Забул, Забулистан 14, 15, 26, 460, 539, 552, 592, 626
Зав 596
Заверган 611
Задфаррух 1) 255
Задфаррух 2) см. Фаррухзад 1)
Заль 516, 626, 630
замзама *см.* земзем
Зангуй 1) 403, 461, 632
Зангуй 2) 430
Зарасп 204
Заратуштра *см.* Зардошт
Зарван 110–115
Зардошт 35, 72, 335, 339, 357, 412, *597*, *605*, *607*, *613*
Зардхишт 241, 242, 625
Зарема *634*
зарир 241, 272, *625*
Зарк 557, 559, 565
Заруй 560
Зем 118, 140
земзем 62, 110, 144, 409, 413, 522, *603*, *601*
Зенд 31, 84, *594*, *608*, *609*
Зенд-Авеста 35, 62, 72, 84, 99, 253, 357, 361, 392, 416
Зиби Хосров 69, 603, *604*; *612*
зич 377, *631*
зороастризм, зороастрийцы *582–589*, *592*, *594*, *597*, *605*, *607*, *609–611*, *613*, *615–617*, *619*, *628*, *630*, *633*
Зохак 30, 339, 356, 358, 478, 516, 561, *588*, *593*, *594*, *601*
Зохра, планета 296, 528
Зохра *см.* Суфрай
зуннар 178, *620*

Иберия *632*
Иераполь *603*
Иерусалим *583*, *633*
Изед *см.* Йездан
Изед Гошасп 1) 240, 241, 245
Изед Гошасп 258, 273, 284, 286, 294, 295, 300, 306, 327, 396, 399, 403, 404, 408, 418, 446, 448, 450
Иисус *см.* Иса
император *см.* кейсер
Инд 618
Индия *см.* также Хинд *588*, *613*, *617–619*, *621*, *633*
Иностранцев К. *610*
Иоанн Эфесский *611*
Ирадж 379, 466, 478, 561, *631*
Ирак 42
Ираклий, император *633*
Ирам *600*
Иран везде
Иран – не Иран 334, 343, 466, 505, 508, *629*
Иса *см.* также Масих 60, 77, 79, 80, 82, 220, 379, 383, 386, 413, 414, 464, 467, 469, 504, 515, *607*, *633*
Искендер 60, 227, 336, 338, 358, 375, 470, 479, 583, *594*, *601*, *602*, *606*, *630*, *635*
Испандормоз *см.* Сипандормоз
Истад 62
Истахр 22, 35, 247, 416, 532, *591*
Истеми *626*
Исфаган 42, 247
Исфандиар, Исфандьяр (Исфендиар) 252, 259, 311, 315, 381, 432, 516, 561, *614*, *628*
Исфандормозд *см.* Сипандормоз
иудеи 79, 110–112, 114, 115, 206, 287, *605*

Йездан, Изед 7, 8, 11, 16, 18, 20, 26, 33, 35, 36, 38, 41, 44–46, 48, 50, 53, 61, 63, 73, 74, 79, 80, 91, 93, 101, 104, 105, 107, 113, 115, 123, 128, 132, 133, 138, 139, 142, 144, 148–150, 153, 155, 163, 164, 168, 177, 197, 200, 205, 206, 209, 211, 214, 216–220, 222, 224, 230, 239, 243, 255, 256, 258, 263, 271, 273, 274, 277, 281, 282, 289, 291, 296–298, 306, 307, 311–313, 318, 324, 326, 329–331, 333–335, 337–339, 342, 343, 349–351, 353, 354, 360, 361, 366, 367, 369–371, 373, 376, 377, 379–382, 385–389, 403–405, 407, 411, 413, 416, 424–426, 428, 429, 431, 433, 434, 438, 439, 442, 445, 449, 453, 457, 463, 464, 466, 468, 469, 476, 493, 494, 503, 504, 506, 508, 510, 513–515, 520, 527, 528,

549, 550, 552, 554, 560, 562–564, *587*, *590*, *599*, *607*, *614*, *616*, *629*
Йездгерд I, отец Бахрама Гура 141, *585*, *602*, *614*
Йездгерд, сын Бахрама Гура; Ездигерд II 5–7, *583–585*, *614*, *636*
Йездгерд, Ездигерд III 229, 537, 538, 545, 547, 551, 555, 556, 560, 562–568, 570, 574, *582*, *636*
Йездгерд 101–103, 106, 121, 123, 126, 132, 163
Йемен 71, 202, 254, 294, 296, *583*
Йошуа Стилит *589*

Кабардино-Балкария *601*
Кабул 14, 618
Кавад *см.* Кобад
Каве *593*, *594*, *625*
Каве[янское] знамя, Кавеяни 61, 238, 473, 519, *603*
Кави *см.* Каве
Кавказ *590*, *601*
Кавус, кеянид *см.* **Кей-Кавус**
Кавус, сын Кесры Нушинравана *597*
Кадиси, Кадисия 538, 539, 542, *636*
Казерун *595*
Кайван (Кейван) 131, 182, 208, 386, 479, 481, 486, 538, 552, *603*, *606*, *632*
Кайс сын Хариса 365
Калила
«Калила», «Калила и Димна» 187, 190–192, 325, 476, *621–623*, *629*, *631*
Калиниус 67, 69, *603*
Каллиник *см.* Калиниус
калям 128, 224, 359, 360, 380, 428, 454, *612*
Канаранг *603*
Кангдеж 516
Каннаудж, Каннудж 156, 158, 161–163, 188, 191, *618*
Каппийский лев 423, 425, 426
Карахан 206
Карачай 601
Карен, Карениды 309, 516, *588*
Карзи 367, *631*
карнай 172, 176, 222, 400, *620*
Карсан 367, *631*
картос 234, *624*
Карх 547
касаб 566, *633*
Каспийское море, Каспий, Прикаспий *586*, *589*, *600*, *601*
катиб 574, *636*
Кафиринган *586*
кафши 183, 222, 224, 282, 541, 558, 565, *621*
Качкар-баши 118, 140, 571
Кашмаган 553
Кашмир 164, 165, 175, 180, 185, 553, *618*
Кашмихан 17, *590*
Кедрин *634*
кедхода *см.* кетхода
кей; кеяниды; кеянский 30, 31, 60, 237, 308–310, 332, 336–338, 340, 359, 360, 373, 375, 381, 413, 473, 493, 509, 532, 548, 555, 561, *583*, *587*, *589*, *590*, *593*, *601*, *626*, *630*, *631*
Кей-Кавус, Кавус, кеянид 206, 259, 308, 309, 381, 439, 613, 626, 628, 530
Кей-Кобад, Кобад, кеянид 15, 310, 361, 373, 381, 414, 432, 516, *587*, *589*, *613*
Кей-Кобад *см.* Кобад, сын Пируза
кейсер 9, 57–61, 65, 66, 68–71, 74, 76, 79, 143, 196–199, 204, 220–223, 226, 227, 250, 252, 349, 350, 367–369, 371–377, 379–390, 399, 406, 410–415, 441, 462, 464–466, 468, 469, 471, 476, 491–494, 504, 514, 515, *584*, *588*, *599*, *601–603*, *624*, *626*, *631*, *632*, *635*
Кей-Хосров, кеянид 15, 140, 293, 340, 381, 432, 478, 516, 561, *589*, *593*, *613*, *627*, *629*
Келат 552
Керман 315, 416, *601*, *614*
Керманшах *634*
кесарь *см.* кейсер
Кесра Нушинраван, Хосров I Ануширван 29, 30, 34–40, 42–44, 47, 48, 50–52, 54–56, 58–61, 64–75, 78, 80–83, 85–90, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 103, 106, 109–115, 117, 120, 121, 124, 125, 128–130, 133–135, 137–144, 146, 151, 156–159, 161, 163, 187–191, 193–196, 198–204, 206, 208, 211, 214, 216–218, 220, 223, 226, 228, 229, 234, 240, 245–247, 250, 255, 279, 281, 310, 315, 323, 328, 331, 406, 415, 416, 467, 514, 537, 544, 552, 562, 566, 573, *585*, *591*, *593*, *594*, *597*, *598–608*, *611*, *612*, *614*, *618*, *621*, *623*, *624–626*, *632*, *636*
кетхода 165, 229, 230, 433, 434, *620*
кешк 408, 409, 433, 558, 559, 564, *632*
кешкин 352, *631*
Кеюмарс 79, 208, 373, 381, 387, 414, 466, *583*, *606*
кеяниды *см.* **кей**
Киблуй 539
киндиты *602*
Киркензиум *см.* Карсан
Кировабад *613*
Китай *см.* также **Чин** *589*
Кишман *590*
Клима О. *591*, *595*
Книга Димны *см.* «Калила и Димна»
Кобад, сын Пируза, Кей-Кобад; Кавад 9, 12, 13, 19–39, 43, 44, 59, 208, 209, 222, 235, 247, 309, 378, 381, 394, 415, 460, 514, *589*, *590–597*, *599*, *602*, *611*, *615*, *632*
Кобур *631*
Колун 433, 435–437, 440, *633*
Конда-Гошасп 258, 273, 305, 307
Конрад Н. И. *578*
Константинов град, Константинополь 377, *631*
Копьеносные бойцы *см.* арабы
Коран 544, *601*, *633*
Кохандеж 18, *590*
Краса Рума, Украшение Рума 65, 66
Кристенсен А. 591, *608*
Ктезифон *см.* Тайсафун *591*, *604*, *628*
Кудж 143, *614*
кулах 6, 15, 155, 164, 174, 184, 222, 226, 296, 309, 336, 342, 465, *586*
Кум 42
Кура *613*, *629*
курды *593*
Кут 390, 396–399

Кушан, кушаны 119, 121, 337, 436
кыбла 387, *632*
Кызылсу *586*
лажвард (лажверд) 226, 248, 268, 346, 349, 360, 383, 481, 506, 510, 546, 566, *625*
Лажвард, клад 480, *625*
Лазика *583*
лахмиды *601*, *602*
Лахути Абулькасим *578*
Лахути Ат. *579*
Лахути Л. *580*
Лохрасп 252, 293, 335, 381, 478, 561. *614*, *629*, *630*
Луконин В. Г. *579*, *634*
Льва созв. 176, 480

Мавераннахр *623*
Маврикий *626*, *631*, *632*
Луконин В. Г. *579*, 634
Магуй Сурийский 549, 551, 555–557, 559–561, 563–566, 568–573. *636*
Мадаин (Медаин) *см.* также Тайсафун 31, 57, 68, 74, 78, 124, 144. 193, 222, 249, 485, *591*, *628*
Мазандаран (Мазендеран) 223, 539. *630*
Маздак, маздакизм, маздакиты 31–37, *591*, *592*, *595–597*, *616*
«Маздак-намак» *596*
Май, отец Талханда 165, 168, 169, 171
Май *см.* также Маймург 119, 156. 185
майдан 69, 116, 146, 295, 314, 362, 363, 371, 462, 534, 545, 552, *600*, *603*
Маймург *613*
Мани 294, 417, 484, 530, 627
Макатуре 419–421, 423, 433, 434
Мамун 192, *622*
манджаник 223, *603*
Мани 312. *612*
Мансур *622*, *628*
Мануй 368
Манучехр (Менучехр) 340, 343, 478, 561, *600*, *630*
маншур 289, 458, *627*
Мардан-шах 524
Мардуй 206
Мардуй 482
марз 221, *589*, *624*
марзбан 14, 62, 77, 156, 251, 255, 256, 265, 290, 449, 457, 465, 551–553, *589*, *592*, *598*, *606*, *618*, *625*, *626*, *629*, *631*
Марр Ю. Н. *627*, *636*
Марс *603*
Мар-Испанд, Мар-Сипанд 501, 504
Мартирополь *594*
Маршак Б. С. *579*
Мары *590*
Марьям 386
Марьям, дочь кейсера Рума 388–390, 405, 406, 413, 414, 464, 470, 476, *632*
Масих, Мессия, Христос 69, 72–74, 220, *605*, *607*, *633*
Мас'уди *631*
Мах 238, *625*
Мах-Азер 240
«Махасин» *635*
Махбуд 109–115, *611*, *612*
Махмуд см. также Абу ль-Касим 82, 192, 208, 211, *607*, *608*, *622*, *623*, *636*
Махруй 363
Мачин 126, 498, 564, *613*
Мебод *611*
Медина *636*
Мекка *636*
Мекран 160, 479, 498, *601*, *618*
Мерв 15, 16, 84, 85, 139, 205, 250, 312, 435, 436, 443, 444. 446, 450, 551, 557, 566, 570, *590*, *636*
Меркурий *см.* также Тир *632*
Месопотамия *603*

Мессия *см.* Масих

Мехр-Азер 35
Мехрак, предок Шапура 24
Мехрак 204
Мехран 1) 63
Мехран 2) 261
Мехран-Ситад 133, 134, 136–139, 142, 144, 238, 252, 253, 255, 256, *613*
Мехран-Ситад 366
Мехрас 70, 71
Мехр, Мехрган 43, 238, 282, 512, 520, 526, 555, *599*, *625*
Мехрнуш 1) 77
Мехрнуш 2) 561
Мехр-Хормозд 520–522
Милад 333, 337, *588*, *629*, *630*
миль 55, 172, 183, 186, *601*
минбар 208, 540, 573, *623*
Минорский В. Ф. *634*
Мируй 539
ибн Мискавейх *614*, *623*
мискаль 480, *634*
Миср 365, 470, *631*
Митридат *630*
Михран, род *591*, *592*, *630*
Мишсар 480, 481, *634*
мобед 5, 13, 19–21, 23, 26, 33, 34, 36, 38, 40, 43, 46, 47, 51, 54, 61, 62, 68–70, 74. 83, 87, 88, 90, 94, 97, 98, 101, 103, 104, 106, 109, 110, 113, 114, 117, 121, 123, 128, 132, 137, 141, 142, 144–146, 148, 150, 155–159, 161–163, 165–167, 169, 185, 192, 194, 197–201, 204–207, 211, 215–217, 221, 223, 227, 228, 230, 231, 234, 240–245, 247. 251, 254, 261, 293, 299, 303. 307, 322, 326, 333, 335, 343, 374–377, 418, 441–443, 457, 458, 461, 463, 474–477, 485, 487, 510, 538, 548, 549, 554, 560, *584*, *585*, *589*, *597–600*, *605*, *608*, *611*, *618*, *629*, *630*
Могучий *см.* Ростем
Моин М. *585*
Монзер 57–59, *601*, *602*
мордва *635*
мохре 160, *618*
Моштари 60, 139, 211, 238, 296, 301, *602*, *624*
Ибн аль-Мукаффа Абдаллах *606*, *622*
Мултан *618*
Мург (Марг) *см.* также Маймург 119, 178
Мургаб *590*
Мусиль 364, 391, 392, 401. *631*
мусульманство, мусульмане 544, *582*, *590*, *591*, *606–608*, *615*, *623*, *632*, *636*
Мухаммад *545*, *546*, *607*, *622*, *623*, *624*, *636*
мухаррам 228, *624*
Мушег *см.* Мусиль

Наваби Х. *615*
Навбахар (Навбехар) 68, *603*
Навои *633*
намаз 462
Нарван 449, 453, 467, 548
нарды 159–162, 462, *618*
Нарсай *632*
Нарси(Нерси) 141, *614*
Наср, Наср II ибн Ахмад 192, *622*, *623*

Настуд 525
Настух 252, 345, 408, 410
Нахид 72, 452, 480, 481, *605*
Нахраван 325, 327, 328, 343, 347–350, *629*
Неварташир *618*, *619*
Нельдеке Т. *581*, *582*, *591*, *604*, *607*, *608*, *611*, *612*, *630*, *632*
Неру Дж. *578*
несториане *606*
Низам аль-Мольк *591*, *596*, *611*
Низами Арузи Самарканди *583*, *607*
Низами *625*, *633*
Нил 61, 74, 126, 129, 222, 276, 363, 393, 401, 557, 517, *613*
Нимруз 116, 393, 465, *612*
Ниса 204, ***623***
нисар 117, 125, 131, 139, 143, 156, 196, 226, 228, 368, 412, 482, ***612***
Нисибин, Нисибис *624*, *632*, *636*
«Нихайат ал-Араб» *630*
Ницефориум *см.* Калиниус
Нишапур 312, 555
Ниятус 389–391, 397, 398, 404, 405, 413–415, 514, 632
Новзар 343, 358, *613*, *622*, *630*
новруз 31, 45, 282, 376, 466, 481, 482, 487, 488, 512, 520, 526, 553, 555, *594*, *630*
Нушзад 71–82, *587*, *604–607*

Овпа созв. 480
Омар 250
Омар халиф 538, 540, 573, *636*
Ормозд, Ормузд 173, 194, 394, 493, 512, 515, *616*, *618*, *632*
Ормозд 403
Осетия *601*
Османов М.-Н. О. *579*
остадан *607*
Оштад 1) 403
Оштад Гошасп 2) 503–507, 517

пайдавси (пейдавси) 470, 512, *633*
Пайканд 17, *590*
Пайкари горд 483, *634*
Пальмира *602*
Папак *см.* Бабак
Парвиз *см.* Хосров Парвиз
«Парвиз-Намак» *634*
Парвин 228, *614*, *624*
Пармоде 269, 280–286, 288–290, 292, 294–297, 305, 313, *628*
Парс, парсийсы 23–26, 31, 35, 42, 268, 269, 337, 358, 484, 485, 554, *595*, *597*, *630*
Парфия, парфяне *591*, *592*
Патрикий *606*
пахлаван 23, 25, 201, 205, 254, 257, 258, 260–263, 265, 273, 279, 281, 284, 289, 290, 291, 297, 299–302, 304, 306, 308, 310, 312, 316, 318, 327, 328, 364, 422, 429, 503, 528, 541, 544, 545, 556, 557, *591*, *626*
Пашан 482, *634*
Пашанг *613*
Пероз-Шапур *631*
перс 331, 394, *586*, *592*
Персеполь *591*
Персидский залив *592*
пехлеви[йский], ср.-персидский 44, 128, 146, 161, 192, 211, 380, 397, 441, 465, 473, 483, 492, 501, 505, 519, 523, *582*, *583*, *585*, *599*, *609*, *617*, *622*, *626*
Пигулевская Н. В. *591*, *606*
Пиран *627*
Пируз, сын Йездгерда I 6–22, 122, 141, 309, 315, 359, 379, 394, *586–590*, *593*
Пируз 2) 78–81
Пируз 3) 528–530, 534
Пируз 4) 544
Пируз-Гошнасп *636*
Пируз-Рам 9, *588*
пишдадиды *606*
Платон 377, *631*
Плеяды, созв. *см.* Парвин, Сорайя
Плутарх *620*
«Повесть о Варлааме и Иосафе» *621*
Пор *см.* Фур
Прокопий Кесарийский *581*, *586*, *589*, *592–594*, *597*, *603–606*, *611*, *621*, *623*
Птицып Г. В. *585*
Пульвар *591*
Пуран, Пурандохт 534, *635*
Пушкин А. С. *633*

рад 5, 30, 40, 43, 61, 62, 83, 98, 103, 141, 145, 157, 158, 199, 205, 230, 416, 489, 503, 510, 535, 584, 585
раджа 156, 158–163, 188, 190, 191, *584*, *617*, *618*
Радкух 552, 554
Рад-Фаррух 358
Размехр 27, 28, 30, 36, 309
Рак, созв. 67
Ракка *см.* Каллиниус
Рам 399
Рам-Борзин 1) 38
Рам-Борзин 2) 74, 78–82, *598*
Рамборзин 3) 416
Рам-Пируз *588*
рат *585*
раш 273, 479, 481, 485, 487, *627*, *635*
ребат 351, *631*
Рей 9, 24, 299, 307, 311–313, 336–338, 410, 439, 457–460, 550, 555, 556, 562, *588*, *592*, *626*, *628*, *630*
Рипка Я. *583*
Ростем, сын Заля, Тахамтан 259, 260, 308, 316, 338, 340, 432, 516, *593*, *613*, *626–628*, *630*
Ростем 495, 538, 542, 544–547, 551, 555, *636*
Рошан-Пируз *588*
рубаб 202, *623*
руд 162, 311, 482–484, 520, 530, *619*
Рудаки 192, *617*, *622*
Руз-и Хормизд *см.* Хормозд день
Руин-Деж 311, 552, *628*
Рум, румийцы *см.* также Византия 30, 31, 42, 51, 53, 57–62, 64–72, 78, 79, 116, 120, 122, 125, 126, 136, 143, 145, 160, 196–202, 204, 205, 220–223, 226–228, 250, 251, 270, 305, 336, 348–351, 355, 356, 358, 360, 361, 364, 367, 368, 371, 374–376, 378–382, 385, 388, 389, 392, 394–396, 398–400, 402, 405, 411–415, 430, 455, 460, 464–466, 470, 474, 479, 481, 485, 486, 487, 489, 490–493, 503–505, 512, 514, 525, 527, 529, 530, 535, 553, 568, *593*, *595*, *599*, *601–604*, *606*, *613*, *624*, *631*, *632*
Румаган *см.* Зиби Хосров
ал-Румийе *см.* Зиби Хосров
русы 489
рух 157, 159, 186, *618*
ар-Руха *см.* Эдесса

Рыба 58, 127, 173, 334, *602*, *613*
Рыбы созв. 226, 537, *602*

Саад Ваккас 538, 542, 544, 546, 547, 551, *636*
Саади *614*, *625*
Саалиби *595*, *596*, *619*, *625*, *627*
сабз-дар-сабз 483, *634*
Саве 106
Саве-шах 249–253, 256, 257, 259, 261–270, 272, 274–277, 279–283, 285, 286, 305, 309, 313, 337, 339, 342–344, 356, *625–628*
Саде (Седе) 21, 282, 337, 416, 526, 553, *594*, *595*, *607*
Сакейлан 223
Саклаб 145, 469, *614*
салар 19, 206, 570, *590*
саларбар 24, 34, 112, 142, 145, 244, 281, 482, *591*, *611*
Сальм 378, 381, 406, 468, 470, *631*
Сам 315, 343, *630*
саманиды *626*
Самарканд 12, 140, 467, 556, 570, *589*, *612*, *613*
Сандал, Сандали 164, 165, 168, 170, *618*
Сарандиб, Цейлон *601*
сарбан 365, 446, 464, *627*
Сари 52, 308, 449, 478, 548, *601*
Сарифин *618*
Саркаш 481, 483, 484, 489
Сарудж 143, *614*
Сасан, сасаниды 52, 313, 336, 340, 375, 393, 394, 430, 438, 532, 534, 539, 540, 541, 562, *582*, *583*, *585–588*, *590*, *591*, *594*, *598*, *602*, *603*, *606*, *610*, *621*, *624*, *629*, *630*
Сатурн *см.* Кайван
Селевк I *591*
Селевкия *591*
Сеос *592*
Сергес 390, 399, *632*
Сергий, св. *603*, *632*
Сиавуш 259, 293, 296, 444, 516, 561, *626*, *627*
Сильджибу *612*
Симах Борзин 244, 245
Симокатта Ф. *605*, *624*, *628*, *630*, *631*
Синар 359
Синд 156, 161, *618*
Синджибу *612*, *626*
Сипандармоз, Испандормоз день, месяц 431, 537, 574, 575, *609*, *632*, *636*
Сипехбед 496, *607*
сипехбед 14, 23, 46, 179, 201, 257, 259, 260, 263, 265, 266, 270, 275–277, 279, 284, 289, 291, 294, 299, 300, 304, 311, 312, 345, 352, 382, 436, 438, 440, 445, 454, 456, 491, 511, 530, 550, 552, 564, *589*, *590*, *603*, *607*, *620*
сипехдар 181, 223, *606*, *620*
Сириус *см.* Шабаханг
Сирия *см.* также Шам; сирийцы 586, *601–605*, *608*, *624*
Систан *612*, *622*, *626*
Сиямак (Сиямек) *606*
«Сиясат-наме» 536, *636*
Сияхчашм 536, *636*
Согд, согды 118, 119, 124, 140, *613*
соллаб 538, *636*
Сорайя (Сорейя) 145, *614*
Сохраб *593*
Соруш 129, 313, 405, *613*, *628*, *632*
Спандармат *618*, *636*
Ср. Азия *590*, *613*, *626*
Стариков А. А. *578*
Степь всадников, Степь наездников 57, 124, *602*
Степь копьеносцев 58–60, 126, 250, 315, 543, *602*
Судабе *626*
Сузиана *592*
Сузы *595*
Сура *603*
сурийцы 539, 555–557, 568
Суристан *612*
Сурсан 115, 117, *612*
Сурудж *614*
Сурхан-Дарья *586*
Суфрай 9, 14–21, 23–27, 309, 394, *588*, *590–592*
Сухте 489, *635*
Сыр-Дарья *589*, *612*

Табари *582*, *585*, *587*, *588*, *589*, *592*, *593*, *595*, *600*, *601*, *612*, *618*, *623*, *625*, *627*, *629–639*, *635*, *635*
табарцы 539
табут 82, 183, 184, 440, 567, *607*
Таджикистан *579*, *633*
тазийцы *см.* арабы
Тайсафун, Тисфун 22, 24–26, 30, 140, 142, 144, 227, 247, 261, 262, 270, 313, 314, 318, 320, 348, 358, 499, 501, 504, 519, 530, 551, 553, *591*, *614*
Такдис 478, *634*
Так-и Бостан *634*
Талханд 164, 165, 167, 168, 180–187, *619–621*
Таммише (Теммише) *601*
Таммуз 237, 352, *624*
Тарак *589*
Тархан 556
Тахамтан *см.* Ростем
Тахаре 403, 417
Тахмурас (Техмурес) 79, 387, 432, 466, 516, *606*, *607*
Тахт-и Сулейман *598*
Ташкент *589*
Тегеран *588*
Тельца созв. 83
Тераз 462, 527, *633*
Термез 6, 118
Тертер *613*
Тигр *691*, *624*, *625*, *628*
тилисм 383, 385, *632*
Тир, планета 481, 538, *634*
Тисфун *см.* Тайсафун
Товорг 446, 447, 456
Тохар 347, 376, 495–497
Тохаристан *586*, *612*
Тур 378, 406, 468, 561, *613*
Туран, туранцы, тюрки 9, 10, 12, 16, 19, 21, 31, 52, 53, 121, 141, 145, 245, 247, 251, 252, 254, 259, 264, 265, 268, 269, 272, 274, 277–280, 283–290, 305, 309, 310, 340, 346, 418–422, 425, 429, 433, 435, 440, 444–447, 455, 466, 467, 489, 490, 541, 549, 550, 554, 557, 558, 562, 569, 571, *590*, *601*, *608*, *612–614*, *626*, *629*, *631*, *633*, *636*
Туркменская ССР *590*
Турция *614*
Тус 309, *605*, *621*, *626*, *630*
Тус, город 551, 553, 555, *582*
Тутунджян Т. А. *578*

ал-Узайб *618*
Украшение Рума *см.* Краса Рума
унван 220, 221, 380, 453, 466, *599*
Урфа *614*

Фабрикос *604*
Фаганиш 6
Фаганиш, сын Хушнаваза 120, 134, 141, *586*
Фагфур, сын Саве-шаха 265, 266, 272, 281
фагфур 126, 128, 254, 549, 557, 561, *613*
Фандж 118
Фараин-Гораз 490–494, 529–533, 563, *633*, *635*
Фаран 486
Фарахин 36
Фарвардин (Фервердин) 8, 459, 462, 481, *588*
фарзин 186
Фаригин 31, *594*
Фаридун (Феридун) 30, 35, 52, 279, 328, 339, 349, 373, 381, 406, 466–468, 478, 516, 525, 531, 537, 548, 561, *588*, *593*, *594*, *601*, *609*, *613*, *629*, *631*, *632*
Фарос *635*
фарр 7, 8, 48, 72, 82, 90, 131, 142, 199, 208, 212, 261, 307, 315, 318, 499, 519, 537, *587*, *588*, *592*, *606*, *615*, *620*, *629*
Фаррух *см.* Фаррухзад 1) Азермаган
Фаррухзад 1) Азермаган 357, 358, 403, 465, 490, 491, 493–497, 500, 501, 514, 521
Фаррухзад 2), царь 535, 536, *635*
Фаррухзад 3) 547–550, 553, 556
Фарс, фарсийцы, фарсы 265, 269, 270, 358, 420, 478, 485, 512, *592*, *618*
фарсанг 67, 82, 116, 283, 366, 448, 516, *603*
фарси, фарси-и дари 192, 246, 470, 471, 505, 528, *623*
Фаруд 525
Фархад 62
Феодосий *632*
Феодосиополь *594*
Фирдоуси 416, 634
Фируз *см.* Пируз
Фирузабад *597*
Форфириус 66, 69
Фур, Пор 164, *620*

Хабаши (хебеши) *635*
хаджиб 110, 112, *611*
Хазар[ия], хазары 42, 250–252, 467, 469, *618*, *624*, *635*
Химс *см.* Эмесса *604*
Хазарван 357, 358
Хазра 489, 512, *635*
Хайтал, хайталы, эфталиты 6, 7, 10, 16, 21, 28, 29, 117–124, 126, 128, 141, 160, 221, 282, 359, 429, 461, 467, *586*, *589*, *590*, *612*
Хайям *585*, *606*
хакан 117–126, 128–141, 220, 226, 245, 247, 253–255, 286, 288, 289, 291, 292, 294, 295, 297, 312, 327, 337, 340, 376, 377, 418–425, 427–437, 439, 440, 442–444, 446, 447, 450, 451, 455, 549, 550, 561, *612*, *625*
Халаб 223, *603*, *624*
халиф *607*, *622*, *636*
Халману *624*
халук 459, *633*
Хамаваран 259, 308, *626*
Хамадан 317, *614*
Хамдан-Гошасп 273, 305, 307, 308, 327
Хамза Исфаханский, Абу Абдаллах Хамза ал-Исфахани *582*, *586*, *588*, *589*, *596*, *629*, *635*
хаммал 267, *627*
Хан 557
Хандия 31, *594*
Ханеги 465, 468, 471
Харбоне 553
Харун ар-Рашид *622*
Хасnуй 430, *633*
хатиб 208, *623*
Хатифи *633*
Хатлан 118, 140
хатун 423–425, 427, 433–436, 441, *613*
хашимиты 544, *636*
«Хватав-намак» *582*
Хиджаз (Хеджаз) 208, *618*
Хиджра 574, *636*
Хинд, Хиндустан. хинды *см.* также Индия 51, 53, 55, 116, 125, 126, 145, 156, 158–164, 173, 181, 183, 185, 187–190, 208, 226, 297, 385, 386, 400, 419, 466, 467, 469, 470, 485, 489, 509, 512, *601*, *619*, *621*
хиндский язык 312, *623*, *624*, *632*
Хира *601*, *602*, *636*
хирбед (хербед) 62, 176, 201, 282, 333, *603*, *619*
Хит *618*, *631*
Хозрой *см.* Хосров
хом 172, 400, *620*
Хомай 172, 328, *620*
Хорасан, вождь 357, 358, *623*
Хорасан, хорасанцы 42, 52, 122, 123, 204, 251, 312, 358, 416, 449, 461, 547, 549, 551, 553, 589, 590, 595, *605*, *622*, *623*, *632*, *636*
Хордад, божеств., день, месяц 43, 135, 209, 312, *599*, *611*, *613*
ибн Хордадбех *606*, *612*, *618*, *629*
Хорезм 53, 140, *632*
ал-Хорезми Мумаммад ибн Юсуф *631*
Хормизд-Арташир *592*
Хормоз(д) планета, день, месяц 45, 481, 532, 590, *609*
Хормоз, сын Йездгерда II 6, 7, 9, 12, 378, 415, *586*, *587*
Хормоз, планета 45, 481
Хормозд, Хормоз, сын Кесры Нушинравана 208, 228–230, 232, 234, 237, 238, 240, 242–250, 252, 256, 257, 261–265, 279, 281, 288, 294, 295, 297, 302, 304, 310, 311, 313, 314, 319, 320, 323, 331, 334, 335, 342, 348–351, 381, 406, 433, 461, 466, 508, *581*, *583*, *623–625*, *628*, *629*, *631*, *632*
Хормозд, мудрец 35
Хормозд, сын Хоррада 63
Хормозд Хоррад 560
Хоррад 36
Хоррад 345
Хоррад-Борзин 252, 263–266, 272, 274, 278, 291–293, 301–304, 328, 345, 366, 371–374, 381, 384–387, 389, 415, 417, 431, 433–436, 441, 466, 470, 503–505, 517, *632*
Хорре-Ардашир (Хорре-Эрдешир) *см.* также Гор, Фирузабад 35, 366, 367, *493*, *597*, *631*
Хосрау *см.* Хосров
Хоршид Хоррад 382, 403
Хосров, кеянид *см.* Кей-Хосров
Хосров I Ануширван *см.* Кесра Нушинраван
Хосров II Парвиз 248, 311–315, 319, 321–330, 334, 336,

340, 341, 343, 345–356, 358–362, 364–371, 374–377, 380–382, 388–410, 412–416, 427, 428, 430, 431, 433, 435, 439, 441, 448–451, 453–460, 462–466, 468, 471–479, 481, 482, 484–494, 496–503, 505–508, 514, 516–527, 529, 537, 562, *622*, *624*, *628–636*
Хосров, из войска Хосрова Парвиза 403
Хосров, мельник 558, 564
«Хосров и Ширин» *633*
Хосрой *см.* Хосров
Хотан, хотанцы 118, 121, 140, 141
храмы огня 31, 37, 61, 62, 282, 315, 337, 370, 392, 415, 416, 441, 526, *585*, *594*, *596–598*, *603*
христиане *см.* Христос
христианство, христова вера *см.* Христос
Христос *см.* Масих 69, 72–74
христиане, христианство 61, 69, 72–74, 77, 79, 80–82, 84, 206, 367, 370, 379, 412–414, 464, 467, 469, 470, 515, *604–606*
Хузистан, Хузийская земля *см.* также Ахваз 263, *592*, *604*, *605*
Хульван 31, *595*, *618*
Хульвандиз *595*
Хур день 360, *631*
хушанг (хушенг) 79, 466, 469, 516, 527, *606*, *607*, *609*
Хуше созв. 452, *537*, *633*
Хушнаваз 9–21, 26, 29, 120, 141, 309, 358, 361, 379, *589*
Хызр *632*

Цейлон, Сарандиб *601*

Чаган, чаганийцы 6, 29, 120, 140, *586*
чанг 139, 202, 205
Чарджоу *590*
чатр 156, 161, 556, *613*, *618*
Чач 11, 86, 117, 118, 121, 126, 128, 132, 140, 276, 416, 467, 570, *589*, *614*, *627*
Черный див *606*
чехрем 519, 535, *635*
Чин 10, 19, 21, 30, 117, 118, 121, 123–135, 137–140, 144, 145, 160, 164, 165, 173, 175, 180, 221, 226, 252, 253, 280, 286, 289, 294, 296, 298, 312, 337, 338, 343, 352, 408, 410, 418, 419, 424, 425, 427–433, 435, 439–442, 445–448, 454, 461, 466, 467, 469, 470, 479, 481, 485, 489, 498, 503, 507, 511, 527, 549, 550, 553, 557, 564, 572, *589*, *612*, *632*
чинский язык 125, 132
Чирчик *589*
Чичаст 391
човган 260, 362, 371, 462, *627*, *631*
Чубин, Чубине см. Бахрам Чубине

Шаабе 545, 546
Шабаханг *см.* также Сириус 382, *632*
шабистан (шебистан) 111, 133–135, 138, 139, 142, 253, 455, 472, 475, 476, 519, 523, *611*
Шагуй 164, *620*
Шадан-Борзин 187, *621*
шадвард 487, *635*
Шадган 524, 526
Шаддад *601*
Шам *см.* также Сирия 71, *602*, *604*, *618*
шаммас (шеммас) 79, *606*
шанбалид (шенбелид) 112, 130, 313, 321, 330, 351, 373, 413, 498, 519, *611*
Шапур I 378, *592*, *601*, *605*, *614*, *621*, *629*, *631*
Шапур II 141, *595*
Шапур III 590
Шапур из Рея 24–26, 591, *592*
Шапур, мудрец 101, 121
Шапур 326, 345, 371, 372, 381, 384, 389, 393, 400, 402, 416
шатрандж 156–159, 161, 164, 187, 462, *617*, *619*
шах, шаханшах (шахиншах), падишах везде
Шахак 296
Шахнаме 574
Шиз *598*
Шираз *597*
Шируй 1) 62, *603*
Шируй, Шируйе *см.* Кобад Шируйе
Шураб 69, *603*

Эдесса, ар-Руха *631*
эфталиты *см.* хайталы

Юстиниан *602*

Янсу-тегин *626*

СОДЕРЖАНИЕ

Сасаниды 5

Царствование Йездгерда, сына Бахрама Гура, длилось восемнадцать лет (*Пер. Ц. Б. Бану-Лахути*) 5

Царствование Хормоза, сына Йездгерда, длилось один год и один месяц . . 6

Восшествие на престол Хормоза и лишение его престола Пирузом . . . 6

Царствование Пируза, сына Йездгерда, длилось двадцать семь лет 7

Восшествие Пируза на престол и засуха в Иране 7

Битва Пируза с туранцами 9

Послание Хушнаваза Пирузу 10

Гибель Пируза во рву 12

Царствование Балаша, сына Пируза, длилось пять лет, один месяц и шесть дней 13

Наставление Балаша иранцам 13

Суфрай пишет послание Хушнавазу 14

Битва Суфрая с Хушнавазом 17

Возвращение Кобада в Иран 20

Царствование Кобада, сына Пируза, длилось сорок лет 22

Восшествие Кобада на престол и его наставление знати 22

О том, как Суфрая оклеветали иранцы перед Кобадом 23

Иранцы заточают Кобада и возводят на престол брата его Джамаспа . . 27

Кобад спасается бегством и находит убежище у хайталов 28

Возвращение Кобада из Хайтала, рождение Кесры Нушинравана и восшествие Кобада на престол 29

Кобад принимает учение Маздака 31

Кесра казнит Маздака 34

Кобад объявляет Кесру своим наследником и знатные нарекают его Нушинраваном 37

Жалоба поэта на старость 39

Царствование Кесры Нушинравана длилось сорок восемь лет 40

Наставление Нушинравана иранским вождям 40

Кесра делит царство на четыре части и устанавливает закон о податях 42

Кесра пишет своим сановникам 44

Сказ о Бабаке, мобеде Кесры 47

О справедливости и мудрости Нушинравана 50
Нушинраван объезжает свою державу 52
Кесра воздает должное аланам, белуджам и гилянцам 54
Монзер Аравийский просит помощи против кейсера Румийского 57
Послание Нушинравана к кейсеру Рума 59
Ответ кейсера на послание Нушинравана 60
Поход Нушинравана против кейсера 61
Нушинраван завоевывает крепость в Руме 64
Битва Нушинравана с румийцем Форфуриусом 66
Нушинраван строит город, подобный Антакие, и поселяет в нем румийских пленников 68
Кейсер просит Нушинравана о примирении 69
Посольство кейсера к Нушинравану с данью 70
Сказ о Нушзаде – сыне Нушинравана и о матери Нушзада – христианке . . 71
Недуг Нушинравана и смута, учиненная Нушзадом 73
Послание Нушинравана Рамборзину, правителю области Мадаин 74
Битва Рамборзина с Нушзадом и наставление Пируза Нушзаду 78
Битва Рамборзина с Нушзадом 80
Сон Нушинравана и появление во дворце Бузурджмехра 83
Бузурджмехр истолковывает сон Кесры 85
Пир Нушинравана с мобедами и наставления Бузурджмехра 87
Второй пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 90
Третий пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 94
Четвертый пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 98
Пятый пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 101
Шестой пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 103
Седьмой пир Нушинравана с Бузурджмехром и мобедами 106
Сказ о Махбуде, везире Нушинравана 109
Изобличение колдовства Зарвана и иудея и гибель обоих 112
Нушинраван строит город Сурсан 115
Война хакана чинского с хайталами 117
Нушинраван узнает о событиях в Хайтале и ведет против него войско . . 120
Поход Нушинравана против владыки Чина 124
Послание хакана Чина Нушинравану 125
Ответ Нушинравана на послание хакана Чина 128
Послание хакана Чина Нушинравану с предложением отдать ему в жены свою дочь 130
Нушинраван посылает Мехран-Ситада на смотрины дочери хакана . . . 133
Хакан посылает свою дочь с Мехран-Ситадом к Нушинравану 137
Возвращение хакана и поход Нушинравана на Тайсафун 140

Возвращение Нушинравана в Иран с победой (*Пер. В. Г. Берзнева, стихи 6255–10366*) 142
Благоденствие народа в правление Нушинравана 144
Наставления Бузурджмехра Нушинравану 146
Раджа хиндский присылает шатрандж Нушинравану 156
Бузурджмехр изобретает нарды и Нушинраван отправляет его в Хинд . . 159
Мудрецы хиндского раджи не могут разгадать игру «нарды» 162
Сказ о Гове и Талханде и появлении шахмат 164
Речи Гова и Талханда о праве на престол 167
Война между Говом и Талхандом 170
Гов увещевает Талханда 172
Битва Гова с Талхандом 176
Вторая битва Гова и Талханда и смерть Талханда на спине слона . . . 180
Мать узнает о смерти Талханда и оплакивает его 183
Устроение игры в шахматы для матери Талханда 185
Барзуй доставляет «Калилу и Димну» из Хиндустана 187
Нушинраван гневается на Бузурджмехра и приказывает его заточить . . 193
Прибытие к Нушинравану посла от кейсера с ларцом 196
О решениях Нушинравана 201
Наставления Нушинравана сыну его Хормозду 208
Вопросы мобеда к Нушинравану и его ответы 211
Нушинраван пишет письмо сыну кейсера и получает ответ 220
Кесра ведет войско на Рум и берет в долг у купцов 223
Послы кейсера приходят к Нушинравану с покаянием и писаром . . . 226
Нушинраван объявляет наследником своего сына Хормозда 228
Вопросы мобедов и ответы Хормозда 230
Нушинраван пишет грамоту своему сыну Хормозду (*Пер. Ц. Б. Бану-Лахути*) 234
Царствование Хормозда длилось четырнадцать лет 237
Хормозд убивает Изеда Гошаспа и других отцовских приближенных . . 240
Хормозд убивает Симаха Борзина и Бахрама Азер-Механа 244
Хормозд обращается на путь праведности 247
Саве-шах идет войной против Хормозда 249
Хормозд по указанию Мехран-Ситада призывает Бахрама Чубине . . . 252
Бахрам Чубине прибывает к Хормозд-шаху 256
Хормозд назначает Бахрама Чубине пахлаваном 257
Поход Бахрама Чубине против Саве-шаха 261
Хормозд посылает к Саве-шаху Хоррада Борзина с ложным известием . . 263
Весть от Саве-шаха Бахраму Чубине 266

Саве-шах и Бахрам Чубине строят свои войска один против другого . . 268
Вторая весть от Саве-шаха Бахраму Чубине 269
Ответ Бахрама Чубине Саве-шаху 270
Бахрам видит сон и строит свое войско 272
Битва Бахрама Чубине с Саве-шахом 274
Бахрам Чубине убивает колдуна 277
Бахрам Чубине посылает Хормозду письмо с вестью о своей победе . . . 279
Битва Бахрама Чубине с Пармоде и бегство Пармоде в крепость Авазе . 283
Пармоде просит защиты у Бахрама Чубине 286
Бахрам Чубине просит у Хормозда охранную грамоту для Пармоде . . . 288
Бахрам Чубине гневается на Пармоде 290
Прибытие хакана к царю Хормозду 294
Хормозд узнает о нечестности Бахрама Чубине и заключает союз с хаканом 295
Хормозд посылает Бахраму Чубине прялку и женскую одежду 297
Бахрам показывается своему войску в женском одеянии 298
Бахрам Чубине видит свое счастье 299
Бахрам Чубине заводит у себя царский обычай 301
Хоррад Борзин извещает Хормозда о действиях Бахрама Чубине 302
Бахрам совещается с вождями о своем царствовании, его увещевает сестра его Гордие 305
Бахрам чеканит монеты с именем Хосрова Парвиза 312
Послание Бахрама Хормозду и бегство Хосрова Парвиза от отца 313
Хормозд посылает Аин-Гошаспа в поход против Бахрама 316
Гостехем и Биндуй ослепляют Хормозда 319
Царствование Хосрова Парвиза длилось тридцать восемь лет 321
Хосров восходит на престол и винится перед отцом 322
Хосров приходит к отцу 323
Бахрам Чубине узнает об ослеплении Хормозда и идет войной против Хосрова 324
Встреча Хосрова Парвиза с Бахрамом Чубине 328
Гордие наставляет своего брата Бахрама 341
Хосров Парвиз советуется с предводителями и мобедами 343
Ночное нападение Бахрама Чубине на войско Хосрова и бегство Хосрова Парвиза 346
Бегство Хосрова в Рум и гибель его отца Хормозда 348
Прибытие Хосрова в Рум 351
Бахрам, сын Сиавуша, приводит Биндуя к Бахраму Чубине 354
Иранцы советуются с Бахрамом Чубине о возведении его на престол . . 356
Бахрам Чубине восходит на престол 359
Бегство Биндуя из темницы Бахрама 361

Хождение Хосрова в Рум через пустыню и предсказание отшельника о его будущем 364
Прибытие Хосрова в Румийскую землю 367
Отшельник предсказывает будущее Хосрову Парвизу 368
Послание Хосрова Парвиза кейсеру Рума 371
Ответ кейсера на послание Хосрова 374
Послание кейсера Хосрову с отказом в помощи ему и ответ Хосрова . . 374
Второе послание кейсера Хосрову о помощи ему 376
Новое послание кейсера Хосрову 377
Хосров Парвиз посылает договор кейсеру 380
Румийцы придумывают хитрость для испытания иранцев 382
Хоррад-Борзин излагает хиндскую веру 385
Кейсер посылает войско и дочь к Хосрову Парвизу 388
Поход Хосрова в Азерабадган 391
Бахрам Чубине узнает о возвращении Хосрова и пишет послания иранским вождям 393
Бахрам Чубине ведет войско против Хосрова Парвиза и обращает в бегство румийцев 395
Битва Хосрова с Бахрамом Чубине и смерть румийца Кута 396
Битва Хосрова с Бахрамом Чубине 400
Третье сраженье Хосрова Парвиза с Бахрамом Чубине и поражение Бахрама 406
Бахрам Чубине бежит от Хосрова Парвиза к владыке Чина 408
Послание Хосрова Парвиза кейсеру с вестью о победе и ответ кейсера . 410
Ниятус гневается на Биндуя, Мариам их примиряет 413
Ниятус с румийцами возвращается из Ирана к кейсеру 415
Плач Фирдоуси об умершем сыне 417
Сказ о Бахраме Чубине и хакане Чина 418
Смерть Макатуре от руки Бахрама Чубине 421
Убиение дочери хакана чудовищем 423
Бахрам Чубине убивает Каппийского льва 426
Хосров Парвиз слышит вести о Бахраме и пишет послание хакану . . . 427
Хакан Чина выступает в поход 430
Хосров посылает к хакану Хорада Борзина 431
Хоррад Борзин подсылает Колуна к Бахраму Чубине 435
Смерть Бахрама Чубине от руки Колуна 436
Хакан узнает о смерти Бахрама и истребляет род Колуна 440
Хосров узнает о гибели Бахрама Чубине и награждает Хорада Борзина 441
Послание хакана Гордие сестре Бахрама и ее ответ 442
Гордие советуется со своими витязями и бежит из Мерва 444

Хакан посылает Товорга в погоню за Гордие, и Гордие убивает его . . . 446
Послание Гордие к Гардую 448
Хосров казнит Биндуя в отмщение за убийство отца 448
Гостехем восстает против Хосрова и сватается к Гордие 449
Смерть Гостехема от руки Гордие из-за уловки Хосрова и Гардуя . . . 451
Гордие пишет послание Хосрову и Хосров сватается к ней 454
Гордие являет свое искусство перед Хосровом 455
О причине разорения города Рей 457
Гордие устраивает потеху для Хосрова, и он дарит ей город Рей 459
Хосров разделяет свое царство и посылает войска к границам Ирана . . 460
Послание Хосрова кейсеру и ответ кейсера с просьбой возвратить крест Христов 464
Ответное послание кейсеру от Хосрова Парвиза 468
Сказ о Хосрове и Ширин 471
Хосров едет на охоту, видит Ширин и посылает ее в свой шабистан . . 472
Наставление знатных Хосрову 474
Ширин убивает Марьям. Хосров заточает Шируя 476
Сказ о возведении Хосровом Такдиса 478
Сказ о Барбеде-певце и царе Хосрове Парвизе 481
Хосров строит дворец в Мадаине 485
Сказ о величии Хосрова Парвиза 488
О начавшихся беззакониях Хосрова и об измене его войска 490
Иранское войско восстает против Хосрова и освобождает из темницы Шируя 491
Вожди выпускают Шируя из темницы 495
Хосров узнает о том, что совершило войско 497
Хосров Парвиз схвачен своим сыном Шируем и послан в Тайсафун . . 499
Царствование Кобада, сына Парвиза, длилось семь месяцев 502
Шируй восходит на престол, произносит наставление и посылает вождей к отцу со словами назидания 502
Хосров Парвиз посылает ответ Кобаду 508
Сочувствие Шируя Хосрову Парвизу и недовольство иранских вождей . . 517
Плач Барбеда о Хосрове 518
Вожди требуют от Шируя смерти Хосрова. Убиение его рукою Мехр-Хормозда 520
Сказ о Шируе и Ширин, жене Хосрова Парвиза, и гибель Шируя 523
Царствование Ардашира, сына Шируя, длилось шесть месяцев 528
Восшествие Ардашира на престол и его наставление вождям 528
Недовольство Гораза царствованием Ардашира и гибель Ардашира от руки Пируза, сына Хосрова 529

Царствование Фараина-Гораза длилось пятьдесят дней 531
Смерть Фараина от руки Шахран-Гораза 533
Царствование Пурандохт длилось шесть месяцев 534
Восшествие Пурандохт на престол, предание казни Пируза, сына Хосрова, и смерть Пурандохт 534
Царствование Азармдохт длилось четыре месяца 535
Восшествие на престол Азармдохт и ее смерть 535
Царствование Фаррухзада длилось один месяц 535
Восшествие Фаррухзада на престол и смерть его от руки раба 535
Царствование Йездгерда длилось шестнадцать лет 537
Восшествие Йездгерда на престол и его наставление вождям 537
На Иран нападает Саад Ваккас, и Йездгерд посылает Ростема сражаться с ним 538
Послание Ростема к Сааду Ваккасу 542
Ответное послание Саада Ваккаса Ростему 544
Битва Ростема с Саадом Ваккасом и гибель Ростема 546
Йездгерд совещается с иранцами и направляется в Хорасан 547
Послание Йездгерда Магую Сурийскому и марзбанам Хорасана 551
Послание Йездгерда марзбанам Туса 551
Йездгерд направляется в Тус, где его встречает Магуй Сурийский . . . 555
Магуй Сурийский подстрекает Бижена сразиться с Йездгердом; Йездгерд скрывается на мельнице 556
Магуй посылает мельника убить Йездгерда, мобеды отговаривают его от этого убийства 560
Смерть Йездгерда от руки мельника Хосрова 564
Восшествие на престол Магуя Сурийского 568
Бижен идет в поход против Магуя Сурийского 570
Битва Бижена с Магуем и гибель Магуя 572

Повесть о завершении книги «Шахнаме» 574

Приложения

Коротко об истории создания первого полного русского перевода «Шахнаме» 578
Примечания 581
Список сокращений 637
Указатель 639

Фирдоуси

ШАХНАМЕ

Том VI

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор *А. Н. Торопцева*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *И. В. Бочарова*
Корректоры *Н. А. Несмеева, Е. Л. Сысоева*

ИБ № 38267

Сдано в набор 22.11.88
Подписано к печати 14.03.89
Формат $70\times90^{1}/_{16}$
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 48,55. Усл. кр. отт. 49,72
Уч.-изд. л. 48,6
Тираж 30000 экз. Тип. зак. 2354
Цена 6 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ФИРДОУСИ · ШАХНАМЕ VI

ФИРДОУСИ
·
ШАХНАМЕ

6к.20к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"